ОГЛАВЛЕНІЕ.

Арх. Михаила.

I. Христосъ въ царствѣ машинъ.

II. Въ селѣ и городѣ (около борьбы труда и капитала).
Повѣсть изъ жизни священника на соціальныя тэмы.

III. Женщинѣ накануне́я освобожденія. (Настоящее и будущее женщины).

IV. Пророкъ христіанской свободы и свободнаго христіанства.
(Ламенэ и его «Слова вѣрующаго».

V. Христіанство и соціалъ-демократія.

VI. Какъ я сталъ народнымъ соціалистомъ?

Приложенія:

I. Свящ. Аггѣевъ. Возрожденный идеалисть въ миросозерцаніи современнаго общества.

II. Онтликъ. Достоевскій и соціальный вопросъ.

Архимандритъ МИХАИЛЪ.

Свобода и христіанство.
Томъ I-й.

„ХРИСТОСЪ ВЪ ВѢКЪ МАШИНЪ".

(Вопросы религіи и общественной жизни).

Складъ изданія „И. Д. Сытинъ" въ Москвѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Бережливость», Невскій, № 139.
1907

Архим. Михаилъ.

СВОБОДА И ХРИСТІАНСТВО.

ТОМЪ I-й.

„Христосъ въ вѣкъ машинъ".

(Вопросы религіи и общественной жизни).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907.

„Прав 38“

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
215777

Тип. Монтвида. Уг. Конной ул. и Телѣжнаго пер., д. 3—5.

НАУМАНЪ.

(Переводъ *С. Г.*)

Христосъ въ царствѣ машинъ.

Іисусъ Христосъ.

Господи Іисусе, какъ мало знаютъ Тебя люди. Они думаютъ, что Ты былъ чѣмъ-то вродѣ проповѣдника, говорящаго людямъ: тише, тише, молчите и предоставьте міръ своему теченію! О если-бы люди захотѣли почитать Евангеліе, они нашли бы здѣсь много удивительнаго. Они нашли бы здѣсь, что Ты бралъ бичъ и семь разъ восклицалъ: горе, горе! Мы забыли это. У насъ были Твои слова, но не было Твоего духа, Твоего мужества, Твоей прямой откровенности, Твоего божественнаго самоотверженія. Что сказалъ Ты тѣмъ, которые поѣдаютъ дома вдовицъ? Что изрекъ Ты о богатомъ землевладѣльцѣ? Какъ Ты обрисовалъ фарисеевъ? Господи, когда я вспоминаю, какъ Ты говорилъ съ богатыми людьми, какъ Ты стоялъ предъ первосвященникомъ, какъ Тебя обвиняли въ возмущеніи народа, я начинаю сомнѣваться, имѣемъ ли мы право, мы слабые, вялые, боязливые люди называться въ честь Тебя христіанами. Мнѣ представляется, что мы снова должны идти въ школу и учить, каковъ собственно былъ Іисусъ Христосъ. У Тебя святой гнѣвъ, пылъ, у насъ вялость. Будь милостивъ къ намъ, Господи!

Господи Іисусе, Ты, Который былъ съ мытарями и грѣшниками, Который находилъ время и находилъ сочувствіе для бѣдныхъ людей, Который ходилъ съ рыбаками и земледѣльцами и вселялъ въ ихъ бѣдную грудь Твою богатую жизнь, Который помогалъ слѣпымъ и хромымъ, Который призывалъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, Который не былъ слишкомъ высокъ для женщинъ и дѣтей, дай намъ постоянно снова и снова учиться отъ Тебя. Мы будемъ сидѣть у Твоихъ ногъ и чувствовать, въ чемъ состоитъ истинное христіанство. Тогда намъ покажется страннымъ, какъ христіане могутъ сражаться другъ съ другомъ, могутъ притѣснять и ненавидѣть другъ друга. Все, что мы видимъ, такъ не подходитъ къ тому, что мы знаемъ о Тебѣ, Господи,

если бы Ты снова пришелъ къ намъ во плоти и крови, что Ты сдѣлалъ бы? Ты сталъ бы любить и помогать бѣднымъ. Быть можетъ Ты снова бы далъ распять Себя за нихъ. Гряди, Господи Іисусе!

Христосъ въ вѣкъ машинъ.

Каждое время чувствуетъ, что человѣчество въ немъ себя преобразуетъ, но области, въ которыхъ замѣчается преобразованіе, и жаръ, съ которымъ народная масса чувствуетъ его, очень различны. Нынѣ измѣняется не только міровоззрѣніе высшихъ слоевъ, но измѣняются жизнь и взгляды на нее снизу до верху. Ледъ древнихъ твердыхъ народныхъ традицій подымается, какъ будто ломаясь, ледоходъ еще не начался, но уже чувствуется, что такъ, какъ есть, оставаться не можетъ. Старыя сословія и партіи исчезаютъ, старые люди не понимаютъ больше времени. Что-жъ за причина такой перемѣны? Причина не одна. Никогда жизнь не бываетъ настолько простой, чтобы можно было выразить ея содержаніе въ одной формулѣ. Но главная причина—это машины.

Говоря такъ о машинѣ, мы подразумѣваемъ подъ ней весь успѣхъ новѣйшей техники. И телефонъ, и электрическіе провода и сгущенный воздухъ, все въ этомъ словѣ «машина».

Когда въ старину Орфей игралъ свою мелодію, танцовали животныя, люди. Подъ напѣвъ шумящихъ колесъ началась новая пляска предметовъ и людей, которой свѣтъ не видалъ раньше. Представьте себѣ, что на землѣ нѣтъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни фабрикъ, ни скоропечатныхъ машинъ, вамъ покажется, что вы бредите. Мы должны представить себѣ Берлинъ безъ машинъ и Чикаго безъ электричества, если захотимъ понять, что значитъ для насъ вѣкъ машинъ. Полвѣка создало что-то исполинское.

Въ 1838 году первое паровое судно отправлялось черезъ океанъ, а теперь океанъ бороздится большими паровыми судами правильнаго сообщенія. Въ 1830 году проложили первую желѣзную дорогу отъ Манчестера до Ливерпуля, а теперь 560,000 килом. рельсъ покрываютъ землю, а сила локомотивовъ такъ велика, что каждый человѣкъ на землѣ какъ бы имѣетъ для своего удовольствія лошадь на 12 дней въ году.

Въ 1844 г. вошелъ въ употрѣбленіе первый телеграфъ, а теперь слова съ быстротой молніи переносятся черезъ моря и пустыни. На электрической выставкѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ отъ Сименса и Гальске была машина въ 6.000 лошадиныхъ силъ. Когда человѣкъ обладалъ такимъ количествомъ сконцентрированной силы природы? Какъ море можетъ носить фрегаты и орѣховыя скорлупки, такъ и машина можетъ желѣзо превращать какъ бы въ хлѣбное тѣсто и нѣжнѣйшую шерсть расщипываетъ болѣе тонко, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать пальчики дѣвушки. Не переставая машина производитъ предметы. Видѣли ли вы хоть разъ-какъ готовые журналы укладываются въ корзину? Или, видѣли ли вы, какъ безконечная пряжа страшно быстро вертится на ста шпулькахъ?

Въ то время какъ прежде взрослый работникъ въ день приготовлялъ три дюжины паръ рубашечныхъ пуговицъ, теперь мальчикъ на машинѣ приготовляетъ 9000 паръ.

Въ то время какъ прежде гвоздарь изготовлялъ при самомъ успѣшномъ производствѣ ежедневно 2000 маленькихъ гвоздей, теперь подъ присмотромъ одного человѣка машина изготовляетъ 500.000.

И однако саму машину постоянно дѣлаютъ. Можно съ правомъ говорить о борьбѣ за существованіе между машинами. Большая машина поглощаетъ меньшую, новая конструкція вытѣсняетъ старую. Какіе-нибудь двадцать лѣтъ создаютъ громаднѣйшее различіе: 1860—70 г. европейскій прядильщикъ доставлялъ столько же пряжи, сколько 100 индійскихъ, работающихъ безъ машинъ, въ 1890 г. столько, сколько 1600 китайцевъ или 3000 индусовъ.

Всюду машина. Она взбирается на Пилатъ, пробуравливаетъ С.-Готтардъ; она тамъ, гдѣ начинаются рѣки и гдѣ онѣ впадаютъ въ море, она на Рейнѣ и Лаплатѣ, она работая приноситъ пользу большому городу и деревушкѣ, больницѣ и театру. Всюду, всюду она стучитъ, гудитъ, работаетъ. А сколько машинъ! Ихъ почти столько, сколько звѣздъ на небѣ и песку въ морѣ. Тѣмъ не менѣе австрійскій политико-экономъ Гертцка нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшился подсчитать существующія въ машинахъ силы. Онъ насчиталъ 5 милліардовъ человѣческихъ силъ. На каждаго человѣка въ Соединенныхъ Штатахъ приходится по $12^1/_2$, а на семью среднимъ числомъ по 60 слугъ. Зная же, что въ древнее время въ Аѳинахъ приходилось по 10 рабовъ на семью, можно

показать, что при подобномъ распредѣленіи машинъ любое семейство культурныхъ народовъ будетъ имѣть въ распоряженіи и безъ рабства гораздо больше служебной силы, чѣмъ когда-либо имѣло ея сословіе свободныхъ господъ.

Вѣрно ли это число милліардовъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ еще долго будетъ увеличиваться рабочая сила людей. Первымъ, обратившимъ вниманіе на Ніагарскій водопадъ, былъ, насколько намъ извѣстно, Сименсъ, умершій въ молодости. Говорятъ, что его сила — въ $12^1/_2$ милліоновъ лошадиныхъ силъ, запасъ неистощимой энергіи для растущихъ исполинскихъ городовъ въ Западной Америкѣ. А сколько ручьевъ, текущихъ еще весело и спокойно въ долинѣ, которыхъ могъ бы использовать техникъ. Нѣкогда сдѣлали ручными одушевленныя существа до степени домашнихъ животныхъ, сегодня неорганическія движенія превращаютъ въ помощниковъ. Бурныя воды умрутъ, какъ умеръ буйволъ передъ ручнымъ животнымъ царствомъ. Даже солнечные лучи не должны будутъ болѣе, какъ играющія дѣти, безъ службы и работы сіять въ этомъ ревностномъ къ созиданію свѣтѣ; ихъ будутъ химически собирать на большихъ крышахъ, превращать и проводить въ конденсаторы. Кто знаетъ, что еще будетъ? Свѣтъ еще полонъ зародышей, и климатъ культурнаго человѣчества все еще благопріятствуетъ ихъ развитію.

Но развѣ съ машиной пришло счастіе?

Если бы нѣсколько столѣтій тому назадъ знали, какіе могучіе помощники явятся у человѣка, то повторили бы слова весенней пѣсни:

„Зацвѣтетъ глубокая долина
„Сердце, сердце, брось свою кручину,
„Счастье все исправитъ,
„Счастье все измѣнитъ“.

Глубокая долина уже дымится отъ фабрикъ, но не наступилъ еще золотой день. Около машинъ тихій плачъ. Между высокими дымовыми трубами слышатся жалобы. Какъ будто мы идемъ, но не подвигаемся впередъ. Жизнь теряетъ свою привлекательность, довольный общій видъ, и въ нее больше не вѣрятъ. Въ вѣкъ машинъ нѣкоторые страдаютъ прямо, большинство другихъ только косвенно. Никто не можетъ отъ чистаго сердца радостно привѣтствовать появленіе новыхъ машинъ. Съ машиной пришли слезы. . . . . много разрушеннаго счастья.

Поэтому многіе жалуются на машины и называютъ ихъ демонами вѣка.

Я встрѣчалъ не только среди бѣдныхъ горнорабочихъ, но и среди ремесленниковъ большого города людей, которые съ удовольствіемъ уничтожили бы машины. Они недовольны всѣмъ вѣкомъ, въ которомъ царятъ паръ и искра. Они мечтаютъ о возвращеніи въ вѣка до машинъ, когда ремесло имѣло еще золотое дно, когда каждое мѣстечко жило своею собственною жизнью для себя, когда у каждаго былъ покой и обезпеченность. Бѣдные, они, какъ старые люди, живутъ прошлымъ. Но объ этомъ образѣ мыслей, обращенномъ назадъ, я не сталъ бы теперь говорить, если бы не встрѣчалъ подобный образъ мыслей многократно между вѣрующими христіанами. Многіе изъ вѣрующихъ христіанъ имѣютъ свои идеалы въ прошедшихъ дняхъ. Это, какъ ни трудно вѣрить,—правда. Есть въ церкви нѣчто такое, что я могъ бы назвать церковнымъ романтизмомъ,—возвращеніе къ понятіямъ стараго времени, когда не было еще никакихъ другихъ колокольныхъ сигналовъ кромѣ колокольнаго звона церквей, когда еще не стояли вокругъ высокія дымовыя трубы, какъ минареты новаго времени вокругъ колоколенъ. Посмотрите въ безпрестанно читаемыя по вескресеньямъ страницы, не написаны ли онѣ для людей до времени машинъ; въ нихъ прославляется устройство жизни, какое было въ доброе старое время. А теперь не говорятъ съ каѳедръ для отжившаго свое время человѣчества?—Многимъ изъ нашихъ истиннѣйшихъ чадъ церкви, не безъ вины ихъ духовныхъ отцовъ, время, въ которое мы по волѣ Божіей живемъ—кажется страшнымъ. Они ничего не желаютъ знать о всемірныхъ успѣхахъ этого времени и поэтому живутъ монашескими идеалами, которые нѣсколько успокаиваютъ ихъ самихъ, но которые вообще очень вредятъ христіанству.

Почему же вредитъ многимъ христіанамъ это стремленіе къ прошлому?

Оно вредитъ, потому что лучшіе умы нашего вѣка, умы, которые создаютъ вѣкъ машинъ, получаютъ впечатлѣніе благодаря такому поведенію христіанъ, что христіанство такъ же устарѣло, какъ прядильное колесо или почтовая карета. Христіанство, благодаря своимъ неразумнымъ защитникамъ, будетъ считаться годнымъ для утомившихся жизнью, неспособныхъ мыслить, слабыхъ и мало одаренныхъ способностями, такимъ, которое не долго думая можно предоставить бабушкамъ и дѣвочкамъ. Но такое по-

нятіе о христіанской религіи совершенно не вяжется съ его происхожденіемъ. Христіанство явилось обновляющей силой въ мірѣ, преобразовывающей, воодушевляющей энергичныхъ молодыхъ людей. Оно было утреннимъ вѣтромъ, а не вечернимъ вѣяніемъ, оно было завоевавшимъ весь міръ обществомъ, а не опекой стариковъ. Теперь исповѣдующіе христіанскую религію пользуются христіанствомъ, чтобы представить въ радужныхъ краскахъ умершее прошлое. Нужно укрѣпить и освятить старую политику, старое хозяйство, старое понятіе о собственности, и кто знаетъ, сколько другихъ старыхъ перегородокъ. О еслибъ Господь Іисусъ поговорилъ съ нами! О, еслибъ Онъ пришелъ! Онъ не сталъ бы чуждаться вѣка машинъ, но какъ Сынъ Божій, находясь среди машинъ, сказалъ бы: «Древнее прошло, вотъ Я все творю новое.» Машина не есть нѣчто нехристіанское. Богъ хочетъ ея. Богъ говоритъ намъ событіями исторіи. Ими Онъ все громче и громче говорилъ уже нѣсколько столѣтій христіанскому народу: «Я хочу, чтобъ была машина». Кто могъ задержать ихъ развитіе, когда Богъ желалъ, чтобы онѣ были. Всѣ стоны христіанъ не могли воспрепятствовать успѣху. Наступаетъ, наступаетъ новое время—отъ Бога. Эту основную истину мы и хотимъ теперь разъяснить. Богъ хочетъ успѣха техники, Онъ хочетъ чтобы были машины. Размышленію надъ этой истиной мы и посвятимъ слѣдующую главу.

* * *

Въ вѣкъ машинъ люди пріучились на все смотрѣть, какъ на машины.

Въ началѣ новаго періода вышла книжечка съ заглавіемъ: «Человѣкъ—машина». Забыли о душѣ. Думали также, что и весь міръ есть машина, и забыли о міровой душѣ,—живомъ Богѣ. Но это ложное мнѣніе о машинѣ, это пустѣйшее міровоззрѣніе не можетъ оставаться постоянно. Люди вновь вспомнятъ о душѣ. Матеріалистическое время будетъ искать Бога. Но тогда оно будетъ въ состояніи Его понять только какъ Бога, давшаго эти времена машинъ, но нѣ какъ Бога, Который былъ только въ спокойные вѣка отцовъ, и изчезъ въ періодъ изобрѣтеній, въ вѣка соціальныхъ преобразованій. Тогда оно будетъ исповѣдовать Его такъ: «Вѣрую въ Бога Отца, всемогущаго Творца, Господа полей и машинъ, дарующаго изобрѣтенія и прогрессъ».

Когда сто лѣтъ тому назадъ въ западно-европейской семьѣ у

народовъ дѣтей стало рождаться много, а хлѣба мало, тогда и нѣкоторые добросердечные люди стали теряться, потому что не вѣровали въ Бога. Они не уповали на Бога, не говорили: «что Богъ далъ, то и взялъ, да будетъ Воля Божія!» и поэтому вмѣстѣ съ Мальтусомъ предлагали недостойныя средства къ ограниченію числа людей. Народное хозяйство новаго вѣка началось помимо вѣры. Въ то время какъ люди совѣщались о томъ, какъ бы воспрепятствовать естественной силѣ возрастанія населенія, Богъ никому невѣдомо созвалъ ангеловъ. Одинъ ангелъ назывался пламенемъ, другой—паромъ, третій—углемъ, четвертый—желѣзомъ. И Онъ, сдѣлавъ пламя своимъ вѣстникомъ и вѣтры ангелами, сказалъ своимъ слугамъ: «Идите и помогите накормить Мнѣ Моихъ дѣтей!» Тогда невидимые слуги Бога создали всемірную торговлю, сдѣлали Индію житницей Европы и поля южной Россіи плодородными нивами для нашей страны. Онъ съ высоты небесной слышалъ, какъ заботились маленькіе люди, видѣлъ, что истощился лѣсъ и стало тѣснымъ поле, и послалъ Ливингстона и Стэнли странствовать по Африкѣ, отыскать тамъ неистощимую страну для будущей культурной эпохи. Когда же Онъ узналъ, что даже имѣя желѣзо и паръ, люди продолжаютъ безпокоиться, то Онъ одновременно далъ имъ электричество и алюминій. Такъ Богъ заботится о насъ. Кто можетъ сказать, какіе Онъ еще скрываетъ источники народной жизни, какъ Онъ скрывалъ электричество до тѣхъ поръ, пока не пришло его время? Въ посланіи Іакова мы читаемъ: «Всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный исходитъ отъ Тебя, Отца Свѣта».

Всякое даяніе благое! Сюда относится какъ плугъ, такъ и динамомашина Сименса. Всѣ изобрѣтатели лишь орудія Бога. Они часто сами не знаютъ этого, желаютъ двигать, а ихъ самихъ Кто-то двигаетъ. Въ управленіи Бога міромъ можетъ быть такъ же важно мышленіе изобрѣтателя, какъ трепетъ раскаивающагося сердца. И такой человѣкъ какъ Эдиссонъ былъ посланъ всемірнымъ Владыкой. Поэтому всѣ христіане должны благодарить Бога за этотъ вѣкъ изобрѣтеній сердцемъ, умомъ и руками. Пиѳагоръ принесъ въ жертву сто быковъ, когда онъ открылъ ученое положеніе, которое не можетъ ни согрѣть, ни насытить ни одного человѣка. Какъ велики должны быть жертвоприношенія нынѣшняго культурнаго свѣта, если онъ хоть разъ вспомнитъ о нихъ.

Съ благодарностью соединяется упованіе. Богъ, который столько сдѣлалъ для людей, не перестанетъ заботиться о нихъ. Поэтому

всѣ теоріи, въ которыхъ замѣтенъ страхъ и невѣріе, мы должны оставить. Мы не должны слѣдовать за тѣмъ, какимъ бы онъ ни былъ ученымъ, кто говоритъ, что существуютъ непреодолимыя препятствія къ дальнѣйшему счастливому развитію человѣчества. Мы въ послѣднія сто лѣтъ испытали то, что сказано въ текстѣ: «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даешь имъ пищу во благовременіи; отверзаешь Ты щедрую руку Твою и исполняешь все живущее благоволенія».

Машины—этотъ великій даръ Божій должны послужить царству Божію. Такъ какъ машина дѣло Божіе, то она послужитъ плану спасенія міра. Это относится какъ къ внѣшнему распространенію царства Божія на землѣ, такъ и къ его внутреннему усовершенствованію.

Царство Божіе началось въ маленькомъ уголкѣ. Первой ступенью его была проповѣдь народамъ по Средиземному морю. Второю—просвѣщеніе небесной истиной западно-европейско-американскихъ народныхъ общинъ. Теперь же мы чувствуемъ начало третьей, о которой говорится въ псалмѣ: «Земля и вси живущіе на ней Господни». При посредствѣ машинъ происходитъ международное общеніе, совмѣстная хозяйственная жизнь всѣхъ частей свѣта. Германская промышленная деревня конкурируетъ съ городами Южной Америки, и японцы работаютъ для Европы. Это общеніе хозяйства должно сдѣлаться основаніемъ общенія идей. Такимъ образомъ машина помогаетъ миссіи. Если же мы будемъ пренебрегать дѣломъ миссіи, то будемъ затоплены разлившимся благодаря машинамъ язычествомъ. Поэтому въ вѣкъ машинъ въ религіозной жизни болѣе чѣмъ прежде на первый планъ должно выступить миссіонерское стремленіе. Христіанинъ въ вѣкъ машинъ—христіанинъ-миссіонеръ.

По своему же содержанію царство Божіе на землѣ есть постепенное преодолѣваніе грѣховъ и страданій міра вѣрой, это есть продолженіе жизни Господа нашего Іисуса Христа. Іисусъ Христосъ любилъ, исцѣлялъ, помогалъ и своей любвеобильной помощью обновлялъ бѣдную землю. Первая христіанская община постаралась уничтожить нужду. Устранить нужду—дѣло христіанъ. Вывести бѣдность изъ міра наша задача. Для выполненія этой задачи Богъ даровалъ намъ машину. Онъ далъ милліарды желѣзныхъ рабовъ, далъ возможность вырабатывать безчисленное количество продуктовъ. Онъ сказалъ: въ ней. Мои дѣти, Я вамъ даю средство уничтожить нужду. Возьмите машину и освѣтите ею

землю, возьмите ее и стройте ею новое время. Богъ далъ суконныя фабрики для того, чтобы никто больше не нуждался въ одеждѣ, и транспортныя суда, чтобы никто не голодалъ. О, какъ дивенъ Богъ! Кто зналъ Его пути? Его мудрость и благость трогаютъ насъ до послѣдней глубины сердца. Я желалъ бы, чтобы было хотя одно въ году воскресенье, когда всѣ христіане должны были бы прославлять милость Божію, дарованную въ машинѣ. Это было бы самымъ подходящимъ случаемъ для проповѣди объ обязанностяхъ, которыя имѣетъ христіанинъ въ вѣкъ машинъ, о благодарности, упованіи, миссіонерствѣ и устраненіи бѣдности. Почему собственно въ церквахъ празднуютъ больше прошедшія божескія дѣла, чѣмъ настоящія? Развѣ мы не можемъ сказать: Господь сдѣлалъ для насъ великое, поэтому мы и радуемся. Да, никто не можетъ такъ радоваться машинамъ, какъ истинный христіанинъ.

* * *

Но все же, все же, вздохи около машинъ—не воображеніе. Что бѣдствія въ вѣкъ машинъ увеличивается — горькая истина. Хотя министры и не признаютъ бѣдственнаго положенія, но мы имъ окружены. Крикъ, раздающійся изъ народной массы, не есть только простой отголосокъ агитаціонныхъ рѣчей. Нѣтъ, поистинѣ мы видимъ страдающимъ вокругъ машинъ человѣчество. Чему же радоваться? Какъ же мы говорили, что машина благой даръ отъ Отца Свѣта? Развѣ милость Божія причина зла? Спаси Богъ! Даръ отъ Бога—благой, но люди еще не научились пользоваться имъ. Чада Божіи еще не знаютъ, какъ они должны пользоваться исполинскимъ орудіемъ. Это и составляетъ главную часть того, что называется соціальнымъ вопросомъ.

Богъ никогда не даетъ даровъ безъ обязанностей. И въ употребленіи огня, желѣза люди должны медленно и трудолюбиво разбираться.

Божьи дары имѣютъ всегда кое-что таинственно-величественное, какъ и Самъ Богъ. Мы живемъ въ то время, когда только что начинаютъ понимать, что Богъ далъ намъ въ машинахъ эпоху съ новыми формами жизни.

Можетъ быть дѣло выяснится, если мы представимъ судебный процессъ, въ которомъ разсматривается дѣло по обвиненію машины. Само собой разумѣется, машина должна имѣть право защищаться.

Выступайте желающіе жаловаться на нее!

Входитъ фабричный рабочій и говоритъ (но каждый изъ его товарищей сказалъ бы то же самое), онъ говоритъ: машина—мой тиранъ.

Однообразной работой я все время долженъ заниматься при ней, она лишаетъ меня всякой свободы. Я не что иное какъ какая-то машинная часть. Машина отвѣчаетъ: развѣ я виновата въ томъ, что у тебя нѣтъ свободнаго дня, что у тебя нѣтъ времени позаботиться о своихъ дѣтяхъ? Я буду довольна, если будешь стоять при мнѣ 8 часовъ, обращайся къ тѣмъ, которые должны держать тебя при мнѣ. Я въ десять разъ облегчила вамъ работу, а отъ васъ самихъ зависитъ сдѣлать ее легкой для себя.

Ремесленникъ входитъ въ судъ и, такъ какъ онъ замѣчаетъ машину, то начинаетъ выходить изъ себя. Ты меня задавила! Меня уважали, и я много получалъ, ты вырвала у меня изъ рукъ хлѣбъ, ты сдѣлала меня поденщикомъ. Я сталъ подобенъ человѣку, который долженъ бѣжать за желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Я бѣжалъ покуда могъ, и наконецъ все-таки усталъ и полумертвый легъ на желѣзнодорожную насыпь. Машина отвѣчаетъ: скажи самъ, разумно ли имѣть желаніе бѣжать за поѣздомъ? Сядь въ поѣздъ!

Я не могу.

Ты одинъ не можешь. Но и не правъ будешь ты, если, сидя на своей скамейкѣ, будешь требовать, чтобы свѣтъ вокругъ тебя не измѣнялся. Чѣмъ скорѣе ты пристанешь къ новому вѣку, тѣмъ для тебя лучше. Соединись съ твоими братьями, но не въ цехъ «самостоятельныхъ» мастеровъ, а въ общество съ крупнымъ производствомъ. Если и общій кредитъ вамъ будетъ слишкомъ малъ, обратись за помощью къ коммунамъ и союзнымъ кружкамъ.

Это старая истина: не люди устроены для машины.

Безработный повѣствуетъ: я могъ и желалъ работать. Но явилась машина, и я сталъ лишнимъ. Я былъ отставленъ, сталъ пьянствовать, промотался и теперь ни къ чему не способенъ. Но насъ больше ста тысячъ. Машина отвѣчаетъ: какъ будто это говоритъ противъ меня. Удаленіе рабочихъ вслѣдствіе новыхъ машинъ происходитъ вездѣ. Одна башмачная машина лишаетъ хлѣба тысячи рабочихъ. Но, правый судъ, позволь мнѣ предложить важный вопросъ.

Позволяю.

Вопросъ гласитъ: развѣ нѣтъ еще людей, ходящихъ босыми,

оптому что не имѣютъ сапогъ?—желающихъ пользоваться трико, кроватями, печами, картинами или чѣмъ инымъ?

Да есть.

На всѣхъ этихъ, говоритъ машина, я желала бы работать. Почему же я не имѣю права? Почему же вы не заставите всѣхъ безработныхъ работать при мнѣ, чтобы уничтожить всякую нужду?

Почему? Кто же долженъ платить за товары?

Итакъ, вотъ въ чемъ затрудненіе, говоритъ машина, слѣдовательно, я право Ваши денежныя отношенія еще не приспособлены къ вѣку машинъ. Это вопросъ устройства.

* * *

Такіе разговры слышатся во время соціально-политической работы. Будетъ ясно, что такая работа — христіанская работа, когда допустимъ посылку: машина есть даръ Божій. Если Богъ далъ машину, то я, какъ христіанинъ не долженъ печалиться о слѣдствіяхъ этого событія. Наконецъ, разговоръ далѣе показалъ, что христіано-соціальная работа, гдѣ бы она ни началась, будетъ имѣть тѣсную связь съ вопросомъ о собственности. Невозможно на продолжительное время ясно обезпечить положеніе капитала и денегъ. Есть люди, думающіе, что христіанскій соціализмъ, есть соціализмъ, который уничтожитъ капиталъ. Мы попросимъ ихъ еще разъ продумать соціальный вопросъ. Или машина должна уступить, или должны перемѣниться нынѣшнія деежныя отношенія. Что же изъ этихъ двухъ возможностей будетъ волей Божіей?

Что въ этихъ послѣднихъ положеніяхъ скрывается матеріалъ для болѣе обширнаго изслѣдованія, мы знаемъ. Но теперь мы больше не можемъ заниматься имъ. Закончимъ словами прошенія, которыя стали вдвойнѣ содержательнѣе для вѣка машинъ:

«Да пріидетъ Царствіе Твое!»

Христіанскій соціализмъ.

Вопросъ «что такое христіанскій соціализмъ» имѣетъ важное значеніе, ибо съ нимъ соединяется большая часть надеждъ и задачъ, которыя есть у нашего народа. Этотъ вопросъ есть собственно вопросъ будущаго. Я говорю объ немъ какъ одинъ изъ

тѣхъ, которые хотятъ высказать свое личное мнѣніе, ибо христіанско-соціальное движеніе въ евангелической Германіи находится теперь еще въ такой же стадіи развитія, въ какой соціалдемократія въ 60-хъ годахъ, т. е. оно содержитъ въ себѣ еще много несходныхъ мнѣній, которыя должны потереться другъ о друга, чтобы образовались ясныя, цѣльныя формы. Мы находимся въ счастливой и опасной стадіи первоначальнаго образованія. Всюду пробуждается евангелическо-соціальное движеніе. Тогда какъ придворный священникъ Штеккеръ со своей формой христіано-соціализма въ теченіи долгаго времени нашелъ себѣ лишь малое количество сотрудниковъ, распоряженія евангелико-соціальнаго конгресса исполнялись сотнями людей, которые желали найти пунктъ, гдѣ можно было бы кое-что сдѣлать, организоваться. Евангелическіе рабочіе снова уже заключаютъ въ себѣ 75,000 человѣкъ и быстро увеличиваются. Но, конечно, только общая мысль, что христіанство въ соціальной жизни можетъ и должно представлять значительную силу, соединяетъ всѣхъ этихъ людей въ одну группу, Потому, какъ сдѣлать это, мысли и мнѣнія еще раздѣляются. Есть христіанскіе соціалисты, которые считаютъ лучшимъ выраженіемъ ихъ желаній консервативную программу, составленную въ Тиволи, есть другіе, которые видятъ исходный пунктъ своей работы, главнымъ образомъ, во внутренней миссіи и церковной общинѣ, и есть такіе, которые ищутъ новой программы, которая должна содержать христіанскій отвѣтъ на предложенные соціалдемократіей вопросы. Мы причисляемъ себя къ этой третьей группѣ. Для насъ христіанскій соціализмъ не есть нѣчто готовое, но нѣчто образующееся. Новая сила мыслей носится надъ нами, и мы стремимся къ ней. У насъ нѣтъ никакихъ руководствъ и главныхъ положеній, которыя наполняли бы наши ящики, и будущее окружаетъ насъ какъ туманъ, чреватый событіями. Мы чувствуемъ, что не мы владѣемъ христіанско-соціальнымъ движеніемъ, но оно нами, оно двигаетъ нами, возвышаетъ насъ, носитъ, заставляетъ насъ все переносить, ликовать и вздыхать, но надъ нами—сила и милость, принужденіе и угнетеніе. Мы не выбираемъ пути потому, что онъ кажется намъ правильнымъ; начинается новая волна народной жизни, и мы случайно находимся какъ разъ въ той части водной поверхности, которая боязливо подымается. Это можетъ показаться моимъ читателямъ какой-то мистикой, но я ничего не могу здѣсь измѣнить, потому что религіозно-соціальное движеніе, если только оно серьезно,

должно имѣть въ себѣ нѣчто мистическое. Мы должны чувствовать, что Богъ живетъ въ насъ, какъ Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ пророкахъ ветхаго завѣта. Это движеніе должно быть внутреннимъ, въ себѣ самомъ увѣреннымъ стремленіемъ, если оно хочетъ быть чѣмъ-либо. Какъ разъ тамъ, гдѣ у насъ теперь столько партій, соединенныхъ только положеніями, а не убѣжденіями, основной вопросъ—имѣетъ ли новое движеніе врожденную творческую силу, или оно только рецептъ, въ которомъ произвольно тщательно перемѣшаны немного соціализма и немного монархизма съ нѣсколькими граммами церковности. Но какъ разъ потому, что христіанско-соціальное движеніе мы ощущаемъ, какъ тяжесть и силу, и необходимо ощущаемое насколько возможно, выразить твердо и просто.

Мы должны подыскать ноты къ бурному весеннему пѣнію, которымъ переполнены наши души. Безъ этого процесса выраженія чувства словомъ, воодушевленіе никакой пользы не принесетъ, но этотъ процессъ необходимъ только въ началѣ. Поэтому мы не можемъ при всемъ желаніи указать нашимъ читателямъ выходъ изъ всякаго затрудненія, которое всплыветъ въ народной жизни. Мы рады, если христіанско-соціальное образованіе будетъ начато правильно.

Христіанско-соціальная эпоха наступитъ за соціалъ-демократической. Мы считаемъ напраснымъ запрягать лошадь христіанскаго соціализма въ повозку стараго порядка. Какъ соціалъ-демократія погребла либерализмъ, такъ и христіанскій соціализмъ погребетъ соціалъ-демократію. Поэтому для насъ не безразлично, слѣдуютъ ли формы общественной жизни за соціалъ-демократіей или предшествуютъ ей. Что предшествуетъ соціалъ-демократіи—буржуазное міросозерцаніе, современное общественное устройство, то не составляетъ цѣли нашего изслѣдованія. Мы не намѣреваемся быть защитникомъ разваливающагося прошлаго.

Христіанство въ первые вѣка его возникновенія было обновляющей силой, такимъ же оживляющимъ мы можемъ представить его себѣ и теперь. Мы не знаемъ во всемъ мірѣ ничего болѣе распространеннаго, полнаго будущности, преобразовывающаго и привлекающаго, какъ истинное христіанство. Вѣра, служащая только плющемъ для старыхъ стѣнъ и башенъ, для насъ внутренно совершенно непонятна. Евангеліе для насъ есть растопляющій жаръ, сила новой эпохи. Какъ соціалъ-демократія была связана съ буржуазнымъ либерализмомъ, а въ сущности отрицала

его, такъ же долженъ будетъ поступить христіанскій соціализмъ съ соціалъ-демократіей. Соціалъ-демократія будетъ еще развиваться цѣлый періодъ. Въ этомъ не помѣшаетъ ей и то, что въ большихъ городахъ болѣе интеллигентные и радикальные члены ея не всегда вполнѣ довольны партіей. Чего соціалъ-демократія лишится тамъ или здѣсь, то она съ излишкомъ опять пріобрѣтетъ въ провинціи. По нашему мнѣнію развитію демократіи до высоты партіи, могущей въ государственной жизни сказать кое-что значительное, не можетъ воспрепятствовать и продолженіе мирныхъ общественныхъ отношеній. Но сила удара, съ которой новая машина ударитъ въ старый аппаратъ, въ большой степени зависитъ отъ эластичности послѣдняго. Во всякомъ случаѣ мы твердо увѣрены, что соціалъ-демократіи не удастся перевернуть современный строй, такъ какъ, если она склонитъ мало-по-малу на свою сторону большинство выборщиковъ, то вся революціонная сила исчезнетъ въ большой части. Мы доживемъ, надѣемся, до того времени, когда вліяніе соціалъ-демократіи станетъ почти такимъ же сильнымъ, какимъ было вліяніе буржуазнаго либерализма. Будетъ проведено много отдѣльныхъ требованій соціалъ-демократіи, но народъ и государство, вѣра и Церковь живутъ дольше, чѣмъ могутъ жить партіи. И тогда солнце будетъ сіять надъ Германіей, когда Бебель будетъ тамъ, гдѣ теперь Ласкеръ, и какъ соціалъ-демократы ковали свое оружіе, когда Бенингсенъ, Ласкеръ, Бамбергеръ уже занимали верхъ, такъ и мы христіанскіе соціалисты сидимъ теперь въ кузницѣ, въ то время какъ Бебель, Ауэръ, Либкхнехтъ ведутъ войну.

Намъ говорили, что мы должны отказаться отъ этой части нашихъ намѣреній, такъ какъ опасно предоставить соціалъ-демократіи побѣду, хотя и мимолетную, Но этому доброму совѣту мы не послѣдуемъ, ибо только благодаря тому мы можемъ достичь въ христіанско-соціальныхъ кругахъ необходимой глубины и терпѣнія, что мы не обольщаемъ себя въ этомъ случаѣ никакими иллюзіями. Кто хочетъ достигнуть чего-нибудь въ ближайшіе пять лѣтъ, тотъ пусть идетъ за антисемитами или соціалъ-демократами, для него мы идемъ слишкомъ медленно. Кто же думаетъ стереть соціалъ-демократію въ Германіи, какъ стираютъ мѣлъ съ доски, тотъ можетъ быть очень храбрымъ и честнымъ отцомъ семейства и патріотомъ, но тотъ не пойметъ насъ. Разъ соціалъ-демократія сдѣлалась частью народной жизни, она должна будетъ продолжать жить. Къ счастью природа чрезвычайно крѣпко

сплоченныхъ человѣческихъ обществъ позаботилась о томъ, чтобы подобныя деревья не росли до неба. Всему свое время, не исключая и соціалъ-демократіи.

Всегда было такъ, что новыя формы основывались на предшествующихъ. Въ этомъ смыслѣ для насъ гораздо важнѣе высказать свой взглядъ на соціалъ-демократію, чѣмъ на всѣ нынѣшнія партіи. Какъ соціалъ-демократія исправляетъ ошибки буржуазнаго міра, такъ и мы будемъ исправлять ошибки соціалъ-демократіи. Въ чемъ же состоитъ главная ошибка соціалъ-демократіи? Въ томъ, что она есть доктринерство, что она есть система, желающая обнять все. Соціалъ-демократія—поздно рожденное дитя Гегеля, дочь философіи абсолютнаго. Какъ таковая она ничего не знаетъ о живомъ Богѣ и живомъ народѣ. Вмѣсто Бога она ставитъ развитіе техники и вмѣсто народа—пролетаріатъ,—два понятія вмѣсто двухъ силъ жизни. Въ чемъ заключается различіе между понятіями и жизненными силами? Понятія гладки, сподручны и по частямъ истинны, они могутъ быть временно дѣйствительными, но они все-таки бѣдны, ибо у нихъ недостаетъ какъ разъ того, что составляетъ постоянную силу и истину: измѣнчивости, пестроты, несвязности и глубины. Если кажется, что какая-либо формула рѣшаетъ всѣ трудности, то это лишь обманчивая видимость.

Соціалъ-демократія суха и бѣдна духомъ. Ей недостаетъ, несмотря на всякіе красные цвѣта, крови, она блѣдно-немочная и вялая. Поэтому и происходитъ, что съ теченіемъ времени такъ пресыщаются ея газетными статьями. Не всегда же царствовать ученію Маркса. И, по нашему мнѣнію, лучшими христіанскими соціалистами будутъ тѣ, которые на своихъ собственныхъ легкихъ испытывали эту сухую атмосферу до тѣхъ поръ, пока они не прониклись сильнымъ желаніемъ понять тайну и дѣйствительность, до тѣхъ поръ, пока они не сказали: мы думали найти зерно, а нашли кожицу, шелуху, формы.

Соціалъ-демократія кормитъ народъ политико-экономической теоріей, т. е. своего рода догматикой. Но эти догматики переживаютъ сами себя. Нѣтъ никакихъ вѣчныхъ системъ. Этотъ законъ историческаго опыта утѣшителенъ для всѣхъ тѣхъ, для которыхъ жизнь стоитъ выше опредѣленнаго знанія жизни. И когда теорія пройдетъ, то человѣческое сердце сдѣлается прежнимъ и обратится къ Богу, и древнія потребности тысячелѣтій не будутъ подавляться никакими организаціями и никакими партіями, и сердце

не будетъ принимать сухого объясненія соціалъ-демократіи, какъ и теперь, несмотря на ея тридцатилѣтнюю агитацію, все еще существуютъ поколѣнія людей для которыхъ Богъ не есть одна только поповская выдумка. Кто можетъ радоваться этой перемѣнѣ, кто надѣется на нее и работаетъ для нея, тотъ нашъ товарищъ.

Естественно, что движеніе, которое будетъ послѣ соціалъ-демократическаго, въ экономическомъ отношеніи не будетъ дѣйствовать такъ, какъ-будто никогда не существовали ни Марксъ ни великая германская рабочая партія. Мы должны развить далѣе политико-экономическія мысли, на которыхъ остановилась соціалъ-демократія. Она теоритична, мы должны заняться разработкой деталей, она постоянно думаетъ обо всемъ обществѣ, мы должны подумать о частяхъ этого общества, о безработныхъ, о поденщикахъ, промышленникахъ, крестьянахъ, ремесленникахъ, купцахъ, чиновникахъ съ особенностями ихъ жизни. Но при этомъ мы должны перенять отъ соціалъ-демократіи ея точку зрѣнія «снизу». Мы будемъ разрабатывать соціальный вопросъ съ точки зрѣнія притѣсненныхъ, для притѣсненныхъ и вмѣстѣ съ ними. Только тогда мы настоящіе христіанскіе «соціалисты».

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что новый взглядъ на міръ, утренняя заря котораго коснулась насъ, долженъ заключать въ себѣ религіозный и хозяйственный моменты, и оба эти момента должны имѣть отношеніе другъ къ другу.

Да будетъ мнѣ позволено сначала говорить о религіозномъ.

II.

Іисусъ Христосъ не умираетъ. Его образъ можно закрыть на время благовидной бѣлой известкой умничанія, чтобы онъ выглядѣлъ, какъ и другія стѣнныя поверхности, но уже дѣти умничающихъ людей будутъ радоваться, когда известка отпадетъ сама собой, а ихъ внуки возьмутъ воды и рѣшатся смыть всю известь умничанья, чтобы опять видѣть Его, какимъ Онъ былъ и есть. Странная мысль, будто германскій народъ можетъ забыть въ полстолѣтіе, что онъ любитъ Христа уже тысячелѣтіе. «Геліандъ» (спаситель) привѣтствовалъ нѣмцевъ при ихъ пробужденіи, Милосердный Господь Христосъ былъ съ ними, когда они пришли въ совершеннолѣтіе, этому Христу молились, пѣли и прославляли Его безконечно. Съ его именемъ на устахъ умирали

длинные ряды нашихъ отцовъ, и вотъ является теперь партія, которая думаетъ съ помощью исторій творенія и какой то исторической критики изгладить образъ Христа изъ душъ. Если гдѣ либо, то здѣсь ясно обнаруживается поверхностность. Великій образъ можно замѣнить только еще болѣе возвышеннымъ. Но кого поставятъ въ пустую нишу, изъ которой пытаются удалить І. Христа? Не Марксъ ли и Дарвинъ должны замѣнить Іисуса? Оба для насъ въ своемъ родѣ имѣютъ значеніе, мы желаемъ имъ золотыхъ лавровъ, какъ ихъ получили Гёте и Шиллеръ, но и Марксъ, и Дарвинъ--не болѣе, какъ классики нѣсколькихъ столѣтій. Іисусъ же переживетъ дни народовъ, Онъ останется вѣчно, потому что Онъ незамѣнимъ.

Что Іисусъ для всѣхъ временъ новое откровеніе, это тайна вѣчной юности Его. Онъ является въ душу такимъ, что кажется будто прежде Его еще знали не истинно. Такъ, Іисусъ былъ новымъ образомъ, когда Его возвѣстилъ Лютеръ, такимъ Онъ будетъ и тогда, когда нашъ народъ снова обратится къ Нему. Мы будемъ радостно углубляться въ Евангеліе такъ же, какъ углубляются въ новооткрытыя драгоцѣнности. Изреченія, которыя до сихъ поръ богословами считались посторонними, выступятъ въ центрѣ жизни вѣры. Каковъ былъ образъ мыслей человѣка, который могъ создать притчу о «богатомъ и Лазарѣ»? Кто далъ намъ слово «Маммона»? Знаете, какъ Іисусъ думалъ о богатыхъ и богатствѣ? Вспомните, какъ Онъ сказалъ имъ: «Горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе».—«Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ смѣющіеся нынѣ! ибо вы восплачете и возрыдаете». (Лук. VI. 24—25).

А какъ Іисусъ обличалъ фарисеевъ и книжниковъ! «Вы лицемѣры, потому что поѣдаете домы вдовицъ и напоказъ долго молитесь». Неужели наше время настолько созрѣло, что можетъ понимать этого настоящаго Іисуса, тогда какъ Его совершенно не могли понимать въ теченіе долгаго времени? И не въ состояніи ли мы заставить себя перенять кое-что изъ жизни, которая посвятила себя на служеніе бѣднымъ, лунатикамъ, прокаженнымъ, труждающимся, обремененнымъ и нищимъ? Іисусъ—живая помощь. Его духъ—потокъ, укрѣпляющій волю. Онъ какъ свѣточъ для бѣднаго народа, сидящаго во мракѣ. Куда Онъ простретъ свою мышцу, тамъ человѣческая жизнь улучшается. Душа и тѣло находятъ одновременно исцѣленіе въ божественномъ источникѣ.

Этого Іисуса, какимъ Его описываютъ три первые евангелиста, настоящаго Іисуса со всѣмъ, что Онъ дѣлалъ, говорилъ, страдалъ, нашъ народъ обрѣтетъ, когда пробудится отъ матеріализма. Его мы должны открывать и освѣщать до дня пробужденія. Это первая задача христіанскаго соціализма. Эту задачу уже довольно многосторонне разработало богословіе, но у него недостаетъ еще большею частью пониманія того, насколько жизнь Іисуса Христа для насъ безконечно животворна. Намъ нужны не теоріи, а жизнь. Мы хотимъ предоставить догматику ученымъ спеціалистамъ, а сами хотимъ живо быть съ Іисусомъ Христомъ. Наша религія должна занимать то же самое положеніе по отношенію къ бѣднымъ и богатымъ, господамъ и слугамъ, праведникамъ и грѣшникамъ, времени и вѣчности, Богу и міру, какъ это было при Іисусѣ. Одинъ сочтетъ это за очень старое мудрствованіе, другой—за новую идею. Новая ли она или старая, намъ все равно, когда мы знаемъ, какъ животворна жизнь Іисуса.

Послѣ того какъ Толстой только отчасти понялъ личность Іисуса, читающій народъ началъ понимать, что Іисусъ не просто догматъ. Какъ будетъ тогда, когда весь свѣтъ, хотя и медленно, но вѣрно прольется на насъ?

Іисусъ Христосъ не философъ и не государственный человѣкъ, не физикъ и не политико-экономъ, и потому, что Онъ ни тотъ, ни другой, мы и не ждемъ отъ Него ни системы, ни политики, ни ученой теоріи, ни руководства по народному хозяйству. Іисусъ приноситъ съ Собой не результаты и системы, но Онъ живетъ, и только Его жизнь есть откровеніе Божіе. Онъ не говоритъ: Я принесъ планы и методы, но говоритъ: Я—путь, истина, жизнь. Поэтому не должно черезъ 1900 лѣтъ выхватывать отдѣльныя слова или дѣйствія Іисуса, по произволу теперь дѣлать вставки, какъ напримѣръ, текстъ: «Когда ты устроишь пиръ, то пригласи на него нищихъ и убогихъ». Было бы не хорошо, если бы мы стали по новому придерживаться буквы; мы должны съ усердіемъ пчелъ извлекать изъ всѣхъ цвѣтовъ евангелія духъ, содержаніе, возвышенность.

Іисусъ Христосъ приравнивалъ себя къ своимъ бѣднѣйшимъ братьямъ. Онъ во время суда надъ народами міра предложитъ только одинъ вопросъ: накормили ли вы голодныхъ, напоили ли жаждующихъ, одѣли ли нагихъ, пріютили ли безпріютныхъ, позаботились ли о больныхъ, посѣтили ли заключенныхъ. Кто этого не сдѣлалъ, тотъ не послужилъ Ему, подлежитъ вѣчной геенѣ,

которая уготована дьяволу и его ангеламъ. Такова основа христіанской работы для народа. Мы обязаны научиться на все смотрѣть глазами голодныхъ. Съ этой точки зрѣнія мы должны разсматривать и нашу собственную жизнь и привычную жизнь нашего сословія, и юстицію, и управленіе, и духовную жизнь народа. Ко всему, что служитъ и приноситъ пользу не исключительно бѣднымъ, мы должны относиться съ недовѣріемъ. Такимъ путемъ мы избавляемся отъ опасности увлеченія эстетикой и праздными умствованіями, отъ преобладанія формализма и старыхъ вредныхъ навыковъ, отсюда слышится намъ призывъ къ возрожденію:

— Покайтеся!

На собственность мы будемъ смотрѣть, какъ на нее смотрѣлъ Христосъ. Іисусъ изъ-за этическихъ основаній былъ радикальнымъ противникомъ скопленія капитала: «Не собирайте себѣ сокровища на землѣ». Направленіе противъ Маммоны является характернымъ для всего мышленія Іисуса, «Не можете служить Богу и Маммонѣ». Здѣсь можно или ненавидѣть, или любить. Это будетъ испытаніемъ для нашего высшаго сословія въ его преданности Іисусу. Сердце, желающее пріобрѣсть вѣчное блаженство, не должно привязываться къ собственности. Деньги не должны быть мѣриломъ людей. Что пользы человѣку, если онъ (какъ Ротшильдъ) пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою погубитъ? Іисусъ не коммунистъ, у Него нѣтъ намѣренія отлучать галлилейскихъ рыбаковъ отъ ихъ лодокъ и домовъ, Онъ только отрицаетъ чрезмѣрность собственности и учитъ, что всякая собственность принадлежитъ Богу и что людямъ она дана только во временное владѣніе. Мы не вправѣ поступать съ собственностью, какъ хотимъ, а должны поступать съ ней согласно нравственнымъ законамъ. Христіанское понятіе о собственности должно само собой замѣнить римское.

Іисусъ хочетъ уменьшить нужду, горе, преступленія. Съ этой цѣлью Онъ совершаетъ чудеса и благодѣянія. Наши средства должны будутъ отличаться отъ этихъ, но цѣль должна оставаться тою же. Это постоянная земная цѣль христіанства. Земля должна согрѣться небесной теплотой, бѣдствія преодолѣваться одно за другимъ. Рабство пало, участь слѣпыхъ и больныхъ улучшилась, но работа еще далеко не закончена: безпомощной бѣдноты, безработицы не должно быть. Я убѣжденъ, что Іисусу Христу теперь пришлось бы меньше помогать слѣпымъ, чѣмъ безработнымъ. Можетъ быть

задача о безработицѣ не такъ трудна, какъ насчетъ слѣпоты, но она намъ дана. Съ этого начинается дальнѣйшій прогрессъ въ Царствѣ Божіемъ, поскольку дѣло идетъ о работѣ для народа. Мы должны идти впередъ, придерживаясь существующаго: Іисусъ не пришелъ разрушить, но исполнить. Онъ даетъ кесарю, что принадлежитъ ему. Онъ преобразовалъ міръ, но Онъ не былъ революціонеромъ. Въ этомъ Его величіе, величіе, которое мы можетъ быть поняли бы только тогда, когда пережили бы еще болѣе революціоннаго. Революція всегда дерзка и незрѣла, она разрушаетъ и думаетъ, что разрушеніемъ достигнетъ чего-нибудь лучшаго.

Душа Іисуса Христа была слишкомъ возвышенна и глубока, чтобы имѣть возможность быть революціонной въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Вѣроятно и для насъ наступятъ времена, когда мужество будутъ полагать въ томъ, чтобы оставаться или быть послѣдователемъ Іисуса въ этомъ отношеніи и во всякомъ случаѣ это не составляетъ слабости Іисуса, а силу. Если бы Онъ былъ революціонеромъ, то послужилъ бы міру не больше, чѣмъ какой нибудь Баръ-Кохба.

Іисусъ былъ полонъ вѣры въ Бога до креста. Онъ провелъ самые мрачные часы, но имѣлъ и утѣшительное средство, вытекавшее изъ общенія Его съ Небеснымъ Отцомъ. Поэтому Онъ — единственное упованіе, къ которому прибѣгаютъ среди пессимизма и неосновательности. Что можетъ дать мужество надѣяться на обновленіе христіанства и общества, какъ не чувство неразрывной связи съ Богомъ. Это чувство—очень сильный соціальный и политическій факторъ. Здѣсь начинается испытаніе для бѣдныхъ классовъ. Если они, находясь подъ гнетомъ, будутъ уповать на Бога, то ихъ шаги будутъ увѣренны и ихъ стремленія успѣшны. Только одно упованіе на Бога даетъ твердость, которая необходима въ соціальномъ процессѣ, если онъ долженъ итти правильно.

Кто хочетъ имѣть библейское доказательство, что Іисуса Христа именно такимъ, а не другимъ считали первые приверженцы, мы попросимъ прочитать извѣстіе о первыхъ христіанахъ въ Іерусалимѣ.

Во всемъ, что мы сказали въ этомъ отрывкѣ, большая или меньшая склонность къ исторической критикѣ евангелій измѣняетъ очень мало. И критикъ,—историкъ долженъ согласиться, что было время, когда во Христа вѣровали, какъ написано о томъ въ евангеліяхъ. Къ этой вѣрѣ мы и желаемъ возвратиться, какъ

Лютеръ къ Павлу. Дальнѣйшее развитіе въ области религіи можетъ произойти на пути возрожденія древняго христіанства, ибо религія безъ откровенія пустое слово. Намъ никогда не найти и не выдумать новой религіи, мы можемъ только спокойно ждать отъ Бога, что Онъ вновь откроетъ старыя тайны.

III.

Такъ какъ мы ждемъ обновленія общества отъ новаго оживленія образа Христа, то мы не можемъ ничего не сказать о церкви или точнѣе о существующихъ церквахъ, ибо движеніе на религіозной почвѣ не можетъ относиться безразлично къ церквамъ.

Доктора и учителя всѣхъ родовъ имѣютъ меньше всего повода сообразоваться съ соціальнымъ устройствомъ общества. Совсѣмъ другое дѣло богословы и юристы. Ихъ мѣсто колеблется при землетрясеніи, охватывающемъ наше народное основаніе. Раньше или позже они должны будутъ признаться, друзья они капиталистовъ или нѣтъ; и богословъ долженъ будетъ искать себѣ мѣсто вообще прежде юриста. Пасторъ, община котораго на половину или на двѣ трети состоитъ изъ соціалъ-демократовъ, не можетъ долгое время оставаться равнодушнымъ. Сначала онъ можетъ говорить: для меня все равно, каковы общественные порядки, ибо я долженъ только прославлять Христа Распятаго. Но со временемъ народъ спроситъ его, какъ Распятый относился къ работѣ и нуждѣ. Если у него нѣтъ отвѣта, то люди будутъ спрашивать его до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ его. Въ этомъ отвѣтѣ не нужно тотчасъ обѣщать новаго общественнаго устройства, но онъ долженъ извѣщать о твердой волѣ помочь бѣднымъ. Подобный вопросъ будетъ предложенъ духовнымъ. Я не понимаю тѣхъ, которые думаютъ, что духовенство можетъ остаться тѣмъ же самымъ при великихъ преобразованіяхъ. Если оно въ теченіе длиннаго періода времени ни чему не научится, вотъ тогда могли бы осуждать его, но опять-таки не христіанство. Христіанство тогда будетъ хорошо расти вокругъ, около церкви и между церквей. Однако мы вполнѣ увѣрены, что духовенство, въ особенности въ евангелической землѣ, скоро пойметъ свою новую задачу.

Какова же новая задача священника? Долженъ ли онъ преподавать политическую экономію народу? Нѣтъ. Этого онъ не долженъ, да въ большинствѣ случаевъ и не можетъ дѣлать. Но онъ

долженъ быть для своего прихода провозвѣстникомъ Бога, человѣкомъ дѣйствительно вѣрующимъ во Христа, возвѣщающимъ евангеліе бѣднымъ. Онъ долженъ жить для поденщиковъ, каменьщиковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, для сапожниковъ, ткачей, обжигальщиковъ металловъ и прислужниковъ, для служанокъ, швей и продавщицъ, для всего труждающагося и обремененнаго, для всѣхъ, не имѣющихъ ни поля, ни скота, ни дома, ни двора, ни денегъ, ни добра; для всѣхъ ихъ онъ долженъ жить, какъ жилъ Іисусъ для рыбаковъ, мытарей и мелкихъ хлѣбопашцевъ Галилеи. Онъ долженъ знать интересы этихъ людей, а также и соприкосновеніе ихъ съ интересами другихъ группъ и классовъ, и долженъ вмѣстѣ съ этими людьми обдумывать путь къ улучшенію ихъ быта. Только для этой цѣли духовному лицу необходимо нѣкоторое знаніе соц.-демократической и политико-экономической литературы. Обстоятельства какъ разъ сложились такъ, что духовному лицу безъ такого знанія нельзя понимать движенія въ народѣ. Чтобы имѣть возможность толковать съ образованными, богословы изучали философію и эстетику. Не важнѣе ли еще въ духѣ Христа, ради многочисленнаго бѣднаго народа, серьезно и тщательно изучить народную психологію и общественное хозяйство въ теоріи и на практикѣ?

Кому часто приходилось имѣть пренія съ соц.-демократами о религіи, тотъ знаетъ, какъ велико недовѣріе ко всѣмъ пасторамъ. Ихъ просто считаютъ за наемныхъ слугъ капиталистическаго класса. Не вѣрятъ больше имъ, что они желаютъ добра бѣдному люду. Такое настроеніе выражается частью въ устныхъ отзывахъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ соц.-демократической прессѣ. Пусть въ этомъ настроеніи много неистиннаго, пусть не оцѣнены добрыя сердца безчисленныхъ пасторовъ, однако для духовнаго сословія является вопросомъ жизни, можетъ ли оно побѣдить это питаемое къ нему теперь недовѣріе тѣмъ, что будетъ вѣрнымъ дѣлу бѣдныхъ, какъ своему. Но этого нельзя сдѣлать, не поставивъ себя въ обостренныя отношенія къ буржуазіи. Нельзя быть одновременно вѣрнымъ другомъ вверху и внизу. Развѣ Іисусъ открылъ это искусство? Неужели вы хотите понимать лучше Его? Попробуйте, если желаете!

Въ томъ, что сейчасъ только сказано, дѣло идетъ не столько о новомъ ученіи, сколько о новой практикѣ церкви, не столько о богословіи, сколько о религіозной жизни. Религіей жизни Іисуса будетъ и должно быть проникнуто духовное сословіе. Если гдѣ-

либо религія уже сдѣлала кое-что въ этомъ отношеніи, тѣмъ лучше, Если мы начнемъ смотрѣть на все съ точки зрѣнія бѣднѣйшихъ братьевъ, подражая Христу, то исторія церкви обогатится сокровищами, которыя до сихъ поръ были извѣстны талько спеціалистамъ по богословію. Что говорятъ отцы церкви о богатствѣ, бѣдности, собственности, процентѣ и общественной жизни станетъ главнымъ предметомъ изученія нашего богословскаго подрастающаго поколѣнія. Почти тысячелѣтняя исторія запрещенія процента будетъ критически разбираться съ практической точки зрѣнія, словомъ, только мало-по-малу увидятъ, какое «облако вещей» спустится къ намъ изъ прошлаго, когда мы серьезно обратимся за помощью къ христіанству.

Вѣрующіе справедливо придаютъ большое значеніе тому, чтобы духовный оставался въ своей сферѣ и не брался за занятія юриста и политика. Онъ долженъ проповѣдывать словомъ и совершать таинства. Съ этимъ мы совершенно согласны. Но духовное лицо должно говорить не только о церковномъ, но и о всемъ Божественномъ, какъ это было у Іисуса. И объ этомъ оно должно говорить въ настоящее время такъ же полно, смѣло и настоятельно, какъ это дѣлалъ въ свое время Христосъ. Общую проповѣдь о любви легко сказать, но проповѣдывать: у кого двѣ одежды, дай неимущему, трудно. Но такъ проповѣдывалъ Іисусъ. Это было и есть слово Божіе.

Кажется, будто мы слишкомъ долго говорили о церкви и духовенствѣ, но вѣдь проникновеніе духовнаго элемента въ соціальный вопросъ и является характернымъ для христіанско-соціальнаго направленія. Сначала примкнули къ этому движенію ткачи, потомъ слесаря и плотники, потомъ вся вмѣстѣ городская промышленность, потомъ угольщики и мелкіе ремесленники, и теперь медленно и осмотрительно примыкаютъ къ нему духовные, учителя и крестьяне,—и съ каждымъ новымъ притокомъ людей одновременно измѣняется настроеніе и духъ соціальнаго движенія.

IV.

Само собой разумѣется, что религіозное въ христіанско-соціальномъ составляетъ только одну сторону. Хозяйственное должно находиться съ нимъ въ связи. Какъ же приходимъ мы къ христіанско-соціальному понятію о хозяйствѣ, находящемуся въ со-

отвѣтствіи со всѣмъ до сихъ поръ выведеннымъ? Первый путь, котбрый намъ совѣтуютъ, состоитъ въ томъ, чтобы мы стали вообще на консервативную почву и оттуда дѣлали уступки соціалъ-демократіи въ томъ, что въ ней должны признать имѣющимъ на это право. Но что въ ней имѣетъ это право, остается совершенно неяснымъ при такомъ методѣ. Однако важнѣе слѣдующее возраженіе: консервативная программа ни слова не говоритъ за служащихъ, зависимыхъ, помощниковъ, работающихъ за плату, поденщиковъ. Это программа для господъ. Партія столь мало заботящаяся о безработныхъ, трудящихся и обремененныхъ, не можетъ быть исходнымъ пунктомъ народной работы въ духѣ Іисуса. Въ этомъ ничего не измѣнитъ и то обстоятельство, что у консерваторовъ въ общемъ замѣчается больше пониманія церкви. Но не церковности, а братства мы жаждемъ. И такъ какъ теперь, какъ намъ кажется, безвозвратно прошло то время, когда вѣтви христіанскаго соціализма рбсли на консервативномъ деревѣ, то намъ остается только желать развитія политико-экономической программы изъ опредѣленныхъ общихъ нравственныхъ побужденій. Взять понятія «братство», «справедливость», «достоинство личности», «царство Божіе», «собственность», «семья», «трудъ», объяснить ихъ, опредѣлить и, наконецъ, извлечь изъ нихъ, насколько возможно, осязательные факты. Этого метода нельзя отвергать безъ околичностей, какъ ничтожную спекуляцію. Подобная работа мысли необходима для нашего успѣха. Наука этики должна быть главнымъ основаніемъ для христіанскихъ соціалистовъ въ ихъ идеяхъ, но не должно впадать въ ошибки неисторической эпохи и желать все на небѣ и на землѣ создать логикой и этикой. Если бы мы такъ стали дѣлать, то мы на мѣсто отвлеченной системы соціалъ-демократіи создали бы другую, похожую на нее и даже такую, которая была бы еще болѣе отвлеченной по содержанію, такъ какъ исходный пунктъ былъ бы чисто идеалистическимъ. Наша задача именно и состоитъ въ томъ, чтобы перейти отъ соціальной отвлеченности, руководясь христіанской этикой, на почву реальности. Въ этомъ смыслѣ я сказалъ въ первомъ отрывкѣ: «Мы должны точно по пунктамъ развить мысли относительно политической экономіи, на которыхъ останавливается соціалъ-демократія». Мы у нея должны перенять постановку вопроса: что дѣлается для низшихъ классовъ народа? По каждому пункту мы должны кончить съ соціалъ-демократіей полюбовно, чтобы вырости изъ нея, какъ она выросла изъ экономическаго либерализма. Уже

изъ этихъ словъ ясно, что мы теперь не можемъ имѣть никакой готовой программы. Если бы мы имѣли ее, то у насъ не было бы направленія для будущаго и въ лучшемъ случаѣ было бы только на сегодня.

Не разъ я долженъ былъ отвѣчать на вопросъ: что и кого мы должны изучить, что бы имѣть возможность работать въ вашемъ духѣ? Если гдѣ кѣмъ-либо, готовымъ пожертвовать нѣсколькими годами на изученіе и всей своей жизнью на результатъ этого изученія, будетъ поставленъ этотъ вопросъ, то я собственно никого другого не назову кромѣ «Христа и Маркса». Нельзя осуждать меня и говорить, что я долженъ поставить на первомъ мѣстѣ Рошера, Вагнера, Брентано. Какъ важна для меня буржуазная политическая экономія, впослѣдствіи я буду имѣть случай высказаться, но теперь я желалъ бы поставить, какъ истину добытую опытомъ, что въ буржуазномъ ученіи о хозяйствѣ трудно найти принципіальный основной пунктъ, который все разсматриваетъ съ точки зрѣнія Христа, съ точки зрѣнія бѣдныхъ братьевъ. Тѣ, которые обращаются ко мнѣ съ вопросомъ, конечно, вѣдь не искатели чисто академическаго ученія о хозяйствѣ, но молодые люди, желающіе быть практическими христіанскими соціалистами. Но христіанскому соціалисту, не желающему сдѣлаться профессоромъ, не нужно знать всѣхъ подробностей, но нужно испытать на себѣ кое-что изъ того, что пережили въ душѣ прежде насъ ткачи и каменьщики. Путь, который я предлагаю, не вполнѣ безопасенъ. Нерѣдко бываетъ, что новый другъ Маркса такъ погрузится въ него, что совершенно забываетъ Христа. Но тамъ, гдѣ что-либо должно быть достигнуто, всегда есть и опасность. Кто изъ молодыхъ людей крикнетъ: закройте глаза, когда увидите проходящимъ Маркса, тотъ можетъ воспитать очень милыхъ молодыхъ людей, но ни одного такого, который былъ бы достаточно твердъ для предстоящей намъ борьбы. Кого же наконецъ намъ желательно имѣть? Именно тотъ самый народъ, который сегодня соц.-демократиченъ или завтра сдѣлается имъ. Но какъ же мы будемъ имѣть возможность сдѣлать это, когда сами въ себѣ не пережили духовнаго міра этого народа и его газетъ, брошюръ, собраній. Если кто-либо приступитъ къ изученію соц.-демократіи съ вѣрой въ Іисуса и съ исторической подготовкой, тотъ много узнаетъ, и ему откроются бреши въ башнѣ соц.-демократіи, отъ которыхъ должна когда-нибудь она рухнуть. Какъ на такія бреши мы укажемъ на склонность къ шаблонности и на фаталистическій оптимизмъ.

Соц.-демократія въ своемъ ученіи (практика гораздо лучше ученія) главнымъ образомъ различаетъ только два класса людей: капиталистовъ и пролетаріевъ, поскольку они оба почти во всей промышленности стоятъ другъ противъ друга. Но къ счастью теперь не вся Германія есть только одна большая паутина или нѣчто въ этомъ родѣ. Формы, будто прямо вылитыя для рабочихъ, подходятъ неодинаково ко всѣмъ остальнымъ частямъ народа! Хотя и ремеслленники и крестьяне страдаютъ подъ «капитализмомъ», но для нихъ онъ очень различенъ. Здѣсь ученіе о прибавочной цѣнности начинаетъ терять непосредственность. Предприниматель больше не эксплуататоръ, и на его мѣсто выступаетъ давшій подъ залогъ кредиторъ. Словомъ, чѣмъ дальше распространяется соц.-демократія, тѣмъ становится сомнительнѣе ея отношеніе къ чистому ученію Маркса. Я съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ разрѣшенія, поднятой Шонланкомъ для ближайшаго съѣзда соц.-демократической партіи темы: крестьянинъ и промышленникъ. Если этого не касаться слегка, то отвѣтъ долженъ быть почти такимъ: «мы знаемъ, что великія идеи Маркса содержатъ программу на безконечныя времена. Мы и послѣ не безъ основанія будемъ уважать эту безконечную программу, но мы считаемъ необходимымъ установить опредѣленныя предварительныя цѣли для особыхъ частей народа. «Этимъ былъ бы сдѣланъ шагъ въ ожидаемомъ нами направленіи. Остается ждать, какъ далеко можетъ «полинять» соц.-демократія, какъ таковая, въ этомъ отношеніи. Настанетъ время когда съ удивленіемъ посмотрятъ вокругъ и скажутъ: развѣ собственно марксизмъ то, чѣмъ мы теперь занимаемся? Тогда христіанскіе соціалисты съ своей стороны должны понять, чего они хотятъ. Для этой цѣли необходимо точное и подробное знаніе положенія отдѣльныхъ частей народа, затѣмъ наиболѣе важнымъ будетъ матеріалъ, собранный по частямъ буржуазной политической экономіей, но разсматриваемый съ другой точки зрѣнія. Чего соц.-демократія не можетъ сдѣлать вслѣдствіе ея агитаціи, вслѣдствіе ея отношенія къ правительству и ея финансоваго положенія, и что однако очень важно, именно опредѣленіе того, что дѣйствительно существуетъ реально и фактически въ каждомъ отдѣльномъ органѣ народнаго тѣла, то дѣлаетъ академическая политическая экономія. Въ этомъ отношеніи христіанскіе соціалисты должны итти рука объ руку съ ней. Мы думаемъ, что одновременно съ развитіемъ «соціальнаго вопроса», послѣдуетъ распа-

деніе его на два большихъ вопроса: вопросъ о капиталѣ и организаціи.

Въ вопросѣ объ организаціи рабочихъ соціалъ-демократія сдѣлала много. Обществами рабочихъ и союзами ремесленниковъ, по нашему мнѣнію, уже положено основаніе будущему. Организующая сила соціалъ-демократіи, кажется, и не создала больше ничего. Мы думаемъ, что она приготовитъ и организаціи занимающихся торговлей. Но удастся ли соціалъ-демократіи организовать крестьянъ, или эту организацію произведутъ антисемиты, мы не знаемъ. Что нельзя продолжительное время объединять всѣ части народа на формахъ антисемитизма, это довольно ясно, но тѣмъ не менѣе надо подумать о смѣшеніи консервативныхъ марксистскихъ и антисемитическихъ мыслей, которое пока занимаетъ группу народа, стоящую до сихъ поръ подъ крылышкомъ консерватизма. Можно съ увѣренностью сказать, что христіанскіе соціалисты должны обратить большее вниманіе на организаціонное движеніе.

Между тѣмъ, какъ въ вопросѣ объ организаціи необходима спеціализація изученія и агитаціи, содержаніе христіанско-соціальнаго ученія должно быть доступнымъ для всѣхъ частей народа, для всѣхъ народныхъ организацій. Подъ этимъ содержаніемъ мы разумѣемъ вопросъ о капиталѣ. Здѣсь мы отвергаемъ фаталистическій оптимизмъ соціалъ-демократіи. Буржуазный либерализмъ, какъ извѣстно, имѣлъ основнымъ пунктомъ laissez aller, laissez passer. Это основное положеніе наслѣдовала соціалъ-демократія и формулировала его почти такъ: чѣмъ болѣе даютъ простора концентраціи капитала, тѣмъ скорѣе исчезнетъ капиталистическая система, поэтому мы въ принципѣ приверженцы свободной торговли и не мѣшаемъ Ротшильду и товарищамъ въ ихъ дѣлѣ, которое благодаря неизбѣжной судьбѣ (мы не знаемъ почему, но это такъ) должно послужить собственно нашимъ желаніямъ. Въ этомъ предоставленіи роста капиталу лежитъ съ одной стороны сила, а съ другой слабость соціалъ-демократіи; сила, потому что каждый приноситъ съ собой великій оптимизмъ людей, потому что это ученіе въ состояніи вызвать настроеніе, подобное настроенію нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ, которыя всю надежду полагали на великій день гнѣва и веселія и мужественно проводили каждый день такъ, какъ будто уже взошли на небѣ звѣзды зари тысячелѣтняго небеснаго царства; слабость, потому что такое настроеніе едва ли можетъ продолжаться дольше одного поколѣнія. Буржуазный міръ не такъ дряхлъ, какъ объ немъ говорятъ; экспропріація экспро-

пріаторовъ и концентрація производства совершаются не съ быстротой и вѣрностью физическаго процесса, словомъ, соціалъ-демократія чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ запутываться въ затрудненіяхъ, если она будетъ предерживаться своего пониманія вопроса о капиталѣ.

Эти затрудненія становятся теперь все болѣе и болѣе непреодолимыми. Таковы прежде всего законопроекты съ консервативно-антисемитской стороны, каковые хотя и въ очень слабой степени, идутъ наперекоръ интересамъ капитализма. Простой человѣческій умъ предпочитаетъ, по пословицѣ, синицу въ рукахъ—законъ о лихоимствѣ и подоходный налогъ, посуленному соціалистами журавлю въ небѣ. Если соціалъ-демократія останется вѣрной своему ученію, то она должна будетъ въ принципѣ отвергнуть оба закона, должна будетъ гордо презрѣть всѣ эти «палліативы». Но рѣчи, которыя говорились о законѣ насчетъ лихоимства и о подоходномъ налогѣ, показываютъ, что скорѣе выберутъ средній путь, который дастъ возможность защищать принципъ и все-таки слѣдовать практическому антикапитализму. Это затрудненіе должно сдѣлаться тѣмъ больше, чѣмъ энергичнѣе выступитъ практическій антикапитализмъ помимо соціалъ-демократіи. Думаютъ вызвысить налогъ на наслѣдство. Обсужденіе этого закона приведетъ соціалъ-демократію къ новымъ затрудненіямъ. Къ этому присоединяется еще второе: безработица и конкурренція капитала находятся въ опредѣленной связи. Число безработныхъ растетъ съ капиталомъ, т. е. съ увеличеніемъ удержанныхъ годовыхъ доходовъ. Теперь вполнѣ возможно, что и безработица войдетъ въ систему, какъ необходимая тѣневая сторона развитія правильнаго историческаго процесса, но партіи, которая служитъ несчастнѣйшимъ, будетъ трудно утѣшать безработныхъ въ теченіе столѣтій правильностью системы. Сотни тысячъ безработныхъ будутъ все настоятельнѣе требовать настоящаго практическаго антикапитализма, чтобы имъ можно было жить. Если этотъ антикапитализмъ не дастъ начала политической партіи, то у нихъ будетъ практическій анархизмъ.

Способна ли соціалъ-демократія, какъ партія, къ такому развитію, чтобы стать на почву этого антикапитализма? Для этого она слишкомъ крѣпко связана своимъ прошлымъ. Но здѣсь начинается задача христіанскаго соціализма, задача, въ которой болѣе старые и новые христіанскіе соціалисты могутъ понять друга друга. Здѣсь за насъ будетъ и текстъ евангелія. Что Іисусъ Христосъ говоритъ о «Маммонѣ», оживетъ. Поможетъ здѣсь намъ много и

то, чему учили консерваторы и антисемиты. Но прежде всего поможетъ намъ великій учитель—нужда. Дѣло будетъ состоять только въ томъ, чтобы подыскать правильныя формы для антисемитскаго направленія. Намъ кажется, что объ этомъ можно сказать такъ: „мы признаемъ концентрацію промышленности, но отвергаемъ концентрацію капитала». Это предложеніе, какъ всякое краткое изреченіе, можно ложно толковать, можно сказать: капиталъ вѣдь собственно не что иное, какъ поля, дома, рудники, фабрики; какъ же вы хотите концентрировать промышленность, не концентрируя капитала? Но это возраженіе будетъ умѣстно только до тѣхъ поръ, пока капиталъ будутъ приравнивать къ средству производства. Мы употребляемъ слово капиталъ въ смыслѣ права на владѣніе частью произведеннаго, мы понимаемъ подъ нимъ бумажный отпечатокъ дѣйствительныхъ вещей, заклады, закладныя на недвижимое имущество, акціи, облигаціи, паи и т. п., словомъ, привиллегію пользоваться процентами разнаго рода.

Сказать концентрація капитала значитъ сказать Ротшильдъ, Блейхредеръ и компанія. Такъ какъ концентрація капитала только тамъ связана съ концентраціей промышленности, гдѣ она находится въ рукахъ крупныхъ предпринимателей (Круппъ, Штуммъ), но въ то же время концентрація производства возможна вездѣ, гдѣ она является слѣдствіемъ поземельной ренты (ипотечный процентъ, плата за наемъ), то, по нашему мнѣнію, борьба противъ частнаго использованія поземельной ренты будетъ ближайшимъ и лучшимъ путемъ для практическаго антикапитализма христіанскихъ соціалистовъ. Не мечтая объ общихъ «естественныхъ правахъ на землю», мы здѣсь коснемся плановъ преобразованія земельной собственности. Наша дальнѣйшая концентрація производства раздѣляетъ насъ съ консерваторами и антисемитами; отверженіе же нами концентраціи капитала раздѣляетъ насъ съ соц.-демократами и буржуазными либералами. Новое пониманіе древней процентной проблемы служитъ признакомъ нашей вѣрности церковному преданію. Мартинъ Лютеръ писалъ въ 1540 году воззваніе къ пасторамъ: «проповѣдовать противъ лихоимства». Мы видимъ, что политическая экономія Лютера устарѣла, но что его ясный христіанскій взглядъ, какъ кажется и теперь, угадалъ истину: скупость и лихоимство—главныя преступленія противъ этики и хозяйства.

Однимъ словомъ, народная организація и антикапитализмъ представляютъ безконечный матеріалъ для работы. Христіанско-соціа-

листическое движеніе, какъ мы понимаемъ его, не сложится безъ опредѣленной цѣли, какъ соц.-демократія, но и не ограничится только нѣсколькими требованіями, которые рѣшатся черезъ десять лѣтъ. Нельзя предъявить нѣсколько скромныхъ требованій, которыя уже имѣютъ или будутъ имѣть одобреніе у всѣхъ мыслящихъ людей вверху и внизу, и потомъ удивляться, что эти самоочевидности—незначительная защита рабочихъ и реформа налога—не могутъ покорить людей. Изъ-за маленькихъ цѣлей никто не прыгнетъ въ огонь. Главная опасность для христіанскихъ соціалистовъ: быть маленькимъ, узкимъ и осторожнымъ. Нашимъ лозунгомъ должно быть: быть практичнымъ и широкимъ.

V.

Какихъ людей ждемъ мы для участія въ христіанско соціальной работѣ? Для отвѣта на этотъ вопросъ, намъ необходимо различать двѣ эпохи,—тепершнее приготовительное время и позднѣйшее—дѣятельности среди народа. Позднѣе, такъ мы ожидаемъ, большія части народной массы, принадлежащія сегодня къ соц.-демократамъ, станутъ христіано-соціалистами. Мы думаемъ, что этотъ процессъ «линянія», о которомъ мы говорили въ предыдущемъ отрывкѣ, если онъ еще продолжится десятилѣтіе, приведетъ къ образованію совершенно радикальной лѣвой и практичной правой соц.-демократіи. Что изъ себя будетъ представлять радикальная лѣвая, намъ совсѣмъ неясно, но что она должна будетъ явиться, намъ кажется несомнѣннымъ. Всегда будутъ элементы, которые по своей природѣ неспособны къ практической политикѣ. Правая же будетъ ядромъ основательныхъ, дѣятельныхъ и хорошо организованныхъ работниковъ. Естественно, что эта правая не бросится безъ оговорокъ въ то, что она нынче называетъ «ханжествомъ», но по закону психологіи, — тѣ самыя душевныя состоянія дѣдовъ, которыя заглохли въ отцахъ, легко оживаютъ во внукахъ, ближайшее поколѣніе соц.-демократіи будетъ менѣе оппозиціонно по отношенію къ церкви и болѣе полно страстнымъ стремленіемъ къ истинной религіи, чѣмъ нынѣшнее. Конечно сначала только отдѣльныя лица будутъ перебѣгать то туда, то сюда до тѣхъ поръ, пока не выяснятся обстоятельства.

Однако это дѣло вѣдь будущаго и его можно смѣло оставить развиваться.

Въ настоящее время насъ гораздо больше занимаетъ вопросъ, кто будетъ носителемъ христіанско-соціальной идеи, насколько она обработана. Общій отвѣтъ гласитъ: тѣ изъ вѣрующихъ христіанъ, которыхъ не удовлетворяютъ больше старыя партіи и которые изъ за религіозныхъ, патріотическихъ и политико-экономическихъ соображеній не могутъ быть соціалъ-демократами. Число этихъ людей будетъ ограниченнымъ, потому что духовное состояніе, о которомъ мы говорили, предполагаетъ опредѣленную этико-экономическую рефлексію. Полезно сначала указать въ какихъ слояхъ общества мы сегодня не надѣемся найти дѣятельныхъ и убѣжденныхъ христіанскихъ соціалистовъ. Насъ спрашивали, состоитъ ли задача христіанскихъ соціалистовъ въ томъ, чтобы разбудить землевладѣльцевъ, какъ соц.-демократія сдѣлало это съ рабочими. Мы не думаемъ, что поденщикъ долженъ быть разбуженъ христіанскимъ соціализмомъ, ибо съ своимъ пробужденіемъ онъ захочетъ сначала все раскритиковать и проклясть, станетъ гнѣваться и безчинствовать, прежде чѣмъ научится практической политикѣ. Но эти неизбѣжные бурные годы съ деревенскими грубостями дадутъ поденщикамъ нѣкоторое понятіе о христіанствѣ, о которомъ имъ сообщала церковь. Ремесленникъ, какъ намъ кажется, еще вовсе не настолько приготовленъ къ христіанскому соціализму, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ друзей. Хотя онъ также, какъ и мы, противникъ капитала, но онъ въ большинствѣ случаевъ въ то же время является противникомъ концентраціи промышленности. Онъ придаетъ меньше значенія соціальному нововведенію, которое приноситъ пользу бѣднѣйшему, чѣмъ поддержанію его маленькой самостоятельности. Поэтому онъ будетъ вообще больше слушать то, что можетъ, у антисемитовъ и консерваторовъ, чѣмъ въ нашихъ собраніяхъ. Спрашивается только, могутъ ли эти партіи исполнить ему то, что онъ ждетъ отъ нихъ. Только тогда, когда ремесленникъ пойметъ необходимость новаго соціальнаго образованія, т. е. въ моментъ, когда онъ спустится въ сферу домашней промышленности (портной, сапожникъ), онъ будетъ способенъ, при желаніи остаться христіаниномъ, усвоить христіанско-соціальное понятіе о вещахъ. Такимъ образомъ мы пришли въ нашей работѣ къ тому, что должно заслуживать нашего перваго и серьезнаго вниманія. Это край соц.-демократіи, это часть, которая растворилась въ энергичномъ химическомъ процессѣ, но которая еще вновь не кристаллизовалась. Къ ней принадлежитъ, какъ только что было упомянуто, почти вся домашняя промышлен-

ность, а также и та, которая уже много лѣтъ избираетъ соц.-демократовъ. Что же иное дѣлать этимъ людямъ, какъ не подавать въ запискахъ свои голоса за соц.-демократовъ, такъ какъ иначе никто не войдетъ въ парламентъ за нихъ? Гдѣ развита домашняя промышленность, тамъ еще большею частью живо христіанство, тамъ есть еще и наши приверженцы.

Далѣе, въ эту группу входятъ работники, которыхъ трудно организовать: земледѣльцы, поденщики, занимающіеся отхожимъ промысломъ, швейцары, слуги. Къ нимъ можно, пожалуй, причислить и половыхъ. Къ этому же разряду относятся извощики, кондукторы и мелкіе чиновники. Эти по большей части бываютъ связаны очень тягостнымъ внутреннимъ обстоятельствомъ. Ихъ должность требуетъ отъ нихъ непремѣнной вѣрности государству, а нужда влечетъ ихъ къ соціализму. Они пойдутъ туда, гдѣ оба эти элемента соединятся. Это кора соц.-демократіи, по которой можетъ еще подняться новый жизненный сокъ, когда хорошо обработается съ христіанской стороны. Послѣдуетъ ли эта работа, теперь еще нельзя предвидѣть, но мы надѣемся.

Что и въ христіанскомъ лагерѣ начинаютъ мало-по-малу понимать работу организаціи, показываютъ евангелическіе и католическіе рабочіе союзы. Число католическихъ союзовъ намъ не важно знать [1]). Что же касается до евангелическихъ союзовъ, то положеніе дѣлъ слѣдующее: въ 1882 году рудокопъ Фишеръ основалъ первый евангелическій рабочій союзъ. Съ этого и началась, хорошо сплетенная сѣть, находящихся въ связи союзовъ. Въ 1895 году союзы насчитывали 75,000 членовъ. Изъ нихъ на прирейнскую Вестфалію приходилось 28,000, слѣдовательно, около половины. Другая половина приходится на остальные промышленные округа въ евангелическихъ странахъ.

Евангелическіе рабочіе союзы были по своему происхожденію большею частью чисто конфессіональными союзами и какъ таковые имѣли только ограниченное соціально-политическое значеніе. Съ іюня 1893 года союзы стали имѣть программу, которая разсматривается, какъ «планъ для докладовъ и обсужденій», но не какъ программа дѣятельности. Принципіальная часть этой программы гласитъ слѣдующее: «мы держимся евангельскаго христіанства. Поэтому мы не признаемъ ни матеріалистическаго взгляда

[1]) Число католическихъ рабочихъ союзовъ превышаетъ въ одной Германіи 1000, число членовъ болѣе 250,000. Прим. перев.

на міръ, поскольку онъ является исходнымъ пунктомъ и средствомъ агитаціи соціалъ-демократіи, ни того взгляда, что христіанство должно касаться только исключительно неземного. Напротивъ, цѣль нашей работы мы полагаемъ въ развитіи его силъ, обновляющихъ всемірную экономическую жизнь настоящаго. Мы убѣждены, что эта цѣль уже не можетъ быть достигнута только случайнымъ сплетеніемъ разнаго рода христіанскихъ и соціальныхъ идей, но единственно органическимъ, совершеннымъ преобразованіемъ нашихъ отношеній, сообразно нравственнымъ идеямъ, содержащимся въ евангеліи и вытекающимъ изъ нихъ слѣдствіямъ. Въ нихъ мы имѣемъ, какъ твердый масштабъ безпристранной критики нынѣшнихъ отношеній, такъ и сильное средство требовать опредѣленной новой организаціи въ экономической жизни. Мы будемъ стремиться къ тому, чтобы эти организаціи при ихъ проведеніи въ жизнь въ одинаковой мѣрѣ и дѣйствовали нравственно воспитательно, и были технически способны къ осуществленію, и хозяйственно выгодны для всѣхъ заинтересованныхъ въ ихъ осуществленіи. Мы будемъ избѣгать вывода нашихъ требованій изъ какой-нибудь отдѣльной политико-экономической теоріи. Напротивъ, одну изъ нашихъ задачъ мы полагаемъ въ томъ, чтобы поставить нашихъ друзей самостоятельно и безъ предразсудковъ надъ господствующими надъ умами экономическими проблемами. Въ возрастающей концентраціи капитала мы видимъ тяжелое хозяйственное зло; поэтому мы требуемъ отъ государства, чтобы оно не содѣйствовало, а противодѣйствовало ей всякимъ законнымъ образомъ, особенно путемъ законовъ о налогахъ. Наши требованія мы будемъ формулировать по мѣрѣ возрастанія знанія хозяйственной жизни». Въ заключительной части программы стоятъ слѣдующія основныя положенія: признается необходимымъ крупное производство, подкрѣпленіе рабочихъ въ ихъ борьбѣ за существованіе; для этого требуется: распространеніе страхованія (на вдовъ, сиротъ, на случай безработицы), учрежденіе помощи рабочимъ, введеніе обязательныхъ обществъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, особенно закономъ признанныхъ рабочихъ союзовъ, парламентское устройство фабрики, преобразованіе государственныхъ производственныхъ учрежденій въ образцовыя учрежденія при предоставленіи личности полной свободы. О мелкомъ производствѣ программа высказывается предусмотрительно: «союзы вовсе не думаютъ, что все мелкое производство падаетъ. Поэтому они стоятъ за него, поскольку оно оказывается способнымъ къ жизни, благо-

даря возрастанію энергичной взаимной помощи». Они требуютъ:

1) для ремесла—введенія корпоративной организаціи и содѣйствія товарищескимъ союзамъ;

2) для честной торговли и промышленныхъ предпріятій—покровительства въ видѣ ограниченія надзора за продажей товаровъ въ развозъ и занятіями за плату посрочно, устраненія странствующихъ лавокъ и дешевыхъ базаровъ;

3) биржа со всѣми ея занятіями должна находиться, насколько возможно, подъ дѣятельнымъ государственнымъ надзоромъ; этимъ положатъ конецъ злоупотребленіямъ въ современной практикѣ, особенно биржевой игрѣ на продажѣ товаровъ, служащихъ для народнаго питанія.

Пусть программа въ нѣкоторыхъ частяхъ нуждается въ улучшеніи, однако очень важно, что у насъ общее направленіе въ принципѣ правильно и получило всѣ оттѣнки христіанско-соціальнаго направленія. Сообразно съ этими положеніями должна итти христіанско-соціальная работа. При этомъ рабочіе должны будутъ служить при всякихъ обстоятельствахъ фундаментомъ христіанскаго соціализма. Христіанско-соціальное движеніе, которое настолько нѣжно, что можетъ понравиться всякой графинѣ, которое такъ образованно, что каждый ученый согласенъ съ его принципами, и которое такъ кротко, что всѣ денежные ящики отворяются передъ нимъ сами собой, будетъ все-таки безцѣльнымъ, если не будетъ стремиться понять рабочихъ и уменьшить ихъ нужду. Я бы лично не пожертвовалъ каплей моихъ силъ на направленіе, только кажущееся дружескимъ къ рабочимъ. Мы не желаемъ никакой общей гармоніи, характера которой никто бы не въ состояніи понять. Уклоняться членамъ евангелическихъ союзовъ отъ борьбы за свое положеніе, по нашему мнѣнію, недостойно. Это должно быть особенно выдвинуто нами, чтобы никто не сказалъ потомъ намъ, что мы обманщики. Вѣдь, кто не хочетъ честно и открыто помогать рабочимъ, кто хочетъ только всегда мыть свои невинныя руки въ тепловатой водѣ нерѣшительности, кто меньше боится за народъ, чѣмъ за свои милые купоны, тотъ долженъ обмануться въ насъ, если думаетъ запречь насъ въ свою серебряную повозку.

Только что сказаннымъ уже ясно обозначено, въ какихъ границахъ намъ желательно сотрудничество образованныхъ и состоятельныхъ классовъ. У насъ нѣтъ намѣренія дѣятельно воодушевлять множество пріятныхъ людей для нашей работы, но мы желаемъ собрать всѣхъ тѣхъ, которые изъ за своихъ убѣжденій или

экономической предусмотрительности, оставили эгоистическое старое общество. Есть много, въ особенности въ образованномъ юношествѣ, борющихся душъ, которые мучатся съ проблемами времени. У нѣкоторыхъ внутренняя борьба имѣетъ религіозный характеръ, они желаютъ серьезно относиться къ христіанству, говорятъ рѣчи только о любви, въ часы отдыха бранятъ сами себя лицемѣрами, трусами, несчастными сынами вялаго періода. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы успокоить совѣсть становятся спокойными приверженцами соц.-демократіи, другіе, какъ Теодоръ фонъ Вехтеръ, погружаются совсѣмъ въ самихъ себя; большинство же теряетъ старую почву подъ ногами и не находитъ новой, на которой могло бы остановиться. Этихъ мы и желаемъ призвать. Это не шаблонные люди, но люди, которые пережили кое-что внутреннее, похожее нѣсколько на церковное обращеніе, которые, молясь и обдумывая долгія ночи, испытали на себѣ тягостное чувство борьбы между эгоистическими стремленіями сословія и народнымъ братствомъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ вначалѣ будетъ больше сомнѣній и энтузіазма, чѣмъ ясныхъ хозяйственныхъ цѣлей, но и такими они должны быть желанными гостями христіанскаго соціализма, ибо мы вѣдь, не надо забывать, еще не совсѣмъ образовавшаяся партія, которая можетъ принимать только людей, уже приготовленныхъ или очень способныхъ.

Затѣмъ подлѣ этихъ людей религіозной борьбы будутъ стоять другіе, занимающіе болѣе высокое положеніе по своему уму: ихъ свѣтлый умъ покажетъ имъ неосновательность нынѣшняго положенія. Одна часть ихъ, которая будетъ увеличиваться, перейдетъ къ соц.-демократіи. Это будутъ, по всей вѣроятности, больше спекулятивныя натуры, поздніе потомки гегелевской діалектики. Другая же часть присоединится къ намъ. Эти исторически сложившіяся натуры, которыя такъ часто попадаются теперь, люди, которые имѣютъ достаточно знанія исторіи, чтобы быть свободными отъ всякаго оптимистическаго фатализма и которые однако вѣрятъ, что мы стоимъ у дверей новой эпохи. Смѣшеніемъ этихъ людей съ серьезно религіозными будетъ положено основаніе христіанско-соціальнаго духа, поскольку онъ сверху долженъ проникать въ рабочую среду и настроеніе рабочихъ.

Программа христіанско-соціальной рабочей партіи въ ея окончательной формулировкѣ.

Общія основныя положенія.

I. Христіанско-соціальная рабочая партія стоитъ на основѣ христіанской вѣры и любви къ государю и отечеству.

II. Она отвергаетъ современную соціалъ-демократическую партію, какъ непрактичную, нехристіанскую и непатріотическую.

III. Она стремится къ мирной организаціи рабочихъ для того, чтобы сообща съ другими факторами государственной жизни положить начало необходимымъ практическимъ реформамъ.

IV. Она ставитъ себѣ цѣлью уменьшеніе пропасти между богатыми и бѣдными и утвержденіе прочной экономической обезпеченности.

Отдѣльныя постановленія.

I. О государственной помощи.

A. Организація рабочихъ.

1. Введеніе обязательныхъ, различныхъ по профессіямъ, но распространенныхъ на всю страну профессіональныхъ союзовъ, и въ связи съ ними регулированіе ученичества.

2. Учрежденіе обязательныхъ третейскихъ судовъ.

3. Учрежденіе обязательныхъ пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія вдовъ и сиротъ, а также на случай неспособности къ труду и старости.

Полномочіе профессіональныхъ союзовъ для представительства интересовъ и правъ рабочихъ передъ работодателями.

5. Обязательная отвѣтственность профессіональныхъ союзовъ за соблюденіе рабочими принятыхъ на себя контрактныхъ условій.

6. Государственный контроль надъ кассами профессіональныхъ союзовъ.

B. Охрана труда.

1. Запрещеніе воскреснаго труда. Отмѣна труда дѣтей и замужнихъ женщинъ на фабрикахъ.

2. Нормальный рабочій день, установленный профессіональными союзами.

3, Энергичное выступленіе въ защиту международнаго рабочаго законодательства для охраны труда; до достиженія этой цѣли достаточная охрана національнаго труда.

4. Охрана рабочаго населенія отъ вреднаго для здоровья состоянія мастерскихъ и рабочихъ жилищъ.

5. Возстановленіе законовъ противъ ростовщичества.

С. Государственныя предпріятія.

1. Эксплуатація въ интересахъ рабочихъ наличной государственной и коммунальной собственности, а также дальнѣйшее ея расширеніе, поскольку это выгодно въ экономическомъ и допустимо въ техническомъ отношеніяхъ.

Д. Обложеніе.

1. Прогрессивно-подоходный налогъ, какъ замѣна и противовѣсъ существующаго или проектируемаго косвеннаго обложенія.

2. Прогрессивный налогъ на наслѣдства для болѣе или менѣе крупныхъ состояній и для отдаленныхъ степеней родства.

3. Биржевой налогъ.

4. Высокій налогъ на предметы роскоши.

II. О духовенствѣ.

Любвеобильное и дѣятельное участіе во всѣхъ начинаніяхъ, направленныхъ къ увеличенію физическаго и духовнаго благосостоянія, а также повышенію религіозно-нравственнаго уровня всего народа.

III. Объ имущихъ классахъ

Готовность итти навстрѣчу справедливымъ требованіямъ неимущихъ, въ частности путемъ воздѣйствія на законодательство, возможно большее повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня.

IV О самопомощи.

А. Готовность поддержать профессіональную организацію, какъ замѣняющую все, что было, хорошаго и годнаго въ ремесленномъ строѣ.

Б. Поддержка личнаго и профессіональнаго достоинства, изгнаніе всякой грубости въ развлеченіяхъ и устройство семейной жизни въ христіанскомъ духѣ.

Ложь Наумановскаго христ. соціализма.

Куттеръ противъ Наумана.

Вотъ программа Наумана и Штекера. Что о ней сказать? А то только что здѣсь мало любви къ свободѣ, мало демократіи и нѣтъ христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ, какое мѣсто отводится здѣсь съ такимъ пафосомъ прославляемому „христіанству“. Оно имѣетъ для программы исключительно декоративное значеніе. Для того, чтобы весь міръ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ въ данномъ случаѣ дѣло, развертывается, такъ сказать, знамя христіанства, содержаніе и сущность всей программы не имѣютъ съ нимъ ничего

общаго. Можно соглашаться съ отдѣльными положеніями, вовсе не стоя, вмѣстѣ съ программой, „на основѣ христіанской вѣры“. Непонятно, чего собственно хочетъ программа. Если это планъ организаціи „христіанскаго“ общества, то можно возразить, что онъ также хорошо могъ бы пойти къ обществу, построенному просто на гуманныхъ, а не спеціально на христіанскихъ началахъ. Если же, наоборотъ, въ противоположность „непрактичной“ соціалъ-демократіи, она должна выставить только выполнимыя требованія соціализма, то невольно возникаетъ вопросъ, почему эти требованія, сами по себѣ очень разумныя и справедливыя, должны пройти именно подъ флагомъ христіанства? Пришлось бы въ такомъ случаѣ сдѣлать выводъ, что только христіанство въ состояніи дать убѣдительность „практичнымъ“ мѣропріятіямъ, что явно невѣрно, да къ тому же и для самаго христіанства это было бы неособенно великолѣпно. Съ полнѣйшимъ правомъ можно было бы ожидать, послѣ сильныхъ и угрожающихъ рѣчей Штекера и Наумана къ рабочимъ, соціалъ-демократамъ, что христіанство выдвинутое ими, какъ незамѣнимое цѣлебное средство, станетъ въ центрѣ его положительнаго плана реформъ; словомъ что онъ будетъ неуклонно стремиться къ тому, чтобы изъ глубины христіанства вызвать самое преобразованіе вещей. Но этого отнюдь нѣтъ. Что можно, напр., сказать по поводу того, что духовенство призывается „во всѣхъ начинаніяхъ направленныхъ къ увеличенію физическаго и духовнаго благосостоянія, а также повышенію религіозно-нравственнаго уровня всего народа“, Принять любвеобильное и дѣятельное участіе? Что это за начинанія? Вытекающія изъ самого христіанства непосредственно, или же изъ совершенно другого источника и въ христіанствѣ лишь черпающія себѣ поддержку? Какъ должны мы понимать, что къ „имущимъ классамъ“ направленъ лишь слабый призывъ о готовности пойти навстрѣчу „справедливымъ требованіямъ неимущихъ?“ Что будутъ понимать разные финансовые тузы, крупные капиталисты, крупные помѣщики и т. п. подъ этимъ робкимъ воззваніемъ? Развѣ не похоже, какъ будто каждое слово нарочно оставлено висѣть въ воздухѣ, чтобы провести невредимо суднышко христіанскаго соціализма мимо этого опаснѣйшаго подводнаго камня?

Самое замѣчательное явленіе въ программѣ Наумана это—полнѣйшее раздѣленіе между религіозными и экономическими факторами. Христіанство не имѣетъ самостоятельнаго значенія, оно служитъ только для опредѣленія точки зрѣнія и стоитъ въ непосредственной связи, рядомъ съ практическими требованіями. Съ полнѣйшей откровенностью онъ объясняетъ: „Само собой разумѣется, что религіозность—это только одна сторона христіанскаго соціализма. Но экономическая сторона должна съ ней гармонировать“. (Что такоэ христіанскій соціализмъ? I вып. стр. 16). Въ этомъ положеніи высказалась вся слабость христіанскаго соціализма. Христіанство, если оно говоритъ о

„религіозномъ“ какъ только объ „одной сторонѣ“, если для дополненія должно присоединять „экономическое“, слѣдовательно, такое христіанство, которое тщательно и премудро умѣетъ расщеплять всѣ обсуждаемые вопросы, вмѣсто того, чтобы всѣ ихъ выводить изъ одной, великой центральной мысли,—такое христіанство величина дробная, половина, и отъ него невозможно ожидать ничего цѣльнаго, ничего законченнаго. Кто всегда видитъ только Многое и не видитъ Единаго, кто разсматриваетъ всѣ вещи въ одной плоскости, кто съ однимъ и тѣмъ же интересомъ говоритъ то съ экономической, то съ религіозной точки зрѣнія у того нѣтъ центральнаго, распознающаго сущность взгляда. Онъ умѣетъ обо всемъ говорить, но въ этомъ то и есть его проклятіе. Кто имѣетъ сказать Великое, тотъ имѣетъ говорить только объ Одномъ. Христіанство имѣетъ это Единое или, лучше сказать, этого Единаго, но оно не знаетъ Его больше. Оно признаетъ Бога безъ посредниковъ, но любитъ посредничество во многихъ и многихъ видахъ. „Но посредникъ при одномъ не бываетъ, а Богъ одинъ“, говоритъ ап. Павелъ (Гал. 3. 20).

Мы повторяемъ: *христіанство Наумана и нѣмецкихъ соціалистовъ не знаетъ Бога живого.*

Въ своихъ „Мысляхъ по поводу христіанско-соціальной программы“ („Die Hilfe“ 2 іюля 1895 г.) Науманъ группируетъ слѣдующіе главные аргументы:

Іисусъ Христосъ есть истинная помощь.

Матеріализмъ долженъ былъ явиться, такъ какъ христіанское ученіе недооцѣнивало матеріальнаго.

Еще нигдѣ *система народнаго хозяйства* полностью не осуществлена.

Двѣ основныя части современнаго соціально-экономическаго вопроса: вопросъ о капиталѣ и вопросъ объ организаціи.

Мы видимъ *въ растущемъ накопленіи капитала въ рукахъ немногихъ* тяжелое экономическое зло. Крупныя промышленныя предпріятія, которыми безъ ущерба могутъ руководить наемные служащіе, переходятъ къ государству, поскольку государство даетъ гарантіи, что положеніе рабочихъ рукъ при этомъ переходѣ улучшится, какъ въ отношеніи свободы, такъ и въ отношеніи содержанія.

Пользованіе процентами безъ труда въ нравственномъ отношеніи стоитъ ниже, нежели плата за трудъ. Частная *собственность на землю* должна сохраниться при всякихъ обстоятельствахъ.

Законы о взиманіи налоговъ имѣютъ цѣлью и т. д.

Объединеніе отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ народа желательно въ интересахъ усиленія профессій и вмѣстѣ съ тѣмъ общей производительной силы народа. . . . . .

Помощь при посредствѣ общественной или частной благотворительности умѣстна только въ томъ случаѣ, гдѣ невозможна самопомощь или добровольная организація.

Безработица есть основное зло нашихъ соціальныхъ отношеній.

Здѣсь многое, здѣсь всевозможное добро и польза —но не Одно. А между тѣмъ, опять, и всегда, и только—*Одного* ожидаемъ мы отъ христіанскаго общества. Въ виду такихъ выводовъ, намъ понятна ярость соціаль-демократовъ по отношенію къ христіанскому соціализму. Дѣйствительно, выходитъ такъ, какъ будто они хотятъ воспользоваться христіанствомъ, какъ щитомъ вѣры передъ лицомъ всего міра, и подъ тѣнью этого щита приготовить мѣсто для притаившейся реакціи; выходитъ, какъ будто они думаютъ только о томъ, чтобы въ корнѣ дискредитировать соціалъ-демократію и на мѣсто ея яркихъ лозунговъ выставить свои предложенія,—безспорно хорошія и благородныя въ отдѣльности, но въ конечномъ счетѣ устраивающія только дѣлишки реакціонныхъ силъ. Вмѣсто мощнаго, орлинаго полета соціалъ-демократіи—безсильное трепыханіе по землѣ; вмѣсто смѣлой настойчивости—премудрая, дружелюбная осторожность; вмѣсто великой „невозможности“—робкое отступленіе къ „возможному“,—и все это въ нашемъ обществѣ, гдѣ чувствуется острая нужда въ очищающемъ вихрѣ и бурѣ.

Представимъ себѣ на одно мгновеніе Христа въ его отношеніи къ теперешнему обществу. Какую изъ двухъ партій можно сравнить съ нимъ: соціалъ-демократическую или партію христіанскихъ соціалистовъ. Что должны мы думать о партіи, которая во имя Іисуса комкаетъ нововведенія по мѣркѣ современности, находящейся во власти Маммона? Такъ далеко зашла церковь; она борется подъ покровомъ Христа противъ его Евангелія. Она употребляетъ оружіе духа, чтобы загасить духъ. Она говоритъ о словѣ Божьемъ, чтобы исказить божественное. Она благочестива, но ея благочестіе есть безбожіе.

Думаютъ ли христіанскіе соціалисты, что своими мѣропріятіями, они могутъ, дѣйствительно, бороться съ нуждой? Мы ужъ не будемъ говорить о тѣхъ, кто пытается связать соціальную нужду съ интересами самого Евангелія (ср. д-ръ Натузіусъ. Что такое христіанскій соціализмъ?). Неужели они настаиваютъ на томъ, что можно уничтожить врага, жестокаго, непримиримаго врага—Маммона—ихъ полухристіанскими, полупрактическими лозунгами? Развѣ они не видятъ, что не словами, а только дѣломъ можно его побѣдить? Во что цѣнитъ онъ слова? Тѣмъ болѣе увѣренъ онъ въ томъ, что всѣ пустые говоруны опутаны его цѣпями. Цѣлые вѣка церковь исходила словами,—тѣмъ вѣрнѣе лежала она связанная у его ногъ. И теперь, когда она устала отъ оковъ, хочетъ воспрянуть, теперь, когда она

начинаетъ смотрѣть прямо въ глаза своему смертельному врагу, и теперь опять она не находитъ ничего другого, кромѣ... христіанско-соціальныхъ словъ! Почему? Не привязана ли она сама еще слишкомъ сильно къ тѣмъ деньгамъ, противъ которыхъ она борется? Не боится ли она за собственную цѣлость? Не жалѣетъ ли она о томъ, что должна оставить тезисы своей христіанской вѣры? И не здѣсь ли надо искать основанія, почему она сама такъ легко обманывается своими опытами въ духѣ христіанскаго соціализма? Можетъ быть, она видитъ истинное положеніе вещей—и не хочетъ его видѣть? Почему у ней только слова? Почему у нея нѣтъ дѣлъ?

У нея нѣтъ Бога.

Она вся во власти своихъ христіанскихъ завѣтовъ. Иначе и быть не можетъ. Свои представленія о Богѣ и Божественномъ она принимаетъ за конечную истину, но какъ разъ тутъ-то она и не въ состояніи узнать перстъ Божій въ событіяхъ, пожаромъ горящихъ вокругъ нея. Она хочетъ стать на защиту Божьяго, и не знаетъ того, что защищаетъ лишь свое собственное дѣло. Она борется за интересы вѣры—въ дѣйствительности, это только ея собственныя интересы. Она старается сохранить для народа религію; но подъ этимъ—сама того не вѣдая—она разумѣетъ лишь самое себя. Она хочетъ новое, опасное движеніе умовъ направить назадъ, къ Богу,—но она возвращаетъ его только къ своимъ благочестивымъ мыслямъ. Мысли, идеи, мнѣнія, положенія—такова ея судьба! Все, что она говоритъ, чему учитъ,—только мысли, не болѣе! Она увѣщеваетъ и бранитъ—и вотъ: это одно только мнѣніе. Она утѣшаетъ и умиротворяетъ—и это одно пустое утвержденіе. Она проповѣдуетъ—ахъ! не въ духѣ Божьемъ, а лишь въ красивыхъ словахъ!

Всюду, куда простирается ея сфера, споръ изъ-за лучшихъ сокровищъ евангельскихъ—споръ о Христѣ, споръ о Распятіи, споръ о Воскресеніи, споръ о Вѣрѣ—изъ-за всего споръ! Слова, слова! Хорошія намѣренія благородныя рѣшенія! Сколько духовенства съ самыми чистыми идеалами насчитываетъ она въ своей средѣ! Но что значатъ намѣренія, рѣшенія, идеалы и убѣжденія противъ врага, котораго можно побѣдить только новымъ духомъ, огненнымъ пламенемъ, дѣломъ живого Бога?

Маммонъ покорилъ себѣ землю. Не только сердца и мысли людей, но также ихъ отношенія. Всѣ изобрѣтенія, всѣ открытія въ области техники онъ, одинъ только онъ, присвоилъ себѣ. То, что должно бы было освободить человѣчество отъ жестокой власти физическихъ законовъ и сдѣлать его господиномъ природы, въ рукахъ Маммона обратилось въ ужасное орудіе пытки, сдѣлалось бичемъ, подъ ударами котораго, какъ рабы, изгибаются беззащитныя массы. Чѣмъ выше поднимается культура, тѣмъ глубже падаетъ въ бездну большинство людей. Чѣмъ славнѣе прогрессъ,

величественнѣе развитіе, тѣмъ ужаснѣе судьба тѣхъ, чьимъ трудомъ осуществляется прогрессъ и развитіе. Чѣмъ ближе человѣкъ считаетъ себя къ цѣли своихъ стремленій, тѣмъ ужаснѣе онъ обманывается. Въ наши дни бѣдняки въ большихъ городахъ глубѣе, ожесточеннѣе, несчастнѣе, чѣмъ дикари лѣсовъ. И все это сдѣлалъ Маммонъ! Кто ставитъ человѣка противъ человѣка, какъ звѣрей, одного противъ другого? Кто вдыхаетъ въ нихъ духъ ненависти? Кто даетъ имъ въ руки смертоносное оружіе? Кто дѣлаетъ князей и правителей товарищами грязныхъ денежныхъ мѣшковъ? Кто зажимаетъ имъ уши, чтобы они не слыхали крика жертвъ? Кто постоянно держитъ Индію подъ страхомъ голодной смерти? Кто обратилъ Трансвааль въ пустыню? Кто каждый день душитъ вѣрность и религію въ народѣ, сознаніе долга въ правительствѣ? Кто заставляетъ насъ переносить терпѣливо, какъ бы безсознательно, погрузившись въ свои корыстные интересы, всю невѣроятную пошлость нашей современной жизни? *Маммонъ.*

Пока мы проливаемъ слезы о всѣхъ, порожденныхъ имъ, ужасахъ, соединяемся въ союзы, засѣданія, собранія, пока держимъ рѣчи противъ Маммона, гдѣ приглашаемъ „имущіе классы“ пойти навстрѣчу „справедливымъ требованіямъ неимущихъ“, пока создаемъ глубокомысленныя системы, выставляемъ прекраснодушныя требованія—Маммонъ продолжаетъ свое кровавое дѣло. Онъ не скажетъ: мое царство—теорія и мысль. Нѣтъ. Онъ говоритъ: *матерія* принадлежитъ мнѣ. Какъ можно думать объ уничтоженіи его владычества, не имѣя въ виду радикальнаго измѣненія *отношеній*? Кто можетъ вступить въ борьбу съ нимъ, не имѣя твердаго, какъ скала, убѣжденія въ томъ, что все его царство,—матеріальныя отношенія, *собственность* должна быть вырвана у него? Современныя имущественныя отношенія—порожденіе Маммона. Только слуги Маммона могутъ быть ими довольны. Они построены на законахъ своекорыстія, алчности, обмана, самыхъ грязныхъ инстинктовъ человѣческаго сердца. *Они должны исчезнуть, если вообще борьба съ Маммономъ должна быть серьезнымъ дѣломъ.*

Они должны исчезнуть! Это—божественный лозунгъ нашей эпохи. Но какъ разъ передъ нимъ въ ужасѣ отступаетъ церковь. Она охотно готова сдѣлать все, что „можетъ сдѣлать“. Охотно исполнитъ возможное и выполнимое, охотно постарается смягчить сердца рѣчами и предложеніями, но она не хочетъ ничего слышать объ измѣненіи отношеній собственности, производства. Она еще не поняла, что значитъ Маммонъ. Она его еще недостаточно знаетъ. Она сама слишкомъ близка къ нему и не можетъ понять, что собственность должна быть отнята у него. Она сама принадлежитъ къ имущимъ.

И все таки ясно: Для того, чтобы сокрушить Маммона, нужно напасть на него въ сферѣ его могущественныхъ отношеній современности. Кто хочетъ обезвредить врага, тотъ долженъ лишить его пищи. Но какъ разъ въ имущественныхъ отношеніяхъ людей черпаетъ Маммонъ свою силу. Оставьте это безграничное распространеніе частной собственности въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, а тамъ—говорите тысячи образцовыхъ проповѣдей противъ Маммона! Вы не сдвинете съ мѣста и песчинки. И Маммонъ вознаградитъ вашъ трудъ золотомъ и тепленькими мѣстами. Ему нравится эта безполезная игра, онъ забавляется ею, какъ прыжками паяца, довольная улыбка у него на устахъ, и онъ готовъ платить огромныя суммы за наивность христіанскаго убѣжденія—любить слова и ненавидѣть дѣло: вѣдь чѣмъ усерднѣе оно это проповѣдуетъ, тѣмъ прочнѣе закрѣпляется могущество Маммона! Вѣдь онъ знаетъ: чѣмъ принципіальнѣе слова, тѣмъ дальше отъ дѣлъ!

Для того, чтобъ палъ Маммонъ, должна пасть современная частная собственность.

Это признала соціалъ-демократія, она поняла врага. Она одна выступила на борьбу съ нимъ. Она говоритъ: слова и благочестивыя пожеланія не могутъ намъ помочь. Мы должны дѣйствовать. Здѣсь скрывается основная причина ея атеизма. Она видитъ, что вѣра въ Бога трусливо отступаетъ передъ Маммономъ. Поэтому она считаетъ всякую религію—предразсудкомъ. И въ этомъ великая вина христіанской церкви: Церковь сама попала подъ власть Маммона.

Оттого она такъ краснорѣчива. Гдѣ много словъ, и нѣтъ охоты дѣйствовать, тамъ сзади подстерегаетъ Маммонъ.

Оттого она такъ торопливо выставляетъ на видъ вѣру въ Бога. Она прикрываетъ этимъ цѣпи, какими опуталъ ее Маммонъ. Оттого по отношенію къ соціальному вопросу она имѣетъ только хорошія предложенія. Оттого, въ противовѣсъ соціалъ-демократіи съ ея „невозможностью“ она говоритъ о многихъ „возможностяхъ“. Возможности принадлежатъ къ области Маммона. Только „невозможное“ идетъ противъ него. Ибо онъ—господинъ міра. Ахъ, церковь не имѣетъ болѣе „невозможности“!

Много словъ—они доказываютъ одно: она не хочетъ, она не можетъ.

Было время, когда считалось глупостью принадлежать къ христіанской церкви. Тогда духъ и жизнь свыше осѣняли ее. Тогда силами „невозможнаго безумія“ она прокладывала путь новому міру. Церковь стала благоразумна, культурна, миролюбива, практична и доступна. Она бросаетъ соціалъ-демократіи упрекъ въ безбожіи—для успокоенія своей нечистой совѣсти.

Роли перемѣнились. Смѣлые и сильные устали, а усталые, малые и

нищіе стали смѣлыми и сильными. Что должна была сдѣлать церковь, это дѣлаютъ соціалъ-демократы. Гдѣ долженъ былъ пребывать Богъ,—онъ удалился оттуда, и гдѣ его не признаютъ, тамъ онъ пребываетъ. Тогда, когда первые язычники получили доступъ въ царствіе Божіе, говорилъ онъ такъ же, какъ говоритъ и теперь: „Я открылся не вопрошавшимъ обо мнѣ; меня нашли не искавшіе меня: вотъ я! вотъ я! говорилъ я народу, не именовавшемуся именемъ моимъ!“ (Исаія 65, 1).

Но къ Израилю говоритъ онъ: „Всякій разъ простиралъ я руки мои къ народу непокорному, ходившему путемъ недобрымъ, по своимъ помышленіямъ.“ (Исаія 65, 2).

И Христосъ говоритъ: Первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми*).

Но не могутъ ли первые—слова стать первыми.

Да, Силою Христа Бога. Христосъ еще вернется и побѣдитъ. Всетаки въ Немъ и только въ Немъ истины и жизнь.

Программа русскихъ христіанскихъ соціалистовъ.

1) Жизнь строится Христомъ и на Христѣ. Въ Немъ Единомъ свобода и Правда и Жизнь.

2) Во имя Его и Его Голгофы—христіанинъ считаетъ—что улучшеніе внѣшнихъ условій жизни—завоеваніе міру свободы, уничтоженіе нищеты,—есть не только обязанность жалости и состраданія—но *неотдѣлимо отъ дѣла его личнаго духовнаго роста*,—его личной свободы.

Зло міра—нищета, униженіе и порабощеніе однихъ другими—должны ощущаться христіаниномъ, какъ его личный позоръ и грѣхъ—а вмѣстѣ какъ оскорбленіе и порабощеніе его личности, во Христѣ слитой съ личностью всякаго человѣка.

Основой дѣятельности гражданина-христіанина даже въ условіяхъ гражданскаго общежитія служитъ вѣра въ Распятаго Бога и Его благовѣстіе—Евангеліе.

Осуществляя завѣтъ Господа Христа, Который основалъ Свою церковь для созиданія царства Божія въ душахъ, организаціяхъ, общественныхъ отношеніяхъ и т. д. для проповѣди и жизненнаго осуществленія принциповъ правды и братства, христіанинъ трудится надъ созиданіемъ истинно-Христовыхъ церковно-общественныхъ формъ и организацій, изъ подъ сѣни „Чаши Христовой“ проповѣдуетъ вѣчные идеалы Нагорной проповѣди...

---

*) Куттеръ. Они должны. Перев. Покровскаго. 194. стр. мелкаго шрифта 40 коп. Болѣе, чѣмъ рекомендуемъ.

Какъ гражданинъ, вынужденный для жизни брать морально-возможный minimum,—христіанинъ отстаиваетъ слѣдующія положенія:

1) Форма правленія безразлична съ церковной точки зрѣнія. Въ предѣлахъ настоящаго времени христіанинъ, будь онъ славянофилъ, сторонникъ прежняго монархизма, или республиканецъ, долженъ во имя всенароднаго и искренняго рѣшенія этого вопроса, предоставить его будущему и не будущему ближайшихъ дней, еще не трезвыхъ и не прочныхъ, а будущаго десятилѣтія, голосуя теперь форму, способную примирить всѣхъ: конституціонную парламентарную монархію.

2) Ученикъ Христовъ вѣритъ, что земля Божья и право питаться отъ земли принадлежитъ труженику и обязанъ стремиться къ тому, чтобы путемъ законодательства, земля вернулась къ работнику, но онъ помнитъ и напоминаетъ другимъ, *что, „земля облитая кровью“ не дастъ хлѣба:* что Господь проклянетъ новые посѣвы на землѣ, пріобрѣтенной ненавистью.

I Христіанинъ отрицаетъ собственность, считая, что принципъ „мое“ и „твое“—есть ложь и богохульство. Маммонъ долженъ быть уничтоженъ.

II Въ силу этого борясь противъ губящаго души экономическаго рабства—христ.-соціалистъ отрицаетъ прибыль на капиталъ; „прибавочную цѣнность“ доходъ фабриканта—считаетъ ростовщичествомъ и требуетъ для рабочаго полнаго продукта труда и расширенія его участія въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

II Для того, чтобы человѣкъ духовно росъ и увеличивалъ свою душу—онъ долженъ имѣть право на отдыхъ (8 час. раб.).

III Дѣтскій трудъ преступенъ. Женскій долженъ быть ограниченъ и урегулированъ, во имя материнства женщины.

IV Старость рабочихъ должна быть обезпечена. Судьба ихъ семей въ случаѣ ихъ смерти и болѣзни также должна быть обезпечена страхованіемъ рабочаго.

Священникъ отстаиваетъ полную свободу совѣсти, слова, собраній, союзовъ, личности, во имя своего пастырства, долженъ настаивать на уничтоженіи убивающихъ души ограниченій, вродѣ черты осѣдлости.

Онъ долженъ именно, какъ христіанинъ и священникъ, быть болѣе ревностнымъ сторонникомъ свободы, чѣмъ кто-нибудь.

Искренно ненавидя, напр., мерзость развращающей картины или книги, онъ все-таки не подастъ голоса даже за нѣмецкій законъ Гейнце, *) потому что проказѣ нужно позволять догнить.

Но онъ углубитъ понятіе свободы, потому что иногда „свобода“ вовсе не мѣшаетъ насилію. Свобода только на половину дается законодатель-

*) Законъ противъ порнографическихъ книгъ и картинъ.

ствомъ. Отсутствіе свободы есть гнетъ большинства, или власти надъ меньшинствомъ. *И этотъ гнетъ будетъ жить, потому что нужно воспитаться на свободѣ.* Вчерашніе рабы не могутъ сдѣлаться свободными сегодня. Можно, какъ рабу—цѣловать ноги даже у самой свободы. И священники должны въ будущемъ бороться за свободу, которая еще не разъ будетъ въ опасности.

3) Христіанинъ же даже въ томъ случаѣ, когда его не поддерживаютъ другіе, долженъ „кричать“ противъ позорящихъ личность, или явно преступныхъ съ христіанской точки зрѣнія законовъ о смертной казни, регламентаціи проституціи.

4) Христіанинъ зная, что нужно убрать по возможности „стекло съ жизненной дороги“, долженъ стоять за облегченіе тяготы скорбныхъ, отстаивая, прогрессивный доходный налогъ.

5) Христіанинъ не можетъ забыть того, что забыли многіе, выдвинуть впередъ вопросъ оздоровленія семей въ интересахъ семьи и церкви черезъ реформу брачнаго права.

6) Онъ стоитъ за широкое общее образованіе.

7) Отстаивая тѣ законодательныя мѣры—какія онъ считаетъ дотолѣ отстаивать — стоитъ по возможности на точкѣ — зрѣнія христіанскаго идеала *).

---

*) Справляться, заявить о сочувствіи программѣ (конечно дѣятельномъ)—по адресу Спб. Обводный, 17 архим. Михаилу.

Въ селѣ и въ городѣ.

(Повѣсть—очерки изъ жизни священника).

На соціальныя тэмы.

Въ Селѣ и въ городѣ.

ЧАСТЬ I-я.

ВЪ СЕЛѢ.

I.

Три бунта.

ОТЕЦЪ Николай [1]) остановился.

— Ну, дочитывай. Вонъ о. дьяконъ съ псаломщикомъ, кажется, сюда идутъ. Помѣшаютъ еще.

... О. Николай снова взялся за газетный листъ и сталъ читать...

„Батюшка сталъ выкидывать изъ кармана сборъ. Посыпались пятачки, гривны, семишники... Скоро на столѣ сложилась очень внушительная кучка мѣди.

— Сосчитай-ка,—обратился о. Стефанъ къ сыну—студенту.

— Не буду.

— Отчего не будешь?—удивился отецъ.

— Не буду: „онѣ мнѣ руки жгутъ“.

О. Николай снова остановился надъ газетой и задумался. Анна Николаевна не мѣшала: ей, повидимому, стало не по себѣ.

---

[1]) О. Николай—священникъ. О немъ двѣ книжки: „Маленькая церковь“ и „Новая церковь“, продолженіемъ которыхъ служитъ настоящая повѣсть, очерки. Обѣ первыхъ книги можно выписать по 25 коп. изъ склада „Вѣра и Знаніе“ СПБ., Невскій, 119.

Впрочемъ—читать было уже и некогда. На порогѣ комнаты показались нескладная фигура о. дьякона и подрясникъ ветхозавѣтнаго дьячка Митрича.

Остановились оба въ дверяхъ и молчатъ.

— Что же вы не проходите,—обратился къ нимъ о. Николай.—Пожалуйста—вотъ сюда. Дѣло должно быть какое?

— Мы, батюшка, съ просьбой,—нерѣшительно началъ было о. дьяконъ и потомъ вдругъ, повидимому неожиданно для себѣ, „буркнулъ“ съ рѣшимостью отчаянія.

— Э—да что. Разоряете вы насъ, батюшка, вотъ что... Побойтесь Бога!

Въ комнатѣ стало тихо и тяжело. Матушка поторопилась выйти. Отецъ дьяконъ, чувствуя себя очень неловко, торопился говорить и не находилъ словъ.

— Разоряю. Я? Чѣмъ?—наконецъ опамятовался о. Николай.

— Какъ чѣмъ? За исповѣдь не берете. Ну, это ваше дѣло—Богъ съ вами. А за теплоту? Къ кресту? Или теперь за свадьбу? Стыдно сказать, Игоня—богатѣй—три цѣлковыхъ отвалилъ. Вѣдь намъ ѣсть надо. У насъ дѣти.

О. Николай опѣшилъ отъ неожиданнаго натиска.

— Слушайте, Василій Петровичъ, но вѣдь по совѣсти: вы не меньше стали получать, чѣмъ прежде?

— Это такъ то такъ, а все-же: порядокъ порядкомъ. Ну, а вы уйдете?—останется порядокъ старый, а то что теперь даютъ ради вашей доброты да изъ за матери Нины—не будетъ чѣмъ тогда жить?

„О, Господи“,—окончилъ онъ неожиданнымъ вздохомъ.

— Чѣмъ жить то?—полубезсознательно повторилъ и дьячекъ.

Батюшка не отвѣчалъ.

— Не знаю я.—Не знаю я, что и сдѣлать, Василій Петровичъ,—началъ онъ послѣ паузы.—Не могу же я... Повѣрьте—не могу. Вѣдь это симонія, торговля благодатью—„блудъ священническій“.

— Нѣтъ, вы, батюшка, насъ пожалѣйте. Дѣтишки...

О. дьяконъ и псаломщикъ ушли.

— Что у васъ тутъ за дѣла? ишь ты какъ потемнѣлъ!—подошла къ о. Николаю матушка.

— Да вотъ, ты начало то слышала. Конецъ не лучше!— и о. Николай разсказалъ, что было.

— И что же ты?

— Что я подѣлаю? Не знаю, какъ и быть. Вѣдь и они по своему правы, и дьячекъ, и Василій Петровичъ. Пятеро дѣтей—тоже содержать нужно, не шутка. Оно правда, вонъ Игоня три рубля далъ за свадьбу-то. А вѣдь свадьба для причта—вся надежда. Всѣ крупные расходы изъ свадебныхъ.

— И не могу, не могу. Руки жгутъ, вѣдь правда, Нюта, жгутъ... Случилось мнѣ недавно прочесть воспоминанія одного христіанина о порядкахъ, какіе завелъ въ ихъ гимназіи законоучитель. Ты тоже чай читала. Я тебѣ давалъ, кажется. Помнишь тамъ случай. Приходитъ авторъ статьи по какому то брачному дѣлу—въ алтарь. „Батюшка тамъ хлопочетъ что-то у престола... Проситель изложилъ дѣло—но не знаетъ, какъ ему быть съ гонораромъ. Вертитъ въ рукахъ золотой и ждетъ.

— Такъ справочку... Да, да хорошо. Будетъ, будетъ... Хорошо, хорошо... Да чего ты тамъ—клади сюда... Батюшка показалъ на престолъ".

Глумливый и обидный разсказъ. Я рѣшительно ему не вѣрю. Авторъ по меньшей мѣрѣ—смѣшалъ жертвенникъ съ престоломъ—но суть то, *суть разсказа*—вѣдь все-таки остается больной, мучительной правдой.

Денежное дѣло—слишкомъ близко подходитъ къ алтарю и престолу, такъ что для посторонняго глаза—соблазнительно.

Во время исповѣди—около креста стоитъ блюдо. Копѣйки, гривенники, Евангеліе, покаянныя слезы...

Вѣдь копѣйки здѣсь пожалуй не меньше рѣжутъ глазъ, чѣмъ золотыя монеты на престолѣ.

Плата и таинство—это невозможное сближеніе.

Недавно меня спрашиваетъ одинъ мужикъ, кажется изъ Севастьянычевыхъ [1]):

— Батюшка, вѣдь и крещеніе, и бракъ одинаковыя таинства—святыя, безцѣнныя?

Да,—говорю.

---

[1]) Севастьянычъ—сектантъ.

— Почему же вы за крещеніе, берете 10 копѣекъ, а за бракъ 6 рублей? Что ты ему скажешь на это? Глумленіе это конечно, а я безотвѣтенъ.

Жалованіе, опредѣленное содержаніе— вотъ спасеніе. Здѣсь единственный исходъ: другого нѣтъ.

— Но, Коля, развѣ ты не читалъ: говорятъ, что такой способъ обезпеченія разорветъ связи священника съ народомъ, убьетъ ту родственную непосредственность отношеній, какая есть теперь.

— Ложь!

Какая близость, связь, родственность,—гдѣ она? Если она есть, то неужели она поддерживается именно тѣмъ, что священникъ за исповѣдь получаетъ, изъ-за платы за вѣнчаніе торгуется.

— Ложь!

Священникъ станетъ чиновникомъ?.. Но отъ чего родится чиновничество? Только отъ того, что чиновники оперируютъ надъ бумагами, не имѣютъ никакого отношенія къ живымъ людямъ, „живымъ душамъ“. Врачъ земскій, земская акушерка, учитель—уже менѣе чиновникъ, и именно потому, что онъ живетъ на людяхъ и работаетъ на живого человѣка. А священника сдѣлать чиновникомъ еще труднѣе, когда его дѣло даже не съ людьми, а съ ихъ совѣстью, съ душами. Конечно, если онъ поставитъ единственной своей задачей требоисправленіе, то онъ можетъ стать типичнымъ чиновникомъ. Но это возможно и сейчасъ, безъ жалованья. Еще какъ возможно-то!..

А если онъ пастырь душъ, то тогда онъ чиновникомъ не будетъ. Неужели ты думаешь, что пастырское дѣло можно дѣлать съ такимъ же настроеніемъ, какъ переписываютъ бумаги, и неужели такая мертвенность духа можетъ родиться изъ жалованья? Нѣтъ, никогда. Вѣдь священникъ всегда достаточно уменъ, чтобы понять, что это не казенныя, а народныя копѣйки—та-же трудовая, потомъ и кровью добытая народная свѣчка. Чиновникомъ онъ можетъ стать, но конечно не потому, что живетъ не подачками. Неужели чиновники католическіе ксендзы съ ихъ огромнымъ вліяніемъ на приходъ?..

— Да, ты правъ. Да, это единственный исходъ. Но что говорить о принципахъ? Какъ ты сдѣлаешься съ дьякономъ?

— Не знаю какъ. Не могу же я, Нюта, уступить. Нѣтъ, нѣтъ.

— И не уступай, Коля... не уступай... А жалко ихъ всетаки...

Рѣзкій, дребезжащій стукъ въ окно прервалъ его голосъ.

— Что это?

— Нищій, должно быть. Татаринъ.

Въ окно дѣйствительно виднѣлась черная бритая голова.

— Ай, что ты это, о. Александръ,—обрадовался батюшка,— идите сюда, батюшка.

Дверь отворилась. Вошелъ очень странный по наружности человѣкъ: голова была бритая и въ то-же время на гостѣ были полукафтанье и ряса.

— Ну, что, вѣсы еще не завелъ благодать-то продавать? На три копѣйки... Отпусти на четыре цѣлковыхъ? Нѣтъ. Не торгуешь... То-то... Симонъ волхвъ небось сломалъ себѣ ноги-то... И я торговалъ... И вотъ у меня Богъ всѣхъ отнялъ... Сирота.

— Домъ мой—домъ молитвы, а вы рынокъ устроили... Торговцы... Некогда мнѣ съ тобой. Дай поѣсть-то...

Странный гость вышелъ.

— Вотъ онъ, отвѣтъ-то... грустный отвѣтъ,—отвѣтила Анна Николаевна на вопросительный взглядъ мужа.

Визитъ о. Александра не былъ чудомъ, онъ очень часто ходилъ этими мѣстами, но сейчасъ, дѣйствительно, его послалъ Богъ.

Это былъ отвѣтъ дѣйствительно грустный, мучительный. Голова о. Александра, который долго священствовалъ въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ, не выдержала именно пастырской трагедіи—совмѣщенія Евангелія съ пятачками... престола—„съ серебромъ и мѣдью“.

У него они сожгли не руки только, а и душу...

Онъ побывалъ и въ сумасшедшемъ домѣ. Теперь бродитъ на волѣ, тихій, святой, и особенно любитъ ходить по священникамъ, тревожа ихъ совѣсть всегда однимъ вопросомъ: что, какъ торгуете?

— Нюта, ты поглядѣла бы, что ему дадутъ... Нѣтъ, пусть ихъ сердятся. Не продамъ я совѣсть.

О. Николай нарочно отослалъ жену.

Ей вовсе не нужно было „смотрѣть, что дадутъ о. Александру“: онъ не любилъ, когда за нимъ ухаживаютъ, да и кухарка вѣрила и поклонялась ему какъ святому.

О. Николаю просто хотѣлось остаться одному и помолиться.

II.

Изъ дневника батюшки.

21 іюля. Я назвалъ „бунтомъ“ исторію съ моимъ о. дьякономъ.

Могъ ли я думать, что близокъ настоящій бунтъ, можетъ быть съ кровью, смертью, разрушеніями.

Вблизи холера... Страшная гостья тихо идетъ къ намъ... Ея еще нѣтъ, а ужъ есть предтечи ея и трудно сказать, что страшнѣе: сама она или эти предтечи?

Я говорю о „безуміи“—разрушительной тревогѣ, которую создаетъ холера. Говорятъ, что до сихъ поръ ни разу не было повальной болѣзни безъ мятежа. И вотъ „безуміе мятежа“ близко... „Глаза“ крестьянъ перемѣнились. У многихъ нѣтъ-нѣтъ и проскользнетъ что-то звѣриное.

Откуда это?—не могу понять. Недавно завелъ рѣчь съ однимъ изъ чужихъ, не моихъ прихожанъ.

— Вотъ, молъ, кажись, холера не далеко—нужно готовиться, быть осторожнѣе.

— Знаемъ—говоритъ—мы, отъ кого холера-то: *отъ поповъ да докторовъ.*

Мнѣ стало холодно и жутко. Опять, значитъ, какъ тогда. А мои-то мужички любятъ меня, а говорить стали отрывисто, зло—точно думаютъ о чемъ. И это еще до холеры, точно какая-то зараза, передающаяся по воздуху.

Правда и гостья недалеко—верстахъ въ 15-ти.

* * *

27 іюля. Она пришла. Вчера послѣ обѣда позвали меня напутствовать... Прихожу. Она... холера. Въ судорогахъ корчится Сидоровъ, одинъ изъ лучшихъ моихъ прихожанъ. Лицо синее—и въ глазахъ уже смерть. Сестра Нина хлопочетъ, оттираетъ тѣло, ставитъ бутылки къ ногамъ. Фельдшеръ, приписанный къ нашему бараку, боится и подойти: стоитъ издали и смотритъ.

— Неси въ баракъ,—кричитъ онъ санитарамъ. Тѣ нерѣшительно подходятъ...

А народъ толпится темный такой, черный...

— Ну, одново отдѣлали... Варвары... слышу сзади.

Значитъ „мысль“, та страшная мысль, изъ которой родятся каждый разъ при холерѣ смерть, убійства,—уже здѣсь, пришла вмѣстѣ съ холерой.

Больного унесли, а вечеромъ другой, на другой день третій.

Рѣшился поговорить. Но какъ, гдѣ найти понятный для нихъ языкъ, слово, которое создало бы въ нихъ вѣру?

* * *

28 іюля. Люди мрутъ... Вмѣстѣ растетъ и „бунтъ“. Я пытаюсь заговаривать,—слушаютъ, опустивъ глаза въ землю.

Въ больницѣ спасаетъ, повидимому, сестра Нина. Она не спитъ. День и ночь возится съ больными. Впрочемъ, немного меньше ея работаютъ и школьницы изъ „большой школы“. Онѣ на видъ уже не прежнія „дѣвки“. Въ глазахъ новое, болѣе сложное выраженіе, которое дѣлаетъ ихъ лица „интеллигентными“. Есть уже много выздоровѣвшихъ, ихъ встрѣтили какъ воскресшихъ изъ мертвыхъ: съ изумленіемъ и испугомъ. Что это, дескать, изъ больницы, а живые?

Можно надѣяться, что все сойдетъ мирно.

Сразу обнаруживалось вліяніе нашихъ „дѣвочекъ“ [1]). Только въ ихъ домахъ не слышалось зловѣщаго ропота. Тамъ даже кое-что дѣлали для встрѣчи гостьи, правда дѣлали нерѣшительно и стыдливо. „Стыдно было передъ остальными“.

И конечно, если бы всѣ наши 15 питомицъ были односельскими, мы могли-бы не бояться бунта. Къ сожалѣнію ихъ было всего четыре, и значитъ въ селѣ было всего четыре благонадежныхъ „дома“.

Въ остальныхъ готовилось убійство.

Смущаетъ одно — очень у крестьянъ нервы скверные, въ результатѣ всѣхъ пережитыхъ тревогъ: война, мобилизація, толки о землѣ и передѣлѣ.

Вчера пришелъ въ больницу мужикъ: у него дочь взяли лѣтъ 13. Кричитъ: „отдайте Катьку!“

---

[1]) Питомицы женской сельско-хозяйственной школы, чит. „Новая церковь“.

Сестра Нина уговариваетъ: „нельзя, дескать, если возьмешь—умретъ она“.

— Давай, не твое дѣло, мое дитя. Схватилъ дѣвочку и тащитъ. „Милый, оставь ты ее Христа ради, умретъ“.

Не знаю, что подѣйствовало на мужика: оставилъ.

Изъ дневника матушки.

2 августа. Перо вываливается изъ рукъ. У насъ, кажется, не будетъ скоро сестры Нины... Какъ это сдѣлалось? Дико, неожиданно.

Вчера умерла дѣвочка, которую третьяго дня отецъ хотѣлъ силой взять изъ больницы. Ея смерть и была началомъ конца.

На похороны мужикъ „сбилъ толпу“... Было видно, что что-то задумали. Однако, дали похоронить. Коля ушелъ домой, и вдругъ прорвалось.

Толпа совсѣмъ небольшая, но дикая, безумная, безудержная, двинулась къ больницѣ.

Ломай, бей,—чего ихъ жалѣть.

Кричать начали даже раньше, чѣмъ дошли, когда и ломать-то было нечего.

Подошли къ воротамъ школы-больницы, встали и молчатъ, точно одумались. Чего вы?—крикнулъ мужикъ, идемъ. И снова нахлынуло на всѣхъ безуміе. Сестра Нина встала въ дверяхъ, раскрыла руки—блѣдная, съ свѣтлыми, горящими глазами. Не пущу,—кричитъ. Побойтесь Бога, куда вы, зачѣмъ вы, Христа ради, уйдите!

„Чего? толкай ее, уморила Катьку?“

Ближайшій размахнулся и ударилъ сестру Нину въ високъ. Она вскрикнула и повалилась.

Толпа бросилась черезъ нее, началась вакханалія: больныхъ вытащили на улицу, разбивали шкафы, ломали мебель.

Черезъ полчаса все опустѣло. Начальная драма окончилась.

Около святой мученицы плакала барышня. Она цѣловала сестру Нину, молила ее встать, кричала. Сестра Нина не приходила въ себя. Она была еще жива, но съ ней не было обморка: это было начало смерти. А толпа бросилась ломать двери бывшей божедомки, гдѣ стояли гроба, вы-

несли три-четыре гроба и тутъ-же на улицѣ стали ломать у нихъ крышки.

III.

Отецъ Николай былъ дома. Когда къ нему прибѣжали сказать; съ тоской и смертью въ сердцѣ, онъ схватилъ крестъ и дароносицу и пошелъ туда.

Толпа въ это время еще громила „гроба".

„Братцы!" выкрикнулъ онъ.

Толпа остановилась.

— Братцы... братцы... о. Николай не могъ говорить и можетъ быть это спасло... „Безуміе его печали"— отрезвило.

Наконецъ, ему удалось найти слова:

— Братцы, было время при апостолахъ. Послалъ Богъ чуму въ Антіохіи. Умирали больше язычники. И вотъ христіане брали тѣла мертвыхъ язычниковъ на плечи и несли ихъ хоронить.

А у насъ—христіане разбиваютъ гробы покойниковъ, не даютъ даже во гробахъ мирно спать тѣмъ, кого призвалъ Богъ.

И убиваютъ на горе и позоръ тѣмъ же покойникамъ, корымъ и дни, и ночи отдавала святая. Вѣдь вы знаете, что такое сестра Нина? Святая вѣдь. Для кого она жила? Для васъ,—все она отдала вамъ, жизнь отдала—служила, какъ ангелъ Божій и вотъ, говорятъ, вы ее убили.

Идемте хоть у умирающей попросимъ прощенія.

И сверхъ ожиданія крестьяне пошли.

Сестра Нина очнуласъ. Она просвѣтлѣла вся, когда увидѣла Св. Дары.

Мужики молчали.

— Вотъ, сестра, пришли просить прощенья—за то, что сдѣлали зло.

„Милые мои, Христосъ васъ пожалѣй"...

Сестра Нина болѣе говорить не могла. Она снова потеряла сознаніе.

Мужики плакали.

* * *

Изъ дневника батюшки.

5 августа. Бунтъ закончился. Все пока мирно. Радоваться успѣху или нѣтъ? Нѣтъ, радоваться рано. Не говоря о

томъ, что сестра Нина, кажется, отходитъ,—теперь я не поручусь, что завтра не будетъ того, что было вчера. Да, наивно было думать, будто работой двухъ лѣтъ можно передѣлать деревню.

Нѣтъ, не одинъ человѣкъ, а поколѣнія должны и могутъ побѣдить накопившееся невѣжество и зло.

Поколѣнія. Гдѣ ихъ взять?—Что то будутъ наши дѣти? Тяжело!

Утѣшаетъ матушка. Хорошо она говоритъ.

Помнишь, мцлый, у Чехова—говорила она вчера—крестьянинъ разсуждаетъ о своихъ же землякахъ:

„За мужикомъ походить надо. Не станутъ сразу сѣять на пняхъ срубленнаго лѣса. Сначала выкорчевать нужно, выжечь, потомъ вспахать. А тамъ и сѣять. То-же и съ мужиками“.

„Ты захотѣлъ сразу. Нѣтъ, мы еще не для настоящаго дня работать должны, а для будущаго... Хорошо, если для внуковъ „лѣсъ будетъ выкорченъ“.

Правда, правда.

VI.

Набатъ.

Прерывающій, неловкій, отрывистый звукъ церковнаго колокола пронесся по деревнѣ.

Колоколъ звонилъ странно. Это явно не былъ звонъ къ церковной службѣ, но въ то же время звонъ не былъ похожимъ на набатъ. Языкъ какъ будто только касался края колокола, и онъ отрывисто и глухо, нескладно звонилъ.

Со всѣхъ сторонъ началъ сходиться народъ. Что такое? Пожаръ?... Гдѣ?...

Когда о. Николай вышелъ изъ своего церковнаго дома, около церкви была уже большая кучка народа.

Лица испуганныя—но не такъ, какъ всегда на пожарѣ: скорѣе недоумѣвающія. А кое гдѣ уже и смѣялись.

„Что такое?“ — спрашивалъ о. Николай, подходя къ толпѣ.

Дѣло оказалось очень простымъ, хотя и очень позорнымъ.

„Да вотъ — Егоръ жену учитъ“ — послышалось изъ толпы.

Дѣйствительно Егоръ училъ. Совершенно невмѣняемый, одурѣвшій отъ водки, онъ съ самой околицы провелъ по всей улицѣ свою жену въ одной рубашкѣ и билъ ее чрезъ всю деревню. Вотъ здѣсь, около церкви, ему показалось, что тяжелая веревка маленькаго колокола успѣшно замѣнитъ ту веревку, на которой онъ велъ свою жену. Сцена, которую застали первые мужики, была нелѣпа и безобразна. Колоколъ мучительно звонилъ, а Егоръ, которому не рѣшались помѣшать мужики, продолжалъ бить несчастную женщину, повторяя одно и то же: „а онъ звонитъ... и пусть звонитъ... пусть видятъ... такъ и нужно, чтобы подъ колокольный-то звонъ“...

Предъ о. Николаемъ всѣ разступились. Онъ подошелъ къ толпѣ, и она, кажется, третій разъ увидѣла его такимъ несдержаннымъ, не пастырски, а, можетъ быть, пророчески гнѣвнымъ. Такимъ онъ былъ развѣ только тогда, когда говорилъ по поводу убійства Андрея.

— „Такъ вотъ, братцы,—колоколъ звонитъ... Вы, чай, подумали, что набатъ бьетъ, пожаръ... спасать свои домишки нужно... И оказалось вотъ что—„мужъ жену учитъ“...

Да, именно набатъ... Хуже, чѣмъ тотъ набатъ, по которому вы на пожаръ сбѣгаетесь... Колоколъ о вашемъ позорѣ говоритъ, не о позорѣ Егора: ему не стыдно, потому что онъ душу оставилъ на томъ краю деревни, у казенки, и теперь ее у него нѣтъ... Нѣтъ, о вашемъ стыдѣ говоритъ колоколъ... Въ набатъ и нужно бить... Развѣ то, что сдѣлалъ онъ, осквернитель храма Божія, осквернитель нашего общаго сельскаго колокола, не дѣлаетъ каждый изъ васъ? Что такое для васъ жена? Развѣ человѣкъ? Нѣтъ—рабыня, почти то же, что ваша лошадь, которую вы, забывая, что Богъ даже скотовъ миловать заповѣдуетъ, учите въ такія минуты, когда вамъ не учителями быть, а только валяться на вашемъ скотномъ дворѣ. Кто вамъ далъ право считать себя болѣше и властнѣе вашихъ женъ? Развѣ это не по-

други, данныя вамъ Господомъ, съ такими же правами какъ и вы? Во имя Церкви Христосъ соединилъ васъ въ такой же союзъ, въ какомъ Онъ Самъ состоитъ съ Церковью. А вы подъ звонъ колокольный надъ его таинствомъ издѣваетесь и ругаетесь. И вотъ сегодня въ голосѣ этого колокола гнѣвъ Божій говоритъ... Перестаньте обращать въ позоръ и поношеніе св. таинство брака, или гнѣвъ Господень идетъ къ вамъ"...

Толпа слушала о. Николая съ тѣмъ вниманіемъ, какое онъ замѣчалъ только въ минуты потрясенія толпы,—тогда, когда, по его словамъ, совѣсть души выходила изъ тѣхъ закоулковъ, куда ее запрятали злые люди,—изъ темноты на свѣтъ.

Онъ посмотрѣлъ на эту толпу и увидѣлъ, что она цѣликомъ готова принять его слово, хотя ему самому уже не въ первый разъ было стыдно того, что этимъ словомъ двигала не совсѣмъ любовь, было стыдно, что онъ отдался гнѣву.

„Но если сдѣлано, то сдѣлано,—мелькнула у него мысль,—и сказано суровое слово, хотя бы не совсѣмъ по пастырски—нужно додѣлывать это дѣло до конца".

Онъ хорошо зналъ, что каждое слово, если не обратить его въ осязательный фактъ, въ законъ, проходитъ мимо, разсѣевается въ воздухѣ, если не сейчасъ, то чрезъ день, чрезъ два, чрезъ мѣсяцъ, или чрезъ три мѣсяца, и потому рѣшилъ облечь въ законъ свое слово, и онъ снова обратился къ слушателямъ.

— „Вы знаете, что законъ охраняетъ женщину, знаете, что за то, что сдѣлалъ онъ, ему грозитъ законный приговоръ, кара. Но, конечно, не мнѣ вамъ говорить, что закона вамъ бояться нечего. Дѣло такое обычное у васъ, что на такую мелочь, пожалуй, вашъ волостной судъ и вниманія не обратитъ: „учитъ мужъ жену—ну и пусть учитъ". Да и она не пойдетъ искать себѣ защиты у закона. Слишкомъ наши женщины любятъ своихъ, потерявшихъ совѣсть, мужей, чтобы искать отъ нихъ защиты у кого-иибудь другого, кромѣ Бога да Матери Божіей. Но мы-то, люди, которые сейчасъ подъ колокольный звонъ сюда собрались—значитъ, на Божье дѣло, самимъ Господомъ призванные, должны что нибудь сдѣлать? Вотъ, что я предлагаю, братцы.

Всѣ мы должны защищать чужихъ женъ и чужихъ дѣтей отъ насилія нашихъ же товарищей.—Вы скажете, что нельзя мѣшаться въ чужія дѣла,—такъ неправду вы скажете. Вы знаете, что хоть бы этотъ Егоръ, который сейчасъ почти не слышитъ—посмотрите на него,—не слышитъ того, что мы говоримъ, работалъ не только во имя діавола, но и самъ не знаетъ того, что онъ дѣлалъ. Такъ неужели помѣшать ему было грѣхъ, или развѣ грѣхъ помѣшать другому мужику, который сплошь изо дня въ день изводитъ свою жену, держитъ ее чуть ли не на цѣпи безъ всякой вины? Вы знаете, о комъ я говорю и называть имя не нужно.—Нѣтъ, если мы не вмѣшаемся, то будемъ повинны предъ Господомъ, Который насъ сюда призвалъ. Я полагаю—каждый обязанъ удержать руку безумнаго.

„*Кто поднимет*ъ *руку въ поруганіе Христово на свою жену, или невинныхъ маленькихъ дѣтей,—человѣкъ, который это сдѣлаетъ*, подлежитъ суду нашего общества... Не церковнаго, а просто нашего сельскаго общества, потому что, слава Богу, мы имѣемъ право этого суда. Пусть нашъ этотъ судъ будетъ тоже не строгъ, будетъ ниже того преступленія, которое совершается нами каждый день надъ нашими женами,—онъ, по крайней мѣрѣ, покажетъ, что мы не смотримъ, какъ на дѣло обычное, житейское и даже христіанское, на это „ученіе женъ и дѣтей“. Тогда каждый будетъ знать, что это дѣло проклятое, проклятое и Христомъ, и нами. И, можетъ быть, не наказанія нашего, маленькаго, ничтожнаго наказанія, а нашего упрека, нашего осужденія христіанскаго будетъ стыдно. Хотите?“..

— „Хотимъ! хотимъ!..“

О. Николай вызвалъ изъ толпы четырехъ представителей общества и пошелъ съ ними писать приговоръ. Ему не нравилась эта послѣдняя процедура, не хотѣлось бумагѣ отдавать запись, можетъ быть, о чудѣ Христовомъ только что совершившемся, но боясь, что иначе пропадетъ великій плодъ этого дня, онъ рѣшилъ связать совѣсть мужичковъ не только ихъ обѣщаніемъ, но и ихъ юридическимъ рѣшеніемъ. И, кажется, онъ былъ правъ...

Любопытно было смотрѣть на толпу, которая окружала въ эту минуту Егора и плакавшую, только что очнувшуюся жену. За два часа предъ этимъ единственное чувство, ко-

торое отражалось въ глазахъ толпы, было любопытство. Коегдѣ это любопытство боролось съ состраданіемъ, но всегда оно брало перевѣсъ. Никакой мысли о безчеловѣчности того, что совершалось, никакой мысли о томъ, что здѣсь дѣлается что-то страшное, не было. И теперь въ два часа, дѣйствительно, свершилось чудо. Любопытство исчезло, родилось чувство отвращенія къ совершившемуся, чувство стыда за то, что сдѣлано...

И лица тѣхъ же самыхъ мужиковъ и бабъ стали *человѣческими*, а предъ этимъ они такими не были...

* * *

Изъ дневника батюшки.

2 сентября. Голодъ растетъ. У насъ въ селѣ благополучно, но какъ я уже писалъ, въ сосѣдяхъ начинается настоящая голодовка, съ голоднымъ тифомъ, цынгою и подобными аксессуарами голода. Въ деревнѣ появилась толпа чужихъ нищихъ. И какая это, иногда, жалкая и честная нищета!

Вчера матушка чрезъ окно услышала робкій голосъ о милостынѣ, выглянула—никого нѣтъ. Пять минутъ спустя снова тотъ же голосъ робкій, чуть слышный, надрывающій,—снова выглядываетъ, опять никого нѣтъ. Оказалось, что нищенка, молодая женщина съ ребенкомъ, не смѣла показаться благодѣтелю, чтобы принять его кусокъ Христа ради. Въ ней доставало мужества пропѣть жалобную Христову пѣсню, но, когда нужно было принять подаяніе, это мужество ее оставляло, и она пряталась за пристѣнокъ, такъ что ее не было видно. Какая же нужда могла заставить ее протянуть руку, если для нея это такъ тяжело и стыдно. И такихъ голодныхъ тысячи [1])...

Дѣла много, безъ конца много... Но чувствую, что я ничего теперь не могу дѣлать... Недоумѣваю, что это такое: мнѣ совсѣмъ не хочется что-нибудь дѣлать? Мнѣ не хочется кому-нибудь помогать, кормить этихъ голодныхъ, не хочется ничего устраивать, тогда какъ устроить хотя бы столовую въ деревнѣ нужно.

Душа какъ-то похолодѣла. Я равнодушенъ. И это не усталость, которая была раньше у меня. Просто чувствую,

[1]) Короленко.

что благодать меня оставила. Христа нѣтъ и сердце холодно. Отчего бы это?

* * *

4 сентября. Удивительная разгадка моего духовнаго состоянія. Я не могу выдавать мою догадку за безусловную истину, не могу сказать, что вѣрно представляю дѣло, но я такъ думаю... Владыка, который мнѣ далъ благодать священства и съ которымъ я все время поддерживаю близкія духовныя связи, написалъ такое же полное отчаянія письмо, какъ мой вчерашній дневникъ. Разница та, что у меня холодность и теплохладность, а у него отчаяніе и ужасъ... Онъ пишетъ, что въ его жизни случилось нѣчто, чего онъ стыдится предъ очами Господа, какъ Его служитель. „Искушенный виновникомъ всякаго зла, я — писалъ владыка—продалъ Христову истину и отошелъ изъ подъ Его знамени. Теперь мнѣ больно и стыдно. Мнѣ кажется, что можно снова поправить великій грѣхъ, совершенный мною, но на душѣ у меня холодно, и Христа со мною еще нѣтъ“...

Такъ вотъ—думаю я—гдѣ разгадка моего душевнаго состоянія. Я безсиленъ, потому что душевно безсиленъ онъ. Я вѣрю, что моя душа, какъ священника, связана съ его душой, душой того, кто передалъ мнѣ часть Христова духа, свою милость Иліи или часть этой милости. Безсиленъ онъ—ослабѣлъ и я, потому что только взаимной силой мы сильны, и одинъ священникъ самъ по себѣ ничто: его сила отъ молитвы вѣрныхъ и отъ молитвы Церкви, которую для меня и для моего сознанія представлялъ мой учитель.

Да — такъ... Я вѣрю, увѣренъ, что именно такъ... Но тогда мнѣ становится страшно не за себя только. Если такъ, то что же остальные—тысячи и десятки тысячъ священниковъ, у которыхъ часто нѣтъ никакой духовной связи съ духовными главами, для которыхъ ихъ учителя только начальники?

Чѣмъ живетъ душа священника тамъ, гдѣ у него совсѣмъ нѣтъ подкрѣпленія въ душѣ предстоятеля всей Церкви, того, кто носитъ душу цѣлой Церкви въ своей душѣ? Можетъ быть, его поддерживаютъ молитвы и любовь его паствы? Но гдѣ у насъ и эти связи съ паствой?... *Я чего-*

то не понимаю, что-то преувеличиваю, но мнѣ очень хочется это обдумать. Нужно помолиться, чтобы мнѣ это понять, потому что теперь мнѣ страшно...

Чѣмъ живетъ душа священника, что поддерживаетъ эту душу, когда оскудѣніе молитвы сдѣлало безсильнымъ меня, какъ пастыря, дѣлаетъ безсильнымъ даже тогда, когда я отхожу прямо отъ алтаря, прямо отъ чаши Христовой?

Господи, Господи... Разъясни.

IV.

Изъ дневника батюшки.

25 августа. Одинъ врагъ не успѣлъ уйти, какъ надвигается другой.

Голодъ... Впрочемъ у насъ, слава Богу, урожай кое-какой есть.

До новыхъ не хватитъ, но все же съ голоду не умрутъ.

Только на Барской хлѣба плохи—побило градомъ.

Но дважды хвала Богу. Какое утѣшеніе доставила намъ Барская.

Я думалъ, что бобылки, солдатки тамъ голодаютъ и уже рѣшилъ собрать „братство“, чтобы обсудить, какъ помочь.

Захожу въ одинъ домъ, разспрашиваю, какъ?—„Слава Богу, батюшка, помогаютъ, носятъ со всѣхъ дворовъ: не голодаемъ по милости Божіей“.

Каюсь я чуть-чуть не плакалъ отъ радости: давно ли на пожарѣ въ Бѣловкѣ я слышалъ, какъ мужикъ ругалъ бабу. Зачѣмъ дескать ведро дала. *Оно 40 коп. стоитъ.*

Мягкое у мужиковъ сердце, только одна бѣда: „сѣешь на дорогѣ“—„птицы подбираютъ“.

Вхожу я въ одну изъ самыхъ захудалыхъ избъ, гдѣ живетъ бобылка.

Вотъ гдѣ, думаю, все-таки чай голодъ: здѣсь и въ такое время еле живутъ...

И правда... На полкѣ хлѣбъ черный, черный. Видно, что на треть лебеды.

— Что, бабушка, плохо?

— Она не поняла меня...

— Да плохо, ужъ года такіе... А я давно къ тебѣ хотѣла. Дѣло есть...

Попросить пособіе что ли?...

Ась... Не слышу... Вотъ, батюшка, есть у меня 6 цѣлковыхъ. Приготовила на саванъ себѣ да на сорочку. На ужъ бери... Гдѣ теперь о себѣ думать... Не время... Вотъ у Сидоровыхъ шестеро...

Я даже не поблагодарилъ: такъ неожиданно было предложеніе.

— Но вѣдь ты сама то голодаешь?

— Какъ, батюшка, нѣтъ. Тутъ носили, да я не беру. Чего мнѣ. Есть хлѣбецъ, а о разныхъ разносолахъ мнѣ думать грѣхъ. Восьмой десятокъ идетъ. Да въ округѣ голодъ и попоститься не грѣхъ.

Мнѣ такъ понравилась старуха, что я остановился посидѣть.

Разговорились о старинѣ.

Я не скрываясь высказалъ свое удивленіе ея „лептѣ“.

— Да, батюшка, совсѣмъ просто приняла она мои рѣчи, теперь хуже стало. Бывало, у насъ въ какомъ домѣ дѣтишки, а молока нѣтъ... Такъ она бѣжитъ къ сосѣдкѣ: „давай молока“. Не проситъ, а какъ дома хозяйничаетъ. И та отольетъ кринку. А поди-ка она къ другой, не сосѣдкѣ, да этимъ — она сосѣдскій домъ на всю деревню осрамитъ: отъ своихъ дескать на сторону ушла.

Или свадьба бывало. У меня свадьба. И есть, скажемъ на селѣ, въ концѣ села братъ. Не придетъ, хоть на „пропой“, — я къ нему не пойду просить. Онъ, братъ, самъ долженъ придти. А не приди сосѣдъ: и въ ногахъ стану валяться, чтобы не срамилъ. Какъ это? — сосѣдъ и нейдетъ? значитъ мой домъ плохой, мира не держитъ.

А теперь...

Одначе правду нужно сказать: опять Богъ то точно милость послалъ, у насъ по душѣ начали жить.

Господи, слава Тебѣ. Твоя воля и дѣло.

* * *

Я всетаки созвалъ собраніе нашего братства. Такъ и такъ молъ, нуждаются такіе то: на сѣмена нѣтъ. А бобылки голодаютъ.

Пошумѣли.

А потомъ и говорятъ. Сергѣичъ депутатомъ. Нѣтъ ужъ, батюшка, своихъ этотъ годъ мы такъ прокормимъ, не сголодаютъ, а вотъ о чужихъ подумаемъ.

— Ты знаешь, что въ сосѣдней то губерніи дѣлается. Бѣда...

— А что?..

— Да мрутъ, не лучше, чѣмъ въ прошлый голодъ.

Я ходилъ тамъ съ голодоморомъ. Ужасть!

Со всѣхъ сторонъ плачъ: „три дня не ѣли, ребятенки кричатъ. Умремъ голодною смертью, заступите ради Христа нашихъ“, только и слышалось.

Я самъ вошелъ разъ, не помню уже зачѣмъ, въ одну избу; мужика не было дома. Дома была только баба, сидитъ на печкѣ, кругомъ куча бѣлоголовыхъ (ребятъ). Я побалакалъ съ ней.

— Лошади, молъ, есть?

— Одна осталась,—отвѣчала баба:—только хозяинъ на ней по сбору уѣхалъ.

И улыбается мнѣ.

— Ну, а хлѣбъ есть дома?

— Вонъ краюшка осталась,—отвѣтила баба, указывая на кусокъ хлѣба на полкѣ:—сама третій день нынче не ѣмъ, ребятишкамъ приберегаю. Хозяинъ, ужъ не знаю, куда и заѣхалъ. Буранъ на дворѣ. Вотъ мы на печкѣ съ ними и сидимъ, дожидаемся.

И улыбается, У меня индо сердце повернулось. Третій день...

А то въ N—омъ. Десны распухли, въ крови, зубы трясутся.—Какъ хочешь, батюшка, а сдѣлать нужно что-нибудь для нихъ. Самъ читалъ намъ, какъ дѣлали при апостолахъ. Каждое воскресенье откладывали: по копѣйкѣ на голодныхъ въ Іерусалимѣ. Намъ по правдѣ трудно нынче что дать, плохой годъ. Отдадимъ изъ братскихъ да церковныхъ хоть по двадцати рублей въ мѣсяцъ. Наша лепта.

Я согласился съ радостью, не предчувствуя, что изъ этого выйдетъ бѣда.

* *
*

Посланный отъ Краснаго Креста „кормитъ голодныхъ“.

V.

Изъ дневника Анны Николаевны.

2 сентября. Я забросила свой дневникъ, за меня пишетъ Коля. И пусть его: одного лѣтописца достаточно, а для моей тетради нашлось получше дѣло.

Послѣдніе дни постоянно ходитъ къ намъ молодой баринъ, студентъ и бесѣдуетъ съ Колей.

Иногда очень интересно и мнѣ пришло въ голову записать: что то выйдетъ.

„Разговоры батюшки со студентомъ“. Тема модная.

Очень шумѣли вчера... Былъ еще о. Петръ изъ Нагорья: нашъ „политикъ“—какъ его называютъ. Я подошла; они не замѣтили. Передамъ діалогически. Вначалѣ о. Петръ совсѣмъ не вступалъ. Только слушалъ. Говорили Коля и баринъ.

Студ. Богъ, Богъ... душа... некогда намъ думать о такой роскоши... Не наше это дѣло... Нашъ мозгъ такихъ вещей не усвояетъ, да и не нужно намъ это...

— Не нужно... Неинтересно, да?

— Конечно, Я помню, жилъ у меня надъ моей комнатой какъ разъ, слесарь: слышу, шумитъ, но мнѣ ни разу не приходило въ голову спросить, что это онъ тамъ дѣлаетъ, меня не касается. То же и Богъ. Пусть тамъ, „на небѣ“, что то есть... да въ наши дѣла Онъ не мѣшается, и мы оставляемъ Его въ покоѣ. Что вы киваете. Да, да... „повѣрьте хоть разъ, намъ нѣтъ дѣла до посторонняго міра, рѣшительно и положительно никакого дѣла“.

Мы не отрицаемъ, а *не интересуемся.* Мы Его не видимъ, а искать не хотимъ. Пусть покажется, если Онъ есть.

Это что то изъ Фауста Ленау, кажется. .

Вотъ это самое. Послушайте... (Коля досталъ книгу).

Георгъ. Средь темной ночи я родился
И въ этомъ мірѣ очутился
Не знаю самъ какимъ путемъ,
Но худа я не вижу въ томъ.
Доволенъ имъ... Путемъ борьбы,
Стремиться къ милостямъ судьбы?..
Но это будетъ слишкомъ много чести.

Фаустъ. Ты въ Бога вѣришь?

Георгъ. Ты былъ смѣлъ
Средь бури, а другому, право,
Я-бъ отвѣчать не захотѣлъ,
А вышутилъ его-бъ на славу. Вѣрю я
Лишь въ портъ, въ хорошую погоду
И что дрянному кораблю
Прiйдется погрузиться въ воду.
(Пьетъ).
Какъ самъ я опущусь на дно,
Когда зальетъ мнѣ трюмъ вино.
(Цѣлуетъ свою подругу).
Я вѣрю въ поцѣлуй и въ то,
Что превращусь, какъ всѣ, въ ничто.
Фаустъ. Не вѣришь въ Бога, значитъ ты?
Георгъ. Видалъ ли я его черты?
Слыхалъ ли голосъ я его?
Коль хочетъ отъ меня чего—
То пусть какъ мышь онъ не таится,
Ко мнѣ пусть съ знакомъ обратится.
Фаустъ. Да развѣ знаковъ не далъ Онъ
Въ горахъ, въ долинахъ, въ страшной бурѣ?
Не знакъ ли море, небосклонъ
И звѣзды тамъ среди лазури?
Георгъ. Коль хочетъ знакъ мнѣ дать, пусть онъ
Самъ объяснилъ бы намъ сначала,
Что значитъ море, небосклонъ,
Земля и звѣзды? Я нимало
Не вижу Бога въ нихъ; онѣ
Мнѣ просто звѣзды, небо, горы,
Доступны вещи мнѣ однѣ:
Все прочее лишь разговоры.

Это самое. И вы такъ думаете?

Студентъ. Не совсѣмъ такъ. Георгъ живетъ для удовольствiя, отъ него Бога и ваши интересы отгораживаетъ стаканъ. Мы люди рабочiе, намъ некогда, мы отдаемъ всѣ наши мысли, нашу кровь, нашъ мозгъ дѣлу и утомлять его хламомъ метафизики считаемъ преступнымъ.

Батюшка: Такъ... Понимаю. А я вотъ читаю интересную вещь. Юшкевича „Пророкъ“. Читали? Фанатикъ, полусу-

масшедшій еврей, измученный жизнью, пришелъ къ безумной идеѣ, что его знакомая несчастная дѣвушка Элька родитъ пророка.

„И вотъ этотъ пророкъ придетъ сюда и спроситъ“,—мечтательно говорилъ еврей:—„почему эта улица лежитъ въ долинѣ и нѣтъ здѣсь ни солнца, ни тепла, ни радости? Онъ удивится, Элька. И скажетъ, качая головой: „эту улицу нужно убрать... не должно быть такой улицы у людей“... Отсюда пойдетъ онъ въ дома. Да, Элька, да. Увидитъ дѣвушекъ. Удивится и спроситъ: „а кто эти дѣвушки, на дѣвушекъ не похожія, съ заспанными лицами?“ И ему скажутъ. „Такъ это онѣ поютъ по ночамъ и слезы ихъ пѣсенъ доходятъ вверхъ?“ Сожмется его сердце отъ гнѣва, сомкнутся уста отъ гнѣва и помолчитъ въ раздумьи. И скажетъ просто: „пусть не будетъ такихъ дѣвушекъ среди людей... А эти пусть уйдутъ домой. Человѣкомъ должна быть женщина.“

— И къ намъ онъ пойдетъ, да, Элька, да. Взглянетъ и спроситъ: „Почему эти мужики не у своихъ очаговъ? Не порядокъ это, почему вѣки глазъ ихъ красныя и печальны они? Почему ихъ лица блѣдныя? Молчаливые они“. Скажутъ ему... И сердце его сожмется отъ усталости и уста сомкнутся. Подумаетъ и промолвитъ: „строителями бы они были, а вотъ чѣмъ занимаются“. Прикажетъ онъ: „и этихъ пусть не будетъ“.

— Да, Элька, да. И такъ снизу вверхъ, изъ долины на гору, съ горы на равнину пойдетъ онъ по міру, обойдетъ онъ города, всѣ улицы и вездѣ остановится... Да, Элька, да. Въ состраданіи своемъ и въ святой бронѣ своей ненависти и въ скорби великой всѣхъ спроситъ: и скупого и насильника, кто хуже скупого, и разбойника, и раба, кто хуже разбойника, и нищаго, и покорнаго, кто хуже нищаго, и того, кто въ страданіи добываетъ хлѣбъ свой, и того, кто безъ страданія добываетъ его, и того, кто отнимаетъ его у вдовы и сироты. Да, Элька, да. Передъ всѣми остановится, всѣхъ съ удивленіемъ разспроситъ и осудитъ, осудитъ... Скажетъ: „строителями бы они были, а они вотъ какіе“. Прикажетъ онъ: „и этихъ пусть не будетъ“. И тогда, Элька, тогда изречетъ, созидая: „новые, живите иначе. Вотъ такъ живите“. И заживутъ, да, Элька, да.

„Вельштейнъ кончилъ, страстно тоскуя о прекрасной жизни". Такъ говорилъ онъ передъ Элькой, тоже тоскующей по жизненной правдѣ. И вы думаете, обрадовалась Элька? Нѣтъ... Спросила она: „почему же онъ раньше не пришелъ,—и какъ звѣри рычали въ ней всѣ обиды, всѣ скорби,—много раньше? Какъ вернетъ онъ мнѣ стыдливость мою и невинность мою? Какъ сдѣлаетъ, чтобы слезы мои какъ бы не были? И всѣ со мной на землѣ спросятъ: какъ? Не скажемъ ли мы ему: съ нами, съ нами что будетъ? И что отвѣтитъ онъ?"

— Мы всѣ служимъ завтрашнему,—съ радостью отвѣтитъ онъ.

„А если я не хочу? Я, Вельштейнъ. И кто хочетъ? Не желаемъ мы служить завтрашнему. Если мы страдали,—пусть и всѣ страдаютъ, сколько народятся. Съ радостью будемъ страдать. Закроемъ глаза, стиснемъ зубы и будемъ страдать. Придетъ онъ въ святой бронѣ своей ненависти,—заплюемъ его. Почему онъ не пришелъ раньше? Теперь же не нуженъ онъ намъ. Ибо, что скажутъ люди, въ землѣ погребенные? Вотъ вы веселитесь, скажутъ, вы радуетесь, а мы, а мы? Что отвѣтимъ? Въ горѣ заломимъ руки? Будемъ страдать, страдать... Не хочу.

Слышите—не хочетъ Элька будущаго—пока для нея не объяснено прошлое, пока не ясенъ для нея міръ и жизнь? А для васъ все это ясно?

— А... Слышалъ я эту музыку... Карамазовскій бунтъ. Знаемъ, но что намъ до прошлаго? Да, да, мы служимъ завтрашнему дню... Взойдетъ солнце. Мы его выведемъ на небосклонъ и запоемъ осанна. Я слова Карамазова когда то наизусть зналъ и объ этой маленькой дѣвочкѣ, которая въ подломъ мѣстѣ бьетъ себя въ грудку и жалуется Боженькѣ и о дѣтишкахъ, которыхъ травили собаками на глазахъ матерей. Помню, какъ это? Да.

„Я убѣжденъ, какъ младенецъ, что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ, какъ жалкій миражъ, какъ гнусное измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ, человѣческаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ въ міровомъ финалѣ, въ моментѣ вѣчной гармоніи, случится и и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватитъ его на

всѣ сердца, на утомленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе злодѣйствъ людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватитъ, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми—пусть, пусть это будетъ и явится, но я—ради прошлаго—этого благоденствія, построеннаго на крови, не принимаю и не хочу принять. Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и я это самъ увижу: увижу и скажу, что сошлись, а всетаки не приму. Не хочу на крови строить. Что же? Вольному воля—спасенному раи.

Онъ не принимаетъ. А мы принимаемъ. Не въ нашихъ силахъ исправить прошлое и мы его забудемъ.

„Значитъ, прошлое должно унавозить почву для гармоніи будущаго.

Да, да, да...

— „Что съ вами подѣлаешь. И такъ прошлое можно забыть. Можно примириться съ страданіями прошлаго?

А вотъ мнѣ думается иначе...

Мнѣ, какъ и Достоевскому, кажется, что если нельзя найти примиренія для этихъ прошлыхъ слезинокъ, то проклята и *гармонія будущаго*.

„Не стоитъ она слезинки, хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ неискупленными слезами своими „Боженькѣ“. Не стоитъ, потому что слезы его останутся неискупленными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ же вы ихъ искупите? Развѣ это для васъ возможно?

Да вотъ задамъ я вамъ тотъ же вопросъ, какой Иванъ задавалъ Алешѣ. Скажите мнѣ прямо... Представьте, что вы возводите зданіе „судьбы человѣческой съ цѣлью, въ финалѣ, осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо замучить всего лишь одно только крохотное созданіе, вотъ того самаго ребенка, бившаго себя кулачкомъ въ грудь, и на неотмщенныхъ слезахъ его основать это зданіе, согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги“.

„Нѣтъ не согласился бы, какъ и Алеша—конечно, я не буду строить на крови, но плакать о „покойникахъ, которые гибнутъ, тоже не стану.

Не будете плакать конечно. Однако—послушайте, я припоминаю ваше же старое возраженіе мнѣ. „Какъ, говорили вы, это у васъ, праведники будутъ наслаждаться въ раю, когда грѣшники будутъ мучиться въ аду. Неужели дескать имъ не жалко будетъ?“

Жалко вѣдь должно быть по вашему. Конечно, а вы будете жить въ вашемъ царствѣ небесномъ и не будете помнить о той крови и слезахъ, которыя раньше пролиты.

Неужели же ваша совѣсть примирится съ этимъ и не разорвется на части отъ сознанія прошлой муки „ребенка въ подломъ мѣстѣ?“

— Пусть такъ, но я не вижу никакого рѣшенія, выхода.

„А вѣчность, Богъ, безсмертіе? Развѣ это не рѣшеніе Карамазовскаго вопроса. Все выходъ. Я полагаю, что объясненіе тутъ только въ идеѣ будущей жизни, въ идеѣ безсмертія... Если „прошлое“ не можетъ быть стерто въ будущемъ—въ безсмертіи, въ Христовомъ царствѣ — проклято и будущее, оно не для людей...

Однако это ладно... оставимъ пока. Но какъ вы думаете?... Вы увѣрены, что побѣдите? Устроите жизнь по новому. Я бы на вашемъ мѣстѣ — едва ли. — Помните, у Достоевскаго есть картинка.

Кирилловъ говоритъ Шатову: „Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: „этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка — одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ его такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже свое не пожалѣли, а заставили и его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, если ты человѣкъ?“

Вы надъ этой картинкой не думали, потому что Христосъ для васъ—человѣкъ, немногимъ побольше другихъ.

— А для меня онъ Богъ и я думалъ, Допусти въ самомъ дѣлѣ, что Христосъ обманулъ и себя, и разбойника... И не побѣдилъ, умеръ и не воскресъ.

Если—этотъ человѣкъ „величайшій изъ смертныхъ"—даже по Ренану—ничего не сдѣлалъ и обманулъ и побѣжденъ—вотъ во гробѣ — страшный, измученный,—заушенный побѣжденный.

Вѣдь все тогда кончено: жить нельзя.

Мы съ ними вѣримъ, что онъ не обманулъ и не обманетъ, что онъ Побѣдитель, потому мы можемъ жить и надѣяться, что еще побѣдитъ Правда Креста, а вы на кого надѣетесь,—на себя? На свою силу? Но по какому праву?..

— Не на себя... Наше будущее съ такою точностью опредѣлено нашими астрономами, какъ затменіе солнца. Наука дастъ намъ премудрость, откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья дастъ счастье... И наука уже нашла законы жизни и устроитъ жизнь?

— Пусть, не стану спорить—хоть и сомнѣваюсь Но вы чѣмъ думаете жить?.. Вы лично... Надеждой, что новое солнце взойдетъ. Такъ, но дѣлать то будете...

— Да, будемъ работать для будущаго.

— Оставьте... не будетъ у васъ силы—не откуда взяться силѣ работать.—Во имя чего вы работать станете? Во имя лучезарной сказки — научно обоснованнаго Марксомъ — сказочника Фурье... Ложь.

Вѣдь вы помните, что сдѣлалось съ Варварой Васильевной у Вересаева?

Умерла? Убила себя? А Сергѣй? Хочетъ повѣситься.

Ивановъ... (Чеховъ)... тотъ самый, который—отъ имени всѣхъ заявилъ, — что „мы живемъ только до 30 лѣтъ? — Стрѣляется. Отчего? Подумали-ли вы? Отчего вы въ началѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, къ 30—35 гг. становитесь уже полными банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ и картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой прекрасной молодости? Отчего вы, упавши разъ, уже не стараетесь подняться и, потерявши одно, не ищите

другого?“ И что толку, что вамъ такъ „страшно хочется жить, хочется, чтобы ваша жизнь была свята, высока, торжественна, какъ сводъ небесный“. („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“).

„Черезъ 200 — 300 лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной“—говорите вы. „Мы для нея живемъ, говоритъ Вершининъ, работаемъ и страдаемъ. Мы должны работать и работать, а счастье это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ“ („Три сестры“). „Обойти мелкое и призрачное—вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ. Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали“ („Вишневый садъ“).

Пусть, пусть. Я не стану подчеркивать злыя слова Тузенбаха, который вовсе не вѣритъ въ „будущее“, который думаетъ, „что не только черезъ 200, но и черезъ милліонъ лѣтъ жизнь останется такою же“ („Три сестры“). Не буду очень настаивать, что правъ Треплевъ, когда показываетъ въ „Чайкѣ“ будущую землю вовсе „не радостной и ликующей, а пустынной, на которой угасли всѣ жизни, и одинокій, тоскующій призракъ міровой души, все еще не знающей, что ее ждетъ, не кончившей „жестокой и упорной борьбы съ дьяволомъ“.

Пусть—эти двое ошибаются, нельзя жить съ той сантиментальной вѣрой, съ какой жилъ Вершининъ. Не дастъ силу жить этотъ наивный оптимизмъ, эта роль рабовъ, работающихъ на какую-то будущую породу людей, карріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой кто-то, когда-то будетъ танцовать (Ф. Бѣлявскій). „Да и помянутъ ли еще добрымъ словомъ насъ тѣ, которые будутъ жить черезъ 100 — 200 лѣтъ и для которыхъ мы пробиваемъ дорогу? Вѣдь не помянутъ“... („Дядя Ваня“).

И вы поработаете—да и бросите... Да и то будете работать по недоразумѣнію.

Не зачѣмъ вамъ и работать... Вѣрно... Или принять Христа и работать ради Его креста, ради Его царства—или „антропофагія“. „Да зачѣмъ я, говоритъ Подростокъ, долженъ любить моего ближняго, или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ и которое, въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія (время тутъ ничего не значитъ),

когда земля обратится, въ свою очередь, въ ледяной камень и будетъ летать въ воздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ же ледяныхъ камней, т. е. безсмысленнѣе чего нельзя себѣ и представить. Вотъ наше ученіе". „Скажите, зачѣмъ я непремѣнно долженъ быть благороденъ, тѣмъ болѣе, если все продолжается одну минуту... Одинъ чрезвычайно умный человѣкъ говорилъ, между прочимъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ? И особенно теперь, въ наше время... Вѣдь, вы Бога отрицаете, „какая же косность, глухая, слѣпая, тупая можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе. Вы говорите: „Разумное отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода"; а если я нахожу всѣ эти разумности неразумными, всѣ эти казармы, фаланги? „Да чортъ мнѣ въ нихъ, и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу" (слова Раскольникова). „Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду; оно веселѣе. Что мнѣ за дѣло о томъ, что будетъ чрезъ тысячу лѣтъ—или черезъ сто—или черезъ тридцать съ этимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу,—ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига? Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ пренебрежливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ бы хоть всѣ провалились".

Студентъ. Ну, васъ! не для будущаго только я буду работать, а для того, чтобы мнѣ стало лучше, вольготнѣе дышать.

— Хорошо. Допустимъ, но вотъ наступитъ время, когда вамъ будетъ вольготно,—какъ буржуа. Вы тогда перестанете работать,—успокоитесь? Нѣтъ. Такъ во имя чего тогда вы будете работать для ближняго? Но вѣдь своя рубашка къ тѣлу ближе. Нѣтъ, тогда бороться за улучшеніе настоящаго—будетъ антилогичное самоубійство—и вы, какъ правовѣрный ученикъ Маркса, должны признать, что вамъ „тогда" суждено стать хищниками, ворами.

На почвѣ 1848 года во Франціи родились и взяли власть, говоря словами Герцена, „политическіе шуллера" — насильники на подпочвѣ красивыхъ словъ. Да вы скажите сами, должны ли вы и можете ли вы стоять за голодныхъ, когда вы будете сыты?

Вѣдь если Единственный Богъ — „желудокъ“, то вашъ подвигъ живъ, пока ваши желудки не полны.

Нѣтъ. Нѣтъ... Это вѣрно будто-бы — но нѣтъ. Не хочу. Нѣтъ.

— Нѣтъ, *да, если вы Христа не примете, законъ Его— безсмертіе.* А если совѣсть зазритъ по ошибкѣ, по атавизму, по воспоминанію о Христѣ, то вы убьете себя, потому что во всѣхъ вашихъ „ассоціаціяхъ“ безъ Христа не будетъ ни тепла, ни свѣта. Не даромъ одинъ соціологъ пишетъ: „самоубійства нашего времени увеличились потому, что прогрессъ, уничтоживъ старыя формы организованности, не создалъ новыхъ“.

Нѣтъ у васъ любви, а отъ желудочнаго идеализма нѣтъ свѣта, и тепла въ немъ нѣтъ, и жить имъ нельзя.

И еще скажу. Пусть ваши мечты исполнятся. Что создадите вы? Счастье общей сытости.

Допускаю такое счастье, но разсмотримъ его элементы.

Съ точки зрѣнія вашей все, что создано обще-человѣческимъ геніемъ — религія, искусство, суть произведенія, созданныя экономическимъ факторомъ.

Прекращается его дѣятельность — и тогда ясно, что отпадаетъ и религія, и искусство.

Умретъ музыка, потому что музыка есть тоска, мука желаній, ропотъ сближенныхъ душъ. Умретъ живопись, потому что, *что* она будетъ изображать? Душу, ея жизнь? но вѣдь самый вредный терминъ души будетъ казаться предразсудкомъ въ царствѣ вашей гармоніи, гдѣ остается жалкій и скудный Эвклидовскій точный мозгъ безъ мечты, безъ творчества.

Умретъ любовь, потому что любовь есть форма отправленія, созданная борьбой экономической, которой не будетъ.

Осталась бы одна „гастрософія“ Фурье. Помните?

Гастрософія, искусство ѣсть, вотъ наше будущее. Вѣдь страшно, думаю, если бы это царство торжествующей обезьяны Ницше настало, и появились пророки, которые крикнули-бы: „люди, братья... Опомнитесь“. За что вы прокляли свою душу, движеніе къ росту, къ Вѣчному Богу... За сытый желудокъ?!

Но вѣдь это меньше, чѣмъ чечевичная похлебка. Вспомните о своемъ первородствѣ. Вѣдь вы—люди и душа ваша сильна напоить міръ тоской, для этой души была открыта

область великаго творчества—и вотъ вы стали животнымъ, которое все ушло въ желудокъ.

И люди поняли бы этихъ пророковъ, потому что не дали-бы затосковать по жизни человѣческой и прокляли-бы они вашу желудочную гармонію.

„Да, прокляли. Конечно, сперва всѣ бы пришли въ восторгъ. Люди обнимали бы другъ друга въ упоеніи, они бросались бы изучать открытія; они вдругъ почувствовали бы, такъ сказать, себя осыпанными счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайныя пространства въ десять разъ скорѣе, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ: извлекали бы изъ земли баснословные урожаи, можетъ быть, создали бы химіей организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты,—словомъ, ѣшь, пей и наслаждайся. Вотъ, закричали бы всѣ филантропы, теперь, когда человѣкъ обезпеченъ, вотъ теперь только онъ проявитъ себя. Нѣтъ ужъ болѣе матеріальныхъ лишеній, нѣтъ болѣе заѣдающей „среды“, бывшей причиною всѣхъ пороковъ, и теперь человѣкъ станетъ праведнымъ и прекраснымъ... И всѣ завопили бы, наконецъ, въ общемъ гимнѣ: „кто подобенъ звѣрю сему? Хвала ему—онъ сводитъ намъ огонь съ небеси“. Но врядъ ли на одно поколѣніе людей хватило бы этихъ восторговъ. Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто-то у нихъ все укралъ разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины... И загнило бы человѣчество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за камни, обращенные въ хлѣбы.

— Но что же вы то?—студентъ говорилъ возбужденно, почти озлобленно.—Что дадите вы намъ?

Коля: „Вѣру... Помощь... Силу...

— Идите съ нами... Въ христіанствѣ вы найдете то, что вамъ не достаетъ. Здѣсь рѣшенъ важный вопросъ—тотъ, который вызвалъ „бунтъ“ Карамазова, который убилъ Эльку.

„Необходимо—говорилъ Достоевскій—такое существо, которое могло бы и имѣло бы право простить „все, всѣхъ и

вся и за все". Необходимо Христово Воскресеніе и Его Божественное всепрощеніе, прощеніе всего того, что съ точки зрѣнія „добродѣтели безъ Христа" не простили-бы. „Если Христосъ не воскресъ, суетна наша вѣра". Только допущеніе Бога, возлюбившаго человѣка, пославшаго Сына Своего возлюбленнаго пострадать за него—даетъ утѣшеніе, надежду, силу божественную. Невозможное для человѣка, возможно для Бога: то, что не можетъ быть искуплено въ земномъ царствѣ человѣка-бога, то искупится въ небесномъ царствѣ Богочеловѣка; то, что не разрѣшится въ мірѣ смертнаго, то объявится въ безсмертномъ, ибо тамъ, „не убо явися что будетъ". То, что жестоко и безсмыслено ради человѣка-бога, даже сверхъ-человѣка, то пріобрѣтаетъ особый смыслъ во Христѣ-Богочеловѣкѣ.

И увидитъ тамъ Элька, зачѣмъ страданія, и пойметъ, около язвъ страдавшаго Спасителя, что нужно было и Его страданіе, и оно сдѣлало великое, и что оно-то отчасти и помогло міру побѣдить себя и уйти во Христа и жизнь Его. Пойдите къ намъ.

Въ христіанствѣ вы найдете счастье. Вы устаете потому, что работа не даетъ вамъ счастья. Спасайтесь отъ самоубійства Варвары Васильевны, Сергѣя — въ радости осмысленной Христовой работы.

Вы слабы, вы устаете, вы ренегатствуете, потому что несчастны, а несчастны потому, что всякая ваша организація — союзъ, основанный на разсудкѣ, и нѣтъ въ нихъ грѣющаго, теплаго, нѣтъ любовной связанности.

Христіанство ее даетъ, оно „человѣческой работою" даетъ помощь Распятаго и Воскресшаго.

Но не хочу повторяться: объ этомъ я уже говорилъ не разъ вамъ. Пойдите за Христомъ.

Христіанство даетъ вамъ въ будущемъ Богу-соизволяющую, истинную человѣческую жизнь, „новую" землю.

— Чѣмъ? проповѣдью непротивленія... терпѣнія... Отдай верхнюю рубашку, когда хотятъ взять нижнюю... Будетъ.

— Да, непротивленія злу зломъ... насиліемъ.

Какъ хотите, а изъ насилія противъ насилія — правды не выйдетъ. И зачѣмъ вы такъ узко понимаете непротивленіе. Мы не за Толстовское непротивленіе. Нѣтъ! защита правды не противна завѣтамъ Христа: если можно было

изгнать торгующихъ изъ храма, то оставимъ ли безъ гнѣвнаго протеста во имя Христа торговли кровью, человѣческой жизнью, если не между жертвенникомъ и алтаремъ, то во всякомъ случаѣ людьми, *которые хотятъ подойти къ алтарю.*

Студентъ.—Погодите. Слушайте, я разскажу вамъ притчу.

Былъ нѣкогда человѣкъ злой и проклятый небомъ. И этотъ человѣкъ былъ силенъ, но онъ ненавидѣлъ работу, такъ что говорилъ самъ себѣ: какъ я буду жить? если я не стану работать, я умру; работа же мнѣ невыносима. Тогда вошла въ его сердце адская мысль. Онъ вышелъ ночью изъ дому, схватилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ братьевъ въ то время какъ они спали, и заковалъ ихъ въ цѣпи. Ибо, сказалъ онъ, я бичами заставлю ихъ работать на себя и буду ѣсть плоды ихъ работы. И онъ сдѣлалъ, что думалъ, и другіе, видя это, сдѣлали то же, и не осталось на землѣ больше братьевъ, а стали лишь рабы и господа. Этотъ день былъ днемъ великой скорби по всей землѣ. Долго спустя пришелъ другой человѣкъ, еще болѣе злой, чѣмъ первый, еще болѣе проклятый Богомъ. Видя, что люди повсюду размножились и что ихъ множество неисчислимое, онъ сказалъ себѣ: я могъ бы заковать нѣкоторыхъ и заставить ихъ работать на себя, но ихъ пришлось бы кормить, а это уменьшило бы мою выгоду. Сдѣлаемъ лучше, пусть они работаютъ за ничто. Поистинѣ они будутъ умирать, но число ихъ велико, я соберу богатства прежде, чѣмъ они значительно уменьшатся, и ихъ останется всегда достаточно. Вся эта толпа жила тѣмъ, что получала взамѣнъ своей работы. И человѣкъ обратился къ нѣкоторымъ и сказалъ имъ: „вы работаете шесть часовъ, и вамъ даютъ одну монету за вашъ трудъ. Работайте двѣнадцать часовъ и вы пріобрѣтете двѣ монеты, и будете жить лучше, и вы, и ваши дѣти“. И они повѣрили... Онъ сказалъ имъ: „вы работаете лишь половину дней въ году; работайте всѣ дни, и вашъ заработокъ удвоится“. И они повѣрили опять. И вотъ количество работы увеличилось вдвое, а потребность въ работѣ осталась старая: половина тѣхъ, которые жили прежде собственнымъ трудомъ, не находили больше никого, кто бы ихъ взялъ. Тогда злой человѣкъ, которому они повѣрили, сказалъ имъ: „я вамъ дамъ работу для всѣхъ — съ условіемъ, чтобы вы работали

то-же время и что я вамъ буду платить половину того, что платилъ вамъ раньше; я хочу оказать вамъ услугу, но не хочу разориться". И они, голодные, приняли предложеніе злого человѣка и благословили его; ибо, говорили они, онъ далъ намъ жизнь. И продолжая ихъ обманывать такимъ же образомъ, постоянно уменьшалъ ихъ плату. И если одни умирали отъ бѣдности, другіе спѣшили занять ихъ мѣсто, такъ какъ глубокая бѣдность господствовала въ этой странѣ, и цѣлыя семьи продавали себя за кусокъ хлѣба. И злой человѣкъ, заковавшій своихъ братьевъ, не получилъ столько богатствъ, какъ другой злой человѣкъ, обманывающій ихъ. Перваго зовутъ тираномъ; имя второго начерчено лишь въ аду". У васъ есть лишь одинъ Отецъ—Богъ, одинъ наставникъ — Христосъ. Когда про тѣхъ, кто владѣетъ на землѣ великой властью, скажутъ вамъ: вотъ ваши господа — не вѣрьте. Если они справедливы, — они ваши слуги; если нѣтъ, — они ваши поработители. Всѣ рождаются равные: никто, приходя въ міръ, не приноситъ съ собою права повелѣвать. Но между властителями нашлись люди, которые захотѣли править такъ, какъ будто они были люди болѣе высокой породы, чѣмъ ихъ братья. И власть ихъ незаконна, власть гордости и похоти".

Примете вы такую притчу, батюшка? Студентъ зло усмѣхнулся.

— Нѣтъ; не приемъ; здѣсь въ этой рѣчи есть озлобленность, эта рѣчь рождаетъ ненависть; авторъ не хочетъ помнить, что часто угнетатели люди не хищнической воли, а есть хищники по традиціи, искренно непонимающіе, что богатство ихъ мамона неправды. И призывать ко враждѣ не дѣло учениковъ Христовыхъ. Наше дѣло — выявлять правду, а не растравлять раны обиженныхъ.

Конечно, мы не станемъ скрывать, что „плата рабочихъ, удержанная работодателями, вопіетъ къ Богу".

Мы вѣримъ, что для церкви именно теперь настало время усиленной „діаконіи".

Вы помните нашу бесѣду о діаконіи въ прошломъ году?

Церковь, говорилъ я тогда, и повторяю теперь, не могла и не можетъ забыть о землѣ.

„Нѣтъ, не даромъ древняя церковь создала даже эту особую іерархическую степень для служенія трапезамъ, т. е.

матеріальнымъ нуждамъ вѣрныхъ. Вѣдь діаконія, это степень „*священства*“. Не хорошо, что ее уничтожили, сузивъ до степени простого церковнаго украшенія. Церковь должна возсоздать эти органы попеченія о трапезахъ, о землѣ и т. п. и не въ смыслѣ только органовъ благотворительности. Діаконы были и представителями, „адвокатами бѣдныхъ“ и судьями.

Теперь діаконіи нѣтъ—но вѣдь идея діаконіи не временная, конечно, идея,—а общецерковная и вѣчная, и обязанность „служенія“, предстательства и т. п. „земная канитель“—явно лежитъ на обязанности церкви, съ тѣхъ поръ какъ церковь „призвала діаконовъ и возложила на нихъ руки“.

И дѣло церкви не только предстательство и обличеніе. И мы—не одни вы—хотимъ строить.

Участіе священника, думается намъ, по самому евангелію гораздо разностороннѣе и шире. Онъ долженъ знать, долженъ войти въ сущность общественныхъ вопросовъ, напримѣръ, рабочаго, не только какъ единственный часто интеллигентный человѣкъ въ селѣ, а именно какъ священникъ.

Трудъ святъ, но существуютъ проклятые виды труда, которые нельзя назвать иначе, какъ самоубійствомъ.

Имѣетъ-ли право священникъ остаться равнодушнымъ къ такимъ видамъ труда, не долженъ-ли онъ смотрѣть, какъ на „грѣхъ“, на самые эти виды труда и на тѣхъ, кто убиваетъ (душу или тѣло), какъ на убійцъ? Не обязанъ-ли онъ бороться съ такими формами труда, хотя бы эта борьба вела за собою гибель фабрики? И смѣетъ-ли онъ сдерживать слово свое? Вѣдь души гибнутъ.

А количество рабочаго дня? Священникъ охраняетъ покой воскреснаго дня, потому что этотъ день „Божій“, но вѣдь этотъ день не можетъ быть Божьимъ, если въ предшествующіе дни человѣкъ весь былъ отданъ труду, отупляющему, исключающему всякую возможность воспитанія души. Если его рабочій день 12 часовъ въ сутки, то его воскресенье не можетъ быть отдано Богу: уставшій и отупѣвшій, онъ будетъ нуждаться въ наркозѣ и пойдетъ въ винную лавку, а не въ храмъ. Я думаю, что когда папа Левъ XIII требовалъ въ своей буллѣ восьми часовъ работы,

восьми для сна и 8 для отдыха,—онъ очень спустился къ ариѳметикѣ—чисто человѣческой, но быть равнодушнымъ къ самой сущности вопроса, значитъ быть равнодушнымъ къ росту душъ, къ спасенію ближнихъ.

И далѣе рабочіе союзы, кооперації.

Папа Левъ XIII въ той же буллѣ положительно требуетъ отъ священниковъ устройства рабочихъ союзовъ, корпорацій и проч. Для чего? Повидимому, для него эти союзы нужны въ цѣляхъ борьбы съ сильными, съ капиталомъ. Не правъ-ли онъ? Мы полагаемъ, что здѣсь все дѣло только въ цѣляхъ и формахъ союзовъ, кооперацій, обществъ взаимопомощи.

Если союзы созданы для борьбы, хотя бы мирной, если въ основу ихъ положена идея именно протеста, *защиты правъ*, то эти союзы человѣческіе, и хотя не намъ осуждать ихъ, но не намъ и освящать. Но есла это—союзы братолюбія, союзы для работы въ лучшихъ моральныхъ условіяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что не только трудовая организація крестовоздвиженскаго братства, экономическая организація Валаама, и т. д., но и вообще кооперації, союзы рабочихъ на началахъ взаимопомощи, артели, несомнѣнно, лучше хищническихъ рабочихъ организацій.

Допустимъ, что правъ Н. Н. Неплюевъ, по которому „озаренная любовью къ Богу артель, трудовое братство—живая клѣтка живого организма церкви“. Чтобы отвергнуть эту мысль, нужно очень подумать, а если она вѣрна, то на Церкви лежитъ безусловно обязанность устройства такихъ организацій и забота о христіанской организаціи труда въ той же мѣрѣ, какъ обязанность устроенія хотя бы монастырей. Это формы христіанской жизни для христіанъ, это лучшая (сравнительно) форма спасенія.

Вы думаете, что церковь не хочетъ свободы, но, вѣдь, церковь есть—синонимъ свободы.

Но она знаетъ—одинъ высочайшій видъ свободы, Христову свободу искупленнаго духа и остальные виды свободы—должны держаться на основѣ этой единственной.

„Не давайте обольщать себя пустыми словами“.

Многіе будутъ пытаться васъ убѣдить, что вы дѣйствительно свободны, потому что они написали на клочкѣ бумаги слово „свобода“ и развѣсили его по всѣмъ переул-

камъ. Свобода есть живая сила, которую чувствуютъ въ себѣ и вокругъ себя, она—геній, охраняющій домашній очагъ, хранительница соціальныхъ правъ и первое изъ этихъ правъ; и угнетатель можетъ прикрывать себя именемъ свободы.

И это худшіе—изъ угнетателей.

Они соединяютъ съ тираніей ложь, съ несправедливостью профанацію: ибо слово „свобода“ священно. Берегитесь тѣхъ, которые повторяютъ: „свобода, свобода“ и разрушаютъ ее своими дѣлами. Свобода заблеститъ намъ, когда у подножія креста, на которомъ Христосъ умеръ за насъ, мы всѣ поклянемся умереть другъ за друга—но умереть—отдавая себя дѣлу любви, а не ненависти.

Въ это время, первый разъ вмѣшался о. Петръ.

— Вы напрасно считаете насъ въ какомъ то противорѣчіи съ вами... Нѣтъ,—началъ онъ,—если говорить о роли церкви въ жизни, то ея „политика“ совпадаетъ вообще съ политикой тѣхъ, кто за правду... за права меньшихъ...

Мы можемъ подать руку вамъ, мы только строимъ на христіанской основѣ, отъ имени Христа.

Но строимъ одно и то же: какъ вы, мы склонны стоять за освобожденіе, за объединеніе слабыхъ—противъ неправды сильныхъ, за *право* обиженныхъ...

— Права... Нѣтъ... вскочилъ Коля.—Нѣтъ...

Не знаю, что сдѣлалось съ о. Николаемъ... Такой онъ сталъ возбужденный, трясется какъ отъ непереноснаго внутренняго гнѣва.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Не будетъ. Избави Богъ.

Это Іудино предательство. По Муретову, Іуда продалъ Христа, чтобы Его поторопить, заставить Его принять вѣнецъ Мессіи и выстроить царство Божіе на землѣ.

Это второе искушеніе. Сдѣлай камни хлѣбами... Нѣтъ, дѣлать то, что предлагаетъ мой коллега, значитъ камень давать вмѣсто хлѣба.

Все это человѣколюбивое христіанство—почти Христово, но иногда между почти и дѣйствительностью пропасть великая.

Разъ идетъ дѣло о правѣ, о соединеніи для защиты правъ слабыхъ,—то въ такой программѣ нѣтъ одного: нѣтъ Христа; если я когда-нибудь приду къ мысли, что Христа

не было, что дѣло Его здѣсь невозможно, тогда я приму эту христіанскую политику.

Можетъ быть это будетъ черезъ недѣлю, черезъ двѣ, но тогда, когда умретъ Христосъ. А пока я въ Него вѣрую.

Я не вижу середины: или „сохранить Христову заповѣдь,—если хотятъ у тебя взять нижнюю одежду, отдать верхнюю или насиліе, всѣ формы насилія до террора.

И лучше бы проповѣдывать сразу святой гнѣвъ и ненависть, чѣмъ тепло-хладную измѣну Христу—переходъ въ организацію и систему постояннаго мелкаго гнѣва и желудочной скупости...

Мы не будемъ позади васъ въ обличеніи насилія.

Духъ Божій давалъ ученикамъ Христовымъ слово пророка Исаіи, когда онъ говорилъ о платѣ рабочихъ, вопіющихъ къ нему, о крови, пролитой насильниками, о слезахъ болѣе страшныхъ, чѣмъ кровь, и потѣ, болѣе страшномъ, чѣмъ слезы.

Но не можемъ мы звать къ насилію.

Нѣтъ. Нѣтъ.

Борьба словомъ чрезъ законодательство самое большое наше человѣческое, а главное средство—молитва...

Повторяю, Церковь не можетъ быть въ союзѣ съ группой, которая говоритъ обиженному: возьми свое „право“, потому что права нѣтъ въ церкви, хотя она и скажетъ: проклятъ насильникъ...

Церковь можетъ стоять только внѣ борьбы, какъ совѣсть человѣчества—ея судъ.

Это не значитъ, что она не будетъ дѣлать, но дѣлать не во имя права, а во имя отреченія каждаго отъ своего права.

Мы сказали, что она можетъ сдѣлать, но это не во имя только Христово, а по духу Его слова. Имя можно употреблять и всуе. Можно только прилаживать Христа и то Христа-Учителя, а не Христа Распятаго.

Нѣтъ, мы можемъ звать только къ такимъ дѣламъ, какія можемъ проповѣдывать съ чашей крови Господней въ рукахъ, устраивать такіе союзы и организаціи, гдѣ нѣтъ правъ и есть только самоотверженіе, хотя и мыслимъ, что это устроитъ жизнь побогаче соціализма.

Можетъ быть, это творчество невозможно, даже частично (я не мечтаю объ общей перестройкѣ міра: онъ пока без-

надеженъ, потому что пошлъ? Да? Когда я въ этомъ увѣрюсь, то, повторяю, приму ту вашу программу, или не приму никакой, жизни не приму. Нѣтъ тогда Христа и обманулъ Онъ Себя на крестѣ, и разбойника обманулъ...

А я вѣрую.

Знаю я, что мы должны подумать о язвахъ и скорбяхъ земли.

И думать не во имя земли, а во имя Евангелія. Мы и думаемъ...

Православіе по своей сущности всегда ставило духовный интересъ надъ тѣлеснымъ, и не только вѣровало, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но, пожалуй, слишкомъ мало цѣнило хлѣбъ. И потому мы полагаемъ, что на почвѣ этого христіанскаго ученія могли создаться учрежденія, не только не представляющія измѣны и отступничества отъ христіанства, а наоборотъ, представляющія по своей сущности антитезу чисто хлѣбнымъ учрежденіямъ вѣка, хотя цѣль ихъ была бы—улучшеніе матеріальной стороны жизни.

Все дѣло въ томъ, изъ какой исходной точки мы выйдемъ. Возможно, что я священникъ, какъ Обновленскій у Потапенко,—о немъ мы тоже говорили,—примкну цѣликомъ къ тѣмъ формамъ устроенія земли, какія выработала „борьба за существованіе“, и только для „украшенія“, для „обстановки“ буду ссылаться на Христа, Его имя и Его дѣланіе. Христосъ здѣсь только добавочный аргументъ, иногда дѣйствительно лишній, ничего не прибавляющій; Христомъ не то, что прикрывается, а прикрашивается извѣстное дѣло. Тогда я—предатель, отступникъ.

Но ничто не мѣшаетъ намъ созидать чисто-христіанскую соціологію; изъ Евангелія, изъ его буквы, изъ того, что предписываетъ Евангеліе, созидать системы земныхъ организацій, съ цѣлью устроенія и души, и тѣла, устроенія въ извѣстныхъ предѣлахъ царствія Божія. Когда первые христіане, стоя цѣликомъ на буквѣ закона Христова и живя его силой, созидали іерусалимскую общину, то они во всякомъ случаѣ не богохульствовали и не были измѣнниками Христу. Они только говорили и дѣлали, что требовало Евангеліе. А въ результатѣ этого дѣланія, независимо отъ ихъ

воли, создавались организаціи чисто общественныя: соціологическія системы.

У насъ, православныхъ священниковъ, есть свой критерій, свой соціальный законъ. Исходя изъ этого закона, мы можемъ строить и должны „начать“. И если въ этомъ строеніи намъ придется съ чѣмъ-нибудь столкнуться и отрицать, слѣдовательно, бороться, то эта борьба словомъ есть только исполненіе требованія Христа не скрывать правду Божію и не бояться называть, что противорѣчитъ этой правдѣ—ложью. Въ этомъ наша обязанность...

И думаю я, что вы вернетесь отъ своего закона къ нашему, къ намъ, а не мнѣ придется идти къ вамъ. Вы сейчасъ сильны, но чѣмъ? Отчаяніемъ молодости, тоской, но вы скоро поймете, что вамъ жить нечѣмъ, Бога нужно.

Я понимаю, что вы должны быть сильны.

Помните... у Достоевскаго суету, что было, когда для людей потухло солнце.

Я на нее уже ссылался какъ-то... Люди кинулись въ объятья другъ друга и каждый торопился дать другому счастье, послѣднее счастье... Вѣдь это были послѣдніе дни. И каждый жалѣлъ. На землѣ наступило счастье безъ Бога.

Мнѣ, говоритъ Достоевскій, однако всегда за этой картиной чудится Христосъ, какъ у Гейне.—„Приходитъ Онъ и говоритъ: а Меня то вы забыли. Можете-ли вы жить безъ Меня?“ Почему Онъ такъ думаетъ? Да потому, конечно, что люди не для любви изъ отчаянія, не для смерти созданы, а для любви отъ радости, отъ избытка жизни, а эта любовь возможна съ вѣчнымъ Христомъ, при вѣрѣ въ вѣчность жизни.

И вы Христа призовете.

Иначе нельзя. Этимъ кончите, если у васъ душа есть, если не ограничитесь до перехода въ желудокъ. Исхода другого внѣ Христа нѣтъ: „женевскія идеи,—говоритъ Версиловъ въ „Подросткѣ“,—это добродѣтель безъ Христа, теперешнія идеи, или лучше сказать, идеи всей теперешней цивилизаціи, во всемъ этомъ лежитъ какъ бы печать, если не антихриста, то антихристіанства и безбожія“. „Все это въ цѣломъ проклято,—говоритъ Лебедевъ въ „Идіотѣ“.—Нѣтъ во всемъ этомъ „связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли“, о которой

скорбитъ толкователь апокалипсиса Лебедевъ. Нужна идея, которая объединяла бы человѣчество не только извнѣ, какъ идеи „римскія“, не только на почвѣ „чуда, тайны и авторитета“, какъ хотѣлъ того Великій инквизиторъ, не только на почвѣ всеобщаго благоденствія, „устроеннаго внѣ Бога и внѣ Христа“, но роднила бы изнутри какимъ нибудь религіознымъ, нравственнымъ началомъ, давала свѣтъ и счастье душѣ. Изсякли „источники жизни“ и чтобы обновить ихъ, чтобы наполнить „водою живою“, прежде всего необходима вѣра—какая-нибудь для всѣхъ дорогая и родная идея. Это идея Бога—идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя „высшія“ идея жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ.

И вы по ней стоскуетесь. По ней, потому что безъ нея, если и возможно счастье, то только счастье гастрософіи, а его вы не захотите.

Сначала вы, пожалуй, къ нему заглянете съ его политикой,—Коля указалъ на о. Петра,—и слава Богу!

— А потомъ ко мнѣ придете. У него ¼ Христа Христосъ—великій Божественный Учитель,—у меня Христосъ—Богъ распятый.

VII.

Именины о. Николая. Реформа богослуженія.

ВТОРОЙ разъ въ домѣ о. Николая большое сборище. Теперь здѣсь больше, чѣмъ даже тогда въ первый разъ на храмовомъ праздникѣ. Батюшки молодые и старые. Два или три діакона. Благочинный, патріархъ съ длинной сѣдой бородой, и „батя-духовникъ“, „гробовщикъ“, какъ его звали за скептическія, уничтожающія всякій порывъ рѣчи. Всего человѣкъ до 20-ти, пожалуй—до 25-ти.

Въ комнатахъ почти ничего не разберешь отъ табачнаго дыма, несмотря на то, что нѣкоторые батюшки шумно протестуютъ противъ табакокуренія.

Многіе кричатъ... Повидимому, острыя событія послѣднихъ дней оторвали батюшекъ отъ ихъ обыкновенныхъ будничныхъ интересовъ, которые всегда дѣлили ихъ на двѣ, на три, а то четыре—пять кучекъ. Теперь всѣ вмѣстѣ спорятъ объ одномъ... Темы стали шире и захватываютъ всѣхъ.

— Что такое наше богослуженіе?—слышится въ самомъ центрѣ около благочиннаго.—Говорятъ о пастырствѣ, о воздѣйствіи на паству. Но развѣ можно что-нибудь сдѣлать хоть бы съ нашей всенощной? Вѣдь, это совсѣмъ мертвая служба. Гдѣ тутъ душѣ простого вѣрующаго получить назиданіе, когда любой изъ насъ понять эту службу, пожалуй, несможетъ. Тарабарщина какая-то, а не богослуженіе...

— Ну, вы уже слишкомъ... Что-же—гдѣ вы видите такое непонятное?—пробуетъ возразить одинъ изъ священниковъ, который только первый разъ у о. Николая, совсѣмъ еще молоденькій, неопытный „попикъ“.

— Въ самомъ дѣлѣ, все понимаете? Попробуйте перевести: „Странствія Владычня и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ, высокими умы, вѣрніи, пріидите насладимся, возшедша Слово отъ Слова научившеся, Его же величаемъ“.

Молодой батюшка пробуетъ, смѣло начинаетъ переводъ, но на второй строкѣ мудреннаго ирмоса останавливается и сконфуженно разводитъ руками.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что-то не выходитъ. Не пойму никакъ.

— Ну, вотъ, видите,—торжествуетъ первый.—Или, вотъ, еще попробуйте: „насытишася сыновъ и оставиша останки младенцамъ своимъ“. Что это значитъ? Это изъ псалма какого-то, кажется—16-го.

Молодой батюшка сново подумалъ и снова безпомощно махнулъ рукой.

— Правда, здѣсь тоже не разберешься.

— Я думаю,—торжествовалъ первый,—ничего мы съ нашимъ богослуженіемъ не подѣлаемъ, если не сумѣемъ сдѣлать его русскимъ, перевести на русскій языкъ или хоть немного обрусить. А то что же? Стоитъ нашъ православный народъ за нашимъ богослуженіемъ и понимаетъ меньше, чѣмъ католики за своей литургіей. То же умѣемъ кое-чѣмъ гордиться и свое богослуженіе въ образецъ ставить. „Вотъ-

де латиняне богослуженія понятнаго паству стою лишили—служатъ на латинскомъ языкѣ". А у насъ что? Чѣмъ языкъ нашего богослуженія лучше латинскаго, если не только прихожане, а мы разобраться въ любомъ ирмосѣ не можемъ?

— „Любите убо намъ—яко безбѣдное..."

— Будетъ, знаемъ,—зашумѣли со всѣхъ сторонъ.—А тебѣ чего же... Въ кирку, что ли, хочешь?

— Въ самомъ дѣлѣ,—началъ о. Николай,—думаю, что всякая реформа церковная должна бы отсюда начаться—съ богослуженія... Отчего такъ сильно народъ идетъ въ сектантство, въ расколъ, куда угодно? Появляется братецъ Иванушка въ Петербургѣ, со всѣхъ сторонъ сначала сотни, потомъ и тысячи двигаются туда, несмотря на то, что десятки и талантливыхъ, и краснорѣчивыхъ священниковъ и проповѣди говорятъ, и служатъ какъ слѣдуетъ—и чисто, и красиво. И это вездѣ, гдѣ угодно. Появись братецъ Иванушка въ селѣ, въ городѣ, въ Саратовѣ, въ Самарѣ, тотчасъ туда пойдутъ. Почему? Потому, что тамъ, въ сектантствѣ, хоть кое-что понимаютъ въ службѣ, молитвы, евангеліе читаютъ по-русски и кое что выносятъ. Поютъ опять-таки на понятномъ языкѣ. И не то, можетъ быть, главное, что понимаютъ, а что понимая, такъ или иначе участвуютъ въ церковномъ дѣлѣ. У насъ не понимаютъ и потому участія нѣтъ. Все гибнетъ. И дѣствительно, правду говоритъ о. Сергій, что при такомъ богослуженіи едва ли что сдѣлаютъ съ душою...

— Что же, вы думаете, сдѣлать нужно?

— Что? Очень понятно. Прежде всего, пересмотрѣть, поправить, перевести, а если можно, ввести сразу богослуженіе по-русски—и все...—отрываетъ, какъ резолюцію, о. Сергій.

Споръ на нѣкоторое время прервался. Хозяйка помѣшала спору, пригласивъ пить чай. Но за чайнымъ столомъ онъ снова разгорѣлся и на этотъ разъ принялъ новое направленіе. Одинъ изъ собесѣдниковъ внесъ новыя ноты въ рѣшеніе того же вопроса.

— Нѣтъ, думаю я,—началъ онъ,—вовсе не въ русскомъ или славянскомъ языкѣ дѣло. Не въ этомъ все. Развѣ не понимаютъ нашей литургіи? Что въ ней непонятнаго? Непонятны часы... Но эти часы давно никто не хочетъ слушать или стараются приходить попозже, когда часы кончатъ. А

остальное? Ектенiи большинство понимаетъ... Правда, наша херувимская, грандiозная церковная пѣснь, много проигрываетъ оттого, что образы великой пѣсни не ясны... „Иже херувимы тайно образующе...“ Роскошь то какая... Пропадаютъ... Да. Но не здѣсь суть. Причина глубже, чѣмъ въ одной непонятности. Иногда мнѣ думается, что непонятность, славянщина нашего богослуженiя есть даже не минусъ, а плюсъ. Помните—у Толстого? Онъ разсказываетъ, какое впечатлѣнiе произвело на него въ дѣтствѣ чтенiе книги въ золотомъ переплетѣ. Вышелъ дiаконъ съ тяжелой книгой, открылъ книгу и началъ читать громкимъ голосомъ. И вотъ Льву Николаевичу больше всего запомнилось, что эта книга была золотая, особенная и читалась особеннымъ образомъ. Если эта книга особенная, необыкновенная, то все, что въ этой книгѣ содержится, особенную цѣнность имѣетъ. И онъ привыкъ относиться къ евангелiю, какъ къ книгѣ руководственной, сверхъобычной, книгѣ изъ книгъ. Здѣсь на воображенiе подѣйствовало внѣшнее искусство: золоченный переплетъ книги. И для нашего крестьянина, русскаго человѣка, этотъ славянскiй языкъ, эта торжественность богослуженiя—есть тотъ же золотой переплетъ. И за нашей литургiей рождается впечатлѣнiе чего-то таинственнаго, глубоко религiознаго, отвлекающаго отъ впечатлѣнiй обычной жизни. И такое настроенiе выносится изъ храма домой и кое-что вносится въ жизнь новаго, свѣтлаго. Поэтому славянщина и есть плюсъ.

— Но я не стану отрицать, что надо бы внести въ наше богослуженiе плюсъ побольше. Большое зло, что въ этомъ богослуженiи оскудѣло то, что я назвалъ бы соборностью богослуженiя. Мiряне не принимаютъ никакого участiя въ службѣ. Они не могутъ слиться съ службой душой, потому что въ самый строй службы внесено много для нихъ чуждаго и посторонняго, кромѣ непонятности. Мiряне устранены отъ самаго важнаго и центральнаго въ богослуженiи. Что въ самомъ дѣлѣ осталось отъ литургiи? Ектенiя великая, послѣ короткаго перерыва новая ектенiя, потомъ опять ектенiя, чрезъ нѣсколько времени еще и еще. Повтореніе однихъ и тѣхъ же прошенiй. Затѣмъ послѣ торжественнаго вступленiя въ главную часть литургiи, послѣ торжественнаго символа вѣры, начинается часть богослу-

женія, гдѣ все важное отъ вниманія мірянъ скрыто. Не кажется ли вамъ просто воровствомъ у мірянъ то, что, вмѣсто надлежащаго, самаго важнаго, имъ даютъ взамѣнъ случайное и ненужное. Представьте себѣ, что такое нѣкоторыя изъ нашихъ пѣснопѣній въ родѣ причастна. Эти причастны существуютъ прямо для того, чтобы занять вниманіе мірянина чѣмъ-нибудь постороннимъ и совершенно случайнымъ—въ тѣ минуты, въ которыя онъ участія въ богослуженіи принимать не можетъ,—*отвлечь вниманіе*. тогда какъ предъ этимъ его приглашали отложить всякое *попеченіе* и все *вниманіе собрать на одномъ моментѣ*—подготовки къ святѣйшему таинству. Развѣ это хорошо, развѣ это не кража!? Изгнали мы прихожанъ отъ „евхаристіи“, причастія отлучили и они естественно холодны потому, что огонь скрытъ отъ нихъ, то, что душу должно зажечь, спрятано. Возьмите описаніе богослуженія въ первоначальной церкви. Здѣсь все сосредоточилось около момента евхаристіи. Къ нему готовились прихожане. Объ этомъ моментѣ они не должны были забывать ни на одну минуту. Ихъ религіозное чувство постепенно поднималось вверхъ и доводилось до апогея около момента евхаристіи...

Помню, въ одной повѣсти это хорошо описано...

Это поэзія, это—небо на землѣ.

Я разскажу.

Мы въ криптѣ катакомбъ св. Прискиллы [1]). Сегодня „день солнца“—воскресенье.

Крипта внутри невелика; алтарная часть ея была отдѣлена перегородкой. Подъ сводомъ абсида, въ огнѣ люцернъ, стоявшихъ на каменныхъ выступахъ, сверкала въ нишѣ бѣломраморная доска, покрывавшая мученика.

Потолокъ былъ расписанъ изображеніями цвѣтовъ и виноградныхъ вѣтвей; среди нихъ выдѣлялись фигуры двухъ-трехъ молящихся женщинъ и Добрый Пастырь въ колобіи съ короткими рукавами, съ лежащей на плечѣ овцой.

Всѣ присутствовавшіе въ церкви мужчины и женщины стоятъ вмѣстѣ. Благоговѣніе, усердіе, жаръ сердечной молитвы одушевляютъ ихъ.

---

[1]) Л. Денисовъ. Сына Свѣта. См. также Моск. Ц. Вѣд. 1896 г., ст. Изъ цер.-богослуж. жизни первыхъ христіанъ.

Вѣрующіе съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ прислушиваются къ голосамъ Св. Писанія и словамъ пресвитера, проникнуты такой непорочностью мыслей и чувствъ, что, казалось, они погружены въ дивное созерцаніе, гдѣ открывались имъ тайны высшей жизни...

Вотъ старецъ-священникъ вышелъ на солею.

Его худощавое лицо было бодро и ясно; на немъ надѣты епитрахиль и фелонь, которая представляла изъ себя бѣлый суконный плащъ безъ рукавовъ и шитья. Онъ накинутъ на плечи, гдѣ прикрѣплялся фибулой.

И вотъ священникъ началъ говорить къ народу.

Его наставленія не поражаютъ слушателей холоднымъ блескомъ ученаго краснорѣчія и не страдали сухостью и безжизненностью принужденной рѣчи. Нѣтъ, это была бесѣда сердца, простодушная, искренняя, возвышенная. Ее насквозь проникло истинное желаніе всѣмъ вѣрнымъ блага, спасенія, вѣчной жизни, выраженное въ простыхъ, понятныхъ, живыхъ словахъ.

Священникъ глядитъ на этихъ пасомыхъ имъ христіанъ съ такой любовью, словно всѣ они были дѣти его, родныя, дорогія дѣти...

Онъ поистинѣ посредникъ между Богомъ и ими, готовый душу свою положить за овецъ, врученнаго его руководству стада.

Духовное единеніе царитъ между пастыремъ и паствой,—и христіане глубоко чувствуютъ это.

Тихо заговорилъ священникъ, но голосъ его проникнутъ горячимъ чувствомъ, и каждое слово, словно отчеканенное, внятно и отчетливо раздавалось въ криптѣ.

Онъ началъ читать посланіе апостоловъ и сопровождалъ чтеніе своими поученіями.

Но вотъ голосъ его затихъ; онъ медленно приблизился къ престолу. Взявъ небольшую книгу, состоявшую изъ листьевъ пергамента въ драгоцѣнномъ футлярѣ, пресвитеръ снова подошелъ къ солеѣ...

На лицахъ вѣрующихъ отразилось трепетное, глубоко сердечное ожиданіе.

Пресвитеръ держитъ въ своихъ непорочныхъ рукахъ эту „благую вѣсть“, и его уста раскрываются, чтобы произнести глаголы жизни...

Онъ читаетъ евангеліе Спасителя.

Голосъ его дрожитъ восторгомъ, растетъ и крѣпнетъ, раздаваясь, какъ громовые раскаты, звенитъ, какъ струны лиры; чистые звуки его дышатъ любовью, то затихаютъ, какъ бы приближаясь издали, какъ вѣстники счастія, то поднявшись высоко, словно уносятся за низкіе своды туда, въ безконечную высь неба, откуда снизошла на землю любовь.

Заповѣдь новую даю вамъ: да любите друга друга, какъ Я возлюбилъ васъ,—произнесъ великіе глаголы Евфраноръ.

Онъ читаетъ.

Безконечные, благодатные образы правды и добра вставали изъ этой безсмертной книги спасенія, утѣшая страдающихъ, укрѣпляя слабыхъ, зажигая свѣтильникъ милосердія передъ кающимися, вѣщая о вѣчномъ царствѣ мира...

Но вотъ приближается великій моментъ—тотъ, который мы „скрали“.

— Миръ вамъ,—говоритъ священникъ народу. На мгновеніе настаетъ тишина, такая тишина, что все словно замерло: не слышно было ни вздоха, ни шороха распростершихся крестовъ. Затѣмъ раздались трогательные звуки святого. Нѣжно и плавно лились гимны; вдругъ, словно объятые внутреннимъ жаромъ, они быстры, какъ музыка сферъ, какъ шопотъ сердца...

Христіане поютъ хоромъ молитву Господню... Лица всѣхъ озарены благоговѣніемъ.

Древніе христіане молились такъ, какъ не молятся современные христіане, оцѣпенѣвшіе въ небрежности и лѣности души.

Всѣ обряды были у нихъ проникнуты внутреннимъ содержаніемъ и нравственной силой, освѣщены огнемъ одушевленія, расцвѣчены окраской благочестія... Они носили въ душахъ своихъ свѣточъ пламеннаго восторга и живого вдохновенія, не утомлялись подъемомъ духа, не застывали отъ усталости, не ослабѣвали отъ бодрствованія...

Когда послѣдніе звуки молитвы замерли, священникъ произнесъ славословіе.

Въ это время діаконъ ходитъ среди молящихся... Въ лѣвой рукѣ онъ несетъ зажженную свѣчу, сдѣланную изъ

волоконъ папируса, скрученныхъ, какъ веревка, и покрытыхъ густымъ слоемъ воска,—а въ правой рукѣ держитъ кадильницу.

Голубыя струйки поднимаются изъ нея, разливая ароматъ...

Въ этомъ ѳиміамѣ чувствуется усердіе молитвъ, словно это благоуханіе, проносясь по криптѣ, обновляетъ все вокругъ, распространяя дивное, святое дуновеніе иного прекраснаго, блаженнаго бытія.

Съ плеча діакона спускается орарь изъ полотна, на которомъ были вышиты ангельскія слова: Святъ, Святъ, Святъ.

У древнихъ христіанъ не было тѣхъ пѣснопѣній и обрядовъ, какіе составляли необходимую принадлежность литургіи уже въ III вѣкѣ. Ихъ молитвы и славословія отличались оригинальной простотой выраженія и не напоминали собой ни одной изъ позднѣе установившихся въ церкви. Не видно также, чтобы въ ту эпоху эти молитвы признавались общеобязательными и неизмѣнными во всей церкви вселенской; часто пѣли они славословія и гимны, которые въ другой разъ уже не повторялись, а замѣнялись новыми импровизаціями.

Молящіеся запѣли гимны...

Среди этого моря голоса женщинъ выдѣляются какъ мелодичный прибой волны, плещущей о берегъ въ отрадный часъ разсвѣта...

Аллилуія, Аллилуія, Аллилуія,—поютъ христіане. Казалось, оно затихаетъ, но все еще дрожитъ въ вышинѣ, словно никогда не могло замолкнуть, отдаваясь въ другихъ сферахъ.

Наступило и самое великое мгновеніе литургіи.

Христіане съ трепетомъ и умиленіемъ готовятся приступить къ святымъ Тайнамъ Христовымъ, этимъ божественнымъ дарамъ вѣчной жизни.

Вотъ діаконъ вышелъ на солею, держа деревянный дискосъ.

Молящіеся устремляютъ напряженный, полный любви и ожиданія взоръ на лежащаго на дискосѣ Агнца и на священный потиръ, несомый епископомъ...

Они всѣ сливаются въ одинъ порывъ, въ одну мысль, въ одно желаніе, и души ихъ соединяются въ одну душу.

Тутъ нѣтъ мѣста ни враждѣ, ни тревогамъ, ни волненіямъ; все проникаетъ и оживотворяетъ любовь, нисходящая изъ царства славы и мира...

На дискосѣ Хлѣбъ жизни, и пречистая Кровь Христова переливается въ стеклянной чашѣ, готовая напоить жаждущихъ жизни.

Христіане смотрятъ на приближающееся къ нимъ непостижимое счастіе, и образъ Христа, страдавшаго за людей и воскресшаго, встаетъ и въ ихъ душахъ. Они видятъ Любовь и преклоняются сердцами передъ ней, молясь и стремясь соединиться съ этою Любовью...

— Благодаримъ Тебя, Отче нашъ, за жизнь и вѣдѣніе, которыя Ты открылъ намъ черезъ Іисуса, отрока Твоего; Тебѣ слава во вѣки,—непередаваемымъ, полнымъ любви голосомъ говорилъ епископъ: какъ этотъ преломляемый хлѣбъ былъ разсѣянъ по холмамъ и—собранный—сталъ единымъ, такъ да соберется церковь Твоя отъ (крайнихъ) предѣловъ земли въ Твое царство, потому что Твоя есть слава и сила черезъ Іисуса во вѣки. Аминь.

— Благодаримъ Тебя, Отче нашъ,—продолжаетъ священникъ, выходящимъ изъ глубины сердца голосомъ: за святой виноградъ, который Ты открылъ намъ черезъ Іисуса, Отрока Твоего: Тебѣ слава во вѣки. Аминь.

Перстами беретъ пресвитеръ Тѣло Христово, и, преломляя этотъ божественный Хлѣбъ, передаетъ въ руки причастникамъ; потомъ подноситъ имъ въ потирѣ Кровь Христову.

И христіане подходятъ къ причащенію Тѣла и Крови Христовой съ безмѣрной любовью и благоговѣніемъ, вкушаютъ отъ источника безсмертія.

— Благодаримъ Тебя, Отче святый, за имя Твое святое, которое Ты вселилъ въ сердцахъ нашихъ, и вѣдѣніе, и вѣру, и безсмертіе, которыя Ты открылъ намъ черезъ Іисуса Отрока Твоего: Тебѣ слава во вѣки... Помяни, Господи, церковь Твою, избавивъ ее отъ всякаго зла и усоверши ее въ любви Твоей, и собери ее отъ четырехъ вѣтровъ освященную въ царство Твое, которое Ты уготовалъ ей,—потому что Твоя есть сила и слава во вѣки. Аминь.

И литургія — кончается и начинается „вечеря любви“, истинно любовная, истинно христіанская.

Вотъ что было... Это служба... Да... Тутъ душа не уснетъ. А у насъ пожалуй и тѣломъ заснешь за службой.

У насъ не то. Не готовятъ, а наоборотъ затушевываютъ все тѣмъ, что въ литургіи—все: „Тайными молитвами“... Вѣдь тайныя молитвы, положимъ, въ литургіи Василія В.—это паѳосъ литургіи, не только самое существенное въ литургіи по своему содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и, конечно, въ зависимости отъ этого *самое приподнятое, патетически огромное.* Помнится—еще въ семинарскіе годы мнѣ приходилось стоять въ алтарѣ во время литургіи Василія В. и вмѣстѣ съ священникомъ я читалъ эти тайныя молитвы по служебнику. Не могу передать, пересказать, что было со мною.

„Когда я сталъ читать, параллельно со священникомъ, тѣ молитвы, которыя положены послѣ „милость мира“, я задрожалъ, какъ парусъ во время вдругъ поднявшагося вѣтра. Я былъ пораженъ, подхваченъ, увлеченъ. Я совсѣмъ забылъ, гдѣ я и что со мною. Я читаю, а слезы застилаютъ мнѣ глаза, не позволяютъ мнѣ читать дальше, и все капъ-капъ-капъ на книгу... Протираю глаза платкомъ и опять читаю.—„Господи, что за прелесть“,—мелькаетъ у меня въ умѣ; и не столько въ умѣ, сколько вообще въ душѣ, потому что прелесть чего-нибудь мы ощущаемъ столько же сердцемъ, сколько постигаемъ умомъ. „Вотъ она, суть-то, вотъ гдѣ зерно литургіи“... *„яко Ты еси даровавый намъ познаніе Твоея истины, и кто доволенъ возглаголати силы Твоя, слышаны сотворити вся хвалы Твоя или повѣдати вся чудеса Твоя во всяко время. Владыко, Владыко всѣхъ, Господи небесе и земли“.* Развѣ это не прелесть? Такъ вотъ, кончилъ я молитву эту, стою и плачу, боюсь пошевелиться и посмотрѣть въ сторону. А у самого на душѣ такъ сладко и пріятно,—словно вотъ взяли сейчасъ и пріотворили дверь и показали мнѣ часть рая. Право...

— Затѣмъ обѣдня продолжалась:—запѣли *„святъ, святъ, святъ“..., Тебѣ поемъ..., „О тебѣ радуется“...* Боже, опять молитвы еще лучше, еще чудеснѣе. Я ужъ не могъ стоять на ногахъ. Машинально ноги подкосились и я сталъ на колѣни. Стоялъ и читалъ, и плакалъ, и дрожалъ, и умилялся. Нѣтъ, я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколько словъ,—помните:

„Съ сими блаженными силами... отставивъ насъ прелести идольскія, приведе въ познаніе Тебе истиннаго Бога и Отца нашего, стяжавъ насъ Себѣ люди избранны, царское священіе, языкъ святъ, и очистивъ водою и освятивъ Духомъ Святымъ, даде Себе измѣну смерти, въ ней-же держими бѣхомъ, продани подъ грѣхомъ, и сошедъ крестомъ во адъ, да исполнитъ Собою вся, разрѣши болѣзни смертныя“...

Или это воспоминаніе о всѣхъ преждепочившихъ патріархахъ, праотцахъ, апостолахъ, мученикахъ и всѣхъ святыхъ, совершаемое передъ приносимыми св. Дарами: какое сильное впечатлѣніе оно можетъ произвести на слушателей. Вѣдь это совершается передъ престоломъ Божіимъ, передъ закалаемымъ Агнцемъ, Сыномъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра. Когда я слушалъ и читалъ, передъ моимъ мысленнымъ взоромъ дѣйствительно предстали всѣ эти образы, весь сонмъ святыхъ, и я былъ пораженъ, и подавленъ, и возвышенъ въ то же время: я трепеталъ отъ страха и радовался отъ умиленія... Развѣ это не дивно? Развѣ это не поэзія—чистая, высокая, небесная поэзія?

А у насъ родился обычай читать эти молитвы тайно. Въ служебникѣ написано объ этихъ молитвахъ: μυστικῶς. Но развѣ это означало чтеніе по секрету, воровски, украдкой отъ мірянъ? Совсѣмъ нѣтъ. Я видѣлъ въ старыхъ литургіяхъ помѣтки надъ этими молитвами: на гласъ Іова, на гласъ Пѣсни Пѣсней, на гласъ псалма. Это указывало на особую манеру проникновеннаго и углубленнаго чтенія. И надъ всѣми этими надписями господствуетъ эта надпись: μυστικῶς — таинственно, т. е. читать такъ, чтобы это чтеніе было достойно таинства, проникнуто было тайной, священной восторженностью тайны. Вмѣсто этого священныя мѣста читаются потихоньку. При этомъ священникъ всячески торопится, чтобъ успѣть прочитать молитву къ слѣдующему возгласу.—Единственное средство возродить наше богослуженіе это возстановить его соборную свободу, импровизацію свободной вдохновенной молитвы. Вернуться къ этому, это значитъ спасти нашу литургію и наше христіанство.

...Воли больше, духа, огня!..

Собесѣдники замолчали. Повидимому, большинство, или

даже не большинство, а всѣ оказались внутренно согласными съ послѣднимъ ораторомъ.

И въ это время послышалась мѣрная и холодная рѣчь „могильщика“—о. духовника.

— Вотъ это правда, дѣйствительно правда. Одного не достаетъ въ нашемъ богослуженіи—это вдохновенія,—молитвы не достаетъ. И къ вдохновенію вернуться слѣдуетъ. Только сейчасъ мнѣ думается, что едва ли эту молитвенность богослуженія внесутъ люди, которые разсуждаютъ о молитвенности только за именинымъ обѣдомъ или за чайнымъ столомъ. Вдохновеніе нужно... Но откуда мы-то его возьмемъ, когда у насъ подъ золой никакой искорки не осталось? Да и по совѣсти сказать, о томъ, чтобы поразду̀ть золу, никто изъ насъ иначе какъ въ праздники или именины не думаетъ. Да, реформація нужна,—но не въ такой обстановкѣ, и не такіе люди, какъ мы съ вами, ее дѣлаютъ... Научить молиться нужно... А я думаю, что „научиться нужно“. Отъ огня огонь—зажигается. Въ насъ нѣтъ огня, нѣтъ его и въ паствѣ... И не будетъ, хоть импровизацію заводи... Всякую молитву мертвые мертвой сдѣлаютъ [1]).

О. духовникъ какъ будто испугался, что онъ оскорбилъ своихъ собесѣдниковъ.—Ради Бога не сердитесь! Я о себѣ, больше всего о себѣ говорю.

Но впечатлѣніе было спугнуто. Собесѣдникамъ стало неловко. . . . . .

. . . . . .

Прошло полчаса. Начался новый горячій споръ, уже практическаго характера.

— Съѣзды!..—кричалъ одинъ.—Что подѣлаешь съ вашими съѣздами? Что было на прошломъ съѣздѣ? Говорятъ, что о. ключарь, предсѣдатель съѣзда, всѣ опредѣленія напередъ написалъ, даже мнѣнія депутатовъ составилъ, такъ что подписываться оставалось.

---

[1]) Вдохновеніемъ можетъ зажигать самая служба, возстановленная во всей свой внутренней полнотѣ. И солнце можно закрыть такъ, что его сіянія никто не увидитъ. Откройте солнце, дайте доступъ сіяющей красотѣ богослуженія въ сердце человѣка—и тамъ начнется новая жизнь, м. б., не вездѣ одинаковая по интенсивности, по силѣ напряженія, но однородная по производящей ее причинѣ.

— Правда?

— Правда, правда!.. Ловко на этотъ разъ... По правдѣ сказать, что же намъ дѣлать было? Понаѣхали мы, — не проживаться вѣдь тамъ. Въ четвергъ пріѣхали,—нельзя же было остаться до понедѣльника. Скорѣе подписали. Спасибо ему, по крайней мѣрѣ лишней работы не было.

— А я вотъ слышалъ, что на сосѣднемъ съѣздѣ Воронежской епархіи цѣлую кучу постановленій надѣлали и по епархіальному училищу, и по свѣчному заводу и т. д.,—и, говорятъ, кое-чего добились: швейцара изъ епархіальнаго училища уволили...

Кое-гдѣ засмѣялись. Споръ начался снова.

— Нѣтъ, пора какія-нибудь препоны владычнему самовластію положить. Совсѣмъ насъ и знать не хотятъ. Въ своихъ собственныхъ копѣйкахъ распорядиться не можемъ...

И снова въ споръ вмѣшалась та же холодная, мѣрная рѣчь.

— Ну, вотъ! Это для насъ гораздо лучше и важнѣе. Въ сущности, гдѣ намъ-пастырямъ о молитвенныхъ импровизаціяхъ говорить, да о новой литургіи, новой молитвѣ? Никакого дѣла намъ ни до молитвы, ни до литургіи нѣтъ. Если наши владыки въ администрацію одну погрузились, если они заняты болѣе ремонтомъ архіерейскихъ дачъ и дворцовъ, чѣмъ ремонтомъ душъ человѣческихъ, то и мы отъ нихъ не далеко ушли. И то хорошо, что по крайней мѣрѣ копѣйками своими интересуемся. Всегда оказывается, что, когда люди соберутся и заговорятъ о большомъ и важномъ, то это лишь въ видѣ предисловія, чтобы потомъ не такъ конфузно о раздѣлѣ доходовъ говорить. Нѣтъ у насъ другихъ интересовъ и заботъ, кромѣ какъ о доходахъ. А если есть другіе интересы, то выдуманные... Братцы— давайте себя искать. Потеряли мы себя, а ищемъ овецъ, которыхъ растеряли...

Снова неловкое молчаніе...

* * *

Изъ дневника матушки.

26 сентября... Бѣда, которой мы не ждали и которую думали легко побѣдить, когда она придетъ, пришла, и оказалось непобѣдимой. Мнѣ теперь кажется смѣшной и

жалкой наша увѣренность, что мы съ своимъ братствомъ и съ тѣмъ что у насъ есть, справимся съ такимъ врагомъ, какъ голодъ. Онъ оказался сильнѣе насъ и смялъ все...

Въ прошлый разъ, когда я писала свой дневникъ о нашихъ деревенскихъ дѣлахъ, я говорила о нищихъ—голодныхъ сосѣднихъ деревень, и у насъ въ самомъ дѣлѣ было благополучно. А теперь? Теперь вся деревня во власти голода. Еще на наше несчастье и подвоза нѣтъ: дороги стоятъ. Весь нашъ хлѣбъ вышелъ, назначили намъ, говорятъ, какой-то паекъ: можетъ быть, гдѣ-нибудь и лежитъ по дорогѣ, а можетъ быть и совсѣмъ пропалъ...

А голодъ есть... Хищный, волчій голодъ... И глаза у самыхъ добрыхъ мужиковъ стали волчьи. Кажется, что вотъ-вотъ бросится и разорветъ. А еще больше нахлынули тучи чужихъ: услышали что у насъ какія-то благостыни, что не только сами чистый хлѣбъ ѣдятъ, но и чужихъ кормятъ. И нахлынули, и не уходятъ. А чего теперь кормить чужихъ? Половина деревни ѣстъ лободу. Нужно какого-нибудь чудотворца Прохора лободника ждать, чтобы онъ сумѣлъ хлѣбъ изъ лободы сдѣлать сладкимъ, или св. Ульяну, съ ея хлѣбомъ изъ коры, называвшейся „илемъ“...

И Коля опять задумывается. И поневолѣ задумаешься. Въ буквальномъ смыслѣ умираютъ съ голоду. И все сплошь сѣрыя, землистыя лица. Все, что у насъ было, отдано. Въ нашемъ братствѣ, обществѣ взаимнаго страхованія ни копѣйки. Въ земскомъ амбарѣ ничего. Крестьяне подѣлили хлѣбъ даже беззаконно, безъ согласія земскаго начальника, потому что гдѣ тутъ при голодѣ согласія ждать. Что то будетъ?

Вчера заглянула въ дневникъ о. Николая. Читаю—длинныя выписки кажется изъ „Митрошкина жертвоприношенія“.

Секретовъ у него отъ меня нѣтъ, и я съ его позволенія беру изъ его дневника въ свой, что мнѣ покажется подходящимъ.

Коля жалуется на собственную духовную скудость, издѣвается надъ тѣмъ, что у насъ дѣлается въ послѣдніе дни, надъ раздачей хлѣба по 10 фунтовъ на ѣдока и надъ

своей собственной благотворительной и просвѣтительной дѣятельностью.

„И вѣдь хуже всего то, что особенно сильно чувствуется въ такія минуты своя собственная безпомощность, съ одной стороны, и жертвенное состояніе всего населенія съ другой. Чувствуешь, что вокругъ тебя страдаютъ и гибнутъ „тысячи слабыхъ“, а ты стоишь передъ ними и дѣлаешь пустяковинное дѣло. Тутъ жертва Духу Святому нужна, а ты мелочами отдѣлываешься. Передъ тобой люди на закланіе идутъ, а ты къ жертвѣ неспособенъ, хотя какъ будто и хлопочешь, и стараешься... столько у тебя суеты, бѣготни, трудовъ, сборовъ и споровъ, и въ результатѣ собрано какихъ-нибудь сто рублей на устройство столовой, а на каждый кусокъ по десятку голодныхъ ртовъ, пожирающихъ эти самые сто рублей съ невѣроятною быстротою. И скоро опять ничего, и взять не откуда.

Что толку въ этомъ нашемъ сочувствіи и много ли пользы отъ нашихъ грошевыхъ благодѣяній?

И правда, что за герои грошевые! Это до такихъ то жертвъ спуститься и ими душу свою забавлять вмѣсто старыхъ былыхъ стремленій! Такое уныніе душу охватываетъ,—просто ужасъ. Сдѣлка съ совѣстью такъ ясно и такъ мучительно чувствуется! На себя, какъ на подлеца-отступника глядишь и чувствуешь несомнѣнную свою неспособность принести жертву настоящую, т. е. не обглодушки и обскребушки, а нѣчто такое, что дѣйствительно соотвѣтствовало бы степени твоего собственнаго сознанія и пониманія. Чувствуешь, что не себя отдаешь, а отдаешь что-то такое несущественное. Отвыкли мы, знать, за послѣднее время собой жертвовать: собою и своимъ поступаемся на грошъ, а сознаніе и пониманіе хранимъ гдѣ-то подъ замкомъ,—даже смотрѣть на себя противно“...

Вчера я пробовала уговорить Колю не падать духомъ. Помогаетъ плохо,—даже иногда сердится и кричитъ...

25 ноября. Жертвоприношеніе совершилось... Я замѣтила, что послѣдніе дни Коля совсѣмъ ненормальный,—ходитъ по комнатѣ, говоритъ что-то вслухъ, когда окликнешь его, не слышитъ. И вотъ вчера подъ вечеръ, слышу, велитъ собрать народъ.

Народъ собрался. Откуда-то пронесся слухъ — не извѣстно гдѣ родившійся, совсѣмъ чудотворный слухъ, что хлѣбъ хотятъ раздавать. И я — признаться — отчасти повѣрила этому. У насъ было нѣсколько сотъ пудовъ хлѣба— церковнаго хлѣба, именно церковнаго, а не „причтоваго“ хлѣба. Нечего говорить, что о. Николай никакъ не могъ распорядиться этой собственностью. Онъ могъ ее выкупить, но у насъ давно не начто выкупить. И крестьяне, и староста какъ-то не смѣли думать, что этотъ хлѣбъ можно взять. Онъ казался исключительно священнымъ. Когда я услышала о томъ, что Коля собираетъ сходъ, я рѣшила, что онъ хочетъ раздать этотъ хлѣбъ. Мнѣ казалось, что ничего особенно страшнаго здѣсь нѣтъ. За хлѣбъ можно будетъ современемъ внести выкупъ. Да и не такое это большое дѣло, чтобы хлопотать здѣсь о какомъ-нибудь разрѣшеніи.

Я пошла вслѣдъ за о. Николаемъ. И вотъ дѣло, оказалось страшнѣе, чѣмъ я думала... Въ самомъ дѣлѣ было что то въ родѣ жертвоприношенія... И какъ совѣстно, что въ сущности трагическій характеръ дѣлу создаетъ только наше безчувствіе, то, что Христа у насъ давно нѣтъ... Само по себѣ, дѣло крошечное, убогое, а тутъ стало трагедіей, Голгоѳой. Жалкіе мы люди, жалкое наше христіанство!

Вижу — около амбара огонь. О. Николай ходитъ, кричитъ: „берите, не обижайте другъ друга!“... И самый голосъ, которымъ онъ говоритъ, и все въ немъ ненормально. Повидимому, онъ все-таки не то не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что сдѣлано, не то чувствуетъ, что это не все, что этого мало, что это ничтожно, что это въ сущности тѣ же самыя копѣйки и десятифунтовый паекъ, который раздается голодоморами...

А вокругъ амбара толпа хищная, голодная, пестрая, оборванная. Посбѣжались—кто съ ведрами, кто съ мѣшками,—быстро разбираютъ хлѣбъ.

„Смотрите, въ самомъ дѣлѣ не обижайте, берите поровну“.

„Ну, кто тутъ изъ васъ постарѣе,—крикнулъ о. Николай,—идите сюда!“

Сергѣичъ, староста, о. Николай и нѣсколько мужиковъ пошли по направленію къ церкви.

— „Иванъ Кузьмичъ, неси, что у тебя тамъ есть въ кружкахъ!“ . . . . . .

Чрезъ 10 или 15 минутъ староста, Сергѣичъ и Коля сидѣли у насъ въ комнатѣ и возбужденно бесѣдовали. Они понимали, что совершили сейчасъ явно незаконный святотатственный поступокъ. Все, что было въ церкви, во всѣхъ кружкахъ церкви, въ свѣчномъ ящикѣ было роздано голодной, погибавшей толпѣ.

Свершилось, никакой возможности скрыть то, что происходило, не было. Да повидимому и дѣятели жертвоприношенія этого не хотѣли. Они захотѣли мученичества... Когда я пишу эти строки, мнѣ смѣшно и горько. Какъ мало нужно сдѣлать у насъ, чтобы добиться мученическаго вѣнца, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ много нужно потратить души и дѣйствительно мученическаго самоотверженія, чтобы сдѣлать совершенно маленькое христіанское дѣло.

А мученическій вѣнецъ, конечно, Колю ждетъ. Его не простятъ и самое меньшее—намъ придется проститься съ Никольскимъ.

6 декабря. Земскій послалъ доносъ владыкѣ... Сегодня получена телеграмма, что Коля отрѣшенъ отъ должности. Итакъ, придется проститься съ этимъ мѣстомъ, гдѣ такъ много пережито, съ мѣстомъ, къ которому такъ прочно прилипло сердце...

— Не хотите ли, Анна Николаевна, посмотрѣть царство своего мужа, мѣсто гдѣ его „стадо“ нагуливаетъ молоко для нашей акціонерной компаніи?

Въ самомъ дѣлѣ не хотите ли вы осмотрѣть шахты?

Аннѣ Николаевнѣ давно хотѣлось заглянуть туда — подъ землю, и неудивительно, что она съ радостью ухватилась за предложеніе инженера.

— Когда—сейчасъ?

— Можно и сейчасъ, если хотите. Я чрезъ полчаса за вами зайду, а вы переодѣньтесь, потому что туда идти такъ, какъ вы сейчасъ одѣты, не къ лицу. У кухарки,—что-ли позаимствуйте костюмъ, какой похуже.

— Хорошо.

— Такъ я васъ жду.

Чрезъ часъ Сергѣй Николаевичъ, инженеръ угольныхъ копей, и Анна Николаевна отправлялись въ шахту.

Все по дорогѣ занимало и интересовало Анну Николаевну. Ее пугало и огромное зданіе надъ шахтой, и постоянный визгъ вагонетокъ и вагоновъ двигавшихся по сложной системѣ рельсовъ. Очень хотѣлось поскорѣе внизъ: тамъ любопытно.

Однако, когда она съ инженеромъ стояла у отверстія большой ямы, ведущей въ шахту, ея рѣшеніе спуститься внизъ поколебалось.

„Страшно, точно могила", думалось ей.

Въ самомъ дѣлѣ это темное отверстіе казалось настоящей могилой.

Анна Николаевна чувствовала, какъ мурашки пробѣгаютъ по ея тѣлу отъ одной мысли, что въ этой могилѣ нѣтъ дна, что тамъ какая то особая темнота, мертвая, безысходная, страшная какъ смерть. Ей казалось, что она хочетъ заживо похоронить себя. И Анна Николаевна готова была повернуться назадъ и убѣжать.

Но было стыдно. Въ то же время и любопытство тянуло сюда.

Толчекъ, и все исчезло изъ глазъ.

Анна Николаевна почувствовала, что падаетъ и голова у нея закружилась до тошноты. Это состояніе продолжалось нѣсколько секундъ, пока клѣть пролетала находящіеся еще на свѣту первые два этажа, но затѣмъ мракъ шахты окончательно ошеломилъ ее и притупилъ всѣ ощущенія.

— Поѣхали,—спокойно сказалъ инженеръ. Странное ощущеніе. Анна Николаевна чувствовала себя точно въ люкѣ: отъ времени до времени она спрашивала себя: опускаются они или поднимаются?

Когда клѣть шла прямо, не прикасаясь къ стѣнкамъ шахты, ей казалось, что они стоятъ на одномъ мѣстѣ, а потомъ вдругъ начинались толчки и метанье изъ стороны въ сторону и она со страхомъ ждала катастрофы. Тусклый свѣтъ лампочекъ не позволялъ ей различать стѣнъ шахты, между которыми они пролетали.

Холодъ становился невыносимъ, промозглая сырость охватывала со всѣхъ сторонъ.

Вотъ промелькнула, какъ молнія, освѣщенная пещера, гдѣ копошились люди, и затѣмъ все опять погрузилось во мракъ.

— Это первый этажъ,—пояснилъ инженеръ.

— Мы теперь на глубинѣ трехсотъ двадцати метровъ отъ поверхности земли... Полюбуйтесь, какая быстрота!

Онъ приподнялъ свою лампу и освѣтилъ дубовые брусья проводника, которые мелькали передъ глазами, какъ мелькаютъ рельсы, когда поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Слѣдующіе три этажа промелькнули съ той же головокружительной быстротой. Дождь продолжалъ лить.

— Какая глубина!—прошептала Анна Николаевна. Ей казалось, что они летятъ уже нѣсколько часовъ.

Когда клѣть пролетѣла, наконецъ, пятьсотъ пятьдесятъ четыре метра и остановилась на днѣ шахты, то Анна Николаевна очень удивилась, услышавъ, что они спускались ровно одну минуту.

— Теперь пойдемъ. Они пошли подъ грязными сводами штольни.

Рабочіе шли молча, освѣщаемые слабымъ свѣтомъ лампъ.

Анна Николаевна то и дѣло спотыкалась о рельсы. До слуха ея доносился какой-то глухой гулъ, похожій на отдаленные раскаты грома. Гулъ этотъ шелъ, какъ будто, изъ самыхъ нѣдръ земли. Ужъ не она ли это обваливается на ихъ головы?

Впереди блеснулъ огонекъ, земля подъ ногами задрожала, рабочіе вытянулись въ рядъ вдоль стѣны и мимо нихъ прошла большая бѣлая лошадь, тащившая за собой цѣлый поѣздъ тачекъ съ углемъ.

— Ну, идемъ скорѣе,—заторопилась она, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго чувства ужаса. Они сѣли въ бадью и спустились въ темную яму...

„Туристы“ дошли до перекрестка, гдѣ открывались еще двѣ галлереи и часть рабочихъ отправилась по нимъ, наполняя понемногу всѣ подземные ходы. Съ этого пункта штольня была уже вся скрѣплена деревомъ. Дубовыя подпорки поддерживали сводъ, одѣвая рыхлую каменную породу деревяннымъ покровомъ, сквозь который блестѣли пластинки сланца, слюды и виднѣлась шероховатая масса песчаника. Поѣзда пустыхъ и нагруженныхъ углемъ тачекъ ежеминутно скрещивались между собой, увлекаемые во тьму смутными силуетами лошадей. Въ одномъ мѣстѣ на

рельсахъ стоялъ длинный рядъ этихъ тачекъ, казавшійся издали громадной черной змѣей. Воздушныя двери, съ помощью которыхъ галлереи провѣтриваются, хлопали, медленно закрываясь.

По мѣрѣ того, какъ углекопы двигались впередъ, галлерея суживалась, сводъ становился ниже, приходилось ежеминутно нагибаться.

Движеніе затрудняла также скользкая почва, которая съ каждымъ шагомъ становилась все болѣе и болѣе влажной. Мѣстами попадались глубокія лужи, и онъ чувствовалъ, что ноги его мѣсятъ грязь. Но что всего болѣе удивляло его—это рѣзкія перемѣны температуры. Внизу шахты, тамъ, гдѣ происходила высадка рабочихъ, было только свѣжо, въ штольнѣ дулъ ледяной вѣтеръ, превращавшійся по временамъ чуть не въ бурю, но затѣмъ въ другихъ галлереяхъ вѣтра почти не было, воздухъ теплѣлъ и по мѣрѣ того какъ рабочіе подвигались, жара усиливалась, становилось душно и самое ощущеніе могилы и близости смерти еще сильнѣе захватило Анну Николаевну здѣсь, когда они ушли отъ земли и свѣта.

Черные люди, черныя лошади, машины, колеса, рычаги, тачки,—все это было похоже на жизнь, даже сложную и живую жизнь. И не смотря на это впечатлѣніе могилы не исчезало.

Наоборотъ казалось, что вся эта жизнь говорила только о смерти. Одежды угольщиковъ очень похожи на одежды факельщиковъ. Люди здѣсь казались привидѣніями, а желтые блѣдные огоньки лампочекъ—погребальными свѣчами...

„Что это такое?—думалось Аннѣ Николаевнѣ. Что это за жизнь безъ воздуха, безъ неба, безъ солнца? Что это за люди? Что такое они могутъ дѣлать въ этихъ адскихъ сумеркахъ? Могила, могила, могила.—А воздухъ какая отрава! Отъ лампочекъ идутъ черныя струи густой копоти. И гниль кругомъ, плѣсень, мокрота. И такъ изъ года въ годъ, всю жизнь, всю жизнь“...

Аннѣ Николаевнѣ казалось, что она видитъ тяжелый сонъ. Ей не хотѣлось вѣрить, что это дѣйствительность.

Такъ все казалось невѣроятнымъ, непостижимымъ и нечеловѣческимъ. „А люди? Полуголые, въ однихъ подсученныхъ портахъ, они походили на черныхъ звѣрей. Потъ,

смѣшанный съ черною угольною пылью, струился по возбужденнымъ лицамъ и чернымъ согнутымъ спинамъ. И рядомъ съ этимъ воздухомъ смерти крики, полные тупого озлобленія, тупой тревоги и заботы"...

Странными проклятыми тѣнями—Клингеровскаго ада выступали сѣрые забойщики, вытянувшись въ рядъ, одинъ надъ другимъ (такъ какъ пластъ разрабатывался уступами).

Они были отдѣлены другъ отъ друга досками на крючьяхъ, не дававшими выломанному углю скатываться внизъ. Мѣста на каждаго человѣка приходилось около четырехъ метровъ, но пространство между сводомъ и землей было такъ узко, что они лежали, какъ бы придавленные и не могли повернуться, не стукнувшись плечами и колѣнками. Работать приходилось лежа на боку, скрививъ шею и вытянувъ надъ головой руки съ киркой, насаженною на короткую ручку.

Работа производилась слѣдующимъ образомъ: забойщикъ подсовывалъ предварительно кирку снизу подъ пластъ каменнаго угля, затѣмъ, прорубивъ съ боковъ двѣ глубокія борозды, онъ отдѣлялъ ее сверху. Уголь былъ жирный, и глыба, падая, разбивалась на куски, которые скатывались по ногамъ и животу рабочаго. Задержанные внизу досками они мало-по-малу загораживали и, какъ бы, замуравливали углекоповъ у узкой трещины.

Наверху духота; температура доходила до тридцати пяти градусовъ, движенія воздуха не было, такъ что, пробывъ тамъ болѣе долгое время, человѣкъ могъ задохнуться!

Чтобы лучше видѣть, забойщикъ вѣшалъ лампу на гвоздь, возлѣ себя; она нагрѣвала ему голову и усиливала мученія. Но пытка становилась еще болѣе невыносимой отъ сырости. Въ стѣнѣ, въ нѣсколькихъ сантиметрахъ отъ его лица, просачивалась вода и крупныя капли одна за другой падали ему на лобъ.

Въ проклятомъ воздухѣ не слышно было ни пѣсенъ ни шутокъ: не до нихъ, работали молча. Въ неподвижномъ воздухѣ только и слышалось, что неравномѣрные, какъ бы заглушенные удары. Угольная пыль еще болѣе усиливала мракъ шахты. Лампы, прикрытыя металлической сѣткой, казались красными точками. Эта галлерея, со своей безпросвѣтной тьмой, походила на широкую печную трубу, въ

которой накопилось сажи за нѣсколько зимъ. Люди, копошившіеся въ ней, походили на призраковъ.

Слабый свѣтъ лампы вырывалъ порою изъ мрака то согнутую спину, то руку, то голову, страшную, взъерошенную съ багровымъ лицомъ и налившимися кровью глазами,—голову убійцы или преступника.

Осколки отбитаго угля вспыхивали порой радужнымъ свѣтомъ, точно кристаллы. Затѣмъ все снова погружалось во мракъ, слышны были только глухіе удары кирки о камень, тяжелое дыханіе человѣческихъ грудей, да ропотъ и вздохи усталости.

— Скорѣе, скорѣе вверхъ!

Черезъ $^1/_4$ часа Анна Николаевна и инженеръ были наверху.

— Что такое, что такое?—точно въ бреду говорила Анна Николаевна.

Въ это время ея вниманіе остановилъ новичекъ шахтеръ, который повидимому первый разъ опускался въ шахту. Онъ усердно молился предъ тѣмъ, какъ садиться въ бадью и на лицѣ его было выраженіе безнадежной покорности. Казалось, что онъ готовится умереть и идетъ на смерть сознательно.

— Что это значитъ?—спросила Анна Николаевна. Почему онъ такъ молился и отчего онъ такой нехорошій?

— Въ первый разъ,—пробормоталъ одинъ изъ рабочихъ. Небось, не на радость идетъ. Какъ разъ назадъ-то выйдетъ съ переломанными руками, а то такъ и совсѣмъ не выйдетъ.

— Могила, въ самомъ дѣлѣ могила,—подумалось Аннѣ Николаевнѣ.

— Правда? Развѣ такъ опасно?—спросила она своего спутника.

— Да, нельзя сказать, чтобы было безопасно. Знаете ли вы, сколько жертвъ погибаетъ въ этихъ рудникахъ. За послѣднія 5 лѣтъ здѣсь погибло болѣе 1200 человѣкъ, и съ каждымъ годомъ число погибающихъ увеличивается. Въ 97 г.—150, въ 98 г.—251, въ 99 г.—205, въ 900-мъ г.—288, въ 901 г.—292 и т. д., поневолѣ закрестишься.

— Отчего же это? Почему? Развѣ нельзя предупредить эти случайности?

— Случайность, да нѣтъ здѣсь случайности, и онъ разсказалъ какъ живутъ шахты... Ужасъ, ужасъ?

Изъ его словъ дѣйствительно выходило, что здѣсь нѣтъ никакой случайности, что очень много гибнетъ людей не потому, что нельзя предусмотрѣть ихъ гибели, а вполнѣ необходимо—сама система обрекаетъ людей на гибель.

Самое опасное въ рудникахъ—гремучій газъ. По закону западныхъ государствъ самое большое содержаніе этого опаснаго газа метона въ рудничномъ воздухѣ—допускается $1\frac{10}{20}$ въ Австріи, въ другихъ государствахъ не больше $1\frac{0}{0}$. У насъ эта норма $2\frac{10}{20}$, т. е. въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ позволяется у нашихъ сосѣдей. Наша рудничная администрація настолько заботится о вентиляціи, что содержаніе метона бываетъ выше нормы. Удивительно ли, что отъ этого катастрофы должны быть обязательно и должны повторяться обязательно каждый годъ—у насъ и въ сосѣднихъ угольныхъ копяхъ. Въ рудникахъ въ 1898 г. погибло 74 человѣка, въ 1899 г. въ копи 31 человѣкъ, въ 1891 г. 55 человѣкъ.

Въ прошломъ году въ шахтѣ „Иваи“ 63. А раненыхъ, раненыхъ, раненыхъ...

И передъ глазами Анны Николаевны прошли тѣни этихъ жертвъ могилы.

Ей припомнился тотъ мальчикъ, про котораго разсказывалъ ей о. Николай прошлый разъ,—эти слѣпые глаза, которые отучились видѣть...

И сколько такихъ,—думалось ей. Она видѣла этихъ мальчиковъ тамъ внизу—они отворяютъ двери для вагонетокъ. Унылые, черные и понурые, они, казалось, дѣйствительно, отучились видѣть. Они отучились любить свѣтъ. А при этомъ условіи они, конечно, должны были ослѣпнуть. Только ли физически?

— Что же, хорошо оплачивается этотъ трудъ?—спросила она Сергѣя Николаевича.

— Зайдите какъ нибудь, посмотрите, какъ живутъ шахтеры.

II.

Рабочіе на рудникахъ помѣщаются въ землянкахъ, безъ половъ и потолковъ. Почти третья часть стѣнъ зе-

млянокъ сидитъ въ землѣ и только незначительное число ихъ строится на землѣ. Крыши въ нихъ держаться на подпоркахъ, установленныхъ вдоль ея длины.

Сверху на крышу накладывается дернъ, который долженъ ее предохранить отъ течи. Окна размѣромъ очень маленькія и число ихъ ограничено двумя-тремя на избу, а во многихъ всего по два окна, по одному въ щитныхъ стѣнахъ, почему въ избѣ всегда темно.

Плохо здѣсь въ дождливое время и особенно осенью и зимою: тающій на крышахъ снѣгъ просачивается сквозь дернъ въ землянку, чѣмъ поддерживается въ ней постоянно сырость. Тонкія стѣны землянокъ, сложенныя изъ невыжженнаго саманнаго кирпича, состоящаго изъ смѣси глины, навоза и соломы, легко впитываютъ въ себя влагу почвы и окружающей ихъ земли, такъ же способствуютъ развитію сырости въ помѣщеніяхъ рабочихъ.

Отъ присутствія влаги кирпичъ легко растрескивается, образуя щели въ стѣнахъ, черезъ которыя пробивается вѣтеръ, дождь и снѣгъ.

Въ маленькой каморкѣ бывшаго шахтера горе и отчаяніе.

Да, отчаяніе въ самой обстановкѣ избенки. Пустыя стѣны, пустые гвоздики для платья...

Квартира разрушена, точно собираются съѣзжать... Но больше тоскливости, нѣтъ, это не то. Тамъ тоска—здѣсь горе.

Привычные глаза очень быстро сумѣютъ оцѣнить смыслъ такой пустоты. Здѣсь все продано,—повидимому не только „крупныя цѣнности“, въ родѣ самовара, но и копѣечная мелочь куда то ушла. Голодъ,—не нужда, а ужъ настоящій голодъ. Если присмотрѣться поближе, то эта печать голода будетъ замѣчена не только въ этой подозрительной пустотѣ,—вы ее увидите и на лицѣ еще молодой женщины жены шахтера, которая тупо, безнадежно смотритъ куда-то вдаль горящими голодными глазами. И въ тревожномъ снѣ ребенка въ углу. Это мальченка—лѣтъ 9—10-ти,—будущій слѣпой тѣхъ же шахтъ по всей вѣроятности.

— Мама, дай хлѣба,—просыпается онъ.

Мать выходитъ изъ своего тупого бездѣйствія и протягиваетъ ему корку хлѣба.

— Возьми, милый... не торопись... ѣшь тише,—такъ лучше будетъ... послѣдній...—говоритъ она. Въ эту минуту глаза женщины, обыкновенные материнскіе глаза. И голосъ матери... въ немъ жалость и нѣжность. Чуть чуть только ломается голосъ—отъ глубокой, глухой горечи. И та-же тревожная горечь—въ дрожи горячей руки, опустившейся на голову мальчика...

* * *

Совсѣмъ иначе звучитъ этотъ же голосъ и глядятъ эти глаза чрезъ двѣ-три минуты.

Чрезъ порогъ переходитъ шахтеръ—мужикъ-калѣка. Одной руки нѣтъ. На видъ еще молодой и сильный.

— Ну что? добился чего-нибудь?—спрашиваетъ она.

— Дали? Есть что-нибудь?

— Нѣтъ, гдѣ тамъ! Дали. Вотъ настоящіе-то адвокаты діавола. И угораздило меня тогда дать эту подписку. Какъ юлилъ тогда? Ничего,—говоритъ, не получите, если не подпишетесь,—а тутъ все-таки 200 рублей вамъ дадимъ. Рука оторвана—говорите. А законъ знаете? Если будетъ доказано, что человѣкъ пострадалъ по собственной грубой неосторожности, то онъ ничего не получаетъ.

— Не безпокойтесь, докажемъ.—Повѣрилъ я тогда. Да и какъ не повѣрить? Докажутъ. И вотъ ни руки, ни денегъ. Теперь съ голоду приходится умирать. Надолго ли 200 цѣлковыхъ?

— Что же сказалъ другой-то адвокатъ?

— Что же? ничего. Смотрѣли бы,—говоритъ, раньше. Можетъ быть, и онъ такой же, у нихъ на службѣ, ихъ не разберешь.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было молчаніе.

— Мама, Рождество скоро будетъ? Христосъ родится? Что ты подаришь мнѣ, мама?

Слышится голосъ ребенка... „Вѣдь Христосъ пришлетъ мнѣ что нибудь...“

— Пришлетъ, милый, пришлетъ, спи.

И вдругъ женщина не выдержала.

— Нѣтъ, не могу я дальше,—вскрикнула, именно вскрикнула женщина.

— Я пойду. И она быстро накинула на себя шаль съ бѣлыми каемками.

— Мама, ты куда? въ городъ... на улицу—спрашиваетъ ребенокъ.

— Да, въ городъ... на улицу—безсознательно повторяетъ мать и въ мертвомъ, ничего невыражающемъ тонѣ ея рѣчи сильнѣе, чѣмъ стонъ подчеркиваетъ непонятный для ребенка ужасъ ея словъ, на улицу. Подожди, хлѣба принесу!

— Принеси, мама.

— Аня, Аня... куда ты... Аня... Аня...

— Стой, не пущу я тебя,—пробуетъ остановить онъ уходящую женщину.

— Не пустишь. Сумѣлъ бы тогда постоять за себя, такъ не пустилъ бы теперь, что ему съ голоду помирать?— она кивнула на ребенка. Пойду... Не сегодня, завтра...

— Не пущу...

Но въ голосѣ мужа не слышалось увѣренности: слышался только тупой ужасъ передъ тѣмъ, что готовилось совершиться, и сознаніе, что ничего нельзя сдѣлать.

Судьба, молъ, туда толкаетъ, и съ этой судьбой не справиться ему, безрукому.

— Продай что нибудь...—говоритъ мужъ.

Женщина заволновалась.

— Продай... Что продай. Послѣднюю жилетку отнесла. Уже не полушалокъ ли продать?.. Дадутъ пятіалтынный. Да еще въ часть заберутъ простоволосую...

Продай... Пойду.

Мужъ—пытается снова остановить жену, но только махаетъ рукой.

Все равно... Улица сожретъ.

Еще двѣ исповѣди. Исповѣдь пьяницы.

Скорѣе, батюшка... пожалуйте... Пожалуйте. Грѣхъ-то какой. Еще безъ покаянья кончится...

Отецъ Николай вошелъ.

Отходитъ, отходитъ... Толпа—на половину, а то и на ¾ видимо чужая больному, шумѣла, точно даже съ злорад-

ствомъ. „Срамъ то какой... Вино все... все оно проклятое...— Будутъ его отпѣвать-то, батюшка, если умретъ безъ покаянія?“

— Оставьте, не время объ этомъ говорить... Гдѣ онъ?

На кровати въ истомѣ лежалъ умирающій.

— Батюшка, помогите... Исповѣдуйте. Душно, горитъ.

О. Николай далъ знакъ, чтобы всѣ вышли. Публика повиновалась лѣниво, съ неудовольствіемъ.

— Облегчите свою душу... дайте я вамъ подниму голову. Вотъ такъ...

— Душа горитъ, батюшка... Самъ умираю, какъ окаянный... Туда мнѣ и дорога... А сынъ-то... Жена покойница. Сына въ каторгу услали въ третьемъ году: слышали, чай? Изъ за меня, все изъ за меня.

— Успокойтесь, погодите говорить.

— Нѣтъ, лучше скорѣе... Легче будетъ... Сынишка у меня Петюшка былъ... Мальчикомъ хорошій былъ, умный и къ дѣлу ужъ присматривался... Крошка совсѣмъ, а струганокъ въ рукѣ держитъ, какъ слѣдуетъ... Я столяръ былъ... И вотъ загубилъ... Силой къ водкѣ пріучилъ. Какъ подумаю—такъ и защемитъ сердце. Душегубъ окаянный. Придешь бывало на веселѣ съ бутылкой—онъ на колѣни лѣзетъ качаться. Всего седьмой годъ шелъ... А я ему водку. „Пей“. Не хочетъ. А я насильно—глотокъ. Закашляется. Плачетъ, а мнѣ весело. Чтобы утѣшить, пряникъ сую... Одинъ разъ такъ напоилъ—что онъ какъ мертвый валялся... Испугался я, а потомъ опять.

И наказалъ Богъ... Помню, одинъ разъ меня какъ по головѣ стукнуло. Прихожу трезвый, а Петька тутъ вертится.

— Тятька—говоритъ—дай глотнуть... У меня и въ глазахъ помутилось... Въ сердце ударило что-то... Стою и смотрю на него, поблѣднѣвши, и его испугалъ.

Такъ-то—молъ достукался?..

А все не отсталъ... И вотъ третьяго дня второй разъ я передъ нимъ стоялъ, какъ тогда, только еще больнѣе и стыднѣе было... Въ Сибирь угоняли... Убилъ пьяный... 19 лѣтъ всего...

А про жену, батюшка,—больной сталъ говорить шопотомъ—я никому не разсказываю. Страшно... Приходитъ...

Билъ я ее... Что грѣха таить—билъ, но билъ какъ всѣ—може и меньше. А суть та, что тоже спаивалъ... Бить, бьешь въ пьяномъ видѣ—а тамъ и раздобрѣешь сразу...

— Пей, Варька. Не пьетъ... Ахъ ты, поскуда! Да какъ ты супротивъ мужа можешь? Бью снова. А тамъ опять. Пей, говорю—а то бутылку объ башку разобью.

Стала пить.

— И вотъ, батюшка... Тутъ и случилось это самое,— голосъ больного еще опустился: ему было видимо тяжело говорить. Лицо исказилось судорогой—не боли, а скрытой тоски и ужаса. Прихожу я пьяный. Ребенокъ у ней на рукахъ... Качаетъ.

— Давай—говорю, водки.

— Гдѣ, говоритъ, возьму я тебѣ пьяница?..

— А, нѣтъ?

— Кинулся я на нее. Схватилъ за руку. Не удержала она ребенка: онъ объ полъ. Кровка изъ головы брызнула. Я въ то время съ испугу ли, съ чего, съ вина ли повалился безъ памяти. Опамятовался. Народъ въ избѣ. А на лавкѣ сидитъ Варюша. И сейчасъ волосы на головѣ поднимаются...

— Батюшки,—сидитъ она на лавкѣ, полѣно въ рукахъ держитъ въ одѣяльцѣ—и причитаетъ такъ жалостно: „Баю баюшки... баю... Спи ты, Петичка... спи“.

„Очнись“—кричу ей, а она смотритъ такъ спокойно.—

— Не разбуди, говоритъ—что кричишь. И ребенокъ то вѣдь живъ остался, унесли его тогда сосѣди—съ годъ жилъ, но она его не приняла... Такъ и ходила все съ полѣномъ.

— Два года маялась и меня маяла.

Больной заметался.

— Варя... Варюша... Встань. Вотъ онъ, Петя... Вотъ онъ... А-а-а...

О. Николай сталъ читать молитву, дожидаясь конца припадка...

Исповѣдь „рабыни новой свободы“.

О. Николай сидѣлъ, около своего письменнаго стола и по обычаю безсознательно перекладывалъ съ мѣста на мѣсто книги, бумаги... Противъ него сидѣла барышня, совсѣмъ молоденькая, черненькая. И она точно всматривалась въ батюшку, какъ будто хотѣла вымолить у него какой-то нужный для нея отвѣтъ. Отецъ Николай не видѣлъ, какъ лежатъ у ней руки—но ему чудилось, что онѣ какъ-то особенно болѣзненно и безсильно лежатъ у ней на колѣняхъ. И у ней нѣтъ силъ ихъ поднять.

„Я разскажу вамъ сейчасъ—немного послѣ—такое, что вы испугаетесь, пожалуй... Страшное—но ей Богу—для меня не тутъ самое настоящее главное, что къ вамъ меня привело...

— Что мнѣ больше всего страшно?—А то, что людей я не вижу совсѣмъ... И смотрю другой разъ и удивляюсь себѣ. Я *часто*—она произнесла это слово и прислушалась къ нему—точно удивилась... людей, народъ люблю. Жалѣю ихъ и горе ихъ для меня такое больное, больное... Даже запасныхъ, которые плясали на трупахъ убитыхъ „нашихъ“ (въ Вяткѣ это было), и тѣхъ я любила... Чувствовала, что люблю—жалѣю, обнять хочу душой, а вотъ взгляну я на своихъ, на вождей—и перепугаешься... Мертвые, мертвые—не то ремесленники, не то враги... Холодные... Разогрѣются, какъ актеры, но я ужъ научилась ихъ понимать... Не вѣрю имъ.

— И вотъ отъ этого въ первый разъ у меня тоска родилась. Чего же у насъ не достаетъ? Дѣло наше какъ будто правое, но не дѣлаетъ оно нашихъ душъ—„ихъ душъ“ свѣтлыми... Мнѣ казалось, что если человѣкъ къ правдѣ подойдетъ, къ любви подойдетъ, то сразу и просвѣтлѣетъ. Возьметъ его въ плѣнъ правда—и только ея рабомъ онъ будетъ... Только ея, а мы рабы какъ и всѣ—ничтожные, ничтожные. Почему?

Разскажу вамъ, батюшка, пустой случай—а только впередъ предупрежу, что для меня онъ мучительнѣе того, какой васъ испугаетъ.

— На митингѣ я была... Говорилъ одинъ нашъ, и такъ горячо и сильно... Ужъ тогда я стала сомнѣваться въ правдѣ нашей, стала думать, что не достаетъ у насъ чего-то, но еще плохо сознавала, что со мной дѣлалось и вѣрила больше. И въ этотъ разъ подумала.

— Этотъ кажется не лжетъ... Потомъ сошелъ онъ съ каѳедры—и слышу я: указываетъ на меня товарищу и говоритъ: а хорошо бы вонъ эту поцѣловать. Поганѣе онъ сказалъ, батюшка—да все равно... Точно оборвалось во мнѣ что; согнулась я и выпрямиться не могу...

... А тутъ случилось то, *для васъ* страшное.

Въ Варшавѣ—было... Была я въ кружкахъ, но дѣла особеннаго мнѣ не давали и я только случайно набрела на то дѣло, о которомъ говорю.

— Иду я по Маршалковской... Вижу, на углу городовой—такъ тупо и деревянно стоитъ и смотритъ на костелъ... Дѣвочка лѣтъ 8-ми съ куклой возится.

— И вотъ. Сразу потемнѣло. Гроза надвинулась... Точно вихрь... Смотрю, лежитъ дѣвочка въ крови бѣлая, бѣлая, бѣлая. Кукла изломанная... Городовой также тупо и деревянно лежитъ... Прочь я бросилась, а въ переулкѣ догоняетъ меня Соня—дѣвушка, знакомая полька... Эсэрка.

— Дрожитъ вся... На улицѣ народъ, а она не видитъ, кричитъ...

— Видѣла... Видѣла... Дѣвочки то? Руку оторвало—и у куклы тоже руку... Господи, Господи, Господи?

— Увела я ее... Привела къ себѣ. Кричитъ, бьется... Не могу—кричитъ—нѣтъ у меня души...

Какъ я смѣла. Какъ смѣла... Если бы весь міръ погибалъ, не смѣла бы... Душу убила. Солнце ей помѣшала видѣть... А ты видѣла, какое солнце было?

— И вотъ для меня точно солнце взошло, въ сумракѣ и въ ужасѣ...

Какъ, въ самомъ дѣлѣ?.. Развѣ не рабы мы, если смѣемъ чужой душѣ помѣшать жить?.. Развѣ міръ стоитъ хоть одной души человѣческой?.. Развѣ я Богъ и могу родить души?

И показалось мнѣ, что я рабъ, тупой рабъ—неумѣющій цѣнить и любить человѣка... Что мертвые мы всѣ...

— И вотъ темно мнѣ послѣ солнца, батюшка... Отчего?

Я думала, что только у насъ интеллигентовъ темно. Нѣтъ, вездѣ, внизу. Недавно я узнала это.

— Я не вѣрю въ Бога, но я люблю читать житія святыхъ. Свѣтло.

— И вотъ недавно узналъ одинъ рабочій, что я житія читаю. Какъ онъ на меня накинулся:

— Я, говоритъ, длинный лѣсъ прошелъ, но Бога нигдѣ не видѣлъ... А вы... Вы вѣрите... Такой блѣдный, злой. Взглянула я на него и поняла, отчего онъ такой... А отъ того, что ему Бога жалко... Не потерялъ онъ Его, тоскуетъ... Неужели и я?

— Батюшка, скажите...

О. Николай поднялъ глаза на дѣвушку и заговорилъ.

III.

Что сказалъ о. Николай...

...Дѣвушка сидѣла, опустивъ голову. О. Николай заговорилъ:—Да... Вы любите ближнихъ... Въ этомъ и бѣда ваша. Вы заповѣдь Христову передѣлали. „Люби ближняго какъ самого себя“—сказалъ Господь, а вотъ Толстой рѣшилъ... Тутъ де ошибка въ переводѣ — люби ближняго, какъ его самого, т. е. Бога. И хорошо поправилъ... мысль далъ хорошую,—но еще болѣе хорошую—Божью—убилъ. Дескать, любить себя не нужно.

Нѣтъ, именно нужно—и вы себя погубили, что заповѣдь поправили.

Давай, дескать, будемъ любить ближняго больше себя... И полюбили... Вы сами говорите, что къ нимъ горите любовью — даже запасныхъ, танцовавшихъ на трупахъ, жалко до боли. А самой тяжело.

Да въ томъ то и дѣло, что любовь то ваша — мало нужна и для васъ, и для ближняго. Если вы себя не любите, не знаете, что вамъ нужно, какого счастья себѣ ищете, какого Бога хотите поставить въ своемъ буду-

щемъ храмѣ,—то какъ же вы благо другимъ понесете?.. Какое благо, какое счастіе?...

Не кажется ли вамъ, что иногда вы предлагаете ближнимъ благо, котораго себѣ не хотите, для себя не считаете высшимъ счастьемъ?

— Да, бываетъ...

— То то и есть. И иначе быть но можетъ. Вы себя не любите. Въ себѣ человѣка не уважаете. Не вскрыли въ себѣ человѣка, не подняли его до Бога...

Чтобы быть сильнымъ, нужно себя вскрыть, поднять, полюбить въ себѣ великое, божественное, сильное, возненавидѣть ничтожное и слабое. Міръ весь и полюбить, и возненавидѣть — въ одно время...— Но развѣ вы не понимаете (голосъ отца Николая сталъ страшнымъ и проникновеннымъ), что значитъ — полюбить Бога, въ Него увѣровать, Его принять—эту идею, которая всѣми нитями свяжетъ васъ съ ближними, ихъ горе сдѣлается не тягостнымъ чужимъ горемъ, а вашимъ личнымъ, ихъ позоръ вашимъ позоромъ.

Развѣ вы свободны?—Нѣть...

Видѣли на улицахъ на Невскомъ дѣвушекъ, которыя продаютъ себя? Приходилось вамъ лично за себя переживать ужасъ ихъ позора—чувствуя, что у васъ берутъ душу и тѣло за рубль?

Нѣтъ, такъ гдѣ же ваша сближенность съ ними? А пожалѣть ихъ?.. Не надо имъ вашей жалости.

Понимаете вы, что ужасъ ихъ положенія страшнѣе положенія Спиридоновой. Иное дѣло—силой бросали, и иное дѣло — быть вынужденной самой отдать себя — добровольно.

А вы вѣдь объ этомъ и не думали. И забыли, что ежедневно, даже можетъ быть вашимъ братомъ, совершается болѣе тяжелое поруганіе свободы, чѣмъ Абрамовское насиліе.

Нѣтъ... Вы не свободны. Я видѣлъ самъ, какъ вы цѣловали, какъ рабы, ноги свободѣ. Я видѣлъ, какъ вы гнали, бойкотировали дѣвушку, которая думаетъ не такъ, какъ вы.

Нельзя быть свободнымъ, не почитая человѣка, какъ Бога—и это нельзя безъ Бога, безъ любви къ Нему. Въ Христѣ, въ Голгоѳѣ дана правда, какой вамъ недостаетъ,

счастье, котораго у насъ нѣтъ. Въ чемъ христіанство?— Въ Голгоѳѣ. А въ чемъ Голгоѳа? Въ проповѣди великой общественности. Въ любви къ Богу и человѣку, вообще человѣку—его душѣ, его божественности.

При такой религіи, при вѣрѣ во Христа человѣкъ не можетъ смѣшивать святое съ грѣшнымъ—и вмѣстѣ будетъ властенъ, неуклоненъ, счастливъ въ своей любви къ ближнему, потому что онъ душу, свою совѣсть съ міромъ,— жизнью „всѣхъ“.

Дѣвушка продаетъ на Невскомъ свое тѣло... Іуда въ Геѳсиманскомъ саду продаетъ своего Господа... Личность христіанина и тамъ и здѣсь не соприкасается только, не только заинтересована морально въ томъ и другомъ фактѣ, а вся цѣликомъ тамъ *вмѣстѣ*.

Проклятые поцѣлуи на щекахъ дѣвушки. Проклятый поцѣлуй на ланитахъ Господа...

Если вы еще не переживете при мысли объ этомъ ложь и гнусность проклятаго поцѣлуя на своихъ устахъ (я цѣлую) и на своихъ ланитахъ (меня предаютъ), то нечего вамъ и говорить о моей свободѣ человѣчествѣ.

Вы меня, можетъ быть, не понимаете? Я надѣюсь, что вы поймете меня сердцемъ.

Христіанство начинается съ Голгоѳы, а Голгоѳа состоитъ въ томъ, что Страдалецъ Голгоѳы видѣлъ грѣхъ міра и зло, въ которомъ лежитъ міръ, на Себѣ переживалъ зло всего міра, какъ общественное зло, общественное насиліе, растлѣніе самой „страктуры“ міра,—собственную виновность.

Страданія Геѳсиманіи и Голгоѳы—муки осужденія человѣка міромъ.

Господь переживалъ ужасъ отвѣтственности за грѣхъ всѣхъ людей и конечно Его совѣсть, всеобъемлющая и божественная, понимала зло міра не въ смыслѣ только грѣха въ совѣсти Адама, Іуды, Пилата или блудницы 8-й главы Іоанна, а въ совокупности всего, что отложила злая человѣческая мысль, и осудилъ Онъ, какъ грѣхъ не только насиліе или разложеніе, „блудъ“ въ душѣ человѣка, но даже еще ранѣе, еще сильнѣе—насиліе и блудъ въ тѣхъ формахъ, гдѣ зло закрѣпилось, застыло, кристаллизовалось, гдѣ „проказа“ и сифилисъ души воплотились въ формѣ

общаго грѣха, т. е. осудилъ, какъ свой грѣхъ, каждое окошко тюрьмы и огонекъ позорнаго дома.

Отсюда стало истиной христіанства, что все „зло жизни“, начиная съ волчцовъ и терній на полѣ и кончая зломъ рабства и насилія, не есть несчастіе, наказаніе за грѣхъ, потому что это часть человѣческаго духа, сукровица его мозга.

Я за всѣхъ виновенъ, я вмѣстѣ со всѣми виновенъ.

Это истина Голгоѳы, но понимать ее нужно не какъ нравственную истину, а какъ реальное ощущеніе, чувствуя все свое участіе въ созданіи зла и позорящее, растлѣвающее „паучье“ прикосновеніе внѣшняго зла, хотя бы въ формахъ чисто матеріальныхъ (тюрьма, фарсъ, судъ).

Есть-ли это у васъ? Нѣтъ, потому что вы не христіане. У васъ есть общественность, но не такая глубокая, не такая всю душу проникающая.

Вы любите ближнихъ—свысока какъ благотворители; счастье имъ нести хотите, за ихъ счастье боретесь, а нужно бороться за свое—нужно чтобы для васъ лично непосредственно—было больно за нихъ.

Вы своей души не нашли, не знаете въ чемъ свобода, жизни, духъ—и хотите другимъ нести. Слѣпые!

И вотъ вы сохнете какъ вѣтки, оторванныя отъ дерева.

Дѣвушка опустила голову: она плакала.

II.

Отецъ Николай сидитъ за книгой Мооди. Это томикъ проповѣдей Американскаго проповѣдника, который о. Николай читаетъ по французскому переводу. Американскій проповѣдникъ вызываетъ въ немъ большое недоумѣніе.

Что такое?.. Мооди проповѣдуетъ среди крупнѣйшихъ городовъ Америки, а здѣсь онъ точно среди язычниковъ.

Почти дико читать.—Аня... поди-ка сюда. Слушай. Какъ ты думаешь, гдѣ это написано?

Онъ взялъ томикъ и началъ читать.

„Мнѣ вспоминается одно собраніе, созванное по нѣкоему дѣлу. Когда дѣло принимало плохой оборотъ и впереди не

видѣлось ничего свѣтлаго, поднимается среди собранія одинъ изъ первыхъ мужей въ городѣ и говоритъ:

„Мнѣ хотѣлось бы открыто объявить, что я ученикъ Іисуса Христа“.

Слова его, какъ электрическій токъ, пробѣжали черезъ все собраніе. Душа этого человѣка, а равно и сердца многихъ изъ присутствующихъ наполнились радостью и миромъ. И многіе новые обратились въ тотъ день“. Хорошо?

А вотъ еще лучше: „Ко мнѣ многіе приходятъ съ вопросомъ: „вы конечно не будете того мнѣнія, что я открыто передъ всѣми сослуживцами, передъ всей семьей своей долженъ исповѣдать Христа? Неужели я долженъ оповѣстить весь свѣтъ, что я обратился къ Нему?“—

— „Да, это именно мое мнѣніе“.—

Многіе ничего не имѣютъ противъ того, чтобы сдѣлаться послѣдователями Христа, но сознаться въ этомъ и исповѣдать Его имя передъ людьми рѣшается не всякій, боясь тѣхъ львовъ и медвѣдей, которые грозятъ ему на пути.

Дьяволъ искушаетъ ихъ. Онъ бросаетъ соломинку поперекъ дороги и дѣлаетъ изъ нея гору. Онъ нашептываетъ и внушаетъ себѣ: „Ты не сможешь исповѣдать Его передъ твоей семьей и молиться вмѣстѣ съ ней, ты запнешься. Не признавайся въ твоемъ обращеніи на службѣ, потому что сослуживцы твои поднимутъ тебя на смѣхъ.

Я всегда говорю этимъ искушаемымъ „ученикамъ Христовымъ“.

Если ты, дѣйствительно, сталъ послѣдователемъ Христа, то ты не замедлишь исповѣдать Его, а для этого Онъ Самъ пошлетъ тебѣ силы.

Одинъ молодой человѣкъ очень безпокоился о спасеніи своей души. Однажды говоритъ онъ у себя на службѣ:— „съ нынѣшняго дня я признаю Іисуса Христа, какъ Господа и Спасителя своего“.

Онъ сообщилъ о томъ и своей женѣ, которая по имени уже давно была христіанкой, и при этомъ онъ добавилъ: „Послѣ ужина я всѣмъ собравшимся у меня прочту въ залѣ молитвы“.

— „Но вѣдь ты знаешь, что многіе изъ мужчинъ, которые у тебя будутъ сегодня, большіе насмѣшники, и къ тому же многіе изъ нихъ старше тебя. Не лучше-ли

было бы отложить молитву до ухода гостей, или же идти въ кухню и тамъ прежде прочитать молитву слугамъ?“

Молодой человѣкъ призадумался на нѣсколько секундъ, послѣ чего отвѣтилъ.

— „Я сегодня первый разъ пригласилъ Іисуса Христа къ себѣ въ домъ, а потому хочу принять Его не въ кухнѣ, а въ лучшей изъ своихъ комнатъ“.

Послѣ ужина онъ созвалъ гостей въ залъ. Многіе изъ нихъ на него покосились и презрительно улыбнулись, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Онъ спокойно прочиталъ имъ отрывокъ изъ библіи, а послѣ молитву. Я, сказалъ онъ, сталъ христіаниномъ...“ Какъ ты думаешь, Аня, гдѣ это все? Когда?

— Не пойму... Точно давно когда то, а въ то-же время какъ будто не старый тонъ.

— Въ Америкѣ... въ Чикаго...

Откуда же обращаются?

— Да, конечно, отъ жизни на міру, отъ грѣха ко Христу.

— Да... Отецъ Николай задумался.

Проповѣдается Христосъ, какъ новый и „обращаются къ Нему“, какъ язычники.

— Знаешь Аня,—а вѣдь пожалуй лучше, если бы у насъ совсѣмъ въ Христа не вѣровали?

— Лучше? Почему?

— А тогда всетаки была бы надажда, что нѣкоторые обратятся. Теперь этой надежды нѣтъ... Какъ обратятся язычники, которые считаютъ себя христіанами?

— Ты правъ. Нуженъ переломъ—и это не способны, не годятся.

Взрывъ въ Шахтѣ [1]).

На большихъ часахъ фабрики пробило три часа.

Послѣдняго удара однако не было слышно: его заглушилъ ударъ страшнаго взрыва. Рабочіе на верху шахты

[1]) По Золя („Жерминаль“).

пріостановились на мгновеніе и потомъ какъ то сразу изъ конца въ концѣ пробѣжалъ крикъ ужаса:

— „Взрывъ! взрывъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ начало переходить изъ устъ въ уста:

— „Въ № 13 взрывъ“.

Женщины, мужчины и дѣти бѣжали между кучъ угля по черной равнинѣ къ колодцу.

Сторожъ разсказываетъ о происшествіи: „спускались въ бадьѣ—Ивановъ съ его десяткомъ. Вдругъ мнѣ показалось, что земля бѣжитъ подо мною. Подъемный мостикъ выбрасывается изъ колодца среди пламени. Внизу точно артиллерійскій залпъ. Цѣпь подъемной машины порвалась. Перекладины трещатъ. Вотъ такъ суматоха!—говорю, иду къ ямѣ. Заглянуть внизъ—задохнешься!“

— „Сколько ихъ тамъ всѣхъ внизу?“ спросилъ.

— „Сто пятьдесятъ, ни больше, ни меньше. Я считалъ по лампамъ?“

Со всѣхъ сторонъ по черной землѣ раздавался топотъ сбѣгавшихся къ № 13.

Вдругъ раздирающій крикъ покрылъ собою весь этотъ шумъ: молодая женщина, съ искаженнымъ отъ горя лицомъ, причитала: „мой мужъ! Онъ тамъ!.. Онъ ушелъ утромъ! Спасите его, спасите!“

И она ломала себѣ руки.

Ее окружили женщины и старались успокоить.

— „Что никто нейд...? Спасайте. Спустите меня туда?“

Она бросилась къ сторожу и, рыдая, умоляла его спуститься съ нею вмѣстѣ въ пропасть.

Сторожъ грубо оттолкнулъ ее.

— „Дайте-же устроить!“ и добавилъ, взглянувъ на нее почти со злостью:—„я тороплюсь не менѣе вашего. Тамъ два моихъ сына“.

Нѣсколько углекоповъ помогли сторожу скрѣпить цѣпь. Отъ времени до времени они подходили къ отверстію и перешептывались:

— Что дѣлать? Тамъ обвалъ! Или задохнуться, или быть раздавленнымъ—выбора нѣтъ.

— Говорили управляющему — не слушалъ. Послѣдній мальчишка знаетъ, что если оставить въ кучахъ угольную

пыль, то она бродитъ и воспламеняется. Взрывъ готовъ и все кончено!“

— „Она бродила сильно и стояла невыносимая жара!“

Всѣ повторяли, стискивая зубы: „жалко имъ нашей то крови—же?“

— „Готово!“ крикнулъ наконецъ забойщикъ Ѳодоровъ.— „Кто хочетъ со мною?“

Мужчины переглянулись и остались неподвижными отъ страха. Подошелъ одинъ: „Я,—сказалъ онъ.—я готовъ!“

Въ это время изъ глубины пропасти донесся глухой шумъ:

— „Обвалъ!“

Всѣ вздрогнули. Но вотъ трое взошли на помостъ подъемной машины.

Толпа подалась впередъ, какъ бы увлеченная мужествомъ смѣльчаковъ. Женщины бросились на колѣни и рыдали. Паровая машина запыхтѣла, цѣпь, скрипя, стала свертываться съ блока. Трое мужчинъ медленно исчезли въ пропасти, которая закрылась надъ ними, какъ могила. Черныя лица замерли, какъ могила.

Внизу снова раздался глухой шумъ. Цѣпь дрогнула, перекладины заскрипѣли подъ натискомъ.

По толпѣ пробѣжалъ трепетъ:

— „Обвалъ“.

Всѣ глаза были, какъ будто, прикованы къ кольцамъ цѣпи, и сердца ихъ бились за одно съ ея сотрясеніемъ, Прошелъ длинный, длинный часъ. Цѣпь зловѣще звякнула и стала накатываться на блокъ. Они поднимались. Всѣ задыхались отъ тревожнаго чувства. Наконецъ, изъ пропасти показалась тѣнь бадьи. Это была первая партія погибшихъ.

Къ подъемной машинѣ бросилась старуха.

— „Сынъ мой, сынъ мой! Ванюшенька, гдѣ ты“?

И она рвала свои сѣдые волосы.

— „О чортова яма!“ повторяла она, ломая руки.— Гдѣ мой сынъ? Пустите меня! Отдайте мнѣ моего сына!

Толпа бросилась къ бадьѣ.

Принесли носилки.

Съ мостка машины сняли черную, грязную, окровавленную массу. Явились вторыя носилки.

Женщины рвались къ носилкамъ. „Кого, кого?“—слышались голоса, въ которыхъ звучали тоска и надежда. Снова сняли неузнаваемую черную массу.—„Кто? кто?“—повторяли глухіе голоса. Носилки тронулись, сопровождаемыя факторомъ. Женщины тѣснились на пути. Каждой мерещился, изъ-подъ прикрывавшаго трупъ полотна, или братъ, или мужъ, или отецъ, или сынъ.

А внизу забойщикъ разыскивалъ своихъ... Лампы не горѣли. Принесли снова двѣ лампы. Онѣ погасли. Наконецъ, удалось зажечь третью.

Ея слабый свѣтъ освѣтилъ черную копошащуюся массу. Всѣ звали другъ друга. Всѣ искали другъ друга, задыхаясь въ душной галлереѣ. Всѣ хотѣли вмѣстѣ войти въ одно время. Слышались крики, рыданія, стоны, хрипъ.

— „Ваня, гдѣ ты?“ кричалъ Ѳедоровъ среди общаго шума.

— „Я здѣсь!“—Отвѣчалъ глухой голосъ.

Старикъ нагнулся.—„Онъ—Ваня“.—

Обезумѣвъ, онъ схватилъ сына и поднялъ его:—„Ваня ли?“

Тотъ былъ неузнаваемъ:—лицо его было покрыто кровью и углемъ.

— „Это ты! Я зналъ, что спасу тебя!“—и старикъ бросился къ выходу, неся на рукахъ молодого человѣка.

Въ это время вытаскивали человѣка, который кричалъ:

— „Мои руки! Не трогайте мои руки! Онѣ горятъ какъ уголья!“

При блѣдномъ свѣтѣ лампы увидѣли, что на нихъ была содрана кожа.

Находившійся на рукахъ у отца рабочій спросилъ:

— „Гдѣ же мой отецъ?“

— „Твой отецъ? Да вѣдь это я! Или ты не узнаешь меня? Я твой отецъ, я“.

Ѳедоровъ пошатнулся и выпустилъ изъ рукъ молодого человѣка. При свѣтѣ лампы онъ всмотрѣлся въ лицо сына. Вмѣсто глазъ во впадинахъ зіяли два бѣловатыхъ отверстія, окаймленныхъ окровавленнымъ мясомъ.

— „Это ты, Ванюша?“ глухо спросилъ онъ.

— Да.

— „А Ѳедя гдѣ?“

— „Не знаю... не знаю... Дайте мнѣ свѣту!“

Старикъ взялъ сына за руки.

— „Ноги! ноги! О, Боже!“—точно отпиливаютъ отъ меня!

У выхода докторъ устраивалъ перевязочный пунктъ. Около него остановился старикъ вмѣстѣ съ потерявшимъ сознаніе сыномъ. Онъ показалъ доктору его глаза.

— „Ослѣпъ, не такъ ли?“

Докторъ покачалъ головой.

— „Одинъ глазъ на половину погибъ! А другой!.. быть можетъ совсѣмъ!“

И старикъ снова отправился въ подземную галлерею искать другого сына или его трупъ.

Вотъ онъ исчезъ въ темномъ проходѣ, снова появился съ трупомъ въ рукахъ и поднесъ его лицо къ лампѣ.

— „Нѣтъ, это не онъ“.—

Старикъ снова исчезъ во мракѣ и опять вынесъ трупъ.

— „Нѣтъ, и это не онъ!“

Требовались глаза любви, что бы узнать вырытыхъ.

Подъ навѣсъ складываютъ безформенную кучу лохмотьевъ, мяса и костей.

Вокругъ нея тѣснятся съ расширившимися отъ ужаса глазами женщины. У каждой мелькаетъ мысль:

— Это, быть можетъ, мой мужъ!

Но узнать его нѣтъ возможности.

Четыре... пять... шесть...

— Кто? кто еще?

Сердца женщинъ бьются усиленнѣе.

— Семь... восемь... девять...

А еще? а еще?..

Ищутъ!—раздается чей то мрачный голосъ...

Носилки относили жертвы, которыхъ милостиво вернула пропасть.

Ихъ было девять... изъ полутораста!

Въ это время, были вытащены всѣ раненые и изувѣченные во время взрыва, уцѣлѣвшіе и вырытые изъ могилы.

— Одинъ... два... три...

— Кто?.. кто?.. раздались голоса.

Называли имена. Лица оросились слезами зависти или

скорби. Но даже о спасенныхъ трудно было радоваться, цѣлыхъ не было.

Изъ 150 спаслось 23 человѣка, но не уцѣлѣло ни одного...

О. Николай, подошедши къ ямѣ, съ ужасомъ смотрѣлъ на картину.

— „Зачѣмъ? за что? Жертвы Молоху!..“

IV.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ шахта хоронила своихъ покойниковъ, а въ поселкѣ—все такъ какъ прежде. Не только въ кругахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ жизни шахтеровъ, но въ самыхъ избушкахъ шахтеровъ покойно, точно забылось все. Правда, иногда слышится угрожающая и тревожная рѣчь, слышится проклятіе по адресу „бѣлаго дома“—такъ называютъ директорскій дворецъ,—угроза. Но это, пожалуй, слышалось и всегда. А въ самомъ „бѣломъ домѣ“ и совсѣмъ забыли,— не то что забыли, а радовались, что компанія дешево отдѣлалась отъ пострадавшихъ семей рабочихъ и отъ администраціи. Совсѣмъ пустяки 15 человѣческихъ жизней обошлось дешевле 15-ти тысячъ рублей, гораздо дешевле. Ну, да сами виноваты. Нужно было крѣпить...

И теперь въ директорскомъ домѣ большой праздникъ. Изъ сосѣднихъ копей изъ города понаѣхали гости. Уже нѣсколько часовъ продолжается пиръ... Весело и хорошо было за обѣдомъ. Одинъ адвокатъ говорилъ рѣчь. Мастеръ онъ говорить рѣчи—(онъ тотъ самый, котораго шахтеръ называлъ адвокатомъ діавола).

Дѣйствительно ни діаволу, ни мамону не нужно лучшаго адвоката.

— „Говорятъ, что трудъ и капиталъ—враги. Какая ложь Я докажу, что это клевета“.

Я сообщу вамъ точную цифру отношенія труда къ капиталу въ каменоугольномъ производствѣ. Согласно послѣднему отчету угля добывалось на сумму 144 милліона. Изъ 144 милліоновъ 63 шли на плату рабочимъ. Значитъ, трудъ получаетъ половину того, что капиталъ. Они дѣлятся между собой по братски!„

— „Ура... за друхъ братьевъ!

Обѣдъ кончился. Кончился и хорошенькій одноактный спектакль, который разыграла для увеселенія гостей маленькая партія новочеркасскихъ любителей. Дальше шли въ программѣ живыя картины.

— Я покажу вамъ очень интересныя картины,—хвалится директоръ. Сами рабочіе обѣщались поставить рядъ живыхъ картинъ изъ собственной жизни. А они сумѣютъ. Я былъ на репетиціяхъ... Красивыя картины! Сами увидите...

Живыя картины начались. Начали тоже любители,— они поставили рядъ картинъ, гдѣ пикантность соединялась съ настоящей эстетичностью. Говорятъ хотѣли поставить Фрину Семирадскаго,—недостало костюмовъ и удовлетворились коечѣмъ болѣе скромнымъ, но во всякомъ случаѣ пріятнымъ для вкуса мужской половины посѣтителей.

— Сейчасъ рабочіе, рабочіе!..

Картины должны были изображать шахты.

Рабочіе на самомъ дѣлѣ оказались сильными въ декоративномъ искусствѣ.

Анна Николаевна, которая была здѣсь въ публикѣ, снова пережила то, что пережила тамъ. Опять эта темная могила, эти желтыя лампочки на головахъ шахтеровъ, сверкающія здѣсь и тамъ; опять тѣ же страшныя спины, темныя, почернѣвшія лица.

Картины вызвали цѣлый громъ апплодисментовъ...

— Какіе мастера!.. Молодцы!..—похвалилъ директоръ.

Онъ поторопился хвалить... Слѣдующія видимо начали шокировать публику... Устроитель картинъ вздумалъ подшутить надъ гостями, а можетъ просто не оцѣнилъ тонкихъ нервовъ господъ посѣтителей и далъ зрѣлище, совсѣмъ не для ихъ вкуса.

— Какъ это не эстетично!..—говорили по поводу слѣдующей картины...

И она въ самомъ дѣлѣ была не эстетична.

Это была галлерея, выставка жертвъ шахты: Впереди шахтеръ-забойщикъ протягивалъ свои руки, сплошь покрытыя язвами,—это результаты и необходимое слѣдствіе его работы. Трудно было сказать, было ли это продолженіе декораціи, гримировка или это были настоящія руки забойщика?..

Тяжело было смотрѣть эти руки, годныя только для того, чтобы протягивать ихъ за копейками и совсѣмъ негодныя для работы.

Дальше галлерею продолжали фигуры откатчиковъ—людей со слѣпыми, красными, нельзя даже сказать гноящимися глазами. Вѣрнѣе сказать, люди съ глазами, изъ которыхъ текла кровь, въ буквальномъ смыслѣ кровь...

Директоръ думалъ вмѣшаться, но остановился. Ему казалось, что его достоинство требуетъ представиться, какъ будто все это сдѣлано съ его вѣдома, и онъ продолжалъ сидѣть въ креслѣ.

Занавѣсъ опустился, для того, чтобы подняться снова.—Теперь тамъ были не шахты. Это была обстановка спичечной фабрики. Новая галлерея лицъ... Еще болѣе страшная: тамъ на лицѣ шахтеровъ лежала только одна угольная пыль. Самое страшное въ галлереѣ „копей“ были люди переломанные, искалѣченные, внѣшне—калѣки, но къ калѣкамъ этого рода все-таки привыкъ глазъ. Здѣсь въ этой обстановкѣ были не калѣки, а трупы. Люди, которыхъ трудно встрѣтить гдѣ нибудь на улицѣ, потому что нѣтъ другой формы работы, которая бы фабриковала такихъ людей-труповъ...

Директоръ, наконецъ, не выдержалъ.

— Не нужно, не нужно!..

Въ самомъ дѣлѣ публика начала роптать.

— Какой скандалъ, зачѣмъ, къ чему это?—говорили всюду.

Пиршество разстроилось...

И казалось, что послѣ этого уже нечего дѣлать этимъ взволновавшимся буржуа. Прошло всего только 15—20 минутъ, и изъ залы послышались звуки вальса.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—писалъ въ дневникѣ о. Николай.

Мене, факелъ-фаресъ...

Слѣпые не видятъ, что вѣсы въ рукахъ Господнихъ колеблются... Развѣ эти картины не надпись на стѣнахъ—пламенными письменами рукою Всевышняго?

Взвѣшено, осуждено... Нужно уничтожить мамона,—или люди пожрутъ другъ друга.

Да, я долженъ быть смѣлымъ... Я долженъ во имя Христа

осудить и Идола рабочихъ... Мысль ихъ души. Развѣ они, эти бѣдные, загнанные, обиженные—они не слуги Мамона?..

Развѣ эта ненависть къ нему,—это желаніе свергнуть его царство—не скрываютъ внутри обожанія того же Бога?..

Развѣ въ нихъ есть отвращеніе и не любовь—къ самому „началу“, принципу богатства и хищничества?.. Нѣтъ... нѣтъ. И они рабы. И они цѣлуютъ ноги Мамона...

Ненавидятъ тѣхъ, кому онъ милостивъ, и готовы стать на ихъ мѣсто... Нѣтъ Христа ни тамъ, ни здѣсь.

Этимъ обиженнымъ простительнѣе, голодному естественно завидовать, но все таки неужели нельзя сдѣлать людей—людьми, уничтожить ихъ звѣриную жадность, чтобы установить правду во имя правды?

Господи, помоги, просвѣти, родись въ душѣ моей и въ душѣ ихъ!

Въ отвѣтъ на нашу бесѣду дѣвушки съ о. Николаемъ мы получили письмо разсказъ отъ одного учащагося молодого человѣка Даемъ его, какъ приложеніе: онъ небезъинтереcенъ.

Н. Ильинъ.

БРАТЪ.

ЭТЮДЪ.

I.

На графинѣ съ водой играли солнечные лучи. Серебристые съ отливами золота живые отблестки, прыскали задорнымъ смѣхомъ, подмигивая кому то на стеклянной поверхности.

Эти лучи, играя на пробкѣ графина, шли вглубь ея, бросались сильно вверхъ со смѣхомъ, рѣзкимъ, жаждущимъ и тихо торжественно замирали.

А на поверхности воды блестѣли новыя, радостно-яркія, дрожащія, дарящія золото блики.

Все такъ же смѣялись эти лучи солнца, подчеркивая своимъ смѣхомъ сильнымъ, какъ сталь иглы, звонкимъ, какъ колокольчики, пьяную, безумную жизнь среди чего-то сѣраго и ненужнаго въ кругѣ убѣгающихъ дней.

Бѣлая скатерть на столѣ и только. Мертвянымъ пятномъ расходился на скатерти свѣтъ солнца; какъ тонкія нити паутинъ, ползли лучи, просачиваясь сквозь ткань полотна, не играя здѣсь всей своей яркою зыбью.

Вдругъ забормоталъ себѣ подъ носъ сидѣвшій молча братъ. Не то запѣлъ тихо-печальное, теребя разсѣянно тонкими, нервными пальцами маленькую шелковистую бородку. Потомъ перевелъ глаза на меня, славно, дѣтски долго, смотрѣлъ, не мигая, и въ нихъ мелькнулъ (какъ будто кто нарушилъ покой дѣтской души), какой-то затаенный блескъ дикаго ужаса. Онъ представлялъ себѣ ужасъ до того яркимъ, грознымъ, что даже не могъ его взять и себя, свое отношеніе къ нему, а терялся до ужаса; раздвигалъ что-то мѣшающее, захлебывался бѣшенымъ клубкомъ, который бился подъ сердцемъ, замирая въ тискахъ, съ гнетущимъ біеніемъ.

А потомъ борьба, торопливость черезъ что-то неопредѣленно ужасное; торопливое и дикое стремленіе; все окутывалось туманомъ, а въ этомъ туманѣ неясные, спутанные образы, какіе-то обрывки, дерзко копошились, причиняя мучительную безсвязность, мучительныя движенія.

— Надо скорѣе, надо скорѣе начинать! Господи! Надо скорѣе! Дѣлать, дѣлать! Но что? Почему? Гдѣ?—

Вотъ этотъ блескъ глазъ, острый, вдохновенный; Одну только одну минуту, тамъ опять наивные такіе, наивные глаза ребенка, спрашивающіе,—„за что?“

И вотъ сказалъ.

Сначала долго шевеля губами, потомъ какъ бы проникновенно силясь, произнесъ звукъ „ба“, улыбнулся, сощуривъ глаза, вдругъ виновато опустилъ ихъ, и углы губъ плаксиво осѣли.

Потомъ конфузливо извинился улыбкой.

„Бѣдный братъ!“

Милліоны солнцъ играли на графинѣ, а на поверхности воды блестѣли, радостно подмигивая все тѣ же солнечные отблески.

Вотъ ужъ часъ, какъ мы сидимъ въ столовой и я смотрю на пріѣзжаго брата. Не хочу смотрѣть, а что-то тянетъ, просто скверное, подленькое, гадкое любопытство. Тянетъ даже немного смѣяться, хотя не знаешь, что это? Смѣхъ-ли зарождается, или отъ жалости это, мутитъ, что-то поднимается, трепещетъ въ душѣ пріятно и жалко. И тянетъ тогда немного плакать, даже можетъ быть смѣяться сильнѣе, чѣмъ плакать. Странность брата и эта всесильная веселость въ природѣ, все заставляетъ неопредѣленно относиться къ своимъ чувствамъ.

Онъ боленъ, сомнѣнія нѣтъ. Цвѣтъ лица сѣровато-желтый; окрашенныя желтизной яблока глазъ—все показываетъ это. Но не хочется понять боль, не хочется совсѣмъ слиться съ болью его души: страшно...

„Да, а какъ на него бѣднаго подѣйствовали эти ужасы петербургскихъ волненій“.

„Кровь“—такъ писалъ онъ, съ начинающейся болѣзнью, какъ опредѣлила мать съ слѣпой жалостью.—„Кровь“—писалъ братъ—„не даетъ спать. Знаешь-ли, когда подумаешь

о любви человѣческой (а я часто думаю о той, которая должна быть; какъ же тогда міръ-то безъ нее можетъ?!), мнѣ кажется, другъ мой, что мы еще совсѣмъ не знали и до сего дня не знаемъ, что значитъ настоящее и вѣчное любовь и любить.

„Мы осквернили это чувство которое глубоко лежало, заплеснѣвши, до того, что для возстановленія ея нуженъ подъемъ зла и возмущенія, что послѣ всего этого думается, будетъ настоящая любовь, чистая, и вѣчная. Подъемъ того, что было подавлено тысячелѣтнимъ строемъ нашей жизни. что росло окутывая всю нашу жизнь корой гнойныхъ ранъ, Слушайте! Мы заѣдали свою душевную чуткость, мѣщанскимъ счастіемъ благополучія, не зная, что такое настоящая любовь, милосердіе и состраданіе. Мы не жили. Нѣтъ! Мы перетирали жвачку жизненной сытости. Слушайте наконецъ! Въ каждой маленькой головкѣ сидѣла маленькая жизненная правда. Но въ тоже время *маленькая сѣрая муха* жалила, назойливо кружилась надъ головой, а потомъ ихъ былъ цѣлый рой на каждаго человѣка. И маленькая головка потеряла правду, закруженная мухами. Мухи—дни пошлости, дни рабства.

Но вотъ сплотились духомъ сильные люди. Сплотились они на врага, крикнули великія слова;—„свобода и братство“! Всколыхнулось стоячее милосердіе, любовь, спящая сила. Возмущенные крикнули, не находя еще лучшихъ, хорошихъ словъ и дѣйствій. Вѣдь устали они, чтобы бодро смотрѣть разумно дѣйствовать. Крикнули однимъ сплошнымъ безумнымъ напоромъ и кровью.

Я плачу, я не могу не плакать, когда кругомъ кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ радуюсь, что послѣ то всего этого... Но я сейчасъ только вспомнилъ это проклятое „но“ Вспомнилъ, что плохая наша любовь и не воскреснетъ сразу. Въ человѣкѣ есть двѣ личности, даже множественность, нѣсколько сознаній, какъ это пишетъ извѣстный психіатръ Сиддисъ. Вотъ я думаю въ этомъ то главное наше рабство, отъ котораго не уйдешь вѣчно. Послѣ рабства внѣшняго, я пропустилъ глубокое наше рабство внутреннее, дѣйствующее независимо отъ насъ; потому что каждый внѣшній предметъ своимъ дѣйствіемъ на насъ вызываетъ это рабство.

Я приведу примѣръ; надъ этимъ я думалъ много братъ.

Представь себѣ,—ты вышелъ изъ театра послѣ представленія съ возвышенными чувствами, потому что они должны быть, эти возвышенныя чувства. Ну я буду говорить вы, потому что всѣ такъ чувствуютъ въ комъ есть нѣжная душа. Ну такъ вотъ вы будете любить, ваша душа будетъ переполнена благородными порывами. Нѣтъ никакихъ препятствій, чтобы выполнить ихъ. И вотъ пройдетъ ночь. Настанетъ новый день и эти чувства, благородные порывы замѣняются мелкими чувствами. Все что возвышало васъ надъ пошлостью, мелочью жизни, что такъ билось въ груди до слезъ, до счастія! все это куда то кануло. Ну да канетъ оно, въ ночи канетъ! Даже можетъ быть въ страшномъ сознаніи это была ложь. Вотъ въ моментѣ театра только бы ловить себя и закрѣплять, а что то порывается блекнетъ, тянетъ, въ тинуоб щежитія тянетъ. Воскресла на минуту сила и погасла.

Теперь жизнь — сцена, сплошная сцена. Вотъ на этой сценѣ выдающіеся актеры играютъ великое: „Борьба за свободу“. Тамъ возвышенныя рѣчи, взволнованные голоса зовутъ идти умирать на штыки солдатъ. И великая пѣсня. Видишь истину и Христа.

И вонъ раздаются на галлереѣ въ темныхъ ея рядахъ, дикое стремленіе. Они поняли; но поняли не все; только одно большое, жестокое, какъ справедливость земли, жестокое, что складывалось цѣлыми годами житейской драмы, съ виду тихой и робкой, какъ жизнь всѣхъ терпѣливыхъ рабовъ. Одни желанія слѣпили эту толпу, желанія до муки, до буйства. Надъ хорошими чувствами они смѣялись, имъ были родственны грубыя формы страсти; потому что сами были грубы, и они вдохновлялись, зажглись, кровожадныя инстинкты. Пошли звѣри.

А мы *зрители*, то есть не тѣ люди темныхъ массъ и не актеры-изъ крови своей строящіе пьесу—мы проникаемся хорошими, благородными чувствами, порывами, чѣмъ то, до слезъ счастливымъ; сладкимъ желаніемъ помочь чужому горю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ обидно) сила внушенія всѣхъ, власть желудка, радость жизни животныхъ заставила насъ проникнуться силой борьбы, самымъ ея животнымъ инстинктомъ, и мы безсознательно дѣлаемся—какъ темная галлерея кровожадными къ чему то, зачѣмъ то.

А въ тоже время когда мы вступаемъ въ пьесу, какъ, артисты мы отдаемъ ей 1/4 1/8 души Мы партеръ изъ актеровъ любителей хуже и галлереи и настоящихъ работниковъ актеровъ...

И вотъ приходишь къ такому заключенію въ концѣ концовъ. У человѣка есть двѣ жизни, каждая болѣзненно подчинена другъ другу. Жизнь духовная и жизнь животная къ которой онъ болѣе всего склоненъ и которая болѣзненно отражается на высшей психикѣ человѣка, подчиняетъ волю. А любви, всесильной любви—мало.

Вотъ опять мучительные вопросы. Зачѣмъ? Къ чему? И наконецъ съумѣетъ ли человѣкъ?

PS.

А нарождается, сильный, грозный, могучій вопросъ. Такъ бы вотъ и крикнуть—„спасите, подтяните еще всѣ фибры мысли и духа!

Дайте жить, не мѣшайте жить!

Ахъ если бы вы знали, что какую дорогую кровь вы пьете въ дикой схваткѣ человѣковъ звѣрей.

Это крикъ, крикъ моей боли!

Письмо вдругъ странно обрывалось.

II.

Вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ письма, гдѣ подъ конецъ былъ крикъ его боли, братъ явился больной „болѣзный“, какъ шушукались у насъ на кухнѣ, дворничиха робкая, недовольная и кухарка Степанида.

— „Ходили слухи“—говорила она, подперевъ рукой щеку и протяжно вздыхая:—„что онъ между энтими штубентами самыми, затѣвалъ что то. Мудрилъ въ Петербурхи-то.—„Говорятъ“—тутъ говорила шепоткомъ съ прислушивающимъ видомъ „какъ бы что“.—„Все промежъ штубентами болѣзный. Ну и свихнулся. Да оно свихнешься. Экая напасть прости Господи. Людей, говоритъ, люблю. Мудренное дѣло.

И Степанида шушукалась еще о томъ мудреномъ, соболѣзновала, качаясь.—„Эхъ, прости Господи“!

А дворникъ Павелъ все отплевывался. — „Экая дура баба“, — говорилъ онъ:—„Какъ есть бревно непонятное, разуму то есть въ ней нѣтъ“.

Неопредѣленно ворчалъ съ такимъ видомъ, будто говоря:—„Мы то? Да мы. Мы, дескать, себѣ на умѣ; слыхали и знаемъ, какіе бары бываютъ“.

То было утро, а къ вечеру собирался народъ, толпился и галдѣлъ обсуждая современныя событія. По всей линіи темнѣющей улицы, то тамъ, то здѣсь у воротъ домовъ; онѣ, эти тѣни грядущихъ силъ, вели свою бесѣду о непонятномъ.

Собирались, толпились, они галдѣли.

Были съ рыдающимъ фальцетомъ голоса бабъ и мужиковъ обозленные голоса, какъ молохъ дышащія груди, искры глазъ подъ выбивающейся растерянностью животной страсти.

Земля бунтовала. Шли люди изъ нѣдръ ея.

Мать и сестра тихо ходили. Говорили со мной полушопотомъ, какъ будто въ домѣ находился безнадежно больной. Братъ приходилъ, молча садился передъ ними, а онѣ какъ отъ боли кнута съ страданіемъ въ каждой складкѣ лицъ, уходили стремительной тѣнью.

И мать и сестра рыдали.

Братъ молчалъ. Онъ много хотѣлъ сказать, но страдая не могъ. И это страданіе только „казалось“ со стороны; казалось тѣмъ, кто относился къ нему слишкомъ поверхностно, какъ къ безнадежно больному, любя въ немъ маленькаго ребенка. Жалость больше половины любви и любовь заражалась болѣзнью состраданія.

Былъ торопливый крикъ, который хотѣлъ сказать истину, но этотъ крикъ только сильно чувствовался ее безъ выраженія словомъ. А слово надо было, что бы поняли люди.

Маленькая комнатка, и лунная рябь тихаго свѣта лампады, вотъ хмурые лики святыхъ. Братъ смотритъ молча, будто выжидая чего то. Всегда трется около кіотки. Вонъ бѣлѣется ликъ Спасителя въ темномъ углу паутинъ. Какъ оно сурово, кротко, иначе любвеобильно. Оно совмѣщаетъ въ себѣ зло, гордость, состраданіе, милосердіе и боль; потому—человѣкъ. Онъ пришелъ въ міръ человѣкомъ, и онъ Богъ какъ освященіе всего Богомъ свѣта. Вотъ эти женственно

лихорадочныя губы, эта скорбная скрытая складочка около рта; на одинъ бокъ. Забилась въ право и какъ будто играетъ живчикомъ страсть скорбной улыбки. Какъ тонкое жало испускающій лучъ шепота, сквозь плотныя губы. Хочетъ и не хочетъ. Глаза блестящіе, грозные. „Я разрушающій міръ. А на лицѣ сіяніе. Да Богъ и человѣкъ не надо забывать, что *человѣкъ*. Есть потому здоровое зло, здоровая гордость, здоровое состраданіе, милосердіе, здоровая боль. Потому что высшій перешелъ это, потому что онъ освѣтилъ все духовною силою новаго человѣка.

„Охъ какъ бы ему хотѣлось много сказать, слишкомъ много, для того чтобы сказать все!—Я плачу, я не могу не плакать. — Не могу! Великій демонъ, да великій демонъ и Богъ, какъ хотите непремѣнно. Потому что вѣдь это вѣчное оскуденіе души, вѣчныя судорги замиранія. Богъ, Богъ. Господи Богъ!—Да потомъ Богоборство, оно освящено. Это большая истина, великая истина. Непремѣнно великій демонъ; потому что нельзя же... Созданіе Бога. Но это потомъ. потомъ! Если хотите, братство, только надо вѣчно, до боли, до кроваваго пота, думать, замирать въ Божественныхъ судоргахъ боли познаваемаго. Да боли, боли!

А тамъ, тамъ!

Двѣ фигуры, двѣ тѣни робко шептались тамъ, двѣ тѣни колебались на стѣнѣ, лѣзли къ верху на потолокъ. Пятна отъ головъ двухъ, соединились въ одно трепещущее пятно.

Зайчики тѣней!

Есть зайчики отъ свѣта; есть зайчики тѣни отъ безпредѣльной тьмы.

Двѣ фигуры; двѣ тѣни шептались; то молились о братѣ мать и дочь.

А тамъ, тамъ!

Сегодня съ братомъ что то случилось необыкновенное. Это случилось вдругъ, когда мы сидѣли за ужиномъ и молча диньгали вилками и ножами по краямъ блюдъ. Мягкій свѣтъ съ верху, отъ висячей лампы падалъ на нашу неуютность нашего семейнаго кружка съ привычками баръ, съ признаками во всемъ былого роскошества. Онъ падалъ на столъ, на стѣны съ картинами, проникалъ въ другую комнату ло-

жась на полъ блѣдной полоской, вотъ, теряясь, робко плывя во тьму фигуръ, онъ ластился на гардинѣ, хватался въ безсиліи и замиралъ тусклымъ свѣтомъ блеска на ножкахъ кресла и было тихо.

Вставая братъ поблѣднѣлъ, вдругъ зашатался и незамѣтно вышелъ изъ комнаты.

А ночью онъ не спалъ. — „Слышали шаги“ — какъ увѣряла мать. Она боязливо лепетала. — „Слышала молился — говорила сестра, и рыдалъ.—„Да онъ дѣйствительно не ложился“. Я самъ слышалъ его шаги; они били тревогу; они были жестокіе.

Маленькая лампа и кругъ надъ лампой съ рябью тѣней. И въ углу притаились и дымкой окутали комнату тѣни. Какъ нѣсколько черныхъ пауковъ; тамъ притаились въ углахъ тьмы; они вили нити паутинъ, незамѣтно проводя ихъ съ одного конца угла въ другой, и комната, брежжа сѣрѣла сѣтью.

Тускло горѣлъ огонь и тускло отражалась на стеклѣ окна горящая лампа, столъ, половина кровати, и фигура брата въ нижнемъ бѣльѣ. Что то махало, кто то подмигивалъ въ темное окно безпросвѣтной тьмы ночи, кто то кланялся. А братъ ходилъ. Шаги били тревогу. Шептали губы.

Дѣтство, тоскливое, суровое, горькое, обидное дѣтство. И сейчасъ въ немъ дитя любвеобильное, незнающее какъ любить, какъ любятъ „хмурые люди“, но любящее. А кругомъ зло, обидное пренебреженіе. Онъ лишній среди людей.

Его били, гнали.

Онъ росъ; онъ возмужалъ, но остался ребенкомъ. Этотъ ребенокъ что то несъ свое безнадежно больное, но яркое.

Его били и гнали люди.

Что то свѣтлое, сильное, вдругъ поднималось въ немъ, что то глубоко-безумное, какъ сила бездны, велѣло сказать.

И онъ крикнулъ въ мукахъ ночи, жестоко и дерзко. Иду къ вамъ!

— „Теперь я понялъ“—говорилъ торопливо братъ вдохновенный, вѣчный. — „Что кромѣ меня, кромѣ человѣка и человѣчества, есть еще высшій единый, который движетъ нашъ внутренній міръ безъ помощи нашей воли. Чтобы принять участіе въ этой волѣ, надо стараться не отчуждаться до пошлости отъ внутренняго нашего міра, къ міру

внѣшнему, а духовно расти, культивироваться до Бога. Найти слово, соединяющее всѣхъ другъ съ другомъ и всѣхъ съ Богомъ. То слово которое было разроз нено на мелочи жизни. Потому что въ началѣ было слово, есть Богъ. И тогда родится сильная любовь.

Человѣкъ есть частица Бога, онъ долженъ отрѣшиться отъ жизни и въ духовномъ мірѣ, создать новое милосердіе, новую любовь и боль. Я скажу даже зло не опошленное жизнью.

Земля рыдаетъ, земля творитъ съ грѣховной кровью.

Смирись! Я братъ Вашъ!

Ночь свѣтлѣла. Вставало утро. Былъ часъ пятый.

Яркіе лучи восходящаго солнца слѣпили комнату брата. Они смѣясь захлебывались отъ радости; тутъ же и плакали чистыми слезами, освобожденныя отъ безпросвѣтной тьмы ночи, тутъ же въ пляскѣ канкана своими лучами справляли будущій праздникъ освобожденія, примиреніи, будущей вѣчной свободы.

Но еще стѣны давили, еще комната сѣрѣла темницей.

А братъ уходилъ; онъ несъ кому то безнадежно-больное, но яркое.

Христіанство и Соціалъ-демократія.

(Посвящается всѣмъ С.-Д., С.-Р., которые иногда думаютъ о далекомъ будущемъ).

Содержаніе: „С.-Д.“—ея отношеніе къ христіанству.—Гдѣ причины этого отношенія?—Куда двигается соц.-д. будущаго: къ христіанству или отъ христіанства.—Каутскій о христіанствѣ?—Ученіе о личности.—Буржуазность безрелигіознаго соціализма... Она грозитъ „будущему“ человѣчества...—Христіанская соціологія и христіанскій соціализмъ.

Христіанство и Соціалъ-демократія.

Вы побѣдите—и я искренно желаю вамъ побѣды, но смотрите не сдѣлайтесь рабами вашей побѣды, не смѣняйте будущаго человѣка (ecce homo) на послѣдняго *моргающаго* человѣка (у Ницше...). Желаю побѣды, потому что послѣ побѣдителей побѣдитъ Христосъ.

Враждебны ли вы другъ другу: христіанство и соціалъ-демократія?

Если бы на собраніи поставили такой вопросъ, я протестовалъ бы противъ самой постановки его.

А что такое соціалъ-демократія?.. Правда ли, что соціалъ-демократія такой стойкій и навсегда установленный терминъ? Если есть большевики и меньшевики, между которыми разногласіе не такъ-то не значительно, если есть Лассаль и Марксъ, между которыми пропасть еще глубже,—есть—ортодоксальные и „внѣшніе“, то что же такое та соціалъ-демократія, съ которой хотятъ сравнивать христіанство?

Можетъ быть и Кингслей, и Науманъ, въ извѣстномъ смыслѣ, соціалъ-демократія?

„Но мы имѣемъ дѣло съ опредѣленной и ясной общественной группой. Съ ней и сравнивайте“, скажетъ читатель.

Хорошо. Вы хотите, чтобы я говорилъ объ отношеніи христіанства къ соціалъ-демократіи Бебеля, Либкнехта—„Новой жизни“? Пусть будетъ такъ...

Однако оговорюсь впередъ: я всетаки не хочу видѣть въ соціалъ-демократіи простое явленіе.

Здѣсь предо мной три факта: соціалъ-демократія, какъ извѣстная воинствующая партія; затѣмъ соціалъ-демократія, какъ сложное общественное міровоззрѣніе, которое держится на извѣстныхъ научныхъ предпосылкахъ и, наконецъ, соц.-дем.—это своего рода общественно-прогрессивное теченіе (тоже въ широкомъ смыслѣ „партія“ соціалистическаго и

демократическаго типа). Не трудно видѣть, что въ послѣднемъ случаѣ—я рѣшаюсь называть, соціалъ-демократическимъ, соціализмъ такъ наз. внѣпартійный.

Итакъ, начинаемъ съ соціалъ-демократіи, какъ наличной политической партіи съ ея наличными вождями и идеалами. Какъ относится она къ христіанству и возможно ли между ними соединеніе? Мы отвѣчаемъ: нѣтъ. Съ мѣщанской и буржуазной соціалъ-демократіей, враждебной и интересамъ человѣческаго развитія и интересамъ свободы... *нѣтъ*.

Было бы лживымъ и недостойнымъ прислуживаніемъ, если бы мы пытались доказать Бебелю и К°., будто мы такъ близко отъ нихъ и ихъ идей, *съ ними*. Развѣ не достаточно краснорѣчивый отпоръ получилъ Гогофъ, когда пытался заигрывать съ соціалъ-демократіей?

„Соціализмъ—отвѣтилъ ему Бебель—является самымъ настоящимъ народнымъ и человѣческимъ ученіемъ, потому что онъ въ дѣйствительности желаетъ примѣнить къ жизни тѣ нравственные законы, которые для церкви въ теченіе 18 вѣковъ служили только вывѣской и употреблялись ею лишь для подавленія и угнетенія массъ. Соціализмъ хочетъ осуществить всеобщее равенство, всеобщую любовь и всеобщее счастіе не потому, что ихъ проповѣдывали Будда, Іисусъ и Магометъ, а потому, что сами по себѣ они являются цѣлью, идеаломъ, который чувствовало и къ которому безсознательно стремилось человѣчество всѣхъ странъ, всѣхъ государственныхъ устройствъ и всѣхъ вѣроисповѣданій. Оно достигло бы этого идеала и тогда, если бы не существовало ни Будды, ни Христа, ни Магомета. Представляя себѣ землю, какъ юдоль страданій, учителя эти неоднократно проповѣдывали умѣренность и воздержаніе и указывали человѣчеству на *будущую* жизнь. А между тѣмъ нѣтъ да и не можетъ быть никакихъ данныхъ, подтверждающихъ существованіе этой другой жизни, потому что она немыслима, и вѣра въ нее только накладываетъ оковы на человѣческія стремленія и препятствуетъ человѣческому прогрессу.

Все хорошее, что возникло во время господства христіанства, *принадлежитъ не ему*, а всего того огромнаго зла и несчастія, которыя принесло съ собою оно, *мы не хотимъ*. Вотъ въ двухъ словахъ наша точка зрѣнія.

Итакъ, г. священникъ, Вы теперь поймете, какъ безконечно далеки наши стремленія отъ стремленій христіанства.

Итакъ, для меня совершенно невозможно согласиться съ Вашимъ взглядомъ, что христіанство стремится къ тому же, къ чему и соціализмъ. Христіанство и соціализмъ противостоятъ другъ другу, какъ огонь и вода. Такъ называемое доброе зерно, которое Вы, но не я, находите въ христіанствѣ, не есть христіанское, а общечеловѣческое. То-же, что принадлежитъ собственно христіанству—его ученіе и догмы—враждебно человѣчеству. Выбраться изъ этого противорѣчія между Вашей теоріей и практикой я предоставляю Вамъ самимъ".

„Все, что принесло намъ христіанство, „мыльные пузыри"—говоритъ—Горькій въ № 3 „Нашей Жизни".

„Марксистскій соціализмъ,—дополняетъ Энрико Ферри, на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г.—заявилъ, что религіозныя вѣрованія—частное дѣло... Но этотъ возвышенный взглядъ есть по существу не что иное, какъ только результатъ увѣренности въ конечной побѣдѣ.

Соціализмъ видитъ и предвидитъ, что религіозныя вѣрованія, разсматривать ли ихъ, подобно Сержи, какъ болѣзненныя явленія человѣческой психологіи, или какъ безполезныя явленія человѣческой инкрустаціи, все равно, должны атрофироваться, благодаря распространенію даже самой элементарной естественно-научной культуры; поэтому соціализмъ не чувствуетъ потребности соціально бороться съ религіозными вѣрованіями, которыя осуждены на исчезновеніе".

Все это болѣе чѣмъ откровенно.

Но пока еще ясно не все. Вопросъ въ томъ, не есть ли эта опредѣленная вражда частное мнѣніе, напримѣръ, Бебеля, не какъ главы соціалъ-демократовъ, а *какъ Бебеля*, Либкнехта, какъ *Либкнехта*.

Такая мысль необходимо рождается, когда имѣемъ дѣло съ такимъ „практикомъ", какъ Бебель.

Дѣло въ томъ, что его познанія въ исторіи христіанства слишкомъ юмористичны, чтобы считать его въ рядахъ враговъ. Его рѣчи о томъ, что будто бы идея божества Христа утвердилась только въ 325 году, его утвержденіе, будто крещеніе введено только въ IV вѣкѣ, а причастіе получило

свое значеніе довольно поздно, такъ что *въ Никейскомъ символѣ о немъ нѣтъ ни слова (?)*, представляютъ геркулесовы столбы—примитивнѣйшаго незнанія или сознательной лжи [1]).

А его импровизаторскія ссылки на несуществующія сочиненія? Его цитаты изумительны.

„Евсевій и Хризостомъ, которые жили въ 390 г., считали идолопоклонствомъ иконы"... Какой Евсевій (ихъ даже „знаменитыхъ"—три)? Что значитъ жили въ *390 г.?*

Для нашихъ цѣлей, конечно, было бы выгоднѣе представлять Бебеля врагомъ христіанства, именно въ силу этого феноменальнаго незнанія, но мы не хотимъ искусственнаго обхода вопроса.

Полагаемъ, что соціалъ-демократія, настоящаго и недавняго прошлаго (а не отдѣльные соціалъ-демократы), враждебна христіанству.

Это естественно и необходимо. Какъ заявляетъ и Бебель, соціализмъ самъ хочетъ быть общественной религіей, а для этого нужно же очистить мѣсто.

Откуда родился соціализмъ? Въ сущности изъ отчаянія, изъ тоскливаго убѣжденія, что старые пути, въ частности пути христіанства не ведутъ къ устроенію жизни.

Христіанство не удалось. Люди, мучившіеся скорбями міра, потеряли надежду устроить міръ *его* средствами.

Люди долго ждали, и вотъ они увидѣли, что христіанство не освѣщаетъ земли—и рѣшились создать свою вѣру для „земли".

И отсюда атеистическій характеръ соціализма первыхъ поколѣній болѣе, чѣмъ необходимъ.

Представьте себѣ двоихъ, напр. Бѣлинскаго и Достоевскаго, передъ одной и той же картиной. Это символическая,—болѣе, даже апокалипсическая картина—изъ Достоевскаго.

Лондонъ. „Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный, какъ море, городъ, визгъ и вой машинъ... отравленная

[1]) О Причастіи говоритъ болѣе, чѣмъ ясно уже „Ученіе 12 апостоловъ", памятникъ 2-го вѣка. Порядокъ крещенія установленъ „апостольскими правилами". Зачѣмъ бы Никейскому Символу говорить о причастіи—непонятно. Идея Божества Христа—съ самаго начала христіанства—и не оспаривалась никѣмъ; на Никейскомъ соборѣ вовсе и вопроса не было объ этомъ.

Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ" и т. д. „Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра, въ едино стадо... вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара, людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, воочію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобы не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала". Человѣка, какъ человѣка, здѣсь совершенно не видно. Вмѣсто него на первомъ планѣ промышленность, торговля, фабрики, милліоны... Человѣкъ же является слугою, даже рабомъ этого внѣшняго строя. Фактъ давитъ, масса деревенѣетъ, голодная душа смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ ужинѣ и развратѣ".

Двѣ картины лондонской жизни: „шабашъ бѣлыхъ негровъ" и „ночь въ Гай-Маркетѣ", которыя Достоевскій рисуетъ далѣе, дополняютъ яркую иллюстрацію. Картина первая: „ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются, какъ море, по всему городу... и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, т. е. наѣдаются и напиваются, какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльныя экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ... Толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщены улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ... Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело, и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно дѣйствующую на васъ молчали-

вость. Все это поскорѣе торопится напиться до потери сознанія. Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними". Картина вторая: „Гай-Маркетъ, кварталъ, гдѣ ночью толпятся тысячами публичныя женщины. Ярко освѣщенныя улицы, кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, гдѣ въ одно и то же время и „сборища и пріюты". Жутко входить въ эту толпу. И какъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы... Все это, не умѣщаясь на тротуарахъ, толпится на улицахъ тѣсно, густо. Все это ждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды, и почти лохмотья. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, завыванья и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы... Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руки и просятъ, чтобы вы шли съ ними. Помню разъ въ толпѣ... я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую, просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ, зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди".

„И когда проходитъ ночь и начинается день, дорисовываетъ Достоевскій вышеприведенныя картины, тотъ же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична.

Онъ не прячетъ отъ себя... дикихъ подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколко". „Для этихъ паріевъ долго еще не сбудется пророчество, долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ и долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: „доколѣ Господи".

И вотъ теперь вопросъ: что же дѣлать съ этими ужасами? Вавилонъ давитъ. Это какая то мистическая безпощадная сила. Можно было бы жаловаться Боженькѣ, аппелировать къ высшей силѣ, которая бы сломила Вавилонъ, къ христіанству.

Но можно ли въ самомъ дѣлѣ?

Приняло-бы христіанство апелляцію? нѣтъ.

Мы изложили прошлую исторію христіанства, какъ ее понимаемъ, въ книжкѣ „Виѳлеемская звѣзда".

Повторимъ.

....Свѣтлый Адеилъ принесъ на землю Звѣзду...

Яркіе, какъ день, лучи гнали передъ собою гнилые туманы, разорванные, взлохмаченные; туманы метались и приникали къ землѣ, а лучи били по нимъ, рвали ихъ на части и вгоняли въ землю. Освѣтилась и очистилась вся даль земли, и люди увидѣли, какъ широка эта даль, сколько вольнаго простору на землѣ и сколько братьевъ ихъ живетъ во всѣ стороны отъ нихъ.

И освѣтила она всю ложь и скорбь жизни... И духовную скудость людей, и ихъ убожество, и ужасъ насилія, и скорбь рабства, и проказу нищеты.

И тогда люди поняли, что невозможно жить такой жизнью, какою они жили, что каждою каплею своей кровавой грязи, каждымъ пятномъ сырой плѣсени эта жизнь, нечеловѣческая, звѣриная, неумолчно вопіетъ къ небу...

Они рѣшили перемѣнить разумѣніе жизни, и горсточка людей сдѣлала это...

Сдѣлалось это сначала въ Іерусалимѣ, около Виѳлеема и Его Звѣзды, а потомъ и по всей землѣ разнеслось „святое безуміе" поклонниковъ „Свѣта Разума, Солнца Правды".

И тогда-то и наступило на землѣ „новое лѣто Господне пріятное". Среди сплошного ужаса, отчаянія, окрававленной грязи языческаго міра и тамъ, и здѣсь засвѣтились огоньки Новаго свѣта.

Но, загорѣвшись на землѣ, это „эхо Звѣзды“ не освѣщало только... Огоньки очищали землю, жгли зло, давали радость... Свѣтъ разума съ Неба, сойдя на землю, открывшись въ сердцахъ, сталъ жизненной силой, „любовью“. Родилась „Сила“ и, казалось, она сложитъ все зло и побѣдитъ.

Но дальше случилось преступное и непонятное.

Люди отказались отъ свѣта звѣзды—Благовѣстія Правды Христовой.

Одни изъ нихъ *возстали* противъ Истины... Другіе *подмѣнили* истину...

Причина у тѣхъ и другихъ была одна — звѣзда Евангельская мѣшала жить... она слишкомъ ярко освѣщала зло жизни и слишкомъ настойчиво требовала отреченія отъ прежнихъ радостей, покрытыхъ проказой, отъ прежней „любви“, которая была только разложеніемъ духа, отъ прежняго искусства, которое льстило похоти... отъ прежнихъ общественныхъ отношеній, которыя создали красоту и блескъ ихъ жизни, но оплачивались кровью и трудомъ другихъ. Это все, что при свѣтѣ звѣзды казалось запятнаннымъ грязью и „злой плѣсенью“, было дорого людямъ и они рѣшили сказать—мы не съ Нимъ.

Другіе сдѣлали хуже... Видя, какъ трудно „свѣтъ звѣзды“ примирить съ жизнью, люди рѣшились передѣлать Слово Истины.

„Къ звѣздамъ, стали говорить они, человѣкъ долженъ стремиться лишь помыслами. Евангеліе — не земная проповѣдь. Надежда землю освѣтить Евангеліемъ — праздная затѣя.

Само Евангеліе утверждаетъ, что оно не побѣдитъ, „оскудѣетъ любовь“, такъ что и трудиться надъ евангелизаціей міра — Сизифова работа... Евангеліе должно лежать въ золотомъ переплетѣ, на престолѣ, какъ „отдаленное напоминаніе“ о иной жизни, но нельзя пускать его въ жизнь: *оно напутаетъ*.

Идеалы Евангелія только вѣхи, до которыхъ все равно не дойти... никогда. Это святыя мечты, которыми можно жить во время обѣдни въ воскресенье, вообще, „по праздникамъ“.

Правда, остались еще „третьи“ люди, которые считали

Евангеліе непреложнымъ закономъ жизни, но и они измѣнили Христу... Испугавшись, что истина не справится съ жизнью и запачкается о нее, эти люди ушли въ пустыню, чтобы тамъ запастись силой для борьбы за евангелизацію міра, преображеніе жизни. Эти были правы и велики, и они около себя собрали такъ много Христова Невечерняго, Нерукотвореннаго свѣта, что снова осіяли міръ. И они возвращались въ жизнь (иногда даже не выходя изъ пустыни) и творили (Св. Іоаннъ, Василій, св. Антоній и „многіе ихъ же исчесть нельзя“).

Но... ученики ихъ, уйдя въ пустыню, обожествили средство и продали „цѣль“. Они слились съ „вторыми“ въ небреженіи къ стонущей, прокаженной, преступной землѣ, которая ждетъ исцѣленія и жалости.

„Души отдѣльныя могутъ спасаться и даже доходить до великихъ степеней озаренія, святости и обожествленія,— говорили они. Но вся земля, въ цѣломъ, проклята... прокаженна, неисцѣльна. И Христосъ не можетъ исцѣлить ее и просвѣтить... Проклята... проклята“...

„Дѣти Солнца и Востока“, ученики Звѣзды бросили землю; одни ушли мечтать „въ небо“, въ эстетическій и вовсе не Христовъ „святой эгоизмъ“ брезгливой ненависти къ землѣ; другіе смѣшались со всею грязью міра, утѣшаясь, что въ праздники они *христіане*.

И вотъ стоитъ земля, не освѣщенная, не воздѣланная, не осіянная; выходятъ иногда одиночки-ученики Христовы святые, убогіе, юродивые, но ихъ голосъ погасаетъ среди шума развратной улицы, а еще болѣе заглушается голосами лжепророковъ, которые усыпляютъ людей злой проповѣдью, что Евангеліе велико и свято, *но не для земли, и для* земли *требуется отъ человѣка только раздача копѣекъ къ праздникамъ*.

Общественная совѣсть угасла. Люди перестали видѣть и понимать „общіе недуги міра“, сохранивъ способность видѣть только бросающіяся въ глаза язвы случайнаго прокаженнаго. („Виѳлеемская звѣзда“). Вотъ что стало съ христіанствомъ.

Спросите же себя теперь, въ какомъ же отношеніи встало—это христіанство—къ „Лондонской картинѣ“... Очевидно, оно даже слабо освѣщало Лондонскую картину — не

говоря уже о томъ, чтобы отмѣнить Вавилонъ. Аппелировать къ „нему“—было безплодно.

Нужно было искать или новаго учителя, или допустить, что христіанство еще не выявило своихъ силъ, или осудить свою жизнь, признать міръ погибшимъ.

Достоевскому,—беремъ какъ примѣръ,—слишкомъ трудно было оторвать отъ себя прошлую Христову вѣру. И онъ не поклонился Ваалу, *какъ ему казалось*, онъ создалъ ученіе о русскомъ соціализмѣ, о царствѣ любви въ будущемъ и пр. [1]). Но даже у него въ сущности не было вѣры въ это будущее. Онъ только страстно хотѣлъ вѣрить, потому что иначе не понималъ дѣла Христова... Ему думалось, что одно изъ двухъ, *или Христосъ еще создаетъ свое царство, или онъ побѣжденъ*... А послѣдняго онъ не хотѣлъ, не могъ принять.

Но другіе менѣе внутренно связанные со Христомъ? Они видѣли, что, по самой сущности дѣла лондонскаго Ваала нельзя опрокинуть—никакимъ благовѣстіемъ. Онъ непобѣдимъ—потому что не только завоевалъ власть—но и *подчинилъ души*. Противъ него нужно выставить не Христа, а тоже Ваала...

И во имя этой борьбы двухъ Ваалов нужно было Христа отвергнуть *рѣшительно всего и до конца*. Для новой религіи нужно было мѣсто.

„Я засталъ его—пишетъ Достоевскій о Бѣлинскомъ—страстнымъ атеистомъ, онъ началъ со мною съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго—именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательнаго заявленія: „мы прежде всего общество атеистическое“, т. е., начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій. Какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начать съ атеизма“. Ему надо было низложить ту религію, которая въ своей основѣ отрицала путь борьбы Ваала противъ Ваала, мало того—отрицать даже Его сіяющую личность. Какъ соціалистъ, онъ

[1]) Въ дѣйствительности, не имѣя смѣлости отвергнуть самую полуправду стараго христіанства, Достоевскій въ сущности создалъ себѣ ложнаго Бога, русскаго Мессію.

необходимо долженъ былъ разрушить ученіе, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами, а вмѣстѣ „попытаться стереть пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, Его нравственную недостижимость, Его чудесную и чудотворную красоту.

И мы понимаемъ Бѣлинскаго... Разъ средства, предложенныя Христомъ, не уничтожаютъ Вавилона—а уничтожить его необходимо—то нужно уничтожить и Христа, какъ обманувшую надежду, Ложный Маякъ.

Отсюда атеизмъ—антихристіанственность соціализма.

Прибавимъ къ этому, что въ практической работѣ соціалъ-демократіи, даже не революціонной, могла казаться помѣхой и христіанская догма позднѣйшаго, презрѣвшаго землю христіанства, переносившая центръ и цѣль вниманія на ту сторону жизни.

Вандервельдъ съ соціалистической точки зрѣнія—основательно находитъ выраженіе эрфуртской программы—„религія—частное дѣло“—неудобнымъ.

„Это выраженіе, по словамъ названнаго писателя, изобилуетъ недоразумѣніями“. Его понимаютъ многіе, какъ призывъ соціалъ-демократіи заниматься одними политическими и экономическими вопросами: „Займемся молъ землею, а небо оставимъ ангеламъ и воробьямъ“... Но думающіе такъ—говоритъ Вандервельдъ—забываютъ, „какое глубокое воздѣйствіе оказываетъ религіозная метафизика на соціальную физику“. Религія не небомъ только занимается; она старается проникнуть своимъ вліяніемъ и въ земныя дѣла. „Во имя откровенія,—по словамъ того же писателя,—она заставляетъ принимать общественную мораль, правила которой рѣшительно противорѣчатъ земнымъ интересамъ бѣдняковъ“. А потому, полагаетъ Вандервельдъ, „чтобы пораженіе старыхъ вѣрованій было рѣшительно, нужно, чтобы цѣлостному міросозерцанію Церкви было противопоставлено не менѣе цѣлостное пониманіе права, нравовъ, общества, міра“.

Правъ по своему, логиченъ и этотъ—(хотя конечно онъ говоритъ не о подлинномъ христіанствѣ).

Итакъ, отрицаніе христіанства было естественнымъ выводомъ изъ практическихъ стремленій соціалъ-демократіи.

Но вѣчна ли эта вражда?

Если въ христіанствѣ невозможно новое откровеніе о землѣ, облегченіе ея скорбей или невозможно, если это окажется нужнымъ, примиреніе съ земнымъ сремленіемъ земныхъ людей „устроиться“, срыть Вавилонъ, если христіанство радикально враждебно желанію земли изъ проклятой, осужденной снова стать благолѣпной и свѣтлой, хотя бы такъ, какъ *она* пока понимаетъ это благолѣпіе и свѣтлость, то вражда будетъ вѣчной.

Но если дѣло обстоитъ иначе, если христіанство, не отступая отъ своей правды, можетъ быть не врагомъ, а *союзникомъ* всѣхъ жаждующихъ правды въ борьбѣ за „погибающую землю?“

Истинное православіе считаетъ, что Царство небесное не на небѣ создается, а на землѣ, что центръ вниманія человѣка, живущаго здѣсь—„земля, *которую* нужно сдѣлать небомъ. Не ненависть на землѣ, а любовь, святая заповѣдь осіять землю, окружить ее лаской—суть христіанства.

„Если бы мы вздумали проявить потускнѣвшія по нашей волѣ страницы евангелія, писали мы—въ „Виѳлеем. звѣздѣ“, тамъ оказалось бы написано: „Шедше, научите всѣ народы“ (цѣлые *народы*, а не отдѣльныя единицы)... И еще: „Имѣли все общее“.

И еще. „Поставили передъ собою семь діаконовъ и возложили на нихъ руки служить трапезамъ“ и т. д.

Стройте жизнь... Устройте земную правду. Вы на землѣ, а пока на землѣ: „*здѣсь*“ вы обязаны строить Царство Божіе. Нельзя перейти мимо земли на небо. Къ нему можно пройти только по землѣ, но смотрите, сколько Христовыхъ дѣтей шли къ нему по „землѣ“, покрытой битыми стеклами“, и вернулись назадъ. Вы не убрали стеколъ съ дороги, не облегчили имъ дорогу жизни, значитъ вы убили ихъ. Вы звали ихъ въ храмъ, они пошли въ корчму, потому что устали, опьянѣли отъ злой работы. Неужели вы ничего не могли сдѣлать, чтобы они не были пьяны безъ вина отъ труда и нищеты“...

Вотъ проповѣдь евангелія. Она потускнѣла—но вѣдь тусклое можетъ снова стать яркимъ. Ослабѣло—скорѣе „вниманіе христіанъ“ къ страницамъ евангелія—а не онѣ выцвѣли... Но когда снова засверкаетъ Христово слово, будутъ ли тогда основанія для вражды?

Ляменэ, Кингслей, Науманъ? пусть съ ихъ системами не согласна соціалъ-демократія, но развѣ они не дѣлаютъ тоже дѣло, лишь на другихъ началахъ и, думаемъ, болѣе прочныхъ и человѣчныхъ?

Полагаемъ, что сказаннаго достаточно пока для такого тезиса: причины ненависти къ христіанству, главнымъ образомъ, историческія, и онѣ должны отпасть и скоро.

Останется ненависть къ нѣкоторымъ историческимъ остаткамъ въ христіанствѣ, но *отрицаніе Христа*, какъ „жизненная необходимость“ для работниковъ земли, *отпадаетъ*.

Мы придаемъ большое значеніе уступкѣ, сдѣланной Каутскимъ.

„Противорѣчіе между церковью и соціалъ-демократіей отнюдь не обусловливаетъ невозможности быть одновременно вѣрующимъ христіаниномъ и соціалъ-демократомъ. Христіанство можно брать и въ такомъ смыслѣ, который соотвѣтствуетъ соціалистическимъ стремленіемъ. Даже болѣе того, соціалистическое движеніе стоитъ ближе къ древнему христіанству, чѣмъ всякое другое современное движеніе; оба они пролетарскаго происхожденія. Правда, свою печать положилъ на христіанство безпомощный нищій пролетаріатъ, а не смѣлый борющійся, но все же пролетарское стремленіе къ уничтоженію классовыхъ различій вполнѣ соединимо съ христіанскими ученіями, съ евангеліемъ.

Можно быть хорошимъ христіаниномъ и все же питать самое горячее сочувствіе къ классовой борьбѣ пролетаріата. Организація борющагося пролетаріата—соціалъ-демократія—не имѣетъ ни малѣйшей причины не допускать въ свою среду такіе элементы, если они могутъ и желаютъ вести нашими средствами вмѣстѣ съ нами классовую борьбу“.

Правда, далѣе мы находимъ у Каутскаго нижеслѣдующія строки, но, по совѣсти, мы видимъ здѣсь аргументъ „за, а не противъ“.

„Клерикальные интересы и традиціи—пишетъ онъ—стоятъ въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ освобожденіемъ пролетаріата; и рано или поздно церковная организація рѣшительно выступаетъ противъ попытокъ своихъ членовъ участвовать въ классовой борьбѣ пролетаріата, даже если это участіе осуществляется отдѣльно отъ соціалъ-демократіи и въ полномъ согласіи съ церковными формами. Точно

также и, такъ называемый, христіанскій соціализмъ, тамъ, гдѣ онъ искренень и не является просто демагогическимъ обманомъ, никогда не можетъ сдѣлаться значительной силой въ дѣлѣ освобожденія пролетаріата".

Практически оказывается совмѣщеніе „устроенія земли" и христіанства неудобнымъ—*почему?* Потому что мѣшаетъ клерикализмъ. Клерикализмъ,—но вѣдь это *не христіанство.*

Каутскій допускаетъ, что „участіе въ классовой борьбѣ пролетаріата возможно даже отдѣльно отъ соціалъ-демократіи и въ церковныхъ формахъ, и эта работа не можетъ быть значительной только въ силу противодѣйствія церковной „массы".

Мало того, брошена весьма откровенная мысль, что христіанскій соціализмъ демагогическій можетъ стать большой силой.

Что это значитъ? А то, что боязни христіанства, какъ исповѣданія, нѣтъ уже, есть недовѣріе къ церкви, но въ христіанствѣ склонны видѣть даже союзника.

Авторъ этихъ строкъ не склоненъ видѣть въ христіанствѣ „второго помощника" соціализма,—онъ находитъ, что хорошимъ христіаниномъ и хорошимъ соціалъ-демократомъ *стиля Каутскаго*—быть нельзя, но тѣмъ не менѣе онъ долженъ отмѣтить фактъ.

Два теченія идутъ другъ другу на встрѣчу. Гдѣ они встрѣтятся?

Посмотримъ въ Каутскаго немного дальше... Каутскій въ сущности допускаетъ совмѣщеніе христіанства съ соціализмомъ только очень условно: онъ согласенъ, что христіанство можетъ *не помѣшать участію христіанина въ соціальной работѣ*, потому что научное познаніе двигающихъ силъ историческаго развитія вообще и пролетарской классовой борьбы въ частности—не составляетъ необходимой предпосылки въ этой борьбѣ, но если человѣкъ хочетъ быть на научной почвѣ работникомъ, онъ долженъ отказаться отъ христіанства.

Въ особенности же несоединима съ научнымъ соціализмомъ *идея Богочеловѣка или сверхчеловѣка, которому дано силой своей личности искупить человѣчество или поднять его на высшую степень бытія.*

Этими фразами Каутскій переводитъ насъ къ вопросу

объ историческомъ соціализмѣ, какъ обосновѣ, предпосылкѣ соціализма.

Когда Бебель толкуетъ о Никейскомъ соборѣ, или о твореніи міра и т. д.—это въ сущности праздныя рѣчи: здѣсь область не соціалъ-демократіи, а научной критики, сфера борьбы между христіанствомъ и наукой, не только не оконченной, но еще и не начинавшейся. Иное дѣло, вопросъ о роли личности въ исторіи, о личности Христа—идеѣ Богочеловѣка: она стоитъ въ связи съ самой сутью соціалистической метафизики.

Соціализмъ со временъ Фурье хочетъ возстановить „плоть въ своихъ правахъ".

Отсюда тэзисъ Pritum vivere, deinde philosorhari.

„Прежде всего надо быть сытымъ".

Прежде всего желудокъ и все изъ желудка, идеологія родилась изъ желудка и къ нему возвращается.

Ходъ исторіи зависитъ не отъ героевъ, какъ думалъ Карлейль, не отъ вліянія климата, какъ казалось Боклю, а именно отъ *экономики*, отъ нашей потребности въ питаніи. На этой основѣ, по Марксу, держится вся „надстройка" человѣческихъ учрежденій.

„Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія становятся ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха соціальнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія болѣе или менѣе быстро измѣняется вся громадная надстройка (правовыя и политическія учрежденія, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя общественныя формы сознанія)... Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія, производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ

раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія на лонѣ стараго общества“ (Марксъ).

„Исторія человѣчества—въ томъ же духѣ пишетъ Энрико Ферри—находитъ свое объясненіе только въ великомъ марксистскомъ законѣ „борьбы классовъ“; благодаря ему лѣтописи первобытнаго, варварскаго и цивилизованнаго человѣчества... превращаются въ грандіозную фатальную драму, опредѣляющуюся во всѣхъ своихъ переворотахъ—*экономическими условіями*, которыя образуютъ необходимую физическую основу жизни борьбой классовъ... и которыми необходимо обусловливаются всѣ другія формы—политическія, юридическія, моральныя“.

„На основѣ „экономики“ зародилось христіанство; подъ тѣмъ же вліяніемъ образовывались въ Церкви разныя секты. Экономикой утвердилась нравственность въ мірѣ“.

(*Д. Боголюбовъ.* Христіанство и соціалъ-демократія).

На экономической нуждѣ обосновались „классовыя противорѣчія“ людей,—столкновенія воиновъ и пастуховъ, патриціевъ и плебеевъ, аристократовъ и народа, буржуа и пролетаріевъ. „Классовыя противорѣчія“ въ исторіи людей занимаютъ столь большое мѣсто, что, по мнѣнію Маркса и Энгельса, къ нимъ сводится „исторія всякаго существовавшаго до нынѣ общества“.

Все изъ „желудка“.

Все строится на подпочвѣ экономическихъ отношеній.

Вотъ та догма, съ которой, по словамъ Каутскаго, не можетъ быть примирено христіанство... И онъ, конечно правъ. Только насколько тверда самая догма? Можетъ быть изъ нея возможны уступки?

Все изъ желудка. Хорошо, но вотъ первоначальный и элементарный вопросъ. Есть ли область до экономики? Возьмемъ исторію міра до-человѣка, даже до перваго животнаго, до перваго растенія? Очевидно, тогда не дѣйствовалъ законъ экономики, не дѣйствовала природа, какъ *экономическая сила.*

Пусть созидающимъ факторомъ тогда былъ законъ вѣчнаго развитія. И вотъ допустимъ, что мысль перваго человѣка взошла по этому моменту бытія міра. Если былъ фактъ, то конечно возможно, что *родилась и мысль о фактѣ.* Этотъ вопросъ: откуда онъ—человѣкъ, откуда жизнь?

Сказать, что этотъ вопросъ родился изъ экономическихъ законовъ, было бы абсурдомъ. И въ тоже время это вопросъ явно метафизическій. Современный позитивизмъ насиліемъ отстраняетъ самый вопросъ, но вѣдь это не мѣняетъ факта, рожденіе Гейневскихъ вопросовъ возможно въ силу того, что все кругомъ—вопросы. Метафизика должна была родиться независимо отъ условій экономической жизни.

Соціалъ-демократъ Ферри допускаетъ возникновеніе перваго вопроса метафизики и даже ставитъ его въ грубо элементарной формѣ, какъ вопросъ *о Богѣ*.

„Новѣйшія научныя исторіи необходимо приводятъ къ отрицанію Бога, говоритъ онъ, потому что всегда можно спросить, „а кто сотворилъ Бога?“ и если отвѣтятъ, что Богъ существовалъ вѣчно, можно возразить, что существовала и вселенная вѣчно“.

Вся эта фраза—крупная наивность. Пусть вмѣсто Бога будетъ поставленъ *вѣчный міръ*, но развѣ эта послѣдняя идея, опытная идея и вмѣщается въ рамки экономическаго метода? Какъ бы не разрѣшились эти и подобные вопросы напр. о рожденіи первой клѣточки, они все же будутъ представлять область заповѣдную для экономическаго вѣденія. „Положительное знаніе никогда не можетъ наполнить всей области возможнаго мышленія“—цитируемъ Спенсера—„на самой крайней границѣ каждаго открытія *всегда* долженъ возникнуть вопросъ: что же будетъ далѣе? Наука безсильна отвѣтить на этотъ вопросъ. Отсюда всегда будетъ мѣсто для религіи“.

„Позитивизмъ думаетъ, что человѣкъ уже готовъ вычеркнуть то влеченіе къ Безконечному и Трансцендентальному, которое характеризовало до сихъ поръ религію. Я считаю это заблужденіемъ. Стремленіе за предѣлы дѣйствительнаго, выражающееся въ неопредѣленномъ желаніи безконечнаго и всеблагого, есть *врождебное* человѣку и *неутрачиваемое* имъ влеченіе“. (Паульсенъ. Цитир. Боголюбовъ „Христіанство и соціалъ-демократія“).

Вотъ все, что пока намъ нужно: историческій матеріализмъ не смѣетъ сливаться съ матеріализмомъ вообще.

А теперь вступимъ въ сферу исторіи, гдѣ, конечно царствуетъ желудокъ.

Царствуетъ—но самодержавно-ли?

Сущность теоріи экономическаго матеріализма непобѣдимость, господство въ исторіи экономическаго фактора.

Не смѣемъ отрицать огромнаго значенія этого фактора, но утверждаемъ, что въ предѣлахъ конечнаго времени (а) исторія вся въ предѣлахъ конечности) экономическій факторъ только частичный, далеко не все объясняющій дѣятель.

Развѣ дѣтскій крестовый походъ, въ которомъ главное ядро составляли *дѣти горожанъ* и *даже знати* объясняется изчерпывающимъ образомъ экономикой. Раскольническія самосожженія? Духоборы?

Развѣ большинство общественныхъ движеній, даже возникшихъ, положимъ, изъ экономическихъ началъ, въ дальнѣйшемъ двигались не идеологическимъ порывомъ, „идеей силой".

Развѣ послѣднее Русское движеніе—родилось изъ чистой экономики? Но тогда оно должно было зачаться и развиться среди рабочаго пролетаріата—изъ него выйти. А развѣ было такъ.

Въ сущности преувеличенность своей теоріи сознаютъ сами вожди научнаго соціализма.

„Конечныя причины всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ"—пишетъ Энгельсъ—„слѣдуетъ искать не въ умахъ людей, а въ „измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна". „Конечныя причины" заключаютъ въ себѣ, однако, содѣйствующія причины другого рода, причины второй, третьей и т. д. степени, и ясно, что чѣмъ больше рядъ такихъ причинъ, тѣмъ больше количественно и качественно ограничивается опредѣляющая сила послѣдней причины. Остается фактъ ея дѣйствія, но конечный видъ вещей зависитъ не только отъ нея. Результатъ, работы различныхъ силъ лишь тогда можетъ быть съ увѣренностью вычисленъ, когда силы точно извѣстны и приняты въ расчетъ по ихъ полной стоимости. Игнорированіе сили даже низшей степени можетъ, какъ знаетъ каждый математикъ, имѣть слѣдствіемъ величайшія отступленія.

Въ своихъ болѣе позднихъ трудахъ Фр. Энгельсъ еще болѣе ограничилъ опредѣляющее значеніе производственныхъ отношеній. Это направленіе особенно замѣтно въ двухъ письмахъ, напечатанныхъ въ октябрѣ 1895 г.; одно изъ нихъ относится 1890 г., а другое—къ 1894 г.

„Правовыя формы“, политическія, юридическія, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и догмы перечисляются здѣсь въ качествѣ факторовъ, дѣйствующихъ на ходъ исторической борьбы и во многихъ случаяхъ „преимущественно опредѣляющихъ форму“. „Существуютъ, такимъ образомъ, безчисленныя, между собой перекрещивающіяся силы, безконечная группа параллелограммовъ силъ, результатомъ которыхъ, является историческое событіе, которое само опять можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ силы, въ цѣломъ дѣйствующей безсознательно и безвольно, такъ какъ то, чего хочетъ отдѣльный индивидуумъ, препятствуетъ другимъ, и то, что происходитъ, есть нѣчто такое, чего никто не хотѣлъ“ (писано въ 1890 г.). „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и т. п. развитіе основано на экономическомъ. Но всѣ они воздѣйствуютъ другъ на друга и экономическій базисъ“ (Письмо 1895 г.).

Надо признаться, что это звучитъ нѣсколько иначе чѣмъ цитированное выше мѣсто у Маркса.

Въ письмѣ къ К. Шмидту отъ 27 октября 1890 г., Фр. Энгельсъ превосходно излагаетъ, какъ общественныя учрежденія изъ результатовъ экономическаго развитія превращаются въ соціальныя силы съ собственнымъ движеніемъ, которыя съ своей стороны вліяютъ на нихъ, содѣйствуя росту, задерживая ихъ или давая имъ иное направленіе. Прежде всего, онъ приводитъ какъ примѣръ государственную власть, при чемъ онъ дополняетъ главнымъ образомъ имъ данное опредѣленіе государства, какъ органа классоваго господства и подчиненія, очень значительнымъ сведеніемъ роли государства къ общественному раздѣленію труда. Такимъ образомъ историческій матеріализмъ уже не отрицаетъ самостоятельнаго движенія политическихъ и идеологическихъ силъ; онъ оспариваетъ только независимость этого самостоятельнаго движенія и доказываетъ, что развитіе экономическихъ основъ общественной жизни — производственныхъ отношеній и развитія классовъ—оказываетъ въ концѣ концовъ на движеніе этихъ силъ наиболѣе сильное вліяніе.

„Желѣзная неизбѣжность исторіи“ испытала такимъ образомъ ограниченіе, означающее для практики соціалъ-

демократіи не уменьшеніе, но повышеніе или квалифицированіе соціально-политическихъ задачъ. (Бернштейнъ).

Ясно, что теперь матеріалистическое пониманіе исторіи представляется въ другомъ видѣ, чѣмъ какъ оно прежде изображалось его творцами. У нихъ самихъ оно совершило свое развитіе, у нихъ самихъ получило ограниченіе своего абсолютнаго значенія.

И въ концѣ концовъ—теорія получаетъ очень скромную форму. „Не надо упускать изъ виду, что по теоріи Маркса экономическія условія являются лишь въ *послѣдней инстанціи* движущими силами историческаго развитія. На это необходимо напирать въ виду того, что многіе... провозглашаютъ, что экономическія условія являются единственными движущими силами исторіи. Но въ то время, какъ условія эти являются первично дѣйствующими силами, они приводятъ въ дѣйствіе другіе факторы, которые являются рефлексами первыхъ, такъ-что и факторы эти въ свою очередь оказываютъ воздѣйствующее вліяніе на первоначальныя силы, на экономическія условія. Такимъ образомъ мы получаемъ тонкую сѣть различныхъ зависимостей, связей, воздѣйствій и взаимодѣйствій тѣхъ и другихъ факторовъ. Хотя искусство, наука, литература, религія, нравы, законы и т. д. развиваются подъ вліяніемъ экономическихъ условій данной страны, необходимо считаться съ историческимъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ на соціальное развитіе".

Оставляя пока практическій выводъ изъ этихъ уступокъ марксизма, мы остановимся на томъ minimum'ѣ, который онъ хочетъ удержать. Именно на мысли, будто въ концѣ концовъ первичныя причины явленія даны въ экономикѣ.

Въ сущности onus probandi лежитъ здѣсь на марксизмѣ и едва ли онъ подниметъ это бремя. Но мы на себя беремъ „onus"—доказать, что отыскивать даже „исходы" явленій въ экономикѣ не всегда легко.

Предположимъ, что мы имѣемъ передъ собой какое нибудь очень сложное явленіе. Допустимъ, передъ нами Коперникъ—изучающій законы движенія небесныхъ тѣлъ, система Платона о Логосѣ и мірѣ идей и т. д. Христіанская догма троичности.

Едва ли будетъ легко свести къ интересамъ желудка эти идеи, а если даже это будетъ сдѣлано черезъ посред-

ство тысячи *вторичныхъ факторовъ*, то не въ правѣ мы сказать: между фактомъ и *первичными* причинами уже нѣтъ никакого уловимаго соотношенія и это отыскиваніе первыхъ причинъ—праздно, вторичныя не однородны съ первичными по самой своей природѣ.

Приведу два примѣра: у Франциска Ассизскаго были, такъ называемые, стигматы, т. е.—образовывались на рукахъ, ногахъ и челѣ раны, вызванныя идеей страданія Спасителя.

Основаніе факта (извѣстнаго медицинѣ) въ особой нервной конструкціи лица съ одной стороны и въ фактѣ Голгофы—съ другой. Пусть происхожденіе христіанства будетъ объяснено изъ экономическихъ причинъ, и характеръ Франциска то же,—что же дастъ это объясненіе... „*Данное*“ явленіе не объясняется, не только изъ экономическихъ причинъ даннаго историческаго момента, но не объясняется даже изъ обстоятельствъ и атмосферы „столѣтія“.

Первичная причина—Голгофа—отдѣленная отъ факта двумя тысячами лѣтъ назадъ, есть *причина идейная*, и она оказывается дѣйствующей—даже физически. А потомъ, измѣрьте силу дѣйствія самого новорожденнаго факта на воображеніе и волю толпы.

Другой примѣръ. Метеорологическія особенности года (природа, какъ экономическая сила)—создаютъ голодъ. На почвѣ голода—нервная раздраженность толпы. Она въ тревогѣ—ждетъ—куда броситься, что изломать.

И вотъ на этой аренѣ—выступаютъ двое—созданные сложными комбинаціями психическихъ вліяній—религіозный агитаторъ, проповѣдующій „крестовый походъ“, и анархистъ революціонеръ.

Кто побѣдитъ?—Тотъ, кто выступитъ первый, въ моментъ остраго накопленія тревоги, дастъ исходъ напряженности. Выводъ отсюда ясенъ. Даже тогда, когда всѣ элементы даны въ экономикѣ, направленіе событій можетъ опредѣляться—случайнымъ психологическимъ дѣятелемъ. Исторія можетъ использовать настроеніе въ двухъ направленіяхъ внѣшне радикально противоположныхъ... Такую огромную силу энергіи получила психика—при нервной т. с. осложненности культурнаго человѣка.

Мы хотимъ сказать этимъ, что ссылка на то, что пер-

вичныя причины явленій есть въ экономикѣ въ сущности „asyll-umn“ безпомощности, убѣжище отъ очевиднаго краха.

Одно изъ двухъ,—или марксизмъ долженъ былъ отстаивать, что каждое историческое явленіе стоитъ въ ближайшей связи съ экономикой момента,—или, разъ онъ допустилъ, что возможны явленія, рожденныя подъ вліяніемъ чисто идеологическаго фактора, (хотя бы этотъ факторъ и былъ въ отдаленной зависимости отъ экономики) онъ вступаетъ въ тяжбу съ идеалистическимъ объясненіемъ исторіи. Является уже вопросъ, кто *сильнѣе* вліяетъ на ходъ исторіи,—идеи, накопившіяся за вѣка, или желудокъ—настоящаго поколѣнія. А можетъ быть сила идеи иногда оказывается энергичнѣе желудка. Если воля отдѣльнаго человѣка, напр. гипнозъ, можетъ останавливать на время самый ходъ физической жизни (посты факировъ, погашеніе голода внушеніемъ), то не будетъ ли абсурдомъ утверждать, что вѣковыя идеи—*не въ силахъ парализовать и останавливать дѣйствіе экономическихъ факторовъ?*

Идея есть вспышка, откровеніе исключительной организаціи: положимъ даже, что она родится изъ матеріаловъ экономической жизни, войдя въ жизнь, она все же есть новая сила.

Допустимъ, что идея совѣсти, возмездія создана изъ экономическихъ предпосылокъ и есть пріобрѣтенная „ложь“. Развѣ отъ этого была бы меньше ея реальная сила?

Сознаніе опредѣляетъ форму бытія, какъ бытіе опредѣляетъ формы сознанія и, суммируя перемѣны, которыя можетъ внести въ жизнь одна идея, мы, можетъ быть, найдемъ, что ея вліяніе чисто идеологическое крупнѣе цѣлой аграрной реформы.

Лондонскіе туманы создала литература, говоритъ Уальдъ, и этотъ парадоксъ близокъ къ истинѣ... Все появившееся въ мірѣ, всякая ложь, всякая мечта—становятся правдой и реальной силой. Пусть борьба аграріевъ съ соціалъ-демократіей, война съ Франціей, въ Германіи создала Ницше. Ницше, можетъ быть, создастъ борьбу міровъ.

Какой смыслъ доискиваться, гдѣ конечныя отдаленныя причины, если данное крупное міровое явленіе создано настолько далекимъ отъ первичной причины импульсомъ,

что эту первичную причину приходится отыскивать съ усиленными потугами.

Въ крайнемъ случаѣ экономика даетъ канву, а узоры принадлежатъ всей сложности человѣческой природы. Но не серьезнѣе ли иногда узоры, чѣмъ канва.

И главное здѣсь уже отмѣченный фактъ: времена мѣняются; развѣ нельзя утверждать, что сила и цѣнность идеалогіи въ исторіи прогрессируетъ. Въ то время, какъ при несложности человѣка прошлаго и его духовной конструкціи, экономика могла опредѣлять многое, почти все,— теперь идеологія сильный соперникъ желудка—именно потому, что импульсы, дѣйствующіе на душу, разнообразнѣе.

Но теперь къ вопросу о христіанствѣ въ отношеніи къ марксизму.

Сначала о происхожденіи христіанства. Марксизмъ смѣло заявляетъ, что для него вполнѣ ясны экономическія причины рожденія христіанства: „Христіанство, какъ религія массъ, пишетъ Петерсъ, вызвано къ бытію непосредственно экономическими условіями того времени. Послѣднимъ и рѣшительнымъ основаніемъ его возникновенія былъ общепринятый въ то время въ римскомъ государствѣ способъ производства работъ чрезъ рабовъ и находившееся въ тѣсной связи съ этимъ сильное размноженіе пролетаріата, обостреніе соціальныхъ противоположностей (господа и рабы), исчезновеніе среднихъ слоевъ населенія“.

А аргументы?

Ихъ предлагаетъ намъ Каутскій. Двѣ идеи между прочимъ составляютъ сущность христіанства: идея благотворительности и равенства. Откуда родилась первая? Очень просто.

„При императорахъ, говоритъ Каутскій, пролетаріатъ потерялъ свою прежнюю политическую силу и вліяніе. Для честолюбцевъ уже не было разсчета покупать его благорасположеніе празднествами и зрѣлищами. Если послѣднія и были сохранены, то они приняли совсѣмъ иной характеръ. Вынужденная концессія стала добровольнымъ подаяніемъ, добровольнымъ постольку, поскольку это не было вынуждено силою обстоятельствъ. Такимъ образомъ возникаетъ благотворительность“.

Удовлетворительная система доказательствъ. Съ перваго взгляда уже видно, что здѣсь подаяніе, какъ и прежде,

остается вынужденнымъ, ибо „сила обстоятельствъ“ здѣсь означаетъ не что иное, какъ страхъ революціи со стороны голодныхъ и скучающихъ массъ. Но какое отношеніе имѣетъ эта благотворительность къ христіанству. Если бы Каутскій объяснялъ происхожденіе буржуазной благотворительности нашего времени—его аргументы имѣли бы смыслъ. Но какая связь между вынужденной благотворительностью Рима и заповѣдью Христа: „если у тебя просятъ верхнюю одежду, отдай и нижнюю...“ или жизнью первыхъ христіанъ, которые „имѣли все общее?...“ (Дѣян. IV).

А идея равенства? Ее создалъ Каракала. Ему нужны были деньги—и что бы получить ихъ онъ уравнялъ своихъ подданныхъ, не имѣвшихъ правъ гражданства съ остальными. И такъ не стало—ни „эллина, ни римлянина, ни свободнаго, ни несвободнаго“. Родилась христіанская идея—равенства.

Можно бы подумать, что Каутскій просто смѣется надъ читателемъ, но нѣтъ. Онъ говоритъ всерьезъ.

Не говоря уже о томъ, что равенство передъ императоромъ едва ли похоже на христіанское равенство, Каутскій намѣренно или не намѣренно забылъ, что Каракала жилъ въ III вѣкѣ, а ученіе о томъ, что во Христѣ нѣтъ эллина и Іуды, раба и свободнаго, дано въ посланіи апостола Павла (Гал. III, 28), подлинность котораго никѣмъ не оспаривается.

Но оригинальнѣе всего то, что Каутскій, исчерпавъ свои аргументы, выражаетъ такую жалобу: „Жаль, однако, что Бауръ не рѣшилъ окончательно вопроса, жилъ ли Христосъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ довольно таки важный? Рѣшать вопросъ о экономическихъ причинахъ возникновенія христіанства, объяснять его рожденіе изъ обстоятельствъ вѣкъ и совсѣмъ вычеркнуть фактъ, что въ его происхожденіи имѣлъ значеніе и *нѣкто*, котораго *называютъ Іисусомъ Христомъ* и который жилъ *не въ Римѣ*.

Но, кромѣ того, независимо отъ происхожденія христіанства, фактъ тотъ, что оно есть.

Мы видѣли, что, по Каутскому, христіанство,—созданіе пролетаріата, правда lumpen-пролетаріата.

По Петерсу, основаніе рожденія христіанства,—размноженіе пролетаріата, обостреніе соціальныхъ противоположностей господа и рабы, исчезновеніе среднихъ словъ населенія.

Такимъ образомъ, здѣсь условія прошлаго почти тожественны съ условіями будущаго.

Но слѣдовательно въ будущемъ можетъ получить большую силу идеологія, близкая къ христіанской. Отчего не ждать, что тогда должна пріобрѣсти силу идея чисто христіанская, теперь временно затѣсненная буржуазными поддѣлками христіанства.

Авторъ этихъ строкъ вовсе не сторонникъ марксистскаго толкованія христіанства, еще менѣе, сторонникъ служебной роли христіанства. Онъ только становится на точку зрѣнія соціалъ-демократіи и утверждаетъ, что послѣ того относительнаго краха ея матефизики, который признанъ и Каутскимъ и Энгельсомъ, она напрасно надѣется отдѣлаться отъ христіанской идеологіи и нынѣ едва ли не вынуждена будетъ признать ее и своимъ вождемъ.

Въ сущности слова Каутскаго, приведенныя нами въ началѣ, есть предчувствіе этого будущаго.

* * *

Но еще нѣсколько словъ о Христѣ и идеѣ Богочеловѣчества. Каутскій, какъ мы видѣли, просто забылъ о личности Христа, когда говорилъ о происхожденіи христіанства.

Теперь въ книгѣ „Соціалъ-демократія и католическая церковь“, онъ отзывается принципіально—отрицательно о личности Христа, создавшей христіанство. Насколько убѣдительно это отрицаніе?

Его точка зрѣнія—общая для экономическаго матеріализма точка зрѣнія отрицанія „личности“.

„Въ системѣ соціализма“, замѣчаетъ С. Н. Булгаковъ, „понятіе о личности, строго говоря, совершенно отсутствуетъ, сводится лишь къ чисто формальному единству я“.—Личность здѣсь является всецѣло *продуктомъ* историческаго развитія, измѣняющимся вмѣстѣ съ экономическими условіями быта. Какъ такая, личность, по системѣ соціалъ-демократовъ, разумѣется, не можетъ имѣть никакого значенія *въ своей обособленности*. Всѣмъ лучшимъ, чѣмъ она обладаетъ, она обязана соціальной жизни.

„Думать, что та или другая личность бываетъ причиной историческихъ событій,—значитъ обнаруживать дѣтское пониманіе“ говоритъ Ферри.

Мы привыкли многое въ жизни приписывать „великимъ людямъ“. Это, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, пережитокъ въ насъ „миѳологическаго мышленія“. Такъ называемыхъ „великихъ людей“ въ жизни нѣтъ. Есть лишь миѳы о нихъ. Поэтому „научная исторія, говоритъ Либкнехтъ, должна способствовать исчезновенію изъ нашего сознанія „благодѣтелей героевъ“. Своей культурою, своимъ историческимъ развитіемъ мы обязаны не имъ, а „коллективной работѣ“ милліоновъ обыкновенныхъ людей. Эти люди своимъ кропотливымъ трудомъ, своей настойчивостью создали благопріятную почву для современной жизни,—какъ маленькіе муравьи натаскиваютъ кучи мусора для своихъ гнѣздъ. (У Боголюбова). Отсюда и Христосъ не создалъ теченія, а созданъ теченіемъ, а теперь роль его окончена.

Личность—равнодѣйствующая окружающихъ условій и только...

Такъ ли? Мы полагаемъ, что исторія переживаетъ моментъ возвращенія къ идеѣ личности въ исторіи. Идея личности временно отвергнутая марксизмомъ, снова возвышается на прежнюю свою высоту и недалеко время—когда *она* будетъ признана Творцомъ жизни.

„Дѣтски наивное пониманіе вещей“ обнаруживаетъ именно Ферри. Немудрено было додуматься, что личность есть *созданіе среды*,—это идея уже слишкомъ простая и ограниченная, но можно ли остановиться на этомъ тезисѣ?

Личность есть равнодѣйствующая условій—конечно, но условій, не поддающихся точному учету; условій, соединеніе *которыхъ есть „новый фактъ“*, а результатъ (т. е. именно данная личность)—*новый факторъ*. Если идея можетъ въ извѣстный моментъ становиться чудодѣйственной силой, то очевидно, что въ этомъ моментѣ *строитъ исторію носитель идеи—личность*.

Праздно было бы доказывать, что идея и личность не вполнѣ созданіе среды—комплексъ и произведеніе воздуха, пищи, души родителей, идейной атмосферы вѣка... Хотя мы считаемъ свободную волю человѣка „чудомъ“, не выводимой изъ законовъ причинности, и думаемъ, что въ каждой личности дана *сила творчества изъ ничего*, но не станемъ спорить и согласимся, что человѣкъ цѣликомъ создается условіями, средой. Что же изъ этого слѣдуетъ?

Пусть личность есть—сумма и произведеніе предыдущихъ условій, но условія эти настолько сложны и въ нихъ дано такъ много не обусловленнаго исторической необходимостью, что рожденіе творящей исторію личности всетаки *чудо и случайность.*

А (пусть это Наполеонъ, Христосъ и т. д.) данъ въ отцѣ и матери, В. и С., но встрѣча данныхъ отца и матери, В. и С., развѣ историческая необходимость? Пусть и она сама (встрѣча) обусловлена извѣстными причинами, но въ отношеніи къ третьему факту—рожденію А это всеже случайность... Комбинацію двухъ—дала случайность, а изъ нея—родился великанъ—смогшій идеи вѣка сконцентрировать въ движущую исторію идею—силу. Но если бы элементы В. не вступили въ соотношеніе съ элементами С. не было бы и А слѣд. не было бы крупнаго движенія. Скажутъ: исторія, время—выдвинула, нашла своего А... Правдоподобно, но нетвердо... Извѣстно напр., что Христа далъ не Римъ—на экономической почвѣ котораго будто бы родилось христіанство, а Іудея, для которой эта личность оказалась *нечуждой.*

Представимъ себѣ примѣръ проще... А,—въ рукахъ котораго временно судьбы міра—напр. Наполеонъ передъ Седаномъ—гибнетъ отъ нелѣпой причины (камень съ строющагося зданія) [1]). Никто не скажетъ, что эта смерть, внося панику въ армію — опредѣляя такъ или иначе — исходъ сраженія, не могла на сто лѣтъ — измѣнить физіономію исторіи... Но развѣ камень—историческая необходимость? Это, можетъ быть, необходимость механическая — но въ исторіи это только случай, а результатъ его, иногда, для однихъ революція—для другихъ *Бисмаркъ.*

Точно такимъ же „камнемъ“ можетъ вдвинуться въ исторію личность—она рождается не чудомъ, какъ и паденіе камня, но естественно родясь изъ сочетанія случайныхъ условій, она вдвигается въ исторію, какъ новая, неожиданная сила и вдвигается часто грандіознымъ „камнемъ“, разрущающимъ цѣлыя царства.

Рождается великій сынъ случайностей и великая историческая личность, сконцентрировавшая въ себѣ всю силу

---

[1]) Конечно фактъ выдуманъ.

вѣка, ставшая олицетворенной идеей силой. Это—не средній выводъ изъ общаго средняго настроенія вѣка, а чрезвычайная комбинація — случайно встрѣтившихся великихъ теченій—объединеніе того, что стояло выше средины.

А родившись, по общему закону, *великій человѣкъ есть—факторъ и уже не умирающій факторъ* исторіи. Онъ будетъ жить.

Сконцентрированная въ немъ идея входитъ, какъ закваска, во всю дальнѣйшую исторію.

Взглянемъ съ этой point de voir на христіанство. Ясно, что съ этой точки зрѣнія идея Богочеловѣка, личности, спасающей міръ, *вовсе же абсурдъ*.

Мы считаемъ Христа Богомъ, т. е. „даромъ неба“ — но если бы марксизмъ не захотѣлъ принять его Божественности въ абсолютномъ, нашемъ смыслѣ, онъ не только можетъ—долженъ бы былъ признать Его Богомъ, *родившимся развивавшимся на землѣ*—Личностью способной своей силой поднять человѣчество.

Пусть когда то 2000 лѣтъ назадъ изъ элементовъ, настоящаго родилась черезъ идейный экстазъ одного идея будущаго, новая система построенія міра — Божественное Слово, творческая мысль...

Историческій матеріализмъ, отступившій отъ выводовъ чистаго экономизма уже ничего не можетъ сказать противъ Идеи Христа-Бога—противъ миѳа... Но вѣдь идея, мысль вовсе не ложь не что нибудь не существующее или полусуществующее, а живая и реальная сила. Что существуетъ въ мысли, то существуетъ въ дѣйствительности.

Наивно міровоззрѣніе будетъ, что даже уничтоживши Христа Бога, какъ историческую личность, уничтожаютъ дѣйствительно Христа, какъ факторъ исторіи.

Наивно думать,—повторимъ старое,—будто доказавъ—„несуществованіе Христа“ и обнаруживъ экономическую основу христіанства (доказавъ и обнаруживъ съ *сомнительной* убѣдительностью)—вычеркиваютъ изъ исторіи будущаго христіанство.

Если не было Христа, то придется признать существованіе огромнѣйшей мысли, которая своей внутренней нужностью правитъ міромъ, даже смогла „выдумать“ себѣ тѣло, обликъ, воплотиться.

„Кто далъ человѣку губку, стереть краску съ горизонта“. Даже Христосъ, мечта, есть реальнѣйшая творческая истина, даже если бы Онъ созданъ былъ пророческимъ подъемомъ эпохи, онъ уже существуетъ въ исторіи, какъ Богъ. А то что есть, уже никогда не уничтожается—и будущей соціалъ-демократіи придется еще, очевидно, посчитаться съ христіанствомъ.

Огромная сила его, какъ фактора, очевидна.

Но долженъ ли этотъ *не начавшійся счетъ* быть обязательно враждебнымъ? Можетъ ли соціализмъ Маркса утверждать, что будущее развитіе ихъ системъ приведетъ къ устраненію христіанства? Нѣтъ ли, наоборотъ, основанія думать, что идеологія марксизма отпадаетъ отъ практической системы и соціализмъ уйдетъ въ другую идеологію, болѣе широкую и разностороннюю?

Но куда? Въ христіанство? Конечно.

Только мѣщанскіе элементы въ марксизмѣ, уже отпадающіе, почти отмѣненные въ самой теоріи, враждебны идеѣ Христіанства.

Будущее поколѣніе соціалъ-демократіи, если человѣчество не идетъ къ отупѣнію, побѣжденное жизненностью идеи—силы, приметъ христіанство, хотя, можетъ быть, это будетъ въ началѣ скопческое христіанство Ричля.

* * *

А теперь остается соціалъ-демократія, какъ программа. Не мѣшаютъ ли соціалъ-демократической *партіи* идеалы христіанства?

Соціалъ-демократы увѣрены, что—да, и здѣсь можетъ и есть главный мотивъ вражды.

Основательны ли, однако, эти опасенія?

Мы, къ сожалѣнію, должны сказать *нѣтъ*. *Къ сожалѣнію*, съ нашей христіанской точки зрѣнія.

Не смотря на то, что desiderata соціализма и христіанства близки, ихъ стремленіе стереть насиліе, рабство, неравенство,—ихъ протестъ противъ беззаконія собственности однородны и въ обоихъ міровоззрѣніяхъ внѣшне много общаго—*средства ихъ не одинаковы*.

Христіанство въ чистомъ видѣ никогда не приметъ борьбы, насилія.

Можно сколько угодно доказывать и убѣдительно „неантиморальность“ соціалъ-демократической борьбы, въ ней всегда будетъ чувствоваться измѣна христіанскому принципу, что то до-христіанское, спускъ—въ ту же преступную плоскость рабства, къ идеѣ собственности и идеѣ хлѣба [1]). *Будетъ чувствоваться,* на сколько самый соціалистическій идеалъ узокъ и мелокъ и борьба, связанная съ нимъ,—эгоистична.

Но здѣсь дѣло идетъ о христіанствѣ, о церкви—о внутреннемъ святое святыхъ христіанства.

Иное дѣло христіане люди. Они могутъ быть—и всегда есть далеко ниже христіанства. Соціалистическій идеалъ—для многихъ—не подошедшихъ еще къ сложному идеалу христіанской соціологіи—есть искренно крупнѣйшій—и неэгоистическій идеалъ, это для нихъ, ихъ *роста*—истинно моральный идеалъ.

И онъ можетъ въ ихъ сознаніи быть связанъ съ Евангеліемъ, Христомъ.

Что же... Для извѣстнаго субъективнаго состоянія совѣсти уменьшеніе христіанства путемъ совмѣщенія активной борьбы съ христіанствомъ, можетъ быть даже неизбѣжно и непреступно.

Мы утверждаемъ, что человѣкъ, который сегодня пошелъ на открытое противленіе, даже безжалостный протестъ часто долженъ считаться святѣе *сегодня*, чѣмъ *вчера*. Вчера онъ былъ ни холоденъ, ни гордъ, сегодня онъ избираетъ путь, осужденный христіанствомъ, но путь этотъ—подъемъ для его личной совѣсти. Онъ сталъ преступникомъ предъ закономъ Евангелія—и святѣе предъ законодателемъ Христомъ и своею совѣстью.

Отсюда—выводъ... Христіанинъ—поскольку онъ на пути ко Христу—можетъ идти къ нему и черезъ с.-демократію, въ смыслѣ практическомъ, отрицая только метафизику партіи, ея мѣщанство и „кровавую тактику“ и конечно постепенно творя въ своей душѣ христіанина „въ силѣ его“, который главной цѣлью своей ставитъ—не хлѣбъ, а творчество человѣка—великаго „истиннаго человѣка будущаго“—не моргающаго какъ „Земляная блоха“ Ницше.

---

[1]) Объ этомъ—чит. въ № 1 и 3 „Свободы и Христ.“.

Преступленіемъ будетъ, если *христіанство* само пойдетъ на встрѣчу теченію и самую истину убьетъ въ угоду времени (какъ оно убавило ее, проповѣдуя святость войны, законность присяги, смертную казнь и пр.) если оно станетъ оправдывать не субъективную, а объективную законность *борьбы насиліемъ*,—какъ это уже и дѣлается иногда; но этого, надѣемся, не будетъ.

Соціалъ-демократія можетъ принять христіанство въ союзъ, и даже болѣе, чѣмъ въ союзъ.

* * *

Но теперь вторая половина слегка намѣченная въ послѣднихъ строкахъ. Какъ можетъ относиться *христіанство къ* соціалъ-демократіи? Есть статья Д. М. Боголюбова на тему, тожественную съ нашей.

Это—походъ противъ соціализма, съ точки зрѣнія христіанства. Здѣсь, въ сущности, подчеркнуты и аргументированы рыночной литературой, на которую конечно и необходимо въ данномъ случаѣ ссылаться, мысли Достоевскаго о соціалъ-демократическомъ идеалѣ.

Соціализмъ—атеистиченъ.

Соціализмъ—враждебенъ христіанству.

Соціализмъ—отрицаетъ психическіе элементы цивилизаціи.

Все это вѣрно, но, какъ мы видимъ, вѣрно только въ приложеніи къ „факту“, а не сущности соціализма.

Всѣ указанные элементы соціализма, прибавки къ идеологической постройкѣ, еле примкнутыя къ ней, которыя легко и свободно отпадутъ.

Но останется въ соціализмѣ одинъ догматъ, съ которымъ онъ и впредь поведетъ свое шествіе впередъ.

Этотъ догматъ—ненависть къ „великому“ къ личности.

Отрицаніе личности родилось изъ той-же ненависти къ обманувшему христіанству, которое создало культъ личности, но даже тогда, когда это отрицаніе отпадетъ, ненависть къ догмѣ о личности и ея безконечной цѣнѣ—останется; даже и не ненависть, а просто холодное желаніе ее уничтожить.

„Главнымъ препятствіемъ къ соціалистическому устроенію людей на началахъ выгоды и матеріальныхъ благъ

является свобода человѣка. Устраивая общество на началахъ раціональныхъ, соціализмъ по неволѣ смотритъ на людей, какъ на своего рода матеріалъ, изъ котораго построяется общественный организмъ по законамъ техники, которые диктуются наукой на основаніи математической выкладки. Соціализмъ, провозглашая декларацію правъ человѣка предъ обществомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашаетъ полную декларацію безправія предъ экономикой.

„Наука научитъ человѣка, что ни воли, ни каприза на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика, и что сверхъ того на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно, эти законы стоитъ только открыть и ужъ за поступки свои человѣкъ не отвѣчаетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ разсчитаны тогда по этимъ законамъ, математически въ родѣ таблицы логариѳмовъ, до 108,000 и записано въ календарь. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда прилетитъ птица Каганъ“. (Достоевскій).

Будущій строй соціализма обѣщаетъ быть ультра-буржуазнымъ и прѣснымъ, скрытно-рабовладѣльческимъ.

Фаланстера, коммуна, индустріальное государство.

„Въ этомъ соціалистическомъ устройствѣ не будетъ не производительныхъ элементовъ, всѣ будутъ работать; будетъ провозглашенъ принципъ: „отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности—по ея дѣламъ“. Работу каждый членъ будетъ избирать по склонности. Крупное производство будетъ господствующимъ, мелкое же уничтожится. Выгода одного лица совпадаетъ съ выгодой другого. Наступитъ полное единеніе между людьми. Сознаніе пользы, приносимой всѣми каждому и каждымъ всѣмъ, наконецъ, взаимная признательность за помощь, какую въ разныхъ случаяхъ умѣлый оказываетъ неумѣлому (опять таки руководствуясь собственной выгодой), слабый сильному, талантливый неспособному—всѣ эти черты согласія и гармоніи само собою должны исключить всякое противорѣчіе интересовъ, всякое обогащеніе одного работника на счетъ дру-

гого, сдѣлать невозможнымъ это великое бѣдствіе современнаго намъ капиталистическаго режима".

Тогда устроится счастье всего человѣчества, счастье соціалистическое, счастье чисто матеріальнаго характера. „Всѣ будутъ жить, говоритъ Фурье, въ роскошныхъ дворцахъ, будутъ кушать избранныя блюда по пяти въ день и пить при этомъ самыя тонкія вина; въ промежутки между ѣдой для забавы немного поработаютъ. При такомъ образѣ жизни люди будутъ въ семь футовъ вышины и въ среднемъ будутъ жить по сто сорокъ лѣтъ. Люди будутъ жирны и, слѣдовательно, не такъ плодовиты, чѣмъ предотвращается перенаселеніе... Вмѣсто безотрадной, пожирающей человѣка философіи создастся другая, расточающая наслажденія, наука, называемая у Фурье, гастрософіей, т. е. искусствомъ ѣсть... Совершится притяженіе между сѣвернымъ и южнымъ полюсомъ,—тогда въ тропическихъ климатахъ температура будетъ мягкой, прохладной, а у сѣвернаго полюса появится сѣверное сіяніе и растопитъ всѣ ледяныя горы".

Все это почти вѣрно, хотя конечно Фурье „сказочникъ соціализма".

Будетъ такъ—но... человѣкъ сотрется въ этой машинѣ. Но скучно, скучно.

Прочитайте Беллями: романъ даетъ впечатлѣніе огромной, непереносимой скуки.

Въ книгѣ „Проклятые вопросы" мы обращаемся къ сторонникамъ безрелигіознаго соціализма съ такою рѣчью:

„Пусть—говорили мы—ваши мечты исполнятся. Что создадите вы? Счастье? Какое?

Счастье общей сытости. Допускаю такое счастье, но разсмотримъ его элементы?

Съ точки зрѣнія вашей, все, что создано общественнымъ геніемъ человѣчества,—религія, искусство суть произведенія, созданныя *экономическимъ факторомъ?* Правда. Но тогда съ наступленіемъ вашего счастья дѣятельность экономики—борьба за жизнь прекращается и слѣдовательно что же?—отпадаетъ религія, искусства, все умираетъ.

Умретъ музыка, потому что музыка есть тоска, мука желаній, ропотъ сближенныхъ душъ. Умретъ живопись, потому что, что она будетъ изображать? Душу, ея жизнь? Но вѣдь самый терминъ „душа" будетъ казаться пред-

разсудкомъ въ царствѣ вашей гармоніи. Человѣкъ тамъ сожмется въ одинъ точный мозгъ безъ мечты, безъ творчества.

Умретъ любовь, потому что любовь, есть форма отравленія, созданная борьбой экономической, которой не будетъ.

Осталась бы тогда именно одна гастрософія Фурье и болѣе ничего.

Гастрософія, искусство ѣсть, вотъ наше будущее.

И появились бы—мечтали мы—пророки, которые крикнули бы:

„Люди—братья... Опомнитесь. Неужели вы продадите свою душу, способную „творить міръ“, способную доходить до „послѣднихъ неба“ на счастье „торжествующей обезьяны“... Опомнитесь, вы должны быть богатыми и вмѣсто этого укорачиваете свою душу до того, что обезьяна передъ вами сверхчеловѣкъ“.

Отъ этихъ мыслей мы не отказываемся и теперь, только менѣе надѣемся на появленіе пророковъ.

Да, все потускнѣетъ и упадетъ. Талантливыхъ людей уберутъ изъ жизни, потому они будутъ дразнить людей своей красочностью, какъ яркое пятно на сѣромъ фонѣ.

Общее воспитаніе, буржуазность и мѣщанство вкусовъ толпы, которая стала законодателемъ, убьетъ все живое.

Появятся красивыя общественныя зданія, но ихъ красота будетъ не выше вкусовъ толпы.

Люди станутъ все меньше и меньше.

„Смотрите,—говоритъ Заратустра:—я покажу вамъ послѣдняго человѣка. „Что такое любовь? Что такое творчество? Тоска? Что такое звѣзда“? Такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ при этомъ.

Малою стала земля, а по ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который все умѣетъ умаливать. Его родъ неистребимъ, подобно земляной блохѣ; послѣдній человѣкъ—всѣхъ самый изъ долговѣчный.

„Счастіе найдено нами“, говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ.

Счастье по необходимости, *по вкусу*, въ общихъ формахъ ненужность „генія“—преступность порыва, все это—должно убить человѣка „его *свое* лице“.

Необходимость такого будущаго въ соціалистическомъ государствѣ между прочимъ и создала ненависть Достоевскаго къ безрелигіозному соціализму.

Въ „Идіотѣ“ нѣкій Лебедевъ, который „въ толкованіи Апокалипсиса силенъ и толкуетъ его пятнадцатый годъ“, не безъ сочувствія автора разсуждаетъ о замутненіи „источниковъ жизни“ направленіемъ современной цивилизаціи съ ея техническимъ прогрессомъ, стремленіемъ къ „всеобщему счастью“ и развитіемъ желѣзныхъ дорогъ... Собственно однѣ желѣзныя дороги не замутятъ источниковъ жизни, а все это въ цѣломъ-съ проклято, все это настроеніе нашихъ послѣднихъ вѣковъ, въ его общемъ цѣломъ научномъ и практическомъ, можетъ быть, и дѣйствительно проклято-съ“. Источники жизни ослабѣли не съ усиленіемъ желѣзныхъ дорогъ, какъ легкомысленно хотятъ понимать Лебедева его слушатели, а всего того направленія, которому желѣзныя дороги могутъ послужить, такъ сказать, картиной, выраженіемъ художественнымъ. Спѣшатъ, гремятъ, стучатъ и торопятся для счастія, говорятъ, человѣчества. „Слишкомъ шумно и промышленно становится въ человѣчествѣ, мало спокойствія духовнаго“, жалуется одинъ удалившійся мыслитель.

„Пусть, но стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ голодному человѣчеству, можетъ быть, лучше спокойствія духовнаго“, отвѣчаетъ ему побѣдительно другой разъѣзжающій повсемѣстно мыслитель, и уходитъ отъ него съ тщеславіемъ. Не вѣрю я, гнусный Лебедевъ, телѣгамъ, подвозящимъ хлѣбъ человѣчеству. Ибо телѣги, подвозящія хлѣбъ всему человѣчеству, безъ нравственнаго основанія поступку, могутъ прехладнокровно исключить изъ наслажденія подвозимымъ значительную часть человѣчества, что уже и было“.

Въ экспансивныхъ рѣчахъ Лебедева, любителя Апокалипсиса, „телѣги, подвозящія хлѣбъ человѣчеству“, очевидно, символизируютъ „всеобщее счастье“ и „всеобщее благоденствіе“ въ „соціалистическомъ Іерусалимѣ“, или въ буржуазной гармоніи лицемѣрно выставляющей тоже знамя всеобщаго благоденствія“. Веселая, подвыпившая ватага слушателей не схватываетъ въ безсвязныхъ разглагольствованіяхъ Лебедева основной мысли автора, которую Достоевскій, несомнѣнно, вложилъ въ нихъ. „Я васъ всѣхъ вы-

зываю теперь, всѣхъ атеистовъ: чѣмъ вы спасете міръ и нормальную дорогу ему въ чемъ отыскали,—вы, люди науки, промышленности, ассоціацій, платы заработной и прочаго? Чѣмъ? Кредитомъ? Къ чему приведетъ вашъ кредитъ?

—„Да хоть къ всеобщей солидарности и равновѣсію интересовъ приведетъ“,—замѣтилъ Птицынъ.

—„И только, и только. Не принимая никакого нравственнаго основанія, кромѣ удовлетворенія личнаго эгоизма и матеріальной необходимости? Всеобщій міръ, всеобщее счастье—*изъ необходимости*“. (см. Великій Ст. въ Мірѣ Бож. 1905 г.).

Для Достоевскаго это „счастье“ изъ необходимости, то же, что смертная казнь, остановка процесса свободнаго творческаго движенія.

И въ его оцѣнкѣ безрелигіознаго соціализма много правды.

Въ самомъ дѣлѣ, что тогда остается человѣку, когда у него окажется свое „стойло“ и свой „хлѣбъ“, мѣра счастія, вымѣренная и взвѣшенная въ лабораторіи врача-психолога (не психіатра).

Говорятъ, что тогда свободный духъ создастъ яркія произведенія. Этотъ абсурдъ утверждалъ даже великій Вагнеръ. Но откуда возьмутся эти произведенія, когда жизнь будетъ убита, воздухъ выкачанъ, всякое движеніе будетъ отвергнуто, сама *идея творчества*. Служить желудку не нужно, а ничего кромѣ желудка не остается. Не будетъ элементовъ для пониманія творчества и это отсутствіе пониманія убьетъ и творцевъ, если они останутся, по закону атавизма, *воспоминанія что-ли*.

На одномъ рефератѣ въ частномъ собраніи съ смѣшной серьезностію доказывали, что соціализмъ обобществляетъ только средства производства—но не мѣшаетъ свободно пользоваться продуктами потребленія... „Кто хочешь—ѣшь черный хлѣбъ, кто хочешь рябчиковъ“. Авторъ не чувствовалъ, что онъ, увы, издѣвается надъ собой. Правда—свобода ѣсть хлѣбъ или рябчиковъ—останется, можетъ быть, (хотя и это не вполнѣ *твердо*)... Но въ томъ и дѣло,—что только въ сей области и возможно будетъ творчество...

Не даромъ говоритъ Бебель, что въ будущемъ религіей и философіей будутъ заниматься „слабенькіе бабенки да

хилые полумущины". Это мѣщански самодовольное пророчество о фактѣ.

Все будетъ стерто—даже галстухи будутъ съ одинаковыми крапинками, какъ предсказываетъ другой *соціалистъ Ферри*.

Гдѣ же средство спасенія? Въ исповѣданіи личности, въ культѣ личности и человѣка.

Все, что пріобрѣтено человѣкомъ велико и свято, человѣкъ растетъ и увеличивается. Ряды откровеній дали ему двойное зрѣніе, прикосновеніе мірамъ инымъ—идею вѣчности, безсмертія, музыку.

Всѣ эти богатства нужно беречь, даже быстро и торопливо нарощать въ виду приближающагося царства толпы.

Нужно накоплять большія идеи въ направленіи культа личности.

Человѣкъ, есть то, что онъ долженъ перейти. И вотъ нужно создать не мѣщанъ, которые могли бы бороться съ будущими волнами мѣщанства.

* * *

Соціализмъ правъ и долженъ быть принятъ въ своей „народолюбческой" программѣ—въ его борьбѣ противъ нищеты—порабощенія капиталомъ труда, противъ отупляющей работы, противъ преступнаго труда беременныхъ женщинъ и 10-ти-лѣтнихъ дѣтей, противъ фабрикъ свинцовыхъ бѣлилъ—„убивающихъ дѣтей въ утробахъ матерей" и пр. и пр.

Христіанинъ долженъ помнить, что нищета и рабскій трудъ, какъ и всѣ виды рабства, разлагаетъ и уничтожаетъ. *И нищеты не должно быть.*

Если для свободнаго нищеты нѣтъ, то для массы она преступленіе, препятствіе къ истинной жизни духа и по этому матеріальное освобожденіе личности первое требованіе Христа.

„Въ Парижѣ насчитывается 30,000 семействъ, по 10, 12, и 15 человѣкъ въ каждомъ, которыя помѣщаются въ одной комнатѣ, и что въ Глазгоу 126,000 рабочихъ живутъ въ подобныхъ же условіяхъ? Во что могутъ превратиться въ такой постоянной тѣснотѣ здоровье, воспитаніе и нравственность всѣхъ этихъ несчастныхъ? Возможна ли семейная

жизнь при условіи принудительной работы на фабрикѣ для супруги и матери въ теченіе цѣлаго дня, а то и ночи? Есть ли тамъ очагъ, гдѣ нѣтъ женщины, и возможны ли семейныя добродѣтели тамъ, гдѣ нѣтъ очага? При такихъ условіяхъ, семейныя радости непремѣнно будутъ замѣнены кабацкими удовольствіями, а дѣти будутъ воспитываться на улицѣ, если не въ канавѣ. „Есть нѣкій minimum, на который каждый человѣкъ имѣетъ право: это возможность жить, спасая душу. Но я утверждаю, взвѣсивъ свои слова предъ лицомъ Бога, Который меня слышитъ, что въ современномъ обществѣ бываютъ такія положенія, когда это является невозможностью или по крайней мѣрѣ чудомъ".

Когда мужчины и женщины, созданные Богомъ, наши братья и сестры, могутъ останавливаться, благодаря нищетѣ, предъ лицомъ альтернативы: умереть или погибнуть, то очевидно, что такой порядокъ вещей вопіетъ, какъ кровь Авеля, съ земли къ Богу, обвиняя наше такъ называемое христіанское общество передъ вѣчнымъ Судіею.

Братоубійствъ—не должно быть.

Гай Маркетъ нужно уничтожить, но да не будетъ царства толпы.

Въ царство будущаго должна вступить рядомъ съ людьми средины—армія побѣдившихъ, накопившихъ въ себѣ истинную силу творчества, и въ новыхъ условіяхъ среди торжествующаго мѣщанства, они должны стать „дрожжами", закваской новаго міра, догматъ котораго „не хлѣбъ" и не желудочное счастье Фурье—а разрушеніе этого идеала среди сытыхъ—которые, достигнувъ своего идеала, проклянутъ „сытость".

Достоевскій думалъ, что будущее царство Божіе создастся изъ развитія христіанской любви, милости и т. д. любви (русскій соціализмъ).

Нѣтъ, соціалъ-демократія побѣдитъ и равенство создастся именно черезъ соціализмъ.

Но несчастіе ли это? Только *возможное* несчастіе.

Несчастіе, если въ царство будущаго не пройдетъ религіозная идея. Безъ христіанства будущее обѣщаетъ одно изъ двухъ: человѣчество можетъ нивеллироваться до того, что останется навсегда самодовольнымъ царствомъ земляныхъ блохъ, сузившись въ философію ѣды (по Фурье).

Это первое возможное.

Второе возможное, великій бунтъ противъ скуки будущаго.

Первое безнадежно, плоско,—второе страшно и темно.

Это сначала бунтъ скучающихъ.

Индивидуальный анархизмъ на почвѣ скуки.

„Конечно, люди сперва всѣ добившись своего „царства Божія“ (черезъ соціализмъ) пришли бы въ восторгъ. Люди обнимали бы другъ друга въ упоеніи, они бросились бы изучать открытія; они вдругъ почувствовали бы, такъ сказать, себя осыпаннымп счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайныя пространства въ десять разъ скорѣе, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ; извлекали бы изъ земли баснословные урожаи, можетъ быть, создали бы химіей организмы, и говядины хватило бы по три фун. на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты,—словомъ, ѣшь, пей и наслаждайся. Вотъ, закричали бы всѣ филантропы, теперь, когда человѣкъ обезпеченъ, вотъ теперь только онъ проявитъ себя. Нѣтъ уже болѣе матеріальныхъ лишеній, нѣтъ болѣе заѣдающей „среды“, бывшей причиною всѣхъ пороковъ, и теперь станетъ праведнымъ и прекраснымъ... И всѣ завопили бы, наконецъ, въ общемъ гимнѣ: „Кто подобенъ звѣрю сему? Хвала ему—онъ сводитъ намъ огонь съ небеси. Но врядъ-ли и на одно поколѣніе людей хватило бы этихъ восторговъ. Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто то у нихъ все кралъ разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины... И загнило бы человѣчество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за камни, обращенные въ хлѣбы“.

И тогда наступитъ то время—какое видитъ во снѣ Раскольниковъ. Ему грезилось въ болѣзни: „весь міръ осужденъ въ жертву какой то страшной, неслыханной и невидимой моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, избранныхъ. Появились какія то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей.

Люди, принявшіе ихъ на себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь и плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ. Люди убивали другъ друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало".

Это страшно, хотя лучше Бебелевскаго счастья.

Но есть третье: культура будущаго человѣка въ религіозномъ началѣ, который и положитъ въ будущемъ начало новому теченію исторіи, создастъ широкое и богатое царство Христово.

Мы пришли повидимому къ Достоевскому?

Да, повидимому.

Многое мы хотѣли бы принять у него, и завѣщать—какъ „Новый Завѣтъ" работникамъ жизни.

Прочтите его рѣчи по адресу самоувѣреннаго безрелигіознаго соціализма.

„Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому, что среда заѣла" — и ничего больше. Любимая фраза. Отсюда прямо, если общество устроить нормально, то разомъ и всѣ препятствія исчезнутъ, такъ какъ не для чего будетъ протестовать, и всѣ въ одинъ мигъ станутъ праведными. „Натура" не берется въ расчетъ, натура изгоняется, натуры не полагается. У нихъ не человѣчество, развившись историческимъ живымъ путемъ до конца, само собою обратится, наконецъ, въ нормальное общество, а, напротивъ, соціальная система, выйдя изъ какой нибудь математической головы, тотчасъ же и устроитъ все человѣчество, въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого пути, безъ всякаго историческаго и живого

процесса. И выходитъ въ результатѣ, что все на одну кладку кирпичниковъ, да на расположеніе корридоровъ и комнатъ въ фаланстерѣ свезли. Фаланстера то готова, да натура то у васъ для фаланстеры еще не готова, жизни хочетъ, жизненнаго процесса еще не завершила".

И полагаю, что у насъ есть опасность все свести въ кладку кирпичниковъ и потерять человѣка въ этой работѣ.

Я не думаю, что общественное совершенствованіе создается *только* и *не иначе*, какъ на почвѣ личнаго, но думаю, что элементы гражданскаго благоустройства, которыя образуются изъ синтеза экономики и идей накопившихся въ націи, въ моментѣ апогея должны искать идейнаго выразителя, который въ формулированной идеѣ удвоилъ бы или удесятирилъ ея и цѣнность и силу, *обративъ идею въ религію*.

„При началѣ всякаго народа, всякой національности, идея нравственная всегда предшествовала зарожденію національности, пишетъ Достоевскій, ибо она же и создавала ее. Творящія жизнь идеи выходили всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденія, что человѣкъ вѣченъ, что онъ не простое земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти убѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религію, въ исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ и создавалась граждански новая жизненность. „Чтобы сохранить полученную духовную драгоцѣнность, тотчасъ же и влекутся другъ къ другу люди, и тогда только начинаютъ отыскивать люди: какъ бы имъ такъ устроиться, чтобы сохранить полученную драгоцѣнность, не потерявъ изъ нея ничего, какъ бы отыскать такую гражданскую формулу совмѣстнаго житія, которая именно помогла бы имъ выдвинуть на весь міръ въ самой полной славѣ ту нравственную драгоцѣнность, которую они получили".

Вотъ этотъ процессъ и долженъ породить идеологическое движеніе въ соціализмѣ.

Но очевидно, что религіозной формулы ему искать не нужно.

Эта формула—христіанство и именно оно не только можетъ, не только сбережетъ драгоцѣнность, но осложнитъ ее элементами великаго духовнаго богатства, спасетъ идею

отъ разложенія пошлостью сытости и нищетою безрелигіознаго соціализма...

Говорятъ иногда—что соціализмъ это антихристъ, который по апокалипсису придетъ и обольститъ хлѣбами [1]), и чудесами (сытостью и удобствами культуры и т. д.). Прекрасно—но въ томъ и дѣло, что по евангелію ко Христу—перешли тогда, когда добровольно отвергли, сначала принятое, царство и идеалъ антихриста.

Люди приняли сытость—и не могли не принять—потому, что они *были люди и были голодны*. Но когда пришли два пророка—и конечно не отнимая у нихъ хлѣба—напомнили имъ, какъ ихъ душа богата и какъ они унизили эту душу, сузившись въ желудокъ, раскрылась совѣсть ихъ и хотя они убили пророковъ—но когда пришелъ Христосъ—то явленіе Его стало для нихъ страшнымъ судомъ и они приняли Новаго царя—Христа и Завѣтъ Его.

Но передъ Христомъ должны быть пророки. Ихъ пророчество должно совмѣщать любовь къ землѣ съ любовью къ душѣ, Христу, личности Богу. И они „будутъ бороться не съ соціализмомъ, какъ это дѣлаютъ иные невѣжественные или недобросовѣстные представители клира, но только съ религіозно-философской его основой, съ духовнымъ калѣченіемъ человѣка, уступкой правъ первородства за человѣческую похлебку. Они признаютъ ранѣе всего всю жизненную правду соціализма и рядомъ съ маской поставятъ настоящее живое лицо“. (С. Булгаковъ).

И мы рады, что первая русская соціалъ-демократическая газета („Новая жизнь“) поняла, что безрелигіозному соціализму не жить — и избрала новую дорогу, заявивши, что она будетъ искать религіозныхъ надстроекъ надъ фундаментомъ будущаго.

Только зачѣмъ ихъ искать, когда и камень, и завершеніе всего есть Христосъ-Богъ?

[1]) Мысли этой книги будутъ не вездѣ ясны, если не прочтутъ № 1 и 2.

Христосъ на улицахъ и въ „злыхъ домахъ“ современнаго города.

Темно и сумрачно...

Небо подернулось свинцово-кровавой дымкой...

Сѣроватый туманъ охватываетъ все тѣло, и злой съ пронизывающей сыростью...

Холодно...

Темная фигура медленно движется по сырымъ улицамъ города.

Мы говоримъ темная... Да, потому что она тѣнью выступаетъ на фонѣ начинающихъ сумерекъ... Но если вы взгляните въ Странника, вы увидите, что нога Его оставляетъ серебристый свѣтъ на грязи дороги... И лицо опущенное внизъ свѣтится, правда, теперь не радостнымъ свѣтомъ...

Онъ идетъ погруженный въ думу... А за Нимъ другая, менѣе свѣтлая тѣнь.

* * *

Улица...

Дѣвочка 8—9 лѣтъ протягиваетъ руки къ какому-то барину въ шубѣ...

„Милости Христа ради“.

„Иди со мной“... доносится до слуха...

Кто это сказалъ... Онъ—тотъ въ шубѣ. И она... Онъ идетъ.

Иди. Куда? Куда она идетъ?..

Дѣвочка подходитъ съ своимъ спутникомъ и мимоходомъ роняетъ не дѣтскій взглядъ на Свѣтлаго Странника.

Господи... Ты... Господи... и дѣвочка падаетъ безъ крика къ ногамъ Свѣтлой тѣни.

Зачѣмъ Она... здѣсь эта дѣвочка... Странникъ обратился къ спутнику.

Я Васъ,—Моихъ слугъ послалъ сюда блюсти дѣтей... Что вы сдѣлали съ ней...

Язычники, къ которымъ пришелъ Я—торговали взрослыми; вы отдаете на позоръ дѣтей. Торгуете дѣтскимъ стыдомъ.

Ты слышалъ: она просила во имя Мое... И ей—ей даже не камень даютъ, *а позоръ и смерть.*

— Господи... Это не твой. Нѣтъ еще твоихъ здѣсь на землѣ. Она не просвѣщена. Здѣсь есть только язычники.

* * *

Снова фабрика...

Какъ здѣсь красиво.

Ряды красивой и тонкой посуды стоятъ рядомъ и яркій свѣтъ розовыми пятнами ложится на голубой эмали чашекъ...

Здѣсь кажется нѣтъ горя...

И трудъ такъ пріятенъ...

Но что это?..

Дѣвушки поютъ точно похоронную пѣснь...

Да печальную пѣснь о форфоровой чашкѣ...

Не разберешь словъ. Да вотъ что они поютъ.

„Иди въ веселый міръ веселая синяя чашка.

Ласковыя дѣтскія губы будутъ прижиматься къ твоему золотому краю.

Только смотри...

Не разскажи дѣтямъ, какъ дѣлали тебя—голубую чашку

Мы блѣдные, умирающіе.

Какъ отдали мы жизнь твоему веселому цвѣту:

Цвѣтъ своихъ щекъ... Свои силы. Свою жизнь, своихъ дѣтей.

Какъ умирали мы здѣсь, отравленные свинцомъ.

Не говори, чтобы жалость не выжгла глазъ ихъ слезами, чтобы боль за насъ не убила ихъ души“.

Пѣснь точно стонъ...

И въ самомъ дѣлѣ, какія лица у этихъ работницъ.

Отгнившія челюсти... Трупный цвѣтъ лица.

Кажется, что вотъ эта работница сейчасъ упадетъ въ судорогахъ...

Да, конечно, ея глаза уже почти не видятъ...

Черезъ недѣлю или двѣ она упадетъ среди этого отравленнаго шума. На фабрикахъ чашекъ, какъ на фабрикахъ свинцовыхъ бѣлилъ—работники—гибнутъ отъ постепеннаго отравленія.

* * *

И дальше идетъ Христосъ...

Вотъ, видитъ.

Умираетъ... 15 лѣтній мальчикъ, Хрупкій... Маленькій.

У него отнимаетъ жизнь земная правда. Страшнымъ призракомъ стоятъ два столба машины—смерти—висѣлицы.

Кто, зачѣмъ?

Законъ... Око за око. Онъ убилъ. Онъ долженъ умереть.

Да, развѣ онъ могъ убить во имя ненависти. Смотрите. Онъ ребенокъ. Остановитесь убійцы... Дайте ему жить... Служить людямъ, Онъ ихъ любитъ.

„Нѣтъ, уйди, ты опоздалъ.

Мы пережили твои законы—и у насъ своя правда.

Око за око“.

* * *

Темныя ночи декорацію смѣнили.

Другой городъ...

Дѣти играютъ около храма.

Тихо... Солнце въ тяжелой пеленѣ. Городовой тупо стоитъ, считая окна.

И вотъ потянуло грозой... Стало темно. Въ эту полосу цвѣта вошла мысль дьявола.

Взрывъ.

И на окровавленной зелени, окола храма, лежитъ ребенокъ съ широко-раскрытыми глазами.

И въ глазахъ нѣтъ жалобы. Только вопросъ... Печальный вопросъ.

За что? За что у меня отняли жизнь? Чтобы устроить правду смерти—а я то, я зачѣмъ? Кто мнѣ вернетъ жизнь?

И скорбью сжались уста Странника. Да... Озвѣрѣли люди—даже тѣ, въ которыхъ много любви, не мои... Кровью отравлена земля и не родитъ счастья...

Городъ кончился.

* * *

Деревня...

— Одинокая, горькая! Даже лая не слышно.

— Всѣ собаки-то отъ голода подохли; избы, точно скорчившіяся отъ голода и холода. Тесовыхъ избъ мало. Большинство—крытыя соломой, а на нихъ и соломы нѣтъ.

— На скотину солома-то съ крышъ пошла.—Да безъ толку. Почитай, вся скотина-то подохла, а не подохла, за за грошъ продали.

Вся почти деревня больна, а только сорокъ пять въ больничкахъ. Остальные по домамъ валяются.

Въ маленькой избѣ на деревянныхъ нарахъ около двухъ стѣнъ лежатъ вплотную цынготныя женщины, опухшія, обезображенныя болѣзнью. Головы ихъ повязаны рваными тряпицами. Лохмотья на тѣлѣ и на лохмотьяхъ же валяются онѣ. Около нихъ копошатся грудныя дѣти. Нѣкоторыя изъ дѣтей совершенно голы и прикрыты только материнскимъ тряпьемъ. На другихъ полуистлѣвшіе лоскутки. Малютки, какъ неоперившіяся птички, разѣваютъ свои беззубые ротики и слезящимися глазками смотрятъ на матерей, шевеля слабыми ручонками, точно ища чего-то. Одинъ изъ маленькихъ пискнулъ и мать поспѣшила его ткнуть къ своей груди подъ лохмотья.

Рядомъ съ нарами на веревкѣ—зыбка. Мать шевелитъ больной, опухшей и покрытой кровоподтеками ногой.

Зыбка тихо поскрипываетъ, качаясь взадъ и впередъ.

И изъ больныхъ, полуослѣпшихъ глазъ старухи покатились слезы.

— Умереть бы скорѣй—умереть!

И кривыми, черными, какъ сухія стручья, пальцами она открываетъ сморщенныя губы и показываетъ тѣ же кровавовспухшія десны.

Отчего онѣ голодны, больны... Онѣ темныя?..

Отчего... Нѣтъ молока у ихъ дѣтей?..

Развѣ не даетъ земля имъ хлѣба—земля, напитаная кровью, вмѣсто дождя.

У нихъ нѣтъ земли... Имъ дано когда-то „за трудъ тысячилѣтіе“, по одной десятинѣ—и вотъ теперь у нихъ земли почти только на могилу...

— Гдѣ же земля, которую дали міру?

Ее взяли... Отняли. Такъ, рядомъ у сосѣда 20.000 дес. А имъ—работникамъ не досталось...

— Только на могилу... Такъ. Такъ, значитъ, на землѣ, гдѣ я умеръ на крестѣ, только звѣри—и хищники.

Тогда пусть погибаетъ онъ.—Этотъ міръ.

Я, Богъ, проклинаю...

Встаньте, воскресните, или въ пепелъ обращу землю...

ЖЕНЩИНѢ НАКАНУНѢ ЕЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

„Иногда я думаю, и совершенно серьезно,—что мы, женщины, призваны произвести родъ пересмотра въ мужскомъ государствѣ. Мнѣ кажется, что цѣль и смыслъ всего женскаго движенія заключается именно въ этомъ пересмотрѣ ради служенія человѣчеству, которое хотя и медленно, но подвигается впередъ. Своимъ, такъ много разъ поруганнымъ чувствомъ, мы должны подвергнуть испытанію всѣ произведенія мужского холоднаго разсудка. Мы должны возстать противъ мужского педантизма, жажды выгоды и вступиться за права поруганной, истоптанной человѣческой личности.

Ильза Франанъ „Трудъ“.

„Въ ходѣ исторіи нужно вмѣшательство женщины“.

Будущее женщины («Въ грязныхъ волнахъ»).
Ближайшая задача женщины.
Шумная книга. Оплеваніе или хвалебная пѣснь (Бебель о женщинѣ. Женщина и соціализмъ).
Мужчина и женщина. (Изъ Теннисона).

Будущее женщины.

(«Въ весеннемъ потокѣ»).

Изъ литературныхъ впечатлѣній прошлаго года для меня нѣтъ болѣе обиднаго и скорбнаго, чѣмъ успѣхъ „одной модной пьесы“.

Я говорю о „Весеннемъ потокѣ“ Косоротова. Пьеса понравилась молодежи, и *особенно женской молодежи*. Ее слушали запоемъ...

И это было—не хорошо; больше, это было—несчастіе.

Въ чемъ былъ здѣсь секретъ успѣха? Въ главномъ „мотивѣ“ пьесы, въ ея призывѣ къ буйному весеннему счастью.

Идея пьесы выражена въ предсмертномъ завѣщаніи одного изъ героевъ пьесы, Сергѣя.

„Весенній потокъ, Наташа, да, весенній потокъ... За нимъ... Онъ выноситъ на бархатный берегъ... И тебя вынесъ онъ на бархатный берегъ... Когда ты состаришься и оглянешься назадъ, ты съ полнымъ правомъ можешь тогда похвастать. Ты скажешь: „меня два порядочныхъ человѣка сильно любили“. И всѣмъ этимъ ты обязана весеннему вихрю и *собственной дерзости*, которая тебя заставила *отдаться покорно, безумно, вѣчно*... Жизнь — настоящая жизнь — она владычица-матушка. Она и губитъ справедливо, и счастье тоже справедливо даетъ. Даетъ тому, кто дерзаетъ не противиться велѣніямъ жизни“.

„Наташа не дерзала, продолжаетъ онъ, и не было ничего; и она сама, и Володя, и я были просто ничего и другъ друга не знали. Но жизнь ей сказала: „дерзай“. Она не стала перечить жизни—и вдругъ мы всѣ трое соединились,

и для всѣхъ троихъ раскрылись громадные рудники поэзіи, красоты и блаженства. Ты понимаешь... Счастье несетъ весенній потокъ"...

Вотъ страшная проповѣдь, страшная потому, что за ней слишкомъ охотно пошли, т. е. охотно слушали.

Дерзай, плыви по теченію вслѣдъ за природой и бунтующей кровью...

Такъ ли нужно? Въ этомъ ли жизнь *великой* женщины будущаго? Я думаю—нѣтъ. Нѣтъ! Нѣтъ!

Да, красивъ весенній потокъ. Свободный и веселый бѣжитъ онъ впередъ. Весело шумятъ его волны, шумно крича о веснѣ, о новой жизни, свободѣ и счастье. Этотъ потокъ—радостный гимнъ веснѣ и счастью.

Войти въ эти шумныя воды и принять на себя ихъ ласкающій прибой... хорошо,—но... остановитесь на минутку, посмотрите: весенняя вода такая грязная и мутная.

Кто знаетъ, что несутъ эти мутныя и желтыя волны, можетъ быть здѣсь проклятіе проказы, можетъ быть здѣсь...

На бархатный берегъ счастья унесутъ тебя волны весеннія...

Да, красивъ бархатный берегъ изъ только что рожденной травы; онъ сулитъ вамъ и ласку, и счастье. За потокомъ, туда, на зеленый берегъ, послушные инстиктамъ и крови, скорѣе по теченію... Да, конечно, но только... мнѣ приходилось видѣть, что теченіе не всегда уносило на бархатный берегъ, потому что далеко не всегда берегъ покрытъ свѣжею зеленью.

Да и теченіе несетъ куда хочетъ...

Она, Наташа,—куда унесъ ее разлившійся весенній потокъ? Онъ понесъ ее... унесъ сначала во власть и волю разслабленнаго больного, почти разложившагося отъ грѣха „противъ плоти своей", въ волю человѣка, у котораго не осталось ни души, ни здороваго тѣла.

Другой разъ... и потокъ уноситъ ее въ рабство другой воли и прихоти развращеннаго ничтожества.

И женщины апплодировали. Они склонны были видѣть въ „Потокѣ"—проповѣдь *своего освобожденія.*

Неужели женщины не поняли какое огромное оскорбленіе наносятъ имъ!

Имъ въ лицо бросаютъ мысль, будто ихъ роль — только служить радости мущины, и въ дерзости этого почетнаго служенія ихъ эмансипаціи свобода...

Нѣтъ, мы иначе понимаемъ и свободу и...

будущее женщины.

«Къ свѣту». Научно-лит. сборникъ. Изд. Ком. Общества дост. средствъ спб. высш. женск. курсамъ 1904 г.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ. А. Гергардтъ и Е. Симонъ. «Материнство и умственный трудъ». Лозинскій. «О настоящемъ и будущемъ женскаго движенія». Ruth Bré («Право на материнство»).

«Землю вашихъ дѣтей должны вы любить землю, еще не открытую въ далекомъ морѣ. Я хочу, чтобы твоя побѣда и твоя свобода побудили тебя имѣть ребенка: *Живые памятники* должна ты воздвигнуть въ честь твоей побѣды и твоего освобожденія» (Ницше).

„Кукольный домикъ“ (Нора) Ибсена иногда называютъ началомъ новой исторіи женщины.

Это не совсѣмъ безосновательно: конечно, Нора — крупный моментъ въ исторіи женскаго самосознанія и сыграла въ немъ свою роль.

И все-таки можно только пожалѣть, что такую роль сыграла именно Нора, именно она выбрана „символомъ“, въ которомъ новая женщина положила свое „credo“.

Выборъ Норы, какъ символа,—очень неудаченъ и невыгоденъ.

Дѣло въ томъ, что въ Норѣ случайно подчеркнута та сторона движенія, которую, наоборотъ, нужно сглаживать потому, что она можетъ вызвать вполнѣ законный протестъ.

„Нора бѣжитъ отъ материнства“... вотъ въ чемъ опасная сторона „Норы“ какъ символа. Нора оставляетъ семью и дѣтей. Пусть для нея это не принципіально, но одно то, что этотъ лидеръ женскаго движенія строитъ свое дѣло на развалинахъ семьи, на разрушеніи ея, на крови дѣтей, вызываетъ, можетъ-быть, ошибочную, но естественную подозрительность ко всему женскому движенію.

Продолжатели Норы не захотѣли смягчить и разсѣять недоразумѣнія.

Наоборотъ, бѣгство отъ ребенка и материнства нѣкоторые открыто выставили на знамени движенія: материнство для новой женщины они признали не только тормозомъ движенія, *но эгоистическимъ компромиссомъ, разрушающимъ принципъ борьбы женщины за свое „я“.*

Не удивительно, что у движенія оказались враги.

Можетъ-быть, многіе испугались за потерю въ „женщинѣ“ женственности въ смыслѣ извѣстной ея тренировки, подготовки для любви („Джерси“, улыбки и пр. „Крейцеровой Сонаты“), но были и безкорыстные люди, совсѣмъ далекіе отъ рабовладѣльческаго желанія — сохранить въ женщинѣ „любовницу“,—которыхъ испугало то, что гибнетъ „мать“, та женщина-мать, которая спасала и спасаетъ міръ, были люди, которые увидѣли въ „женскомъ вопросѣ“ угрозу тому, что привыкли считать святыней — *больше*, — основой жизни.

„Параллельно съ торжествомъ феминизма, — жалуется г. А—тъ, въ „Нов. Вр.“, — число бросаемыхъ младенцевъ доходитъ до степеней поразительныхъ; абортная практика врачей совершенствуется“ и т. д.

И тѣ, кто выступалъ за семью, были правы. Да наивны, но внутренно правы были тѣ, которые настаивали, что у семейнаго очага много мѣста для работы, что материнство— слишкомъ огромное благо, чтобы отдать его за чечевичную похлебку „женскихъ правъ“. Они были правы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибались. Также правы, но вызываютъ большія сомнѣнія въ своей правотѣ и ихъ противники.

Правы были тѣ и другіе, потому что не *понимали другъ друга, потому что тѣ, которые должны были защищать движеніе, не выяснили сами себѣ его подлиннаго смысла и цѣли.*

Дѣло висѣло на воздухѣ. Отсюда я и считаю не этапомъ, а началомъ женскаго движенія новую постановку его, какъ *борьбы за материнство, новую семью, оздоровленіе семьи.*

Основы такой постановки даны главнымъ образомъ въ книгахъ Ruth Bret: „Право на материнство“. Гергардтъ и Симонъ: „Материнство и умственный трудъ“ и друг.

Мы не считаемъ нужнымъ пересказывать эти книги, предпочитая дать программу въ томъ видѣ, какъ она представляется лично намъ.

Чтобы быть настоящей матерью, чтобы создать свѣжую семью, чтобы перемѣнить лицо земли, женщина должна быть матеріально-экономически сильной и свободной—вотъ сокращеніе, альфа и омега программы.

Женское движеніе имѣетъ свой смыслъ, какъ необходимое условіе созданія истиннаго материнства, новой здоровой семьи. Уходы отъ семьи въ трудъ безъ семьи — для женщины преступленіе. Это тоже своего рода—„умерщвленіе плода“...

Ницше сказалъ объ аскетахъ: „Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ попыткой приложить свою силу на то, чтобы уничтожить источники этой силы“... Едва ли это правда объ аксетахъ, но это правда о жизни женщины, уходящей на умерщвленіе въ ней этой жизни.

Женское движеніе есть шагъ впередъ въ культурной исторіи женщины. Это безспорно. Но оно имѣетъ такое значеніе, какъ мостъ, переходъ къ самой высшей цѣли развитія женщины, — къ истинному материнству (Inge Maria. „Крикъ по ребенкѣ“).

Иначе какъ освобожденіемъ женщины въ области труда не добиться освѣженія семьи.

„Право есть результатъ силы“ — едва ли эта формула несправедлива. Во всякомъ случая „сила“ создала „право мужа“.

Помните интересное заявленіе мужа въ комедіи Эрвье „La loi de l'homme?“ Онъ не стѣсняется заявить, что многоженство—*право мужа*—„la loi de l'homme“.

И онъ правъ de jure, по казуистической, чуждой элемента совѣсти логикѣ.

По брачному договору, женщина приноситъ съ собой „материнство“ и только... Мужъ даетъ ей имя, положеніе и хлѣбъ. Безъ мужа—она не имѣетъ ничего.

Допустимъ, что материнство, счастье семьи—воспитаніе дѣтей матерью—имѣетъ матеріальную цѣну, равную тому, *что даетъ мужъ*. Мужъ не признаетъ такой цѣнности „материнства“. Эти цѣнности женщина должна будетъ *отдать за безцѣнокъ*: у ней нѣтъ средствъ отстоять себя. Наоборотъ,

такъ какъ благодаря грязной добрачной жизни въ современномъ мужѣ инстинктъ отцовства выродился, почти умеръ, и мужу нужна жена только, или болѣе всего, въ смыслѣ „женщины“, а въ женѣ инстинктъ материнства живъ и энергиченъ, то и за право материнства женѣ приходится, такъ сказать, „доплачивать“.

Но очевидно, что при такихъ условіяхъ стороны не равны; женщина предлагается, мужа — ищутъ; женщина даетъ меньше, чѣмъ мужчина.

И вотъ, естественно, является „право мужа“ присчитать на счетъ *его преимуществъ* (за „кормленіе“, имя и т. д.) *недочеты*, которые онъ числитъ за собою.

„Онъ бросилъ, какъ грязный листокъ бумаги, свою чистоту“,—говоритъ въ своемъ сочиненіи „Одна за всѣхъ“—Vera.—Что же? Это его *право*. Онъ достаточно платитъ за него, когда беретъ женщину въ жены при неравенствѣ договорныхъ условій и предлагаемыхъ взаимно въ обмѣнъ цѣнностей.

Онъ сохраняетъ за собой право „многоженства“ и послѣ брака?—Да, но нужно же ему вознагражденіе за то, что онъ *беретъ женщину* на свое иждивеніе,—даетъ ей имя „матери“ и жены.

Онъ растерялъ свое здоровье, даже угрожаетъ зараженіемъ женѣ и будущей семьѣ. Да, но даже съ такими изъянами онъ *котируется на брачной биржѣ* дороже, чѣмъ она съ ея чистотой, и потому имѣть прошлое, даже такое, какое имѣетъ женихъ въ пьесѣ Бріе „Порченные“—его право.

„Когда такой господинъ является и танцуетъ, обнимая сестру, дочь, мы ликуемъ, — говоритъ Позднышевъ, — если онъ богатъ и со связями. Авось, онъ удостоитъ послѣ Ригольбожъ и мою дочь. Если даже и остались слѣды нездоровья — ничего. Нынче хорошо лѣчатъ. Какъ же, я знаю, что нѣсколько высшаго свѣта дѣвушекъ выданы родителями за больныхъ извѣстной болѣзнью. О, о... мерзость!

— Я самъ жилъ до 30 лѣтъ, ни на минуту не оставляя намѣренія жениться, и съ этой цѣлью приглядывался къ подходящей для этой цѣли дѣвушкѣ Я погрязалъ въ гноѣ разврата и вмѣстѣ съ тѣмъ разглядывалъ дѣвушекъ, по своей чистотѣ *достойныхъ меня*“.

(„Крейцерова соната“ и La loi de l'homme“).

Наконецъ, обиліе предложенія даетъ мужчинѣ право требовать, чтобы женщина готовилась для него, чтобы съ дѣтства въ ней создавали умѣнье нравиться ему и красивое тѣло и чистую (не бѣда, если внутренне развращеннную) душу.

Онъ правъ потому, что *право есть то, что сила можетъ предписать слабости.*

Нечего и говорить, что красота измѣняетъ отношеніе. Она можетъ выбирать и предлагать свои условія. Покупающему нужно имѣть большія покупныя средства. Я не хочу даже сказать, что эти средства — деньги, нѣтъ, пусть эти средства будутъ даже талантъ, умъ, любовь.

Но далѣе. Далѣе все-таки наступаетъ „право мужа“. Женщина имѣла возможность выбрать хорошаго отца для своихъ будущихъ дѣтей (хотя могла и ошибиться при этомъ выборѣ), но она не можетъ далѣе отстаивать своихъ правъ на доброе материнство, бороться хотя бы противъ „права мужа“ на многоженство. Нора ушла отъ мужа, который оказался ниже ея. Хорошо, *но она ушла безъ дѣтей, и она не могла ихъ взять: она почти безсильна жить даже и одна.*

Тутъ виновно уже не только „право мужа“, а и матеріальная безпомощность протестующихъ.

Отсюда и наше положеніе:

„Чтобы быть матерью, женщина должна быть иной, „новой“.

И теперь женщина можетъ протестовать, но что въ этомъ протестѣ? Маркъ Басанинъ толкуетъ о побѣдѣ матерей (онъ имѣетъ въ виду матерей внѣбрачныхъ дѣтей, брошенныхъ отцами).

„Женщины-матери,—патетически восклицаетъ онъ,—подошли къ истинному рѣшенію пресловутаго женскаго вопроса и, оставивъ въ сторонѣ всякое соревнованіе съ мужчиной, онѣ твердо и рѣшительно, и не словами, а дѣломъ, заявили, что не желаютъ отказываться отъ данныхъ имъ Самимъ Богомъ и природою правъ, что онѣ будутъ нести свои материнскія обязанности въ одиночку, безъ посторонней помощи, если помощники ихъ трусливы или ненадежны,—будутъ своимъ трудомъ содержать семью“.

„Это побѣда!“

Какая же тутъ побѣда? Уйти для того, что бы погибнуть?

Побѣда здѣсь еще въ очень далекомъ будущемъ. Женщина должна стремиться къ полной матеріальной независимости отъ мужчинъ; она должна мочь и смѣть располагать своей судьбой и своей личностью такъ же свободно, какъ это доступно теперь однимъ лишь мужчинамъ. И тогда, тогда она устроитъ свою, да и нашу, *всю нашу* жизнь нѣсколько иначе, чѣмъ сдѣлалъ мужчина. Она не откажется болѣе отъ высшаго счастья, даннаго ей природой, а именно счастья быть матерью, но ея материнство будетъ новымъ—святымъ материнствомъ.

Намъ нужны женщины, которыя бы не были сантиментальнымъ плющемъ вокругъ дуба. Женщина должна стоять сама на своихъ ногахъ, чтобы ей не приходилось проституировать, хотя бы въ бракѣ, отдавая себя за благо материнства человѣку, котораго она не желаетъ имѣть своимъ мужемъ, чтобы ей не приходилось все прощать, во всемъ уступать, ничего не видать изъ боязни, что иначе мужъ не захочетъ подписать „брачнаго договора“.

Но объ этомъ послѣ.

Возможенъ ли женскій трудъ?—Возможенъ.

Въ Англіи,—пишетъ Шаповаловъ-Катеджи,—за исключеніемъ юридической и духовной профессіи, англичанкамъ доступны всѣ роды занятій. Въ послѣднее время особенно увеличилось число фабричныхъ промышленныхъ и санитарныхъ инспекторовъ-женщинъ, и дѣятельность ихъ признается весьма плодотворной. Нѣкоторыя изъ нихъ уже составили весьма цѣнныя изслѣдованія труда вообще и женскаго въ частности, такъ что въ настоящее время въ Англіи не можетъ быть даже никакого вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуелъ назначать женщинъ на эти должности.

Школьные инспектора-женщины получаютъ жалованье отъ 250 до 300 ф. ст. (отъ 2,325 до 2,790 р.) и, кромѣ того, прогонныя деньги. Фабричныя инспектрисы также хорошо обставлены въ этомъ отношеніи. Недавно совѣтъ Лондонскаго графства сдѣлалъ еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, назначивъ трехъ женщинъ торговыми инспекторами.

Вообще женскій трудъ въ Англіи постепенно завоевалъ себѣ обширную область. Различныя должности въ городскихъ самоуправленіяхъ заняты женщинами.

Огромное число женщинъ работаетъ на педагогическомъ поприщѣ. Лондонскій университетъ, командирующій экзаменаціонныя комиссіи въ различныя части государства, часто назначаетъ экзаменаторами женщинъ. Число студентокъ ежегодно возрастаетъ во всѣхъ университетахъ, и большинство, по окончаніи курса, поступаетъ на различныя государственныя и городскія должности или выбираютъ либеральныя профессіи. Число женщинъ-врачей также ежегодно возрастаетъ.

Во Франціи сравнительно крупная побѣда выпала на долю феминизма въ видѣ офиціальнаго допущенія женщинъ къ адвокатскимъ обязанностямъ.

Не такъ давно министръ народнаго просвѣщенія Лейгъ, пригласилъ сотрудницу „La Fronde“ Кергомаръ въ составъ высшаго учебнаго совѣта. Другая сотрудница, m-lle Бониваль, назначена министромъ Мильераномъ въ члены „высшаго совѣта труда“.

Еще шире область женскаго труда въ Америкѣ. Очевидно, она работать можетъ.

Примемъ, однако, на вѣру безпристрастные и даже ошибочные, не въ пользу женщинъ выводы книги „Материнство и умственный трудъ“, Гергардъ и Симонъ,—что материнство значительно затрудняетъ всѣ виды работы, что идеальное совмѣщеніе съ материнствомъ умственнаго труда невозможно.

Пусть работа женщины будетъ количественно равна только $\frac{2}{3}$ мужской и заработокъ ея на $\frac{1}{2}$ меньше, все-таки это дѣлаетъ ее способной жить одной даже съ ребенкомъ, тѣмъ болѣе безъ ребенка, то-есть ставитъ женщину въ положеніе, при которомъ она властно можетъ желать и поддерживать „право материнства“ въ истинномъ видѣ.

Она можетъ сказать мужчинѣ то, что говорятъ матери у М. Басанина.

— Ты долженъ быть лучшимъ, иначе я пойду одна своей дорогой, со своими дѣтьми, и одна буду создавать изъ нихъ людей. Твои прошлыя преимущества въ брачномъ договорѣ отошли, и ты, слѣдовательно, долженъ отказаться и отъ loi de l'homme.

Уменьшеніе проституціи и обычной, и прикрытой заставитъ мужчину признать женщину не за предметъ покупки, а за товарища на жизненной дорогѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда женщина черезъ трудъ пріобрѣтетъ право говорить, а въ то же время своимъ трудомъ внесетъ новое въ сокровищницу культуры, общество признаетъ и соціальную цѣнность материнства, признаетъ справедливой матеріальную поддержку женщины въ періодъ исполненія ею своихъ материнскихъ обязанностей и функцій. Уже и теперь возникаютъ въ нѣкоторыхъ странахъ Запада кое-какія попытки въ этомъ направленіи, а именно обезпечивается работницамъ часть ихъ заработной платы въ послѣдніе дни беременности и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ родовъ. Весьма возможно, что въ будущемъ, въ интересахъ какъ матери, такъ и ребенка, осуществится и въ самомъ дѣлѣ нѣчто въ родѣ „материнской ренты“, обезпечивающей положеніе женщины въ самый серьезный и тяжкій періодъ ея существованія. (Ст. Лозинскаго въ сборникѣ „Къ свѣту“). А это еще болѣе уравняетъ условія брачнаго договора и, слѣдовательно, еще болѣе понизитъ права мужа на развратъ.

Тогда будутъ возможны ранніе браки, безъ которыхъ не побѣдима ни брачная ни внѣбрачная проституція, тогда отцы съ пробужденіемъ отцовскаго инстинкта вложатъ лепту въ воспитаніе дѣтей, облегчая здѣсь работу матери и, слѣдовательно, тогда *наступитъ время, когда мы будемъ имѣть совмѣстно женскій трудъ и материнство.*

Женскій трудъ? Это значитъ, что мы будемъ имѣть только новыхъ работниковъ. Нѣтъ. Это обѣщаетъ намъ новые факторы, новыя формы работы. Я полагаю, что у женщины своя „душа“, своеобразная, не одинаковая съ душой мужчины, и эта душа должна найти новыя стороны — открыть новыя перспективы и въ искусствѣ, и въ педагогикѣ, и особенно въ области общественнаго строенія.

„Материнство само по себѣ,—читаемъ мы въ книгѣ Гергардъ „Материнство и трудъ“,—является источникомъ своеобразнаго богатства. Чувство материнства существенно отличается отъ всего того, что испытываетъ мужчина, у котораго даже съ физіологической стороны нѣтъ никакой аналогіи. Здѣсь лежатъ таинственные міры, доступные только женщинѣ. Въ ней, прочувствовавшей тайну образующейся въ ея лонѣ жизни, ощутившей въ себѣ преданность безпомощному существу, въ матери, видѣвшей, какъ изъ ея цвѣ-

тущихъ силъ выросло другое существо и тихо, почти незамѣтно, превратилось въ самостоятельную личность, звучатъ тѣ струны, которыя никогда не отзывались въ сердцѣ мужчины".

И это „женственное" не можетъ не отразиться своеобразно на всѣхъ формахъ ея работы.

То, что называемъ мы женственностью — преобладаніе „логики сердца", мягкость и пр., не должно пропадать для культуры.

Среди дѣятелей исторіи мы знаемъ людей женственнаго типа (напримѣръ, Достоевскій, Францискъ Ассизскій и пр.), и этотъ „типъ" явно сильный культурный дѣятель.

Женственность можетъ внести свое даже въ чистую науку, но, конечно, не теперь, *когда женщина подавлена чуждыми ея строю методами науки, а когда она будетъ развиваться свободно по своимъ путямъ*.

Тѣмъ болѣе она должна сдѣлать цѣлыя открытія, дать новыя области искусства, передѣлать самыя основы литературнаго творчества.

Однако и это второстепенно. Главное, женщина, возвратившись „домой" (это не значитъ, что она бросаетъ трудъ), внесетъ новую жизнь въ семью и общество. Съ этихъ поръ она можемъ выступать въ семьѣ, какъ творческая сила.

Она дастъ намъ воспитаніе.

„Какая нелогичность: призваніе матери считается труднѣйшимъ изо всѣхъ призваній и въ то же время считается достойной создавать и формировать человѣка каждая юная дѣвушка, которая вчера еще играла въ куклы".

„Да, нелогичность, но теперь этого не будетъ. Женщина выработаетъ изъ себя свободную, сильную, критически-мыслящую индивидуальность для того, чтобы умѣть формировать подобныя же индивидуальности изъ своихъ дѣтей. „Она хочетъ учиться, жить и работать, какъ дома, такъ и на широкомъ поприщѣ общественной жизни, чтобы затѣмъ въ состояніи воспитывать не только сильныя и здоровыя личности, но и великодушныхъ сознательныхъ гражданъ".

Для нея будутъ понятны и живы слова Ницше: „Nicht fort sollst du dich pflanzen, sondern hinauf".

Другими словами:

„Не одно только продолженіе рода должно быть твоею цѣлью, а его все болѣе высокое совершенствованіе".

И вмѣстѣ съ реформой воспитанія женщина христіанизируетъ міръ. Она передѣлаетъ не одну семью, но и всю жизнь. „Мужчина въ погонѣ за хлѣбомъ, въ постоянной борьбѣ за существованіе растерялъ свою душу, потерялъ внутренняго человѣка, живущаго въ немъ. Душа его въ концѣ концовъ истерлась, какъ мѣдная монета отъ времени. Въ хлѣбѣ — его идеалъ, и только въ видѣ отдыха, чтобы забыться отъ тоскливой погони за хлѣбомъ, онъ проситъ „зрѣлищъ“. Отсюда и культура, созданная имъ, носитъ суровый и жестокій характеръ, она мало согрѣта любовью. Жизнь, созданная мужчиной, смѣнявшимъ истину на хлѣбъ, это — борьба шакаловъ около добычи. „Женщина сумѣла соблюсти въ себѣ даръ тяготѣнія туда, за границу земного“ (Іер. Михаилъ. „Въ поискахъ лика Христова“).

Поэтому-то она, выросши черезъ образованіе и трудъ, можетъ и должна заботиться о томъ, чтобы сильнѣе выяснить эти идеалы и передать ихъ въ мужскую душу.

„Иногда я думаю, и совершенно серьезно, — говоритъ Ильза Франанъ въ романѣ „Трудъ“, — что мы, женщины, призваны произвести родъ пересмотра въ мужскомъ государствѣ. Мнѣ кажется, что цѣль и смыслъ всего женскаго движенія заключается именно въ этомъ пересмотрѣ ради служенія человѣчеству, которое хотя и медленно, но подвигается впередъ. Своимъ такъ много разъ поруганнымъ чувствомъ мы должны подвергнуть испытанію всѣ произведенія мужского холоднаго разсудка. Мы должны возстать противъ мужского педантизма, жажды выгоды и вступиться за права поруганной, истоптанной человѣческой личности“.

Вотъ, вотъ именно такъ.

„Въ ходѣ исторіи нужно вмѣшательство женщины. Нынѣ намъ угрожаетъ не варварство войны, а варварство идей. Необходима помощь всѣхъ, чтобы спасти цивилизацію...

„До сихъ поръ женщина была воспитана еще на мирномъ положеніи, подготовлена къ жизни по вѣрованіямъ общепринятымъ: она не получила воспитанія времени браннаго, того воспитанія, которое научаетъ отстаивать свои вѣрованія и идеалы. Ее лишили того твердаго образованія, которое въ вѣка борьбы вооружало женщину на дѣятельность настойчивую, на вѣское слово.

„Теперь нужно возвратить обществу пользованіе силами женщины, нынѣ почти безплодными съ тѣхъ поръ, какъ мужчина, считая себѣ одному посильнымъ дѣло цивилизаціи, отказалъ женщинѣ во всякомъ приложеніи ея силъ.

„Вліяніе женщины должно распространяться и на общество. Въ немъ, по словамъ мужчинъ, онѣ царятъ: для истинныхъ царицъ царствовать—значитъ владычествовать. Слишкомъ долго эта власть выражалась лишь въ сферѣ костюма, театра, легкой литературы. Для женщины мало создавать и пересоздавать моду, когда ее призваніе—*образовать и преобразовать нравы*. Недостаточно быть *прелестью* общества, когда можно стать его *совѣстью*". („Призваніе женщины". Изъ. К. П. Побѣдоносцева).

Лили Браунъ отмѣчаетъ огромную дѣятельность женщинъ въ области общественной.

„Предпочитаемыя женщинами профессіи, — говоритъ она,—воспитательницы и школьной инспектрисы, сидѣлки и врача, попечительницы о бѣдныхъ и фабричной инспектрисы или служащей по торговому дѣлу и въ канцеляріи,—соотвѣтствуетъ ея внутреннему существу, и, несмотря на кратковременность имѣющагося опыта, мы можемъ все-таки уже теперь констатировать тотъ фактъ, что онѣ выдѣляются въ избранныхъ ими профессіяхъ. Мы знаемъ далѣе, что онѣ вообще все больше и больше принимаютъ участіе во всемъ, что можетъ быть сведено къ формулѣ: улучшеніе жизни. Онѣ видятъ предъ собою необозримое поле, выработка котораго имъ по душѣ, потому что въ ней можетъ вполнѣ выразиться ихъ личность, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о томъ, чтобы найти средства и пути къ помощи несчастнымъ и слабымъ, чтобы подобно тому, какъ когда это примѣнимо къ экономіи дома, понять, направить и управить экономію міра, чтобы на мѣсто меча водрузить, какъ символъ жизни народовъ, молотокъ, рѣзецъ и плугъ".

Но вѣдь теперь женщины и здѣсь идутъ чужими путями: тѣмъ больше надежда, что, найдя свой путь, онѣ въ этой области оздоровленія соціальной жизни станутъ всемогущими.

Нужно только желать, чтобы женщина не потеряла женственности (не въ смыслѣ „джерси" и улыбокъ, конеч-

но), не растеряла ее на жизненной дорогѣ, не стала третьимъ поломъ.

Только женщина и *только* человѣкъ одинаково не нужны для жизни. Нужна *женщина-человѣкъ*.

И тогда наступитъ будущее. Черезъ трудъ—къ материнству; черезъ материнство — къ труду и преобразованію жизни.

Настоящее, это — физическія и моральныя страданія всѣхъ и каждаго: женщины и мужчины, дѣтей и родителей.

Будущее, это — физическое и моральное выздоровленіе всѣхъ и каждаго: женщины и мужчины, дѣтей и родителей.

Настоящее не даетъ счастья даже женщинамъ, достигшимъ замужества и материнства: это счастье отравляется мыслью о безпутной добрачной жизни мужа и о болѣзняхъ, которыя онъ можетъ передать ихъ ребенку.

Лишь будущее возвратитъ женщинѣ цѣломудреннаго мужчину, а дѣтямъ—здороваго физически и морально отца.

Настоящее, это—бракъ по расчету, не согрѣтый ни дружбою, ни любовью.

Будущее, это — семья, освященная духомъ глубокой нравственности, солидарности, скрѣпленная чувствомъ свободной и безкорыстной любви.

Настоящее, это—физическое и моральное вырожденіе.

Будущее, это воскресеніе.

А чтобы будущее подошло къ намъ ближе въ настоящемъ, *каждая мать пусть помнитъ, что свою дочь она должна готовить къ жизни, жизненной борьбѣ, творчеству жизни.*

На могилѣ одной римлянки была начертана такая эпитафія:

„Она уже умѣла нравиться и показывать томную нѣгу такъ, что если бы не умерла преждевременно, то была бы очень образованной дѣвушкой“.

До сихъ поръ въ сущности идеалъ эпитафіи былъ идеаломъ и задачей воспитанія нашихъ дочерей.

Теперь—образованіе въ духѣ воспитанія этой образованной римлянки—преступленіе, котораго будущія женщины не простятъ своимъ матерямъ.

„Землю вашихъ дѣтей должны вы любить, землю, еще не открытую въ далекомъ морѣ“.

Ближайшая задача женщины.

Я окончилъ свою бесѣду о будущемъ женщины эпитафіей на могилѣ 8-лѣтней римлянки... Ею я хочу начать и это второе письмо о женщинѣ.

Эпитафія, какъ помнитъ читатель, гласила: „Она уже умѣла нравиться и быть томно нѣжной, такъ что если бы не умерла преждевременно, то *была бы очень образованной дѣвушкой*“.

Нельзя не признать, говорилъ я, что идеалъ эпитафіи въ сущности до сихъ поръ и былъ идеаломъ воспитанія нашихъ женщинъ.

Былъ... это—обмолвка, лучше сказать: *есть*.

Женщина—не сущность жизни, нѣтъ—она больше,—она... ея ароматъ, говорилъ Шпитцлеръ.

Это буквально повтореніе эпитафіи, а кто не признаетъ, что „формула“ Шпитцлера выражаетъ общій взглядъ, „закрѣпленный вѣками“.. Даже Екатерина Великая когда-то заявила, что женщина должна быть „прелестью мужчины“. Въ 20-хъ годахъ цѣлью воспитанія женщины поставлено воспитаніе „изящнаго сердца“, дабы женщина *услаждала жизнь мужа*.

Русская женщина, если угодно, находится еще въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ всякая другая: ея материнство уважается больше, чѣмъ гдѣ-нибудь,—но по волѣ какихъ-то злыхъ боговъ, и у насъ *только послѣ брака* отъ женщины требуютъ и желаютъ, чтобы она была *сущностью жизни*, ея строительницею, а не только отдыхомъ, развлеченіемъ мужа, „ароматомъ“, и потому до брака, повидимому, берегутъ *ароматъ*, дѣлаютъ все, чтобы женщина была красивой и острой приправой къ жизни. Не больше.

И это обходится страшно дорого.

Для этого жертвуютъ женщиной-матерью, и, хуже всего, кажется, долго будутъ жертвовать.

По крайней мѣрѣ, не видно движенія въ этомъ направленіи. Мы видѣли, какъ много сдѣлано, чтобы дать женщинѣ почетное мѣсто рядомъ съ мужчиной внѣ семьи, видѣли, какъ много обѣщаетъ „будущее“.

Искренно сочувствуемъ этому движенію и... смущаемся... *небольшимъ упущеніемъ*. Торопясь къ женщинѣ-врачу, женщинѣ-адвокату и т. д., движеніе забыло „пыль внизу“—милліоны женщинъ, для которыхъ еще очень далека эта роскошь женскаго будущаго.

Свобода женщины, женскій трудъ, и пр. и пр., но вѣдь все это журавль въ небѣ. Правда, изловить его намъ необходимо, но упускать синицу тоже не слѣдуетъ. Для насъ, русскихъ, почти общій законъ—„за лѣсомъ деревьевъ не видимъ“,—если бить, то въ одну точку. Эта русская психологія впуталась и въ женскій вопросъ. Рѣшили и логично рѣшили, что все, что знаетъ мужчина, смѣетъ, можетъ, должна знать женщина, и отсюда прутъ напрямикъ въ сторону „уравненія“. Уравнивать—такъ уравнивать.

Легко, удобно.

Еще Екатерина рѣшила, что женщина должна знать то, что знаетъ мужчина, и предписала... *дать женскимъ заведеніямъ программу... кадетскихъ корпусовъ*.

Чего же лучше? Той же дорогой идемъ и мы.

Но неужели въ области женскаго воспитанія нужно одно „уравненіе?“ Не странно ли забывать, что de facto будущее большинства женщинъ—хозяйство и дѣтская.

Въ школѣ западной это помнятъ,—можетъ быть, даже *односторонне помнятъ*. Возьмемъ, напримѣръ, французскую школу.

„Спеціально предназначенные для женскихъ школъ учебники удѣляютъ значительное мѣсто различнымъ практическимъ свѣдѣніямъ: сообщаются свѣдѣнія относительно ухода за больными (умѣнья перевязать рану, остановить кровь, принять мѣры въ случаѣ отравленія и т. п.), дѣтской гигіены; относительно веденія хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ, уходъ за домашними животными и т. д.“

Здѣсь можно пожалѣть развѣ о томъ, что такого рода свѣдѣніямъ дается черезчуръ преобладающая роль: хозяйство является чѣмъ-то исчерпывающимъ жизнь женщины,

единственно существеннымъ, а все остальное—лишь болѣе или менѣе пріятною роскошью.

„Мести, варить супъ, чинить бѣлье,—читаемъ мы въ учебникѣ Cholatet: „Premiére année d'économie domestique“ (первый годъ домашняго хозяйства),—таковы будутъ занятія всей вашей жизни“.

Ту же мысль высказываетъ и г-жа Гревиль, авторъ книжки, озаглавленной „Instruction moraletet civile des jeunes filles“ (нравственное и гражданское воспитаніе дѣвушекъ), и высказываетъ даже съ нѣкоторымъ трагизмомъ. „Такова будетъ теперь ея жизнь до самой смерти“. „Жанна вполнѣ вступила въ обязанности женщины“, говоритъ она о героинѣ своего небольшого нравоучительнаго разсказа, которая, окончивъ цѣлый рядъ занятій по хозяйству, садится *за починку бѣлья*. Все остальное,—наука, общественные интересы и т. п.—разрѣшается женщинѣ лишь въ очень умѣренной дозѣ, и то съ большимъ опасеніемъ, какъ бы это не повредило хозяйству.

У насъ—другая крайность.

Конечно, французскій взглядъ на задачи женской школы—уже узко циниченъ, враждебенъ всякому прогрессу въ развитіи женщины; но нельзя же, повторяемъ, не признавать, что фактически именно обѣдъ, хозяйство, починка—будущее женщины.

Нужно понимать что здѣсь въ этихъ мелочахъ все-же завоеваніе: все-таки семьѣ даютъ хоть маленькую здоровую силу, а это начало завоеванія свободы.

Съ этимъ нужно считаться. Игнорировать фактъ было бы опасной нелѣпостью. Университетъ — для „избранныхъ“ (пока); сознательное, умѣлое, властное материнство—для всѣхъ.

Женская школа частью, кажется, начинаетъ считаться съ дѣйствительностью, но пока женщину соглашаются готовить къ кухнѣ; готовить для дѣтской—все еще считаютъ неприличнымъ.

Фабрикація „наивности“ издавна считается задачею женскихъ школъ, институтовъ и т. п.—*женщина можетъ знать все, кромѣ того, что касается ея, какъ женщины.*

Съ дѣтства дѣвочку учатъ краснѣть, чувствовать себя женщиной—именно женщиной въ смыслѣ чувственномъ.

Двухлѣтней уже поминутно внушаютъ, что ей стыдно показывать свое тѣло.—Чуть ли не съ рожденія подчеркивается различіе между мальчикомъ и дѣвочкой, и если на мальчика это не накладываетъ такого сильнаго отпечатка, то потому, что у него—цѣлый міръ иныхъ интересовъ.—Съ ранняго дѣтства мальчика и дѣвочку одѣваютъ различно—не потому, что это для нихъ нужно, ибо личныя потребности ихъ одинаковы въ этомъ возрастѣ,—но чтобъ подчеркнуть различіе пола. Отъ мальчика и дѣвочки требуютъ, чтобъ они различно вели себя другъ съ другомъ и относительно постороннихъ; тому и другой предписываются различныя игры, различный образъ дѣйствій, при чемъ различіе можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: мальчику говорятъ: „дѣлай“ то и другое, а дѣвочкѣ—„не дѣлай“. Родители съ восхищеніемъ и гордостью отмѣчаютъ преждевременныя или преувеличенныя проявленія пола въ своихъ дѣтяхъ; поощряютъ такія проявленія, не подозрѣвая, насколько это вредно. Когда мальчикъ кричитъ, колотитъ вещи, своевольничаетъ, родители съ гордостью говорятъ: „настоящій мальчикъ“! А когда маленькая дѣвочка кокетничаетъ съ гостями, или ревомъ проявляетъ материнскую скорбь, когда братъ разобьетъ ее куклу, родители гордо говорятъ: „настоящая маленькая женщина!“

Г-жа Стетсонъ даетъ яркую, живую характеристику того типа женщины, который стремится создать современное воспитаніе. „Цѣль ея туалета, стѣсняющаго свободу движеній,—подчеркнуть принадлежность ея къ женскому полу; въ ея пристрастіи къ украшенію проявляется неумѣренное стремленіе привлечь взгляды мужчинъ; манеры, походка—всѣ пріемы имѣютъ ввиду выставить ея привлекательныя стороны...

Чрезмѣрная чувствительность, ложная скромность,—то, что принято называть „l'éternel féminin“,—всѣ эти внѣшнія и внутреннія свойства дѣлаютъ женщину существомъ неестественнымъ, искусственнымъ“. — Передъ мужчиной открыты широкія, разнообразныя сферы человѣческой дѣятельности. Для него любовь представляетъ лишь часть жизни—эпизодъ; для нея—это весь міръ. „Любовь для мужчины—эпизодъ“, говоритъ г-жа Сталь, „для женщины—это исторія всей жизни“.—Всѣ интересы ея сосредоточены на одной

точкѣ—обезпечить себя посредствомъ мужа—Свободныя существа, сами достающія себѣ средства жизни, развиваютъ въ себѣ соотвѣтственныя активныя способности. Паразиты, живущіе на счетъ другихъ, развиваютъ наиболѣе для нихъ полезныя способности захвата и поглощенія".—Таково, въ общемъ положеніе женщины. Не мудрено, что дѣвочкѣ отводится при рожденіи второстепенное мѣсто: „*только* дѣвочка,—изъ нея выйдетъ *только* женщина". А въ еврейской молитвѣ мужчина благодаритъ Создателя, что онъ не родился женщиной.

Только женщина—прибавитъ *плохая женщина*. Эта женщина не умѣетъ быть матерью.

Дѣвушка вступаетъ въ семейную жизнь въ полномъ *невѣдѣніи невѣжествѣ* относительно важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся ея семейныхъ обязанностей; и это называется „невинностью!" „Все равно, какъ еслибъ заставить всѣхъ мужчинъ носить оружіе, ввѣривъ имъ защиту государства; и ни одного не научить военному дѣлу, пока онъ не вступитъ на поле брани".

Дѣвочкѣ преподаютъ науку нравиться и въ то же время—*бояться*, *какъ преступленія*, *рѣчи о материнствѣ*.

Нѣтъ гигіены дѣтской въ курсѣ женской школы, или если есть, то безъ начала: нѣтъ никакихъ намековъ на выясненіе „великой тайны" брака, его смысла и цѣлей; *нѣтъ* потому, что нельзя затрогивать... нѣкоторыхъ вопросовъ.

Почему нельзя (конечно, въ старшихъ классахъ)? Да только потому, что невинность, пикантность невинности, есть одно изъ требованій развращеннаго полового воображенія,—одно изъ условій половой остроты брака. Судьбой будущихъ дѣтей, святостью и счастьемъ жертвуютъ „брачному разврату".

Конечно, и эта цѣль достигается плохо. У Жипъ есть остроумная, хотя грубо циничная картинка, которую я приведу съ купюрами.

Мать старается ознакомить новобрачную съ новомъ ея положеніемъ.—Послѣ вѣнчанія,—говоритъ она, смущаясь...

Дочь. Вы можете не продолжать. Остальное я знаю. Что дѣлать, мама? Въ старину намъ приходилось все объяснять, а теперь мы сами до всего додумываемся.

Въ этомъ и заключается сущность прогресса.

Эта сцена въ дурной формѣ вскрываетъ серьезную общественную болѣзнь. Конечно, дочь права. Иначе и не можетъ быть: возбуждено любопытство, а любопытство найдетъ способъ добывать отвѣтъ. Но какъ дорого стоитъ такой „прогрессъ“, какую гниль вноситъ въ душу это „додумыванье“. Впрочемъ, родители въ сущности бьютъ въ цѣль:— они косвеннымъ путемъ создаютъ то, что затаенно желаютъ женихи ихъ дочерей.

Или раздраженное половое любопытство *при незнаніи* или то же любопытство при *знаніи кое-чего*, какъ остраго, таинственнаго, запрещеннаго.

Нужное развращеніе достигнуто. Но школа и не желающіе развращенія родители не должны ли они повернуть назадъ, открыть дочери тайну ихъ материнства, приготовить ихъ душу, совѣсть къ той святой тайнѣ и ихъ руки,— умѣнье—къ воспитанію дѣтей? Вотъ задача спеціально женскаго материнскаго воспитанія.

Это серьезнѣйшая огромная проблема будущаго.

Были попытки пропагандировать проблему путемъ карикатуры.

Такъ, нѣкто г. Буринскій въ „Руси“, обсуждая мысль г-жи Овчинниковой о пуерокультурѣ (раціональномъ воспитаніи дѣтей), даетъ такую карикатурную сцену экзамена по „раціональному дѣтоводству“.

„Скажите, г-жа Иванова, ранѣе какого возраста для мужчины и для женщины недопустимо дѣтопроизводство? Вы говорите, что для мужчины 20 лѣтъ, а для женщины 16? Вы не можете получить аттестата объ окончаніи курса: вы дѣлаете грубѣйшія ошибки въ дѣтоводствѣ. По изслѣдованіямъ итальянскаго ученаго Марро, изъ дѣтей отцовъ до 25-лѣтняго возраста 52% душевно-больныхъ, воровъ и убійцъ; эти изслѣдованія подтверждены цифрами, полученными другими учеными, напр., Лангдонъ-Доуномъ, Джонесомъ, Каррочи и друг. Какъ же можно, не зная такихъ работъ, выходить на выпускной экзаменъ? Садитесь, я поставлю вамъ неудовлетворительный баллъ“.

Онъ же въ другой статьѣ предлагаетъ проектъ новаго уголовнаго уложенія съ такими статьями:

Ст. 2314. Дѣвица, или женщина, допустившая по легко-

мыслію или небрежности содѣйствіе негоднаго производителя, подвергается...

Ст. 2315. Если дѣвицѣ или женщинѣ было извѣстно, что производитель принималъ внутрь спиртные напитки или кушанья со значительнымъ содержаніемъ каіенскаго перца, или имѣлъ неисправное пищевареніе, или температура тѣла его была выше нормальной, то виновная въ семъ тяжкомъ преступленіи подвергается...

Эти статьи вызвали большой „бунтъ“ среди нѣкоторыхъ читателей;—и дѣйствительно онѣ „возмутительны“, только не съ той стороны, съ какой ихъ иногда оцѣнивали.

Возмутительно здѣсь то, что пошлость шутовской формой проповѣди дискредитируетъ и обезцѣниваетъ мысль большой нѣизмѣримой цѣнности.

Да, конечно, сознательное разумное отношеніе къ материнству нужно будущей женщинѣ, и свѣдѣнія по „дѣтоводству“ для нея нужнѣе, чѣмъ „геральдика“ по планамъ Бецкаго, или даже каталогъ фараоновъ восемнадцати династій.

И именно потому, что здѣсь рѣчь идетъ о серьезной идеѣ, притомъ о такой, которую не легко будетъ провести въ жизнь,—грѣхъ пропагандировать ее въ тонѣ, скорѣе похожемъ на глумленіе.

Намъ нужна разумная мать.

Возьмемъ статистическія цифры. Онѣ краснорѣчиво показываютъ, что женщина, какъ мать, стоитъ несравненно ниже животныхъ; ибо половина дѣтей умираетъ или при рожденіи, или въ дѣтствѣ отъ болѣзней.

„Присмотритесь къ нашимъ дѣтямъ. Большинство изъ нихъ имѣетъ неправильно сформированный скелетъ, болѣе или менѣе ясно выраженное искривленіе позвоночника, неодинаковою высоту плечъ, остатки перенесенной въ раннемъ дѣтствѣ англійской болѣзни; мускулатура ихъ слаба и дрябла, органы чувствъ не развиты, глаза, большею частью, успѣли произвести близорукость, глазомѣръ не развитъ, нѣтъ ни ловкости, ни увѣренности въ движеніяхъ и,—что всего хуже,—нѣтъ привычки къ движенію, нѣтъ и желанія расправить свои вялыя мышцы. Попадаются гимназисты, которые уже страдаютъ гемороемъ.

Каждому дѣтскому врачу приходится наталкиваться въ интеллигентныхъ семьяхъ на такія нелѣпости, на такія не-

сообразности въ воспитаніи дѣтей, что многіе случаи могли бы быть приняты за анекдотъ.

Чѣмъ же это объяснить? Гдѣ причина? Въ полной неподготовленности матерей.

Большинство изъ нихъ совершенно не умѣютъ взяться за дѣло матери, хотя бы и искренне желали дать ребенку наилучшее воспитаніе. И происходитъ это потому, что женщина обыкновенно смотритъ на воспитаніе дѣтей, какъ на такую дѣятельность, которая не требуетъ большихъ знаній, и потому не готовится къ ней.

Мать, вполнѣ интеллигентная женщина, не знаетъ, что ребенка нужно кормить такъ-то, что онъ долженъ жить такъ-то, а обо всемъ этомъ она могла бы и должна бы узнать своевременно въ школѣ, которая ее выпустила въ свѣтъ".

Излишне доказывать несостоятельность женщины и какъ воспитательницы. Лишенная основательнаго образованія, отстраненная отъ всякихъ серьезныхъ интеллектуальныхъ интересовъ, наполняющихъ жизнь мужчины, она не можетъ дать образованіе собственнымъ дѣтямъ; и здѣсь обязанности ея передаются постороннимъ лицамъ или воспитательнымъ учрежденіямъ.

Но, быть можетъ, женщина лучше исполняетъ свое семейное назначеніе въ качествѣ хозяйки? Быть можетъ *здѣсь* она является незамѣнимымъ факторомъ, внося порядокъ и экономію въ семейный бюджетъ? Къ сожалѣнію, факты вполнѣ опровергаютъ и такое предположеніе: факты показываютъ, что и здѣсь у нея нѣтъ ни знаній, ни подготовки. Женщина хозяйка постоянно является жертвой нечестныхъ торговцевъ, пользующихся ея невѣжествомъ, чтобъ отравлять семью негодной пищей. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой другой отрасли торговли пришлось ограждать покупателя спеціальнымъ законодательствомъ, имѣющимъ ввиду спасти его отъ собственнаго невѣжества?

Также недалеко ушла женщина и какъ кухарка,—иначе почему лучшіе повара берутся изъ мужчинъ? За то, не обладая необходимымъ знаніемъ, домохозяйка все свое умѣніе и воображеніе примѣняетъ къ одной главной цѣли—угодить прихотямъ мужа. Пища для нея—одно изъ главныхъ средствъ для выраженія любви; и она, поэтому, тщательно

изучаетъ—не организмъ и подробности желудка,—а вкусовыя ощущенія. И благодаря этому, принятіе пищи часто дѣлается въ семьѣ не средствомъ, а цѣлью жизни.

Что же собственно представляетъ собой при этихъ условіяхъ семейная жизнь—„home“? Столько всегда говорилось о священномъ характерѣ семьи!

Въ этой святая святыхъ,—говоритъ г-жа Стетсонъ,—„окна затворяются, чтобъ не впустить воздуха; занавѣси спускаются, чтобъ не впустить свѣта. Двери запираются чтобъ не зашелъ чужой. У домашняго очага возсѣдаетъ кроткая жрица“... Но дѣйствительность и здѣсь разрушаетъ идиллію. Въ дѣйствительности, „жрица“ поглощена мелочными, будничными заботами,—слѣдствіе ненормальной организаціи всего строя семейной жизни. Отецъ семьи цѣлый день на службѣ. Принятіе пищи—часто единственный общій интересъ, соединяющій семью: главнымъ связующимъ звеномъ является желудокъ. Такимъ образомъ, и какъ подруга жизни женщина не выполняетъ своего назначенія. Она несостоятельна какъ жена, какъ мать, какъ хозяйка.

Гигіена предбрачнаго возраста, гигіена ребенка, психологія материнства, педагогика—вотъ вопросы, которымъ мѣсто въ центрѣ программы женскихъ заведеній,

Но постойте... постойте. Итакъ ближайшая задача женщины воспитаніе здоровой самки и ловкой хозяйки?—Если вы хотите быть циничными—да... Повѣрьте, это не такъ мелко и буржуазно. Это приготовитъ женщину къ будущей освободительной войнѣ;—это первый шагъ, безъ котораго нельзя сдѣлать второго и третьяго, это „сотретъ“ безсильную женщину прошлаго, чтобы черезъ поколѣніе создать новую.

Но можетъ быть—средняя школа не въ силахъ взять на себя такую задачу созиданія женщины? Тогда пусть будутъ организованы какія-нибудь побочныя школы.

Для выполненія указанной выше задачи на Западѣ возникли попытки созданія „школъ для матерей“. Такія школы имѣются въ Миланѣ, въ Туринѣ, въ Германіи; рано или поздно найдется возможность основать подобную школу и у насъ.

Само собой разумѣется, что гораздо удобнѣе каждой женской школѣ быть школой матерей.

Женскія школы должны быть женскими.

Мнѣ припоминается заключительная сцена пьесы Трахтенберга „Вчера“.

Директриса гимназіи (ученицамъ). Сегодня вы вступаете въ жизнь. Вамъ дано все, чтобы прожить ее счастливо, спокойно, прилично. Вы знаете все, чтобы жить высшими идеалами добра и истины. Вы знаете все...

Одна изъ воспитательницъ. Неправда, неправда. Онѣ ничего не знаютъ. Онѣ знаютъ что-то объ электродахъ, что-то изъ хронологіи, что-то о пропорціональномъ дѣленіи.

И съ этимъ ихъ выбрасываютъ въ жизнь и говорятъ: живите... Живите. Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя. Имъ говорятъ: живите, будьте матерями, женами,—не давши ни умѣнья, ни силъ жить. Силъ, даже физическихъ. Какія вы слабыя, жалкія! Сколько изъ васъ, отчаявшись въ себѣ, махнетъ рукой на все, изъ-за чего только и стоитъ жить; сколько изъ васъ, не умѣя жить, будетъ причиной гибели чужихъ, и большихъ и маленькихъ жизней.

Кто скажетъ, что воспитательница говоритъ неправду?

Хочется крикнуть матерямъ: спасайте дочерей. А дочерямъ: а вы защищайтесь!

На слова воспитательницы отвѣтомъ были голоса: это безнравственно, это развратъ!

Можетъ быть, что-нибудь въ этомъ родѣ наши „m-me Гранди“ скажутъ и мнѣ:—пусть.

Мы останемся при своемъ мнѣніи и надѣемся, что не будемъ одиноки. Вотъ прекрасныя слова извѣстнаго педагога:

„Вторая половина XIX столѣтія ознаменовалась большимъ движеніемъ въ смыслѣ появленія женщины на многихъ профессіональныхъ поприщахъ. Но главное поприще женщины, какъ матери, воспитательницы, не должно быть низводимо на что-то низкое, на что-то только терпимое, допустимое въ силу человѣческой слабости.

Пусть же XX вѣкъ поднимаетъ значеніе женщины, воспитательницы и, внеся въ это поприще побольше свѣта, окажетъ великую услугу человѣчеству“ (П. Острогорскій).

На мрачномъ фонѣ выступаютъ свѣтлые лучи. Вглядываясь въ темную, сѣрую мглу,—мы видимъ вдали на горизонтѣ проблески иного будущаго. Близко время иного строя, иной жизни—семейной и общественной. Идеалы этой

жизни выйдутъ изъ сферы узко эгоистичныхъ, буржуазныхъ интересовъ. До сихъ поръ—„экономически зависимая женщина была подобна большому растенію, многочисленные спутавшіеся корни котораго, стѣсненные въ маленькомъ, узкомъ горшкѣ, лишены свободы развитія“.

Теперь двери добровольной ея клѣтки отомкнутся, и передъ женщиной откроются иныя перспективы, иныя сферы дѣятельности. Удобство и комфортъ собственной семьи не будутъ всецѣло поглощать ее, заслоняя отъ нея остальной міръ; женщина не будетъ болѣе тяжелымъ балластомъ, тормазомъ на пути развитія прогресса. Самая семейная жизнь приметъ иныя формы—болѣе естественныя, простыя, благородныя, болѣе согласныя съ потребностями и стремленіями свободныхъ, духовно развитыхъ человѣческихъ существъ.

Однако метаморфоза эта не явится внезапнымъ чудомъ: она часть той эволюціи, которая совершается по естественнымъ, непреложнымъ законамъ.

И нашъ долгъ,—долгъ особенно женщинъ,—не оставаться слѣпыми и безмолвными свидѣтелями совершающагося передъ нашими глазами великаго соціальнаго переворота и въ то же время не надѣяться на чудо—„прыжекъ исторіи“—а „потиху“ двигать эту исторію.

Но да не будетъ женщина—факсимиле мужчины. Пусть будетъ женщина сильная, великая, свободная—сильная и великая и въ трудѣ и въ материнствѣ.

* * *

Пусть не подумаютъ читатели что я хочу—запереть женщину въ кухнѣ. Нѣтъ. Избави Богъ... На воздухъ, на просторъ. И для этого должны быть новыя школы.

Только...

Пусть не будетъ женщина—факсимиле мужчины.

Недавно я читалъ, лекцію о настоящемъ и будущемъ женщины въ С-кѣ. Послѣ лекціи одна изъ моихъ слушательницъ лѣтъ 20—22 говорила сосѣдямъ по мѣсту: „что это такое онъ говорилъ объ общественной работѣ женщинъ,

о какихъ-то ихъ правахъ?.. Женщина создана для того, чтобы ее любили... А о ея правахъ, о томъ, чтобы ей было хорошо, долженъ заботиться тотъ, кто любитъ".

Это была, очевидно, женщина того поколѣнія женщинъ-одалисокъ, всѣ принципы котораго были выражены въ не разъ цитованной мной эпитафіи на гробѣ 8-ми-лѣтней римлянки:

„Она уже умѣла нравиться и плѣнять томной нѣгой, такъ что, если бы не умерла, была бы очень образованной дѣвушкой".

Но вотъ новая женщина.

Передъ лекціей она такъ выразила свое „вѣрую":—„женщина должна быть равна мужчинѣ, у нея долженъ быть мужской мозгъ, мужскія права... все". Желаніе этой новой женщины — повидимому — и могутъ быть приняты за „вѣрую" всѣхъ женщинъ, вошедшихъ „въ волну потока".

Женщина—факсимиле мужчины... Но зачѣмъ намъ это факсимиле; пусть и мозгъ, и психологія мужчины заслуживаютъ зависти, всетаки нужна ли копія?

Конечно нѣтъ, и безсмысленность „митинговъ", собраній, всего движенія была въ томъ, что онѣ захотѣли отразить, дать дубликатъ того, что происходило у *„нихъ"*— у мужчинъ.

Новое гражданское уложеніе даетъ новую конструкцію семьѣ—унизительную для женщины и опасную для строя семьи. Что же знаютъ о немъ женщины? Высказались по поводу его, боролись противъ?—Нѣтъ. Онѣ желаютъ быть факсимиле мужчины—*и пропустили эту спеціально женскую „мелочь"*. Женская школа своей убивающей мозгъ программой и убивающимъ душу строемъ даетъ жизни матерей, годныхъ только для того, чтобы родить „мертворожденныхъ"—не только духовно, но пожалуй и физически.

Что же на митингахъ—началась борьба за „дочерей", за ихъ спасеніе противъ школы?—нѣтъ, женщина обсуждаетъ вопросъ о реформахъ народнаго представительства... Я не говорю, что она не смѣетъ объ этомъ разсуждать, но вѣдь жизни нужна ея работа тамъ, гдѣ она сильна, нужнѣе, заинтересованнѣе...

А это обсужденіе вопроса о всеобщемъ голосованіи женщиной, когда намъ нужны ея голоса о семьѣ, о „душѣ

дѣтей", кажется намъ развратомъ, богохульнымъ пренебреженіемъ къ своему таланту.

Обвинительный актъ противъ прежней женщины великъ и сложенъ.

Каинъ, гдѣ братъ твой?..

Когда мужчина создавалъ свое „право мужа" (см. пьесу Эрвье „La loi de l'homme"), въ силу котораго онъ можетъ свою грязь, пораженную „дурной болѣзнью" душу и тѣло смѣнить на чистоту твоей дочери, „право мужа", по которому онъ можетъ быть многоженцемъ,—и послѣ того какъ онъ взялъ твою дочь себѣ въ жены, что дѣлала ты?

Ты воспитывала—въ дочери томную нѣгу и умѣнье нравиться.

Когда мужчины тысячи твоихъ несчастныхъ сестеръ заставили продавать свое тѣло въ розницу, создали лавки для продажи женщинъ, что сдѣлала ты, счастливая, для спасенія ихъ?

Ты боролась... съ тѣми, кто боролся противъ продажи женщинъ. (Талеръ „Голосъ матери").

Ты боялась, что если не будетъ „*ихъ*",—развратъ вольется въ живой домъ, въ чинную и счастливую семью.

А ты пусть!

Когда твой сынъ на твоихъ глазахъ отнимаетъ у твоихъ рабынь честь, жизнь—все, что дѣлала ты?

Ты думала, что онѣ „рабыни" и созданы для сыновей хозяевъ и т. д. („Наши сестры" Юшкевича).

Этотъ обвинительный актъ противъ прежней женщины можетъ быть безконеченъ. А женщина „новая?"

Скажите, что такое представляетъ изъ себя новая женщина „текущихъ дней", женщина „митинговъ?"

Литература намѣтила намъ этотъ типъ женщины сегодняшняго и завтрашняго дня.

Имя ея Авдотья Степановна (въ „Авдотьиной жизни" Найденова) или Вѣра Павловна („Иванъ Мироновичъ" Чирикова) или Варвара Михайловна (Въ „Дачникахъ" Горькаго).

Женщины просыпающіяся...

Варвара Михайловна...

— Я въ недоумѣніи передъ жизнью,—говоритъ она. Я ищу смысла въ ней и не нахожу. Развѣ это жизнь? Развѣ

можно такъ жить, какъ мы живемъ!—проклятая суета бездѣлья... Противно, тошно, стыдно жить такъ. Мы живемъ на землѣ чужія всему... Мы не умѣемъ быть нужными для жизни людьми... Мы суетимся, ищемъ въ жизни удобныхъ мѣстъ... Мы ничего не дѣлаемъ и отвратительно много говоримъ.

Въ концѣ пьесы она говоритъ мужу:

— Я ухожу.

— Куда?

— Дальше отсюда, гдѣ все гніетъ и разлагается... Я хочу жить! Я буду жить... и *что-то* дѣлать... противъ васъ. Противъ васъ.

Она проснулась.

Но куда она хочетъ идти? Что она хочетъ дѣлать? Неизвѣстно. Она не знаетъ.

— Уйдетъ *дальше отсюда*.—Это неопредѣленно.

— Будетъ *что-то* дѣлать.—Это еще темнѣе (О. Петровъ).

Вѣра Павловна—повтореніе того же типа.

Ея исторія не сложна: по окончаніи курса она была пепиньеркой, потомъ гувернанткой, а потомъ вышла замужъ за Ивана Мироныча, съ которымъ и проживала двѣнадцать лѣтъ.

Иванъ Миронычъ, инспекторъ гимназіи, типичный человѣкъ въ футлярѣ, черствая, сухая и жесткая натура, поклонникъ порядка и симметріи во всемъ. Жена съ дочерью на новой квартирѣ устроили себѣ милый, уютный уголокъ,—Иванъ Миронычъ пришелъ и разставилъ всю мебель въ рядъ, вдоль стѣнки.

— Нужно, чтобъ все было симметрично.

Таковъ же онъ и въ гимназіи съ учениками, и въ частной жизни, дома... Симметричный человѣкъ.

Жизнь съ нимъ очень похожа на смерть. И Вѣру Павловну начинаетъ „тянуть“. Она уже не можетъ быть спокойна, какъ прежде. Сонъ души нарушенъ. Вѣра Павловна „проснулась“. Ее манитъ что-то къ себѣ, зоветъ. Она *„не знаетъ только что“*.

— Мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать,—сжимаетъ она надъ головой руки.—Закричать, сломать что-нибудь, заплакать...

Наконецъ, она не выдерживаетъ и съ досадой бросаетъ Ивану Миронычу горькій упрекъ:

— Съ вами можно зайти въ такую трясину, изъ которой и не вылѣзешь.

— Вотъ какъ. Не ожидалъ,—пожимаетъ плечами Иванъ Миронычъ.

— Это за двѣнадцать лѣтъ вѣрной и тихой семейной жизни. Благодарю, благодарю.

— Вы за двѣнадцать лѣтъ вытравили изъ моей души половину жизни. Помните, я любила музыку, пѣніе... Теперь не пою. Не умѣю веселиться и радоваться.

— Пой, радуйся, смѣйся, душа моя. Но всему есть время и мѣсто.

— Вы сочинили бы мнѣ росписаніе, когда и въ какихъ случаяхъ смѣяться, радоваться и плакать. А впрочемъ, убирайтесь вы отъ меня. Я жить хочу, а жить нечѣмъ... Понимаете, Иванъ Миронычъ. Нечѣмъ жить. Мнѣ наскучили ваше росписаніе, ваша симметричность... Мнѣ надоѣло такъ жить... Не стоитъ такъ жить.

Услышавъ, что Ольга поетъ въ саду, Вѣра Павловна въ сторону ея говоритъ:

— Пой, милая, пой! И пусть твоя пѣсенка напоминаетъ намъ, что гдѣ-то тамъ есть другая жизнь, яркая, полная радости и муки, большого счастья и большихъ страданій!

Поникнувъ головой, она плачетъ и такъ, со слезами и остается.

Вотъ вторая проснувшаяся. Ее что-то манитъ, но она *не знаетъ что*. Она хочетъ *что-то* сдѣлать, но что?

Авдотья—тоже.

Такое повтореніе типа и говоритъ за то, что и жизнь повторяетъ его.

И свѣтлаго тутъ мало.

Очевидно, просыпающіеся, проснувшись, жить какъ женщины не могутъ. Имъ пожалуй лучше и не просыпаться.

Кто виноватъ?—конечно, мать „вчерашняго дня“, которая не указала дочери ея путей, не дала и не указала ея мѣста въ жизни и не завоевала для нея это мѣсто. Однако, что намъ искать виновныхъ. О всякомъ страшномъ прошломъ забудешь, когда передъ тобой страшное будущее.

Прошлое родило настоящее, и настоящее намѣчаетъ будущее.

Тѣнь этого будущаго дана въ „Авдотьиной жизни“ и „Весеннемъ потокѣ“.

Авдотья Степановна не въ силахъ выносить слякоти ея сѣрой, безсмысленной жизни.

„Придешь домой, какъ въ сырой подвалъ“...

И ей захотѣлось уйти тоже *куда-нибудь*, и она ушла... за Герасимовымъ, первымъ человѣкомъ, который ей указалъ перспективы другой новой жизни.

Герасимовъ ничтожество, жизненный нуль, съ коротенькой, „обезьяньей душой“ (беру выраженіе Ницше).

Но развѣ она можетъ оцѣнить, что передъ ней?

Наташа въ „Потокѣ“ уходитъ искать человѣка, материнства, счастья,—*просто на улицу*.

Это уже не прошлое и даже не настоящее.

Здѣсь намѣчены пути будущаго и вѣрнѣе начавшееся будущее. И оно это—начавшееся будущее—благородно и честно; но иногда похоже на... Герасимова.

Многіе—женщины настоящаго—уже идутъ и сознательно по новому и яркому пути, но и здѣсь опять это путь чужой, усвоенный глубоко всей душой, но не окрашенный женской психологіей,—безъ специфичности, которая всегда только и даетъ смыслъ явленію.

И нѣтъ сомнѣнія своего женскаго будущаго и никогда не найдетъ женщина, если въ эти переходные дни женщина будетъ заниматься перепѣвами умныхъ и нудныхъ пошлостей „нашей (мужской) жизни“,—и не узнаетъ себя, и не обрѣтетъ свою душу, не пойметъ ея законовъ и не возстанетъ за возстановленіе женщины... Если ея идеалъ будетъ Герасимовъ, и ея программа та, которую изобрѣлъ онъ „со товарищи“, то что же за роль обѣщаетъ ей будущее, кромѣ роли конторщика и письмоводителя въ канцеляріи мужа и почетныхъ обязанностей машинистки (на Ремингтонѣ) или—самое большее—дурного адвоката и журналиста на послѣднихъ роляхъ?

Факсимиле никогда не равно автографу, оригиналу—и копія всегда безконечно дешевле прототипа...

Мы полагаемъ, что у женщины своя душа, своя культура, своя логика и психологія, свой мозгъ и свой трудъ.

Ея мѣсто и въ общественной жизни велико. Мы видѣли (см. нашу книгу „Церковь, литература и жизнь“), что во

многихъ областяхъ общественной работы (напр. въ фабричной инспектурѣ, въ педагогикѣ) женщина производительнѣе мужчины. Мы вѣримъ, что она можетъ указать новые горизонты для культуры, открыть новые жизненные пути—ей суждено христіанизировать міръ.

Свѣтлое міра, думаемъ мы, родится со вступленіемъ женщины въ качествѣ дѣятеля на арену исторіи. Мы писали объ этомъ въ письмахъ о женщинѣ (книги „Въ поискахъ лика Христова“, „Церковь, литература и жизнь“). Должно быть дано мѣсто женщинѣ и на общественной трибунѣ.

„Всѣ спеціально мужскія, одиночно мужскія движенія въ исторіи были вялы, неуспѣшны. Просто не хватило рождающей силы, при всяческой мудрости. Даже радій открыли „супруги Кэри“. Это почти шутка, но этихъ шутокъ будетъ много впереди, и ихъ было еще больше позади. А близкое будущее... Не понадобится ли въ нѣкоторыя секунды предстоящаго сложнаго движенія чувства жалости, состраданія? Вѣдь будетъ движеніе и туда и сюда, вправо и влѣво, впередъ и назадъ. Будутъ пробѣлы и будутъ пораженія. Вспомнимъ „сестеръ милосердія“ и ту истину, что ихъ не замѣнить „братьями милосердія“. Народно-представительная исторія Запада, и особенно въ нѣкоторые роковые, мучительные дни не протекла бы столь траурно, имѣй право войти на парламентскую трибуну не одинъ „работникъ-братъ“, но и его сострадательная сестра, съ міромъ совсѣмъ другого душевнаго пониманія, чѣмъ у него. Но милосердіе—на случай и для минутъ. Вся исторія замѣтно переламывается, и нельзя не замѣтить, что женщины играютъ въ этомъ переломѣ огромную роль, повидимому, готовыя выступить въ древнемъ значеніи одушевительницы, вдохновительницы и, можетъ быть, иногда даже вождя. Пусть онѣ поютъ сейчасъ только пѣсни: тоны пѣсенъ могутъ измѣниться сообразно тону новыхъ дѣлъ. Если въ большомъ литературномъ собраніи, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, умѣстна, пріятна и поучительна бываетъ рѣчь женщины,—непостижимо, отчего же она не можетъ быть желательна и поучительна среди народныхъ представителей? Предразсудокъ ни на чемъ не основанный. Мы зовемъ эту гармонію талантовъ мужскихъ и женскихъ въ ихъ взаим-

номъ одушевленіи, поощреніи, сочувствіи. Нужна исторіи сила, нужна будущему страсть. Благотворно и благородно будетъ, если въ наступающихъ русскихъ дѣлахъ растворится прекрасная женская душа съ ея нѣжностью, воображеніемъ, глубокимъ чувствомъ Бога, великодушіемъ, всемірною заботливостью и состраданіемъ, съ ея—не обойдемъ и это—любовью къ нарядности жизни, къ красотѣ бытовыхъ формъ. „Душа женская влажнѣе и душистѣе мужской; мужская тверже и суше. Пусть смѣшаются“. (Розановъ).

Изъ смѣшенія родится сила. Но для этого смѣшенія нужна заинтересованность женщины собой, какъ женщиной, борьба за женщину не въ направленіи передѣлки ея души въ мужскую, а наоборотъ въ борьбѣ за ея женскую душу, въ работѣ надъ увеличеніемъ женской души „влажной“, душистой.

Женщина должна думать о женской школѣ, объ очищеніи семьи, объ уничтоженіи „права мужа“ (loi de l'homme) на развратъ, о смягченіи культуры струей „христіанизаціи“.

Женщина должна добыть себѣ право на трудъ, отвоевавъ себѣ всѣ подходящія для нея формы труда, и черезъ трудъ отвоевать право на материнство.

Сильная женщина, независимая отъ мужчины, но неповторяющая его,—вотъ идеалъ истинной будущей женщины.

А если она будетъ стараться стать факсимиле мужа, то роль ея въ будущемъ *роль нуля*.

Въ „Дачникахъ“ есть, между прочимъ, такая сцена. „Всѣ дачники выѣхали въ лѣсъ на пикникъ. Въ концѣ пикника дамы, жены, сидя на копнѣ сѣна, дѣлятся впечатлѣніями:

— Скученъ нашъ пикникъ!

— Какъ наша жизнь.

— А мужчинамъ весело!

— Они много выпили и теперь, вѣроятно, разсказываютъ другъ другу неприличные анекдоты“.

Право пить, говорить анекдоты—есть резюмэ правъ будущей женщины, если въ эти дни перелома она не вспомнитъ о себѣ и не выработаетъ „правъ женщины“, не тѣхъ правъ, какихъ добивается русскій очень скудный и подражательный феминизмъ.

Шумная книга. Оплеваніе или хвалебная пѣснь (Бебель о женщинѣ и женщина въ соціализмѣ).

Мы окончили свою предшествующую главу сценой пикника въ „Дачникахъ“.

„Всѣ дачники выѣхали въ лѣсъ на пикникъ. Въ концѣ пикника дамы, жены, сидя на копнѣ сѣна, дѣлятся впечатлѣніями:

— Скученъ нашъ пикникъ!

— Какъ наша жизнь.

— А мужчинамъ—весело!

Они много выпили и теперь, вѣроятно, разсказываютъ другъ другу неприличные анекдоты“.

Право пить, говорить анекдоты—есть резюмэ правъ будущей женщины—говорили мы, если въ эти дни перелома она не вспомнитъ о себѣ и не выработаетъ „правъ женщины“—не тѣхъ правъ, какихъ добивается русскій очень скудный и подражательный феминизмъ.

Можетъ быть со мной будутъ очень не согласны мои читатели, но мнѣ кажется именно этого блага—„пикника“ хочетъ для женщины Бебель.

Съ моей точки зрѣнія устарѣвшая и ненаучная книга Бебеля—также оскорбляетъ женщину, какъ „Весенній потокъ“...

Женщина борется противъ „правъ мужа“.

За чистоту семьи, за углубленность и освященіе брака оскверненнаго мужчиной, ставшаго законной проституціей и ей обѣщаютъ... обѣщаетъ соціализмъ слѣдующее... Но предоставимъ слово Бебелю.

* * *

Женщина въ новомъ обществѣ соціально и экономически совершенно независима, она не знаетъ надъ собой даже тѣни господства и эксплуатаціи, она стоитъ по отношенію къ мужчинѣ, какъ свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы. Она воспитывается такъ же, какъ мужчина, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отклоненій, которыя обусловливаются различіемъ пола и ея половыми функціями.

Живя при естественныхъ жизненныхъ условіяхъ, она можетъ развивать свои физическія и духовныя силы и способности, согласно своимъ потребностямъ, она выбираетъ для своей дѣятельности такія области, которыя соотвѣтствуютъ ея желаніямъ, склонностямъ и задаткамъ, и при одинаковыхъ условіяхъ она дѣйствуетъ такъ же, какъ мужчина. Часть дня практическая работница въ какой-нибудь области, другую часть она проводитъ, какъ воспитательница, учительница, сидѣлка, въ теченіе третьей части она занимается искусствомъ или наукой и, наконецъ, въ теченіе остального времени она выполняетъ какую-нибудь административную функцію. Она занимается науками, работаетъ, пользуется удовольствіями и развлеченіями въ обществѣ другихъ женщинъ или мужчинъ, какъ это ей нравится, и когда для этого ей представляется случай.

Въ выборѣ любимаго человѣка она, подобно мужчинѣ, свободна и независима. Она выбираетъ или ее выбираютъ, но, во всякомъ случаѣ, она заключаетъ союзъ не изъ какихъ другихъ соображеній, кромѣ своей склонности. Этотъ союзъ является частнымъ договоромъ безъ вмѣшательства должностного лица, подобно тому, какъ до среднихъ вѣковъ бракъ былъ частнымъ договоромъ. Соціализмъ здѣсь не создаетъ ничего новаго, онъ лишь снова подымаетъ на высшую культурную ступень и при новыхъ общественныхъ формахъ *то, что было общепризнано, пока въ обществѣ не наступило господство частной собственности.*

Человѣкъ, подъ условіемъ, что удовлетвореніе его потребностей не приноситъ никому другому никакого вреда, долженъ самъ распоряжаться собою. *Удовлетвореніе половой потребности—такое же личное дѣло каждаго человѣка, какъ удовлетвореніе всякой другой естественной потребности.* Никто не долженъ отдавать въ этомъ отчетъ другому, и не призванный не долженъ сюда вмѣшиваться. Какъ я ѣмъ, какъ я пью, какъ я сплю и какъ я одѣваюсь—мое личное дѣло точно также, какъ мое общеніе съ лицомъ другого пола. Разумѣніе и образованіе, полная независимость личности, всѣ свойства, которыя, вслѣдствіе воспитанія и условій будутъ болѣе естественны въ будущемъ обществѣ, охранятъ отъ поступковъ, приносящихъ ему вредъ. Мужчины и женщины будущаго общества обладаютъ въ гораздо большей

степени самовоспитаніемъ и знаніемъ собственнаго существа, чѣмъ мужчины и женщины общества современнаго. Уже одинъ тотъ фактъ, что исчезнетъ глупый и смѣшной страхъ говорить о вещахъ, относящихся къ половой жизни, какъ о чемъ-то таинственномъ, сдѣлаетъ общеніе половъ гораздо естественнѣе, чѣмъ теперь. Если союзъ, заключенный между двумя людьми, становится невыносимымъ, приноситъ разочарованіе и даже отвращеніе другъ къ другу, то мораль требуетъ прекратить подобное соединеніе, ставшее неестественнымъ, а потому и безнравственнымъ. И такъ какъ исчезнутъ всѣ условія, которыя до сихъ поръ осуждали большое число женщинъ или къ безбрачію, или къ продажѣ своего тѣла, то мужчины не могутъ болѣе проявлять своего преобладанія. Съ другой стороны, совершенно измѣнившееся общественное состояніе устранитъ многія препятствія и замѣшательства, которыя нынѣ вліяютъ на супружескую жизнь и которыя такъ часто дѣлаютъ ее или совершенно невозможной, или не даютъ развернуться.

Препятствія, противорѣчія и противоестественности въ современномъ положеніи женщины все болѣе сознаются широкими кругами и находятъ себѣ живое выраженіе, какъ въ соціальной, такъ и въ беллетристической литературѣ часто въ неудачной формѣ. Что современный бракъ все менѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, не отрицаетъ болѣе ни одинъ мыслящій человѣкъ, и потому нечего удивляться, что даже тѣ лица, которыя не могутъ быть достаточно послѣдовательными, чтобы стремиться къ измѣненію нашего современнаго общественнаго строя, находятъ все же естественнымъ свободный выборъ любви и свободное расторженіе возникшаго союза; они полагаютъ, что только привилегированнымъ классамъ слѣдуетъ дать свободу въ половомъ общеніи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Матильда Рейхгартъ-Штромбергъ въ своей полемикѣ противъ эмансипаторскихъ стремленій писательницы Фани Левальдъ: „Если вы (Фани Левальдъ) выставляете требованія полной равноправности женщины съ мужчиной въ соціальной и политической жизни, то и Жоржъ Зандъ должна необходимо быть права въ своихъ стремленіяхъ къ эмансипаціи, которая состоитъ лишь въ томъ, чѣмъ мужчина уже давно безспорно владѣетъ. *И, право нельзя найти никакого разумнаго основанія*

почему въ этой равноправности можетъ принять участіе только голова, но не сердце женщины, почему и оно не должно быть свободно, давать и брать, какъ сердце мужчины. Напротивъ, если женщина должна по своей природѣ имѣть право и даже быть обязанной — ибо мы не должны закапывать данный намъ талантъ — напрягать до крайнихъ предѣловъ волокна мозга для соперничества съ духовными титанами другого пола, то она должна имѣть также право, *подобно этимъ послѣднимъ ускорять кровообращеніе сердца для сохраненія равновѣсія тѣла способомъ, какой ей кажется наиболѣе подходящимъ.* Безъ малѣйшаго нравственнаго возмущенія мы всѣ читаемъ, напримѣръ, о Гете — чтобы взять для примѣра величайшаго—какъ часто и многократно онъ расточалъ жаръ своего сердца и энтузіазмъ своей великой души то для той, то для другой женщины. Вдумчивый человѣкъ находитъ это только естественнымъ въ виду его великой и трудноудовлетворяемой души, и только ограниченный моралистъ относится къ этому съ осужденіемъ. Почему же вы смѣетесь надъ „великими душами“ среди женщинъ? Предположите, что весь женскій полъ состоитъ изъ жоржзандовскихъ великихъ душъ; каждая женщина пусть будетъ Люкреціей Флоріани, дѣти которой—всѣ дѣти любви—и всѣхъ этихъ дѣтей она воспитываетъ какъ съ истинно материнской любовью и самоотверженіемъ, такъ съ пониманіемъ и разсудкомъ. Что произошло бы тогда съ міромъ? *Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что міръ могъ бы при этомъ продолжать существовать и также прогрессировать, какъ нынѣ, и, быть можетъ, онъ чувствовалъ бы себя при этомъ особенно хорошо“.*

Но почему такія требованія могутъ выставлять только „великія души“? Почему этого не могутъ желать и другія, невеликія души? Если Гете и Жоржъ Зандъ — возьмемъ только этихъ двухъ изъ многихъ, которые поступали и поступаютъ подобно имъ—могли жить согласно склонностямъ своего сердца, если о любовныхъ дѣлахъ Гете опубликовываютъ цѣлыя библіотеки, которыя съ какимъ то благочестивымъ восторгомъ проглатываются его почитателями и почитательницами, почему тогда осуждать въ другихъ то, что, будучи сдѣлано Гете или Жоржъ Зандъ, становится предметомъ экстаза и восторга.

Правда, осуществить свободный выборъ любви въ буржуазномъ обществѣ невозможно — къ этому ведетъ наше доказательство — но поставьте всѣхъ въ такія соціальныя условія, которыя нынѣ выпадаютъ на долю лишь матеріально и духовно избранныхъ, и всѣ тогда получатъ возможность подобной свободы. Въ „Жакѣ“ Жоржъ Зандъ описываетъ мужа, который судитъ о нарушеніи супружеской вѣрности своей жены слѣдующимъ образомъ: „ни одно человѣческое существо не можетъ справиться съ любовью, и никто не виноватъ, если онъ ее чувствуетъ или ее лишается. То, что принижаетъ женщину—это ложь; бракъ нарушается не въ тотъ часъ, когда она отдается своему возлюбленному, *но въ ту ночь, которую она затѣмъ проводитъ со своимъ мужемъ*“. Жакъ чувствуетъ себя обязаннымъ въ виду такого воззрѣнія, очистить мѣсто своему сопернику (Борелю) и философствуетъ при этомъ такъ: „Борель, на моемъ мѣстѣ, спокойно избилъ бы свою жену и безъ краски стыда принялъ бы ее потомъ въ свои объятія, опозоренную его ударами и его поцѣлуями. Существуютъ мужчины, которые, не долго думая, по восточному обычаю убиваютъ свою невѣрную жену, такъ какъ они смотрятъ на нее, какъ на свою законную собственность. Другіе дерутся съ своимъ соперникомъ, убиваютъ или удаляютъ его и затѣмъ просятъ у жены, которую они по ихъ утвержденію любятъ, поцѣлуевъ и ласкъ, между тѣмъ какъ она или съ ужасомъ отшатывается, или въ отчаяніи сдается. Это обычный способъ дѣйствія супружеской любви, и мнѣ представляется, что любовь свиней менѣе низменна и менѣе груба, чѣмъ любовь подобныхъ людей“. Брандесъ, по поводу цитированныхъ здѣсь выраженій, замѣчаетъ слѣдующее: „Эти истины, которыя нашему современному образованному міру кажутся элементарными, 50 лѣтъ тому назадъ были возмутительными софизмами“. Но открыто признать себя сторонникомъ принциповъ Жоржъ Зандъ не осмѣливается и понынѣ „имущій и образованный міръ“, хотя фактически онъ живетъ согласно съ ними. Какъ въ морали и религіи, такъ лицемѣритъ онъ и въ бракѣ.

То, что дѣлали Гете и Жоржъ Зандъ, дѣлаютъ нынѣ тысячи другихъ, которыхъ нельзя сровнить ни съ Гете, ни съ Зандъ, и при этомъ отнюдь не теряютъ своего престижа въ обществѣ. Нужно только занимать видное мѣсто, и тогда

образуется само собой. Несмотря на это, вольности Гете и Жоржъ Зандъ считаются съ точки зрѣнія буржуазной морали безнравственными, такъ какъ онѣ нарушаютъ моральные законы, издаваемые обществомъ, и стоятъ въ противорѣчіи съ природою нашего соціальнаго состоянія. Принудительный бракъ является для буржуазнаго общества бракомъ нормальнымъ, единственнымъ моральнымъ соединеніемъ половъ, всякое другое половое соединеніе—безнравственно. Буржуазный бракъ, какъ мы безспорно доказали, вытекаетъ изъ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній. Стоя въ тѣснѣйшей связи съ частною собственностью и наслѣдственнымъ правомъ, онъ заключается для полученія „законныхъ дѣтей“, какъ наслѣдниковъ. Въ будущемъ не будетъ наслѣдства—слѣд. и принудительнаго брака.

Женщина, такимъ образомъ, *свободна*, и ея дѣти не урѣзываютъ ей этой свободы, они могутъ ей только увеличить радость жизни. Воспитательницы, подруги, подрастающая женская молодежь, помогаютъ ей въ тѣхъ случаяхъ, когда она нуждается въ помощи.

Таковъ совершаемый соціализмомъ великій прогрессъ. То, къ чему тщетно стремилось буржуазное общество, и обо что оно разбивается и должно разбиться, установленіе свободы, равенства и братства всѣхъ людей, то осуществитъ соціализмъ. Буржуазное общество могло выставить лишь теорію; практика, какъ во многихъ другихъ вещахъ, и здѣсь противорѣчила его теоріямъ. Соціализмъ объединитъ теорію съ практикой.

Но, возвращаясь къ исходному пункту своего развитія, человѣчество дѣлаетъ это на безконечно высшей культурной ступени. Путь развитія, который былъ пройденъ съ тѣхъ поръ, уничтожилъ общую собственность до небольшихъ незначительныхъ остатковъ, разбилъ роды и въ концѣ концовъ раздѣлилъ на атомы все общество, но въ своихъ различныхъ фазахъ онъ мощно повысилъ производительныя силы общества и многосторонность потребностей, изъ родовъ и племенъ создалъ націи и крупныя государства но, вмѣстѣ съ тѣмъ, породилъ состояніе, которое пришло въ самое рѣзкое противорѣчіе съ потребностями общества. Задача будущаго состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить это противо-

рѣчіе, снова превративъ на самой широкой основѣ собственность и средства труда въ собственность.

Общество беретъ назадъ то, чѣмъ оно когда-то владѣло и что оно само создало, оно дѣлаетъ возможнымъ для всѣхъ соотвѣтственно новосозданнымъ жизненнымъ условіямъ вести жизнь на *высшей* культурной ступени, т. е. *оно даетъ всѣмъ то, что при болѣе примитивныхъ условіяхъ могло быть лишь привиллегіей отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ классовъ.* Теперь и женщина *снова* начинаетъ играть *активную роль*, которую она когда-то играла въ первобытномъ обществѣ, но уже не какъ госпожа, а какъ равноправная.

„Конецъ государственнаго развитія подобенъ началу человѣческаго бытія. Первоначальное равенство снова возвращается. Бытіе, основанное на материнствѣ, открываетъ и заключаетъ круговоротъ человѣческихъ вещей“, пишетъ Бахофенъ въ своемъ сочиненіи „Материнское право“, а Морганъ выражается такъ: „Съ наступленіемъ цивилизаціи ростъ богатства сдѣлался столь огромнымъ, его формы столь разнообразными, его примѣненіе столь обширнымъ и *его управленіе столь искуснымъ въ интересѣ собственниковъ, что по отношенію къ народу это богатство превратилось въ силу, съ которой не справиться.* Человѣческій духъ стоитъ безпомощно и испуганно передъ своимъ собственнымъ твореніемъ. Но придетъ время, когда человѣческій разумъ укрѣпится для господства надъ богатствомъ, когда онъ установитъ какъ отношенія государства къ защищаемой имъ собственности, такъ и границу правъ собственниковъ. *Интересы общества стоятъ абсолютно впереди интересовъ отдѣльныхъ лицъ, тѣ или другіе должны быть приведены въ справедливое и гармоническое соотношеніе*; простая погоня за богатствомъ не является конечнымъ назначеніемъ человѣчества, но прогрессъ остается закономъ для будущаго, какъ онъ былъ закономъ для прошлаго. Время, протекшее съ начала цивилизаціи, представляетъ лишь небольшую частицу времени, которое ему предстоитъ прожить. *Разложеніе общества угрожающе стоитъ передъ нами какъ конецъ историческаго пути, единственной цѣлью котораго было богатство*; *ибо подобный жизненный путь содержитъ элементы своего собственнаго разложенія.*

„Демократія въ управленіи, братство въ обществѣ, равенство въ правахъ, всеобщее воспитаніе освятятъ ближайшую высшую ступень общества, для которой постоянно работаютъ опытъ, разумъ и наука“.

„Она будетъ возрожденіемъ, но въ высшей формѣ свободы, равенства и братства стараго рода“.

Такимъ образомъ, люди съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, на основаніи своихъ научныхъ изслѣдованій приходятъ къ одинаковымъ результатамъ. Полная эмансипація женщины и ея равенство съ мужчиной, являются одной изъ цѣлей нашего культурнаго развитія, осуществленію которой не можетъ воспрепятствовать никакая сила на землѣ. Но она возможна лишь на основѣ переворота, который уничтожаетъ господство человѣка надъ человѣкомъ, такимъ образомъ и капиталиста надъ рабочимъ. Только тогда человѣчество достигнетъ своего высшаго развитія. Тогда, наконецъ, придетъ „золотой вѣкъ“, о которомъ люди мечтали цѣлыя тысячелѣтія. *Классовое господство навсегда достигло своего конца, а вмѣстѣ съ нимъ пришелъ конецъ и господству мужчины надъ женщиной.*

* *
*

Вотъ сущность всей главы: она коротка и неясна.

Я буду еще короче Бебеля, но можетъ быть яснѣе. Правду ли онъ говоритъ. Хвалебная пѣснь или пощечина — его книга.

Удивительно для насъ русскихъ западное мѣщанство мысли.

Для насъ ничего не представляетъ ни страшнаго ни новаго мысль—что — бракъ, не освященный любовью, потерявшій нравственныя основы, преступнѣе и позорнѣе уличной проституціи.

Для насъ избитая мысль, *общее мѣсто*, что наше воспитаніе, нашъ смѣшной страхъ говорить о тайнѣ пола рожденъ развратомъ и долженъ отпасть. Для насъ ясно, что брачное законодательство, вся наша конституція семьи созданная мужчиной буржуазны и безнравственны, но именно потому, что у насъ *уже нѣтъ, умерла лицемѣрная старая мораль*, бывшая въ сущности моралью приличія, намъ и не *нравится жоржандизмъ Бебеля.*

Только реакціей противъ прошлаго можно извинить это стремленіе къ праву пикника.

Нѣтъ, женщина побѣдитъ, уничтожитъ право мужа не для того, для чего хочетъ сдѣлать Бебель.

Конечно если бы развратъ подъ звуки Шопена напрягалъ духовныя силы женщины, рѣчь была бы иная.

Но мы полагаемъ, такое значеніе разврата или свободной любви открыла только Матильда Шронбергъ.

Брачная любовь не въ физіологіи. Здѣсь главное--взаимопроникновеніе, постепенно накопляющееся сродство душъ.

Брачная сближенность одинъ изъ источниковъ великихъ культурныхъ откровеній. Изъ соединеній двухъ душъ родятся и воспитываются длительнымъ процессомъ новыя психологическія настроенія, открытія, новыя идеи какихъ не родится при случайномъ двучасовомъ или даже годичномъ романѣ.

„Нельзя подготовиться къ счастью сильной и великой любви рядомъ легко завязывающихся и еще легче порывающихся связей—пишетъ Елленъ Кей. Свободная, добровольная вѣрность есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ благородства, потому что въ ней заключается воля человѣка, сконцентрированная на самой сущности жизни, потому что она заключаетъ въ себѣ единеніе и единство съ нашимъ внутреннимъ я. Это одинаково относится какъ къ любовной, такъ и ко всѣмъ родамъ вѣрности. Только тогда, когда любовь становится благочестіемъ будничныхъ дней и благоговѣніемъ праздничныхъ часовъ, когда эту любовь лелѣютъ и растятъ подъ непосредственнымъ вниманіемъ души, когда она постоянно возвышаетъ значеніе или — лучше употребимъ старинное хорошее слово — „святость“ личности, только тогда любовь дѣйствительно велика. И тогда она имѣетъ и высшія права, чѣмъ какая бы то ни было прежняя связь, потому что именно такая любовь означаетъ вѣрность по отношенію къ нашему собственному высшему и лучшему я. Любовь, не имѣющая такого характера, не имѣетъ и высшихъ правъ, она—просто маленькое мелкое чувство, хотя бы оно и было скрашено сильной страстью. И дѣти, происшедшія отъ мимолетныхъ, легкихъ связей, являются такими же нецѣльными, какъ и чувство, которое ихъ породило. „Великая любовь,— писалъ мнѣ

недавно молодой докторъ, — есть та, которая такъ глубоко и всеобъемлюще захватываетъ человѣка, что, утративъ ее, перестаешь себя чувствовать цѣлой единицей, а только одной ея половиной. И великое несчастіе, что въ наше время, когда молодежь впервые полюбитъ, у ней обыкновенно нѣтъ средствъ для вступленія въ бракъ, а когда, наконецъ, у нея являются эти средства, тогда, чаще всего чувство, заставляющее ее вступать въ бракъ, — уже не то высокое и глубокое, которое она когда-то испытывала, а только суррогатъ его, если не простая, лживая поддѣлка подъ чувство".

Самое материнство и его глубоко культурно-творческая цѣнность держится тѣмъ, что ребенокъ сынъ того, съ кѣмъ живетъ въ душу едину. „Любовь Лукреціи Флоріани" къ ребенку, который родился въ то время, когда мѣсто его отца уже занялъ другой „сомнительна".

Бракъ великая мистическая вещь, и если удастся освободить его отъ грязи и грѣха, которымъ онъ теперь окруженъ, удастся сдѣлать его свободнымъ, чистымъ, удастся стереть проклятое „право мужа", то тогда ставить цѣлью его, тогда ускорятъ „кровообращеніе сердца" подъ звуки Шопена будетъ даже позорнѣе, чѣмъ теперь...

Женщины... берегитесь. Вамъ несутъ не свободу, а униженіе.

Вмѣсто власти руководительницъ жизни зовутъ въ грязный *весенній потокъ*.

Но теперь вообще о женщинѣ и соціализмѣ.

Во всякой борьбѣ за правду и свободу женщина должна конечно помогать мужчинѣ. Если она считаетъ вполнѣ чистыми его соціалистическіе идеалы, она пойдетъ съ нимъ (хотя думаю, что женщинѣ особенно подходило бы всмотрѣться въ правду христіанской соціологіи и христ. соціализма): но она не должна еще считать и соціализмъ своимъ постояннымъ вѣчнымъ союзникомъ.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Соціализмъ имѣетъ цѣлью уничтожить классовую борьбу, но развѣ это значитъ рѣшить вопросъ о борьбѣ половъ?

Кто поручится, что будущіе свободные не сдѣлаютъ женщину своей рабой.

Больше... необходимо принять, что это порабощеніе естественный выводъ ихъ самой сущности ученія Маркса.

Будетъ ли въ состояніи женщина выдержать конкурренцію съ мужчиной будущаго.

Положимъ что будетъ.

И всетаки этого мало для того, чтобы женщина освободилась отъ порабощенія. Кромѣ силы экономическаго превосходства есть другія силы, напримѣръ—власть, сила физическая.

„Въ Германіи женщины не имѣютъ доступа къ университетскому образованію—пишетъ Бебель. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ женщины-врачи были приглашены Германскимъ правительствомъ на разныя должности, на нихъ смотрѣли, какъ на болѣе дешевую рабочую силу: за одинъ и тотъ же трудъ онѣ получаютъ гораздо меньшую плату, чѣмъ мужчины. И такъ какъ мужчины при нынѣшнихъ обстоятельствахъ уже сами по себѣ враждебно относятся къ конкуренціи женщины, и вдвое враждебнѣе, если женщины вытѣсняютъ ихъ своими скромными требованіями, то положеніе женщинъ далеко не пріятное.

Съ каждымъ годомъ женщины все болѣе доказываютъ, что онѣ, несмотря на ихъ запущенное образованіе, способны заниматься умственнымъ трудомъ и теперь уже въ состояніи конкурировать съ мужчиной во многихъ областяхъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ, при существующихъ соціальныхъ условіяхъ, не достигается настоящая цѣль ни для мужчинъ, ни для женщинъ. Если женщины получаютъ доступъ къ высшимъ профессіямъ,—что пользу принесетъ только меньшинству—то, въ концѣ концовъ, это только будетъ имѣть такой результатъ, какъ въ области индустріи. Трудъ женщины, занимающейся какой-нибудь высшей профессіей, оплачивается хуже въ той степени, въ какой конкуренція увеличиваетъ предложеніе. Намъ извѣстенъ одинъ случай, въ которомъ женщина должна была получить мѣсто учительницы въ высшемъ учебномъ заведеніи,—за содержаніе вдвое менѣе того, какое получалъ на томъ же мѣстѣ мужчина.

Несмотря на это безстыдное, но по принципамъ, господствующимъ въ гражданскомъ мірѣ, вполнѣ справедливое условіе, женщина должна была по нуждѣ согласиться. Итакъ

нѣтъ сомнѣнія, что и съ доступомъ къ высшимъ профессіямъ женщины не освободятся изъ своего соціальнаго бѣдственнаго положенія. *Необходимо итти дальше*".

Дальше *т. е. къ соціализму?*

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не измѣнитъ дѣла.

Развѣ, повторяемъ, конецъ „борьбы классовъ" необходимо ведетъ за собой равенство половъ.

Родится борьба половъ, мужчина встанетъ за свое господство „право мужа"—и женщина, если она пойдетъ все время только по слѣдамъ мужчины побѣжденная и порабощенная, работая какъ мужчина, останется его одалиской.

„Есть соціалисты (хотя ихъ число со времени появленія сей книги значительно уменьшилось—что отчасти составляетъ ея заслугу),—пишетъ опять Бебель—которые съ такимъ же нерасположеніемъ стоятъ противъ эмансипаціи женщины, съ какимъ капиталисты относятся къ соціализму. Каждый соціалистъ понимаетъ зависимость рабочаго отъ капиталиста, и многіе изъ нихъ даже удивляются, что и остальные, особенно капиталисты, не желаютъ понять ее; но зависимость женщины отъ мужчины онъ часто не понимаетъ потому, что въ данномъ случаѣ вопросъ въ нѣкоторомъ родѣ касается и его собственнаго „я". Стремленіе защищать дѣйствительные или мнимые интересы, которые въ такомъ случаѣ являются всегда неприкосновенными, дѣлаетъ людей слѣпыми и неспособными къ мышленію".

Конечно—Бебель обольщается утверждая, что его книга уменьшила число враговъ эмансипаціи среди соціалистовъ. Не книги мѣняютъ жизнь—а соотношеніе силъ. А развѣ соціализмъ несетъ женщинѣ—силу для борьбы съ мужчиной? Нѣтъ. Кончится борьба классовъ—начнется борьба половъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мужчина—въ будущемъ царствѣ вселенскаго счастья будетъ врагомъ женщины какъ сильный—захочетъ сдѣлать рабомъ слабаго хотя бы физически—и конечно сломитъ и поработитъ ее. Если женщина хочетъ свободы и равенства—она должна культивировать свои силы въ областяхъ, гдѣ конкуренція мужчины не окажется сильнѣе. Должна открыть свои сферы труда такъ, чтобы она могла сказать мужчинѣ: ты нуждаешься въ моемъ трудѣ—какъ я въ твоемъ, ты не можешь замѣнить меня — и по

тому не одинъ ты, но и я могу ставить условія—между нами возможенъ договоръ.

Для того, чтобы обезпечить себѣ побѣду — женщина должна искать себѣ и идеологическаго союзника—такого, который бы строилъ равенство не на законахъ чистой экономики—а на болѣе сложномъ законѣ—духовнаго равенства—и единства.

Это значитъ, что союзникомъ женщины долженъ быть не Бебелевскій, а христіанскій соціализмъ. Правда, Бебель бросилъ христіанству и въ частности ап. Павлу обвиненіе—будто оно проповѣдуетъ рабство женщины. Но вѣдь это просто результатъ почти „фантастическаго“ невѣжества и только... Ап. Павелъ—отдаетъ женщинѣ даже право церковнаго предстоятельства. Фива и другія женщины, поминаемые у Павла—были не только діакониссами—но *настоятелями общинъ*...

И конечно—далѣе—женщина должна во имя самосохраненія отстаивать не гибельный для нея принципъ „Жорзандизма“, и чистую свободную семью.

Семью какъ счастье, ради котораго мужъ, потерявшій „свои права мужа“, построенные на экономикѣ, откажется отъ права физически сильнаго, потому что противъ него стоитъ *будущая мать*.

Мужчина и женщина.

(Изъ Теннисона).

Мужчина съ женщиной—одно, и вмѣстѣ
И возвышаться имъ, и упадать:
Обоимъ быть титаномъ иль пигмеемъ,
Обоимъ быть свободнымъ иль рабомъ.
Она съ нимъ вмѣстѣ отъ Летійскихъ струй
По свѣтлымъ ступенямъ природы всходитъ.
Она съ нимъ дѣлитъ ночи, какъ и дни,

---

[1]) Мѣсто женщины только въ партіи или братствѣ Христова Соціализма.

И вмѣстѣ съ нимъ стремится къ общей цѣли.
Въ ея рукѣ весь юный цвѣтъ земли.
Какъ, будучи пустой, ничтожной, жалкой,
Взрастить мужей? Ну, такъ вдвоемъ за трудъ!

Намъ путь открытъ: послужимъ же обоимъ,
Давая помощь ей по мѣрѣ силъ.
Отъ паразитныхъ формъ ее очистимъ,
Что, будто возвышая, гнутъ къ землѣ.
Дадимъ расцвѣсть всему, что въ ней таится—
Позволимъ быть своей, дарить, хранить,
Учиться, жить и дѣлать, что угодно,
Съ тѣмъ только, чтобы женственность сберечь.
Она вѣдь не мужчина недозрѣвшій,
Она иная: уравнивши ихъ,
Убьемъ любовь, гдѣ служитъ лучшей связью
Не торжество, а сходство при различьи.

Но впредь они пускай идутъ ровнѣе,
Онъ выше будь ея, она—его.
Въ немъ чистота и нѣжность разовьются,
Мышцъ не ослабивъ, что колеблютъ міръ,
Въ ней ширь ума: но все жъ въ ней мысль о дѣтяхъ
И дѣтская пребудетъ простота,
И оба тутъ въ гармонію сольются,
Какъ музыка и благородный стихъ.

Орестъ Головинъ.

Пророкъ христіанской свободы

и свободнаго христіанства.

(Ламенэ и его „Слова вѣрующаго“).

„Это не книга настоящаго, это книга инстинкта, предчувствія, совѣсти“. Изъ письма Ламенэ о его книгѣ.—„Въ Турѣ была церковь Ранѣе ее звали церковью Богоматери бѣдныхъ. Теперь ее зовутъ церковью Богоматери богатыхъ“. „У этого священника—лицо грѣшника. Его лобъ отмѣченъ—печатью Ересіарха... Взгляните хорошенько... Не носитъ ли его лицо—слѣды проклятія неба“.

Слова папы Льва XII о Ламенэ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Къ народу.—„Пророкъ“ христіанской свободы и свободнаго христіанства.—Изъ Ламенэ наиболѣе яркія главы.—Пророкъ свободы (какъ думалъ Ламенэ?).—Жизнь Ламенэ.

Къ народу.

Эта книга написана главнымъ образомъ для васъ; вамъ ее я и предлагаю. Пусть она хоть немного оживитъ и утѣшитъ васъ среди столькихъ золъ, которыя—вашъ удѣлъ, столькихъ скорбей, которыя не даютъ вамъ покоя!

Вы, кого отягощаютъ дневныя заботы,—я хотѣлъ бы, чтобы она (книга) была для вашей усталой души тѣмъ, чѣмъ является въ полдень, среди поля, тѣнь зеленѣющаго дерева,—хотя бы и скудная,—для того, кто цѣлое утро работалъ подъ палящими лучами солнца.

Вы живете въ худое время, но это время пройдетъ.

Послѣ суровой зимы Провидѣніе посылаетъ теплую весну, и маленькая птичка благословляетъ въ своихъ пѣсняхъ благодѣтельную руку, которая послала ей и тепло, и кормъ, и ея подругу и мягкое гнѣздышко.

Надѣйтесь и любите. Надежда все смягчаетъ, а любовь все облегчаетъ.

Есть въ настоящій моментъ люди, которые много страдаютъ, потому что они много васъ любили. Я, ихъ братъ, написалъ разсказъ о томъ, что они сдѣлали для васъ и что они претерпѣли за это: и когда насиліе само собой исчезнетъ, я обнаружу это, и вы прочитаете его тогда не съ такой горечью и полюбите этихъ людей, которые васъ такъ любили.

Но если бы я теперь разсказалъ вамъ объ ихъ любви и ихъ страданіяхъ, меня подвергли бы вмѣстѣ съ ними преслѣдованію.

Я съ великой радостью претерпѣлъ бы его, если бы ваша бѣдственная судьба хоть немного облегчилась; но вы не получите отъ этого ни капли облегченія; поэтому нужно ждать и молить Бога, чтобы онъ сократилъ испытаніе.

Теперь судятъ и наказываютъ люди—скоро Онъ самъ будетъ судить. Счастливъ, кто узритъ Его правосудіе!

Я уже старъ: выслушайте слова старика. Земля печальна и безплодна, но она снова зазеленѣетъ. Дыханіе зла не вѣчно же будетъ носиться надъ ней подобно жгучему вѣтру.

Провидѣнію угодно, чтобы совершалось то, что совершается,—для вашего вразумленія, чтобы вы научились быть добрыми и справедливыми, когда настанетъ вашъ часъ.

Когда тѣ, что злоупотребляютъ своею властью, пройдутъ предъ вами какъ грязная муть ручьевъ въ день бури, тогда вы уразумѣете, что одно только добро вѣчно, и остережетесь отравлять воздухъ, который очищенъ небеснымъ вѣтромъ.

Приготовьте души ваши къ этому времени, ибо оно недалеко; оно уже приближается.

Христосъ, за васъ вознесенный на крестъ, обѣщалъ освободить васъ.

Вѣрьте же Его обѣту, и чтобы приблизить его желаніе, исправьте то, что нуждается въ исправленіи, упражняйтесь во всѣхъ добродѣтеляхъ и любите другъ друга, какъ Спаситель рода человѣческаго возлюбилъ васъ,—даже до смерти.

* * *

И я увидѣлъ все зло, которое постигло землю. Увидѣлъ, какъ притѣсняютъ слабыхъ. Какъ праведный проситъ милостыню, а злой возносится въ почестяхъ и утопаетъ въ богатствѣ. Какъ невинный осуждается несправедливыми судьями и его дѣти блуждаютъ подъ солнцемъ.

И душа моя была печальна, и надежда уходила изъ нея отовсюду, какъ изъ разбитаго сосуда.

И Богъ послалъ мнѣ глубокій сонъ.

Во снѣ я увидѣлъ какъ бы свѣтящуюся фигуру, стоящую предо мной, какъ бы нѣкоего Духа, взглядъ котораго, нѣжный и пронизывающій, проникалъ въ глубину моихъ самыхъ тайныхъ мыслей.

И я задрожалъ, не отъ страха или радости, но отъ чувства, которое было непонятнымъ сочетаніемъ того и другого.

И духъ сказалъ мнѣ: „Почему ты печаленъ?“ Я отвѣтилъ со слезами: „О, развѣ ты не видишь, сколько зла на землѣ!“

Небесное видѣніе улыбнулось неизрѣченной улыбкой, и до моего уха долетѣли слова:

„Твой глазъ видитъ все лишь сквозь ту обманчивую среду, какую твари зовутъ временемъ. Но время существуетъ только для тебя: для Бога нѣтъ времени".

И я молчалъ, потому что не понималъ этого.

Но духъ сказалъ: „Смотри".

И вдругъ съ этого момента то, что называется *прежде* и *послѣ*, стало для меня однимъ: я увидѣлъ сразу то, что люди на ихъ слабомъ и несовершенномъ языкѣ зовутъ прошедшимъ, настоящимъ, будущимъ.

Все это было вмѣстѣ, и однако для того, чтобы передать, что я видѣлъ, я долженъ спуститься въ нѣдра времени и говорить слабымъ и несовершеннымъ языкомъ людей.

Итакъ, весь человѣческій родъ представился мнѣ какъ одинъ человѣкъ.

Этотъ человѣкъ сдѣлалъ много зла и мало добра, испытывалъ много скорбей и мало радостей.

И онъ лежалъ такъ въ своемъ несчастьи на землѣ—обледенѣвшей и раскаленной заразъ,—онъ, худой, обезсиленный отъ голода, страдающій, подергиваемый конвульсіями отъ боли, закованный въ цѣпи, приготовленныя въ жилищѣ демоновъ.

Судорожно сжимая руки, онъ катался по землѣ отъ чрезмѣрныхъ страданій, такъ что желѣзо его цѣпей въѣлось въ тѣло и сдавило его кругомъ.

Ибо какъ только оно касалось кожи, оно приставало къ ней, какъ кипящій свинецъ; оно впивалось въ живое тѣло, такъ что нельзя было отнять.

И это былъ человѣкъ, я призналъ его.

Но вотъ появился лучъ свѣта—съ Востока, и лучъ любви—съ Юга, и лучъ силы—съ Сѣвера.

Эти три луча соединились въ сердцѣ человѣка.

И когда явился лучъ свѣта, голосъ сказалъ: „Сынъ Божій, братъ Христовъ, полюби того, кого ты долженъ любить"

Наконецъ, когда явился лучъ силы, голосъ сказалъ: „Сынъ Божій, братъ Христовъ, сдѣлай то, что должно быть сдѣлано".

А когда три луча слились вмѣстѣ, три голоса тоже соединились, и образовался одинъ голосъ, который сказалъ: „Сынъ Божій, братъ Христовъ, служи Богу и не служи никому, кромѣ Его“.

Тогда то, что казалось мнѣ однимъ человѣкомъ, превратилось въ цѣлое множество народовъ и племенъ.

И однако ни мое первое видѣніе не было призрачнымъ, ни второе тѣмъ болѣе.

Эти народы и эти племена, пробудившись на своемъ скорбномъ ложѣ, заговорили между собой:

„Откуда происходятъ наши страданія и болѣзни, голодъ и жажда, которые насъ мучатъ; и цѣпи, которыя пригибаютъ насъ къ землѣ, въѣдаются въ наше тѣло? откуда?“

И открылось ихъ разумѣніе, и поняли они, что сыны Божьи, братья Христовы не были осуждены отцомъ своимъ на рабство, а рабство это и было источникомъ всѣхъ ихъ бѣдствій.

Тогда всякій попытался разорвать свои цѣпи, но не могъ.

И они поглядѣли другъ на друга съ великой жалостью, и въ нихъ зажглась любовь и они сказали другъ другу: „У всѣхъ насъ одна мысль; почему же у насъ не одно сердце? Развѣ всѣ мы не сыны одного Бога, не братья одного Христа? Спасемся же, или умремъ вмѣстѣ“.

И сказавши это, они ощутили въ себѣ божественную силу, и я услышалъ, какъ затрещали ихъ цѣпи: шесть дней сражались они съ тѣми, которые заковали ихъ; на шестой день они побѣдили, а седьмой былъ днемъ покоя.

Земля, дотолѣ сухая и безплодная, зазеленѣла, и всѣ ѣли отъ ея плодовъ и ходили по ней безпрепятственно, не слыша запрещенія: „Куда вы идете? Здѣсь нельзя ходить“.

Дѣти собирали цвѣты и приносили матерямъ, которыя нѣжно имъ улыбались.

И не было болѣе ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но всѣ имѣли въ изобиліи все необходимое, потому что всѣ любили своихъ братьевъ и помогали имъ.

И раздался въ небесахъ голосъ, какъ голосъ ангела: „Слава Богу, который далъ разумѣніе, любовь, силу своимъ дѣтямъ! Слава Христу, который послалъ своимъ братьямъ свободу!“ („Сл. вѣр.“, гл. 11-я).

„Пророкъ“ христіанской свободы и свободнаго христіанства [1]).

Кто и что такое Ламенэ?

Чисто формальный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы даемъ въ его біографіи—(конецъ книги).

Здѣсь нуженъ другой вопросъ, именно: „*что* былъ Ламенэ“?

Это пророкъ—христіанской свободы. Вотъ въ двухъ словахъ характеристика „учителя“.

Христосъ пришелъ на землю, чтобы „отпустить на свободу несвободныхъ“. Въ этомъ центръ евангелія... Голгофа была жертвой, принесенной во имя свободы...

Человѣкъ—свободенъ, и *рабство человѣка* не насчастіе, *а величайшее изъ преступленій*, не въ поработителѣ только, но и въ *рабѣ*.

Понятно—что если „свобода“ сущность евангелія—то поруганіе свободы ощущается христіаниномъ какъ преступленіе *противъ Христа*, кощунство, распинаніе Христа...

Въ недавно напечатанномъ разсказѣ „За что“? въ „Мірѣ Бож.“—передается *видѣніе* одного изъ очевидцевъ Гомельскихъ убійствъ.

Мнѣ, говоритъ авторъ—видѣлся крестъ; Христосъ на крестѣ—и у подножія распятія ужасы убійства и насилія...

У креста... Такія видѣнія преслѣдуютъ и Ламенэ, когда онъ видитъ поруганіе свободы.

Онъ видитъ Вождя освобожденныхъ—поруганнымъ и оплеваннымъ—и видитъ такъ ярко, что „стигматы“ кровавые раны—появляются на его рукахъ и ногахъ и челѣ—какъ у Того—у котораго „ископаша руцѣ и нози“.

Въ главѣ 13-й его книги—есть такая ярко пророческая картинка [2]).

* * *

Это было въ одну мрачную ночь: небо безъ звѣздъ ви-

[1]) Въ изложеніи Ламенэ—мы пользовались книгой Котляревскаго—Ламенэ и его время.

[2]) Предупредимъ, что вѣнценосцы притчи—не одна власть—это всѣ формы борьбы противъ свободы, между прочимъ, съ точки зрѣнія Ламенэ, и атеистическій соціализмъ.

сѣло надъ землею, какъ сводъ чернаго мрамора надъ могилой.

Ничто не смущало молчанія этой ночи, и только какой-то странный шумъ, какъ легкій трепетъ крыльевъ время отъ времени раздавался вверху надъ деревнями и городами.

И тогда мракъ сгустился, и каждый чувствовалъ, какъ сжимается его душа и холодный ужасъ пробѣгаетъ по жиламъ.

Въ залѣ, обтянутой чернымъ, освѣщенной красноватой лампой, семь человѣкъ, одѣтые въ пурпуръ и съ коронами на головахъ, сидѣли на семи желѣзныхъ сѣдалищахъ.

Посрединѣ залы возвышался тронъ, сложенный изъ костей, а у подножія его въ качествѣ скамейки—поверженное распятіе; передъ тономъ—столъ слоновой кости, на столѣ—сосудъ, полный красной, пѣнящейся крови и человѣческій черепъ.

Семь вѣнценосныхъ людей казались задумчивыми и печальными; лишь время отъ времени глаза ихъ вспыхивали зловѣщими огоньками изъ глубины глубокихъ орбитъ.

Но вотъ одинъ изъ нихъ, поднявшись, колеблющейся походкой приблизился къ трону и поставилъ ногу на распятіе.

Въ этотъ моментъ члены его задрожали, и, казалось, онъ сейчасъ упадетъ. Остальные смотрѣли неподвижно; они не сдѣлали ни малѣйшаго движенія, но какая то тѣнь пробѣжала у нихъ по лбу, и нечеловѣческая улыбка скривила ихъ губы.

А тотъ, кто, казалось, сейчасъ упадетъ, протянулъ руку, схватилъ сосудъ съ кровью, налилъ изъ него въ черепъ и выпилъ.

Напитокъ повидимому возвратилъ ему силы. Онъ поднялъ голову и крикъ, подобный глухому хрипѣнью, вырвался изъ его груди: „Да будетъ проклятъ Христосъ, который принесъ на землю Свободу“.

И шесть остальныхъ вѣнценосныхъ людей поднялись всѣ разомъ и вмѣстѣ испустили тотъ же крикъ:

„Да будетъ проклятъ Христосъ, который принесъ на землю Свободу“.

Послѣ чего, когда всѣ возвратились на свои сѣдалища, первый сказалъ:

„Братья мои, что сдѣлаемъ мы, чтобы задушить Свободу? Ибо наше владычество кончено, какъ только воцарится она. Дѣло наше общее: пусть всякій предложитъ средство, которое покажется ему пригоднымъ.

„Я, вотъ какой могу дать совѣтъ. Прежде чѣмъ пришелъ Христосъ, кто стоялъ у насъ на дорогѣ? Это *его* религія погубила насъ: итакъ уничтожимъ религію Христа".

И всѣ онѣ отвѣтили: „Это правда. Уничтожимъ религію Христа".

И второй поднялся къ трону, взялъ человѣческій черепъ, налилъ туда крови, выпилъ ее и сказалъ:

„Не только религію одну нужно уничтожить, но и науку и мысль; ибо наука хочетъ познать то, что невыгодно для насъ, чтобы зналъ человѣкъ; а мысль всегда готова бунтовать противъ силы".

И всѣ отвѣтили: „Это правда, уничтожимъ науку и мысль".

И сдѣлавши то, что и оба первые, третій сказалъ:

„Когда мы обратимъ людей въ скотское состояніе, отнявши у нихъ и религію, и науку, и мысль, мы много сдѣлаемъ, но намъ остается еще кое-что сдѣлать.

„Животное имѣетъ опасные инстинкты и симпатіи. Нужно, чтобы ни одинъ народъ не слышалъ голоса другого народа; иначе, когда первый станетъ жаловаться и волноваться, второй захочетъ подражать ему. Пусть никакой слухъ извнѣ не проникаетъ къ намъ".

Четвертый сказалъ: „У насъ свои интересы, у народа — свои, противоположные нашимъ. Если они, соединившись, станутъ защищать противъ насъ свои интересы, что мы имъ противопоставимъ?

„Нужно раздѣлить, чтобы властвовать. Создадимъ въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ интересы, противоположные интересамъ другихъ деревень, другихъ городовъ, другихъ провинцій.

„Такимъ образомъ, среди взаимной ненависти и вражды они не подумаютъ возстать соединившись противъ насъ".

И всѣ отвѣтили: „Правда. Раздѣлимъ, чтобы властвовать. Согласіе убьетъ насъ".

Тогда пятый, дважды наполнивши человѣческій черепъ кровью и дважды осушивъ его, сказалъ:

„Одобряю всѣ эти средства; они хороши, но ихъ недостаточно. Обратимъ ихъ въ животныхъ, это хорошо, но приведите въ ужасъ этихъ животныхъ, поразите ихъ страхомъ неумолимаго правосудія, жестокими казнями, иначе они рано или поздно растерзаютъ васъ. Палачъ долженъ быть первымъ министромъ у хорошаго князя".

А шестой сказалъ: „Я позналъ выгоду казней быстрыхъ, ужасныхъ, неизбѣжныхъ. Однако есть сильныя души, есть отчаянныя души, которымъ казни ни почемъ.

„Хотите легко править людьми,—развратите ихъ похотью. Добродѣтель для насъ вредна; она питаетъ силу: истощимъ же ее поскорѣе путемъ разврата".

И всѣ отвѣтили: „Правда. Истощимъ силу, и энергію, и мужество развратомъ".

Наконецъ седьмой, выпивши какъ и остальные изъ человѣческаго черепа, такъ заговорилъ, стоя на распятіи:

„Нѣтъ болѣе Христа; война не на жизнь, а на смерть, вѣчная война между нимъ и нами.

„Но какъ отвлечь отъ Него народы? Тщетная попытка. Что же дѣлать? Слушайте! нужно купить священниковъ Христа богатствомъ, почестями, могуществомъ.

„И они повелятъ народу, отъ имени Христа подчиняться намъ во всемъ, чтобы мы ни сдѣлали, чтобы ни приказали.

„И народъ повѣритъ имъ, вручитъ имъ свою совѣсть, и наша власть будетъ прочнѣе, чѣмъ когда либо прежде".

И всѣ отвѣтили: „Правда. Подкупимъ священниковъ Христа".

И вдругъ лампа, которая освѣщала залъ, потухла, и семь человѣкъ разошлись во мракѣ.

* * *

Замѣтьте обстановку разсказа. Въ ней все характерно и ярко: прежде всего это распятіе, которое служитъ скамейкой. Эта страшная фраза: „проклятъ Христосъ, который принесъ свободу".

Не отъ однихъ пурпуроносцевъ Ламенэ ждетъ и боится „похода противъ свободы", потому что говоритъ онъ не о словѣ „свобода", не о гражданскомъ дипломѣ на имя „свободнаго", а объ истинной и великой „человѣческой" свободѣ.

Свобода Христа—это право ростить и множить „душу“, мысль,—право около Бога поставить свое Великое человѣческое „Я“. Свобода Христова—право и возможность жить для обогащенія индивидуальной жизни. И вотъ эту свободу, принесенную Христомъ отнимаютъ. Кто?

„Рабство нашего времени“, трехъ родовъ: политическое экономическое и идейное.

Хронологически первымъ явилось конечно рабство политическое, власть, политическое насиліе.

Главы, въ которыхъ Ламенэ говоритъ о томъ, какъ насиліе вошло въ отношенія людей, пожалуй, самое яркое въ его книгѣ, настолько яркое, что дало возможность обвинить его въ несуществовавшихъ преступленіяхъ.

Мы были,—пишетъ въ энцикликѣ „Singulari nos“ папа—мы были объяты ужасомъ, бросивъ даже бѣглый взглядъ на это сочиненіе, и тронутые ослѣпленіемъ его автора, мы поняли куда доводитъ знаніе, руководимое не духомъ Божіимъ, но духомъ вѣка. Онъ дерзко распространяетъ анархію, презрѣніе къ властямъ и законамъ, и подрываетъ самые корни у всякой религіозной и гражданской власти“.

„Въ рядѣ положеній несправедливыхъ и неслыханныхъ онъ представляетъ власть монарховъ, какъ дѣло грѣха, какъ власть сатаны, онъ позоритъ іерарховъ церкви, заключившихъ съ главами государствъ, якобы преступный союзъ противъ правъ народовъ“ и т. п.

Обвиненіе здѣсь далеко—суровѣе „факта“. Правда, внѣшнія основанія къ обвиненію были. Уже предыдущая глава могла быть истолкована въ смыслѣ проповѣди анархіи.

А 3-я глава ярче и сильнѣе.

* * *

„...И я былъ перенесенъ духомъ въ древнія времена, когда земля была прекрасна, богата и плодотворна; и ея обитатели были счастливы, потому что жили какъ братья.

И я увидѣлъ Змѣя, который вползъ къ нимъ: онъ устремилъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ свой могучій взоръ, и душа ихъ смутилась; они приблизились,—и Змѣй шепнулъ имъ на ухо.

Выслушавши слова Змѣя, они поднялись и сказали: „Мы—цари“.

И солнце поблѣднѣло, и земля приняла гробовую окраску какъ саванъ, окутывающій мертвыхъ.

И послышался глухой ропотъ, долгое стенанье, и всякій задрожалъ въ своей душѣ.

По истинѣ, скажу вамъ, это было какъ день, когда бездна прорвала свои плотины, когда выступилъ изъ береговъ потокъ великихъ водъ.

Ужасъ переходилъ изъ хижины въ хижину—тогда палатъ еще не было—и сообщалъ каждому тайны, которыя заставляли его дрожать.

А тѣ, что сказали: „Мы—цари“, взяли мечъ и послѣдовали за Ужасомъ изъ хижины въ хижину.

И тутъ совершались страшныя тайны: были цѣпи, слезы и кровь.

Устрашенные люди воскликнули: „Убійство появилось въ мірѣ“. И это было все, что они могли сдѣлать, потому что Ужасъ объединилъ ихъ душу и отнялъ у нихъ движеніе рукъ.

И они дали заковать себя въ желѣзо,—себя и своихъ женъ и дѣтей. А тѣ, что сказали: „Мы—цари“, вырыли большую пещеру, и заключили туда весь человѣческій родъ, какъ запираютъ скотъ въ стойло.

Послѣ этого я слышалъ лишь неясные голоса, смѣхъ, рыданія, проклятья“.

* *
*

Не правда ли въ самомъ дѣлѣ, власть представляется, какъ, дѣло сатаны?

Стоитъ однако заглянуть въ главу чтобы понять преувеличенность такого вывода.

Ламенэ вовсе не хочетъ отрицать Рим. XIII.

Власть вообще, по взгляду Ламенэ, родилась изъ стремленія къ правдѣ и порядку; элементы неправды были внесены послѣ.

„Грѣхъ произвелъ князей, потому что вмѣсто братской любви и взаимности, люди стали вредить другъ другу.

Тогда они выбрали изъ свой среды одного или нѣсколькихъ, кого они считали самыми справедливыми, чтобы защищать добрыхъ отъ злыхъ и чтобы слабый могъ жить въ мирѣ.

И власть ихъ была законной властью, ибо это была власть Бога, который хочетъ чтобы царствовало правосудіе среди людей,—и власть народа, который избралъ ихъ.

Почему каждый по совѣсти считалъ себя обязаннымъ повиноваться имъ.

Но нашлись вскорѣ и такіе, что захотѣли царствовать надъ этими, какъ если бы они были болѣе высокой природы, чѣмъ ихъ братья.

И власть ихъ незаконная, ибо это власть сатаны, и ихъ господство есть господство гордости и жадности".

Потому-то рѣчи Ламенэ и поражаютъ такимъ ужасомъ, что это не рѣчи „бунтовщика, а крикъ оскорбленной совѣсти" души, плачущей о злыхъ владыкахъ, такъ же какъ объ обиженныхъ рабахъ.

Ламенэ не былъ анархистомъ; болѣе—онъ не былъ даже и республиканцемъ.

Въ статьяхъ Ламенэ мы замѣчаемъ явную тенденцію въ сторону реакціи противъ чрезмѣрнаго значенія, придаваемаго внѣшнимъ государственнымъ формамъ: важна не республика или монархія, важна демократія, т.-е. дѣйствительное равенство передъ закономъ, дѣйствительное участіе всего народа во власти, дѣйствительная свобода. Старая королевская власть профанизировала божественное право, обративъ его въ орудіе деспотизма; новая основана на договорѣ съ народомъ. Партія христіанъ-демократовъ будетъ поддерживать правительство, если оно пойдетъ по пути законной свободы, чуждое духу матеріи, вѣрное общему благу; если оно будетъ слѣдовать буквѣ и духу хартіи; въ этомъ случаѣ католики смогутъ его защищать отъ всякихъ анархическихъ нападеній, *но только въ этомъ случаѣ*: королевская власть имѣетъ лишь цѣну, какъ гарантія общественнаго порядка божественное право монарха не нарушаетъ народнаго суверенитета. Такая монархія не является противоположностью, республикѣ. Республика, понимаемая, какъ „свобода дѣлать все, что не есть преступленіе", совмѣстима и съ сохраненіемъ королевской власти.

Нужна не республика, а демократизація власти; а для этого—всеобщее голосованіе и децентрализація. „Допущеніе всѣхъ къ праву активнаго и пассивнаго выбора есть не только нравственная необходимость, требующая равноправ-

ности, оно есть величайшая политическая гарантія порядка, ибо нигдѣ потребности порядка не сильны въ такой степени, какъ у массы, въ особенности массы сельскаго населенія". Повторяя аргументы, которые нѣкогда высказывались еще ультра-роялистами, Ламенэ видитъ въ привиллегіи среднихъ классовъ, дающей имъ исключительныя политическія права, глубокую политическую ошибку; именно въ этихъ классахъ меньше всего устойчивости, пониманія общихъ интересовъ, больше всего мелкихъ честолюбій: ни одна часть населенія не находится подъ такимъ вліяніемъ газетъ.

Когда палата высказалась въ пользу высокаго ценза, газета Ламенэ („Будущее" L'Avenir) заявила, что болѣе отъ нея ожидать нечего. „Опредѣляя цензъ въ 240 и 750 ф., большинство комиссіи показало бы полное незнаніе нуждъ нашей эпохи, если бы основная мысль этого большинства и министерства не сводилась къ тому, чтобы сохранить за денежною аристократіей преобладаніе на выборахъ, которымъ она пользовалась по старому закону. Мечтаютъ создать феодальное сословіе, совершенно олигархическое, и если эти намѣренія осуществятся, то имена банкировъ, фабрикантовъ, купцовъ, замѣнятъ въ родословныхъ деревьяхъ нашего потомства устарѣвшіе титулы герцоговъ, графовъ, бароновъ. Допущеніе къ выборнымъ листамъ дипломированныхъ особъ есть премія, предложенная образованнымъ классамъ за содѣйствіе, которое отъ нихъ ожидается".

Всеобщее право голоса было по его мнѣнію единственнымъ способомъ, которымъ можно успокоить рабочія массы. Тотъ, кто отказывалъ рабочимъ въ правѣ вотума, становился нравственно отвѣтственнымъ за смуты, ибо онъ отнималъ у нихъ легальное орудіе защиты своихъ интересовъ.

Но одно всеобщее право голоса не обезпечило бы интересовъ народа, если бы вершителемъ его судебъ была только столица, хотя бы и черезъ представителей націй.

Главнымъ препятствіемъ къ водворенію во Франціи истинной демократіи является ея ужасающая централизація, полное отсутствіе мѣстнаго самоуправленія, гибельное смѣшеніе административнаго и политическаго единства, что можетъ остаться и при всеобщемъ избирательномъ правѣ. Народъ долженъ править самъ собою сверху до низу. „Политическое право гражданъ",—писалъ онъ,—„явилось бы иллю-

зіей, если бы оно ограничивалось въ своемъ приложеніи лишь высшимъ совѣтомъ страны и не спускалось бы, такъ сказать, до самыхъ низшихъ элементовъ административнаго строя, дѣлаясь въ каждомъ мѣстѣ гарантіей интересовъ, присущихъ этому мѣсту, и личныхъ правъ тѣхъ, кто живетъ въ немъ; необходимо ввести въ выборную систему мѣстныя должности.

Пусть каждая община избираетъ своего главу и своихъ должностныхъ лицъ въ деревняхъ и въ городахъ, ибо свобода должна быть повсюду, и нигдѣ она столь, не священна, какъ въ хижинѣ бѣдняка. Всякая мѣстность имѣетъ свои собственные интересы, отличные отъ общихъ интересовъ государства; всякій округъ, всякая провинція имѣетъ неотъемлемое право свободно распоряжаться этими интересами, и государство не должно въ нихъ вмѣшиваться, кромѣ случаевъ защиты нарушеннаго права".

Газета Ламенэ разработала подробно вопросъ о реформѣ мѣстной администраціи. Она предлагала дѣленіе на провинціи, округа и коммуны: каждая коммуна всеобщей подачей голосовъ избираетъ мэра, его помощниковъ и коммунальныхъ совѣтниковъ; эти выборные представители избираютъ провинціальный совѣтъ и депутатовъ парламента, по одному отъ каждаго округа. При такомъ порядкѣ, при предоставленіи полной свободы мѣстнымъ органамъ вѣдать свои интересы, вся страна не будетъ во власти парламентскихъ партій Парижа. „Avenir" не забывала указывать и на экономически неблагопріятныя послѣдствія централизаціи, которая стоитъ такъ дорого и при которой мѣстныя нужды остаются въ полномъ пренебреженіи.

Итакъ, политическое освобожденіе—первый шагъ къ свободѣ... Но это только начало,—только средство уничтожить другое, болѣе страшное рабство... рабство капиталу.

„Вопросъ о бѣдныхъ, который составляетъ не только вопросъ политической экономіи, но вопросъ жизни и смерти для общества, такъ какъ отъ него зависитъ жизнь или смерть пяти шестыхъ человѣческаго рода, требуетъ въ Европѣ быстраго рѣшенія. Христіанство сдѣлало возможнымъ уничтоженіе рабства, не только своимъ духомъ милосердія и благотворенія, но еще болѣе новымъ взглядомъ на трудъ, внесеннымъ церковью и учрежденіями, не допускающими

этому труду спускаться ниже извѣстной стоимости. Духъ хищничества, волею сатаны вошедшій въ міръ, напротивъ, хочетъ безконечно уменьшить плату за трудъ, чтобы пропорціонально увеличить количество продуктовъ и прибыли производства—и этимъ еще болѣе увеличить нужду бѣднаго и собрать всѣ богатства въ рукахъ небольшой кучки людей, которая торгуетъ его потомъ и спекулируетъ на его голодѣ.

И отсюда великое рабство изъ рабствъ; кромѣ насилія власти есть еще тиранія богатства. „Былъ нѣкогда человѣкъ злой и проклятый небомъ. Вошла въ его сердце адская мысль. Онъ вышелъ ночью изъ дому, схватилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ братьевъ, въ то время какъ они спали, и заковалъ ихъ въ цѣпи. Ибо, сказалъ онъ, я бичами заставлю ихъ работать на себя и буду ѣсть плоды ихъ труда. И онъ сдѣлалъ, что думалъ, и другіе видя это, сдѣлали то же, и не осталось на землѣ больше братьевъ, а стали лишь рабы и господа. Этотъ день былъ днемъ великой скорби по всей землѣ. Долго спустя пришелъ другой человѣкъ, еще болѣе злой, чѣмъ первый, еще болѣе проклятый Богомъ. Видя, что люди повсюда размножились и что ихъ—множество неисчислимое, онъ сказалъ себѣ: я могъ бы заковать нѣкоторыхъ и заставить ихъ работать на себя, но ихъ бы пришлось кормить, а это уменьшило бы мою выгоду. Сдѣлаемъ лучше, пусть они работаютъ за ничто. Конечно они будутъ умирать, но число ихъ велико, я соберу богатства прежде, чѣмъ оно значительно уменьшится,—но ихъ останется все еще слишкомъ много. Вся эта толпа жила тѣмъ, что получала взамѣнъ своей работы. И человѣкъ обратился къ нѣкоторымъ и сказалъ имъ: вы работаете шесть часовъ, и вамъ даютъ одну монету за вашъ трудъ; работайте двѣнадцать часовъ, и вы пріобрѣтете двѣ монеты, и будете жить лучше—и вы и ваши жены, и ваши дѣти. И они повѣрили... Онъ сказалъ имъ: вы работаете лишь половину дней въ году; работайте всѣ дни, и вашъ заработокъ удвоится. И они повѣрили опять. И вотъ количество работы увеличилось вдвое, а потребность въ работѣ осталась старая: половина тѣхъ, которые жили прежде собственнымъ трудомъ, не находили больше никого, кто бы ихъ взялъ. Тогда злой человѣкъ, которому они повѣрили, сказалъ имъ: я вамъ дамъ работу для

всѣхъ—съ условіемъ, чтобы вы работали такое же количество времени, а я вамъ буду платить половину того, что платилъ вамъ раньше; я хочу оказать вамъ услугу, но не хочу разориться. И они голодные, приняли предложеніе злого человѣка и благословили его: ибо, говорили они, онъ далъ намъ жизнь. И злой человѣкъ, заковавшій своихъ братьевъ, не получилъ столько богатствъ, какъ другой злой человѣкъ, обманывающій ихъ. Перваго зовутъ тираномъ; имя второго начерчено лишь въ аду" („Слова вѣрующаго", гл. 8-я).

Понятно, почему Ламенэ такъ пророчески сильно говоритъ противъ рабства капиталу... Даже первое, рабство насильствующей власти, давало просторъ духу—возможность „рости". Второе,—бросивъ рабовъ въ одуряющій „туманъ"—пятнадцати—часовой работы, одурманивая ихъ по праздникамъ опіумомъ нездороваго отдыха,—осуществило планъ второго вѣнценосца, обратило людей въ животныхъ, отняло *мысль, науку, религію, все.*

И если люди хотятъ снова возвратиться къ истинному образу своему—этого рабства не должно быть. „Нищеты быть не должно: *бѣлыхъ рабовъ труда не должно быть*".

Но какъ освободиться отъ рабства? До политическаго освобожденія, рабочій былъ безоруженъ для борьбы; богатые имѣли въ своихъ рукахъ всю власть, лишь для нихъ было открыто участіе въ законодательствѣ и администраціи страны. А извѣстно, что законодательство создается въ интересахъ правящей привиллегированной групы. Такіе законы имѣютъ своей цѣлью удовлетворить частные интересы со вредомъ для общихъ.

„Сколько законовъ монопольныхъ. На чью пользу они служатъ? Общій интересъ или выгоды немногихъ регулируютъ таможенный тарифъ, опредѣляютъ природу и размѣръ запрещеній ввоза? спрашиваетъ Ламенэ. Пошлины, налоги,—съ чего они берутся, по большей части, если не съ предметовъ первой необходимости для народа? Онъ несетъ общественныя тяготы, другіе собираютъ съ нихъ выгоды".

Съ пріобрѣтеніемъ политическихъ правъ, рабочіе могутъ вліять на законодательство. Но однихъ правъ мало: можно не умѣть ими воспользоваться. Нужно сумѣть войти въ свои права.

Что же дѣлать? Объединиться, сплотиться въ союзы, обротьсяся вмѣстѣ.

Къ этому объединенію Ламенэ и зоветъ сотни разъ. „Соберите свои силы, обмѣняйтесь другъ съ другомъ любовью, и она соединитъ васъ лучше, чѣмъ кровь—братьевъ. Вы, что говорите о горѣ, и вы, что жалуетесь на свои болѣзни,—я утѣшу васъ всѣхъ. Споемъ пѣснь о единеніи, и вы утѣшитесь. И первымъ словомъ этой пѣсни пусть будетъ: нищеты не должно быть“ (Слова не Ламенэ).

Но при этомъ нужно помнить, что Ламенэ не соціалистъ.

Горячая защита правъ бѣдныхъ—тѣмъ и значительнѣе у Ламенэ, что онъ не соціалистъ. Онъ даже защитникъ права собственности, такъ что въ этомъ пунктѣ онъ гораздо благонадежнѣе Евангелія. Онъ—простой, иногда даже робкій пророкъ правды.

* * *

„ Вы какъ странники въ этомъ мірѣ.

Пойдете ли вы на Сѣверъ и на Югъ,. на Востокъ или на Западъ, на какомъ бы мѣстѣ вы ни остановились, вездѣ вы встрѣтите человѣка, который прогонитъ васъ со словами „Это поле мое“.

И пройдя всѣ страны, вы возратитесь назадъ, съ сознаніемъ, что нигдѣ нѣтъ самаго маленькаго уголочка земли, гдѣ бы ваша жена могла родить въ болѣзни своего первенца; гдѣ бы вы нашли покой послѣ труда; гдѣ бы, когда придетъ послѣдній вашъ часъ, ваши дѣти могли похоронить ваши кости, какъ въ мѣстѣ, которое принадлежитъ вамъ“.

И послѣ такихъ рѣчей онъ пишетъ:

„Но однако вы не должны слишкомъ печалиться, ибо о томъ, кто спасъ родъ человѣческій, написано:

„Лисицы имѣютъ норы, птицы небесныя—гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ гдѣ главу преклонить“.

Онъ сдѣлался нищимъ, чтобы научить васъ переносить бѣдность.

Но не отъ Бога приходитъ бѣдность.—она есть слѣдствіе развращенія и другихъ похотей людскихъ, почему бѣдные всегда будутъ существовать [1]).

---

[1]) Нищеты не должно быть... Не должно быть нищеты.

Бѣдность—дочь грѣха, сѣмя котораго—во всякомъ человѣкѣ, и дочь рабства, сѣмя котораго—во всякомъ обществѣ.

Всегда будутъ бѣдные, потому что человѣкъ не сможетъ никогда окончательно уничтожить грѣхъ въ себѣ.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ бѣдныхъ будетъ меньше, потому что мало-по-малу рабство исчезнетъ изъ общества.

Хотите потрудиться надъ уничтоженіемъ бѣдности,—работайте надъ искорененіемъ грѣха, сначала въ себѣ самихъ, затѣмъ въ другихъ, а также и рабства въ обществѣ.

Бѣдности не уничтожишь, отнимая у другого то, что принадлежитъ ему; развѣ уменьшится количество бѣдныхъ отъ того, что другихъ сдѣлаешь бѣдными?

Всякій имѣетъ право на то, что у него есть; иначе никто не владѣлъ бы никакимъ имуществомъ.

Но всякій имѣетъ право и пріобрѣтать честнымъ трудомъ то, чего у него нѣтъ; иначе бѣдность была бы вѣчной („Сл. вѣр.“ 9-я).

* * *

И его pia desideria:

„Освободите же вашъ трудъ, освободите ваши руки, и бѣдность среди людей будетъ лишь какъ исключеніе, попускаемое Богомъ, чтобы напоминать людямъ о непрочности ихъ природы и о взаимной помощи и любви, которой они обязаны по отношенію другъ къ другу“.

Ламенэ даже рѣзко боролся противъ соціализма.

Всѣ формы коммунизма и соціализма—разсуждаетъ онъ, сходятся на отрицаніи собственности. „Первый переходитъ во второй вслѣдствіе необходимости организовать обобществленіе, направлять работы каждаго, чтобы онѣ соотвѣтствовали потребностямъ и сообразовались съ общимъ планомъ, и распредѣлять продукты труда по принятому правилу; это предполагаетъ іерархію должностей и, слѣдовательно, должностныхъ лицъ. Соціализмъ съ другой стороны разрѣшается въ коммунизмъ, такъ какъ каждый индивидуально имѣетъ право лишь на то, что ему даетъ общество... Ясно, что въ этихъ двухъ системахъ, настолько связанныхъ, что онѣ составляютъ одно, собственность существуетъ лишь по имени; для индивидуума, низведеннаго на уровень животнаго, она сводится къ простому владѣнію, не передаваемому и не подлежащему накопленію, слѣдовательно, противорѣчащему

законамъ природы, если не спускаться ниже животныхъ". Процессъ превращенія всей частной собственности въ государственную наблюдался въ исторіи. Такъ было въ Индіи, гдѣ вся земля принадлежала государству, а народъ получалъ лишь часть ея продуктовъ: государственная власть руководила всей промышленностью. Попытка установить коммунистическій строй въ ранней христіанской общинѣ разбилась о естественные законы.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что собственность перешла въ руки государства. Но что есть государство? Своего рода отвлеченіе, если не понимать подъ государствомъ его правителей, и очевидно, что именно они будутъ фактически располагать общей собственностью, располагать не только вещами, но и людьми, чтобы обезпечить необходимое производство. Будетъ ли власть установлена на подобіе древнихъ жречествъ, которыя получаютъ власть лишь отъ своего сана, будутъ ли правители избираться, все равно за ними останется власть, они будутъ относительно управляемыхъ въ положеніи древняго господина или плантатора нашихъ дней, отъ котораго зависятъ стоящіе у него въ подчиненіи во всемъ, что касается ихъ работы и возмѣщенія этой работы; подчиненные новымъ владыкамъ будутъ дѣлать то, что имъ прикажутъ, получать—что имъ дадутъ, безъ разсужденія,—съ пассивной покорностью. Что это, какъ не рабство? Рабство вездѣ; его встрѣчаешь въ этой системѣ на каждомъ шагу. „Мы принимаемъ еще, что учрежденіе будетъ идти правильнымъ ходомъ. Но, по правдѣ, можно ли вѣрить, что человѣческія существа, владѣя подобной властью, предающей въ ихъ руки людей и вещи, будутъ пользоваться ею лишь въ предѣлахъ справедливости, забудутъ самихъ себя, чтобы думать лишь объ общемъ благѣ? Что—болѣе могущественныя, чѣмъ какая-нибудь власть, существовавшая у народовъ самыхъ порабощенныхъ, они найдутъ гарантіи противъ злоупотребленій этой своей собственной властью? что они не повернутъ ее къ своей личной выгодѣ, не упрочатъ въ своихъ рукахъ и въ своемъ родѣ? Что изъ повелителей они согласятся стать рабами? Поистинѣ, это значитъ имѣть высокую идею о ихъ справедливости, которая такъ хорошо подтверждается историческимъ опытомъ. Фантазеры! Какъ вы не видите, что вы прямо идете къ возстановленію кастъ.

Наконецъ, общество еще было бы счастливо, если бы остановилось на этомъ уровнѣ: ваша система въ ея полномъ осуществленіи заставила бы его спуститься значительно ниже".

Положимъ однако, что эта система устанавливается. Тотчасъ поднимается другой вопросъ, относительно котораго соціалисты и коммунисты расходятся. Распредѣленіе продуктовъ труда или общаго богатства будетъ ли совершаться по принципу абсолютнаго равенства, или въ неравной пропорціи, опредѣляемой для каждаго по его способностямъ и по его дѣламъ? Въ этой послѣдней гипотезѣ измѣняютъ первоначально допущенное основаніе права: оно не покоится болѣе на единствѣ природы; его переносятъ въ порядокъ матеріальный изъ нравственнаго порядка; различіе способностей вытекаетъ изъ различія въ организаціи и при равныхъ дарованіяхъ различія въ результатахъ вытекаютъ изъ различія въ силахъ. Сверхъ того, оцѣнка различій способностей мало-по-малу становится совершенно произвольной: ибо какимъ образомъ точно оцѣнить степени и относительное превосходство различныхъ способностей? Какъ справедливымъ образомъ распредѣлить людей по способностямъ, которыя сами не имѣютъ никакой опредѣленной мѣрки... Итакъ, въ основаніи общества—матеріалистическій фатализмъ и вытекающее изъ него право силы; руководящимъ принципомъ—произволъ и какъ слѣдствіе—радикальное разрушеніе всякой свободы, двойное рабство, налагаемое природой и человѣкомъ.

Всѣ эти возраженія противъ соціализма здѣсь тѣ-же, какія предлагаются иногда и теперь. Они слабы и ничтожны, и ихъ не стоило бы приводить.

Не очень интересны и его собственныя построенія; они сводятся къ проповѣди ассоціацій—объединенія въ союзы, нормировкѣ рабочей платы и т. д.

Мы въ частности—считаемъ, что въ своей защитѣ права собственности—какъ вѣчнаго принципа, Ламенэ неправъ—но одна мысль у пророка христіанской свободы имѣетъ свою цѣну.

Ламенэ не отрицаетъ—право собственности, потому что хорошо видѣлъ, какъ безрелигіозный соціализмъ опасенъ для міра и опасенъ именно потому, что въ немъ *не было свободы*. Мы считаемъ заслугою Ламенэ — *его мысль*, что

въ освободительномъ движеніи можетъ быть заложено начало рабства,—*его отрицаніе* безрелигіознаго соціализма, *какъ одной изъ формъ рабства.*

„Наши отцы искали спасенія въ свободѣ, а теперь его ищутъ въ болѣе глубокомъ рабствѣ“: за хлѣбъ хотятъ цѣловать ноги не свободѣ, а освободителямъ—которые хотятъ быть новыми властителями.

Личность и душу убиваютъ въ будущемъ царствѣ соціализма, потому что тамъ хотятъ хлѣбъ дать за нивеллировку, отреченіе отъ многихъ мечтаній, вѣрованій, отъ всего, что дѣлало въ прошломъ душу богатой и сильной.

* *
*

„Отчего изнемогаете вы безплодно въ своемъ несчастьи? Ваше желаніе хорошо, но вы не знаете, какъ его осуществить.

Усвойте же себѣ такую истину: только тотъ можетъ отнять жизнь, кто далъ ее.

Вы ничего не сдѣлаете безъ Бога.

Вы ворочаетесь на своемъ скорбномъ ложѣ: какое облегченіе вы нашли?

Вы низвергли нѣсколькихъ тирановъ, а на ихъ мѣсто пришли другіе, еще худшіе.

Вы уничтожили законы рабства и вмѣсто нихъ получили законы крови и затѣмъ снова законы рабства.

Не довѣряйте людямъ, которые становятся между Богомъ и вами такъ, что ихъ тѣнь закрываетъ васъ отъ Него. У этихъ людей дурныя намѣренія.

Ибо только отъ Бога исходитъ сила, которая освобождаетъ, потому что отъ Него исходитъ любовь, которая соединяетъ.

Что можетъ сдѣлать для васъ человѣкъ,—у котораго правило—его собственная мысль, и законъ—его воля?

Пусть онъ добросовѣстенъ и желаетъ только добра,—онъ можетъ дать только свою волю въ законъ и свою мысль за правило.

И всѣ тираны дѣлаютъ именно это. Не стоитъ труда ниспровергнуть все и возстать противъ всего, чтобы замѣнить одну тиранію другой.

Свобода не въ томъ состоитъ, чтобы вмѣсто одного господствовалъ другой, но — чтобы никто не господствовалъ.

Но тамъ, гдѣ не царствуетъ Богъ, по необходимости владычествуетъ человѣкъ,—это всегда такъ бываетъ.

Царство Божіе, еще разъ повторяю это, есть царство правосудія въ умахъ и милосердія въ сердцахъ; и основаніе его на землѣ заключается въ вѣрѣ въ Бога и во Христа, который возвѣстилъ законъ Божій, законъ милосердія и законъ правосудія.

Законъ правосудія научаетъ, что всѣ равны предъ своимъ отцомъ-Богомъ, и предъ своимъ учителемъ—Христомъ.

Законъ милосердія внушаетъ людямъ любить другъ друга и оказывать взаимную помощь, ибо всѣ—дѣти одного Отца и ученики одного Учителя.

И тогда они свободны, потому что никто не повелѣваетъ другими, если только не избранъ свободно для этого всѣми; и никто не можетъ отнять у нихъ свободу, потому что они всѣ объединены для защиты ея.

Но тѣ, что говорятъ вамъ: „До насъ неизвѣстно было правосудіе на землѣ; правосудіе исходитъ не отъ Бога, а отъ человѣка: довѣрьтесь намъ, и мы васъ разсудимъ наилучшимъ образомъ“.

Они обманываютъ васъ, или, если обѣщаютъ вамъ свободу вполнѣ искренно, сами себя обманываютъ.

Ибо они требуютъ, чтобы вы признали ихъ за наставниковъ и ваша свобода сводится къ повиновенію этимъ новымъ наставникамъ.

Отвѣтьте имъ, что вашъ наставникъ—Христосъ, что вы не хотите знать никого другого, и Христосъ освободитъ васъ („Сл. вѣр.“, гл. 37-я).

* * *

„Убьемъ религію, науку и мысль“,—это цѣль не пурпуроносцевъ только, но одинаково и мысль уравнительнаго мѣщанскаго соціализма [1]).

Ламенэ остался бы очень вѣренъ себѣ, если бы прибавилъ къ рѣчамъ семи царей—рѣчь соціалиста—инквизитора изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“.

„Долго еще ждать этого, говоритъ инквизиторъ, и еще много выстрадаетъ земля, но мы достигнемъ и бу-

[1]) Мысли развивающіеся далѣе—подробнѣе въ № 10 „Христіанство и соціалъ-демократія“.

демъ кесарями, и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастіи людей.

„Принявъ міръ и порфиру Кесаря, мы оснуемъ всемірное царство и дадимъ всемірный покой. Ибо кому же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ?

„У насъ всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ Свободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что же, правы мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспомнятъ, до какихъ ужасовъ рабства и смущенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ передъ такими чудами и неразрѣшенными тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ“.

„Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ же роздать, безъ всякаго чуда; увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но воистину болѣе, чѣмъ самому хлѣбу, рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ. Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы“. Напротивъ когда укротятся желанія роскошествующихъ теперь и согласуется въ одно цѣлое трудъ всего человѣчества, даже если онъ, и не будетъ обременителенъ, какъ теперь повсюду, произведенныхъ продуктовъ хватитъ для безбѣднаго существованія всѣхъ.

„И тогда стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое, смирное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо

Ты вознесъ ихъ и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить".

Это именно—то будущее какого боялся и Ламенэ, когда онъ думалъ о томъ, что можетъ дать соціализмъ, построенный только на началѣ желудка—на тѣлесномъ голодѣ,—а не на идеѣ свободнаго роста личности.

Ему казалось—что соціализмъ слишкомъ хочетъ стереть личность, „каждую отдѣльную душу",—онъ вводитъ догматику убѣжденій болѣе сухую и преступную, чѣмъ религіозная догматика схоластиковъ. Ламенэ чудилось, и не безосновательно, что въ соціалистическомъ культѣ „сѣрой богини Ананкэ",—необходимости и культѣ экономическаго принципа, какъ Единаго Бога—дано страшно преступное идолопоклонство—рабство дѣйствительности „untermensch'у—до человѣческому въ человѣкѣ—обоготвореніе „бани съ науками", и онъ, не принимая наличнаго „рабскаго соціализма" отвергъ всякій соціализмъ, можетъ быть, не совсѣмъ основательно.

Человѣкъ долженъ быть свободенъ, но что бы онъ былъ свободенъ, ему нужна рядомъ съ соціализмомъ другая теорія, около которой соціализмъ былъ бы подчиненной практической теоріей.

Свобода—есть только въ христіанскомъ дѣланіи.

„Не давайте обольщать себя пустыми словами. Многіе будутъ пытаться васъ убѣдить, что вы дѣйствительно свободны", потому что они написали на клочкѣ бумаги слово „свобода" и развѣсили его по всѣмъ переулкамъ. Свобода есть живая сила, которую чувствуютъ въ себѣ и вокругъ себя, она—геній, охраняющій домашній очагъ, хранитель-

ница соціальныхъ правъ и первое изъ этихъ правъ: угнетатель, прикрывающій себя именемъ свободы,—худшій изъ угнетателей. Онъ соединяетъ съ тираніей ложь, съ несправедливостью профанацію: ибо слово свобода священно. Берегитесь тѣхъ, которые повторяютъ: свобода, свобода, и разрушаютъ ее своими дѣлами. Свобода заблеститъ вамъ, когда у подножія креста, на которомъ Христосъ умеръ за васъ, вы всѣ поклянетесь умереть другъ за друга" („Сл. вѣр.", гл. 20-я).

„Никогда не забывайте этого", обращается Ламенэ въ Avenir" къ жаждущимъ соціальнаго освобожденія: „никакое общество, никакая жизнь невозможна безъ долга, религія въ своихъ предписаніяхъ и есть самый долгъ, и въ своихъ доктринахъ—совокупность истинъ, дающихъ вѣчное и неизмѣнное основаніе долгу. Тотъ, кто объявляетъ себя внѣ религіи, объявляетъ себя внѣ долга, внѣ всеобщихъ чувствъ и вѣрованій, внѣ всеобщаго инстинкта, онъ отрицаетъ человѣческій разумъ и нравственность, свою природу и законы ея; онъ отрицаетъ общество, отрицаетъ самого себя: безъ общества какъ могъ бы онъ существовать? Что сталось бы съ нимъ? Если никто ничего не долженъ другимъ, то и другіе ничего не должны ему. Въ постоянной вѣчной борьбѣ съ ними, какъ со всѣми существами, человѣкъ представлялъ бы въ мірѣ ужасающее зрѣлище безграничнаго вожделѣнія и безконечной слабости. Есть ли бѣдствіе, равное этому? Вѣрьте тому, во что вѣритъ человѣческій родъ. Безъ этихъ вѣрованій что станется съ долгомъ? Какъ его понять? Долгъ не есть ли начало соединяющее, т. е. тяготѣніе къ общему центру? И какой можетъ быть общій центръ у всѣхъ существъ кромѣ Безконечнаго Существа, Единаго, отъ Котораго все исходитъ, къ Которому все возвращается, Который все производитъ и сохраняетъ? Что это какъ не Богъ?

„Горе атеисту. Въ своемъ голодѣ и жаждѣ онъ проситъ пищи, молока, питающаго всѣ существа, и среди мрачной пустыни, въ которую онъ погрузился, онъ хватается лишь за сухіе сосцы смерти. Любить Бога, значитъ отдаваться ему, погружаться въ Небо, отдѣляться отъ самого себя, чтобы быть въ единеніи съ Нимъ; жить—значитъ хотѣть, чего Онъ хочетъ, принося въ совершенную жертву соб-

ственную волю, поскольку она не согласна съ Его волей; и это принесеніе себя въ жертву, актъ, посредствомъ котораго мы признаемъ Его мудрость, благость и справедливость, признаемъ, что мы ничто, а Онъ—все,—составляетъ сущность культа, который должны Ему воздавать разумныя существа, поклоненіе въ духѣ и истинѣ".

Въ религіозной вѣрѣ и получаетъ свою санкцію и свой смыслъ освободительное стремленіе. Она помѣшаетъ выродиться ему въ новыя формы насилія—или плоскую сѣрую картину „вселенской сытости", гдѣ и мысль и наука и религія будутъ убиты не насиліемъ,—а внутренней идейной нищетой „будущаго" рожденнаго борьбой только изъ за сытости.

Итакъ... къ Богу—а формула объединенія земли и Бога—въ „церкви";—отсюда сфера будущаго возрожденія есть церковь.

Но для этого—церковь должна сама стать свободной отъ кощунственнаго рабства „факту", наличности, отъ „злого" позорнаго рабства государства и государственности.

Мы твердо вѣримъ, что религія должна быть теперь всецѣло отдѣлена отъ государства, священникъ отъ политики: вѣра, церковь, всюду борющаяся съ недовѣріемъ народовъ и слишкомъ часто—съ преслѣдованіями правительствъ, ослабѣетъ еще больше, если не поспѣшитъ сбросить съ себя иго ихъ тяжелаго покровительства: она можетъ жить лишь путемъ свободы. При томъ ложномъ положеніи, въ которое ее ставятъ отношенія къ свѣтской власти, она представляется людямъ подъ внѣшностью, которая отталкиваетъ отъ нея: спутанная тысячью узъ, которыя отнимаютъ у нея самостоятельность движеній, она сама хирѣетъ.

Нужно, чтобы клиръ сказалъ государству: „мы отказываемся отъ платы, которую вы намъ даете, и взамѣнъ того мы беремъ свою самостоятельность. Подчиненные, какъ всѣ, политическимъ и гражданскимъ законамъ страны, поскольку они не оскорбляютъ правъ нашей совѣсти, мы не признаемъ вашего авторитета во всемъ, что касается религіи, культа, дисциплины, преподаванія. Въ этомъ порядкѣ, чисто духовномъ, мы свободны въ силу закона: мы подчинены лишь духовному главѣ, котораго намъ далъ Іисусъ Хри-

стосъ". И это рѣшеніе есть не только гарантія свободы церкви, но и моральнаго единства націи.

„Платимое намъ вознагражденіе отнимаетъ у насъ всякое достоинство, всякую моральную силу, порождаетъ въ нашихъ сердцахъ рабскія чувства". Освободимся.

И вмѣстѣ съ свободой церкви—вѣрить Ламенэ—въ жизнь войдетъ новая сила.

„Да, церковь будетъ велика въ начинающемся вѣкѣ, въ вѣкѣ свободы. Ея древняя вѣра оплодотворитъ знаніе; безконечная любовь, источникомъ которой она служитъ, дастъ основаніе новому порядку: добровольное подчиненіе подниметъ человѣческое достоинство, уменьшитъ причины раздора, сдѣлаетъ всѣ народы братьями и превратитъ человѣческій родъ въ то, чѣмъ онъ былъ раньше—въ общую семью. И какъ, по слову Евангелія, всегда останутся бѣдные [1]), они будутъ семьей священника, его возлюбленными—дѣтьми; ибо въ силу своихъ страданій и слезъ они есть видимо блаженные о Христѣ, который самъ былъ бѣденъ и страдалъ, который сказалъ: „блаженны плачущіе".

Любовь создала человѣческій родъ, любовь его спасла, и любовь въ совершеніи своего дѣла покажетъ здѣсь великій прообразъ того, чѣмъ человѣкъ сдѣлается въ другомъ отечествѣ. Типъ этого единства и необходимое средство его осуществленія,—церковь призываетъ его уже 18 вѣковъ и непрестанно работаетъ надъ осуществленіемъ царства Іисуса Христа, пришествія котораго Онъ научилъ насъ просить у своего Отца. Безъ сомнѣнія, потребно еще много времени, прежде чѣмъ оно установится. Мы только вступаемъ въ періодъ, гдѣ исполнятся послѣднія обѣщанія, данныя человѣку его Искупителемъ. Однако уже ясно различаютъ путь, по которому пойдутъ народы, и хотя промежуточныя точки ускользаютъ отъ нашего взора, разумъ и вѣра легко открываютъ предѣлъ пути. Освобожденныя отъ цѣпей, наложенныхъ земной властью, которая должна сама глубоко измѣниться, чтобы не оказаться несовмѣстимой съ новымъ соціальнымъ порядкомъ, церковь станетъ, не путемъ политической юрисдикціи, но путемъ внутренней и духов-

[1]) Нищеты быть не должно... *А. М.*

ной силы, самою прочною охраной общественной свободы, которая для нея сливается съ ея собственной свободой.

Пройдетъ время насилій—оно отъ
Діавола,—но Христосъ побѣдитъ;
Пройдетъ время крови и насилія со стороны враговъ насилія,
Это отъ Сатаны,—но Христосъ побѣдитъ,
И онъ придетъ самъ.

* * *

„Когда близится восходъ солнца, горизонтъ расцвѣчается тысячью оттѣнковъ, и востокъ весь въ огнѣ.

Когда надвигается буря, на берегу слышится глухой шумъ, и волны поднимаются какъ бы сами собой, безъ вѣтра.

Безчисленныя и разнообразныя мысли, которыя сталкиваются и смѣшиваются на горизонтѣ духовнаго міра, суть знакъ, возвѣщающій восходъ солнца разумѣнія.

Неясный ропотъ и внутреннее волненіе народовъ служитъ предвѣстникомъ бури, которая не замедлитъ разразиться надъ трепещущими племенами.

Будьте готовы, ибо времена приближаются.

Въ тотъ день будетъ великій ужасъ и такіе крики, какихъ не слышали еще со дней потопа.

Цари завоютъ на своихъ тронахъ; они будутъ держать обѣими руками короны, уносимыя вѣтромъ, и всетаки будутъ сметены вмѣстѣ съ ними.

Богатые и сильные уйдутъ нагишомъ изъ своихъ палатъ, чтобы не быть погребенными подъ ихъ развалинами.

И всѣ будутъ видѣть, какъ они блуждаютъ по дорогамъ, выпрашиваютъ у прохожихъ хоть какихъ-нибудь лоскутьевъ, чтобы покрыть наготу; хоть ломоть чернаго хлѣба, чтобы утолить голодъ,—но врядъ-ли они получатъ даже это.

Тогда будутъ люди, которыхъ охватитъ жажда крови, и они поклонятся Смерти и другихъ станутъ принуждать къ тому же.

И Смерть протянетъ свою костлявую руку какъ бы для благословенія, и это благословеніе сойдетъ на ихъ сердце, и оно перестанетъ биться.

И ученые смятутся въ своемъ знаніи, и оно покажется

имъ маленькой черной точкой, когда взойдетъ солнце разумѣнія.

По мѣрѣ того, какъ будетъ подниматься оно, его лучи растопятъ облака, нагроможденныя бурей, и они обратятся въ легкій паръ, который погонитъ къ западу нѣжный вѣтерокъ.

Никогда небо не будетъ столь яснымъ, а земля столь плодородной и изумрудно-зеленой.

И вмѣсто слабыхъ сумерекъ, которыя мы называемъ днемъ, живой и чистый свѣтъ засіяетъ съ высоты, какъ отраженіе лица Божія.

И люди посмотрятъ другъ на друга при этомъ свѣтѣ и скажутъ: „Мы не знали ни себя, ни другихъ; мы не знали, что такое человѣкъ. Теперь мы знаемъ“.

И всякій полюбитъ себя въ своемъ братѣ и почтетъ за счастье служить ему; не будетъ болѣе ни малыхъ, ни великихъ, по причинѣ любви, которая уравниваетъ все, и всѣ семейства сольются въ одно и всѣ націи составятъ одну.

Это—смыслъ таинственныхъ письменъ, которыя слѣпые Іудеи пригвоздили ко кресту Христову („Сл. вѣр.“, гл. 24-я)

* * *

„И сквозь сѣрый и тяжелый туманъ, я увидѣлъ, какъ видятъ на землѣ въ часъ сумерекъ, равнину—голую, пустынную и холодную.

Посреди нѣ возвышалась скала, откуда, капля за каплей падала черноватая вода, и слабый и глухой шумъ падающихъ капель былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ тишину.

И семь тропинокъ, извиваясь по равнинѣ, оканчивались у скалы: здѣсь, на концѣ каждой изъ нихъ было по камню, покрытому чѣмъ то влажнымъ и зеленымъ, похожимъ на слизь пресмыкающагося.

И вотъ, на одной изъ тропинокъ я замѣтилъ какъ бы медленно двигающуюся тѣнь; мало по малу съ ея приближеніемъ я различалъ не человѣка, но нѣкоторое подобіе человѣка.

Вмѣсто сердца эта человѣческая фигура имѣла кровяное пятно. Она сѣла на влажномъ и зеленомъ камнѣ и ея

члены окоченѣли и, склонивши голову, она обнимала себя руками, какъ будто для того, чтобы удержать въ себѣ хоть остатокъ тепла.

И по остальнымъ шести тропинкамъ, шесть другихъ тѣней пришли одна за другой къ подножію скалы.

И каждая изъ нихъ, коченѣя и обнимая себя руками, сѣла на влажный и зеленый камень.

И онѣ были тамъ, молчаливыя и согбенныя, какъ будто подъ тяжестью невыразимой скорби.

И долго длилось ихъ молчаніе, не знаю сколько времени: ибо никогда солнце не восходитъ надъ этой равниной, тамъ не знаютъ ни вечера, ни утра.

Капли черноватой воды, падая, однѣ только опредѣляютъ ходъ времени, монотонный, мрачный, подавляющій, вѣчный.

И такъ ужасно было видѣть это, что, еслибы Богъ не укрѣпилъ меня, я не вынесъ бы такого зрѣлища.

Но вотъ, одна тѣнь, какъ то конвульсивно вздрогнувши, подняла голову и издала звукъ, похожій на сухой и шелестящій шумъ вѣтра въ скелетѣ.

Отраженная скалой, рѣчь эта долетѣла до моего уха: „Христосъ побѣдилъ, да будетъ онъ проклятъ!“.

И шесть остальныхъ тѣней вздрогнули, всѣ разомъ подняли головы, и изъ ихъ груди вырвалась таже хула: „Христосъ побѣдилъ, да будетъ онъ проклятъ!“.

И тотчасъ же ихъ охватилъ еще большій трепетъ, туманъ сгустился, а черная вода на мгновеніе перестала капать.

А семь тѣней снова согнулись подъ тяжестью своей тайной тоски, и наступилъ второй моментъ молчанія, еще болѣе длинный чѣмъ первый.

Затѣмъ одна изъ нихъ, не вставая съ камня, неподвижная и наклоненная, сказала другимъ:

„Съ вами случилось тоже что со мной. Что помогли намъ всѣ совѣщанія“?.

Другая прибавила: „Вѣра и мысль разбили цѣпи народовъ; вѣра и мысль освободили землю“.

Третья сказала: „Мы хотѣли раздѣлить людей, но наше притѣсненіе соединило ихъ противъ насъ“.

Четвертая: „Мы пролили кровь, а она пала на нашу голову“.

Пятая: „Мы посѣяли развратъ, а онъ пустилъ ростки въ насъ самихъ и съѣлъ наши кости“.

Шестая: „Мы думали задушить свободу, а ея дыханіе до корня изсушило нашу мощь“.

Наконецъ седьмая тѣнь: „Христосъ побѣдилъ: да будетъ онъ проклятъ!“.

И всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: „Христосъ побѣдилъ: да будетъ онъ проклятъ!“.

И я увидѣлъ, какъ поднялась рука; она омочила палецъ въ черную воду, капли которой, падая, измѣряли вѣчный ходъ времени, и коснулась имъ лба семи тѣней, оставивъ на немъ неизгладимый знакъ“ („Сл. вѣр.“, гл. 14-я).

Ламенэ.

Фелисе Ламенэ родился въ небольшомъ портовомъ городкѣ Франціи — Сэнъ-Мало 19-го Іюня 1782 г. въ богатой буржуазной семьѣ. Отецъ его, одинъ изъ тамошнихъ крупныхъ судохозяевъ, пользовался большимъ вліяніемъ среди согражданъ.

Средой, гдѣ выросъ Ламенэ, такимъ образомъ, былъ классъ богатой буржуазіи, и нельзя сказать чтобы эта среда не наложила на него замѣтнаго отпечатка.

Въ то тревожное время революціонной борьбы, когда вообще „tiers ètat“ энергично работало надъ уничтоженіемъ стараго режима, богатое меньшинство его — крупная буржуазія проявляла очень мало активности. Въ борьбѣ съ дворянствомъ это меньшинство, собственно говоря, и не участвовало, а лишь старалось, подражая этому дворянству, постепенно слиться съ нимъ и занять затѣмъ его мѣсто. Политика крупной буржуазіи по отношенію къ правительству была тоже пассивной: пріобрѣтеніе всѣми способами его уступокъ и его довѣрія.

По всему образу жизни это были тѣ же дворяне: нравы, языкъ, домашній обиходъ, воспитаніе дѣтей, во всемъ подражаніе дворянству. Даже дворянскія фамиліи изобрѣтали себѣ эти буржуа, покупая помѣстья и прибавляя къ своему имени названія этихъ помѣстій. Такъ объясняется и проис-

хожденіе имени Ламенэ. Получить санкцію для своего импровизированнаго дворянства было высшей мечтой каждаго такого богача. Отецъ Ламенэ добился осуществленія этой мечты (въ 1788 г.). Вполнѣ понятно, что онъ могъ питать только преданность къ королю и всему ancien règime. Вмѣстѣ съ тѣмъ родители Ламенэ были въ высшей степени „добрыми католиками“, что, впрочемъ, не удивительно для обитателей Бретани, и донынѣ фанатически-религіозной.— Таковы элементы, изъ которыхъ сложилось семейное вліяніе на жизнь и развитіе Ламенэ.

Дѣтство его было тяжелое. Появившись на свѣтъ хилымъ и съ вдавленной грудью, вслѣдствіе ненормальныхъ родовъ, онъ, только благодаря неутомимымъ заботамъ родныхъ и старой преданной служанки, былъ спасенъ отъ смерти. Слабый и болѣзненный, онъ былъ капризенъ, упрямъ и „невѣроятно непослушенъ“. Окружающіе спѣшили удовлетворять всѣ его желанія, иначе его гнѣвъ переходилъ въ нервные припадки со спазмами. Онъ шести лѣтъ потерялъ мать и только помнилъ, какъ она молилась и играла на скрипкѣ. Ея религіозность и любовь къ музыкѣ перешли къ нему по наслѣдству. По смерти матери, воспитаніе Ламенэ перешло въ руки тетки. Дѣтство его прошло вдали отъ сверстниковъ и шумныхъ игръ, которыхъ онъ избѣгалъ,— въ тѣсномъ семейномъ кругу. Одинокія прогулки, лишь въ сопровожденіи гувернантки, сроднили его съ угрюмой и печальной бретонской природой. Впечатлѣніе прибрежныхъ скалъ и моря глубоко и навсегда врѣзались въ его живое воображеніе. Много лѣтъ спустя, даже роскошныя картины Италіи, гдѣ онъ путешествовалъ въ 1831 г. не могутъ вытѣснить дѣтскихъ впечатлѣній: пустынные холмы родной „Арморики, съ ея бурями, гранитными скалами, зеленоватыми волнами пріятнѣе для него самыхъ лучшихъ итальянскихъ пейзажей“. Всю жизнь его тянуло въ Бретань — на родину.

Первые годы юности Ламенэ прошли какъ и дѣтство въ Сэнъ-Мало. Однако вскорѣ революція разорила его отца, и совершенно измѣнилось положеніе семьи. Къ бѣдности и матеріальнымъ лишеніямъ прибавились еще гоненія, которымъ должны были подвергнуться Ламенэ за свои роялистско-католическія убѣжденія. Когда во время террора от-

крытое совершеніе богослуженія стало преслѣдоваться, въ домѣ Ламенэ, на чердакѣ, отправлялась регулярно литургія, бѣглымъ аббатомъ конечно,—съ огромными предосторожностями,—глубокой ночью и со стражей у дверей.

„Картина этихъ мрачныхъ дней не могла остаться безъ вліянія на впечатлительнаго мальчика. Онъ возненавидѣлъ революцію и полюбилъ католицизмъ и его представителей, окруженныхъ ореоломъ мучениковъ". Въ своихъ играхъ онъ подражалъ тогда богослуженію и изображалъ изъ себя священника. Но наряду съ несомнѣнной религіозной склонностью, которая сказывалась здѣсь, у него проявлялся сильный врожденный скептицизмъ, наполнявшій душу сомнѣніями.

Семейство Ламенэ скоро вынуждено было покинуть Сэнъ-Мало и поселиться въ единственномъ сохранившемся отъ разоренія помѣстьи Ла-Шенэ, гдѣ суждено было Ламенэ провести большую часть жизни. Здѣсь онъ получилъ и свое первое образованіе подъ руководствомъ дяди. Нетерпѣливость и неусидчивость долго препятствовали его учебнымъ успѣхамъ, и только въ возрастѣ послѣ 10 лѣтъ онъ выучился читать и писать. Тогда онъ самъ страстно увлекся ученьемъ, такъ что наказаніе, которое практиковалъ раньше дядя—запирать его въ библіотеку — превратилось для него въ высшее блаженство, и онъ только и мечталъ, какъ бы попасть туда. Онъ съ жадностью набросился на книги и читалъ безъ разбору, что попадалось подъ руки: древніе языки, исторія, литература, богословіе, философія,—все шло у него вперемежку, безъ предварительной подготовки и системы.

Несмотря на это рано находятъ себѣ окончательное опредѣленіе его наклонности,—тутъ сказалось вліяніе семейной среды и особенно дяди, большого противника энциклопедистовъ,—и онъ поступаетъ сначала въ 1808 г. учителемъ математики въ духовную школу, а черезъ нѣсколько лѣтъ обращается всецѣло къ религіи и богословію и начинаетъ свою литературную дѣятельность. Послѣ обученія въ семинаріи въ Парижѣ онъ принимаетъ священство и вступаетъ въ монашескій орденъ (1816 г.).

Для насъ нѣтъ особенной нужды подробно останавливаться на всей его литературной дѣятельности. Мы отмѣтимъ

лишь, что она раздѣляется на три періода: въ первомъ—Ламенэ выступаетъ какъ убѣжденный роялистъ-ультрамонтанъ; во второмъ—ищетъ спасенія церкви не въ союзѣ съ монархической властью, а въ союзѣ съ демократами; наконецъ, въ третьемъ—онъ республиканецъ, и знаменитая его книга, произведшая такое глубокое впечатлѣніе, написана именно теперь. Въ это время Ламенэ является совершенно народнымъ писателемъ: онъ пишетъ для народа, простымъ и доступнымъ языкомъ и борется за права народа, за его нравственную и экономическую свободу.

Къ третьему періоду относится окончательное завершеніе философской и политической эволюціи Ламенэ. Результаты ея изложены въ „Очеркахъ одной философіи“. Изъ метафизическихъ основъ своей философіи, представляющей синтезъ воззрѣній Платона и Шеллинга, „Ламенэ выводитъ путемъ ряда дедукцій необходимость развитія съ одной стороны науки и связаннаго съ ней матеріальнаго развитія общества, а съ другой—права, т. е. политическихъ формъ. То и другое вмѣстѣ составляютъ развитіе разума. Но одного разума мало. Для истиннаго прогресса нужно еще развитіе солидарности. Соединеніе науки и права безъ солидарности породило современное анархическое общество съ его громадными матеріальными богатствами и развитыми политическими формами, но въ то же время съ его эгоизмомъ, эксплоатаціей и нищетой. Изъ этого положенія можно выйти лишь посредствомъ воспитанія въ обществѣ сознанія долга къ ближнему, т. е. солидарности“.

Вотъ почему въ борьбѣ противъ пауперизма, вопросъ о которомъ въ то время впервые выступилъ во всей остротѣ, Ламенэ смотритъ на дѣло съ чисто моральной точки зрѣнія. Главное орудіе борьбы у него—это морализація высшихъ классовъ, развитіе въ нихъ сознанія долга къ ближнему.

„Слова вѣрующаго“ (1834 г.)—сигналъ этой борьбы. Вотъ что пишетъ о книгѣ самъ авторъ въ одномъ письмѣ: „Скоро выйдетъ новая книга... Это—не книга настоящаго, это—книга будущаго, книга инстинкта, предчувствія, совѣсти. Авторъ ея видалъ слезы народа, онъ слышалъ крикъ его страданій и почувствовалъ непреодолимое желаніе его утѣшить“.

„Les paroles d'un croyant“ вызвали необыкновенный шумъ. Гоненія противъ Ламенэ со стороны высшаго духовенства расположили въ пользу его радикальныя и республиканскія массы, и онѣ встрѣтили брошюру съ неописуемымъ энтузіазмомъ. Зато въ католическомъ мірѣ книга произвела иное впечатлѣніе. „Книга мала по объему, но огромна по извращенности“, пишетъ папа Григорій XVI, и издаетъ противъ автора спеціальную энциклику „Singulari nos“. Книга переводится на иностранные языки и производитъ сенсацію за границей. Когда она стала извѣстна въ Берлинѣ, одинъ еврей нарочно пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы получить крещеніе отъ Ламенэ.

Ламенэ продолжаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и пишетъ еще нѣсколько книгъ въ такомъ же родѣ. Онъ не чуждается больше республиканцевъ, какъ раньше, въ первые періоды своей литературной дѣятельности, и состоитъ теперь въ лучшихъ отношеніяхъ съ такими людьми какъ Беранже и Жоржъ-Зандъ. Въ 1837 году онъ выпускаетъ новую народную брошюру: „Книга народа“. Она—болѣе примирительнаго характера, чѣмъ „Слова вѣрующаго“. Ламенэ выступаетъ здѣсь какъ сельскій священникъ, поучающій свою паству христіанской морали.

„Ты мужъ, ты обязанъ уважать свою жену, любить и защищать ее; а ты, жена, ты должна относиться къ своему мужу съ почтеніемъ, любовью и уваженіемъ. Одаривъ его силой, Богъ назначилъ ему и тяжелыя работы; одаривъ тебя красотой, нѣжностью и кротостью, онъ далъ тебѣ то, что облегчаетъ мужа и дѣлаетъ самый трудъ неисчерпаемымъ источникомъ чистыхъ радостей.

„Не забываетъ ли онъ тотчасъ свою усталость, когда твоя рука стираетъ потъ съ его чела? Не твой ли одинъ взглядъ, не твое ли одно слово вселяютъ спокойствіе въ его сердце и вызываютъ улыбку на уста, когда у него тоскливо на душѣ, когда озабоченъ духъ его?

„Одинокій мужъ—тростникъ, который подъ дѣйствіемъ вѣтра издаетъ одни лишь стенающіе звуки.

„Природа полна для васъ обоихъ поученіями; откройте ваши глаза и самыя хрупкія созданія послужатъ вамъ примѣромъ. Когда вздуваемыя холоднымъ зимнимъ вѣтромъ волны пѣнятся и бушуютъ, бѣдная морская птичка и ея по-

друга спѣшатъ укрыться въ расщелинѣ скалъ; онѣ прижимаются одна къ другой, защищая и согрѣвая другъ друга. Въ жизни бываетъ много такихъ бурь: возьмите примѣръ съ морской птички, и нечего вамъ тогда бояться ни холодныхъ вѣтровъ, ни бушующихъ волнъ".

Но самъ Ламенэ, какъ бы сознавая, что въ ту эпоху, полную борьбы, нужно было что-то другое, говорящее разуму; переходитъ отъ нравственно-поучительнаго текста къ исторически-соціальному. Въ послѣднемъ родѣ написаны его брошюры „Прошлое народа" и „Современное рабство".

Преклонный возрастъ и постоянныя болѣзни не позволяютъ ему однако принимать непосредственное участіе въ политической борьбѣ своего времени. Тѣмъ не менѣе онъ согласился выступить въ 1834 г. вмѣстѣ съ вожаками республиканской партіи защитникомъ рабочихъ, обвиняемыхъ по дѣлу ліонскаго возстанія. Судъ не захотѣлъ допускать постороннихъ защитниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1840 г.). Ламенэ самому пришлось защищаться предъ судомъ за свой блестящій памфлетъ противъ Тьера „Народъ и правительство". Ламенэ былъ приговоренъ къ году тюремнаго заключенія и 2000 франковъ штрафу. И вотъ, 68-лѣтній старикъ бодро отправился въ тюрьму. Республиканская печать громила правительство, парижское студенчество устраивало шумныя демонстраціи подъ окнами тюрьмы, Мадзини, отъ имени „Молодой Италіи" привѣтствовалъ „апостола демократіи".

По выходѣ изъ тюрьмы Ламенэ отдается своимъ „Очеркамъ", отъ которыхъ его отрываютъ событія 1848 года. Несмотря на свои 76 лѣтъ Ламенэ живѣйшимъ образомъ участвуетъ въ движеніи, издаетъ газету „Le Peuple Constituant", а въ тяжелые іюльскіе дни рѣшительно принимаетъ сторону рабочихъ. Торжество реакціи ставитъ преграду его публицистической дѣятельности; газета прекращается, такъ какъ нуженъ большой залогъ отъ издателя, а Ламенэ, никогда не отличавшійся денежной состоятельностью, не можетъ его внести. „Теперь нужно золото, много золота, чтобы пользоваться правомъ говорить. Мы не такъ богаты. А для бѣдныхъ—молчаніе!"

Послѣ этого Ламенэ живетъ въ бѣдности, видитъ полное торжество имперіи, но не теряетъ вѣры въ „наступленіе весны"

Предвидя близкій конецъ въ 1854 г., онъ пишетъ: „Я хочу быть похороненнымъ среди бѣдныхъ, и такъ, какъ хоронятъ бѣдныхъ. На моей могилѣ не должно быть никакого внѣшняго знака, даже простого камня. Мое тѣло должно быть отвезено прямо изъ дому на кладбище, безъ всякихъ обрядовъ".

Воспаленіе легкихъ свело его въ могилу вскорѣ послѣ этого. Утромъ 27 февраля,—пишетъ одинъ изъ его біографовъ,—взошло лучистое солнце и освѣтило бѣдную комнату умирающаго чистымъ и мягкимъ свѣтомъ. „Откройте занавѣску, оно пришло для меня!"—сказалъ Ламенэ. Въ 9½ часовъ его уже не было".

„Извѣстіе о смерти Ламенэ молніей облетѣло Парижъ. Чтобы предупредить возможныя демонстраціи, полиція Наполеона III скрыла отъ публики часъ похоронъ. Тѣмъ не менѣе, когда гробъ приблизился къ кладбищу Пэръ-Лашезъ; громадная толпа слѣдовала за нимъ, но къ „братской могилѣ"—такъ называлось мѣсто, гдѣ хоронили бѣдныхъ—было допущено только нѣсколько человѣкъ.

Изъ книги „Слова вѣрующаго" нѣсколько отрывковъ.

„Вы—сыновья одного отца, и одна мать вскормила васъ, почему же вы не любите другъ друга какъ братья? почему вы держитесь скорѣе какъ враги?

Кто не любитъ брата, проклятъ семь разъ, а кто становится врагомъ брату проклятъ семьдесятъ семь разъ.

Вотъ почему цари и князья, и всѣ, кого міръ называетъ великими, прокляты: они не любятъ своихъ братьевъ и относятся къ нимъ какъ къ врагамъ.

Любите другъ друга, и вамъ не страшны будутъ ни великіе, ни князья, ни цари.

Они сильнѣе васъ лишь потому, что вы разъединены, что не любите другъ друга какъ братья.

Не говорите: „Онъ принадлежитъ къ одному народу, а онъ къ другому". Ибо всѣ народы имѣютъ одного отца на землѣ—Адама и одного отца на небѣ—Бога.

Если поражается одинъ членъ, все тѣло страдаетъ. Вы всѣ—одно тѣло: невозможно притѣснять одного изъ васъ, такъ чтобы всѣ не были притѣсняемы.

Если волкъ бросается на стадо, онъ не пожираетъ его заразъ: онъ хватаетъ одного лишь барана. Затѣмъ, когда онъ снова проголодается, онъ ѣстъ другого, и такъ до самаго конца, ибо голодъ все возобновляется.

Не будьте какъ бараны, которые, когда волкъ уноситъ одного изъ нихъ, остолбенѣваютъ отъ ужаса на мгновеніе, но затѣмъ продолжаютъ пастись. Ибо думаютъ они, можетъ быть, — онъ удовольствуется первой или второй жертвой: что же мнѣ безпокоиться о тѣхъ, кого онъ пожралъ? развѣ для меня въ этомъ убытокъ? мнѣ же останется больше травы.

Поистинѣ говорю вамъ: кто разсуждаетъ такимъ образомъ, предназначенъ сдѣлаться добычей для звѣря, который только и живетъ мясомъ и кровью“ (гл. 4-я).

„Когда дерево растетъ одинокимъ, вѣтеръ бьетъ его и срываетъ листья; и его вѣтви, вмѣсто того, чтобы расти вверхъ, опускаются, какъ будто ищутъ земли.

Когда маленькое растеніе одиноко и не имѣетъ гдѣ укрыться отъ палящихъ лучей солнца, оно хирѣетъ, сохнетъ и умираетъ.

Когда человѣкъ одинъ, вѣтеръ произвола гнетъ его къ землѣ, и палящій зной жадности великихъ міра, вытягиваетъ соки, которыми онъ питается.

Не будьте же одиноки, какъ маленькое растеніе, или какъ дерево: да будетъ единеніе между вами, взаимная поддержка и защита.

Когда вы разобщены, и каждый думаетъ лишь о себѣ, вы не можете надѣяться на что нибудь лучшее, чѣмъ страданіе, несчастья и угнетеніе.

Что слабѣе воробья и безоружнѣе ласточки? Однако, при появленіи хищной птицы, ласточки и воробьи принимаются гнать ее, собравшись вокругъ и дѣйствуя единодушно.

Берите примѣръ съ воробья и ласточки. Кто отдѣляется отъ братьевъ, того всюду преслѣдуетъ страхъ,—и во время ходьбы, и во время отдыха и даже во время сна.

И такъ, когда васъ спросятъ: „Сколько васъ?“ отвѣчайте: „Мы—одно, ибо наши братья—это мы, и мы—это наши братья“.

Богъ не сотворилъ ни малыхъ ни великихъ, ни господъ ни рабовъ, ни царей ни подданныхъ: всѣхъ людей онъ создалъ равными.

Но среди людей есть болѣе сильные,—тѣломъ, духомъ, волей,—и они то стремятся подчинить себѣ другихъ, когда гордость или жадность угашаютъ въ нихъ любовь къ братьямъ.

И Богъ зналъ, что такъ будетъ, а потому заповѣдалъ людямъ любить другъ друга, чтобы они были едино, и чтобы слабые не попадали въ угнетеніе къ сильнымъ.

Ибо тотъ, кто сильнѣе одного, окажется слабѣе двоихъ, а кто сильнѣе двоихъ, тотъ навѣрное слабѣе четырехъ; итакъ слабымъ нечего бояться, когда они, любя другъ друга, будутъ истинно соединены между собой.

Одинъ человѣкъ путешествовалъ по горамъ. Случилось ему придти въ такое мѣсто, гдѣ огромный обломокъ скалы скатился внизъ и загородилъ собой всю узкую тропинку, по которой пролегалъ путь: нельзя было пройти ни влѣво, ни вправо отъ него.

Человѣкъ, видя невозможность продолжать путь изъ за этой скалы, попытался сдвинуть ее въ сторону, но сколько ни трудился, всѣ усилія оказались напрасными.

Исполненный печали и тревоги, онъ сказалъ: „Что будетъ со мной, когда настанетъ ночь и захватитъ меня въ этомъ мѣстѣ, безъ пищи, безъ крова, безъ всякаго оружія,—въ часъ, когда дикіе звѣри выходятъ искать добычу?“

Когда онъ сидѣлъ, погруженный въ эти мысли, подошелъ другой путешественникъ и тоже попытался сдвинуть скалу, но оказался не въ силахъ сдѣлать это и сѣлъ молча, опустивши голову.

Потомъ явились и другіе, но ни одинъ изъ нихъ не могъ и пошевелить скалу, и ихъ боязнь и малодушіе были велики.

Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ другимъ: „Братья мои, помолимся нашему Отцу, который на небесахъ! можетъ быть, онъ сжалится надъ нами въ этой бѣдѣ“.

И эта рѣчь была выслушана, и они помолились отъ всего сердца Отцу, который на небесахъ.

Когда они окончили молитву, тотъ, кто сказалъ: „Помолимся“, сказалъ еще: „Братья мои, то, чего не могъ сдѣлать каждый изъ насъ въ одиночку, не сдѣлаемъ ли мы всѣ вмѣстѣ?“

И они поднялись и всѣ разомъ толкнули скалу: скала подалась, и они пошли мирно своей дорогой.

Путешественникъ—это человѣкъ, путешествіе — жизнь, скала—несчастья, которыя онъ встрѣчаетъ поминутно на пути.

Никто изъ людей не могъ бы толкнуть эту скалу въ одиночку, но Богъ такъ соразмѣрилъ ея вѣсъ, что онъ никода не препятствуетъ для тѣхъ, кто путешествуетъ вмѣстѣ“ (гл. 19-я).

У васъ только одинъ отецъ—Богъ, и одинъ господь—Христосъ.

Когда же вамъ говорятъ о тѣхъ, которые обладаютъ великимъ могуществомъ на землѣ: „Вотъ ваши господа“, не вѣрьте этому.

Если они праведны, они—ваши слуги; если же нѣтъ, они—тираны.

Всѣ рождаются равными: никто, являясь въ міръ, не приноситъ съ собой права повелѣвать.

Я видѣлъ въ колыбели ребенка, безпомощнаго и плачущаго; вокругъ него стояли старики, которые говорили ему: „*государь*“, и которые, опустившись на колѣни, поклонялись ему. И я постигъ все несчастье человѣка.

Грѣхъ произвелъ князей, потому что вмѣсто братской любви взаимопомощи, люди стали вредить другъ другу.

Тогда они выбрали изъ своей среды одного или нѣсколькихъ, кого они считали самыми справедливыми, чтобы защищать добрыхъ отъ злыхъ, и чтобы слабый могъ жить въ мирѣ.

И власть ихъ была законной властью, ибо то была власть Бога, который хочетъ, чтобы царствовало правосудіе среди людей;—власть народа, который избралъ ихъ.

Почему каждый по совѣсти считалъ обязаннымъ повиноваться имъ.

Но нашлись вскорѣ и такіе, что захотѣли царствовать и надъ этими, какъ если бы они были болѣе высокой природы, чѣмъ ихъ братья.

И власть ихъ незаконна, ибо это власть сатаны, и ихъ господство есть господство гордости и жадности.

Поэтому, когда нѣтъ опасенія, что изъ этого выйдетъ еще больше зла,—каждый можетъ, а иногда и долженъ, по совѣсти, возстать противъ нихъ.

Въ равновѣсіи вѣчнаго права ваша воля значитъ больше, чѣмъ воля царей; ибо народы создаютъ царей; цари поставлены для народовъ, а не народы для царей.

Отецъ небесный не для того сотворилъ тѣло своихъ дѣтей, чтобы оно отягощалось цѣпями, и душу не для того, чтобы она была убиваема рабствомъ.

Онъ соединилъ ихъ въ семьи, и всѣ семьи—сестры между собой; Онъ соединилъ ихъ въ племена, и всѣ племена—братья; и всякій, кто раздѣляетъ семью отъ семьи, племя отъ племени, разъединяетъ то, что Богъ сочеталъ: онъ совершаетъ дѣло Сатаны.

А то, что соединяетъ семью съ семьей, племя съ племенемъ, это законъ Божій, законъ правосудія и милости и затѣмъ законъ свободы, который тоже отъ Бога.

Ибо могло ли бы существовать безъ свободы какое-нибудь единеніе людей? Тогда они были бы соединены какъ лошадь съ ѣздокомъ или какъ кнутъ надсмотрщика со спиной раба.

Если же кто придетъ и скажетъ: „Вы мои“; отвѣчайте: „Нѣтъ, мы Божьи, и Онъ нашъ Отецъ—Христовы, и Онъ нашъ единственный учитель (гл. 19-я).

Были времена, когда человѣкъ, убивая человѣка другой вѣры, думалъ, что совершаетъ богоугодное дѣло.

Относитесь съ омерзѣніемъ къ этимъ гнуснымъ убійствамъ.

Какъ можетъ убійство человѣка нравиться Богу, когда онъ сказалъ людямъ: „не убій!“

Когда человѣческая кровь проливается на землѣ, какъ бы въ угоду Богу, демоны сбѣгаются пить ее и вселяются въ пролившаго ее. Человѣкъ начинаетъ преслѣдовать толь-

ко когда теряетъ надежду убѣдить; а кто отчаивается въ возможности убѣдить, или доказываетъ ничтожество своего ученія, или самъ недостаточно вѣритъ въ истинность того ученія, которое возвѣщаетъ.

Что можетъ быть безумнѣе того, какъ сказать людямъ: „Вѣрьте или умрите“.

Вѣра есть дочь Бога-Слова: она проникаетъ въ сердце со словомъ, а не съ кинжаломъ.

Іисусъ всю жизнь творилъ добро, привлекалъ къ себѣ людей своею добротою, трогая самыя жестокія души своею неизсякаемою любовью. Его божественныя уста благословляли, а никого не проклинали, кромѣ развѣ лицемѣровъ. Онъ не выбиралъ въ апостолы палачей. Онъ говорилъ своимъ: „Оставьте расти вмѣстѣ до жатвы доброе и злое зерно, отецъ отдѣлитъ ихъ на току“.

А тѣмъ, которыя побуждали его низвести огонь на невѣрующій городъ, онъ сказалъ: „Вы не знаете, какого вы духа“.

Духъ Христа—духъ мира, милосердія и любви. Тѣ, которые преслѣдуютъ Его именемъ, которые испытываютъ совѣсть мечомъ, пытаютъ, чтобъ обратить душу, заставляютъ плакать, вмѣсто того, чтобы утирать слезы, не имѣютъ духа Христа.

Горе тѣмъ, которые оскверняютъ Евангеліе, дѣлая его предметомъ ужаса для людей.

Горе тѣмъ, которые на окровавленномъ листѣ пишутъ благую вѣсть.

Вспомните первыя времена христіанства, вспомните катакомбы.

Въ то время васъ влекли на эшафоты, отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ ради забавы черни, бросали тысячами въ рудники и тюрьмы, отбирали въ казну ваше имущество, топтали васъ ногами, какъ топчутъ на площади грязь. Для совершенія таинствъ у васъ не было другого убѣжища, кромѣ подземелій.

Что говорили ваши преслѣдователи? Они говорили, что вы проповѣдуете опасное ученіе, что ваша секта, такъ называли они ее, нарушаетъ общественный миръ и поря-

докъ, что вы нарушители законовъ и враги рода человѣческаго, колеблете власть, колебля религію.

Въ такихъ страданіяхъ, подъ такимъ игомъ, чего требовали вы?—Свободы. Вы провозглашали право повиноваться только Богу, служить только Ему, любить Его по совѣсти.

Когда другіе, хотя бы и забуждающіеся въ своихъ вѣрованіяхъ, потребуютъ отъ васъ этого священнаго права, уважайте его въ нихъ, какъ и вы требовали, чтобы язычники уважали его въ васъ.

Уважайте это право, чтобы не заклеймить памяти вашихъ проповѣдниковъ, не забрызгать грязью пепла вашихъ мучениковъ.

Преслѣдованіе обоюдоостро: оно наноситъ раны направо и налѣво.

Если вы не помните наставленій Христа, то вспомните по крайней мѣрѣ о катакомбахъ.

Сквозь сѣроватый и густой туманъ я увидѣлъ,— какъ видно бываетъ на землѣ въ сумерки,—обнаженную, пустынную и холодную равнину.

По срединѣ ея возвышалась скала, съ которой падала капля по каплѣ черноватая вода, и только слабый, неясный шумъ падающихъ капель нарушалъ могильную тишину.

И семь тропинокъ, извивающихся по равнинѣ, сходились у этой скалы; близъ скалы у начала каждой тропинки лежало по камню, покрытому чѣмъ-то влажнымъ и зеленоватымъ, и видомъ своимъ напоминающимъ змѣиную слюну.

Но вотъ на одной изъ тропинокъ я увидѣлъ что-то похожее на медленно движущуюся тѣнь. Мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія ея, я различалъ нѣчто похожее не на человѣка, а на призракъ человѣка. Вмѣсто сердца у этой человѣческой тѣни было кровавое пятно. Она сѣла на влажный и зеленый камень и дрожала отъ холода. Затѣмъ, опустивши голову, она обхватила себя руками, какъ бы для того, чтобы удержать остатокъ тепла.

По шести другимъ тропинкамъ одна за другою приблизились къ подножью камня еще шесть тѣней.

И каждая изъ нихъ дрожала и, плотно охватывая себя руками, садилась на влажный и зеленый камень. Молча

согнувшись подъ тяжестью невыразимой тоски, сидѣли онѣ тамъ. Молчаніе ихъ длилось долго, но сколько именно времени, я не знаю, такъ какъ солнце не всходитъ надъ этой равниной, и здѣсь нѣтъ ни утра ни вечера. Лишь однѣ капли черноватой воды измѣряютъ своимъ паденіемъ безконечную, однообразную, мрачную, гнетущую вѣчность.

Такъ ужасно было смотрѣть на эту картину, что я не въ силахъ былъ бы выдержать этого зрѣлища, если бы Богъ не подкрѣпилъ меня.

Но вотъ, послѣ чего-то, похожаго на конвульсивную дрожь, одна изъ тѣней, поднявши голову, издала звукъ, подобный хриплому и сухому свисту вѣтра, исходящему изъ скелета, и скала донесла этотъ звукъ до моего слуха:

„Христосъ побѣдилъ. Да будетъ онъ проклятъ“.

И шесть другихъ тѣней содрогнулись и всѣ онѣ вмѣстѣ, поднявши голову, повторили то же богохульство: „Христосъ побѣдилъ. Да будетъ онъ проклятъ“.

Послѣ этого они задрожали сильнѣе прежняго, туманъ спустился, вода мгновенно перестала капать.

Семь тѣней опять согнулись подъ тяжестью своей тайной тоски—и наступившее второе молчаніе длилось гораздо дольше перваго.

Наконецъ, одна изъ тѣней, не мѣняя своего положенія и не поднимаясь съ камня, сказала другимъ: „Съ вами случилось то же, что и со мною. Къ чему послужили намъ всѣ наши замыслы?“

Вторая прибавила: „Вѣра и мысль разбили народныя цѣпи. Вѣра и мысль освободили землю“.

„Мы хотѣли разъединить людей“, сказала третья, „но нашъ гнетъ сплотилъ ихъ противъ насъ“.

„Мы проливали кровь“, замѣтила четвертая, — „и эта кровь пала на наши головы“.

„Мы сѣяли развратъ“, сказала пятая,—„и онъ пустилъ глубокіе ростки въ самихъ насъ и источилъ наши кости“.

„Мы“, добавила шестая, — надѣялись, что задушимъ свободу, но она своимъ дыханіемъ изсушила нашу власть до самаго корня“.

Тогда седьмая тѣнь сказала: „Христосъ побѣдилъ. Да будетъ онъ проклятъ“.

И всѣ въ одинъ голосъ повторили: „Христосъ побѣдилъ. Да будетъ онъ проклятъ“.

Въ этотъ мигъ я увидѣлъ протянутую руку. Она обмакнула палецъ въ черноватую влагу, капли которой, падая, продолжали измѣрять вѣчность, и отмѣтила на челѣ каждой изъ семи тѣней: „навсегда“.

Народъ неспособенъ понимать свои выгоды; для его блага нужно всегда держать его въ опекѣ. Развѣ это не въ порядкѣ вещей,—людямъ просвѣщеннымъ вести темныхъ, лишенныхъ свѣта?

Такъ разсуждаетъ толпа лицемѣровъ, которые хотятъ руководить дѣлами народа, чтобы жирѣть на его счетъ.

Вы неспособны, говорятъ они, понимать свои интересы; поэтому они не позволятъ вамъ даже судить о томъ, что вы находите для себя полезнымъ; они все разсудятъ противъ вашей воли, хотя вамъ это будетъ не по душѣ и будетъ отталкивать васъ.

Вы неспособны управлять маленькой общественной собственностью, неспособны различать что для васъ хорошо и что дурно; не знаете своихъ нуждъ и—какъ ихъ удовлетворить; поэтому надъ вами поставятъ людей, хорошо оплачиваемыхъ на вашъ счетъ, которые станутъ распоряжаться вашимъ имуществомъ по собственной фантазіи; которые станутъ препятствовать вамъ дѣлать то, что вы хотите и заставятъ дѣлать то, чего вы вовсе не желаете.

Вы неспособны сообразить, какое воспитаніе наиболѣе подходитъ для вашихъ дѣтей: и вотъ, изъ нѣжнаго сочувствія къ вашимъ дѣтямъ, ихъ бросятъ въ клоаки нечестія и дурныхъ нравовъ, такъ что вы пожалѣете, почему они лучше не остались безъ всякаго образованія.

Вы неспособны разсудить, можете ли вы и ваша семья просуществовать на тотъ заработокъ, какимъ оплачиваютъ вашъ трудъ; и вамъ запрещаютъ, подъ страхомъ суровыхъ наказаній, войти въ соглашеніе между собой и добиться увеличенія этого заработка,—чтобы возможно было прожить вамъ и вашимъ женамъ и вашимъ дѣтямъ.

Если бы все, что говорилъ этотъ родъ лицемѣрный и жадный, было справедливо, то вы были бы гораздо ниже

животныхъ, ибо послѣднія знаютъ то, чего, по ихъ утвержденію, не знаете вы, хотя они для этого обладаютъ только слѣпымъ инстинктомъ.

Богъ не для того создалъ васъ, чтобы вы были стадомъ въ глазахъ другихъ людей. Онъ создалъ васъ для свободной, братской жизни въ обществѣ. Но братъ брату ничего не можетъ приказывать. Братья связаны другъ съ другомъ взаимными условіями; условія эти—законъ, и законъ долженъ быть уважаемъ, всѣ сообща должны препятствовать его нарушенію, ибо онъ—охрана всѣхъ, выраженіе общей воли и общаго интереса.

Будьте людьми: нѣтъ въ мірѣ такой силы чтобы впрячь васъ въ ярмо противъ вашей воли; но вы добровольно можете вложить голову въ хомутъ, если захотите.

Есть глупыя животныя: ихъ запираютъ въ стойла, питаютъ ихъ, пока они могутъ работать, и откармливаютъ на убой, когда они состарѣются.

И есть другія животныя: они свободно живутъ на поляхъ, ихъ невозможно пріучить къ рабству, невозможно соблазнить обманчивыми ласками, ни побѣдить угрозами или дурнымъ обращеніемъ.

Люди мужественные похожи на нихъ; малодушные—на первыхъ“ (гл. 21-я).

„И затѣмъ я увидѣлъ Христа, сидящаго рядомъ съ Отцомъ, сіяющаго безсмертной славой.

Увидѣлъ я также какъ бы таинственнаго агнца, закланнаго на жертвенникѣ; миріады ангеловъ и людей, искупленные Его кровью, толпились вокругъ и, воспѣвая хвалы, прославляли его на языкѣ небесъ.

И капля крови Агнца упала на страждущую и больную природу, и я увидѣлъ, какъ она возродилась, всѣ существа ея затрепетали новой жизнью и всѣ вмѣстѣ воскликнули:

„Святъ, Святъ, Святъ тотъ, кто разрушилъ зло и побѣдилъ смерть“.

И Сынъ склонился на лоно Отца, и Духъ покрылъ ихъ своимъ крыломъ, и была между ними божественная тайна, и небеса въ молчаніи трепетали“ (конецъ книги).

А. Михаилъ.

Какъ я сталъ народнымъ соціалистомъ.

I. Первый этапъ.
II. Въ рабствѣ компромисса.
III. Ссоры съ Достоевскимъ и нѣмецкими христіанскими соціалистами.
IV. Почему н.-с., а не с.-д. или с.-р.?

Примѣчаніе:
ПЕЧАТАЕТСЯ КРУПНѢЕ, КАКЪ СТАТЬЯ „ОСНОВНАЯ".

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1907.

Какъ я сталъ народнымъ соціалистомъ.

I. Первый этапъ.

Заглавіе статьи можетъ смутить своей претенціозностью. Оно напомнитъ брошюру Гере: «Какъ я сталъ соціалъ-демократомъ?»

Каемся, мы намѣренно повторили заголовокъ книги нѣмецкаго христіанина-соціалиста, ставшаго соціалъ-демократомъ, полагая, что имѣемъ на него *болѣе* права, чѣмъ самъ Гере.

Гере не «сталъ» соціалъ-демократомъ, онъ просто *вступилъ въ партію*, разочаровавшись въ христіанскомъ (нѣмецкомъ) соціализмѣ. Русскій священникъ именно «становится», т.-е. сложной эволюціей — своего рода крестнымъ путемъ сомнѣній и мукъ — разрушенія старыхъ боговъ, иногда крѣпко сросшихся съ сердцемъ, *приходитъ* къ новому общественному идеалу.

И мой путь — не мой, а вообще священническій, тотъ, по которому идетъ всякій русскій священникъ, воспитанный Евангеліемъ, Достоевскимъ и жизнью.

*
* *

Начну крошечнымъ воспоминаніемъ далекаго дѣтства. Шумная, большая суконная фабрика... Много-много огня. Невыносимо шумно: сту-

чатъ огромныя колеса. Мелькаютъ страшныя стальныя руки машинъ. Жутко. И среди этого шума бродятъ жалкія сѣрыя запыленныя фигурки подметальщиковъ-дѣтей.

Усталыя, измученныя и, главное, *жалко-маленькія.*

Это было давно, 25 лѣтъ назадъ, но впечатлѣніе живо и ярко. Поразило именно это: ничтожность человѣка, его безсиліе передъ машиной—страшной, огромной, безжалостно сильной.

Я не хочу разсказывать читателямъ анекдоты на тему, «какъ я сталъ добродѣтельнымъ». Просто указываю яркій фактъ, отложившійся на душѣ первой тревогой, отъ которой она не могла отдѣлаться послѣ цѣлыми десятилѣтіями.

Я заглянулъ случайно въ царство Молоха, и онъ сразу раздавилъ своею богохульной мощью, торжествующей силой, но гдѣ-то оставилъ начало больной мысли: а все-таки не нужно... Можно иначе.

Нѣтъ нужды исповѣдываться, что дѣлала жизнь съ этой случайной дѣтской тревогой. Эволюція, ростъ и убыль «частной» души—моей или чьей бы то ни было—никому не интересны: занимать можетъ только эволюція священника, какъ священника.

Итакъ, прохожу мимо цѣлыхъ двадцати лѣтъ... Жизнь вдвинула меня въ самый центръ разнородныхъ теченій, бросила въ Петербургъ. Я былъ призванъ сюда, между прочимъ, для борьбы съ неохристіанствомъ, т.-е. Мережковскимъ, Розановымъ и др.

Я долженъ былъ защищать Церковь, ея правду (не жизненную, земную правду, о которой въ это время не помнилъ и я, а догматическую, философскую). И я дѣлалъ это искренно и безъ лжи, потому что центромъ моей вѣры, единственнымъ жизненнымъ шансомъ былъ (и есть) образъ Христа, распятаго за міръ Бога...

Я говорилъ и писалъ торопливо и жадно, торопясь кричать: «Погодите осуждать нашу правду, вы ее не знаете. Подойдите поближе...»

Навѣрное, мнѣ иногда удавалось отстоять мою правду: защитѣ ея я отдавалъ и мозгъ и душу. Но самъ я всегда оставался внутренне побѣжденнымъ моей аудиторіей, даже тогда, когда она молчала.

Мимоходомъ бросятъ обвиненіе, и отъ него не отдѣлаешься днями и недѣлями.

«Вы лжете,—пишутъ изъ Саратова отъ имени цѣлой партіи литографированнымъ листкомъ.— Не Христа вы защищаете, а порядокъ. Нельзя жить въ вашей Церкви съ вашимъ христіанствомъ. Сколько рабской лжи: преслѣдованіе сектантовъ и вообще свободы вѣры Церковью, одобреніе Церковью войны, *больше* даже — казней, одобреніе каждаго наличнаго «факта», хотя бы крѣпостного права, потому что это—*фактъ;* наличной народной и общественной морали—опять потому, что она *есть,* потому что она *фактъ*... Мы видимъ, что Церковь—орудіе на службѣ «наличнаго», тогда какъ ея дѣло — судить съ высоты «вѣчности», съ высоты Евангелія... И не можемъ принять ее... васъ... вашего Христа.

«Не для того ли и выдвинута впередъ ваша перекрашенная, обновленная догматическая правда, чтобы усыпить, заставить забыть о жизненной неправдѣ и о томъ, что о ней-то вы молчите и говорить не смѣете. Гипнотизировать вы насъ хотите догмой...»

«Оставьте, — пишетъ наивный, полуграмотный, но умный и не стѣсняющійся въ словахъ купецъ С—въ изъ Самары (извѣстный откр. письмомъ митрополиту Антонію),—вы точно приказчикъ... Расхваливаете вашу Церковь, какъ товаръ, который распродаете. И кто васъ знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ не видите, что товаръ подмоченъ, а главное, не видите, что на немъ печать антихристова... Вѣра-то вѣрой, и хорошо вы про нее говорите, а поглядишь— нужна она, эта вѣра, чтобы Бога приставить сторожемъ къ имуществу богатыхъ. Все вы, Божье-то, отдали кесарю на службу, Бога въ сторожа обратили, Евангеліе такъ перестроили, что оно тоже, какъ «уложеніе о наказаніяхъ», грозитъ только рабамъ, которые не повинуются господамъ, да утѣшаетъ ограбленныхъ: терпите, «тамъ» получите вдесятеро».

Я чувствовалъ, что здѣсь страшно много правды. Какъ я могъ ее отрицать, когда Ириней орловскій въ проповѣди доказывалъ, будто *бѣдняки для того и нужны,* чтобы была эстетически богаче картина жизни. Не все красные да красные цвѣты на лугу, нужны и голубые, и синіе.

Не все же сытые и богатые — некрасиво и скудно, и надоѣстъ (очевидно, сытымъ).

А этотъ откровенный цинизмъ не былъ рѣдкостью. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, дѣлается нами усилій въ похвалахъ «бѣдности», въ цѣляхъ спокойствія богатыхъ.

Понятно, рядомъ съ такими проповѣдями письма изъ Саратова и Самары жгли, какъ уголь. Почувствовалась необходимость правду Евангелія прежде всего освободить отъ ея рабьей служебной роли.

Почувствовалось, что нѣтъ и не будетъ намъ и Христу вѣры, пока наше слово и мысль будетъ на службѣ, да, главное, самая эта мысль будетъ сама внутренно, по самой психологіи, гнилой, развращенной, рабьей.

Вспомнились слова В. Самарина, своего рода столпа православнаго сознанія:

«Когда существующій порядокъ вещей, напримѣръ, хотя бы крѣпостное право, цѣликомъ ставится подъ непосредственную охрану вѣры; когда ей, такъ сказать, навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ настоящую минуту, но чего не было вчера, и чего можетъ не быть завтра,—тогда, естественно, всѣ самыя разумныя потребности, не удовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя надежды на лучшее, наконецъ, сама вѣра въ народную будущность, все это пріучается смотрѣть на христіанство, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно надо будетъ перешагнуть, и мало-по-малу склоняется къ отпаду отъ Христа и Церкви».

Вспомнились, — да еще какъ вспомнились. Обстоятельства были уже другія, чѣмъ два-три года назадъ.

Тогда эти «слова Самарина» приводилъ я же въ видѣ самооправданія:

«Государство, дескать, пользуется Церковью въ своихъ цѣляхъ и дискредитируетъ ее, мы этого не хотимъ; сами тяготимся союзомъ, какъ проклятіемъ... Поэтому недовѣріе къ намъ незаконно и неосновательно».

Такъ могъ говорить священникъ съ «обезпокоенной» совѣстью годъ назадъ. Такъ говорилъ и я. Теперь священники Бога Вышняго показали, что союзъ — ихъ рабское служеніе одному кесарю вмѣсто Бога—имъ «проклятіемъ» не кажется.

Цѣлая армія рабовъ Молоха, по ошибкѣ стоящихъ около алтаря Христова, обнаружила такое рвеніе въ кощунственной борьбѣ противъ правды, что стало страшно за цѣлость самого христіанства.

Родился страхъ, что (какъ въ «Тревожной ночи» Розанова) послѣдніе рабы выйдутъ изъ опозореннаго храма съ крикомъ: «Вонъ изъ этой нечисти, кроткой съ виду, кровавой внутри. Здѣсь тайна беззаконія начала дѣйствовать».

И мысль Самарина встала предъ сознаніемъ въ новой рѣзко-обличающей формѣ видѣній Ламенэ.

Семь порфироносцевъ въ залѣ, обитомъ чернымъ.

Вотъ пятый, поднявшись, колеблющейся походкой приблизился къ трону изъ костей и поставилъ ногу на поверженное распятіе.

Онъ взялъ черепъ съ кровью, выпилъ изъ него и сказалъ своимъ товарищамъ:

«Вы много и хорошо надумали, чтобы уничтожить свободу.

«Ваши средства дѣйствительны и энергичны, но ихъ недостаточно. Обратите людей въ животныхъ, это хорошо, но приведите въ ужасъ этихъ животныхъ, поразите ихъ страхомъ неумолимаго правосудія, жестокими казнями, иначе они рано или поздно растерзаютъ васъ. Палачъ долженъ быть первымъ министромъ у хорошаго князя».

А рядомъ съ нимъ, этимъ «пятымъ», седьмой, выпивши, какъ и остальные, изъ человѣческаго черепа, такъ заговорилъ, стоя на распятіи:

«Нѣтъ болѣе Христа; война не на жизнь, а на смерть, вѣчная война между Нимъ и нами.

«Но какъ отвлечь отъ Него народы? Слушайте! Нужно купить священниковъ Христа богатствомъ, почестями, могуществомъ.

«И они повелятъ народу, отъ имени Христа, подчиняться намъ во всемъ, что бы мы ни сдѣлали, что бы ни приказали.

«И народъ повѣритъ имъ, вручитъ имъ свою совѣсть, и наша власть будетъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо прежде».

И сдѣлали, подкупили... Наступилъ тяжелый и мучительный мракъ...

Именно тяжелый и мучительный мракъ.

Удивительно ли, что я испугался этой угрожающей темноты и захотѣлъ крикнуть моимъ товарищамъ: «Спасайтесь».

Сосѣдство ваше съ языческимъ и злымъ принципомъ рабовладѣльческой власти гибельно, особенно теперь...

А въ результатѣ этого призыва и долженъ былъ явиться разрывъ, не скрытый и не замаскированный, съ прежними формами государственныхъ воззрѣній.

Часто говорятъ, что для священника, повидимому, должны быть безразличны формы власти и т. д.

Возможно, что такъ. Очень можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ это для насъ не важно. Фактъ тотъ, что связь съ *прошлой властью* развращала, и ее-то во всякомъ случаѣ нужно было разорвать какъ можно рѣшительнѣе и яснѣе.

Это — стадія, которую необходимо долженъ пройти и неизбѣжно пройдетъ каждый священникъ, не желающій торговать Христомъ въ угоду власти.

И вотъ разрывъ съ властью сталъ первымъ моимъ этапомъ.

Однако этимъ вопросъ не рѣшался. Въ какой же формѣ должно раскрыться освобожденное отъ рабства христіанство, въ своихъ построеніяхъ здѣшней «земной, соціальной жизни»?

Отыскать жизненную земную программу было очень нелегко. Отъ прошлаго остались трудно

вытравленныя пятна рабства. Сознаніе оказалось зараженнымъ «проказой вѣковъ».

И на дурной почвѣ могли привиться въ началѣ только лживыя, компромиссныя формы. Побѣдилъ «духъ компромисса», сатана нашего вѣка (по выраженію Ибсена), въ лицѣ Достоевскаго и нѣмецкихъ соціалистовъ.

Родилась полуистина моей брошюры: «Проклятые вопросы и христіанство».

II. Въ рабствѣ компромисса.

Достоевскій былъ и есть и, навѣрное, еще долго будетъ «злымъ геніемъ» христіанской мысли. Въ его творчествѣ, рядомъ съ сѣменами «откровенія», заложены элементы сильнаго наркотическаго яда, энергично разлагающаго, главнымъ образомъ, идею христіанской общественности. На распутьи, въ поискахъ отвѣта, какъ понять міръ и примириться съ его неправдою, моя мысль не могла не встрѣтить на своей дорогѣ Достоевскаго.

Онъ прошелъ тотъ же путь сначала скорбнаго недоумѣнія, а потомъ смертнаго ужаса передъ жизнью, «Вааломъ, царствующимъ въ нашемъ мірѣ ростовщиковъ», какой переживаетъ все наше поколѣніе «больныхъ христіанъ»,— и я естественно сошелся съ нимъ на одномъ перекресткѣ.

Читайте двѣ-три страницы его «Лѣтнихъ замѣтокъ о зимнихъ впечатлѣніяхъ».

Одна глава такъ и называется «Ваалъ», и вся она полна впечатлѣній скорбнаго ужаса предъ

поруганіемъ человѣка въ «царствѣ машинъ», трудящихся не на работника, а на ростовщика.

Необъятный, какъ море, городъ—визгъ и вой машинъ. Отравленная Темза. Блестящій хрустальный дворецъ выставки. Что-то апокалиптически побѣдное, великое, красивое.

Это — храмъ...

Да, Ваала. Богатство, роскошь, зеркала и золото.

И на этомъ фонѣ — задавленный и жалкій человѣкъ.

Шабашъ бѣлыхъ негровъ—рабочихъ, которые въ пьянствѣ и развратѣ, тупомъ, безъ веселья, тяжеломъ, и молчаливомъ, отдаютъ въ субботу добытое за недѣлю трудомъ и проклятіемъ.

Продающіяся женщины и даже дѣвочки въ Гаймаркетѣ... Весь гной отложенія позорнаго строя жизни.

Матери, которыя выводятъ на продажу своихъ дочерей.

Все это—жертвы Ваалу.

Это пьянство, развратъ, потеря сознанія, въ которомъ есть «нѣчто систематическое, показное, поощряемое», для Достоевскаго —«души, положенныя въ основу проклятой башни Ваала».

«Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько». «И долго для паріевъ его царства еще не сбудется пророчество, долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: Доколѣ, Господи!».

А рядомъ съ картинами рабства взрослыхъ—особенно для меня—больныя и понятныя картины страданія дѣтей.

«Помню, разъ въ толпѣ,—разсказываетъ Достоевскій,—я увидѣлъ дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда. Богъ знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ-быть, она была голодна... Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія было даже какъ-то неестественно и ужасно, и больно. Она все качала своей всклоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ими вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди». И это была опять утренняя жертва тому же богу злого капитала.

Такія картины, такое представленіе о мірѣ было слишкомъ для меня понятнымъ, чтобы я не принялъ его.

Понятенъ былъ и выводъ Достоевскаго: «Ваалъ долженъ быть уничтоженъ».

Да... да... Но какъ?

Какъ извѣстно, Достоевскій на этотъ вопросъ отвѣтилъ рѣзкой критикой соціализма, вмѣсто котораго онъ предложилъ свой «русскій соціа-

лизмъ»—соціализмъ Власа, собирающаго подаянія на храмы.

Русскій соціализмъ Достоевскаго представлялъ собой рабское, компромиссное, нищенское произведеніе души, развращенной и раздавленной до тла каторгой, но языкъ Достоевскаго, наркозъ и гипнозъ освѣщенныхъ красивой болью образовъ его «распутныхъ героевъ» (Зосимы, Алеши) маскировалъ рабскіе мотивы и источники системы.

«Русскій соціализмъ» — это система, которая должна возвышать всѣхъ до нравственнаго уровня Церкви, какъ духовнаго братства, хотя и съ *сохраненіемъ внѣшняго равенства соціальныхъ положеній, «требуетъ одухотворенія всего государственнаго и общественнаго строя чрезъ воплощеніе въ немъ истины и жизни Христовой»*.

«Не въ учрежденіяхъ, не въ «фаланстерахъ» и всякаго рода общественныхъ муравейникахъ, а въ дѣятельной любви, любящей жалости Зосимы, Алеши — спасеніе. Въ рѣшимости дѣлать все ради дѣятельной любви».

Жизнь наша плоха, потому что мы сами плохи. «Сдѣлавшись сами лучшими, мы и среду исправимъ, и сдѣлаемъ ее лучшею. Вѣдь только этимъ однимъ и можно ее исправить».

Забудьте о своихъ «правахъ», забудьте о томъ, что можно сразу передѣлать міръ «реформами». Оздоровляйте души...

Всѣ эти мысли, изложенныя здѣсь сжато, безкрасочно, въ блестящей обстановкѣ истерическихъ картинъ и пропитанныхъ страданіемъ

образовъ Достоевскаго казались свѣтлыми и убѣдительными. Рождался только одинъ вопросъ: но неужели же нужно забыть о всѣхъ этихъ продающихся дѣвочкахъ въ Гаймаркетѣ, объ ужасахъ ихъ положенія? Неужели же ничего нельзя сдѣлать съ самымъ «фактомъ» продажи? Неужели нельзя уничтожить шабашъ «бѣглыхъ негровъ» и добыть для нихъ праздникъ?

Согласиться цѣликомъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, что нужно ждать, что теперь нужно и можно спасать только одну ту дѣвочку, тѣ отдѣльныя единицы, которыя встрѣтятся на дорогѣ, не хотѣлось... Противъ этого возмущались остатки общественной совѣсти, какія не могла затемнить антихристова проповѣдь — жалости только къ ближнему.

И вотъ здѣсь помогли Достоевскому христіане-соціалисты, такъ близко подходившіе къ Достоевскому въ основной идеѣ проповѣди дѣятельной любви.

Они «хотятъ ввести Христа въ царство машинъ», какъ заявляетъ Науманъ, т.-е. хотятъ именно того, чего хотѣлъ и я.

«Вывести бѣдность изъ міра — наша задача. Для выполненія этой задачи Богъ даровалъ намъ машину. Онъ далъ милліарды желѣзныхъ рабовъ, далъ возможность вырабатывать безчисленное количество продуктовъ, Онъ сказалъ: «Въ ней (машинѣ), Мои дѣти, Я вамъ даю средство уничтожить нужду. Возьмите машину и освѣтите ею землю, возьмите ее и стройте ею

новое время»! Богъ далъ суконныя фабрики для того, чтобы никто больше не нуждался въ одеждѣ, и транспортныя суда, чтобы никто не голодалъ...»

И я хотѣлъ того же—заставить машину работать на тружениковъ. Именно. Дальше ничего не нужно хотѣть: это было то, что мнѣ нужно. Практическое дополненіе къ Достоевскому.

А рядомъ ихъ программа, такая широкая, демократическая: обезпеченіе рабочихъ, борьба за сокращеніе рабочаго дня, запрещеніе труда дѣтей, урегулированіе труда женщины...

Я оказался плѣненнымъ: рѣшилъ, что лучшее выраженіе христіанскаго сознанія будетъ именно соединеніе Достоевскаго съ христіанскимъ соціализмомъ Наумана, американцевъ. И я сталъ прозелитомъ и, пожалуй, апостоломъ компромисса.

Въ одномъ изъ собраній у о. Григорія Петрова С. Н. Булгаковъ защищалъ свой докладъ «Христіанская политика», въ которой предлагалось во имя христіанства организовать «союзы христіанской политики», для борьбы съ общественнымъ строемъ, враждебнымъ свободѣ, слѣдовательно, духовной личности.

С. Н. предлагалъ организацію своего рода политической партіи, въ родѣ тѣхъ же западныхъ христіанскихъ соціалистическихъ, только на почвѣ дѣйствительнаго, а не шулерскаго соціализма Штекера.

Я выступилъ большимъ противникомъ предлагаемой христіанской политической организаціи.

Въ моей повѣсти «Въ городѣ», въ первой ея части, есть такой діалогъ:

«О. Петръ (по адресу интеллигента):

— Если говорить о роли Церкви въ жизни, то ея «политика» совпадаетъ вообще съ политикою тѣхъ, кто за правду... за права меньшихъ... Мы можемъ подать руку тѣмъ, кто борется за права обиженныхъ, за объединеніе слабыхъ противъ неправды сильныхъ.

Отецъ Николай:—Права?.. Нѣтъ...

Блѣдный, дрожитъ, какъ въ истерикѣ. Лицо страдающее, больное...

Права...

Нѣтъ... нѣтъ... Не будетъ. Избави Богъ. Это—Іудино предательство.

Это—второе искушеніе. Сдѣлай камни хлѣбами... Въ вашей программѣ нѣтъ, нѣтъ Христа, распятаго Христа, Бога; если я когда-нибудь приду къ мысли, что Христа не было, что дѣло его здѣсь невозможно, тогда я приму эту «христіанскую политику».

Можетъ-быть, это будетъ черезъ недѣлю, черезъ двѣ, но только тогда, когда умретъ Христосъ.

Церковь не можетъ быть въ союзѣ съ группой, которая говоритъ обиженному: «Возьми свое право», потому что права нѣтъ въ Церкви, хотя она и скажетъ: «Проклятіе насильникамъ».

Церковь можетъ стоять только внѣ борьбы, какъ совѣсть человѣчества—его судъ.

Мы можемъ звать только къ такимъ дѣламъ, какія можемъ проповѣдывать съ чашей Крови

Господней въ рукахъ, устраивать такіе союзы и организаціи, гдѣ нѣтъ правъ и есть только самоотверженіе, хотя и мыслимъ, что это устроитъ жизнь побогаче соціализма».

О. Николай этихъ строкъ—это я въ своихъ тогдашнихъ возраженіяхъ о. Петрову и С. Булгакову.

Естественно, что на почвѣ этого воззрѣнія я считалъ возможнымъ только всякія церковныя «фабрики счастья», въ родѣ приходскихъ братствъ, христіанскаго пастырскаго посредничества между трудомъ и капиталомъ, церковной организаціи квартиръ для бѣдныхъ и т. д. и т. д. Самое большее, на что я согдашался — это полумѣры Наумана, оговариваясь, какъ всѣ лицемѣры, что Христосъ не придавалъ цѣны внѣшнимъ формамъ, полагая суть всей исторіи міра въ развитіи отдѣльныхъ душъ.

Я не зналъ тогда, что черезъ недѣлю или двѣ мнѣ придется именно ради вѣры во Христа отказаться отъ своей лживой точки зрѣнія.

III. Ссора съ Достоевскимъ и нѣмецкими христіанскими соціалистами.

Достаточно было маленькаго толчка, чтобы кошмарное вліяніе «жестокаго таланта» и покладливыхъ христіанъ (Наумана, Штекера и пр.) рухнуло.

Этотъ толчокъ дало случайное мѣсто у Достоевскаго. Если помните, возражая Градовскому противъ его мысли, что необходимо улучшеніе

учрежденій, а не только личности, что христіанское совершенствованіе Коробочки не уничтожитъ крѣпостного права, Достоевскій отвѣчалъ положительно дикими, страшными словами.

«Нужно же понимать христіанство, — пишетъ онъ Градовскому: — если бы Коробочка была христіанкой, то крѣпостного права въ ея имѣніи и не было бы вовсе, несмотря на то, что всѣ крѣпостные акты оставались бы въ ея сундукѣ. И какое дѣло Коробочкѣ-христіанкѣ, крѣпостные или некрѣпостные ея крестьяне. Она ихъ мать... и т. д.»

Это было иллюстраціей къ словамъ о духовномъ братствѣ съ сохраненіемъ соціальнаго неравенства.

Для меня эти строки были откровеніемъ.

Какъ? То, что «крѣпостные акты въ сундукѣ»,— это безразлично? Коробочка — мать... Нѣтъ, не нужно этой матери. Именно нужно понимать христіанство, а это значитъ понять, что въ жизненныхъ отношеніяхъ самое страшное, грѣшное не то, что, пользуясь актами и купчими, затравятъ человѣка собаками, а самые «акты» на души.

И если акты лежатъ въ сундукѣ,—весь позоръ еще цѣлъ и нетронутъ.

Въ томъ и суть христіанства, какъ отчасти мы уже говорили въ «Ст. Почтѣ», что оно требуетъ осудить не только факты грѣха и насилія, но прежде всего больше требуетъ осужденія и отрицанія насилія и зла въ тѣхъ формахъ, гдѣ зло закрѣпилось, застыло, кристаллизовалось,

гдѣ «проказа» и сифилисъ души воплотились въ формѣ общаго грѣха, т.-е. осудить, какъ свой грѣхъ, каждое окошко тюрьмы и огонекъ позорнаго дома...

Христосъ прежде всего осудилъ *старую мораль и старую общественность*, какъ квинтъ-эссенцію прежняго рабства, и только осуждая общественность, купчія крѣпости, ростовщичество и собственность, онъ могъ «прочно надѣяться вытравить злое» въ каждой индивидуальной душѣ.

Коробочка—мать? Избави Богъ,—прежде всего нужно отказаться отъ Коробочки-матери.

Но какъ же,—тогда родился вопросъ,—относиться ко всей системѣ, построенной на такомъ антихристіанскомъ основаніи?

Только отрицательно. Я понялъ, что вся проповѣдь жалости Зосимы или «материнства» Коробочки не ошибка, а обманъ.

Жалость типа Зосимы, такъ враждебная Христову типу, любовной ненависти къ злу міра, выдумали люди своекорыстно.

Нѣтъ ничего выгоднѣе для человѣческаго ничтожества, какъ жалость. Она выгодна для отдѣльнаго человѣка, потому что, какъ я уже сказалъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ («Столичная Почта»), человѣкъ прячется въ нее отъ муки видѣть страданіе и приниженность всего міра. Но она же выгодна для эгоистическаго, буржуазнаго самосохраненія: жалость требуетъ только уступокъ, благотворительности и, значитъ, одновременно и даетъ буржуа «сладкую

радость помочь ближнему» и спасаетъ отъ болѣе крупныхъ жертвъ.

Наконецъ благотворительность, жалость и проч. требуютъ, какъ свѣта, по самому существу, благодарности и терпѣнія.

Ясно, что проповѣдь материнства Коробочки—преступное вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку и только. Отсюда, рѣшилъ я, христіанство должно больше всего бороться съ идеями, разлагающими христіанство съ фальсификаціями, т.-е. съ идеями благотворительной жалости, которую осуждаетъ Христосъ, какъ своего рода подлогъ.

Въ пьесѣ «Двѣ идеи» (готовящейся къ печати) дѣвушка-рабыня германскаго феодала срываетъ на площади распятіе и въ безумномъ экстазѣ бросаетъ такое обвиненіе христіанамъ:

«Я сорвала... Да, я сорвала... Его вамъ не нужно... Я не хочу, чтобы вы своими устами позорили Его раны.

«Богохульники, распинатели!.. Онъ хотѣлъ, чтобы вы, какъ Онъ, страдали позоромъ и зломъ міра. А вы своими руками умножаете язвы Его и Его міра, чтобы въ нихъ находить свое счастье. И его муки—вы передѣлали въ сладкое вино для сладострастниковъ. Вы покрыли весь міръ ранами, убиваете и тѣла и души, чтобы только получить и другимъ дать радость: «терпѣть ради Господа». Вамъ Его не нужно...

«Я поняла... Я была, когда Онъ умиралъ, и видѣла...

«И вотъ я захотѣла броситься къ Его ногамъ, цѣловать ихъ и я вдругъ увидала, что Онъ вздрогнулъ и отодвинулся. И я поняла: Онъ испугался. Онъ боялся, что я, пьяная отъ счастья Его цѣловать, жалѣть, не увижу мукъ отравленнаго міра, на который Онъ бросилъ новыя рѣки чистой крови, чтобы ими напугать міръ.

«Да, да. Онъ пролилъ, чтобы смыть проказу съ міра. Вы во имя Его множите и растите эту проказу.

«И къ кресту Христову въ праздникъ вы подходите, чтобы въ сладострастной жалости брать опьянѣніе, а въ будни предлагаете тотъ же крестъ для поцѣлуя своимъ рабамъ, чтобы они около Его страданій нашли утѣшеніе въ терпѣніи и не возмутились и благодарно цѣловали ваши руки, которыя ихъ бьютъ.

«Вы спасали себя, ваши обѣды и сдѣлали Его адвокатомъ вашего рабовладѣльчества, а по праздникамъ замѣняете имъ для разнообразія танцовщицъ и блудницъ...

«Богъ-сторожъ, Богъ для отдыха и новыхъ «пьяныхъ» ощущеній—не нужно...»

Эти строки были написаны въ тотъ день, когда случайно попалась одновременно статья Достоевскаго о Коробочкѣ-матери и слова Ивана Карамазова о святомъ, согрѣвавшемъ прокаженныхъ своимъ дыханіемъ.

Я ликвидировалъ Достоевскаго, признавъ его проповѣдь жалости, пьянаго состраданія-самоотверженія просто буржуазной поддѣлкой хри-

стіанства, при которой Христосъ существуетъ, чтобы давать богатымъ радость «благотворительности» и удерживать отъ бунта проповѣдью, что «страданіе—великое счастье».

Но разъ начался пересмотръ, съ продолжателями его было справиться легче.

Программа христіанъ-соціалистовъ могла нравиться только при первомъ взглядѣ.

Забота о рабочихъ, ихъ семьѣ, обѣщаніе думать только о голодныхъ—это было хорошо, но эта была ложь.

Всмотритесь ближе во всѣ такого рода человѣколюбивыя постройки всѣхъ буржуазныхъ группъ — и вы замѣтите фальсификацію.

На собственность, пишетъ Науманъ, мы будемъ смотрѣть, какъ на нее смотрѣлъ Христосъ. Іисусъ изъ-за этическихъ основаній былъ радикальнымъ противникомъ скопленія капитала: «Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ». Сердце, желающее пріобрѣсть вѣчное блаженство, не должно привязываться къ собственности. Деньги не должны быть мѣриломъ людей. Іисусъ не коммунистъ, у него нѣтъ намѣренія отлучать галилейскихъ рыбаковъ отъ ихъ лодокъ и домовъ. Онъ только отрицаетъ чрезмѣрность собственности. Христіанское понятіе о собственности должно само собой замѣнить римское.

Іисусъ хочетъ уменьшить нужду, горе, преступленія. Это—постоянная земная цѣль христіанства. Безпомощной бѣдноты, безработицы не должно быть, но мы должны итти впередъ,

придерживаясь существующаго: Іисусъ не пришелъ разрушить, но исполнить. Онъ даетъ кесарю, что принадлежитъ ему.

Что представляютъ всѣ эти рѣчи, какъ не обманъ?

Не выходитъ ли, что христіане-соціалисты хотятъ воспользоваться христіанствомъ, какъ щитомъ вѣры передъ лицомъ всего міра, и подъ тѣнью этого щита приготовить мѣсто для противящейся реакціи; уже не выходитъ ли, что они думаютъ только о томъ, чтобы въ корнѣ дискредитировать соціализмъ и на мѣсто его яркихъ лозунговъ выставить свои предложенія, въ конечномъ счетѣ устраивающія только дѣлишки реакціонныхъ силъ.

Христіанство Христа не можетъ быть такимъ половинчатымъ. Оно всегда будетъ прямымъ и смѣлымъ.

Маммонъ покорилъ себѣ землю. Не только сердца и мысли людей, но также ихъ отношенія. Всѣ изобрѣтенія, всѣ открытія въ области техники онъ, одинъ только онъ, присвоилъ себѣ. То, что должно бы было освободить человѣчество отъ жестокой власти физическихъ законовъ и сдѣлать его господиномъ природы, въ рукахъ Маммона обратилось въ ужасное орудіе пытки, сдѣлалось бичомъ, подъ ударами котораго, какъ рыбы, извиваются беззащитныя массы. Чѣмъ выше поднимается культура, тѣмъ глубже падаетъ въ бездну большинство людей. Чѣмъ славнѣе прогрессъ, величественнѣе развитіе, тѣмъ ужаснѣе судьба тѣхъ, чьимъ трудомъ осуще-

ствляются прогрессъ и развитіе. Чѣмъ ближе человѣкъ считаетъ себя къ цѣли своихъ стремленій, тѣмъ ужаснѣе онъ обманывается. Въ наши дни бѣдняки въ большихъ городахъ грубѣе, ожесточеннѣе, несчастнѣе, чѣмъ дикари лѣсовъ.

Для того, чтобы сокрушить Маммона, нужно напасть на него въ сферѣ его могущественныхъ отношеній современности. Кто хочетъ обезвредить врага, тотъ долженъ лишить его пищи.

Для того, чтобы палъ Маммонъ, должно отвергнуть, какъ ложь и ростовщичество, *принципъ частной собственности*».

Я долженъ былъ стать соціалистомъ.

Какъ ни странно это, но о своемъ соціалистическомъ исповѣданіи я заявилъ еще годъ назадъ, въ статьѣ «Церков. Вѣдомостей», написанной *по заказу* редакціи офиціальнаго синодскаго органа.

Послѣдній годъ 1906 я работалъ надъ вопросомъ о дѣтскомъ, о женскомъ трудѣ, о положеніи бѣдноты въ столицѣ. Очевидно, такой годъ долженъ былъ обострить мою вражду къ «хищнически-ростовщичьей».

На стекляннномъ заводѣ въ Симбирской губ. я видѣлъ, какъ дѣти 12—13 лѣтъ зимой цѣлую ночь мечутся среди «красиваго ада», около невыносимаго жара, и черезъ каждую $^1/_4$ часа, «простужаются»—техническое выраженіе—въ ледяной проруби.

Видѣлъ женщинъ на фабрикѣ свинцовыхъ бѣлилъ съ трупными, темнозелеными лицами, съ разрушившимися деснами, дрожащими членами.

Видѣлъ ихъ дѣтей, родящихся только для того, чтобы «страшно умереть» на другой день, на другой мѣсяцъ по рожденіи въ судорогахъ свинцоваго отравленія. Ихъ отцовъ, которые не могутъ пить, какъ люди, отъ постоянныхъ судорогъ и локаютъ, какъ собаки.

Жизнь поставила меня лицомъ къ лицу съ ужасами жизни петербургской бѣдноты, тамъ, гдѣ «семилѣтній развратенъ и воръ».

Ясно, что колебаній въ выборѣ съ христіанской точки зрѣнія между двумя міровоззрѣніями, соціалистическимъ и буржуазнымъ, быть не могло.

Итакъ, я долженъ былъ во имя Христа стать «соціалистомъ»,—но почему я сталъ именно народникомъ-соціалистомъ?

IV. Почему н.-с., а не с.-д. или с.-р.?

Почему именно н.-с., а не с.-р., не с.-д. Причины понятны.

Мое міровоззрѣніе родилось на почвѣ расширенія понятія личности, но не на почвѣ ея отрицанія.

Старое понятіе личности и ея обязанностей я отвергъ. У Короленко, подъ обаятельнымъ вліяніемъ котораго я былъ съ дѣтства, есть легенда объ ангелѣ невѣдѣнія. Этотъ ангелъ по волѣ Бога жилъ на землѣ, сѣя улыбки, радость и счастье.

Но вотъ однажды на его свѣтлыя одежды упала кровь человѣка, къ которому онъ по «невѣдѣнію» самъ привелъ убійцъ... И тогда

потускнѣла радость въ очахъ ангела, и вмѣсто «радостнаго невѣдѣнія» его душа приняла муку «скорбнаго познанія».

Для меня ангелъ Короленко всегда былъ символомъ человѣчества, у котораго пробудилась «общественная совѣсть» на мѣсто личной, раскрылось сознаніе, что недостаточно лить масло и вино на раны одного раздавленнаго колесомъ жизни, не стараясь остановить «злой ходъ» самаго колеса.

Эта мысль, говорю, была у меня всегда: теперь она облеклась въ опредѣленныя и яркія формы.

Личность я понимаю, какъ недѣлимую часть общества, спаянную съ ней неразрывно, «химически». Развитіе личности внѣ, обособленно отъ улучшенія всего того комплекса, въ который она входитъ, какъ часть, невозможно.

Личность не можетъ различать между своими «язвами» и язвами общественными.

Невскій проспектъ, тюрьма, рабство—все это позоръ каждой личности, на каждомъ лежитъ пятномъ не только позорящимъ, но и разлагающимъ, и никогда и никакъ не сдѣлаешься лично свободнымъ пока есть самое понятіе несвободы, есть тюрьма, есть насиліе, «купчія крѣпости на человѣка».

Фраза раба Эпиктета, что «рабъ даже въ каменоломняхъ можетъ быть свободнымъ»—развратная рабья фраза, потому что несвобода другихъ и даже «рабовладѣльчество господъ», ихъ позоръ, одинаково уничтожаетъ мою свободу и личность.

Человѣческая личность—часть улицы, часть всего общественнаго порядка.

Дѣвушка на Невскомъ продаетъ свое тѣло... Іуда въ Геѳсиманскомъ саду предаетъ своего Господа... Моя личность, ея свобода не только заинтересована морально въ томъ и другомъ фактѣ, а вся цѣликомъ «тамъ», на Невскомъ, въ Геѳсиманіи.

Проклятые поцѣлуи на щекахъ дѣвушки. Проклятый поцѣлуй на ланитахъ Господа.

Я долженъ чувствовать всю ложь и гнусность проклятаго поцѣлуя на своихъ устахъ (я цѣлую) и на своихъ щекахъ (меня предаютъ), а если такъ, то выводъ: я стану свободенъ и чистъ только тогда, когда самаго Невскаго, съ продающимися душами не будетъ, самый судъ Пилата будетъ невозможенъ, короче сказать, освобожденіе человѣка возможно только съ освобожденіемъ всей жизни всѣхъ, и зло можно и должно ненавидѣть больше всего не въ человѣкѣ, а въ его «кристаллизаціяхъ» (режимѣ, тюрьмѣ, купчихъ и крѣпостныхъ актахъ).

... Сознать себя человѣкомъ значитъ сознать себя богомъ... на Голгоѳѣ.

Ты—человѣкъ? Ты—богъ. Весь міръ—твой, твое созданіе, твоя вещь, твоя мысль, кровь или сукровица твоего духа. Рисунокъ на твоемъ чайникѣ—твой, красные фонари на злыхъ улицахъ—твои... Окна тюрьмы—твои. Всѣ души кругомъ тебя, прокаженные и калѣки—твои... И ты долженъ пережить гнусность всего этого «твоего». Сорвать съ себя—а значитъ, и съ міра—всѣ за-

пятнанныя гноемъ одежды. Крикомъ души, страшной болью ея, стряхнуть съ нея и міра кровь, позоръ, грѣхъ...

Каждая душа должна носить весь міръ, злой міръ, какъ все прокаженное тѣло,

Это страшно, но это Христова общественность— та, которая ничтожитъ улицы рабовъ, рабство, насиліе, нищету.

Здѣсь апоѳеозъ «общественности».

Но, очевидно, что такой взглядъ, выдвигая принципъ общественности, въ то же время представляетъ своего рода культъ личности.

Отрицаніе личности для меня казалось и всегда будетъ казаться преступнымъ.

Само общественное строеніе, какъ мнѣ кажется, можетъ основываться только на «культѣ личности».

Человѣкъ божественень, его будущее безгранично.

И это будущее будетъ строиться личностями.

Понятно, я не могъ принять при этихъ условіяхъ соціалъ-демократіи съ ея ученіемъ, отрицающимъ человѣка, какъ личность. Я вполнѣ соглашался, что личность есть «пѣна» наличныхъ общественныхъ условій, результатъ среды. Это не обязывало меня принять и догматъ ничтожества личности. Для меня личность есть синтезъ отдѣльныхъ силъ, разбросанныхъ искорками въ массѣ, но самый синтезъ есть «новый фактъ» и новый историческій факторъ.

Въ процессѣ соединенія разбросанныхъ искорокъ въ «пѣну» личности совершается чудо:

изъ элементовъ получается больше, чѣмъ въ нихъ, повидимому, дано.

И я не могъ отказаться отъ мысли, что личность, создавшаяся синтезомъ настроенія минуты, не можетъ вдвинуться въ исторію «библейскимъ камнемъ», разрушающимъ царства.

Вѣдь личность божественна, и только ея культъ, ея ростъ можетъ обѣщать богатую, красочную, сильную общественность.

Если хотите, во имя общественности и общественнаго блага я возвращался и къ идеѣ личнаго совершенствованія.

Расширеніе личности для меня казалось необходимымъ условіемъ общественнаго устроенія на началахъ болѣе широкихъ, чѣмъ простая сытость.

— Ты вѣришь въ Бога и душу, Нина?— спрашиваетъ вожакъ свободныхъ въ несуществующей еще нашей пьесѣ «Господа и рабы».

— Нѣтъ.

— И я нѣтъ. Но, мнѣ кажется, все-таки нужно любить Бога... Да это все равно, Нина:.. Все равно не вѣрю.

Необходимо любить... Не того бога, котораго выдумали люди, чтобы поставить сторожемъ около своихъ самоваровъ, шубъ и женъ. Нѣтъ, настоящаго Бога.

Того, Который въ насъ. Нужно себя любить... Знаешь, въ чемъ наше несчастье... Мы не любимъ себя и потому не можемъ быть свободны и принести въ жизнь свободу... Мы не поняли Христа.

Любите ближняго, какъ самого себя... Какъ самого себя. А христіане—и мы съ ними... Мы съ тобой?.. Всѣ мы рѣшили, что нужно и можно ближняго любить больше себя. А это ложь, Нина, ложь... Кто не любитъ себя, не нашелъ себя—не можетъ любить ближняго, принесетъ ему не то, что ему нужно. Лучше скажу: не все, что нужно.

Какъ онъ можетъ принести свободу «всю» настоящую, человѣческую.

— Развѣ мы свободны, развѣ острое ощущеніе всякаго поруганія свободы переживается нами какъ поруганіе свободы.

1,000 человѣкъ умерло отъ голода—это страшно. А дѣвушка бродитъ по Невскому—это менѣе страшно? Такъ. Такъ развѣ это мысль свободнаго, для котораго порабощеніе души, рабство тѣла и духа, страшнѣе всего?

Людей разстрѣливаютъ сотнями—это позорно, страшно, а то, что люди не чувствуютъ нервныхъ судорогъ, когда лакею даютъ, бросаютъ «на чай». Это не страшно?

Нѣтъ, нужно, чтобы человѣкъ увидѣлъ себя, полюбилъ себя и возненавидѣлъ себя—и сказалъ: Человѣкъ—это звучитъ позорно... Гнусно. Но человѣкъ—богъ... Онъ можетъ и долженъ смочь когда-нибудь Юпитера поставить на мѣсто Урана и Урана на мѣсто Юпитера. И нужно воскресить великаго умершаго человѣка, чтобы въ будущее торжество не перешелъ человѣкъ-гнида.

Будемъ бороться за освобожденіе тѣла, за уничтоженіе всякаго рабства—но во имя «человѣка», его духа...

Во имя красокъ будущаго духа. Во имя будущихъ великихъ душъ...

Въ этомъ монологѣ, исключая его, правда, сомнительный, атеизмъ, было и есть мое «вѣрую».

Но гдѣ я въ соціалистическихъ партіяхъ могъ найти отзвукъ. Только у народныхъ соціалистовъ.

У того же Короленко и его Микеши, пытливо взглядывающаго въ звѣздное небо.

Около его и его ангела скорбнаго познанія съ широкой и больной общественной совѣстью и его «убивцы» съ мучительно тревожной совѣстью, карающей его даже за убійство разбойника, могъ я найти «покой свой».

На знамени партіи поставлено рядомъ съ старымъ «Волю каждому. Землю и машину—работнику» еще одно слово: «Во имя человѣка».

Человѣкъ—мое «вѣрую».

И, конечно, ставъ н.-с., я не перестаю быть христіаниномъ и христіан.-соц., только не по образу Штекера или Наумана.

Приложенія.

Приложеніе первое.

Священника АГГѢЕВА:

„ВОЗРОЖДЕННЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ"

ВЪ МІРОСОЗЕРЦАНІИ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА.

(Отъ марксизма „Проблемамъ идеализма").

Двѣ публичныя лекціи.

„Возрождающійся идеализмъ“ въ міросозерцаніи русскаго образованнаго общества.

(Отъ марксизма къ идеализму).

Нѣкогда Спаситель говорилъ фарисеямъ и саддукеямъ: „лицемѣры! различать лице неба вы умѣете, а знаменій временъ не можете различить“ (Мѳ. XVI, 3). Не желая подпасть осужденію нашего Божественнаго Учителя, мы—ученики Его должны чутко относиться къ тому, что составляетъ „знаменія временъ“, къ тѣмъ вѣяніямъ мысли и чувства, изъ которыхъ слагается общественное міросозерцаніе.

Мы въ этомъ отношеніи, полагаю, счастливѣе своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Христіанскому апологету по призванію недавняго времени обычно приходилось, констатируя фактъ неправомыслія или прямо безбожія тѣхъ или другихъ сочиненій, въ критической, не столько трудной, сколько нравственно тяжелой работѣ быть одинокимъ: въ своихъ собратіяхъ — свѣтскихъ мыслителяхъ онъ не находилъ опоры. Теперь мы видимъ иное. Крайнимъ отрицательнымъ рѣчамъ тѣхъ или другихъ писателей отвѣчаютъ изъ лагеря *свѣтской* науки словами о вѣчномъ значеніи религіи, христіанства, отвѣчаютъ лица, стоящія на одной и той же съ отрицателями почвѣ соціальной науки. Позвольте мнѣ, нѣсколько предупреждая конечные выводы моего чтенія, привести для ясности своей мысли такія два противоположныя мнѣнія самаго послѣдняго времени.

„Въ мірѣ нѣтъ никакого внѣшняго вліянія, никакого участія сверхъестественнаго въ человѣческомъ. Все въ мірѣ относительно, всѣ явленія связаны между собою естественными законами, и человѣкъ черпаетъ все изъ себя и изъ своихъ отношеній къ міру... Жизнь человѣка ограничивается исключительно землей“... Слова одного изъ новѣйшихъ соціологовъ-философовъ [1]). Все былое время этому, т. н. послѣднему слову западной науки принадлежала чуть ли не монополія въ нашихъ толстыхъ журналахъ и книгахъ. А теперь, наряду съ нимъ читаемъ и такія рѣчи извѣстнаго русскаго соціолога: „идеалы свободной теократіи, пересмотръ, критика и переоцѣнка при свѣтѣ этого христіанскаго идеала нашей теперешней соціальной науки, соціальныхъ идеаловъ и общественной жизни—вотъ самое дорогое завѣщаніе, которое оставилъ намъ В. С. Соловьевъ, и которое намъ должно благочестиво исполнить. Вотъ тема для русскихъ соціологовъ, юристовъ и экономистовъ; этимъ, а не ученическимъ переписываніемъ и повтореніемъ книжекъ западной науки со всею ея исторической ограниченностью можно создать самостоятельную научную мысль въ Россіи“ [2]). Въ какой степени утѣшительно читать подобныя строки послѣ той господствовавшей анархіи мысли и чувства, которая нашла свое яркое выраженіе въ извѣстной философіи сверхчеловѣка! И если критика отрицательныхъ взглядовъ нужна для охраненія въ сознаніи вѣрующихъ христіанскихъ истинъ, то не меньшую пользу всѣмъ намъ можетъ принести изложеніе и положительныхъ элементовъ, замѣчаемыхъ въ настроеніяхъ русскаго общества послѣднихъ дней...

Глубокій жизненный интересъ представляетъ „различеніе знаменій послѣднихъ временъ“ и вотъ еще почему. Мы живемъ, говорятъ люди компетентные, въ знаменательную эпоху. Какъ нѣкогда предъ пришествіемъ Спасителя античный міръ, изжившій свои принципы, долженъ былъ или погибнуть, оставшись при нихъ, или возродиться, принявъ

---

[1]) „Соціальная мораль“ изд. Б. Н. Звонарева 1902 г. Ст. Д—ра Э. Е. Дельбе „Позитивная нравственность“.

[2]) Сборн. „Литературное дѣло“ Ст. Сн. Булгакова „Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Л. Толстой“.

новое христіанское начало, такъ и въ наше время представители безрелигіозной культуры — разумѣю искреннихъ умомъ и сердцемъ — стоятъ предъ христіанствомъ, какъ *единственнымъ* выходомъ изъ безнадежно-отчаяннаго состоянія духа. Трагизмъ положенія современнаго отрицателя религіи усугубляется тѣмъ, что данному стону сердца вторитъ тѣмъ же безнадежнымъ отчаяніемъ и умъ. Въ прежнее время можно было ожидать, и дѣйствительно ожидали, новыхъ откровеній въ области философіи, новыхъ конечныхъ объясненій безмолвныхъ данныхъ науки. Теперь, по мнѣнію историковъ философіи, надежды этой нѣтъ: въ будущемъ возможны лишь оттѣнками мысли разнящіяся комбинированія доведенныхъ до послѣднихъ выводовъ типическихъ философскихъ направленій. Русскому образованному обществу, оторвавшемуся отъ вѣры народной, пришлось особенно сильно, быть можетъ, въ виду присущей русской душѣ чуткости къ этическимъ вопросамъ жизни, — испытать и тяжело пережить противорѣчіе антирелигіозныхъ системъ. Вѣримъ: болѣзнь не къ смерти, а къ славѣ Божіей, и діагнозъ ея весьма поучителенъ.

Не могу, наконецъ умолчать еще объ одной особенной чертѣ трактуемаго движенія. Нѣкоторые изъ представителей его открыто, а иные—что называется—между строкъ, предупредительно заявляютъ о томъ, что они идутъ особымъ, по мнѣнію однихъ даже далекимъ путемъ отъ „ортодоксіи". Г. Бердяевъ, напр., очень боится—даже до комичности, чтобы его не смѣшали съ представителями христіанства ex professo... Пусть такъ! Это, быть можетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи и лучше: тѣмъ убѣдительнѣе будутъ ихъ рѣчи для оторвавшейся отъ церкви интеллигенціи и для молодежи, которой часто имена прежде всего открываютъ входъ въ святилище той или другой новой соціальной теоріи.

Вотъ въ виду всего вышеизложеннаго я и позволяю себѣ остановить Ваше вниманіе на идеалистическихъ, скажу проще и опредѣленнѣе,—религіозныхъ мотивахъ въ соціальныхъ наукахъ послѣдняго времени,—движеніи, рельефно выразившемся въ изданномъ въ минувшемъ году Московскимъ психологическимъ обществомъ сборникѣ „Проблемы идеализма". Моя задача скромная. Я хочу популяризовать означенное направленіе и въ интересахъ объективности по-

стараюсь изложить въ томъ идейномъ порядкѣ, въ какомъ оно развивалося. Послѣднимъ соображеніемъ и обусловлена программа моихъ чтеній.

I.

Пятидесятые и шестидесятые годы въ исторіи русскаго самосознанія характеризуются сильнымъ увлеченіемъ положительной наукой, отъ которой надѣялись получить отвѣты на запросы духа. Подобно тому, какъ на западѣ наука естественная являлась въ видѣ извѣстной *философской* доктрины, и въ этомъ своемъ качествѣ дѣлалась своего рода религіей, и у насъ матеріалистическая философія завладѣла умами многихъ того времени. Въ элементарности точки зрѣнія, позволявшей примѣнять ее ко всѣмъ сторонамъ жизни съ несравнимою прямолинейностью, замѣчалась и слабость матеріализма, скоро открывшаяся болѣе серьезнымъ нашимъ интеллигентамъ. Если въ большой публикѣ могли еще говорить объ исключительныхъ качествахъ матеріалистической доктрины—ясности и обиліи научныхъ данныхъ, то философски образованные люди скоро поняли ея неосновательность—ни на чемъ не основанное догматическое отрицаніе всего того, что выходитъ за сферы опыта, и присвоеніе вещному бытію чуждой ему активности [1]).

На смѣну матеріализма въ смыслѣ столь же популярной системы явился къ намъ позитивизмъ.

Сущность этого и донынѣ еще въ нѣкоторыхъ кругахъ нашей интеллигенціи господствующаго міровоззрѣнія такова.

Философская мысль въ послѣдовательномъ своемъ развитіи различила, съ одной стороны, сущность той или другой вещи, того или другого бытія, съ другой—ея являемость

---

[1]) Въ настоящее время и русскіе и иностранные философы не придаютъ серьезнаго значенія матеріализму, какъ философской системѣ. См. соч. Влад. Соловьева—Спб. т. III, 20: „Исторія философіи“ Виндельбанда Спб. 1898, стр. 597; Исторія философіи“ проф. А. Фулье—Спб. 1901—все заключеніе и др.

для насъ. Сущность бытія, если она и есть, во всякомъ случаѣ для насъ тайна, говоритъ позитивизмъ, и мы вращаемся лишь въ сферѣ явленій, въ сферѣ одного только положительно даннаго. Міръ явленій—однимъ изъ послѣднихъ служитъ человѣкъ—въ своемъ началѣ и продолженіи жизни, какъ нѣчто данное, подчиненъ безусловному закону причинности: одно явленіе въ немъ неразрывно связано съ другимъ,—предопредѣлено имъ. Понятно—съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи о добрѣ, какъ нашемъ долгѣ, свободѣ человѣка въ достиженіи какой-либо цѣли, о творчествѣ его и т. п.

Въ какой же формѣ выразилась данная доктрина на русской почвѣ?

Не только типичнымъ представителемъ, но и главою русской соціологической школы не безъ основанія считаютъ нѣкоторые Н. К. Михайловскаго, этого „властителя думъ, вдохновителя и умственную опору поколѣній“, какъ его величали не такъ давно въ юбилейныхъ адресахъ. Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ его credo [1]).

Съ первыхъ дней своей многолѣтней литературной дѣятельности М., какъ говоритъ, не покидалъ никогда почвы позитивизма. „Сущность вещей, по его словамъ, тьма. Нѣтъ абсолютной истины. Естъ только истина для человѣка“. „Если источникъ всего нашего знанія, читаемъ въ другомъ мѣстѣ его сочиненій, въ опытѣ, то знаніе, которымъ мы обладаемъ, не можемъ быть абсолютнымъ. Нужно, т. е. разъ навсегда признать тщетными попытки метафизики—пріобрѣсти познаніе цѣнное само по себѣ, независимо отъ познающаго субъекта“.

Если человѣкъ съ его жизнью и познаніемъ ставится лишь въ цѣпь отношеній, явленій опыта, то тѣмъ самымъ, конечно, отрицается въ немъ свобода. Какъ совершенно справедливо раскрылъ Кантовское положеніе одинъ изъ критиковъ г. Михайловскато [2])—свобода, творчество по на-

---

[1]) С. П. Ранскій „Соціологія Н. К. Михайловскаго“. Спб. 1901. См. предисловіе. Николай Бердяевъ—„Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ съ пред. П. Струве Спб. 1901. Книга представляетъ критику соціологіи Н. К. Михайловскаго.

[2]) Вопросы философіи и психологіи 1901 г. 59 кн. Ст. Г. Софронова „Механика общественныхъ идеаловъ“.

передъ поставленной цѣли, или, что то же, телеологія, понятны лишь въ томъ случаѣ, если они являются „элементами (премірнаго) трансцендентнаго бытія", назовемъ хотя только примѣнительно къ терминологіи позитивизма—вещи въ себѣ. Отрицается послѣднее, необходимо должно слѣдовать и отрицаніе свободы,—телеологіи. Если признать, проще говоря, Бога, человѣка личнымъ духомъ, внѣопытнымъ по своему происхожденію, то за этимъ слѣдуетъ признаніе въ нихъ свободы; если же они только явленія тѣхъ или другихъ матеріальныхъ актовъ,—то какая же можетъ быть приписана имъ свобода дѣйствій?

Все въ мірѣ подчинено, какъ говоритъ г. М—ій, закону механической эволюціи, все поэтому подчинено желѣзному закону причинности, или кавзальности, „существо котораго состоитъ въ томъ, что два реальные факта взаимно и неразрывно связаны, какъ предыдущій и послѣдующій [1]). Изъ этой цѣпи причинности человѣкъ не представляетъ исключенія.

Мы слышимъ до сихъ поръ слова самаго ортодоксальнаго позитивиста, каковыя представляютъ собою строго логическій выводъ основного положенія послѣдняго. Но какъ нѣкогда самъ основатель позитивизма во второй періодъ своей жизни разорвалъ сомкнутое подъ собою желѣзное кольцо, по выраженію Вл. С. Соловьева, такъ и русскіе позитивисты не остановились предъ этимъ мертвящимъ душу выводомъ, и въ данномъ пунктѣ дѣлаютъ характерныя дополненія, слабыя логически, сильныя этически... Вотъ слова самого г. М—аго: „человѣкъ роститъ въ себѣ древо познанія добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, но и для того, чтобы вкушать ихъ. Ему нужны правила поведенія. У него есть идеалы, стремленія, желанія, цѣли. Ему нужна санкція ихъ. Въ немъ борятся мысли и чувства, ища отвѣта на категорическій вопросъ: что дѣлать. Смѣшно говорить, что послѣдовательныя геологическія фазы представляютъ собою прогрессъ, потому что онѣ подготовили землю для жизни человѣка. Но нѣтъ ничего смѣшного въ утвержденіи, что въ области человѣческой мысли прогрессъ

[1]) Слова Г. Софронова въ цит. выше статьѣ „Механика общественныхъ идеаловъ".

состоитъ въ послѣдовательномъ уразумѣніи законовъ природы и общественныхъ отношеній, что въ области явленій общественной жизни прогрессъ состоитъ точно также въ рядѣ измѣненій по направленію къ опредѣленной цѣли, ставимой самимъ человѣкомъ. Человѣкъ не можетъ ставить вопроса иначе, не можетъ органически, потому что онъ человѣкъ“ [1]).

Но чѣмъ же, какою конечною цѣлью руководствуется человѣкъ въ этой своей дѣятельности?

Прогрессъ всего человѣчества—вотъ та болѣе или менѣе отдаленная свѣча, которая влечетъ къ себѣ и каждаго человѣка въ отдѣльности. Какъ извѣстно, данная идея имѣетъ большое значеніе и въ теоріи западнаго позитивизма; она завершаетъ зданіе его и сообщаетъ ему то философское и даже религіозное обаяніе, котораго онъ самъ не имѣетъ. Еще большее мѣсто имѣетъ данная идея у русскихъ позитивистовъ. Человѣкъ долженъ стремиться къ осуществленію прогресса въ человѣчествѣ,—каждый изъ насъ долженъ принести въ общую сокровищницу человѣческаго счастія свою лепту.

Въ самомъ опредѣленіи прогресса со стороны его содержанія русскіе позитивисты стоятъ всецѣло на почвѣ нѣсколько только облагороженнаго эвдемонизма: онъ есть удовлетвореніе потребностей человѣка, жизнь индивидуумовъ возможно полная...

„Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе“ [2])—этими характерными словами г. М.—а мы заканчиваемъ краткое изложеніе его основныхъ взглядовъ.

Въ одномъ разсказѣ Г. Вересаева („На поворотѣ“) нѣкто Токаревъ—типичный русскій интеллигентъ высказываетъ своей собесѣдницѣ признаніе о своемъ душевномъ мірѣ. „Я вижу, говоритъ онъ, что во мнѣ исчезаетъ что-то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, и его не замѣнить ничѣмъ... А вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараясь философски обосновать мораль, конструируя себѣ разныя „ка-

---

[1]) Цит. соч. Г. Ранскаго, стр. 42, 43, 50.

[2]) Г. Ранскій, стр. 52.

тегоріи долга". Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собою... Умерло непосредственное чувство,—умерло все; его нельзя замѣнить никакимъ божествомъ, никакими философскими категоріями и нормами, никакимъ „я понялъ"... Я не рѣшаю, насколько правъ Токаревъ въ этихъ словахъ, но несомнѣнно наша интеллигенція въ своей работѣ на благо общественное руководствовалась больше непосредственнымъ чувствомъ, культивированнымъ вѣковою жизнью въ христіанской атмосферѣ, хотя бы значеніе послѣдней и умалялось ею... У насъ—обычное явленіе разладъ теоретическаго міровоззрѣнія и самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кого бы изъ вдумчивыхъ людей могла удовлетворить изложенная нами, обидно скудная своими положеніями философія „русской соціологической школы", такъ старательно годами насаждденная у насъ господами Михайловскими? Кому можетъ она дать опору для дѣла безкорыстнаго? И при всемъ томъ она катехизисъ т. н. либеральной нашей интеллигенціи, дѣятельность которой, порою самоотверженная, на благо народа, повторяю, неоспорима!..

Какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка бываютъ періоды, когда противорѣчія „теоретическаго и практическаго разума" почему-либо особенно ярко всплываютъ въ сознаніи, нарушая душевный покой, такъ и въ жизни общественной подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ дотолѣ несознававшаяся несогласованность теоріи жизни дѣлается очевидною.

Экономическая теорія Маркса у насъ на Руси и была тѣмъ умственнымъ фактомъ, который предъ глазами всѣхъ вскрылъ рельефно основное противорѣчіе позитивизма.

Личность основателя этой, наиболѣе теперь популярной экономической теоріи, которую старательно, хотя, несомнѣнно, не съ ожидаемымъ успѣхомъ, изучаютъ всѣ чуть не со скамьи старшихъ классовъ гимназіи [1]), представляетъ собою по характеристикѣ Г. Тугана-Барановскаго [2]) исключительное явле-

---

1) Напомню интересный фельетонъ Г. Меньшикова въ „Новомъ Времени" о покупкѣ одною дѣвицей трудно читаемаго „Капитала" въ декабр. №№ минувшаго года.

2) „Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи". Спб. 1903 г. стр. 297.

ніе. „Трудно указать въ исторіи міровой мысли другой выдающійся умъ, который былъ бы до такой степени чуждъ всякихъ идеалистическихъ порывовъ, какъ умъ Маркса. Никакого исканія вѣчнаго и абсолютнаго, никакого стремленія за предѣлы опыта, никакой жажды вѣры, даже никакого чувства тайны, наполняющей міръ! Прямо таки странно какимъ образомъ такой сильный умъ могъ мыслить такъ грубо-реалистически! Быть можетъ, Марксъ былъ единственнымъ въ исторіи примѣромъ геніальнаго мыслителя, совершенно лишеннаго религіознаго чувства. И конечно только философская непродуманность его міросозерцанія давала ему возможность съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относиться къ верховымъ проблемамъ человѣческаго духа, неотступно привлекающимъ къ себѣ возвышенные умы“, Съ философской стороны предшественниками Маркса являются Гегель, отъ котораго онъ заимствовалъ формальный принципъ развитія, и особенно Фейербахъ. Подзаголовокъ одного изъ сочиненій послѣдняго — „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ“ — зерно матеріалистическаго пониманія исторіи или, что то же, экономическаго матеріализма. Раскрыто оно въ „знаменитомъ“, какъ обычно выражаются, предисловіи Маркса къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“. Вотъ наиболѣе важныя строки его [1]). „Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія — отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производственныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, ту реальную основу, надъ которой возвышается юридическая и политическая надстройка, и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ переживаемый обществомъ жизненный процессъ соціальный, политическій и духовный. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но на оборотъ ихъ общественное бытіе опредѣ-

---

[1]) Приводимъ текстъ по ст. Кн. С. Н. Трубецкого въ „Проблемахъ идеализма“ (М. 1902). „Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи“.

ляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, говоря юридическимъ языкомъ, съ тѣми отношеніями собственности, среди которыхъ они до сихъ поръ дѣйствовали; эти отношенія изъ формъ развитія производственныхъ силъ превращаются въ ихъ оковы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи". Указанный конфликтъ завершается преобразованіемъ права и приспособленіемъ его къ новымъ матеріальнымъ условіямъ хозяйства. Въ общественномъ сознаніи конфликтъ этотъ выражается борьбой классовъ, составляющей все содержаніе міровой исторіи съ тѣхъ поръ, какъ общество распалось на классы. Необходимо происходящее усиленіе капитализма, этого благодѣтельнаго бича человѣчества, поведетъ ко всеобщей революціи, которая завершится царствомъ экономическаго братства, извѣстнаго подъ формулой соціализма"...

Переведемъ нѣсколько тяжеловатый текстъ предисловія Маркса на болѣе ясный языкъ, пользуясь для этого его же нѣкоторыми сравненіями. Производственныя, экономическія, или что тоже хозяйственныя отношенія, порождаютъ если не непосредственно, то въ *конечномъ счетѣ* каждый отдѣльный историческій фактъ—будетъ ли имъ какая-либо война, или правовая государственная теорія или, наконецъ, въ данномъ случаѣ пользуюсь курсомъ политической экономіи Богданова, правовѣрнаго ученика Маркса,—такое религіозное установленіе, какъ постъ... Правда, теперь кажется иногда, что философія, религія, право—явленія далекія отъ хозяйства. Это только при поверхностномъ наблюденіи. А въ дѣйствительности—человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ. Существованіе дома сводится къ матеріальнымъ потребностямъ человѣка: онѣ составляютъ послѣднюю основу для архитектуры. Хотя въ запутанномъ фактическомъ положеніи вещей при выборѣ фасада строющагося дома могутъ дѣйствовать тѣ или иные особенные мотивы, но кто прослѣдитъ ходъ развитія архитектуры въ цѣломъ и представитъ его съ научной полнотой и исчерпывающей ясностью со стороны опредѣляющихъ его моментовъ, тотъ едва ли не признаетъ, что въ послѣднемъ основаніи рѣшающими причинами были экономическія условія". *А необходимое условіе будто бы есть*

и источникъ обусловленныхъ явленій. Слѣд. изъ куска хлѣба и на кусокъ же хлѣба могутъ, въ концѣ концовъ, быть, сведены безъ остатка всѣ идеи соціальной жизни.

Господство экономическаго принципа по закону необходимости ведетъ къ сосредоточенію въ однихъ рукахъ капиталовъ, господство капитализма, которое обостряетъ борьбу классовъ. До нѣкотораго времени тѣ или другія юридическія нормы, которыми управляются отношенія людей, находятся въ согласіи съ формою хозяйственныхъ отношеній,— соотвѣтствуютъ имъ. Но въ виду быстроты развитія экономіи, идейныя формы ихъ отстаютъ, происходитъ конфликтъ, завершающійся соціальной революціей, которая опять на время устанавливаетъ гармонію отношеній. Періодичность революцій—міровой законъ жизни.

Въ концѣ концовъ міровая драма людскихъ отношеній должна закончиться всеобщей революціей, которую обострить и приблизитъ особенно ростъ капитала и послѣ нея наступитъ уже царство свободныхъ людей.

Будущая гармонія соціализма покупается здѣсь неизбѣжною жертвой страданій капитализма; „муки родовъ“ новаго общества, по извѣстному сравненію Маркса, неустранимы. Эта эсхотологія Марксизма, по выраженію его критиковъ, „прыжокъ“ изъ капиталистическаго царства необходимости въ соціалистическое царство свободы, въ Zukunftstaat, земной рай,—имѣетъ въ общей системѣ большое значеніе.

Естественно спросить, каково же содержаніе даннаго идеала, долженствующаго послужить побужденіемъ къ дѣятельности людей.

Каждое ученіе узнается по плодамъ его. Собираютъ ли съ репейника смоквы и съ тернія виноградъ? Если теорія Маркса въ основу свою положила матеріализмъ Фейербаха, то понятно, единственнымъ плодомъ этого ученія въ отношеніи нравственности можетъ быть только эвдемонизмъ. Эвдемонизмъ,—вѣрнѣе идонизмъ и составляетъ содержаніе представленій о будущемъ раѣ: одно другое взаимно обусловливаетъ. Указываютъ на слова Маркса, которыми будто бы онъ создавалъ болѣе возвышенную формулу прогресса, въ смыслѣ, напр., созданія условій для свободнаго развитія личности. Но и это и ему подобное представляетъ собою,

какъ всякому понятно, чисто механическое заимствованіе изъ философіи Гегеля, къ системѣ Маркса не имѣвшее отношеній. Съ полной откровенностью и правдивостью дальнѣйшіе выводы по разсматриваемому вопросу изъ основныхъ посылокъ сдѣланы въ сочиненіи Зомбарта 1902 года „Новѣйшій Капитализмъ". Эпикурейскій эстетизмъ — вотъ послѣднее слово философіи идонизма, вошедшей въ теорію Маркса и господствующей въ наше время. Вотъ какъ Зомбартъ приблизительно характеризуетъ вѣкъ Фихте и Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, Гейне и Гёте. Это была исключительно эстетически философская, литературная, идеалистическая, нечувственная и потому нехудожественная культура духа, которая одна только и считалась благородною. Будучи бѣдны матеріальными благами, въ нищенской обстановкѣ, они дѣлали изъ бѣдности добродѣтель, строили себѣ міръ идеаловъ и оттуда съ презрѣніемъ взирали на всякую чувственность и тѣлесность. Въ ходу были воздержаніе и скромность, смиренно склонялись предъ невидимымъ, искали поцѣлуевъ тѣней и запаховъ голубыхъ цвѣтковъ, воздерживались и стенали. Мысль, идеи, ученость возсѣдали на тронѣ, какъ неограниченные властители,—имъ должны были подчиняться искусства и даже пластическія искусства. Кому покажется удивительнымъ, что этому поколѣнію литераторовъ, философовъ и эстетиковъ, бѣдныхъ кошелькомъ, но богатыхъ сердцемъ, несвойственнымъ было изъ принципа или по недостатку средствъ настоящее пониманіе матеріальнаго благополучія, украшенія внѣшней жизни? Даже Гёте, который принадлежалъ къ болѣе свѣтской эпохѣ, который не чуждъ былъ наслажденій и у котораго не было недостатка во вкусѣ къ роскоши и блеску, даже Гёте жилъ въ домѣ, убранство котораго нашему теперешнему вкусу представляется жалкимъ и нищенскимъ, и даже Гёте могъ выразить такую мысль, что элегантное и роскошное убранство комнатъ существуетъ только для людей, не имѣющихъ мыслей — воззрѣніе, усвоенное Шопенгауэромъ". Даже художники не знали волшебнаго очарованія обстановки изъ красивыхъ вещей, они ничего не понимали въ искусствѣ жить въ красотѣ: они были аскетами или пуристами. Они или одѣвались какъ назореи въ верблюжій волосъ и питались акридами и ди-

кимъ медомъ, или вели жизнь гимназическаго учителя или чиновника... Въ настоящее время все жизнепониманіе претерпѣваетъ перемѣны. Оно становится изъ преимущественно литературнаго—преимущественно художественнымъ изъ абстрактно идеалистическаго *чувственнымъ*... какъ прежде искусство находилось подъ игомъ мысли, литературной фантазіи, такъ теперь художественное воззрѣніе господствуетъ надъ литературой и всѣми областями духа. Повидимому приближается эпоха культурнаго расцвѣта, которая *всегда была художественной, а не этичной*... Для ближайшаго будущаго Зомбартъ дѣлаетъ слѣдующее представленіе. „Я предвижу, что грядущее поколѣніе послѣ долгихъ столѣтій лишеній, наконецъ, снова будетъ вести жизнь, которая будетъ пропитана красотою и довольствомъ. Явится поколѣніе, которое изъ полноты богатства, притекающаго къ нему съ расточительнымъ изобиліемъ, создастъ цѣлый міръ вожделѣній и красивыхъ формъ, поколѣніе людей, для которыхъ наслажденіе, радость жизни сдѣлаются сами собой спутниками земныхъ странствій... Это значитъ, въ будущемъ наша жизнь своею роскошью затмитъ роскошь Рима, блескъ Венеціи, расточительность Версаля... Въ другомъ мѣстѣ Зомбартъ указываетъ уже на великое завоеваніе культуры—болѣе цѣнное, искусное и удобное устройство ресторановъ и отелей, кафе, кабаковъ, желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и пароходовъ... торговыхъ домовъ, а равно и всѣхъ дѣловыхъ помѣщеній капиталистическихъ предпріятій.

И въ томъ же своемъ сочиненіи Зомбартъ устанавливаетъ слѣдующее положеніе: мы сдѣлались богаты потому, что цѣлыя расы и племена умерли за насъ, цѣлыя части свѣта обезлюдились, цѣлыя страны и культуры опустошены.

Но довольно, скажемъ словами С. Н. Булгакова [1]), этого мѣщанскаго бреда, сдобреннаго модными ницшеанствомъ. Историческое развитіе ведетъ въ представленіяхъ правовѣрнаго ученика Маркса—недаромъ Булгаковъ называетъ его зеркаломъ, въ которомъ нужно намъ посмотрѣться—отъ

---

1) Излож. взгляд. Зомбарта см. у С. Н. Булгакова „Отъ Марксизма къ идеализму“—Спб. 1904 г., стр. 267, 268.

звѣрочеловѣчества, какъ выражался Соловьевъ, къ свиночеловѣчеству и въ концѣ скорбнаго историческаго пути ему видится въ качествѣ его цѣли самодовольный не этическій, а эстетическій филистеръ. Гдѣ здѣсь мѣсто въ этой „парикмахерской цивилизаціи“ мученію рождающейся мысли, томленію мятущейся совѣсти, подвигу любви и самоотверженія, неустанной борьбы съ собою, куда въ этомъ всемірномъ ресторанѣ помѣстили нашъ духъ съ его міровыми вопросами. Духъ сданъ здѣсь безъ бою удовлетворенной чувственности, его первородство продано за чечевичную похлебку.

Мы видѣли выше, что философскою основою марксизма былъ матеріализмъ, скоро замѣнившійся позитивизмомъ. Основныя положенія позитивизма при этомъ сочетаніи остались незамѣнимыми: вѣдь теорія Маркса указываетъ на законы жизни въ области однихъ только явленій... Позитивизмъ взялъ теорію Маркса подъ свой покровъ, подъ который вошелъ онъ въ качествѣ вторичныхъ положеній. Но въ то же время марксизмъ по отношенію къ русскому позитивизму, какъ я выше сказалъ, оказался неблагодарнымъ сыномъ. Поставивши во главу своихъ разсужденій желѣзный законъ необходимости, совершенно не считающійся съ людскими хотѣніями и намѣреніями, онъ тѣмъ самымъ вынаружилъ основное противорѣчіе позитивизма. Послѣ этого слова: долгъ, дѣло, цѣль и т. п. сошли на степень однихъ лишь мечтаній „субъективистовъ“, не имѣющихъ никакого реальнаго оправданія. „Почва изъ подъ ногъ г. Михайловскаго, говорилъ мнѣ одинъ изъ представителей новѣйшаго идеализма, бывшій прежде приверженецъ теоріи Маркса, ушла давно, а не теперь только, когда занялись спеціальной критикой его взглядовъ“. Избѣжала ли теорія Маркса этого противорѣчія сама, это другой вопросъ, но данную отрицательнаго характера работу онъ сдѣлалъ и сдѣлалъ хорошо...

Послѣ всего сказаннаго намъ ясна вся убійственная мертвенность этой доктрины. Люди говорятъ о религіи, правѣ, политикѣ, обо всемъ, что составляетъ область идеологіи,—говорятъ о свободѣ своихъ дѣйствій, о необходимости жить на пользу другихъ и т. п. Все это по Марксу не имѣетъ для себя ровно никакого оправданія. „Primum vi-

vere, deinde philosophare" — прежде жить, а потомъ философствовать — часто повторяетъ ученикъ Маркса Энгельсъ, выводя отсюда единственную значимость хлѣба, отъ котораго зависитъ vivere. „Какъ Дарвинъ — слова Энгельса на могилѣ Маркса — открылъ законъ развитія органической природы, такъ Марксъ открылъ законъ развитія человѣческаго общества — тотъ простой фактъ, что люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду и проч., фактъ, скрываемый подъ идеологическими прикрашиваніями, имѣющими лишь фиктивное значеніе, сплошь и рядомъ вредящими людямъ.

Далѣе. Сколько бы люди ни говорили, ни старались,— неизбѣжнаго закона поглощенія всѣхъ и всего имущественными классами, капитализмомъ не избѣжать... Нужно только ожидать, когда это давленіе капитала сдѣлается настолько сильнымъ, что вызоветъ реакцію, и наступитъ благодѣтельная для всѣхъ революція... Мнѣ невольно припоминается извѣстное стихотвореніе И. С. Тургенева, такъ хорошо иллюстрирующее законъ необходимости, выставленный Марксомъ. „Высокая костлявая старуха, съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно тупымъ взоромъ, идетъ большими шагами, и сухою, какъ палка, рукою толкаетъ предъ собою другую женщину.

Женщина эта огромнаго росту, могучая, дебелая, съ мышцами, какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычьей шеѣ — и слѣпая — въ свою очередь толкаетъ небольшую худенькую дѣвочку.

У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, оборачивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки, ея оживленное лицо выражаетъ нетерпѣніе и отвагу... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкаютъ... и все-таки должна повиноваться и идти. Necessitas, vis, libertas.

Въ какой же формѣ выразились трактуемыя философскія направленія на страницахъ нашихъ художественныхъ произведеній?

Всѣ исканія человѣческой мысли могутъ быть сведены на одну вѣковѣчную проблему — духа и матеріи, какъ первоисточниковъ бытія. Я выше говорилъ, что въ отрицаніи научнаго значенія матеріализма одинаково сходятся и наши

и западные мыслители, и знатокъ философіи, г. Бердяевъ говоритъ [1]), что указаніе на слабость матеріалистической философіи сдѣлалось общимъ мѣстомъ научной литературы... И при всемъ томъ въ конечномъ счетѣ того или другого изма всплываетъ тотъ же старый и вѣчно повидимому новый матеріализмъ. Правда, большее несравнимо значеніе въ современной мысли имѣетъ пантеизмъ съ его абсолютнымъ безличнымъ духомъ, но или послѣдній сводится на законъ природы, или остается совершенно далекимъ отъ сознанія людей: никто изъ живущихъ подъ луною, по выраженію одного извѣстнаго нашего современнаго іерарха [2]), не можетъ приблизить къ своему сознанію основной идеи пантеизма.

Какъ нетрудно понять, позитивизмъ при своемъ основномъ принципѣ также переходитъ въ матеріализмъ. Сравнительно давно въ своей диссертаціи писалъ незабвенной памяти Вл. С. Соловьевъ [3]): „Если единственный источникъ нашего познанія есть нашъ дѣйствительный опытъ, то мы одинаково не можемъ признать самобытности, или субстанціальности какъ за внѣшними вещами, такъ и за нашимъ духомъ, ибо въ дѣйствительномъ опытѣ мы вѣдь не находимъ духа въ немъ самомъ, какъ субстанціи, а лишь въ различныхъ *эмпирическихъ состояніяхъ сознанія*, къ которымъ такимъ образомъ и переходитъ вся дѣйствительность“.

Ясно, мы въ сферѣ понятій матеріалистической доктрины. А если такъ, если продуманы эти столь законные выводы позитивизма, то въ полныя права свои входитъ тотъ пессимизмъ, которымъ насквозь проникнуты „Стихотворенія въ прозѣ“ И. С. Тургенева. „Мнѣ снилось, пишетъ нашъ поэтъ что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина

---

1) „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ Спб. 1901. Съ пред. П. Струве. Стр. VI. Примѣч. 1.

2) Еп. Антонія (Храповицкаго) въ одномъ изъ его сочиненій, точно не помню гдѣ.

3) Собраніе сочиненій изд. товарищества „Общественная польза“ т. I, 128. О томъ же стр. 49, 64.

въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—Сама Природа,—и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ—и отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать“! воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастія“?

Женщина медленно обратила на меня свои темные грозные глаза. Губы ея шевельнулись—и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

— Какъ?—пролепеталъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть заморщила брови.—Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она,—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истреблю.

— Но добро... разумъ... справедливость,—пролепеталъ я снова.

— Это человѣческія слова,—раздался желѣзный голосъ,—я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость?—Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты пока защищайся—и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула—и я проснулся“ („Природа“) [1]).

Какимъ холодомъ вѣетъ отъ этой картины! Тургеневскимъ пессимизмомъ, необходимымъ слѣдствіемъ позитивнаго, или, что тоже, матеріалистическаго міровоззрѣнія, проникнуто и творчество современнаго первокласснаго художника А. П. Чехова. „Въ основаніи пессимизма Чехова ле-

---

1) Къ чему приводитъ натуралистическое міровоззрѣніе, смотри въ превосходной брош. П. П. Кудрявцева „Христіанскій взглядъ на жизнь“ Кіевъ.

житъ [1]) особаго рода унылое и безотрадное чувство, вызываемое въ художникѣ созерцаніемъ всего, что есть въ натурѣ человѣческой зауряднаго, пошлаго, рутиннаго. Это чувство крѣпнетъ и растетъ по мѣрѣ того, какъ дудожникъ, расширяя кругъ своихъ наблюденій, повсюду встрѣчаетъ различныя проявленія рутины, то въ формѣ вялости мысли и бездарности, то въ видѣ душевной тупости и той шаблонности, которая неразлучна съ понятіемъ о *среднемъ* человѣкѣ. Подъ воздѣйствіемъ мысли, что рутина—не исключеніе, а правило, что она—необходимая принадлежность большинства, и такъ называемый средній или *нормальный* человѣкъ является воплощеніемъ заурядности натуры, тупости ума и чувства, бездарности, безпросвѣтности,—унылое чувство незамѣтно преобразуется въ мрачное, пессимистическое воззрѣніе на человѣка". Въ этой характеристикѣ Чехова, мнѣ кажется, правда только наполовину. Тургеневъ былъ пессимистомъ независимо отъ того, что окружало его: грязь-ли отчизны, на которую онъ такъ мрачно смотрѣлъ, или передовой кружокъ Парижскихъ друзей... Точно также и Чеховъ будетъ пессимистомъ, какова бы ни была окружающая его жизнь. Вдумчивый художникъ, воспитанный и всецѣло воспринявшій философію позитивизма въ формѣ естественно-научнаго міровоззрѣнія и съ точки зрѣнія послѣдняго рѣшившій вопросы о жизни и смерти—Чеховъ невольно впадаетъ въ тонъ „Стихотвореній въ прозѣ" знаменитаго писателя. Въ этомъ отношеніи, какъ это ни парадоксально съ перваго взгляда, я по невольной ассоціаціи вспоминанію и... Горькаго, большія произведенія котораго „Фома Гордѣевъ" и „Трое" проникнуты тѣмъ же и такого же характера пессимизмомъ, завершившимся у Ильи Лунева съ потерею вѣры—самоубійствомъ.

Есть повидимому—и онъ порою проглядываетъ у Чехова—исходъ изъ этого пессимизма,—это уйти, какъ выражается одинъ изъ героевъ „Мѣщанъ" Горькаго, въ самую гущу жизни и общественной работы и тамъ забыться среди нея. „Скука стоитъ всякихъ лишеній, говоритъ студентъ у Вересаева („На поворотѣ"), униженій, длинныхъ рабочихъ

[1]) „Вопросы психологіи творчества" проф. Овсянико-Куликовскаго. Спб., 1902 г., стр. 224.

дней и тому подобнаго... Вырваться изъ жизненной скуки, вотъ самая главная задача современности. И суть не въ томъ, чтобы человѣкъ вырвался изъ этой скуки, а чтобы *люди* вырвались изъ нея. А для этого что нужно? Нужно, чтобы вокругъ ключемъ била живая общественность, чтобы жизнь цѣликомъ захватывала душу, чтобъ эта жизнь была велика и сильна, полна борьбы и свѣта.

Но эта инстинктивная работа, своего рода наркозъ, не можетъ долго замѣнять человѣку религіи жизни. И вопросъ о смыслѣ послѣдней съ новою силой встаетъ предъ человѣческимъ умомъ.

Проф. Овсянико-Куликовскій въ концѣ своей статьи о Чеховѣ называетъ его символистомъ. Несомнѣнно это такъ. Въ данномъ случаѣ я остановлюсь на одной изъ лучшихъ повѣстей Чехова — „Палата № 6“. Больница Андрея Ефимыча по мысли художника это — нашъ міръ, въ которомъ нѣтъ возможности различить больного психически и здороваго.

— Зачѣмъ вы меня здѣсь держите? спрашиваетъ больной Громовъ доктора.

— За то, что вы больны.

— Да, боленъ. Но вѣдь десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что ваше невѣжество неспособно отличить ихъ отъ здоровыхъ. Почему же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фельдшеръ, смотритель и вся ваша больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже каждаго изъ насъ, почему же мы сидимъ, а вы нѣтъ? Гдѣ логика?

— Нравственное отношеніе и логика тутъ не причемъ. Все зависитъ отъ случая. Кого посадили, тотъ и сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ, вотъ и все. Въ томъ, что я докторъ, а вы душевно-больной, нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность.

По мысли доктора Андрея Ефимыча будущее міровой жизни безпросвѣтно и именно потому, что конецъ всякаго существованія, по неумолимымъ законамъ природы, уничтоженіе. („Допустимъ) говоритъ онъ Громову, тюремъ и сумасшедшихъ домовъ не будетъ, и правда, какъ вы изволили выразиться, восторжествуетъ, но вѣдь сущность

вещей не измѣнится, законы природы останутся все тѣ же. Люди будутъ болѣть, старѣться и умирать такъ же, какъ и теперь. Какая бы великолѣпная заря ни освѣщала нашу жизнь, но, всетаки, въ концѣ концовъ насъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

— А безсмертіе?

— Э, полноте!

Андрей Ефимычъ не вѣритъ въ безсмертіе или, какъ выражается, не имѣетъ основаній вѣрить въ него.

Если таковъ исходъ всего живущаго, то какой смыслъ какой-либо дѣятельности, ну хотя бы той, къ которой онъ приставленъ, т. е., медицинской. „Къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, чтобы облегчать страданія, то невольно напрашивается вопросъ, зачѣмъ ихъ облегчать?“ А главное — человѣкъ безсиленъ сдѣлать что-либо по своей инпціативѣ. Онъ самъ по себѣ ничто,—онъ только частица необходимаго соціальнаго бытія, которое вовсе не справляется въ своемъ теченіи съ его мыслями, намѣреніями.

При такой философіи одинъ только есть выходъ для человѣка—это данный ему умъ. „На этомъ свѣтѣ все незначительно и неинтересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человѣческаго ума. Умъ проводитъ рѣзкую грань между животными и человѣкомъ, намекаетъ на божественность послѣдняго и въ нѣкоторой степени даже замѣняетъ ему безсмертіе, котораго нѣтъ. Исходя изъ этого, умъ служитъ единственно возможнымъ источникомъ наслажденія“. „Всякій мыслящій и вдумчивый человѣкъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ А. Е., при всякой обстановкѣ можетъ найти успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ разумѣнію жизни и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра, — вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками“.

Всѣ эти разсужденія доктора, употребляя выраженіе А. П. Чехова, сказанное по отношенію къ мечтамъ больного Громова о человѣческомъ счастьи, отрывки изъ старыхъ, но

еще не допѣтыхъ пѣсенъ... позитивизма съ его узаконеннымъ скепсисомъ и стоицизма съ его гордымъ презрѣніемъ къ окружающему міру [1])...

Вдумчивыхъ людей, вопреки увѣреніямъ Андрея Ефимыча, они никогда не успокоютъ, да не успокоили и его самого.

Популярность теоріи Маркса-Энгельса среди нашей молодежи — слишкомъ извѣстный фактъ, чтобы на немъ нужно было долго останавливаться. Именно ей многіе въ наше тяжелое время обязаны своею печальной судьбой... Достаточно вспомнить, что въ стихотворной поэзіи—этомъ повидимому совершенно постороннемъ вѣдомствѣ — марксизмъ нашелъ себѣ пѣвцовъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Когда люди, прибитые жизнью, вынужденно успокаиваются и восхваляютъ теорію господства капитализма, явленіе это легко объяснить. Но какое, казалось бы, отношеніе экономическаго матеріализма къ идеальному по природѣ юношеству?!

Въ душѣ человѣка, какъ еще издавна замѣчено, живутъ два закона: однимъ мы влечемся ко всему мощному, могущественному, эстетически прекрасному — идеалъ язычества; вторымъ — къ нравственно высокому, вся сила, все обаяніе котораго въ самопожертвованіи, т. е., слабости съ точки зрѣнія перваго—идеалъ христіанства. Первый законъ—внутреннее существо классицизма — въ качествѣ идеала отрицается нами. Но было бы, думаю, несправедливымъ сказать, что мы не понимаемъ его обаянія. Величіе земное настолько сильные корни имѣетъ въ нашей душѣ, что его покровомъ мы хотѣли бы одѣть религіозно-духовно высокое; встрѣча означенныхъ началъ много имѣетъ мѣста въ числѣ причинъ Голговскаго Креста... И въ христіанскую пору — единственная въ міровой жизни ночь, недавно вспоминавшаяся нами, воображеніемъ позднѣйшихъ художниковъ окружена небывалымъ внѣшняго характера величіемъ — неземнымъ свѣтомъ въ Виѳлеемской пещерѣ и сонмами парящихъ въ ней ангеловъ. А въ высшей дѣйствительности мы видимъ убогихъ съ мірской точки зрѣнія Іосифа и Пресвятую Дѣву Марію, да ясли животныхъ, ставшія колыбелью Божественнаго Мла-

---

1) „Палата № 6“ А. Чехова. Изд. Суворина 1898 года. Сведены стр. 66, 35, 55, 66.

денца. Въ свое время наша критика раздѣлила всѣ литературные типы по вышеозначеннымъ влеченіямъ нашей природы на хищные и смирные,—борьба этихъ началъ какъ въ жизни, такъ и въ самомъ человѣкѣ остается, пока живъ человѣкъ... Каждое литературное въ широкомъ смыслѣ слова явленіе отвѣчаетъ своимъ характеромъ тому или другому вышеуказанному началу жизни, и его популярность находится въ соотвѣтствіи съ преобладаніемъ послѣднихъ. Мы, какъ говорятъ знатоки дѣла, пережили культъ Ницше... Но чѣмъ можно было объяснить его господство, какъ не тѣмъ, что въ наше время слишкомъ сильно заговорилъ о себѣ принципъ силы, мощи, эстетической красоты? На этой же почвѣ создался у насъ и культъ экономическаго матеріализма, тоже, слава Богу, уже переживаемый нами. Что-то есть дѣйствительно если не великое, то сильное въ этой теоріи желѣзно-послѣдовательной, непреклонно-гордой по отношенію ко всѣмъ, какъ выражаются пѣвцы ея, человѣческимъ словамъ:

„На жизненной сценѣ словамъ не дано
Ни власти могучей, ни силы.
Безплодно погибнуть имъ всѣмъ суждено.
. . . . . .
Да будемъ же больше стремиться мы знать,
Да будемъ рабами мы знанія...

Невольно припоминается одна картина, нарисованная Ѳ. М. Достоевскимъ въ его „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“. Описываетъ опъ свое пребываніе въ Лондонѣ и говоритъ о хрустальномъ дворцѣ выставки. „Вы чувствуете странную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество... Вамъ отчего-то становится страшно. Ужъ не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ ли тутъ? Не это ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ „едино стадо?“ „Духъ вашъ тѣснитъ: все это такъ торжественно, побѣдно и гордо. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара — людей, пришедшихъ *съ одною мыслью*, тихо, упорно и молча

толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ апокалипсиса, воочію совершающееся. *Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, т. е., не принять существующаго за свой идеалъ*". Это впечатлѣніе мощности отъ фактовъ, въ которыхъ наиболѣе ярко проявилась и осуществилась теорія экономическаго матеріализма.

Въ связи съ этимъ есть и другая причина популярности теоріи Маркса.

Въ нашей литературѣ до самыхъ послѣднихъ поръ не сняли съ очереди вопросъ о значеніи т. н. „маленькихъ дѣлъ", частичной помощи страждущему человѣку — это Некрасовское

„Иди къ униженнымъ, иди къ обиженнымъ
„По ихъ стопамъ. Гдѣ трудно дышется,
„Гдѣ горе слышится, будь первый тамъ".

Отчасти въ качествѣ отвѣта на этотъ призывъ возникло у насъ особое направленіе, извѣстное подъ именемъ народничества. При этомъ исконная форма нашего народнаго быта земледѣліе признавалось нормальнымъ явленіемъ, нуждающимся лишь въ извѣстныхъ усовершенствованіяхъ... Въ послѣдніе годы въ общественномъ сознаніи выдвинута была въ качествѣ оцѣнки дѣйствій человѣка—фактическая, такъ сказать, результатность того или другого поступка. И съ этой точки зрѣнія мизерная помощь „елейныхъ народниковъ" слишкомъ казалась ничтожною въ сравненіи съ тѣмъ грандіознымъ результатомъ, который обѣщалъ Марксъ въ конечномъ развитіи капитализма. Пусть, стали говорить, скорѣе наступятъ роды прогресса, хотя бы они и были тяжелыми. По теоріи Маркса развитіе фабричной промышленности—этапъ по пути къ соціальному братству. Пусть же нашъ весь народъ, по энергичному выраженію рьяныхъ марксистовъ, переварится—и возможно скорѣе—въ фабричномъ котлѣ! Но послушаемъ разсужденія самихъ молодыхъ марксистовъ въ разсказѣ Г. Вересаева „Повѣтріе".

У благодушнаго, доктора сельскаго—идеалиста Сергѣя Андреевича Троицкаго гости. Одинъ изъ нихъ старый университетскій товарищъ Киселевъ, всю душу свою вложившій въ развитіе на Руси артелей среди кустарей въ разныхъ губерніяхъ и съ юношескимъ пыломъ отдавшій этому дѣлу всѣ свои силы. И теперь онъ ѣхалъ къ одному господину, заведшему земледѣльческіе артели на югѣ Россіи, для свиданія и на пути остановился у Сергѣя Андреевича.— Другіе представители учащейся молодежи студентъ политехникъ Даевъ и Наташа Чеканова, бывшая прежде, по другой повѣсти Вересаева „Безъ дороги", пылкой идеалисткой...

— „Да, господа, говоритъ Киселевъ своимъ собесѣдникамъ—это дѣло артелей—дѣло живое и плодотворное. Оно доставляетъ столько нравственнаго удовлетворенія, даетъ такіе осязательные результаты, такъ много обѣщаетъ въ будущемъ, что я всякому скажу: если хотите хорошаго счастія, если хотите съ пользой употребить свои силы, то идите къ намъ, „вы не раскаетесь".

Наташа и Даевъ заявляютъ, что они несогласны съ этимъ, что артельное дѣло, дѣло безнадежное, и артели Киселева держатся только личнымъ его характеромъ...

— „Почему бы имъ непремѣнно распасться?—спросилъ Наташу Киселевъ.

— Потому что вы слишкомъ многаго требуете отъ человѣка. Ваши артельщики должны жить „по Божьей правдѣ", какъ вы сказали раньше; конечно, на почвѣ мелкаго производства единеніе только при такомъ условіи и возможно; но вѣдь это значитъ совершенно не считаться съ природою человѣка: „по Божьей правдѣ" способны жить подвижники, а не обыкновенные люди.

— Вотъ какъ! протянулъ Сергѣй Андреевичъ, широко раскрывъ глаза. „При мелкомъ производствѣ единеніе невозможно"... Наталья Александровна, да уже не собираетесь ли вы по этому случаю выварить нашего кустаря въ фабричномъ котлѣ?

— Ни у меня, ни у кого нѣтъ столько силъ, чтобы сдѣлать это, неохотно отвѣтила Наташа. *А что историческій ходъ всщей его выварить—въ этомъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣній.*

— Опять этотъ „историческій ходъ вещей“ воскликнулъ Киселевъ. Господа! да постыдитесь хоть немного. Вы почтительно преклоняетесь предъ всякою мерзостью, которую готовъ сдѣлать вашъ „историческій ходъ вещей“. Если онъ обѣщаетъ расплодить у насъ фабрики, задавить кустаря,— то и пускай будетъ такъ, пускай кустарь погибаетъ“.

Предполагаемая гибель кустарей, по мысли Даева, необходимое слѣдствіе необходимаго закона экономическаго развитія всякой — слѣд. и нашей страны. „Дорога къ лучшему будущему, говоритъ какъ бы резюме своего спора Даевъ, лежитъ у насъ черезъ капитализмъ, разовьется онъ у насъ неизбѣжно, и никакія артели, никакія общины и переселенія его не предотвратятъ; а чѣмъ скорѣе онъ разовьется, тѣмъ для производителя лучше“...

Сергѣй Андреевичъ не выдержалъ.

— Нѣтъ, господа, чтобъ до такой можно было дойти узости, до такой чудовищной черствости и безсердечія,— этого я не ожидалъ! Ну и времячко же теперь, нечего сказать, — довелось мнѣ дожить.

— На время грѣхъ жаловаться, — серьезно возразилъ Даевъ, — время хорошее и интересное. А что касается вашихъ упрековъ въ безсердечіи, то увѣряю васъ, С. А., убѣдить ими кого-нибудь очень трудно. Мы утверждаемъ, что Россія вступила на извѣстный путь развитія, и что заставить ее свернуть съ этого пути ничто не въ состояніи; докажите, что мы ошибаемся; но вы это дѣлаете крайне неохотно, зато на всѣ лады стараетесь намъ втолковать, что нашъ взглядъ „возмутителенъ“. Странное отношеніе къ дѣйствительности! Пора бы уже перестать судить о ихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ.

— Вы полагаете, что пора?

— *Да, я думаю, давно уже пора. Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ нашими идеалами; нечего и приставать къ ней съ этими идеалами; нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность.*

— Боже мой, Боже мой! И это молодежь, надежда страны! могъ только воскликнуть Сергѣй Андреевичъ, слушая тезисъ ученія —„этой по его выраженію проклятой заразы, которая забрала столько всепокоряющей силы“.

Споръ противниковъ не привелъ ни къ чему: обѣ сто-

роны говорили, какъ выражаются на разныхъ нарѣчіяхъ. Не могу, хотя и утомительно приводить длинныя выписки, не повторить характеристики міровоззрѣнія Даева и Наташи, сдѣланной Сергѣемъ Андреевичемъ и Киселевымъ, къ которымъ, повидимому присоединяется и авторъ.

„Для С. А. и К. взгляды ихъ противниковъ были полны непримиримыхъ противорѣчій, и они были убѣждены, что тѣ не хотятъ видѣть этихъ противорѣчій только изъ упрямства: Даевъ и Наташа объявили себя врагами капитализма,— и въ то же время радовались его процвѣтанію и усиленію, говорили, что для широкаго развитія капитализма необходимы извѣстныя общественно-политическія формы, — и въ то же время утверждали, что самъ же капитализмъ эти формы и создаетъ; историческая жизнь, по ихъ мнѣнію, направлялась неподчиняющимися человѣческой волѣ экономическими законами, идти противъ которыхъ нелѣпо, — но отсюда для нихъ не вытекаетъ выводъ, что при такомъ взглядѣ человѣкъ долженъ сидѣть, сложа руки. Развѣ все это не ясныя до очевидности противорѣчія?

Мы окончили анализъ позитивизма и марксизма, какъ они выразились на русской почвѣ въ философской и художественной литературѣ. Только что приведенныя мною слова С. А. и К. и, какъ думаю, самого Г. Вересаева относительно Даева и Наташи, сторонниковъ экономическаго матеріализма, наилучшимъ образомъ выражаютъ и мою мысль о сущности обоихъ ученій, стоящихъ, какъ я выше говорилъ, на одной и той же почвѣ... Не видятъ этихъ противорѣчій не изъ за одного только упрямства, какъ казалось С. А. и К., какъ кажется, къ слову сказать, дѣйствительно при личномъ спорѣ. Здѣсь большое значеніе имѣетъ и то, что называется предвзятостью точки зрѣнія, ограниченной самоувѣренностью системы, которая можетъ мириться и съ большимъ умомъ... Въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданнымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ письмамъ К. Н. Леонтьева, В. В. Розановъ говоритъ о тупости нашихъ либераловъ, начиная съ г. Михайловскаго. Если бы эти слова были только бранью, я не повторилъ бы ихъ. Нѣтъ, я вижу въ этой формулѣ большую правду. Наши либералы, ставши на извѣстныхъ формахъ рѣшеній вопросовъ міровыхъ, иныхъ знать не хотятъ, смѣясь и надъ мистицизмомъ, и

надъ другимъ догматизмомъ,—упорно не обращая вниманія на чрезвычайную зыбкость своей почвы. Мысль этихъ людей — безспорно талантливыхъ и большого ума — какъ-то пресѣкается, закрывая на все дальнѣйшее глаза: точь въ точь въ пустынномъ мѣстѣ оконченное полотно желѣзной дороги, или улица упирающаяся въ стѣну, называемыя въ просторѣчіи тупиками.

Вотъ художественная литература по самой своей природѣ не можетъ проявить тупости.

Какимъ мрачнымъ отчаяніемъ наполнилось сердце такого умнаго человѣка, какъ Герценъ, когда онъ продумалъ философію отрицанія религіи. „Я уже не жду ничего, ничто, послѣ видѣннаго и испытаннаго мною, не удивитъ и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніемъ былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и безсмысленно, какъ начало... Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда вся моя жизнь казалась мнѣ одной продолжительной ошибкой, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ *послѣднемъ*, въ *остальномъ*, приходили мнѣ въ голову эти слова: „зачѣмъ я не взялъ ружье у работника и не оставался за баррикадой“. Невзначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собою въ могилу еще два три вѣрованія... Что же, наконецъ все это шутка“ [1]).

„О, зачѣмъ человѣкъ не безсмертенъ, слышимъ мы стонъ А. П. Чехова. Зачѣмъ мозговые центры и извилины, зачѣмъ зрѣніе, рѣчь, самочувствіе, геній, если всему этому суждено уйти въ почву и въ концѣ концовъ охладѣть вмѣстѣ съ земною корою, а потомъ милліоны лѣтъ безъ смысла и безъ цѣли носиться съ землею вокругъ солнца... О, куда вы пришли, въ какомъ морѣ утонули зачатки прекрасной чистой жизни“, когда при каждомъ ударѣ грома спѣшилъ я читать: „Святъ, Святъ, Святъ“! [2]).

2) А. Чехова Палата № 6, стр. 143; его же—„Дуэль“ стр. 103.

Не слышится ли въ этихъ словахъ глубокій стонъ великаго христіанина: „Господи! спаси меня отъ меня самого“!

---

1) У С. Н. Булгакова въ соч. „Отъ М. къ И.“ стр. 179—180.

II.

Когда Божественнаго Учителя любви спросили о главныхъ заповѣдяхъ Его закона, Онъ отвѣчалъ: Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслію твоею: сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себѣ (Мѳ. XXII 37—39)".

Мнѣ кажется, трудно указать въ Евангеліи другое мѣсто, которое бы такъ — въ сравненіи съ яснымъ смысломъ—неправильно понималось бы нашимъ обществомъ, какъ только что приведенныя слова Іисуса Христа. А правильное пониманіе ихъ необходимо для того, кто желаетъ быть и считаетъ себя послѣдователемъ нашего Спасителя. Какъ въ области теоретическаго вѣрованія нельзя быть христіаниномъ, не признавая Іисуса Христа Богочеловѣкомъ, такъ въ области практическаго настроенія души только тотъ ученикъ Его, кто понимаетъ, читаетъ и осуществляетъ въ жизни данныя слова въ законномъ ихъ соотношеніи.

Въ послѣдніе годы книжки многихъ богословскихъ и даже свѣтскихъ журналовъ были заняты вопросомъ объ отношеніи русской интеллигенціи къ Церкви. Этою темою Г. Тарнавцевъ, какъ извѣстно, началъ—и такъ прекрасно—Петербургскія религіозно-философскія собранія. Нужно сказать, что большинство статей, признавая печальный фактъ отчужденія отъ церкви нашего свѣтскаго общества, не указывали основного пункта этого расхода... А онъ заключается именно въ различномъ пониманіи словъ Спасителя о главныхъ заповѣдяхъ.

По церковному сознанію слова Спасителя законнику имѣютъ такой смыслъ.

Первою и самою большею задачею для христіанина является воспитаніе въ себѣ любви къ Богу до полнаго реальнаго единенія съ Нимъ: говоря языкомъ церкви, любовь къ Богу есть наше *спасеніе*, къ которому мы должны стремиться въ своей жизни. Она-то и есть то единое на потребу достояніе, о которомъ говорилъ Спаситель, та благая часть, которая никогда не отнимется отъ человѣка... „Зрѣть Бога"—

выраженіе Св. Іоанна Златоуста, искать живого ощутимаго союза съ Нимъ, стать „единъ духъ съ Господомъ“ — вотъ первая и большая заповѣдь въ законѣ Христовомъ. Эта любовь къ Богу, моментами лишь въ молитвѣ и то несовершенно проявляющаяся въ христіанинѣ, должна сдѣлаться главнымъ дѣломъ его; созданный по образу и подобію Божію—человѣкъ только въ немъ можетъ найти осуществленіе своихъ стремленій. Намъ, людямъ земли такой высокій мистицизмъ христіанскій мало понятенъ, но онъ возможенъ: божественнымъ дыханіемъ бываетъ проникнута жизнь такихъ лицъ, какъ Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ...

Любовь къ Богу, какъ извѣстное душевное настроеніе, заключаетъ въ себѣ—точнѣе сказать, есть въ одно и то же время любовь къ ближнему: послѣдняя—проявленіе первой. На пути любви къ Богу я непремѣнно буду любить ближняго своего, буду любить *божественное* въ человѣкѣ, дважды объединенномъ со мною –въ актѣ творенія и въ актѣ искупленія.

На фонѣ церковнаго пониманія словъ Спасителя опредѣленно рѣшаются тѣ вопросы, которые въ качествѣ проблеммъ этики волнуютъ наше общество. Въ самомъ дѣлѣ—вотъ вопросъ объ аскетизмѣ, которымъ такъ горячо занимались въ религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Аскетизмъ, учитъ Церковь, служитъ *однимъ изъ средствъ* къ достиженію первой и главной заповѣди закона спасенія, какъ водворенія въ душѣ человѣка Царства Божія, которое есть „правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“. Неправы, слѣд., тѣ, которые ставятъ его самодовлѣющимъ дѣломъ, неправы и тѣ, которые отрицаютъ его мѣсто въ христіанствѣ. Вотъ вопросъ объ отношеніи служенія общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души, считающійся въ философской этикѣ своего рода антиноміей. Какъ опредѣленно онъ рѣшается съ точки зрѣнія Церкви! Одинаково она осуждаетъ тѣхъ, которые „почитаютъ совершенно неразумнымъ предпочесть спасеніе ближнихъ своему собственному („Письма Святогорца“), „какъ будто христіанину нужно дѣлать выборъ между тѣми и другими; такъ и тѣхъ, которые въ заботахъ объ общественномъ служеніи

забываютъ устроеніе своей личной души, что служитъ „единымъ на потребу“.

Въ томъ, къ сожалѣнію, смыслѣ понимаютъ приведенныя слова Спасителя представители нашей интеллигенціи. Обративъ свое вниманіе и всѣ свои нравственныя симпатіи на вторую половину изреченія Господа, они заповѣдь о любви къ Богу стали считать нужною лишь настолько, насколько она служитъ пособницей ко второй и тѣмъ самымъ религію (а вѣдь ея существо заключается въ первой заповѣди) свели на степень одного только средства для нравственныхъ цѣлей: такъ, по прекрасному выраженію одного изъ дѣятелей „Новаго пути“ Г. Минскаго, чудныя фрески цѣнятся лишь настолько, насколько онѣ предохраняютъ стѣны отъ сырости... Дѣлать *религію средствомъ для чего либо* значитъ, по совершенно справедливому выраженію другого дѣятеля „Новаго пути“ Г. Мережковскаго, уничтожать ее. И такъ понимающіе слова Спасителя скоро и дошли до своихъ послѣднихъ выводовъ: разъ можно, продолжимъ сравненіе Г. Минскаго, предохранить стѣны отъ сырости масляными красками, зачѣмъ же нужны фрески...

Итакъ, и существомъ дѣла, и продолжительной литературой въ нашихъ журналахъ по вопросу объ отношеніи Церкви къ интеллигенціи основной пунктъ различій въ ихъ міросозерцаніи опредѣленъ ясно. Отсюда неизбѣжный выводъ: возрожденіе нашего общества къ вѣрѣ возможно только послѣ безусловнаго принятія церковнаго пониманія словъ Спасителя о главныхъ заповѣдяхъ.

Въ какомъ же отношеніи къ данному, столь близкому всѣмъ намъ пункту стоитъ новѣйшій возродившійся идеализмъ?

„Современный поворотъ въ философіи, читаемъ въ предисловіи къ сборн. „Проблемы идеализма“, не есть плодъ одной теоретической любознательности: не одни отвлеченные интересы мысли, а прежде всего сложные вопросы жизни, глубокія потребности нравственнаго сознанія выдвигаютъ проблему о должномъ, о нравственномъ идеалѣ... За нравственной проблемой выростаетъ цѣлый рядъ другихъ проблемъ, глубокихъ и важныхъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельной жизнью духа“.

Въ порядкѣ генетическаго развитія и мы будемъ излагать ученіе нашихъ идеалистовъ.

Въ исторіи философскихъ ученій однимъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ служитъ *вопросъ о свободѣ воли*, породившій противоположныя школы сторонниковъ ея и детерминистовъ. Онъ можетъ разсматриваться съ двухъ, по нашему мнѣнію неразрывныхъ сторонъ: со стороны чисто философской или, какъ выражаются, метафизической, и со стороны своего отношенія къ дѣятельности общественной, или соціальной. Въ послѣднее время начинаетъ имѣть мѣсто такой взглядъ [1]). Пусть все въ мірѣ подчинено закону безусловной необходимости и поэтому детерминировано. Но важно то, что я *сознаю* себя свободнымъ. Этого и достаточно. Представьте себѣ такое раздвоеніе въ душѣ: умомъ я, становясь подъ флагъ механическаго міровоззрѣнія, сознаю себя несвободнымъ, но субъективно, *сознательно обманчиво*, чувствую себя свободнымъ. Неужели можно допустить такой расколъ или, допустивъ, успокоиться на немъ? Нѣтъ, вопросъ о свободѣ можетъ быть рѣшенъ только на почвѣ и въ согласіи полномъ съ общими началами міровоззрѣнія. Не входя въ подробный разборъ даннаго вопроса съ метафизической стороны, я выскажу лишь нѣсколько самыхъ краткихъ положеній, на которыя уполномачиваютъ меня наши авторы [2]). Свобода дѣятельности есть источникъ творчества. Творчество же не можетъ быть присущимъ явленіемъ опыта, тѣмъ или другимъ матеріальнымъ актомъ, а только—вещи въ себѣ, субстанціи. Субстанціей, бытіемъ самостоятельнымъ, дѣйствующимъ изъ себя, можетъ быть только духъ [3]). Такъ признаніе свободы открываетъ перспективы совсѣмъ иного ученія, извѣстнаго подъ именемъ идеализма.

Съ точки зрѣнія соціальной вопросъ о свободѣ воли

---

[1]) Разумѣю между прочимъ и цит. выше статью Г. Сафронова.

[2]) Въ книгѣ Бердяева вопросу о свободѣ и необходимости посвящены въ предисл. стр. XXXII и сл. въ текстѣ — 107 и сл. у Г. Булгакова въ его книгѣ „Отъ марксизма къ идеализму“ 1904 г. этотъ вопросъ разсматривается въ статьѣ „О соціальномъ идеалѣ“.

[3]) На этомъ соотношеніи идей Г. Лопатинъ основываетъ необходимость признанія безсмертія человѣческой души. „Вопросы философіи и психологіи“ первыя книжки.

служитъ первымъ и необходимымъ шагомъ, отъ котораго зависитъ весь дальнѣйшій путь. Въ системѣ позитивизма и марксизма нашли себѣ одновременный и совмѣстный пріютъ свобода и необходимость. По стопамъ западныхъ критиковъ Маркса Штамлера и Вольтмана [1]) данный пунктъ подвергся критикѣ и нашихъ идеалистовъ. Такъ называемый научный соціализмъ, который съ одной стороны постулируетъ *необходимость* наступленія соціалистическаго строя общества, но въ то же время обращается къ свободной волѣ человѣка, приглашая его къ извѣстному образу дѣйствій для достиженія этого результата, заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе: „нельзя основать партіи, по буквальному выраженію Штаммлера, повторяемому Г. Булгаковымъ, ставящей цѣлью содѣйствіе наступленію луннаго затменія, которое и безъ того придетъ въ свое время съ естественной необходимостью“. Идея причиннаго долженствованія или свободной необходимости есть своего рода деревянное желѣзо или желѣзное дерево.

Отвергать свою свободу и признавать одинъ только законъ механической необходимости значитъ перестать быть самимъ собою, — никто никогда не можетъ провести послѣдовательно въ своей жизни доктрину детерминизма. Сознаніе свободы дѣйствія связано съ коренными свойствами нашего духа, съ постояннымъ содержаніемъ нашего сознанія. Этотъ фактъ и дѣлается точкой отправленія дальнѣйшихъ разсужденій.

Свобода человѣческой воли выражается въ способности выбора. Выборъ дѣйствій предполагаетъ различеніе и сравнительную оцѣнку. Въ ряду представляющихся нашему сознанію мотивовъ одни мы осуждаемъ, другіе оправдываемъ... Является, такимъ образомъ, съ необходимостью вопросъ, чѣмъ мы руководствуемся въ своемъ выборѣ, — извѣстный въ философской литературѣ *вопросъ о критеріи нравственности*.

Въ данномъ случаѣ могутъ быть три точки зрѣнія. По самому древнему, и думаемъ, единственно истинному, воззрѣнію санкція нравственной дѣятельности человѣка заклю-

---

[1]) См. объ этомъ А. Дживелегова „Марксизмъ и критическая философія“ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ 1901 г. май—іюнь.

чается въ конечномъ выводѣ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ: голосъ совѣсти есть голосъ Божій. По второму взгляду нравственность сама въ себѣ имѣетъ достаточное оправданіе для себя—взглядъ, ведущій свое начало отъ Канта. Наконецъ, третій взглядъ выставленъ позитивизмомъ въ теоріи прогресса. Нравственно, а потому и подлежитъ осуществленію, то, что содѣйствуетъ прогрессу, безнравственно, что тормозитъ его. Послѣдній взглядъ, говорятъ его сторонники, вполнѣ узаконяетъ извѣстные, получившіе всеобщее признаніе, принципы равенства людей, свободы и братства, каковыя начала, понимаемыя какъ мы видѣли выше, въ чисто эвдемоническомъ смыслѣ, и составляютъ содержаніе прогресса.

Въ теоріи прогресса позитивизмъ и марксизмъ подъ флагомъ положительнаго знанія вводятъ чисто религіозную идею, сами не замѣчая того [1]). Независимо отъ оцѣнки данной теоріи со стороны ея истинности необходимо прежде всего замѣтить, что она всецѣло покоится *на вѣрѣ въ человѣчество*: доказать научно, что человѣчество въ цѣломъ можетъ подняться до небывалой еще высоты, понятно, нельзя. „Позитивная наука не въ силахъ раскрыть будущихъ судебъ человѣчества, она оставляетъ насъ относительно ихъ *въ абсолютной неизвѣстности*. Отрадная увѣренность, что все доброе и разумное въ концѣ концовъ восторжествуетъ и непобѣдимо, не имѣетъ никакой почвы въ механическомъ міропониманіи: вѣдь здѣсь все есть абсолютная случайность, отчего же та самая случайность, которая нынче превознесла разумъ, завтра его не потопитъ, и которая нынче дѣлаетъ цѣлесообразными знаніе и истину, завтра не сдѣлаетъ столь же цѣлесообразными невѣжество и заблужденіе? Или исторія не знаетъ крушенія и гибели цѣлыхъ цивилизацій? Или она свидѣтельствуетъ о правильномъ и непрерывномъ прогрессѣ? Забудемъ о міровомъ катаклизмѣ или застываніи земли и всеобщей смерти, какъ окончательномъ финалѣ исторіи человѣчества, но уже сама

1) Критикѣ теоріи прогресса вр „Проблем. ид.“ посвящена отдѣльная статья Г. Булгакова „Основныя проблемы теоріи прогресса“. Объ этой же теоріи онъ говоритъ въ статьяхъ книги „Отъ М. къ ид.“ „Иванъ Карамазовъ, какъ философскій типъ“ стр. 98 и сл.,—„Душевная драма Герцена“ стр. 176 и сл.

по себѣ перспектива абсолютной случайности, полная непроглядная мрака и неизвѣстности, способна оледенить кровь“ (Пробл. ид. 16). Значитъ, исключительно

„Вѣрь тому, что сердце скажетъ,
„Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

Поучительное явленіе! Отрицая религіозную вѣру, считая ее пережиткомъ и стремясь создать положительную науку, позитивизмъ, вопреки „закону о трехъ состояніяхъ“, оканчиваетъ вѣрою. Въ Аѳинахъ, вспоминаетъ по этому поводу совершенно справедливо Г. Булгаковъ, во время св. ап. Павла среди храмовъ многихъ боговъ, въ которыхъ уже давно не вѣрили, высился алтарь, посвященный „невѣдомому богу“. Въ этомъ выразилось неумолкающее исканіе Бога со стороны утратившаго старую вѣру человѣчества. И теорія прогресса позитивизма, эта религія человѣчности, есть также алтарь „невѣдомому Богу“.

Вы помните отдающіеся цинизмомъ слова Зомбарта о прогрессѣ человѣчества: „мы сдѣлались богами потому, что цѣлыя расы и племена умерли за насъ, цѣлыя части свѣта обезлюдились, цѣлыя страны и культуры опустошены“. Слова эти, поражающія насъ, представляютъ собою совершенно логичный выводъ изъ основныхъ посылокъ теоріи прогресса. Гармонія жизни будущаго человѣчества покупается по смыслу ея цѣною страданій предшествующихъ поколѣній. Но можетъ ли примириться съ такимъ обезличеніемъ однихъ людей для другихъ сознаніе человѣка? „Представь, говоритъ у Достоевскаго Иванъ Карамазовъ брату своему Алешѣ, представь, что ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь, и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ?!“

Нѣтъ—отвѣчаетъ Алеша.

Но, допустимъ, Зомбартъ и другіе согласились бы, ставши выше своего нравственнаго сознанія, считая его по теоріи эволюціонной этики лишь вѣковымъ предразсудкомъ. Какъ заставить однихъ быть помостомъ для другихъ, по выраже-

нію Ивана Карамазова, унаваживать собою про кого-то гармонію будущаго? Вѣрить въ какое-то необъяснимое, своего рода мистическое единство прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ поколѣній человѣчества съ точки зрѣнія данной теоріи основанія нѣтъ.

Такъ ниспровергаются уже предпосылки теоріи прогресса.

Насколько устойчиво самое содержаніе ея?

Субъектомъ безконечнаго прогресса по философіи позитивизма является человѣчество. Въ этомъ отношеніи удержана догма О. Конта и Фейербаха, что особенно важно замѣтить въ виду прямой философской зависимости отъ него Маркса и Энгельса.

Данный безличный субъектъ надѣляется свойствами божества и прежде всего вѣчностью или, по крайней мѣрѣ, безсмертіемъ. Отдѣльный человѣкъ смертенъ, человѣчество безсмертно, человѣкъ ограниченъ; человѣчество обладаетъ способностью къ безконечному развитію. Вотъ слова Гюйо въ его разсужденіи о безсмертіи: „Стоицизмъ былъ правъ, когда, говоря намъ о смерти, убѣждалъ человѣка стать выше ея. Утѣшеніе мы найдемъ въ той мысли, что мы честно прожили жизнь, исполнили свой долгъ, что жизнь, будетъ безостановочно продолжаться и послѣ насъ, что все нами любимое... это безсмертное наслѣдіе человѣчества и природы, нами полученное и составляющее въ насъ лучшую часть, все оно будетъ жить, продолжаться, безпрестанно увеличиваться, передаваться другимъ, не пропадая“... Итакъ, человѣчество безсмертно. Но что же такое *человѣчество* и отличается ли оно свойствами *отъ человѣка*? Нѣтъ. Оно представляетъ просто большое, неопредѣленное количество людей, со всѣми людскими свойствами и такъ же мало получаетъ новыхъ качествъ въ своей природѣ, какъ куча камней или зерна по сравненію съ каждымъ отдѣльнымъ камнемъ или зерномъ. То, что позитивизмъ называетъ человѣчествомъ,—есть повтореніе на неопредѣленномъ пространствѣ и времени и неопредѣленное количество разъ насъ самихъ со всею нашей слабостью и ограниченностью. Имѣетъ наша жизнь абсолютный смыслъ, цѣну и задачу, ее имѣетъ и человѣчество; но если жизнь каждаго человѣка, отдѣльно взятая, является безсмыслицей, абсолютной случайностью, то также безсмысленны и судьбы человѣчества.

Какъ не трудно видѣть, здѣсь опять видно вліяніе незаглушимой религіозной потребности. Видѣть высшую и послѣднюю цѣль бытія въ этомъ преходящемъ и случайномъ существованіи немыслимо для человѣка. Но, согласно философіи позитивизма, высшаго и абсолютнаго смысла жизни, отрицающаго ея ограниченность и ея условность, нельзя искать въ области премірнаго или въ области религіозной вѣры. Его нужно найти въ мірѣ опытнаго, чувственно-осязательнаго бытія. Человѣческой мысли снова ставится неразрѣшимая задача;—идея человѣчества—какъ бога—противорѣчивая попытка рѣшить эту задачу...

Великая истина, принесшая Христа, объ этическомъ равенствѣ всѣхъ людей, сдѣлалась теперь достояніемъ человѣчества. Равенство людей—правовое и экономическое, составляетъ душу теоріи прогресса, за вычетомъ которой отъ будущаго составленія безсмертнаго человѣчества остается одна тѣнь. Этическая равноправность людей исключительное достояніе христіанской эры: въ мірѣ античномъ мы знаемъ мораль господъ и рабовъ. При малѣйшемъ вникновеніи въ дѣло видно, что эта идея на почвѣ христіанства служитъ только выводомъ изъ метафизическихъ посылокъ: люди равны въ Богѣ и во Христѣ Спасителѣ нашемъ. Выражаясь словами одного изъ представителей идеализма, корни равноправности людей—въ трансцендентной области. Чѣмъ же можетъ обосновать идею равенства людей позитивизмъ, не выходящій изъ сферы опытныхъ явленій. Вѣдь фактъ неравенства людей въ ихъ наличномъ существованіи, неравенства природнаго, неравенства экономическаго слишкомъ очевиденъ, чтобы нужно было на него указывать. Здѣсь опять, по выраженію Булгакова, позитивизмомъ и марксизмомъ сдѣлано сверхсмѣтное позаимствованіе у религіи и метафизики.

Говорить ли далѣе о немыслимости прогресса человѣчества въ смыслѣ эвдемонистическомъ, что въ философской литературѣ стало уже трюизмомъ 1)?..

Закончимъ эту критику современнаго бога нашей интелли-

---

1) См. Булгакова въ „Отъ М. къ И. „Объ „экономическомъ идеалѣ“ и во многихъ мѣстахъ цит. ст. попутно. У Бердяева цит. соч. стр. LX (Предисловіе Струве),

генціи словами Герцена [1]), которыя прекрасно подводятъ итогъ ея. „Объясните мнѣ пожалуйста, говоритъ докторъ въ статьѣ „Съ того берега", отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное глупо, а вѣрить въ земныя утопіи—умно? Отбросивши положительную религію, мы остались при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ, и, утративъ рай на небѣ, вѣрили въ пришествіе рая земного и хвастаемся этимъ... Если прогрессъ цѣль, говоритъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти все будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь карріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой другіе когда либо будутъ танцовать? И на то, чтобы быть несчастными работниками, которые по колѣни въ грязи тащутъ барку съ таинственнымъ рулемъ и съ смиренной надписью „прогрессъ въ будущемъ".

Критика теоріи прогресса въ сочиненіяхъ новѣйшаго идеализма—одна изъ лучшихъ страницъ. Ея полную основательность признаютъ у насъ такіе органы позитивизма, какъ Міръ Божій, хотя, какъ надо полагать, не сознавая всѣхъ выводовъ этого неиспроверженія моднаго кумира.

А эти выводы таковы.

Теорія прогресса въ системѣ позитивизма и марксизма представляетъ собою не одно только завершеніе корпуса, безъ котораго послѣдній могъ бы еще имѣть смыслъ бытія. Нѣтъ. Это—голова, въ которой жизненные корни данныхъ теорій... Отвергните вы теорію прогресса, отъ позитивизма ничего не останется, кромѣ древняго наивнаго скептицизма, а отъ марксизма одно только столь же наивное указаніе на то, что если люди не будутъ ѣсть, они умрутъ, и совершенно нелогичный выводъ, что изъ экономическаго фактора, какъ своего источника, вытекаютъ всѣ стороны, т. н. духовной жизни человѣка: „какъ будто труду шлифоваль-

[1]) Въ статьѣ Г. Булгакова „Душевная драма Герцена", стр. 175.

щика стеколъ для телескопа Гершеля обязаны мы великимъ открытіемъ планеты Урана, а не наблюдательности самого Гершеля“ [1]) хотя безъ стекла и нельзя достигнуть данныхъ результатовъ.

Въ критикѣ теоріи прогресса, какъ не трудно видѣть, заключается и критика т. н. эмпирическихъ началъ нравственности, т. е. тѣхъ взглядовъ, по которымъ критерій нравственной дѣятельности человѣка—въ удовольствіи, какъ говоритъ идонизмъ, или въ счастьи, какъ говоритъ эвдемонизмъ: нравственности нѣтъ никакого отношенія къ этимъ теоріямъ, отрицающимъ самое существо ея—идею *должнаго* и основывающимся исключительно *на сущемъ*. Но за всѣмъ тѣмъ остается въ силѣ повидимому утилитаризмъ, по которому критерій нравственности въ общемъ благѣ, въ возможно большемъ счастіи возможно большаго количества лицъ, современный катехизисъ по нравоученію нашего прогрессивнаго общества.

Критика этой теоріи скрыто содержалась также въ критикѣ теоріи прогресса. Въ краткихъ, но неопровержимыхъ словахъ, касается ея новѣйшій идеализмъ въ другихъ статьяхъ съ точки зрѣнія существа нравственности [2]).

По обычному, какъ говорятъ авторы статей П. И., незаслуженно распространенному, по крайней мѣрѣ со стороны формулировки взгляду существо нравственности пожертвованія своимъ я въ пользу другого, откуда и произошли рубрики эгоизмъ и альтруизмъ. Въ нашихъ курсахъ христіанскаго нравоученія удивительнымъ образомъ затѣняются обязанности по отношенію къ себѣ и весь центръ поставляется въ обязанностяхъ по отношеніи къ ближнимъ: и здѣсь явно не въ полнотѣ исчерпывается смыслъ приведенныхъ мною словъ Спасителя, которыми любовь къ себѣ полагается образцомъ любви къ ближнимъ, образцомъ не

---

[1]) М. Туганъ Барановскій „Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи“—Спб. 1903, стр. 327.

[2]) Кромѣ попутныхъ строкъ въ статьяхъ г. Булгакова, съ особенной подробностью останавливается на этомъ вопросѣ г. Бердяевъ въ статьѣ сборника „П. И.“ „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма“. Объ утилитаризмѣ стр. 108 и сл. Послѣдняя статья сборника „Къ вопросу о моральномъ творчествѣ“ Д. Е. Жуковскаго также ставитъ вопросъ о критеріи нравственности въ смыслѣ идеализма.

только по степени, но и по содержанію... Утилитаризмомъ данная точка зрѣнія проведена съ полной послѣдовательностью: каждый человѣкъ долженъ безъ слѣда отдать себя на приготовленіе счастья другимъ.

Заслуживаетъ вниманія та, въ высшей степени опредѣленно формулированная точка зрѣнія, на которой стоятъ въ данномъ вопросѣ новѣйшіе идеалисты.

Источникъ нравственности человѣка не въ отношеніи его къ кому-либо внѣ его стоящему, а къ самому себѣ. „Я“ и „ты“ въ каждомъ изъ насъ: „я“ это низшая наша природа, то, что есть какъ фактъ, „ты“—это высшая природа, вѣрнѣе идеалъ человѣка, къ которому мы должны стремиться. „Быть гуманнымъ, по словамъ Бердяева, значитъ быть человѣкомъ, т. е., развивать въ себѣ духовную личность, такъ какъ не быть гуманнымъ значитъ не дорости еще до того состоянія, которое мы называемъ человѣческой личностью“. Понятно, съ этой точки зрѣнія нравственность сохраняетъ свою полную силу, хотя бы человѣкъ жилъ одинокимъ на какомъ-либо необитаемомъ островѣ, тогда какъ резонъ бытія утилитаризма съ отсутствіемъ внѣшняго „ты“ падаетъ...

Становясь на почву Кантовскаго ученія, новѣйшіе идеалисты пытаются избѣжать его формализма. Бердяевъ такую даетъ формулировку нравственности. „Она есть внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, исканіе и осуществленіе своего духовнаго я, торжество „нормативнаго“ сознанія въ сознаніи „эмпирическомъ“.

Самъ собою напрашивается вопросъ, въ чемъ же состоитъ „нормативная“ личность человѣка? „Идея нормативной личности и нравственная проблема, субъектомъ которой является личность, понятны только на почвѣ спиритуализма. Кантъ, говоритъ г. Бердяевъ, совершенно послѣдовательно и постулировалъ спиритуализмъ. Человѣкъ имѣетъ абсолютную цѣнность, потому что онъ вѣчный духъ“. Нравственно цѣнное въ человѣкѣ опредѣляется не одобреніемъ или осужденіемъ другихъ людей, не пользой общества, вообще не внѣшнимъ ему міромъ, а согласіемъ съ собственной внутренней нравственной природой, отношеніемъ къ собственному Богу.

Всякому, хотя поверхностно знакомому съ исторіей фи-

лософской мысли, приводимыя мною слова новѣйшихъ идеалистовъ знакомы: это воскрешенный, и вполнѣ сознательно, завѣтъ Кенигсбергскаго генія, проведшаго рѣзкую полосу между старой и новой философіей. Прогрессъ въ сочиненіяхъ современныхъ учениковъ Канта — въ обоснованіи нравственнаго закона. Трансцендентный міръ Канта есть вынужденная гипотеза для объясненія того, что непонятно нашему разуму, и въ этомъ своемъ качествѣ онъ несомнѣнно не имѣетъ органической связи съ послѣднимъ. Новѣйшій идеализмъ стремится въ анализѣ нравственности найти путь къ его обоснованію и рѣшительно признаетъ религіозную санкцію.

Всякая попытка точнѣе опредѣлить тотъ идеалъ личности, о которомъ мы говорили выше, выводитъ, читаемъ въ „Проблемахъ“, за предѣлы опыта. Идеалъ личности — въ нравственномъ совершенствованіи, а послѣднее необходимо предполагаетъ абсолютный идеалъ, которымъ регулируется наша нравственная жизнь. „Идея осуществленія „я“ путемъ достиженія идеальнаго духовнаго состоянія упирается въ вѣчность и безконечность. Человѣческая личность своеобразная и индивидуальная въ своемъ стремленіи къ совершенству всегда тяготѣетъ къ одной и той же точкѣ, къ Верховному Благу, въ которомъ соединяются всѣ цѣнности. Послѣдній этапъ на этомъ длинномъ пути — сліяніе человѣка съ Божествомъ“ [1]). Признавая одно хорошимъ, другое дурнымъ, говоритъ другой авторъ, мы имѣемъ въ виду безусловность и абсолютность добра и зла. Слѣдовательно, мы ставили себя въ извѣстное отношеніе къ абсолютному, и потребность разумнаго оправданія результатовъ моральнаго творчества приводитъ насъ къ идеѣ абсолютнаго“ [2]).

Авторъ развиваемыхъ нами мыслей называетъ свою точку зрѣнія нравственнымъ индивидуализмомъ. Но по ихъ мнѣнію въ немъ необходимо заключается и то, что называется обычно альтруизмомъ. Въ идеѣ безусловной цѣнности личной непремѣнно содержится и признаніе такой же безусловной значимости и нашихъ ближнихъ: если абсолютная цѣнность моя заключается въ томъ, что я вѣчный

---

1) Статья Г. Бердяева—„Пробл.“ стр. 110, 111 и др.

2) Статья Г. Жуковскаго—„Пробл.“ стр. 520.

духъ, то тѣмъ самымъ абсолютная цѣнность переводится на всѣхъ ближнихъ.

Подведемъ итоги изложеннаго въ „Проблемахъ идеализма“ по вопросу о критеріи нравственности.

Ближайшею цѣлью нравственной дѣятельности человѣка служитъ развитіе въ себѣ нравственнаго совершенства, достиженіе того, что называется личностью человѣческой. Въ этомъ требованіи нашего нравственнаго сознанія implicite содержится признаніе, разумѣется активное, безусловной цѣнности, какъ самоцѣли, каждаго нашего ближняго. Послѣднимъ основаніемъ нравственности служитъ религіозная идея, въ которой получаютъ свою жизнь нравственныя требованія нашей природы. По мнѣнію Г. Бердяева, ихъ точка зрѣнія составляетъ идеальную сущность и христіанской религіи. „Центральная идея, которую христіанство внесло въ развитіе нравственнаго самосознанія человѣчества, есть идея абсолютной цѣнности человѣка, какъ образа и подобія Божія, и нравственной равноцѣнности людей предъ Богомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство поняло нравственную проблему, какъ проблему *внутреннюю*, проблему отношенія человѣческаго духа къ Богу“.

Въ исторіи русскаго самосознанія наиболѣе острую форму принималъ всегда споръ о взаимномъ отношеніи нравственнаго индивидуализма и нравственнаго универсализма, иначе говоря — объ отношеніи личнаго нравственнаго усовершенствованія къ идеѣ общаго блага. Припомните какъ горячо обсуждался этотъ вопросъ 13 лѣтъ тому назадъ по поводу извѣстнаго реферата покойнаго Вл. Соловьева „о характерѣ средневѣковаго міровоззрѣнія“, когда „Московскія Вѣдомости „несправедливо обвинили его въ игнорированіи заповѣди о личномъ спасеніи. Да и знаменитая, какъ выражаются, „литературная схватка“ Гоголя и Бѣлинскаго, выразившаяся въ обмѣнѣ письмами, — была споромъ по тому же вопросу... Не только этой, но и прочимъ нравственнымъ проблемамъ суждено на вѣки, выражаясь словами Г. Булгакова, остаться проблемами болѣе всего потому, что въ нихъ заключается задача *для воли* человѣка и найти полную гармонію въ встрѣчныхъ мотивахъ не составляетъ удѣла земной жизни человѣка... А въ предѣлахъ возможнаго трактуемая проблема можетъ быть рѣшена только на почвѣ

христіанскаго пониманія нравственной задачи, которая энергично поддерживается новѣйшими идеалистами.

Основою этики служитъ идея личности. Человѣкъ святъ и неприкосновененъ не во имя своего случайнаго эмпирическаго содержанія, онъ святъ и неприкосновененъ, какъ носитель высшаго духовнаго начала. Отсюда органически устанавливается связь каждаго изъ насъ съ другимъ. Человѣкъ чтитъ въ другомъ человѣкѣ своего Бога. Можно сказать, что нравственный уровень человѣческой личности измѣряется степенью ея проникновенія общественною жизнью и общественными интересами. Человѣкъ осуществляетъ свое духовное „я“, только выходя изъ узкой сферы индивидуальныхъ переживаній въ собственномъ смыслѣ этого слова и вступая на широкую арену міровой жизни. Онъ обрѣтаетъ свою „индивидуальность“, развивая въ себѣ „универсальное“ [1]).

„Идея абсолютнаго достоинства человѣческой личности, читаемъ у г. Булгакова, и равенства всѣхъ предъ Богомъ, какъ „сыновъ Божіихъ“, проповѣдана Евангеліемъ и неразрывно связана въ немъ съ ученіемъ о Богѣ и мірѣ, съ основными положеніями христіанской метафизики. Всѣ демократическіе идеалы нашего времени питаются этой идеей. Но — страннымъ образомъ — не только происхожденіе этой идеи забыто и дѣйствительныя основанія ея утеряны, но съ теченіемъ времени идеалы свободы, равенство и братство стали считаться чѣмъ-то чуждымъ и даже противоположнымъ христіанству. Недоразумѣніе это приводитъ къ тому, что упомянутые идеалы оторваны отъ своей естественной и притомъ единственной основы, оказываются висящими въ воздухѣ и открыты всевозможнымъ (дарвинистическимъ, ницшеанскимъ и др.) нападеніямъ, ибо они могутъ имѣть лишь одно безспорное основаніе, религіозно-метафизическое“ [2]).

При свѣтѣ нравственной философіи новѣйшаго идеализма

---

1) См. стат. С. Н. Булгакова въ „Проблемахъ“ „Основныя проблемы теоріи прогресса“, стр. 27; ст. г. Бердяева „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма“, стр. 110, 115 и др.

2) „Отъ марксизма къ идеализму“, стр. 297, 302.

получаетъ свое значеніе философія Ницше. По глубокому выраженію г. Булгакова, философія сверхчеловѣка—эффектный памятникъ на могилѣ позитивизма съ его теоріей утилитаризма. Безсмертную заслугу Ницше, по словамъ Бердяева, составляетъ побѣдоносная критика теоріи общественнаго блага, уничтожающей личность человѣка. Протестъ Ницше противъ мѣщанской морали и тѣхъ этическихъ теорій, которыя ищутъ высшей нравственной санкціи не въ „я“, а въ общественномъ мнѣніи, общественномъ благополучіи, приспособленіи къ средѣ и т. п., расчищаетъ почву для болѣе правильной и глубокой постановки нравственной проблемы, забытой „послѣднимъ человѣкомъ“ въ его погонѣ за мелкими добродѣтелями. А своей теоріей „любви къ дальнему“ и „любви къ призракамъ и вещамъ“ Ницше хотѣлъ стать выше критикуемой имъ морали... Весь трагизмъ этого мыслителя въ томъ, что ему, по выраженію Бердяева, пришлось жестоко поплатиться за ошибки XIX вѣка: высшую проблему духа онъ пытался рѣшить на почвѣ натурализма, отрицанія духа, и окончилъ своей философіей человѣка-бога, съ чего началъ, какъ извѣстно, матеріалистъ Фейербахъ [1])...

Анализъ проблемъ этики въ системѣ новѣйшаго идеализма привелъ насъ къ самому важному вопросу о значеніи религіи въ жизни человѣка.

По господствовавшей до сихъ поръ философіи позитивизма человѣчество въ своемъ развитіи послѣдовательно проходитъ три состоянія—теологическое или религіозное, затѣмъ метафизическое и, наконецъ, позитивное или научное. По курсамъ политической экономіи, составленнымъ правовѣрными учениками Маркса, все то, что составляетъ содержаніе религіи, называется фетишизмомъ, отъ котораго человѣчество постепенно освобождается [2]).

---

[1]) Кромѣ статьи г. Бердяева см. въ „Проблемахъ“ статью С. Л. Франка „Фр. Ницше и этика „любви къ дальнему“.

[2]) Таковъ, напр., „Краткій курсъ экономической науки“ А. Богданова Спб. 1899.

Вопросу о значеніи религіи посвящены нѣсколько страницъ почти во всѣхъ статья С. Н. Булгакова. См. напр. „Основыя проблемы теоріи прогресса“ стр. 4, 41, 42. Въ статьѣ „Что даетъ современному сознанію философія Владиміра Соловьева“, въ кн. „Отъ М. къ ид.“ стр. 202 и сл. Въ книгѣ Бердяева въ пред. Струве см. стр. XX. примѣч. 1 и др.

На основаніи выше изложеннаго можно предположить, на какую почву становится новѣйшій идеализмъ въ рѣшеніи этой первостепенной проблемы. И религія, и метафизическое мышленіе и положительное знаніе отвѣчаютъ основнымъ духовнымъ потребностямъ человѣка, и ихъ развитіе можетъ вести только къ ихъ взаимному прояснению, отнюдь не уничтоженію. Потребности эти являются всеобщими для всѣхъ людей и во всѣ времена ихъ существованія и составляютъ духовное начало въ человѣкѣ въ противоположность животному—такими словами открывается сборникъ „Проблемъ идеализма". Религія, по словамъ новѣйшихъ идеалистовъ, проникаетъ всю дѣятельную жизнь сознательнаго человѣка. Всѣ нравственныя цѣли, которыя онъ себѣ ставитъ, должны являться вмѣстѣ съ тѣмъ и предписаніями его религіи. Каждый человѣкъ долженъ въ своей жизни разрѣшить тяжелую задачу: сочетать абсолютное съ относительнымъ, опредѣлить свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы она отвѣчала требованіямъ его религіи, проникнуться сознаніемъ, что эти именно дѣла и эти именно обязанности есть то, чего хочетъ отъ насъ нашъ Богъ. Рѣшеніе этого вопроса практической религіи, знаменитаго вопроса „что дѣлать", необыкновенно трудно и открываетъ полный просторъ безграничнымъ и безконечнымъ сомнѣніямъ. Положить имъ конецъ, нравственно поставить на ноги и утвердить человѣка и здѣсь можетъ только вѣра. Никакое развитіе знаній и блескъ матеріальной культуры не можетъ возмѣстить упадка вѣры; можно допустить, что человѣчество лишится своей науки, своей цивилизаціи, какъ оно и жило въ теченіе вѣковъ. Но полная потеря вѣры въ добро означала бы нравственную смерть, отъ которой не спасли бы никакія силы науки, никакія ухищренія цивилизаціи.

Мы разсмотрѣли, лучше сказать, коснулись только вопросовъ, входящихъ въ кругъ идей возрождающагося идеализма. Начало и развитіе его, какъ я говорилъ въ началѣ своихъ чтеній, совершается на нашихъ глазахъ,—говоритъ, слѣдовательно, о его завершеніи нельзя. Болѣе того. Мы можемъ слѣдить за постепенной эволюціей взглядовъ одного и того же автора. Бердяевъ въ первой своей книгѣ, изд. въ 1891 году, еще нерѣшительный идеалистъ,— въ 1902 году, въ „Проблемахъ идеализма" онъ уже признаетъ не одно

только субъективное значеніе идей религіи, а въ статьяхъ, печатавшихся въ прошломъ году въ „Мірѣ Божіемъ“, онъ уже объявляетъ Вл. Соловьева за его гносеологію міровымъ философомъ, а вѣдь гносеологія Соловьева есть постиженіе истины вѣрою... И все же попытаемся сдѣлать общую опѣнку того направленія, которое послужило поводомъ къ нашимъ чтеніямъ.

„Бываютъ историческія эпохи, отмѣченныя упадкомъ вѣры, или подъемомъ ея — пишетъ С. Н. Булгаковъ“. Наше время несомнѣнно характеризуется въ общемъ упадкомъ вѣры, — я бы добавилъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ упадкомъ, разумѣю широкую публику, философской и богословской мысли. Говорить въ наше время о чемъ-либо, входящемъ въ область христіанской *философіи*, не только не благодарное, но даже рискованное дѣло. Въ связи съ этимъ, а можетъ быть, и въ свою очередь обусловливая, стоитъ совершенно неправильное пониманіе христіанства — сведеніе его исключительно на одно нравоученіе. Мнѣ понятно указаніе на то, что безжизненное теоретизированіе христіанства есть схоластика. Но не нужно забывать и того, что признавать и говорить только о нравственномъ ученіи христіанской религіи по прекраснымъ словамъ дѣятелей „Новаго Пути“ значитъ быть далекимъ отъ нея...

Настоятельная задача современнаго общества воспринять христіанство въ его цѣлостной неразрывности какъ съ вѣроучительной, такъ и съ нравоучительной стороны.

Я вполнѣ понимаю обаяніе нравственнаго идеала христіанства и дѣйствіе его на волю и чувство человѣка въ смыслѣ проведенія и осуществленія его въ жизни. Но не будетъ ли это обаяніе мимолетнымъ волненіемъ сердечнымъ, если оно не будетъ органически вытекать въ сознаніи вѣрующаго изъ Лица Спасителя, какъ Богочеловѣка, какъ оно вытекаетъ въ дѣйствительности. Нѣкто Луначарскій, полемизируя на страницалъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ съ С. Н. Булгаковымъ, писалъ, что въ наше время можно уже не говорить о необходимости вѣры въ безсмертіе души для нравственной жизни. А мнѣ кажется, что въ наше время, — да и во всякое — объ этомъ-то и должно говорить: только философская обоснованность идеала, — каковая можетъ быть и у простеца, и у настоящаго ученаго мысли-

теля, способна сообщить ему характеръ твердаго убѣжденія, этой души живой, безъ которой могутъ быть только однѣ вспышки...

Въ наше время всѣ говорятъ о религіи, но почти всѣ считаютъ ее средствомъ для другой какой-либо цѣли. Религія, говорятъ одни, опора нравственности. Религія небезполезное пособіе, снисходительно заявляютъ даже и позитивисты, для ускоренія прогресса. А въ недавнее время, по поводу извѣстнаго доклада г. Стаховича, нѣкоторые защитники религіи, отъ которыхъ спаси насъ Богъ, договорились до того, что религія нужна только для государства: пусть — были удивительныя рѣчи—Церковь отъ стѣсненія свободы вѣры теряетъ въ своей силѣ, за то цѣлость государства выигрываетъ. И золотыми словами нужно было повсюду написать незабвенную рѣчь бывшаго ректора мѣстной академіи, въ которой онъ на вопросъ, „зачѣмъ дана намъ вѣра православная“ въ услышаніе всей Россіи сказалъ, что религія имѣетъ цѣну не какъ средство для чего-то, а сама по себѣ, что вѣра дана намъ для вѣры!..

Настоятельная задача современнаго общества понять вѣчное и безусловное значеніе религіи, а къ этому приложится все остальное...

Проблемы идеализма и другіе работы „идеалистовъ“ многими своими страницами, если не всѣми, указываютъ современному образованному обществу на это великое дѣло. „Источникъ нравственнаго энтузіазма, заканчиваетъ одну свою статью Булгаковъ, слѣдуетъ видѣть въ религіозномъ проникновеніи велѣніями Бога“. Лишь эта философія возвратитъ человѣчеству утраченнаго имъ живого Бога, о которомъ тоскуетъ и мятется современная душа и лишь она поможетъ ему излѣчиться отъ практическаго безбожія, служенія плоти, а не правдѣ Божіей, которое подобно раку все болѣе поражаетъ и омертвляетъ современное европейское общество. Человѣчество возвратитъ тогда утерянную гармонію различныхъ сферъ дѣятельности духа, и религія займетъ подобающее ей центральное мѣсто, станетъ основой мысли и дѣятельности людей.

Священ. *К. М. Алѣевъ.*

Приложеніе второе.

Н. ОНТЛИКЪ.

ДОСТОЕВСКІЙ

И

СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

(Соціальное значеніе христіанства по Ѳ. М. Достоевскому)

Волжскій объ ошибкахъ Достоевскаго.

„Пророкъ русской революціи“ (Мережковскаго).

„Соціальное значеніе христіанства, у Ѳ. М. Достоевскаго".

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Постановка соціальнаго вопроса у Достоевскаго.

Сороковые годы, когда выступилъ на литературное поприще Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій, характеризуются, съ одной стороны, особеннымъ усиленіемъ государственно-бюрократической опеки надъ всѣми сторонами русской жизни, съ другой — развитіемъ критическаго отношенія къ русской дѣйствительности въ образованномъ обществѣ, причемъ формы этого отношенія разнообразились въ зависимости отъ различныхъ западно-европейскихъ вліяній. Такъ, философія Гегеля съ своимъ ученіемъ о саморазвитіи Абсолютнаго, съ своимъ принципомъ: „все дѣйствительное разумно" — сдерживала еще непосредственное отношеніе къ неблаговиднымъ явленіямъ жизни, отвлекая взоры людей отъ окружающей дѣйствительности и обращая ихъ ко внутреннему міру человѣка. Она своимъ ученіемъ о личномъ усовершенствованіи мирила людей съ окружающей дѣйствительностью, тѣмъ самымъ сдерживая проявленіе зарождавшагося протеста противъ этой дѣйствительности. Но это было только до поры, до времени: вмѣстѣ съ началомъ реакціи противъ идеалистическаго направленія въ философіи проявляется въ русской интеллигенціи рѣзко-отрицательное отношеніе къ русской дѣйствительности, повлекшее за собою если не практическія попытки, то теоретическія, порою утопическаго характера, планы ея преобразованія. Помимо неблаговидныхъ явленій русской общественной жизни, каковы: крѣпостное право, ненормальная постановка судебнаго дѣла, взяточничество и казнокрадство чиновниковъ и т. п. (читатели Гоголя знаютъ, что представляла собою Русь въ

николаевскую эпоху), отмѣченное движеніе находило поддержку и, такъ сказать, питательный матеріалъ въ западныхъ соціологическихъ ученіяхъ. Въ это время тамъ развивали свои общественныя теоріи французскіе соціологи-утописты, девизомъ которыхъ были: „свобода, равенство и братство“, таковы: Сенъ-Симонъ, Кабетъ, Фурье, знаменитая романистка Жоржъ-Сандъ, мечтавшіе о проведеніи своихъ взглядовъ въ жизнь. Взгляды эти не могли не остаться безъ вліянія на русскихъ людей. Несмотря на всѣ строгости русскаго политическаго режима, они съ успѣхомъ проникали къ намъ. „Несмотря ни на какихъ Магницкихъ и Липранди, говоритъ Достоевскій, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интелектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ-же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллигенціи передавалось и массѣ... Точь въ точь то же произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ съ самаго начала тридцатыхъ годовъ у насъ весьма скоро получилось понятіе. Были извѣстны имена многихъ новыхъ явившихся ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хоть отчасти, хоть чуть чуть, извѣстно стало и то, куда клонитъ все это движеніе“ [1]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ *конфликтъ идеальныхъ* стремленій лучшихъ русскихъ людей того времени съ средой, съ общимъ строемъ жизни, не могъ не сказаться съ поразительной остротой и силой. Разладъ высоко-развитой индивидуальности и общества, личности и соціальнаго строя, проявился здѣсь съ такой *ужасающей* рѣзкостью, какой онъ едва-ли достигалъ у насъ когда-либо до и послѣ этого времени. Здѣсь нашелъ для себя историческую почву и знаменитый типъ „лишняго человѣка“. И прежде не чуждый русской литературѣ, и сороковымъ годамъ онъ свойственъ по преимуществу, и это нужно сказать не только о литературѣ, но и о жизни. Лучшіе люди этой эпохи часто оказывались лишними людьми. Трагедія разлада высоко развитой индивидуальности лишняго человѣка сороковыхъ годовъ—съ одной стороны, соціальнаго строя до-реформенной николаевской Руси, не признающаго никакихъ правъ индивидуальности — съ другой, выставила со всею силою, страстно томящіе и мучительные вопросы: *кто виноватъ* и *что дѣлать*?

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, — тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но чуткій и вдумчивый, зачитывавшійся еще на школьной скамьѣ свободолюбивыми романами Жоржъ-Сандъ, знакомый съ воззрѣніями французскихъ соціоло-

[1]) Т. 10, 206—207.

говъ, съ соціальными утопіями Фурье, Сенъ-Симона и др.— не могъ не волноваться вопросами своего времени. И дѣйствительно, уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ ставитъ эти вопросы. „Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго, говоритъ Добролюбовъ, мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ (до романа „Униженные и оскорбленные“ включительно): это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ, или наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. „Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку“ — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора, помимо всякихъ условныхъ и національныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, a priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собою, никогда не удаются, и кто изъ ищущихъ не успѣваетъ рано умереть въ чахоткѣ или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ доходитъ только до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой природы, или до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые какъ будто родятся съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о человѣческомъ значеніи своемъ какъ будто никогда съ роду не посѣщала. Это точно существа другого міра, точно въ нихъ ничего нѣтъ общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ? Какъ это происходитъ? Какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? Къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читателя (первыя) произведенія Достоевскаго“ [1]).

Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ, Голядкинъ, Прохарчинъ, Вася Шумковъ—всѣ они люди задавленные жизнью, униженные и оскорбленные. Но къ выше приведенной характеристикѣ ихъ Добролюбовымъ мы должны добавить, что никто изъ нихъ не сознаетъ своего положенія нормальнымъ. Всѣ они мучатся этою задавленностью. Личность во всѣхъ нихъ заявляетъ свои права. „Вы, можетъ быть, думаете, что Дѣвушкинъ въ самомъ дѣлѣ успокоился на томъ, что всякому свое мѣсто назначено, а мѣста по способностямъ распредѣлены и т. д.? Вовсе нѣтъ; это когда онъ

[1]) Истор.-критич. комментарій къ соч. Ѳ. М. Достоевск. *Зелинскаго* стр. 31—32.

резонируетъ въ спокойномъ положеніи, такъ и говоритъ такимъ образомъ. А чуть кто-нибудь задѣнетъ его за живое, онъ совсѣмъ мѣняется и лѣзутъ ему въ голову, сами собою „либеральныя мысли“. Онъ тогда спрашиваетъ: „Отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣніи находится, а другому-кому счастье само напрашивается?... Зачѣмъ одной еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ-же такъ, что счастье то часто Иванушкѣ-дурачку достается. „Ты, дескать Иванушка-дурачекъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты дескать, на то и годишься“... Разчувствовавшись, Макаръ Алексѣевичъ... до негодованія доходитъ и задѣваетъ людей почище себя: „Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! Полно, такъ-ли, голубчикъ?“ И переполненное горечью сердце его отвѣчаетъ: не такъ, этого не должно быть. „Теперь на меня такая тоска напала, что я самъ своимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хоть я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная, часто самого себя безъ всякой причины унижаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ быть, оттого происходитъ, что самъ запуганъ и загнанъ, какъ хотя-бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыню у меня просилъ“ [1]). Что говоритъ Дѣвушкинъ, то самое говоритъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать о себѣ всякій другой герой Достоевскаго (разумѣемъ его первыя произведенія).

Такимъ образомъ Достоевскій въ первыхъ своихъ произведеніяхъ выразительно отмѣчаетъ то приниженное положеніе, въ какомъ оказываются „бѣдные люди“ подъ давленіемъ соціально-экономическаго строя; не даромъ Бѣлинскій первый романъ Достоевскаго „Бѣдные люди“ называетъ „соціальнымъ“. Чѣмъ рѣзче обрисовывалось приниженное положеніе „бѣдныхъ людей“, тѣмъ настойчивѣе выдвигался вопросъ: что же дѣлать для того, чтобы вывести ихъ изъ приниженнаго положенія? Казалось, самымъ простымъ и яснымъ рѣшеніемъ вопроса было то рѣшеніе, какое предлагали французскіе соціологи: разъ личность страдаетъ подъ давленіемъ соціально-экономическаго строя, то, слѣдовательно, нужно пересоздать этотъ строй, и прежде всего

[1]) Истор.-крит. комм. Зелинскаго, стр. 125—126.

нужно покончить съ главнымъ зломъ русской жизни—крѣпостнымъ правомъ.

Подъ вліяніемъ руководящихъ умовъ своего времени, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго („страстнаго соціалиста"), это рѣшеніе соціальнаго вопроса было воспринято и Ѳ. М. Достоевскимъ. Со всею страстностью молодой, чуткой души возставалъ онъ противъ крѣпостного права, смотрѣлъ на него, какъ на коренное, величайшее зло, какъ на главнаго виновника бѣдствій Россіи. „Я помню разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Милюковъ, какъ съ обычной своей энергіей Достоевскій читалъ стихотвореніе Пушкина: „Уединеніе". Какъ теперь слышу восторженный голосъ, съ какимъ онъ произносилъ заключительный куплетъ:

„Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
„И рабство падшее по манію Царя,
„И надъ отечествомъ—свободы просвѣщенной
„Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?

Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій рѣзко выразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ". Тѣмъ не менѣе А. И. Пальму помнится, что когда однажды споръ сошелъ на вопросъ: „ну, а еслибъ освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ чрезъ возстаніе"? то Достоевскій съ своей обычною впечатлительностью воскликнулъ: „такъ хотя бы чрезъ возстаніе" [1]). Но за эти убѣжденія свои Достоевскій дорого поплатился. Правда, въ его воззрѣніяхъ, равно какъ въ воззрѣніяхъ того кружка (это кружокъ Петрашевскаго), къ которому онъ принадлежалъ, чего-либо политическаго не было. „Мы заражены были,—говоритъ Достоевскій идеями тогдашняго теоретическаго соціализма. Политическаго соціализма тогда еще не существовало въ Европѣ и европейскіе коноводы соціалистовъ даже отвергали его" [2]). Но въ это время и теоретическій соціализмъ казался опаснымъ, тѣмъ болѣе, что кружки, которые тогда составлялись и въ которыхъ шли оживленные дебаты по вопросамъ соціальнаго характера, изученіе соціальныхъ теорій, главнымъ образомъ, французскихъ, кружки самой пылкой молодежи,—сильно увлекались и, въ пылу увлеченія, въ пылу спора часто доходили до неосторожности (см. вышеприведенный отзывъ Достоевскаго о крѣпостномъ правѣ). Все это при тогдашнихъ порядкахъ быстро доходило до свѣдѣнія властей. Послѣдовалъ арестъ, арестованъ былъ и Ѳ. М. До-

[1]) Матер. для жизнеоп. Ѳ. М. Дост.—Милюковъ, стр. 85.
[2]) Т. IX, 337.

стоевскій. Послѣ долгихъ мытарствъ, послѣ эшафота, онъ и его товарищи были сосланы въ Сибирь. Такъ печально закончился первый періодъ дѣятельности Достоевскаго.

Но ссылка не убила въ Достоевскомъ его думъ о приниженномъ положеніи „бѣдныхъ людей". Униженные и оскорбленные, привлекши къ себѣ вниманіе Достоевскаго, подъ вліяніемъ ужасовъ крѣпостного права, общихъ симпатій и господствующихъ вѣяній литературы того времени, уже не отходили отъ его умственнаго взора, пораженнаго ихъ страданіемъ. Въ связи съ этимъ соціальный вопросъ не переставалъ стоять въ центрѣ размышленій и литературной дѣятельности Достоевскаго на всемъ протяженіи его многострадальной жизни. Только позднѣе онъ углубилъ великую проблему своего времени, развернулъ ее до необъятной шири и своеобразно переработалъ своимъ творческимъ геніемъ. Въ его творчествѣ (послѣ ссылки) вопросъ этотъ осложнился и выросъ до удивительныхъ размѣровъ. Это уже не соціальный вопросъ до-реформенной Руси—это высшая философская проблема, до которой можетъ вообще подняться человѣческій духъ.

Выходъ Ѳ. М. Достоевскаго изъ ссылки какъ разъ совпалъ съ великимъ русскимъ событіемъ—освобожденіемъ крестьянъ. Завѣтная мечта Достоевскаго и его товарищей исполнилась. Личность получила свои законныя права. Повидимому долженъ былъ потерять жгучее значеніе и соціальный вопросъ. На самомъ дѣлѣ—не такъ. На обломкахъ стараго до-реформеннаго быта выросли новыя формы порабощенія и притѣсненія человѣческой личности. Крѣпостное право отошло въ область преданій, личность получила свои права, но явился новый видъ рабства—рабство экономическое. Въ этомъ случаѣ замѣтна параллель между жизнью русской и западно-европейской. Лишь только Западная Европа освободилась изъ-подъ гнета политическаго, явился новый видъ гнета,—гнетъ экономическій. „Изъ требованій политической свободы, говоритъ Штейнъ, естественно и очень скоро развились требованія свободы экономической. Лозунгомъ искусственнаго деспотическаго государства стараго режима были защитительныя пошлины, а лозунгомъ низвергнувшей деспотизмъ буржуазіи сдѣлалась свобода торговли. Какъ обыкновенно, одна крайность произвела другую. Личность до сихъ поръ была связана политически, соціально и экономически; она была прикрѣпленной; а теперь она должна была политически, соціально и экономически развиваться совершенно безпрепятственно. Такимъ образомъ, было устранено послѣднее препятствіе для сильнаго развитія мощи капитала: промышленность могла теперь сдѣлаться властительницею всего цивилизованнаго міра... Появляется новая промышленная монархія съ своимъ

особымъ дворянствомъ. У насъ теперь есть желѣзнодорожные короли, нефтяные герцоги, угольные князья, свинцовые графы, желѣзные бароны и т. д. Мѣсто готическихъ соборовъ среднихъ вѣковъ занимаютъ фабричныя трубы, своей массивностью совершенно заслоняющія прежнія колокольни и церковныя башни. Однимъ словомъ, всемогущая промышленность... создала новый міръ, который, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается поразительно схожимъ съ разбитымъ средневѣковымъ міромъ. Теперь абсолютный государь именуется міровымъ рынкомъ; онъ такъ же капризенъ, какъ и любой князекъ-деспотъ, а капризы государя-мірового рынка называются кризисами. Образовалась новая аристократія, рядомъ съ которой старая ведетъ призрачное существованіе. И это худшая изъ всѣхъ аристократій--аристократія капитала, дворянство денегъ. Прежніе крѣпостные теперь называются фабричными рабочими. Ихъ теперь гонитъ на работу не бичъ помѣщика, а самый страшный изъ всѣхъ бичей—міровой бичъ голода“ [1]). Подобное тому, что произошло въ Западной Европѣ, произошло и у насъ на Руси, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Уничтоженіе крѣпостного права освободило русскихъ людей отъ гнета политическаго, но на мѣсто его явился новый видъ рабства—рабство предъ „золотымъ мѣшкомъ“. Ѳ. М. Достоевскій ясно отмѣтилъ эту перемѣну. При Николаѣ I „лучшими людьми считались люди“ четырнадцати классовъ. „Но вдругъ произошелъ, говоритъ Достоевскій, одинъ изъ самыхъ колоссальныхъ переворотовъ, которые когда-либо переживала Россія: уничтожилось крѣпостное право и произошла глубокая перемѣна во всемъ [2]). Находила новая гроза, наступала новая бѣда—„золотой мѣшокъ“. На мѣсто прежнихъ „условныхъ“ лучшихъ людей явилась новая условность, которая почти вдругъ получила у насъ страшное значеніе. О, конечно, золотой мѣшокъ былъ и прежде; онъ всегда существовалъ въ видѣ прежняго купца-милліонера. но никогда еще не возносился онъ на такое мѣсто и съ такимъ значеніемъ, какъ въ послѣднее наше время [3]).

Въ виду происшедшей перемѣны въ жизни общества и соціальный вопросъ получаетъ у Достоевскаго иной характеръ. Почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ второго періода (послѣ ссылки) онъ говоритъ намъ о страданіяхъ людей, происходящихъ на почвѣ экономической, матеріальной нужды. Онъ рисуетъ намъ широкія и въ высшей степени захватывающія картины страданія людей—отъ нищенства, голода и холеры

---

[1]) Штейнъ. „Соціальный вопросъ съ филос. точки зрѣнія“.
[2]) Т. X, 360—362.
[3]) Ibid. 364.

и т. п. Ведетъ насъ въ мрачные, холодные и сырые подвалы, ночлежные дома, убогія жилища проститутокъ, возводитъ насъ въ дома людей средняго и даже высшаго класса—и всюду онъ наблюдаетъ: съ одной стороны, господство „золотого мѣшка“, съ другой—жестокія страданія, происходящія отъ этого господства. Мы не будемъ описывать этихъ страданій. Въ произведеніяхъ Д—го разбросано столько картинъ нищеты и убожества, что желающій можетъ ихъ найти на каждой страницѣ. Общій ихъ смыслъ таковъ, что нищета и развратъ полновластно царятъ въ русскомъ обществѣ.

Съ какой же точки зрѣнія разсматриваетъ Достоевскій всѣ эти печальныя явленія русской жизни? Въ данномъ случаѣ Достоевскій является вполнѣ сыномъ своего времени. Свобода и святость человѣческой личности, бывшія главнымъ пунктомъ, къ защитѣ котораго направлялись всѣ усилія лучшихъ людей до-реформенной Руси, въ томъ числѣ и Достоевскаго, оставались для него такими и теперь, и теперь даже болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что въ эпоху 60-хъ годовъ стремленіе къ освобожденію человѣческой личности отъ разнаго рода рабства было лозунгомъ и общественной жизни, и правительственныхъ мѣропріятій. Достоевскій, во имя этого лозунга примкнувшій нѣкогда къ кружку Петрашевскаго, и теперь не могъ стоять въ сторонѣ отъ основного теченія русской жизни. Дѣйствительно, при изображеніи страданій людей на почвѣ матеріальной нужды Достоевскій видитъ не ноги, которымъ холодно, не руки, которыя устали,— онъ видитъ человѣка, который раздавленъ, видитъ страданія человѣческой личности. Главное зло жизни, по мысли Достоевскаго, заключается въ томъ, что нарушенъ основной законъ развитія. „Въ нормальномъ процессѣ всякаго развитія, скажемъ мы словами В. В. Розанова, поясняющаго мысли Достоевскаго, благоденствіе самаго развивающагося существа есть цѣль; такъ дерево растетъ, чтобы осуществлять полноту своихъ формъ, и то же можно сказать о всемъ другомъ. Изъ всѣхъ процессовъ, которые мы наблюдаемъ въ природѣ, есть только одинъ, въ которомъ этотъ законъ нарушенъ, — это процессъ исторіи. Человѣкъ есть развивающее въ немъ и, слѣдовательно, онъ есть цѣль; но это лишь въ идеѣ, въ иллюзіи: въ дѣйствительности онъ есть средство, а цѣль —это учрежденія, сложность общественныхъ отношеній, цвѣтъ наукъ и искусствъ, мощь промышленности и торговли“ [1]). Эту мысль Достоевскій ярко и выпукло представилъ въ своей статьѣ: „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ при описаніи лондонской жизни. Передавая здѣсь то впечатлѣніе, которое оставилъ въ немъ „этотъ, день и ночь суетящійся и необъятный, какъ море,

[1]) В. В. Розановъ. „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“, стр. 36.

городъ, визгъ и вой машинъ... отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ и т. д., онъ именно и приходитъ къ тому заключенію, что общій смыслъ такой жизни — полное подавленіе человѣка, его личности, его евободы. „Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра, въ едино стадо... вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ-будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара, людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, во-очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобы не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала“ [1]). Человѣка, какъ человѣка, здѣсь совершенно не видно. Вмѣсто него на первомъ планѣ промышленность, торговля, фабрики, милліоны. Человѣкъ же является слугою, даже рабомъ этого внѣшняго строя. „Фактъ давитъ, масса деревенѣетъ, голодная душа смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ ужинѣ и развратѣ“. Двѣ картины лондонской жизни: „шабашъ бѣлыхъ негровъ“ и ночь въ Гай-Маркетѣ, которыя Д—ій рисуетъ далѣе, могутъ служить яркой иллюстраціей высказанной мысли. Картина первая: „ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются, какъ море, по всему городу... и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, то-есть наѣдаются и напиваются, какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльныя экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ... Толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ... Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело, и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣе торопится напиться до потери сознанія. Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями;

[1]) Т. 3, 33—34.

дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними“ [1]). Картина вторая: Гай-Маркетъ, кварталъ, гдѣ ночью толпятся тысячами публичныя женщины. Ярко освѣщенныя улицы, кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, гдѣ въ одно и то же время и „сборища и пріюты“; жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы... Все это, не умѣщаясь на тротуарахъ, толпится на улицахъ тѣсно, густо. Все это ждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды, и почти лохмотья. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, завыванья и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы... Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руки и просятъ, чтобы вы шли съ ними. Помню разъ въ толпѣ... я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда. Богъ знаетъ, зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качал асвоей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ими вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди“ [2]).

Эти факты Достоевскій своимъ обобщающимъ умомъ старается связать съ тѣмъ, что онъ видѣлъ днемъ и что такъ гордо свое законченностью, своимъ совершенствомъ. Это пьянство, этотъ развратъ, эта потеря сознанія, въ которой есть что-то „систематическое, покорное, поощряемое“, эта жажда забыться хоть на нѣсколько часовъ въ недѣлю, все это мерещится ему, какъ милліоны человѣческихъ душъ, положенныхъ въ уголъ возводимой башни. „Когда проходитъ ночь и начинается день, дорисовываетъ Достоевскій вышеприведенныя картины, тотъ-же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней

---

[1]) Т. 3, 34.
[2]) Ibid, 35—37.

убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична. Онъ не прячетъ отъ себя... дикихъ подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько". „Для этихъ паріевъ долго еще не сбудется пророчество, долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ и долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: „доколѣ Господи" [1]).

Но Достоевскій не только понялъ общій и главный смыслъ того, что совершается въ жизни, но и почувствовалъ нестерпимый его ужасъ, ясно понялъ тѣ ужасныя страданія личности, къ которымъ приводитъ такое направленіе жизни. Гнетущія страданія человѣческой личности и сдѣлались главною темой его романовъ. Всѣ его герои— именно униженные и оскорбленные, люди задавленные жизнью. Эта задавленность и есть главная причина ихъ мученій. При этомъ, чтобы яснѣе и рельефнѣе оттѣнить страданія личности, Достоевскій въ эти тяжелыя условія жизни, какъ психологъ-экспериментаторъ, ставилъ людей съ „усиленно развитымъ сознаніемъ".

Подпольный человѣкъ мучается именно отъ того, что жизнь обращаетъ его въ „органный штифтикъ" и своими непреложными законами давитъ и тѣснитъ его. Онъ завидуетъ тѣмъ людямъ, которые пассуютъ предъ этими законами, какъ предъ каменной стѣной, вполнѣ подчиняются имъ—и, подчиняясь не страдаютъ, а, напротивъ, живутъ спокойно. Посредственный человѣкъ передъ каменною стѣною, передъ невозможностью смиряется. „Ужъ какъ докажутъ ему, напримѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ не морщится, принимаетъ какъ есть. Ужъ какъ докажутъ ему, что въ сущности одна капелька его жира—дороже ста тысячъ ему подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются подъ конецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предразсудки, такъ ужъ такъ и принимаетъ, потому дважды два—математика" [2]). Его философія такая: „законъ написанъ, данъ, формулированъ, составлялся тысячелѣтіями. Зло и добро опредѣлено, взвѣшено, размѣры и степени опредѣлялись исторически мудрецами человѣчества, неустанной работой надъ душой человѣка и высшей научной разработкой надъ степенью единичной силы человѣчества въ общежитіи. Этому выработанному кодексу нужно слѣдовать слѣпо. Кто не послѣдуетъ, кто преступитъ его, тотъ платитъ жизнью, платитъ буквально и безчеловѣчно. Я знаю..., что это слѣпо, и безчеловѣчно и невозможно, но такъ какъ, другого исхода нѣтъ, то и слѣдуетъ держаться того, что написано, и дер-

[1]) Т. 3. „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ", гл. 5 „Ваалъ".
[2]) Т. 3 „Записки изъ подполья", стр. 79.

жаться буквально и безчеловѣчно; не будь этого, будетъ хуже“ [1]), Руководясь такой философіей, посредственный человѣкъ—l'homme de la nature et de la verité—живетъ спокойно, раститъ брюхо и тройной подбородокъ, вырабатываетъ сандальный носъ, пьетъ за здоровье всего прекраснаго и высокаго“ и... умираетъ торжественно. Но подражать ему подпольный человѣкъ не можетъ. Онъ, какъ человѣкъ съ развитымъ знаніемъ, не смиряется предъ каменной стѣной, не останавливается предъ невозможностью. „Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся. Разумѣется я не пробью такой стѣны лбомъ..., но и не примирюсь съ ней. То-ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменныя стѣны и не мириться ни съ одной изъ тѣхъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ“ [2]). Не мирясь съ жизнью, подпольный человѣкъ сильно мучается. Здѣсь своего рода трагедія: здѣсь сталкиваются два противоположныхъ факта: съ одной стороны непреложные законы, опредѣляющіе жизнь подпольнаго человѣка въ томъ, а не иномъ направленіи, измѣнить которые онъ не въ силахъ; съ другой стороны—его собственное сознаніе, которое осуждаетъ его жизнь и говоритъ ему, что даже и „въ каменныхъ стѣнахъ онъ виноватъ“. Отсюда разладъ между сознаніемъ и жизнью, отсюда и страданія. Чтобы избѣжать мученій и страданій—подпольный человѣкъ удаляетя въ подполье и оттуда мститъ жизни за нанесенныя ему оскорбленія, дѣлаетъ разнаго рода пакости, чтобы только проявить свое „я“.

Тѣ-же самыя страданія личности—на почвѣ разлада между сознаніемъ (въ большинствѣ случаевъ—нравственнымъ) и жизнью, Достоевскій изображалъ и въ другихъ своихъ герояхъ, особенно-же героиняхъ. Соня Мармеладова (въ „Преступленіи и наказаніи“), Мари, Настасья Филипповна (въ „Идіотѣ“), Грушенька (въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“)—всѣ онѣ испытываютъ именно этого рода страданія. Вся ихъ жизнь опредѣлилась какъ-бы помимо ихъ воли и даже сознанія. Всѣ онѣ попали въ кадръ падшихъ женщинъ—невольно. Жизнь, какъ какая-то машина, безсмысленно захватила ихъ, смяла и поглотила. Повидимому, онѣ не виновны, а потому не должны отвѣчать на свою жизнь, тѣмъ болѣе страдать изъ-за нея. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Подобно тому какъ сознаніе подпольнаго человѣка, такъ и ихъ нравственное сознаніе дѣлаетъ ихъ отвѣтственными за ихъ невольную жизнь. Всѣ онѣ, по изображенію Достоевскаго, сознаютъ себя виновными за свою жизнь и,

---

[1]) Т. 11, стр. 247.
[2]) Т. 3. „Зап. изъ Подполья“, стр. 80.

будучи не въ силахъ измѣнить ее, ужасно мучаются. Въ минуты особенно сильнаго разлада между сознаніемъ и дѣйствительностью, онѣ, подобно подпольному человѣку, мстятъ жизни за свое униженіе. Будучи по природѣ добрыми--онѣ часто дѣлаютъ такія гадости, которыя устанавливаютъ за ними репутацію самыхъ послѣднихъ и низкихъ женщинъ. Злость свою при этомъ онѣ стараются вымѣщать на тѣхъ, кто обладаетъ именно тѣми достоинствами, какихъ у нихъ нѣтъ (смотри, напр., сцены между Настасьей Филипповной и Аглаей, Грушенькой и Катериной Ивановной).

Соціальный вопросъ получаетъ у Достоевскаго въ высшей степени жгучій и острый характеръ вслѣдствіе еще одной особенности, о которой мы еще не упомянули. Страдальцами, выносящими на своихъ плечахъ общественную неправду, по Достоевскому, являются „лучшіе“ люди. „Соціальный смыслъ всѣхъ его романовъ, говоритъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, сводится къ той старой и вѣчно новой истинѣ, что при существующемъ порядкѣ вещей лучшіе (нравственно) люди суть вмѣстѣ съ тѣмъ худшіе для общества, что имъ суждено быть бѣдными людьми, униженными и оскорбленными“ [1]).

Но еще острѣе чувствуется по Д—му, неправда жизни, когда мы остановимъ свое вниманіе на страданіяхъ дѣтей. Всякій, читавшій Достоевскаго, конечно, очень хорошо знаетъ, какъ этотъ писатель относится къ дѣтямъ. Дѣти--это чистыя, невинныя существа, они—идеалъ, къ которому люди должны стремиться (любимый типъ Достоевскаго „Идіотъ“—въ сущности своей дитя), они „образъ Христовъ“, ихъ „Царствіе Божіе“. И вотъ эти невинныя, маленькія существа страдаютъ (въ произведеніяхъ Достоевскаго разбросана масса картинъ страданія дѣтей). Иванъ Карамазовъ потому и не можетъ примириться съ жизнью, принять міра Божьяго, повѣрить въ Бога, что видитъ страданія невинныхъ дѣтей. „Я, разсуждаетъ онъ, готовъ примириться со страданіями взрослыхъ, они сами виновны; но вотъ дѣточки, и что я съ ними стану дѣлать. Это вопросъ, который я не могу рѣшить... Слушай: если всѣ должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ; пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны были страдать они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію. Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію. Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками-же соли-

---

[1]) Вл. Соловьевъ, т. 3, „Три рѣчи въ память Ѳ. М. Д.“, стр. 177.

дарность во грѣхѣ [1]). Нельзя страдать неповинному за другихъ, да еще такому неповинному“ [2]).

Та неправда, которая, по словамъ Ивана Карамазова, ярко сказывается въ страданіяхъ дѣтей, ведетъ нашу мысль отъ разсмотрѣнія соціально-экономическихъ отношеній къ углубленію въ основы мірового строя, съ чѣмъ вмѣстѣ соціальная проблема — о причинахъ пригнетеннаго положенія „бѣдныхъ людей“ и о средствахъ ихъ освобожденія отъ соціально-экономическаго гнета — расширяется до размѣровъ философской проблемы о сущности и происхожденіи зла въ мірѣ. Не вступая вслѣдъ за Иваномъ Карамазовымъ — въ область философіи, посмотримъ, какъ рѣшитъ Д—ій выдвинутую имъ соціально-экономическую проблему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критика соціализма въ произведеніяхъ Достоевскаго.

I.

Итакъ, что нужно для того, чтобы „бѣдные люди“ не страдали подъ гнетомъ своей нищеты, чтобы они не были униженными и оскорбленными? Этотъ вопросъ составляетъ основную проблему соціализма, а потому — при раскрытіи своего рѣшенія соціальной проблемы — Д—ій не могъ не считаться съ соціалистическими теоріями по этому вопросу, болѣе того: Д—ій раскрываетъ свое рѣшеніе въ постоянной и энергичной полемикѣ съ соціализмомъ. Въ настоящей главѣ попытаемся выяснить отношеніе Д—го къ соціализму.

Двѣ черты мы прежде всего должны отмѣтить въ соціализмѣ, черты, служащія, такъ сказать, чисто теоретическими его предпосылками — это раціоналистическій его характеръ и атеистическая подкладка.

Общимъ и существеннымъ признакомъ для всего направленія философской мысли Европы со временъ Возрожденія (за немногими исключеніями) является ея стремленіе основывать свои положенія исключительно на выводахъ разсудка, безусловно отвергая все, что не можетъ быть подкрѣплено фактами или логическими доводами. Это направленіе философской мысли не могло, конечно, не вліять и

---

[1]) Т. 12, стр. 289 290.
[2]) Т. 12, стр. 282.

на другія стороны науки и жизни, не могло не оказать вліянія и на соціологію, въ частности, соціологію, современную Достоевскому. И дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на соціальныя теоріи, являющіяся господствующими въ половинѣ XIX столѣтія на Западѣ, и оттуда перешедшія къ намъ въ Россію, соціальныя теоріи Сенъ-Симона и Фурье [1]), то увидимъ, что въ нихъ чувствуется самая крѣпкая связь съ раціоналистическимъ направленіемъ теоретической мысли. Они являются практическимъ осуществленіемъ раціонализма, его воплощеніемъ. Историкъ политико-экономическихъ теорій Туганъ-Барановскій главною и характерною чертою теорій Сенъ-Симона и Фурье считаетъ именно „вѣру во всемогущество человѣческой мысли, вѣру въ силу идеи". Эти теоріи, говоритъ онъ, „были проникнуты прямо трогательнымъ по своей наивности довѣріемъ къ разуму человѣка". Сенъ-Симонъ и Фурье „придумывали, изобрѣтали новый общественный строй, какъ механикъ изобрѣтаетъ новую машину. Они вѣрили въ превосходство своихъ изобрѣтеній предъ всякими другими и для примѣненія этихъ изобрѣтеній на практикѣ, для перестройки всего человѣчества на новыхъ началахъ, оставался только сущій пустякъ: растолковать неумнымъ и невѣжественнымъ людямъ, какъ хорошо имъ будетъ житься при новыхъ условіяхъ. Отсюда вытекалъ и специфическій методъ осуществленія новаго соціальнаго порядка... — методъ мирной пропаганды путемъ лекцій, или путемъ печати... Пока истина скрывалась отъ взоровъ человѣчества, люди могли коснѣть въ невѣжествѣ и угнетать другъ друга. Но теперь истина показалась во всемъ блескѣ — новый, блаженный общественный порядокъ придуманъ и люди, если они только не совершенные безумцы, должны поспѣшить устроить свою жизнь на новыхъ началахъ" [2]). Ту же самую черту современнаго ему русскаго соціализма отмѣчаетъ и Достоевскій. „Въ половинѣ текущаго столѣтія нѣкоторые изъ насъ удостоились пріобщиться къ французскому соціализму и приняли его безъ малѣйшихъ колебаній за конечное разрѣшеніе всечеловѣческаго единенія... Мы вполнѣ повѣрили, да и теперь еще вѣримъ, что положительная наука вполнѣ способна опредѣлить нравственныя границы между личностями единицъ и націй (какъ будто наука, если бы и могла это она сдѣлать,—можетъ открыть эти тайны раньше завершенія опыта, т. е. раньше завершенія всѣхъ судебъ человѣка на землѣ)" [3]). Но особенно рельефно эта черта соціа-

[1]) Достоевскій называетъ Сен.-Симона и Фурье первоначальными „идеальными" толковниками соціальныхъ идей—т. II, стр. 61.

[2]) М. Туганъ-Барановскій. „Очерки изъ новѣйш. исторіи политич. экономіи, изд. ж. „Міръ Божій". 1903 г., стр. 92—93.

[3]) Т. II, стр. 24.

лизма отмѣчается въ „Снѣ смѣшного человѣка“, гдѣ Достоевскій характеризуетъ современное состояніе людей, какъ чисто раціоналистическое. По изображенію Достоевскаго, люди, утративъ первобытное, невинное и счастливое состояніе, утративъ всякую вѣру въ бывшее счастье, снова захотѣли быть невинными и счастливыми. Создать себѣ такое невинное и счастливое состояніе они рѣшили путемъ науки и разума. „У насъ, говорили они, есть наука и чрезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но примемъ ее уже сознательно. Знаніе выше чувства, сознаніе жизни выше жизни. Наука дастъ намъ премудрость, откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья выше счастья... Они вѣрили, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество“ [1]). Раціонализмъ, такимъ образомъ, является первою и главною чертою соціализма. Другая черта соціализма — это атеистическая подкладка.

Если мы обратимся къ теоріямъ Сен-Симона и Фурье, то увидимъ, что ихъ терминологія, повидимому, говоритъ противъ ихъ атеистическаго характера. Такъ, Фурье говоритъ, что вся судьба человѣчества заранѣе предначертана Богомъ. Имъ установлены тѣ незыблемые законы, по которымъ движутся тѣла небесныя. Познать и повѣдать ихъ людямъ дано было ему — Фурье, дано было свыше, какъ своего рода миссія... Понятно, что эти божественные законы, до сихъ поръ пренебрегавшіеся людьми, находятся въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что и раньше было открыто человѣчеству Богомъ. Отсюда слѣдуетъ, что новое ученіе должно ни въ чемъ не противорѣчить Евангелію и другимъ откровеніямъ Божіимъ, но, наоборотъ, почерпать себѣ въ нихъ опору и оправданіе [2]). Еще въ большей степени религіозный характеръ отличаетъ сочиненія Сен-Симона. Соціализмъ Сен-Симона — это прямо религія, это ученіе, имѣющее божеское происхожденіе, это „новое христіанство“. Планъ, по которому должно быть перестроено наше общество, строго теократиченъ: во главѣ правленія, какъ неограниченный монархъ, поставляется верховный жрецъ, помощниками ему служатъ лица духовныя; священническая каста имѣетъ въ государствѣ преобладающее значеніе, а жизнь остальныхъ гражданъ построена на началахъ любви къ ближнимъ и евангельской морали! Теократическій элементъ сен-симонизма былъ настолько силенъ, что проповѣди сенъ-симонистовъ по своему характеру напоминали церковныя поученія, ихъ спеціальные священники совер-

---

[1]) Т. II. „Сонъ смѣшного человѣка“, стр. 138—139.

[2]) Н. В. Водовозовъ. „Шарль Фурье“ — Историч. обозрѣніе, т. 10, стр. 107.

шали службы, имѣвшія нѣкоторыя черты сходства съ католическимъ богослуженіемъ [1]).

Но эта особенность соціализма — именно то, что онъ является предъ людьми въ священнической рясѣ — есть просто на просто приспособленіе къ средѣ. Эта особенность, по мнѣнію Водовозова, объясняется духомъ времени — времени ханжества въ религіи. При такихъ условіяхъ свободной научной мысли, если только она являлась, приходилось облекаться въ форму самую благонамѣренную. То же самое случилось и съ Сен-Симономъ и Фурье. У нихъ христіанство имѣетъ значеніе не болѣе, какъ простого прикрытія для мыслей, ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ. Мы ничего не говоримъ о личной религіозности Сен-Симона и Фурье (можетъ быть, они вѣрили въ Бога), но религіозный элементъ въ ихъ теоріяхъ есть не болѣе, какъ ирраціональный добавокъ. Современники такъ и поняли ихъ, по крайней мѣрѣ, ученики Фурье его религіозные доводы называли доводами ad hominem [2]).

Ѳ. М. Достоевскій ясно отмѣтилъ эту особенность соціализма. По его мнѣнію, атеизмъ является главною чертою соціализма. „Соціализмъ, говоритъ онъ, есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю“ [3]). „Соціализмъ имѣетъ задачей разрѣшеніе судебъ человѣчества ужъ не по Христу, а внѣ Бога и внѣ Христа, и долженъ былъ зародиться въ Европѣ естественно взамѣнъ упавшаго христіанскаго въ ней начала“ [4]). Безрелигіозный, атеистическій, антихристіанскій характеръ соціализма Достоевскій считаетъ „самой сутью“ его. Говоря о Бѣлинскомъ, какъ своемъ бывшемъ учителѣ, онъ такъ характеризуетъ его: „Я засталъ его страстнымъ соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мною съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго—именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательнаго заявленія: „мы прежде всего общество атеистическое“, то есть, начала съ самой сути дѣла; тѣмъ-же началъ и Бѣлинскій. Какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начать съ атеизма. Ему надо

[1]) Ibid., стр. 107—108.
[2]) Ibid., стр. 108.
[3]) Т. 12, стр. 31.
[4]) Т. XI, стр. 5.

было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности онъ отрицалъ радикально... Тутъ оставалась однако сіяющая личность Христа, съ которой всего труднѣе было бороться. Ученіе Христа, онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами, но все-таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, Его нравственная недостижимость, Его чудесная и чудотворная красота. Но въ безпрерывномъ неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ, какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣрія книгѣ Vie de Jesus, что Христосъ все-таки есть идеалъ красоты человѣческой, типъ недостижимый... Да знаете-ли вы, взвизгивалъ онъ разъ вечеромъ, обращаясь ко мнѣ: знаете-ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи человѣку и обременять его долгами и подставными лапитами, когда общество такъ подло устроено, что человѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству, и что нелѣпо и жестоко требовать отъ человѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, если бы даже хотѣлъ... Повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества“ [1]). Мы привели эту длинную выдержку потому, что здѣсь, въ лицѣ Бѣлинскаго, какъ человѣка въ высшей степени увлекающагося и все доводящаго до послѣднихъ предѣловъ, — яснѣе чѣмъ гдѣ-либо отмѣчается атеистическій, антихристіанскій характеръ соціализма.

Изъ этихъ двухъ особенностей соціализма вытекаютъ всѣ другія его особенности. Отрицая сверхмірное бытіе, признавая дѣйствительно сущимъ только то, что дается въ опытѣ, соціализмъ не могъ имѣть какихъ-либо возвышенныхъ идеаловъ. Всѣ его идеалы должны были ограничиться землею. Законъ жизни — законъ хлѣба. Въ искушеніяхъ діавола „предсказана, говоритъ у Достоевскаго инквизиторъ, вся дальнѣйшая исторія человѣчества. Тогда этого не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо, но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“ [2]). Соціализмъ, дѣйстви-

---

[1]) Т. 9. стр. 172—173.
[2]) Т. 12, 299.

тельно провозглашаетъ своимъ девизомъ: возстановленіе (реабилитацію) правъ матеріи въ жизни человѣчества (Сен-Симонъ). Правда этому девизу можно придать такой смыслъ, который вовсе не будетъ противорѣчить правамъ духа. Мы можемъ утверждать права матеріи въ такомъ смыслѣ, что область матеріальныхъ отношеній имѣетъ право на то, чтобы статъ предметомъ нравственнаго дѣйствія человѣка, имѣетъ право на свое осуществленіе или воплощеніе въ ней высшаго духовнаго начала, матерія имѣетъ право на свое одухотвореніе. Этотъ смыслъ истинный и въ высшей степени важный. Но этого смысла не держится соціализмъ. „Было бы несправедливо утверждать, что этому смыслу оставались вполнѣ чужды первоначальныя системы соціализма, но онѣ на немъ не сосредоточились, не развили его, и очень скоро этотъ проблескъ лучшаго сознанія оказался только обманчивымъ огонькомъ надъ тѣмъ болотомъ плотскихъ страстей, которое понемного втянуло въ себя столько благородныхъ и возвышенныхъ душъ“ [1]). Соціалисты разсматриваемаго времени за матеріальной стороной жизни человѣчества признаютъ вполнѣ самостоятельное и даже первенствующее значеніе. Признается-же она самостоятельной потому, что имѣетъ въ человѣкѣ свое собственное, совершенно самостоятельное и полноправное матеріальное начало—инстинктъ или страсть, которымъ долженъ быть предоставленъ полный просторъ (Фурье). Человѣкъ, поэтому, разсматривается, какъ матеріальный фактъ, обладающій матеріальными страстями (см. у Фурье таблицу страстей человѣка: всѣ онѣ характеризуются чисто матеріальнымъ принципомъ). „Міръ-же духовный, высшая половина существа человѣческаго, или вовсе изгнана съ нѣкіимъ торжествомъ, даже ненавистью“ [2]), или же ей отводится подчиненное, второстепенное положеніе.

Но на этомъ положеніи соціализмъ не останавливается. Онъ не просто матеріализмъ, а „экономическій“ матеріализмъ. Подчиняя матеріальные интересы и отношенія въ человѣческомъ обществѣ чисто экономическимъ законамъ, соціалисты эту область экономическихъ отношеній признаютъ главною, основною, единственно реальною, всеопредѣляющею областью въ жизни человѣчества. Человѣкъ съ этой точки зрѣнія разсматривается прежде всего, какъ экономическій дѣятель, а потомъ уже гражданинъ, семьянинъ, образованный человѣкъ, членъ какого-либо религіознаго союза, человѣчество — какъ экономическій союзъ, а потомъ уже какъ союзъ религіозный, политическій, ученый и т. д.

Отсюда, чтобы устроить человѣка, какъ чисто матеріальный фактъ, какъ обладающаго матеріальными страстями,

---

[1]) Вл. С. Соловьевъ. Соч. т. 3. стр. 341.
[2]) Дост., т. XII, 374.

счастливо,—нужно удовлетворить всѣмъ страстямъ человѣка. Удовлетворить-же всѣмъ страстямъ человѣка, какъ экономическаго дѣятеля можетъ возможно большее накопленіе богатства. „Мы созданы, говоритъ Фурье, для счастья и гармоническаго удовлетворенія всѣхъ нашихъ потребностей какъ ума, такъ и тѣла—должно доставить намъ это счастье. Но удовлетвореніе потребностей невозможно безъ внѣшнихъ средствъ, иначе говоря, невозможно безъ богатства. Богатство служитъ не только для чувственныхъ наслажденій, оно есть необходимое условіе, матеріальная основа для осуществленія самыхъ высокихъ стремленій нашего духа. Богатство — это досугъ, владычество надъ природой, свобода дѣлать то, что считаешь самымъ важнымъ и нужнымъ. Бѣдность не только причиняетъ человѣку физическія страданія, но она унижаетъ его морально, пригибаетъ къ землѣ, приковываетъ къ отупляющимъ умъ и изсушающимъ сердце повседневнымъ заботамъ о кускѣ хлѣба... Бѣдность—самое ужасное проклятіе человѣчества, и пока люди не побѣдятъ бѣдности, до тѣхъ поръ они не достигнутъ счастья. „Богатство есть первый источникъ счастья, и матеріальная свобода есть основа всякой иной свободы“ [1]).

Но этого мало. Одного увеличенія богатства — недостаточно. Бѣдность — не единственное зло жизни. Богатства могутъ скопиться въ однѣхъ рукахъ, и богатый будетъ, попрежнему, давить бѣднаго. Люди накопятъ богатство, но не смогутъ „раздѣлиться“. Нужно сдѣлать такъ, чтобы не только ни одна страсть не оставалась неудовлетвореной, но чтобы, кромѣ того, моя страсть не оказалась въ антагонизмѣ ни съ какою страстью другого члена соціальнаго тѣла. Тогда только будетъ осуществленъ основной законъ соціальнаго движенія, состоящій въ томъ, что люди приводятся, подобно частицамъ матеріи, по закону тяготѣнія, во взаимное столкновеніе своими страстями или, лучше сказать, страстнымъ влеченіемъ (attraction passionelle). Конечно-же и полное удовлетвореніе этого влеченія составитъ то, что мы называемъ судьбою, назначеніемъ человѣчества, и будетъ заключаться во всеобщемъ счастьи, въ гармоніи всѣхъ интересовъ [2]).

Кто-же виноватъ въ бѣдности и антагонизмѣ, царящихъ среди людей? Человѣкъ, говорятъ соціалисты, не можетъ быть виновнымъ, потому что онъ самъ есть продуктъ среды. Не онъ творецъ жизни, а, наоборотъ, жизнь, экономическіе законы вполнѣ опредѣляютъ его: „Ваша личность, говоритъ Чернышевскій, въ данной обстановкѣ — фактъ; ваши поступки необходимые выводы изъ этого факта, дѣлаемые

---

[1]) Туг.-Барановскій, стр. 142.
[2]) Н. В. Водовозовъ, стр. 109—110.

природою вещей... Человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости, его дѣйствія опредѣляются вліяніями, подъ которыми происходятъ... Человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости" („Что дѣлать?")

Не признавая за человѣкомъ виновности, соціалисты всю отвѣтственность за то или другое состояніе человѣка слагаютъ на внѣшній строй, на среду. Среда виновата и въ бѣдности и въ антагонизмѣ людей.

Достаточно, говорятъ соціалисты, вникнуть въ условія нашей общественной жизни, чтобы въ нихъ увидѣть причину бѣдности. Въ нашемъ общественномъ устройствѣ масса недостатковъ, способствующихъ бѣдности людей. Прежде всего, главнымъ недостаткомъ общественнаго устройства являются непроизводительные элементы, люди, удаляющіеся отъ всякаго труда, тѣмъ не менѣе пользующіеся плодами трудовъ другихъ. Правда, повидимому, здѣсь виновны сами люди, но, говоритъ Фурье, „кто рѣшится утверждать, что эти несчастныя созданія вышли бы такими, каковы они теперь, если бы общество пребывало по отношенію къ нимъ, съ самаго начала, нѣжной и предусмотрительной матерью, если бы они нашли воспитаніе, достатокъ и интересную работу? Развѣ надъ этими существами тяготѣетъ проклятіе? Развѣ они рождены разбойниками, негодяями, проститутками? Не будь ихъ—не нужно бы было и полицейскихъ чиновниковъ, которые наполняютъ кадръ непроизводительныхъ людей общества" [1]). За этимъ главнымъ недостаткомъ соціалисты перечисляютъ много и другихъ, какъ-то: мелкое производство, которое гораздо невыгоднѣе крупнаго, работа по принужденію, работа наймитовъ и др. Если-бы уничтожить всѣ эти недостатки, то уничтожилась бы и нищета.

Общественное устройство виновато и въ антагонизмѣ людей. Если люди дѣлаютъ другъ другу пакости, если они давятъ другъ друга, то въ этомъ виновато общественное устройство, при которомъ трудящійся всегда получаетъ за чей-нибудь счетъ и притомъ нерѣдко за счетъ несчастія своего ближняго. Докторъ ничего такъ не желаетъ своимъ согражданамъ, какъ большаго количества болѣзней, гробовщикъ—большаго количества умирающихъ и т. д. Интересы фабриканта противоположны интересамъ рабочаго. Всеобщее недовольство, крайняя анархія и повальный эгоизмъ являются слѣдствіемъ этого противоестественнаго порядка вещей. Какъ уничтожить этотъ недостатокъ, это зло жизни? Человѣкъ, говорятъ соціалисты, какъ экономическій дѣятель, во всемъ руководится собственною выгодою. „Стало быть, — ставитъ вопросъ одинъ изъ героевъ романа „Что дѣлать?" — правду говорятъ холодные практическіе люди,

---

[1]) Н. В. Водовозовъ, стр. 107—108.

что человѣкъ управляется только разсчетомъ выгоды? Они говорятъ правду. То, что называютъ возвышенными чувствами, идеальными стремленіями,—все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно предъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ и въ корнѣ само состоитъ изъ того-же стремленія къ пользѣ... Вы послушайте, въ чемъ существенная пружина всей моей жизни. Сущность моей жизни состояла до сихъ поръ въ томъ, что я учился, я готовился быть медикомъ. Прекрасно. Зачѣмъ отдалъ меня отецъ въ гимназію? Онъ твердилъ мнѣ: „учись, Митя, выучишься—чиновникомъ будешь, насъ съ матерью кормить будешь, да и самому будетъ хорошо“. Вотъ почему я учился, безъ этого разсчета отецъ не отдалъ-бы учиться: вѣдь семейству нуженъ былъ работникъ. Да и самъ я, хотя полюбилъ ученье, сталъ-ли бы тратить время на него, если бы не думалъ, что трата вознаградится съ процентами? Я сталъ оканчивать курсъ въ гимназіи; убѣдилъ отца отпустить меня въ медицинскую академію, вмѣсто того, чтобы опредѣлять въ чиновники. Какъ это произошло? Мы съ отцомъ видѣли, что медики живутъ гораздо лучше канцелярскихъ чиновниковъ и столоначальниковъ... Вотъ причина, по которой я учился въ академіи—хорошій кусокъ хлѣба... Любовь-же къ наукѣ была только результатомъ, возникшимъ изъ дѣла, а не причиною его; причина была одна—выгода“ [1]). Если таковы люди, если они во всемъ руководятся выгодой, то, разсуждаютъ соціалисты, чтобы не было антагонизма между людьми, нужно создать такое общественное устройство, въ которомъ выгода одного лица совпадала бы съ выгодой другого.

Всѣмъ указаннымъ условіямъ и должно удовлетворить будущее общественное устройство: фаланстера, коммуна, индустріальное государство. Въ этомъ соціалистическомъ устройствѣ не будетъ непроизводительныхъ элементовъ, всѣ будутъ работать; будетъ провозглашенъ принципъ: „отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности—по ея дѣламъ“. Работу каждый членъ будетъ избирать по склонности. Крупное производство будетъ господствующимъ, мелкое-же уничтожится. Вслѣдствіе всего этого произойдетъ огромное накопленіе богатства, котораго хватитъ на всѣхъ людей. Антагонизмъ между людьми уничтожится. Выгода одного лица совпадетъ съ выгодой другого. Наступитъ полное единеніе между людьми. Сознаніе пользы, приносимой всѣми каждому и каждымъ всѣмъ, наконецъ, взаимная признательность за помощь, какую въ разныхъ случаяхъ умѣлый оказываетъ неумѣлому (опять-таки руководствуясь собственной выгодой), слабый сильному, талантливый неспособному — всѣ эти черты согласія и гармоніи сами собою

[1]) Чернышевскій, „Что дѣлать“?

должны исключить всякое противорѣчіе интересовъ, всякое обогащеніе одного работника на счетъ другого, сдѣлать невозможнымъ это великое бѣдствіе современнаго намъ капиталистическаго режима.

Тогда устроится счастье всего человѣчества, счастье соціалистическое, счастье чисто матеріальнаго характера. „Всѣ будутъ жить, говоритъ Фурье, въ роскошныхъ дворцахъ, будутъ кушать избранныя блюда по пяти въ день и пить при этомъ самыя тонкія вина; въ промежутки между ѣдой для забавы немного поработаютъ. При такомъ образѣ жизни люди будутъ въ семь футовъ вышины и въ среднемъ будутъ жить по сто сорокъ лѣтъ. Люди будутъ жирны и, слѣдовательно, не такъ плодовиты, чѣмъ предотвращается перенаселеніе... Вмѣсто безотрадной, пожирающей человѣка философіи создастся другая, расточающая наслажденія наука, называемая у Фурье, гастрософіей, т. е. искусствомъ ѣсть... Совершится притяженіе между сѣвернымъ и южнымъ полюсомъ, — тогда въ тропическихъ климатахъ температура будетъ мягкой, прохладной, а у сѣвернаго полюса появится сѣверное сіяніе и растопитъ всѣ ледяныя горы. Тогда въ Сибири зацвѣтутъ лимоны, такъ что ссылка туда будетъ наградой, и тюлени, моржи у Шпицбергена... вмѣсто плавучихъ ледяныхъ горъ увидятъ тихо качающіеся корабли... Свѣтлые лучи нѣкоимъ волшебствомъ превратятъ негодную соленую морскую воду въ сладостный лимонадъ, а химики будутъ приготовлять изъ базальта превкусные паштеты“ [1]).

Но, проповѣдуя это чисто матеріальное счастье, соціалисты въ послѣднемъ пунктѣ своей теоріи идутъ какъ-бы въ разрѣзъ съ своими основными принципами. Въ концѣ концовъ они проповѣдуютъ цѣли нравственныя. Соціалисты думаютъ, что чисто экономическія отношенія между людьми въ концѣ концовъ перейдутъ въ чисто наравственныя, — будутъ достигнуты чисто нравственныя цѣли: свобода, равенство и братство.

II.

Ѳ. М. Достоевскій въ первый періодъ свой жизни, какъ мы видѣли выше, подъ вліяніемъ руководящихъ умовъ своего времени, въ существенныхъ чертахъ раздѣлялъ только-что изложенное рѣшеніе соціальнаго вопроса. „Мы, Петрашевцы, говоритъ Достоевскій, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всемъ; но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не

[1]) См. Штейна „Соц. вопросъ съ фил. точ. зрѣн.“, лекція 25, стр. 320.

всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло-бы за безчестіе отречься отъ своихъ убѣжденій. Это дѣло давно прошедшее, а потому, можетъ быть, и возможенъ будетъ вопросъ: неужели это упорство и нераскаяніе было только дѣломъ дурной натуры, дѣломъ недоразвитковъ у буяновъ? Нѣтъ .. Приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, прочтенный намъ всѣмъ не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторыя изъ насъ инстинктивно углублялись въ себя и, провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще, жизнь, можетъ быть, и раскаялись въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ; но то дѣло, за которое насъ осуждали, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ—представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится. И такъ продолжалось долго“ [1]).

Указать точно моментъ, до котораго Достоевскій держался соціалистическихъ воззрѣній, мы не можемъ. Мы можемъ только сказать, что послѣ ссылки онъ является предъ нами съ измѣнившимися убѣжденіями. Вмѣсто приверженца, онъ является однимъ изъ самымъ рѣшительныхъ противниковъ соціализма, того самаго соціализма, за который онъ чуть не пролилъ свою кровь. Что за причина такой перемѣны убѣжденій? Какъ произошла перемѣна? — вотъ вопросы, которые невольно являются у каждаго интересующагося Достоевскимъ.

Хотя Достоевскій и скрылъ отъ насъ исторію перерожденія своихъ убѣжденій—„мнѣ очень трудно было бы разсказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе, что это, можетъ быть, и не такъ любопытно“ [2]), тѣмъ не менѣе мы по нѣкоторымъ намекамъ и даннымъ, разбросаннымъ въ его произведеніяхъ, можемъ отчасти возстановить эту исторію. Прежде всего, должно сказать, что перемѣна убѣжденій Достоевскимъ не есть уже такая рѣзкая, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Если-бы кто подумалъ, что Достоевскій изъ соціалиста на матеріалистически-атеистической подкладкѣ обращается какимъ-то чудомъ въ самаго ревностнаго христіанина, это было-бы грубѣйшей ошибкой. Если Достоевскій въ пору своей молодости увлекался соціализмомъ, то онъ усвоивалъ только конечные выводы его, да и то съ ограниченіями, не принимая его теоретическихъ предпосылокъ. Мы имѣемъ на это твердыя данныя. Онъ вооружался противъ крѣпостного права,

---

[1]) Т. IX, 341.
[2]) Т. IX, 342.

но онъ не былъ атеистомъ подобно Бѣлинскому. Онъ „страстно принялъ все ученіе“ Бѣлинскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставался религіознымъ человѣкомъ. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ Бѣлинскаго о Достоевскомъ, — какъ своемъ ученикѣ: „мнѣ даже умилительно смотрѣть на него... каждый разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа (онъ „ругалъ“ Христа), у него все лице мѣняется, точно заплакать хочетъ“ [1]) (гдѣ-же тутъ „я страстно принялъ *все* его ученіе?“) Что-же изъ этого слѣдуетъ? Ничего кромѣ того, что Достоевскій понималъ практическіе мотивы и принималъ конечные выводы соціализма, не принимая его теоретическихъ предпосылокъ или не ясно сознавая ихъ: „мы еще не знали тогда,— говоритъ онъ,— причинъ болѣзни своей, а потому и не могли еще съ нею бороться“ [2]). Къ этому мы должны прибавить въ подкрѣпленіе своей мысли еще слѣдующее: соціализмъ, которымъ въ пору молодости Достоевскаго увлекались, не имѣлъ еще того чисто-матеріалистическаго и атеистическаго характера, какой онъ принялъ у насъ въ 60-е годы. „Тогда понималось дѣло еще въ самомъ розовомъ и райско-нравственномъ свѣтѣ. Дѣйствительно правда, что зарождавшійся соціализмъ сравнивался тогда даже нѣкоторыми изъ коноводовъ его съ христіанствомъ и принимался лишь за поправку и улучшеніе послѣдняго, сообразно вѣку и цивилизаціи. Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными“ [3]).

Въ ссылкѣ-же, когда онъ могъ внимательно продумать эти идеи [4]), и послѣ нея, когда онъ встрѣтился съ соціализмомъ, уже не скрывавшимся подъ маской религіи, онъ ясно сознадъ „весь ужасъ и мракъ, готовимый человѣчеству соціализмомъ въ видѣ обновленія и воскресенія его“ [5]). Узнать причину своей болѣзни и вступить съ нею въ борьбу Достоевскому помогъ русскій народъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ ссылкѣ. „Не годы ссылки, не страданія сломили насъ. Напротивъ, ничто не сломило насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаніемъ исполненнаго долга. Нѣчто другое измѣнило взглядъ нашъ, наши убѣжденія и сердца наши... Это нѣчто другое было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ

---

[1]) Т. IX, 173.
[2]) Т. IX, 338.
[3]) Т. IX, 338.
[4]) „Я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою... судилъ себя неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни“.
[5]) Т. IX, 338.

такимъ-же, какъ и онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его“ [1]). Что-же было такого въ русскомъ народѣ, что способствовало перемѣнѣ соціалистическихъ убѣжденій? Въ данномъ случаѣ русскій народъ является живымъ воплощеніемъ христіанства. Эта мысль ясна изъ дальнѣйшихъ словъ Достоевскаго о себѣ. „Я былъ, можетъ быть, однимъ изъ тѣхъ, которымъ наиболѣе облегченъ былъ возвратъ къ народному корню, къ узнанію русской души, къ признанію духа народнаго. Я происходилъ изъ семейства русскаго и благочестиваго. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню любовь ко мнѣ родителей. Мы въ семействѣ нашемъ знали Евангеліе чуть не съ перваго дѣтства... Каждый разъ посѣщеніе Кремля и его соборовъ было для меня чѣмъ-то торжественнымъ“ [2]). Такимъ образомъ, религіозность, внушенная ему еще съ дѣтства, на время заглушенная и теперь вновь пробужденная, благодаря соприкосновенію съ русскимъ народомъ — „богоносцемъ“ — вотъ главная причина перемѣны, перерожденія его убѣжденій. Съ этой-то религіозно-христіанской точки зрѣнія Достоевскій въ произведеніяхъ, написанныхъ послѣ ссылки, и начинаетъ критиковать соціализмъ, и, критикуя, онъ намѣчаетъ положительное рѣшеніе соціальнаго вопроса—въ духѣ христіанскомъ.

Прежде всего Достоевскій останавливается на раціоналистическомъ характерѣ соціализма, какъ главномъ исходномъ пунктѣ его. Соціалисты исходятъ изъ того положенія, что при помощи разума мы можемъ вполнѣ узнать человѣка, составить о немъ ясное и истинное понятіе и на этомъ понятіи построить зданіе счастія человѣческаго. Это первое и основное положеніе соціализма и критикуетъ Достоевскій отъ лица „подпольнаго человѣка“. „Общій смыслъ этой критики, по словамъ Розанова, слѣдующій: человѣкъ несетъ въ себѣ, въ скрытомъ состояніи, сложный міръ задатковъ, ростковъ, еще не обнаруженныхъ, и обнаруженіе ихъ составитъ его будущую исторію столь-же непреодолимо, какъ уже теперь дѣйствительно присутствіе этихъ задатковъ въ немъ. Поэтому предопредѣленіе нашимъ разумомъ исторіи и вѣнца ея всегда остается только наборомъ словъ, не имѣющимъ никакого реальнаго значенія“ [3]).

Мы выше видѣли, что соціализмъ смотритъ на человѣка, какъ на матеріальный фактъ, и основнымъ закономъ жизни его считаетъ выгоду; на началахъ выгоды соціализмъ и хочетъ устроить счастье людей. Достоевскій ясно показываетъ несостоятельность такого разсудочно-матеріалистическаго

---

[1]) Т. IX, 341—342.
[2]) Т. IX, 342.
[3]) В. В. Розановъ. „Легенда о Велик. Инкв.“, стр. 38—39.

взгляда на человѣка, а отсюда несостоятельность и всего соціализма, опирающагося на этотъ взглядъ. „О, скажите мнѣ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что, если-бы просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно, такъ сказать, по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда-же, во-первыхъ, бывало во всѣ эти тысячелѣтія, чтобы человѣкъ дѣйствовалъ только изъ собственныхъ выгодъ? Что-же дѣлать съ милліонами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди зазнамо, т. е., вполнѣ понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ не принуждаемые къ тому, а какъ-будто именно не желая указанной дороги и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное—однимъ словомъ, только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любитъ не одно благоденствіе? Можетъ быть, страданіе-то ему ровно настолько-же и выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любитъ страданіе, до страсти, и это фактъ". Соціалисты хотятъ сдѣлать вершителемъ человѣческой жизни разсудокъ, расчисляющій выгоды того или другого дѣйствія, но вѣдь „разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка. Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать (иногда, пожалуй, и никогда не узнаетъ: это хоть и не утѣшеніе, но отчего-же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ, что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ да живетъ... Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобы удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобы удовлетворить одной только разсудочной способности, т. е. одной двадцатой доли всей моей способности жить. Объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ, нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобы оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ—покамѣстъ, по моему мнѣнію, одна логистика! Вѣдь это, по моему, почти то-же, что, ну хоть, утвер-

ждать, напр., вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ... Да оглянитесь кругомъ: кровь льется рѣкою, да еще развеселымъ образомъ, точно шампанское... Самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа“ [1]). Такимъ образомъ, при помощи разсудка мы не можемъ узнать человѣка, составить о немъ истинное понятіе. Человѣкъ не есть существо раціональное, въ немъ много такого, что не можетъ быть понятно съ точки зрѣнія разсудка, взвѣшивающаго выгоды того или другого дѣйствія, а потому при устроеніи человѣческой жизни рискованно руководиться исключительно расчисленіями разсудка.

Главнымъ препятствіемъ къ соціалистическому устроенію людей на началахъ выгоды и матеріальныхъ благъ—является свобода человѣка. Устраивая общество на началахъ раціональныхъ, соціализмъ по неволѣ смотритъ на людей, какъ на своего рода матеріалъ, изъ котораго построяется общественный организмъ по законамъ техники, которые диктуются наукой на основаніи математической выкладки. Соціализмъ, провозглашая декларацію правъ человѣка предъ обществомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашаетъ полную декларацію безправія предъ природой. „Наука научитъ человѣка, что ни воли, ни каприза на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно, эти законы стоитъ только открыть и ужъ за поступки свои человѣкъ не отвѣчаетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчитаны тогда по этимъ законамъ, математически въ родѣ таблицы логариѳмовъ, до 108,000 и записано въ календарь. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда прилетитъ птица Каганъ“ [2]). Но съ такимъ взглядомъ на себя человѣкъ никогда не согласится. Д—скій съ очевидностью раскрываетъ, что вся эта система выгодъ рушится отъ того, что „подъ классификацію разныхъ выгодъ не подходитъ самая выгодная выгода, для которой человѣкъ готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти... свое собственное хотѣніе, свой собственный, хотя бы и дикій капризъ. На свободное хотѣнье Д—скій смотритъ, какъ на проявленіе всей человѣческой жизни“, по которому человѣкъ допускаетъ въ своихъ желаніяхъ нѣчто такое, что никоимъ образомъ нельзя

1) Т. 3. „Записки изъ Подполья“, 85—89.
2) Т. 3, „Зап. изъ Подполья“. стр. 89.

оправдать съ точки зрѣнія выгоды, требуемой разсудкомъ, допускаетъ, чтобы только имѣть право пожелать вреднаго, т. е. глупаго, во имя сохраненія своей „индивидуальности, личности“, какъ бы для того, чтобы доказать, что онъ не штифтикъ. „Вѣдь я, напримѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагодарной или, лучше сказать, съ рѣтроградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ—единственно съ той цѣлью, чтобы всѣ эти логариѳмы отправились къ черту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить“! [1]) „Да осыпьте его (человѣка), говоритъ въ другомъ мѣстѣ подпольный человѣкъ, всѣми земными благами, утопите въ счастьѣ совсѣмъ съ головой, такъ чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобы ему совсѣмъ уже ничего больше не оставалось дѣлать, кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о прекращеніи всемірной исторіи, такъ онъ вамъ и тутъ, человѣкъ-то, изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля, мерзость сдѣлаетъ“... [2]) И все это отъ самой пустѣйшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно отъ того, что человѣкъ всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвалъ ему разумъ и выгода“! [3]) Человѣку надо одного только „самостоятельнаго хотѣнья“, чего-бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела.

Вмѣстѣ съ этимъ Д—скій рѣшительно отрицаетъ возможность найти окончательную формулу жизни. „Человѣкъ есть животное по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, то есть, вѣчно и непрерывно дорогу себѣ прокладывать, хотя куда бы то ни было... Главное дѣло не въ томъ, куда она идетъ, а въ томъ, чтобы она только шла, и чтобы благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любитъ только созидать и дороги прокладывать, любитъ зданіе издали, а не вблизи, любитъ созидать его, но не жить въ немъ. Вообще, человѣкъ любитъ только одинъ процессъ достиженія цѣли, но не самую цѣль. И кто знаетъ (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на-

---

[1]) Т. 3, стр. 90.
[2]) Ibid. 94.
[3]) Ibid. 90.

землѣ, къ которой стремится человѣчество, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса достиженія, иначе сказать, въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая разумѣется, должна быть не иное что, какъ дважды два четыре, то есть формула, а вѣдь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти" [1]).

Но если таковъ человѣкъ, то онъ никогда не приметъ окончательной формулы. Достоевскій спрашиваетъ, что сталось-бы съ людьми, если-бы вдругъ всѣ знанія такъ и свалились на человѣчество, и главное, совершенно даромъ въ видѣ подарка? О, конечно, сперва всѣ-бы пришли въ восторгъ. Люди обнимали-бы другъ друга въ упоеніи, они бросились-бы изучать открытія; они вдругъ почувствовали-бы, такъ сказать, себя осыпанными счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, ходили-бы или летали по воздуху, пролетали-бы чрезвычайные пространства въ десять разъ скорѣе, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ; извлекли-бы изъ земли баснословные урожаи, можетъ быть, создали-бы химіей организмы, и говядины хватило-бы по три фунта на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты,—словомъ, ѣшь, пей и наслаждайся [2]). Вотъ, закричали-бы всѣ филантропы, теперь, когда человѣкъ обезпеченъ, вотъ теперь только онъ проявитъ себя! Нѣтъ ужъ болѣе матеріальныхъ лишеній, нѣтъ болѣе заѣдающей среды", бывшей причиною всѣхъ пороковъ, и теперь человѣкъ станетъ праведнымъ и прекраснымъ... И всѣ завопили-бы, наконецъ, въ общемъ гимнѣ: „Кто подобенъ звѣрю сему? Хвала ему—онъ сводитъ намъ огонь съ небеси. Но врядъли и на одно поколѣніе людей хватило-бы этихъ восторговъ! Люди вдругъ увидѣли-бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности,что кто-то у нихъ все укралъ разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины... И загнилобы человѣчество; люди покрылись-бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за камни, обращенные въ хлѣбы". Поняли-бы люди, что нѣтъ счастья въ бездѣйствіи... и что счастье не въ счастьи, а лишь въ достиженіи его. Настанетъ скука и тоска: все сдѣлано и нечего болѣе дѣлать, все извѣстно и нечего болѣе узнавать. Самоубійцы явятся толпой... люди будутъ сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя всѣ вдругъ тысячами... И тогда, можетъ быть, и возопіютъ остальные къ Богу: „Правъ Ты, Господи, не единымъ хлѣ-

---

[1]) Т. 9, стр. 96—97.

[2]) Это изображеніе будущаго матеріальнаго счастья до буквальности сходно съ изображеніемъ будущей гармоніи у Фурье.

бомъ живъ человѣкъ!“ [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Достоевскаго, соціалистическій строй никогда не можетъ осуществиться, потому что онъ стоитъ въ противорѣчіи съ самой природой человѣка.

Но соціализмъ, основывая свой „естественный союзъ“ на началахъ выгоды, не останавливается на этомъ чисто внѣшнемъ, матеріальномъ союзѣ. Этотъ союзъ служитъ необходимымъ условіемъ достиженія цѣлей нравственныхъ: „свободы, равенства и братства“, отсутствіе которыхъ въ жизни является, и по мнѣнію Достоевскаго, главнымъ зломъ, благодаря которому люди страдаютъ.

Достоевскій рѣшительно отвергаетъ всякую „свободу, равенство и братство“ въ соціалистическомъ строѣ. „Что такое liberté? иронизируетъ Достоевскій. Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода дѣлать все, что угодно въ предѣлахъ закона (правовой строй)? Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь милліонъ. Даетъ-ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно. Что-же изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство и именно равенство предъ закономъ? Про это равенство предъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду“ [2]). Но особенно непонятнымъ представляется Д—му при соціалистическомъ строѣ третій членъ девиза: „братство“. Братство Достоевскій считаетъ совершенно невозможнымъ въ соціализмѣ при механическомъ складѣ отношеній между членами соціалистическаго союза. Истинное братство, по нему, немыслимо тамъ, гдѣ каждому отводится строго очерченное мѣсто въ ряду другихъ, гдѣ заботятся только о сохраненіи, уравновѣшиваніи и объ огражденіи правъ. Тутъ возможно только болѣе или менѣе правильно, притомъ теоретически распредѣленное сосѣдство, съ взаимными отношеніями, основанными на выгодѣ. „Соціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобы сдѣлать рагу изъ зайца, нужно прежде всего зайца, но зайца не имѣется, то есть не имѣется натуры, способной къ братству... Въ отчаяніи соціалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, расчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ... Провоз-

---

1) Т. 10, 39—41. („Дневникъ писателя“ за 1876 г.).
2) Т. 3. „Зимн. замѣт. о лѣт. впечат.“, стр. 45.

глашена была формула; „каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго“. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу и чрезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду [1]).

Какъ союзъ людей, основанный на внѣшней необходимости, соціалистическое братство, по мнѣнію Достоевскаго, должно отличаться насильственнымъ характеромъ. „Соціализмъ французскій есть не что иное, какъ насильственное единеніе человѣка“ [2]). Здѣсь не „я долженъ“, а „ты долженъ“ [3]). Такой характеръ ясно, и, пожалуй, каррикатурно отмѣчается въ молодыхъ соціалистахъ—въ „Идіотѣ“. Молодые соціалисты, окружающіе князя Мышкина, думаютъ воспользоваться долею въ его наслѣдствѣ, опираясь на свое право. Они являются къ князю и не просятъ, а требуютъ доли въ наслѣдствѣ для мнимаго сына Павлищева [4]). Евгеній Павловичъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ томъ-же романѣ, по поводу теоріи права молодыхъ соціалистовъ, говоритъ, что отъ этой теоріи легко перескочить на право силы, т. е. на право единаго кулака и личнаго захотѣнія, а отсюда не далеко до Данилова и Горскаго [5]). Достоевскій, дѣйствительно, считаетъ естественнымъ и логически необдимымъ завершить соціалистическую формулу; „Liberté, egalité, fraternité“ многочисленнымъ добавленіемъ: „ou la mort“, что, по его перифразу, въ соединеніи съ послѣднимъ членомъ значитъ: будь мнѣ братомъ—или голову долой [6]).

„Liberté, egalité, fraternité—ou la mort“. Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ соціализмъ—Достоевскій ясно показываетъ намъ въ своихъ романахъ: „Преступленіе и наказаніе“, „Бѣсы“, „Подростокъ“, „Братья Карамазовы“. Но здѣсь уже онъ останавливается болѣе не на раціоналистическомъ характерѣ соціализма, а на его *атеистической подкладкѣ*, показывая, къ чему приводитъ невѣріе въ Бога, безсмертіе души и загробную жизнь.

Типъ Раскольникова и его теорія есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе соціализма. Такъ дѣло представляется и въ романѣ. „Началось съ воззрѣнія соціалистовъ“ [7]), говоритъ студентъ Разумихинъ по поводу ученія Раскольникова о преступленіи, того ученія, изъ котораго вышла вся трагедія. Раскольниковъ такъ-же, какъ и соціалисты, раціоналистъ чистѣйшей воды. Убѣжденія Раскольникова—научныя въ своемъ родѣ: онъ дошелъ до своей идеи, какъ че-

1) Т. 3. „Зимн. замѣтки о лѣтн. впечат.“, стр. 48.
2) Т. II, 5—6.
3) Т. XI. 65.
4) Т. VI. 287—290.
5) Ibid., 315—316.
6) Т. 3. „Зимн. записки о лѣтн. впеч.“, стр. 49.
7) Т. V, 252.

ловѣкъ мысли, науки. Внѣшнія обстоятельства его собственной бѣдности, стѣсненное положеніе его матери, жизненныя опасности его сестры—были только поводами и способствующими вліяніями къ скорѣйшему раскрытію того сѣмени, которое зрѣло въ сферѣ теоретической мысли. Какъ раціоналистъ, Раскольниковъ вполнѣ усвоилъ взглядъ соціалисовъ на человѣка, какъ эмпирическій фактъ, какъ аггрегатъ физіологическихъ функцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ усвоилъ ихъ теорію, что „моя выгода выше всякой другой, мое „я“ выше всего“. Принявши эту теорію, онъ, какъ человѣкъ болѣе послѣдовательный, чѣмъ соціалисты, какъ человѣкъ не способный шутить дѣломъ науки и жизни—вѣра въ разумъ и его способность открыть истину у него доведены до послѣднихъ предѣловъ—не могъ остановиться на полдорогѣ, и пошелъ до послѣднихъ предѣловъ: „О мудрецы и отрицатели, зачѣмъ вы останавливаетесь на полдорогѣ“!

Мирнымъ путемъ нельзя осуществить строй, предлагаемый соціалистами, да несправедливо и противорѣчитъ основному положенію соціалистической теоріи, что мое „я“ выше всего, моя выгода выше всякой другой. Въ самомъ дѣлѣ, соціалисты, проповѣдуя будущій блаженный строй, забываютъ себя (здѣсь противорѣчіе ихъ теоріи и жизни). На этомъ пунктѣ Раскольниковъ и бьетъ соціалистовъ: „за что давеча дурачокъ Разумихинъ соціалистовъ бранилъ. Трудолюбивый народъ и торговый, „общимъ счастьемъ“ занимаются. Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ (полное отрицаніе загробной жизни): я не хочу дожидаться „всеобщаго счастья“. Я и самъ хочу жить, а то лучше уже и не жить. Что-жъ? Я только не хотѣлъ проходить мимо голодной матери (такъ оправдываетъ онъ свое преступленіе), зажимая въ карманѣ свой рубль, въ ожиданіи „всеобщаго счастья“. „Несу, дескать, кирпичекъ на всеобщее счастье и оттого ощущаю спокойствіе сердца“. Ха ха! Зачѣмъ же вы меня-то пропустили? Я вѣдь всего однажды живу, я вѣдь тоже хочу“ [1])... Здѣсь не одинъ личный эгоизмъ Раскольникова, но и здравый смыслъ: ясно, что не имѣть надежды другой (загробной) жизни, а только мечтать и усиливаться приготовить хоть для другихъ равномѣрную раздачу и принадлежность всѣмъ земныхъ благъ — значитъ подавлять и обижать каждаго живущаго въ личныхъ его правахъ и требованіяхъ.

Что же дѣлать? Мирнымъ, законнымъ путемъ будущій блаженный строй не осуществится или, по крайней мѣрѣ, его нужно ждать, а ждать его человѣкъ не хочетъ, — естественно является вопросъ; нельзя ли осуществить его на-

[1]) Т. V, 271.

сильственнымъ образомъ? Обращаясь къ исторіи, Раскольниковъ видитъ полное оправданіе этого насильственнаго пути. На основаніи наблюденія надъ жизнью людей (иного критерія у него, какъ раціоналиста-атеиста, не можетъ быть) онъ приходитъ къ слѣдующей теоріи: Всѣ люди по закону природы [1]) раздѣляются на два разряда: низшій (обыкновенныхъ), т. е., такъ сказать, матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ и высшій (необыкновенныхъ), собственно людей, т. е. имѣющихъ даръ и талантъ сказать въ средѣ своей новое слово. Подраздѣленія тутъ, разумѣется, безконечныя, но отличительныя черты обоихъ разрядовъ довольно рѣзкія: первый разрядъ, т. е. матеріалъ—люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными. По моему, они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе. Второй разрядъ—всѣ преступаютъ законъ, разрушители или склонны къ тому, судя по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многоразличны: большею частію они требуютъ разрушенія настоящаго во имя лучшаго будущаго. Но если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь. Первый рязрядъ — господинъ настоящаго, второй разрядъ — господинъ будущаго [2]). Такое дѣленіе людей и такой взглядъ на людей Раскольниковъ дѣлаетъ, какъ мы сказали выше, на основаніи исторіи. Въ исторіи онъ, дѣйствительно, находитъ типы такихъ самостоятельныхъ, необыкновенныхъ людей, смотрящихъ на другихъ, какъ на матеріалъ. На первомъ планѣ онъ, какъ идеалъ такого „самостоятельнаго“ человѣка, ставилъ героя силы и могущества Наполеона. „Настоящій властелинъ, кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, забываетъ армію въ Египтѣ, тратитъ полмилліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильно: и ему же по смерти ставятъ кумиры, а стало быть, и все разрѣшается“ [3]). Скажутъ, это — преступленіе? Но всѣ законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами, были преступники; всѣ они, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ, конечно, не останавливались и предъ кровью, если только кровь могла

---

[1]) Это дѣленіе вполнѣ естественно. Въ природѣ, дѣйствительно, люди не равны: они не равны по возрастамъ, поламъ, талантамъ, образованію и т. д.

[2]) Т. V, 255—258.

[3]) „Преступл. и Наказ.“, т. 5, 351.

имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ не то, что великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди... должны по природѣ своей быть непремѣнно преступниками“ [1]).

Такимъ образомъ, насильственный путь, путь преступленія закона вполнѣ оправдывается исторіей.

Усвоивши себѣ эту теорію, Раскольниковъ поспѣшилъ примѣнить ее къ себѣ. „Я знаю,—говорилъ онъ,—кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними (людьми) и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе! Такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ!.. Я догадался тогда, что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть. Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто на просто все за хвостъ и стряхнуть къ черту. Я захотѣлъ тогда, „осмѣлился“ [2]).

И дѣйствительно „осмѣлился“ — пошелъ и пристукнулъ старуху, находясь въ полной увѣренности, что онъ самъ себѣ господинъ и „стало быть ему все разрѣшается“. Я хотѣлъ сдѣлаться Наполеономъ, оттого и убилъ [3]), говорилъ онъ потомъ. Онъ убиваетъ старуху въ видѣ „пробы“, чтобы тѣмъ показать, что „все разрѣшается“. Разсужденія, которыя предшествовали преступленію, таковы: „Смотри: съ одной стороны, глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушенка, никому ненужная, напротивъ, всѣмъ вредная... Съ другой стороны, молодыя, свѣжія силы, пропадающія даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду. Сто тысячъ добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь. Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій направленныхъ на дорогу, десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата... Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству: какъ ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ. За одну жизнь—тысячу жизней... Да и что значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной и злой старушенки? Не болѣе, какъ жизнь

---

[1]) T. V, 256.
[2]) T. V, 416.
[3]) Ibid. 413.

вши, таракана, да и того не стоитъ, потому что старушенка вредна... Говорятъ: „долгъ, совѣсть“, я ничего не хочу говорить противъ долга и совѣсти, — но, вѣдь, какъ мы ихъ понимаемъ! Да и природу нужно поправлять, а безъ этого пришлось бы потонуть въ предразсудкахъ“ [1]).

Къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ такая теорія Раскольникова — ясно и рельефно представлено въ его снѣ. Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслыханной и невидимой моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ-же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь и плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ. Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга... Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало [2]). Разъяснять этотъ сонъ, намъ кажется, нѣтъ нужды. Онъ самъ собою понятенъ: здѣсь показывается, къ чему приводитъ принципъ „самозаконодательства“, принципъ „все разрѣшается“ — разъ онъ будетъ усвоенъ многими людьми, разъ будетъ „поправлена“ природа людей въ духѣ теоріи Раскольникова.

Главная причина такого ужаса и мрака, какъ видно уже изъ изложенной теоріи, заключается въ атеизмѣ, въ отсутствіи вѣры въ Бога, безсмертіе души и загробную жизнь. Человѣкъ усвоиваетъ принципъ „самозаконодательства“ только тогда, когда отрекается отъ Бога, какъ законодателя. Безъ Бога человѣкъ возводитъ себя въ божество. Эта мысль ясно проводится Достоевскимъ въ слѣдующихъ за „Преступленіемъ и наказаніемъ“ романахъ; эпиграфомъ къ которымъ вполнѣ можно было поставить сонъ Раскольникова.

---

1) Т. V, 66—68.
2) Т. V, 542—543.

Раскольниковъ еще не порвалъ связи съ соціализмомъ. Хотя у него всѣ люди дѣлятся на высшихъ и низшихъ — обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, но они, по теоріи, имѣютъ совершенно одинаковое право существовать. „Однимъ словомъ, у меня всѣ равносильное право имѣютъ, и vive la guerre éternelle,—до Новаго Іерусалима, разумѣется“ [1]). Здѣсь мы видимъ двѣ уступки соціализму.—съ одной стороны, всѣ имѣютъ „равносильное право“, съ другой,— „благо человѣчества“, какъ высшая цѣль героевъ. Но эти уступки, говоритъ Мережковскій, есть уступки чисто теоретическаго изложенія своихъ мыслей, не оправдывающіяся на дѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть равносильное право героевъ и толпы, когда Раскольниковъ говоритъ: „О, какъ я понимаю „пророка“ съ саблей, на конѣ: велитъ Аллахъ и повинуйся, „дрожащая“, тварь! Правъ, правъ, „пророкъ“, когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хо-р-ро-шую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостоивая даже объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и— не желай, потому это не твое дѣло“ [2])!.. И почему благо человѣчества, „Новый Іерусалимъ — мы должны считать цѣлью Раскольникова, когда онъ прямо говоритъ, что убилъ для себя: „я захотѣлъ, Соня, убить безъ казуистики, убить для себя, для себя одного. Я лгать не хотѣлъ въ этомъ даже себѣ! Не для того я убилъ, чтобы матери помочь, вздоръ! Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества. Вздоръ! Я просто убилъ; для себя убилъ, для себя одного“ [3]). Здѣсь не противорѣчіе мы видимъ, а трансформированіе взглядовъ Раскольникова—соціализмъ переходитъ въ индивидуализмъ. Утлая ладья соціализма дала подъ нимъ течь [4]), и, какъ утопающій, онъ видитъ одну твердую точку, одну незыблемую скалу среди волнъ—это „*для себя одного*“. Такое трансформированіе соціализма въ индивидуализмъ раскрывается Достоевскимъ въ „Подросткѣ“ и „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

Идея „Подростка“ есть дальнѣйшій антитезный выводъ изъ теоріи соціализма, придя къ которому соціализмъ порываетъ всякую связь съ самимъ собою и дѣлается чистѣйшимъ индивидуализмомъ. Идея „Подростка“ выродилась изъ критики соціализма, но все-же на его почвѣ. Соціализмъ настаиваетъ на любви къ человѣчеству. Подростокъ съ критики этого положенія прямо и начинаетъ. „Да затѣмъ я непремѣнно долженъ любить моего ближняго, или ваше тамъ

---

[1]) Т. V, 258.
[2]) Т. V, 323.
[3]) Т. V, 417—см. Мережковскій „Л. Толст. и Дост.“, т. 2. стр.
[4]) Потомъ я узналъ, что если ждать пока всѣ станутъ умными, то слишкомъ ужъ долго будетъ. Потомъ я еще узналъ, что никогда этого и не будетъ. Т. V. 415.

будущее человѣчество, которое, я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ и которое, въ свою очередь, истлѣетъ безъ всякаго слѣда и воспоминанія (время тутъ ничего не значитъ), когда земля обратится, въ свою очередь, въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ-же ледяныхъ камней, т. е. безсмысленнѣе чего нельзя себѣ и представить. Вотъ ваше ученіе“ [1]). „Скажите, зачѣмъ я непремѣнно долженъ быть благодаренъ, тѣмъ болѣе, если все продолжается одну минуту... Одинъ чрезвычайно умный человѣкъ говорилъ, между прочимъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ непремѣнно надо быть благороднымъ?.. И особенно теперь, въ наше время... Вѣдь, вы Бога отрицаете, „какая-же косность, глупая, слѣпая, тупая можетъ заставить меня дѣйствовать такъ, если мнѣ выгоднѣе иначе! Вы говорите: „разумное отношеніе къ человѣчеству есть тоже моя выгода“; а если я нахожу всѣ эти разумности неразумнымъ, всѣ эти казармы, фаланги“? (подпольный человѣкъ точно такъ-же выражается). „Да чортъ мнѣ въ нихъ, и до будущаго, когда я одинъ только разъ на свѣтѣ живу“ (слова Раскольникова). „Позвольте мнѣ самому знать мою выгоду: оно веселѣе. Что мнѣ за дѣло о томъ, что будетъ чрезъ тысячу лѣтъ съ этимъ человѣчествомъ, если мнѣ за это, по вашему кодексу, —ни любви, ни будущей жизни, ни признанія за мной подвига? Нѣтъ-съ, если такъ, то я самымъ преневѣжливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть-бы всѣ провалились“ [2]) (après moi le deluge).

Къ тому-же самому выводу приходитъ и Иванъ Карамазовъ. Отъ точно такъ-же, какъ и Подростокъ, говоритъ, „что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, что заставляло бы людей любить себѣ подобныхъ, что такого закона природы, чтобы человѣкъ любилъ человѣчество не существуетъ вовсе, и что, если есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе [3])... Уничтожьте въ человѣчествѣ эту вѣру, въ немъ тотчасъ изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того, тогда ничего не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія“. Но и этого мало: онъ закончилъ утвержденіемъ, что „для каждаго частнаго лица, напримѣръ, не вѣрующаго ни въ безсмертіе, нравственный законъ

---

1) Полное отрицаніе загробной жизни.

2) Т. VIII, 56—57.

3) См. „Сонъ смѣшного человѣка“ (XI, 125—127), гдѣ—иллюстрація этой мысли.

природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и что эгоизмъ, даже до злодѣйства, не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“ [1]).

И дѣйствительно, Подростокъ и Иванъ Карамазовъ, не вѣря въ Бога, приходятъ къ полному обоготворенію своего „я“.

Подростокъ развилъ цѣлую теорію эгоизма. Онъ начинаетъ съ того, чѣмъ Раскольниковъ кончаетъ. Подростка уже не пугаетъ формула: „я самъ для себя хочу жить“, формула, которая такъ пугала Раскольникова. Въ этомъ пунктѣ уже порывается связь съ соціализмомъ. Подростку открывается источникъ новаго „категорическаго императива“ въ любви къ себѣ, въ безкорыстной любви къ себѣ“. И высшій предѣлъ этой любви—воля власти, „воля могущества есть первая не только нровственная, но уже и почти метафизическая, даже почти религіозная основа всей его идеи“ [2]). „Я жаждалъ могущества всю мою жизнь — могущества и уединенія“ [3]). Средство, которое выбираетъ онъ для воплощенія идеи,—уже не грубое внѣшнее насиліе, не анархическое убійство, которое безплодно, бездоказательно, да и просто невозможно, какъ разумное дѣйствіе, направленное къ какой бы то ни было цѣли, въ условіяхъ современнаго культурнаго общества, а насиліе внутреннее, болѣе утонченное и одухотворное—могущество денегъ. „Моя идея—быть Ротшильдомъ“. И онъ всѣми мѣрами старается сдѣлаться богатымъ. Но ему не деньги нужны, а могущество, соединенное съ деньгами. „Мнѣ не нужно денегъ, или лучше мнѣ не деньги нужны, даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что пріобрѣтается могуществомъ, и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы обаятельно и прекрасно. У меня сила—и я спокоенъ. Будь только у меня могущество, разсуждалъ я, мнѣ и не понадобится оно вовсе; увѣряю, что самъ по своей волѣ займу вездѣ послѣднее мѣсто. Я буду сытъ моимъ сознаніемъ—„съ меня довольно сего сознанія“. „Вашъ идеалъ слишкомъ низокъ, скажутъ съ презрѣніемъ, деньги, богатство! Но почемъ кто знаетъ, какъ бы я употребилъ мое богатство? Чѣмъ безнравственно и чѣмъ низко то, что изъ

---

1) Т. XII, 83—84.
2) Мережковскій. „Л. Толст. и Дост.“, т. 2, 113.
3) Т. 8, 88.

множества жидовскихъ, вредныхъ и грязныхъ рукъ эти милліоны стекутся въ руки трезваго и твердаго схимника, зорко всматривающагося въ міръ?.. Въ мечтахъ моихъ я уже не разъ схватывалъ тотъ моментъ въ будущемъ, когда сознаніе мое будетъ слишкомъ удовлетворено. а могущества окажется слишкомъ мало. Тогда,—не отъ скуки, не отъ безцѣльной тоски, а оттого, что безбрежно пожелаю большаго, я отдамъ всѣ мои милліоны людямъ, пусть обшество распредѣлитъ тамъ все мое богатство, а я—я вновь смѣшаюсь съ ничтожествомъ... Однако сознаніе о томъ, что въ рукахъ моихъ были милліоны, и я бросилъ ихъ въ грязь, какъ вранъ, кормило-бы меня въ моей пустынѣ... И знайте, что мнѣ именно нужна моя порочная воля „вся“,—единственно, чтобы доказать самому себѣ, что я въ силахъ отъ нея отказаться“ [1]). Мнѣ нравилось ужасно, заключаетъ Подростокъ, представлять себѣ существо именно безталанное и серединное, стоящее предъ міромъ и говорящее ему съ улыбкой: вы—Галилеи и Коперники, Карлы Великіе и Наполеоны, вы—Пушкины и Шекспиры, вы—фельдмаршалы и гофмаршалы, а вотъ я—бездарность и незаконность, и все-таки выше васъ, потому что вы сами этому подчинились [2]).

Иванъ Карамазовъ прямо выступаетъ съ проповѣдью „человѣко-бога“. „По моему, говоритъ въ бреду Иванъ, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ. Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога (а я вѣрю, что этотъ періодъ совершится), то само собою падетъ все прежнее міровоззрѣніе, а главное,—вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое... Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣко-богъ. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „все позволено“- Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, „то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя-бы одному въ цѣломъ мірѣ и, ужъ конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба человѣка, если это понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе. Гдѣ стану я,—тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... „все дозволено“ и шабашъ! [3]).

---

[1]) Т. V, 86—92. „Мнѣ надо было узнать—вашъ-ли я или человѣкъ“, говоритъ Раскольниковъ.

[2]) Ibid, стр. 92—93.

[3]) Т. XII, 768—769.

Чтобы показать, что „все позволено“, „что „аттрибутъ божества его своеволіе“, что „каждый человѣкъ есть свой собственный Богъ“, Кирилловъ (въ „Бѣсахъ“) и убиваетъ себя. Разсужденія его таковы: „Богъ есть боль страха смерти“; поэтому, чтобы человѣку сдѣлаться богомъ—ему необходимо побѣдить „боль страха смерти“. Побѣдивъ въ себѣ этотъ страхъ, люди сдѣлаются богами—и тогда наступитъ „вѣчная гармонія“.

Но Достоевскій, не останавливаясь на этомъ, показываетъ, что и самъ носитель идеи человѣко-бога не можетъ жить этой идеей. Въ своемъ гипостазированіи личность встрѣчается съ Божествомъ, и ей въ концѣ концовъ представляется два выхода: или признать Бога или не жить (самоубійство).

Но самоубійство—это уже послѣдній выходъ, самый крайній. Человѣкъ слишомъ любитъ жизнь, чтобы рѣшиться на самоубійство. Иванъ Карамазовъ такъ говоритъ о своей жаждѣ жизни: „не вѣрую я въ жизнь, разувѣрься я въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорядочный проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю... Я спрашивалъ себя много разъ: есть-ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдить во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ такого... Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ... дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, пересталъ вѣрить... Тутъ не умъ, не логика, тутъ, нутромъ, тутъ чревомъ любишь“ [1]). Въ силу такой жажды жизни человѣкъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы только жить. Въ теоріи Шигалева („Бѣсахъ“) Достоевскій дѣйствительно показываетъ намъ, что ради жизни человѣкъ жертвуетъ всѣмъ, что есть самаго дорогого у него. Главнымъ препятствіемъ къ счастливому устроенію людей на началахъ раціональныхъ, какъ мы доселѣ видѣли, является свобода человѣка, на которую Достоевскій смотритъ, какъ на „проявленіе всей человѣческой жизни“. Во имя свободы человѣкъ не хочетъ принять соціалистическаго счастья, во имя свободы онъ провозглашаетъ принципъ „все позволено“, во имя свободы, наконецъ, онъ рѣшается на самоубійство. И вотъ эту-то свободу и приносятъ теперь въ жертву жаждѣ жизни. Счастье человѣка въ рабствѣ, провозглашаетъ Шигалевъ. „Всѣ созидатели спеціальныхъ си-

[3]) Т. XII, 272—273.

стемъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ и въ томъ странномъ животномъ, которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ аллюминія все это годится развѣ для воробьевъ, а не для общества человѣческаго... Я предлагаю, говоритъ Шигалевъ, свою собственную систему устройства міра. Эта система предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса, раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родѣ какъ бы первобытнаго рая [1]). Верховенскій такъ разъясняетъ эту теорію Шигалева: „У него хорошо въ тетради, у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а, главное, равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, — не надо высшихъ способностей. Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями,—вотъ Шигалевщина. Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство“... „Горы сравнять—хорошая мысль, не смѣшная. Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только недостаетъ — послушанія... Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный разговоръ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство“ [2]).

Достоевскій нигдѣ спеціально не критикуетъ этой теоріи. Этой критики, скажемъ мы, и не надо. Уже изъ всего предыдущаго достаточно ясно, въ чемъ слабая сторона этой теоріи. Люди, для которыхъ свобода является проявленіемъ всей ихъ жизни, никогда добровольно не согласятся быть рабами. Это сознаютъ и сами созидатели такой системы.

[1]) Т. VII. 390—391.
[2]) Т. VII, 404—405.

Поэтому-то, чтобы подавить свободу людей, они прибѣгаютъ къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ, какъ пьянство, развратъ. Поэтому-то они дѣлаютъ нѣкоторое отступленіе отъ своей теоріи, допускаютъ судорогу. „Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ судорогу, и всѣ начинаютъ вдругъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно, чтобы не было скучно“ [1]). Но и этого мало. Они ясно сознаютъ, что всѣ эти средства слабы, чтобы подчинить себѣ людей. И вотъ они прибѣгаютъ къ такому средству, которое одно способно устроить людей,—къ вѣрѣ. Но они не хотятъ принять Бога, а создаютъ вѣру обманную, — подкрѣпляютъ свою теорію вѣрою въ какого-то таинственнаго самозванца—Ивана Царевича. „Знаете ли, говоритъ Верховенскій Ставрогину, я думалъ отдать міръ папѣ. Пусть онъ выйдетъ пѣшъ и босъ и покажется черни: „Вотъ, дескать, до чего меня довели“ и все повалитъ за нимъ, даже войско. Папа вверху, мы кругомъ, а подъ нами Шигалевщина. Надо только, чтобы съ папой Internationale согласилась; а старикашка согласится мигомъ“ [2]). „Слушайте, продолжаетъ Верховенскій, я бросилъ папу! Къ черту папу!.. Папа будетъ на западѣ, а у насъ будете вы! — Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Мы сначала пустимъ смуту. Мы пустимъ легенды. Мы провозгласимъ разрушеніе. Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ. Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ. Ну съ, тутъ-то мы и пустимъ... Кого?—Ивана Царевича... Кого?—Ивана Царевича; васъ, васъ! Мы скажемъ, что онъ „скрывается“. Знаете ли вы, что значитъ: онъ скрывается? Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду получше, чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую легенду можно пустить“. А главное — новая сила идетъ. А ее-то и надо, по ней-то и плачутъ. Ну, что въ соціализмѣ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще какая неслыханная?.. Слушайте я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается. А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному, напримѣръ. И пойдетъ по всей землѣ: „видѣли, видѣли“. И Ивана Филипповича бога-саваоѳа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесся предъ людьми, „собственными“ глазами видѣли... Новую правду несетъ и „скрывается“... „Новый правый законъ идетъ“ [1]).

„Здѣсь Верховенскій приходитъ къ послѣднимъ, — несмотря на все его кажущееся „изступленіе“, глубоко жиз-

---

1) Ibid. 405.
2) Т. VII, стр. 405.
3) Т. VII, 408—409

неннымъ,—выводамъ изъ отвлеченной идеи Раскольникова: Верховенскій понялъ то, чего тотъ долго не могъ понять; понялъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать рычагъ, который подыметъ землю; понялъ, что русскій, а слѣдовательно и всемірный переворотъ, какъ переворотъ чисто политическій и соціальный, безъ помощи религіозныхъ силъ — неосуществимъ" [1]).

Но несчастье Верховенскаго въ томъ, что онъ не хочетъ принять истинную вѣру, а допускаетъ вѣру обманную. Но можно ли устроить людей на обманѣ? Конечно, нѣтъ. Обманъ скоро обнаружится, и люди болѣе чѣмъ когда-либо будутъ несчастны. Авторитетъ падаетъ — и люди опять бросятся въ другую крайность—въ безбрежный океанъ своеволія съ его теоріей: „все позволено".

Критика соціализма и выродившагося изъ него индивидуализма показала намъ ясно, что безъ Бога, безъ вѣры въ безсмертіе души люди никогда не могутъ устроиться счастливо. Это въ концѣ кояцовъ, — въ лицѣ Верховенскаго — сына и Ивана Карамазова, ясно сознаютъ и соціалисты. Но они не могутъ повѣрить въ Бога, колеблются между вѣрою и невѣріемъ — съ одной стороны, между свободой и рабствомъ—съ другой,—въ этомъ вся ихъ трагедія. Со всѣми указанными проектами соціальнаго преобразованія соединяется одинъ величайшій вопросъ: въ чемъ назначеніе человѣка — въ свободѣ или въ рабствѣ. Этотъ вопросъ — ось, около которой вертятся всѣ разсужденія соціалистовъ. Они сознаютъ, что свободы въ человѣкѣ не убьешь. Во имя своей свободы личность способна не только идти противъ разсчета и выгоды, но и противъ Бога. Декретировать свою свободу, своеволіе свое, даже въ самой безразсудной формѣ— это потребность человѣка, глубочайшая потребность человѣка, хотя бы, какъ у Раскольникова и Свидригайлова, она осуществлялась чрезъ кощунство. Но тутъ въ своемъ гипостазированіи личность встрѣчается съ Богомъ, съ идеей Божества. Встрѣча эта влечетъ для человѣка страшныя мученія. Человѣкъ, не вынося этихъ мученій и не будучи въ силахъ повѣрить въ Бога, или убиваетъ себя во имя свободы, или же отказывается отъ нея, готовъ сдѣлаться рабомъ (Шигалевщина). Но рабство противно природѣ человѣка—и вотъ человѣкъ снова низвергаетъ рабство во имя свободы. Такимъ образомъ получается кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ выхода: въ стремленіи къ свободѣ человѣкъ боится авторитета, но, отвергнувъ послѣдній, онъ начинаетъ опять искать его, потому что тяготится свободой не менѣе, чѣмъ авторитетомъ: „нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ,

[1]) Мережковскій. „Л. Толстой и Достоевскій", т. 2, 328.

сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться“ [1]). Нѣкоторые комментаторы Достоевскаго прямо говорятъ, что Достоевскій изъ этого противорѣчія — круга не вышелъ и даже, будто бы, не могъ выйти (Е. Соловьевъ-Андреевичъ). На самомъ дѣлѣ не такъ. Уже въ чисто „критическихъ“ (т. е. критикующихъ соціализмъ) романахъ Достоевскаго, не говоря о тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ содержится положительное рѣшеніе соціальнаго вопроса, ясно указывается выходъ изъ этого, повидимому, безысходнаго круга,— намѣчается, хотя и не раскрывается положительный взглядъ Достоевскаго. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣютъ опять таки типы Раскольникова и Ивана Карамазова.

Измученный душевнымъ разладомъ, не находя себѣ успокоенія даже среди самой усиленной дѣятельности, чувствуя полное отчужденіе отъ всего и мучительное равнодушіе, Раскольниковъ въ концѣ концовъ идетъ къ Сонѣ Мармеладовой. Къ ней онъ идетъ потому, что ихъ связываетъ общность положенія. Чувствуя отчужденіе отъ всѣхъ людей, къ ней одной онъ почувствовалъ влеченіе. Только ей одной онъ могъ открыться. „Не того ему нужно было, чтобы только пожалѣли его: кто больше и искреннѣе могъ его пожалѣть, какъ не сестра и мать, готовыя душу положить за него? Ему нуженъ былъ такой человѣкъ, который былъ бы способенъ войти въ его душевное состояніе, понять и живымъ чувствомъ испытать ту самую душевную муку, которую онъ перешелъ, и хотя отчасти облегчить эту муку, раздѣливъ ее съ нимъ. На все это былъ способенъ только тотъ, кто самъ испыталъ и даже испытываетъ если не то же самое, что онъ, то, по крайней мѣрѣ, подобное тому. Раскольникову нуженъ былъ товарищъ въ бѣдѣ. Такимъ существомъ и была Соня. При первомъ же свиданіи въ квартирѣ Мармеладовой вотъ что говоритъ ей Раскольниковъ: „Слушай, я давеча сказалъ одному обидчику, что онъ не стоитъ одного твоего мизинца... и что я моей сестрѣ сдѣлалъ сегодня честь, посадивъ ее рядомъ съ тобой. — Ахъ, что вы это сказали... Вѣдь я безчестная...—Не за безчестіе и грѣхъ я сказалъ это про тебя, а за великое страданіе твое. А что ты великая грѣшница, то это такъ, прибавилъ онъ почти „восторженно“, а пуще всего ты тѣмъ грѣшница, что понапрасну умертвила и предала себя [2])... Развѣ ты *тоже* не преступила?.. Ты тоже переступила... смѣла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (все равно). Ты могла жить духомъ и разумомъ, и кончишь на Сѣнной. „Мы вмѣстѣ прокляты, вмѣстѣ и пойдемъ—по

---

[1]) Т. XII, 301.
[2]) Т. V, стр. 318—319.

одной дорогѣ“ [1]). Вотъ одна изъ причинъ—общность положенія, которая влечетъ Раскольникова къ Сонѣ. Но была и другая причина, по которой онъ шелъ къ Сонѣ. Ему нуженъ былъ человѣкъ, который могъ бы ему указать способъ облегчить его муку, выйти изъ невыносимаго положенія, освободиться отъ него. А такимъ существомъ опять могла быть Соня. Положимъ, Соня Мармеладова не избавилась отъ необходимости вести позорный образъ жизни, но она продолжаетъ оказывать помощь семьѣ, сохраняетъ живую связь съ родными и, не смотря на свою приниженность, она не падаетъ духомъ, ведетъ себя не безъ достоинства, а это показываетъ, что она нашла путь, хотя отчасти, примириться со своею совѣстью, значитъ и другому нуждающемуся въ томъ же можетъ указать этотъ путь. „Да скажи же мнѣ, наконецъ, проговорилъ онъ почти въ исступленіи, какъ этакой позоръ и такая низость въ тебѣ рядомъ съ другими противоположными и святыми чувствами совмѣщаются? Вѣдь справедливѣе, тысячу разъ справедливѣе и разумнѣе было бы прямо головой въ воду и разомъ покончить“ [2]). „Все-таки для него составляло вопросъ: почему она слишкомъ ужъ долго могла оставаться въ такомъ положеніи и не сошла съ ума, если ужъ не въ силахъ была броситься въ воду? Нѣкоторая развитость и вся предыдущая жизнь ея могли-бы, кажется, сразу убить ее при первомъ шагѣ на отвратительной дорогѣ этой. Что же поддерживало ее? Не развратъ же? Весь этотъ вопросъ, очевидно, коснулся ея только механически; настоящій развратъ еще не проникъ ни одной каплей въ ея сердце; онъ это видѣлъ; она стояла передъ нимъ на яву“ [3]). Не понимая ничего въ жизни Сони,—онъ даже приходитъ къ тому заключенію, что она не въ здравомъ разсудкѣ. „Развѣ она въ здравомъ разсудкѣ? Развѣ такъ можно сидѣть надъ погибелью, прямо надъ смрадной ямой, въ которую уже ее втягиваетъ, и махать руками и уши затыкать, когда ей говорятъ объ опасности“ [4])? Правда, предъ нимъ мелькаетъ мысль о томъ, что поддерживаетъ Соню, но эта мысль слишкомъ для него необычна, и онъ ее считаетъ признакомъ помѣшательства. „Что она, ужъ не чуда-ли ждетъ? И навѣрно такъ. Развѣ все это не признаки помѣшательства?“. Тѣмъ не менѣе онъ съ упорствомъ останавливается на этой мысли. Этотъ выходъ ему даже болѣе нравится, чѣмъ всякій другой. Онъ начинаетъ пристальнѣе всматриваться въ нее. „Такъ ты очень молишься Богу-то, Соня? спросилъ онъ ее. Что-жъ

---

1) T. V, 326.
2) T. V, 319.
3) T. V, 320.
4) Ibid. 320.

бы я безъ Бога-то была? быстро и энергически прошептала она. Ну такъ и есть? подумалъ онъ. А тебѣ Богъ что за это дѣлаетъ? Молчите! не спрашивайте! Вы не стоите... Такъ и есть! Такъ и есть! повторялъ онъ настойчиво про себя. Все дѣлаетъ! быстро прошептала она. Вотъ исходъ! Вотъ и объясненіе исхода, рѣшилъ онъ про себя съ жаднымъ любопытствомъ разсматривая ее... Юродивая, юродивая, твердилъ онъ про себя“ 1).

Исходъ найденъ—это вѣра въ Бога. Этотъ исходъ не есть нѣчто новое для Раскольникова. Онъ ему, какъ мы видѣли выше, нравится болѣе, чѣмъ всякій другой, онъ на немъ съ упорствомъ останавливается; очевидно, онъ уже и раньше представлялся его уму. Но этотъ исходъ—не для него. Все несчастіе Раскольникова въ томъ и состоитъ, что онъ не можетъ повѣрить въ Бога. Здѣсь, какъ и у Ивана Карамазова, отрицается Богъ не во имя разума. Въ силѣ разума Раскольниковъ успѣлъ уже разочароваться. Онъ готовъ повѣрить въ Бога, даже желаетъ этого (чтеніе Евангелія), но не можетъ. Какъ и Иванъ Карамазовъ, онъ бунтуетъ противъ Бога, не умѣя совмѣстить идею Бога сострадающаго съ страданіемъ невиннымъ. Эту мысль, отя и не акъ подробно, но почти тождественно съ Иваномъ,х Раскольниковъ раскрываетъ въ разговорѣ съ Соней. „Катерина Ивановна въ чахоткѣ, въ злой; она скоро умретъ, сказалъ Раскольниковъ.—Охъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И Соня безсознательнымъ жестомъ схватила его за обѣ руки, какъ-бы упрашивая, чтобы нѣтъ. Да вѣдь это-жъ лучше, коль умретъ. Нѣтъ, не лучше, не лучше, совсѣмъ не лучше! испуганно и безотчетно повторила она. А дѣти-то? Куда-жъ вы тогда возьмете ихъ, коль не къ вамъ? Охъ, ужъ не знаю! воскликнула Соня почти въ отчаяніи и схватилась за голову... Ну, а коль вы, еще при Катеринѣ Ивановнѣ, теперь, заболѣете и васъ въ больницу свезутъ, ну, что тогда будетъ? безжалостно настаивалъ онъ. Ахъ, что вы, что вы! Этого-то ужъ не можетъ быть! Какъ не можетъ быть? продолжалъ Раскольниковъ съ жесткой усмѣшкой. Не застрахованы-же вы. Тогда что съ ними станется? На улицу всей гурьбой пойдутъ, она будетъ кашлять и просить, и объ стѣну гдѣ-нибудь головой стучать, какъ сегодня, а дѣти плакать. А, тамъ упадетъ, въ часть свезутъ, въ больницу, умретъ, а дѣти!..—Охъ, нѣтъ! Богъ этого не допуститъ! вырвалось, наконецъ, изъ стѣсненной груди Сони... А копить нельзя? На черный день откладывать? спросилъ онъ...—Нѣтъ, прошептала Соня. Разумѣется, нѣтъ! А пробовали? Пробовала. И сорвалось!... Съ Полечкой навѣрное тоже самое будетъ, сказалъ онъ вдругъ—Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть, нѣтъ!

1) Ibid. 320; ibid. 321.

Ее Богъ защититъ, Богъ... повторяла она, не помня себя. Да, можетъ и Бога-то совсѣмъ нѣтъ, съ какимъ-то даже злорадствомъ отвѣтилъ Раскольниковъ, засмѣялся и посмотрѣлъ на нее“ [1]). Доведя Соню до отчаянія, онъ заканчиваетъ разговоръ слѣдующимъ наставленіемъ: „Надо-же, наконецъ, разсудить серьезно и прямо, а не по-дѣтски плакать и кричать, что Богъ не допуститъ. Ну, что будетъ, если въ самомъ дѣлѣ тебя завтра въ больницу свезутъ? Та не въ умѣ и чахоточная, умретъ скоро, а дѣти? Развѣ Полечка не погибнетъ? Неужели не видала ты здѣсь дѣтей, по угламъ, которыхъ матери милостыню высылаютъ просить? Я узналъ, гдѣ живутъ эти матери и въ какой обстановкѣ. Тамъ дѣтямъ нельзя оставаться дѣтьми. Тамъ семилѣтній развратенъ и воръ. А вѣдь дѣти—образъ Христовъ: „Сихъ есть Царствіе Божіе“. Онъ велѣлъ ихъ чтить и любить, они будущее человѣчества“ [2]). Въ этихъ разсужденіяхъ Раскольникова зародышъ мыслей, которыя впослѣдствіи Иванъ Карамазовъ развилъ во всей полнотѣ и яркости.

Мы не будемъ говорить о тѣхъ колебаніяхъ, которыя пришлось пережить Раскольникову, не будемъ говорить о томъ, какъ онъ то бунтуетъ противъ Бога, кричитъ во гнѣвѣ, вызываетъ на борьбу самого Бога, то смиряется и тогда готовъ принять исходъ Сони: идти на перекрестокъ, поклониться народу, поцѣловать землю и раскаяться въ совершенномъ преступленіи. Мы должны сказать, что онъ въ концѣ концовъ нашелъ исходъ изъ своего мучительнаго положенія. Страданія—великая вещь. Въ горнилѣ этого послѣдняго растопилась гордыня Раскольникова и зародилось въ душѣ его зерно новой, обновленной жизни. Озлобленное сердце его обрѣло въ концѣ концовъ вѣру въ жизнь, потому что обрѣло вѣру въ Бога. Что-же спасло его и дало ему возможность повѣрить въ Бога? Любовь Сони, смиренная, сострадательная, была спасительницею Раскольникова. „Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но вдругъ что-то какъ-бы подхватило его и какъ-бы бросило къ ея ногамъ. Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни... Она ужасно испугалась. Но тотчасъ, въ тотъ-же мигъ она все поняла. Въ глазахъ ея засвѣтилось безконечное счастье; она поняла..., что онъ любитъ, безконечно любитъ ее... Въ этихъ блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго, полнаго воскресенія въ новую жизнь. Ихъ воскресила любовь, сердце одного заключало безконечные источники жизни для сердца другого“ [3]). Но эта любовь Сони, воскресившая Раскольникова не обыкновенная, а именно христіанская любовь. Первой книгой, ка-

---

[1]) T. V, 317—318
[2]) Ibid., 326.
[3]) T. V, 545.

кую онъ взялъ у Сони, было Евангеліе. Смиреніе предъ Соней—есть не что иное, какъ смиреніе предъ Христомъ [1]). Такимъ образомъ въ христіанствѣ—въ смиреніи предъ Христомъ—спасеніе людей.

Эту мысль Достоевскій ясно показываетъ и на типѣ Ивана Карамазова. Выходъ изъ его колебаній между вѣрой и невѣріемъ Алеша указываетъ ему опять таки въ христіанствѣ, въ вѣрѣ во Христа. „Аще-же Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, какъ глаголютъ нѣціи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть: и аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста. Аще-же Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща-же и вѣра наша“ [2]). Иванъ Карамазовъ потому и въ Бога не можетъ повѣрить, что не вѣритъ во Христа. Онъ не можетъ повѣрить, что не вѣритъ во Христа. Онъ не можетъ повѣрить въ Бога, потому что не можетъ совмѣстить страданій невинныхъ съ понятіемъ о Богѣ справедливомъ. Онъ не можетъ простить слезъ ребенка его мучителю и не находитъ такого существа, которое могло-бы или имѣло право просить. Алеша и указываетъ ему на Христа: есть Существо, Которое „можетъ все простить, всѣхъ и вся и за вся, потому-что Само отдало невинную Кровь Свою за всѣхъ и за все“ [3]). Но Иванъ не вѣритъ во Христа. Легенда „Великій Инквизиторъ“ вся проникнута этимъ невѣріемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Христіанство, какъ основа нормальнаго соціальнаго строя.

Сводя къ единству все сказанное въ предыдущей главѣ, мы приходимъ къ слѣдующему *выводу*: *нормальное устроеніе людей здѣсь—на землѣ, объединеніе ихъ на началахъ любви не возможно внѣ христіанства: не возможно безъ вѣры въ Бога, безсмертіе души и загробную жизнь; безъ вѣры во Христа, какъ необходимаго условія нравственнаго единенія между людьми,—смиренія, всепрощенія и любви.* Но христіанство является въ трехъ формахъ — идеяхъ: католической, протестантской и православной. Какая-же форма истинная и какая слѣдовательно, можетъ устроить счастье людей — вотъ вопросъ, который теперь ставитъ себѣ Достоевскій.

---

[1]) Больной исцѣлится и „сядетъ у ногъ Іисусовыхъ“—т. VII. 631.
[2]) 1 Коринѳ. XV, 12—14.
[3]) Т. XII, 291—292.

Прежде всего онъ обращается къ католической идѣ наилучшаго устройства жизни человѣчества [1]).

I.

Католическая идея счастливаго устройства человѣчества, какъ она изложена отъ лица великаго Инквизитора въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, исходитъ изъ сопоставленія данныхъ анализа природы человѣка съ изученіемъ Христа. Анализируя природу человѣка и сопоставляя ее съ ученіемъ Христа, Великій Инквизиторъ находитъ полное несоотвѣтствіе между первою и вторымъ. Дары, принесенные Христомъ на землю, слишкомъ высоки и не могутъ быть вмѣщены человѣкомъ, а поэтому человѣкъ и не въ силахъ привести въ исполненіе Его завѣты. Отъ этого несоотвѣтствія требованій и способностей, идеала и дѣйствительности, человѣкъ долженъ оставаться вѣчно несчастнымъ: только немногіе, сильные духомъ, могли и могутъ спасаться, слѣдуя Христу и понимая тайну искупленія. Такимъ образомъ, Христосъ, отнесшись къ человѣку съ столь высокимъ уваженіемъ, въ концѣ концовъ ничего не далъ ему, кромѣ горя. Онъ не расчиталъ его природы и совершилъ нѣчто великое и святое, но вмѣстѣ невозможное и неосуществимое. Свобода, которую провозгласилъ Христосъ и на которой онъ хотѣлъ устроить людей, есть коренное несчастье ихъ, неистощимый источникъ мученій человѣчества. Этотъ высокій даръ не по силамъ обыкновеннымъ людямъ, невыносимъ для нихъ. Они тяготятся имъ, какъ достояніемъ, которымъ не могутъ пользоваться для цѣлей счастья, а потому постоянно тревожно желаютъ, чтобы кто-нибудь снялъ съ нихъ это иго и взялъ бы на себя, тоскливо ищутъ, кто-бы овладѣлъ ихъ свободой, управлялъ ихъ всею жизнью, при томъ всѣхъ вмѣстѣ, сдѣлалъ ихъ объектомъ своихъ заботъ, принялъ на себя полную отвѣтственность за ихъ жизнь. Въ виду этого свободное слѣдованіе Христу, непринужденная, не стѣсняемая внѣшнею силою чуда вѣра въ него, вольное послушаніе во всемъ, что заповѣдуетъ Онъ, свободный откликъ на божественный, любвеобильный призывъ къ участію въ искупительныхъ заслугахъ, къ крестоношенію, самоусовершенствованію, все, чѣмъ высока Его проповѣдь, — все это не подъ силу человѣку; все это

[1]) Взглядъ Д—скаго на католичество довольно своеобразенъ,—въ дѣйствительности мы такого католичества, какое рисуетъ Д—ій,—не найдемъ. Но это не должно смущать насъ: важна идея, а идея католичества схвачена вѣрно. И Д—скій, вѣдь, говоритъ о католичествѣ въ его „сущности“.

является удѣломъ немногихъ избранныхъ, сильныхъ духомъ,—удѣломъ боговъ изъ людей; для обыкновенныхъ же смертныхъ является не благимъ игомъ, а чѣмъ-то гнетущимъ, совершенно подавляющимъ ихъ силы, а потому дѣлающимъ ихъ глубоко несчастными. Контрастъ между завѣтами Христа и дѣйствительностью представляется Инквизитору столь яркимъ, что вызываетъ въ немъ грустную иронію. Онъ припоминаетъ Христу, какъ часто пятнадцать вѣковъ назадъ Онъ говорилъ людямъ; „хочу сдѣлать васъ свободными, и добавляетъ: „вотъ Ты теперь увидѣлъ этихъ свободныхъ людей“ [1]). Вообще,—какъ бы такъ говоритъ Инквизиторъ,—между истиною, которую принесъ Христосъ на землю и которая безотносительна и присуща абсолютному Богу, и земною жизнью человѣка — ограниченною, относительною, управляемою закономъ страданія, лежитъ непереступаемая бездна. Пусть, кто можетъ, влечетъ человѣка по пути первой, онъ всегда будетъ слѣдовать по пути второго (закона страданія).

На завѣтахъ Христа, такимъ образомъ, невозможно построеніе земныхъ судебъ человѣчества. Поэтому Инквизиторъ утверждаетъ необходимость построенія судьбы человѣка на иныхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ природѣ человѣка. Такія начала, по его мнѣнію, были указаны діаволомъ во время искушенія Господа. Къ нимъ то Инквизиторъ и переходитъ далѣе.

„Тебя предупреждали, говоритъ Инквизиторъ Христу, Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но ты не послушалъ предупрежденій. Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми. Страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія, великій духъ говорилъ съ Тобою въ пустынѣ, и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто-бы искушалъ Тебя. Такъ-ли это? И можно-ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ и что Ты отвергъ и что въ книгахъ названо „искушеніями“? А между тѣмъ, если было когда-нибудь на землѣ совершено настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній... Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“ [2]).

Что же это за три вопроса, три образа?

Первымъ началомъ, на которомъ, по мнѣнію Инквизи-

---

1) Т. XII, 298.
2) Т. XII, 298—299.

тора, возможно устроеніе судебъ человѣчества, является начало „хлѣба“, которое Христосъ отвергъ въ первомъ искушеніи. „Рѣши-же Самъ, кто былъ правъ—Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ: хотя и не буквально, но смыслъ его тотъ: Ты хочешь идти въ міръ съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы. А видишь-ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благородное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся имъ хлѣбы твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами. Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ“ [1]).

„А между тѣмъ въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра сего. Принявъ хлѣбы, Ты бы отвѣтилъ на всеобщую, вѣковѣчную тоску человѣческую какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ—это: „предъ кѣмъ преклониться?“ Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ и чтобы непремѣнно всѣ вмѣстѣ“ [2]). Хлѣбъ, по мнѣнію Инквизитора, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ человѣка, „ибо что можетъ быть безспорнѣе хлѣба“? Но Христосъ отвергъ это „единственное, абсолютное знамя, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Нимъ,—знамя хлѣба земного“.

„Но знаешь-ли Ты, продолжаетъ Инквизиторъ, что во имя этого самаго хлѣба земного и возстанетъ на тебя духъ земли и сразится съ тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: „кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огнь съ небеси“. Знаешь-ли Ты, что пройдутъ вѣка, и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь голодные. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели“ — вотъ что напишутъ на знамени, кото-

---

[1]) Ibid. 299—300.
[2]) Ibid. 301—302.

рое воздвигнутъ противъ Тебя... На мѣсто храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня". Но никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными. Башня ихъ не будетъ достроена. Промучившись тысячу лѣтъ надъ своею башнею, они въ концѣ концовъ отыщутъ насъ, тогда опять скрывающихся подъ землею, въ катакомбахъ,—найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огнь съ небеси, его не дали": „лучше поработите насъ, но накормите насъ". Тогда мы и достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь „мы" 1). Такимъ образомъ, начало „хлѣба"—вотъ начало, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ людей. На немъ-то католичество хочетъ устроить судьбы человѣчества.

Но Инквизиторъ сознаетъ, что одного хлѣба для устроенія людей мало. Это сознаніе, какъ бы невольно, только однажды въ продолженіе всей рѣчи, вырвалось у Инквизитора, только однажды какъ бы дрогнула его рѣчь: это—когда онъ замѣтилъ, что если кто-нибудь овладѣетъ совѣстью людей, поманитъ его истиной, тогда они даже бросятъ хлѣбъ и пойдутъ за тѣмъ, который обольститъ ихъ совѣсть... „Ибо тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы жить, а въ томъ, для чего ему жить, человѣкъ не согласится жить и скорѣе истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ, хотя-бы кругомъ его все были хлѣбы" 2).

Сознавая это, Инквизиторъ указываетъ три силы, „единственныя три силы на землѣ, могущія навѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ для ихъ счастья". Эти силы; чудо, тайна и авторитетъ.

Ты отвергъ, говоритъ Инквизиторъ Христу, и то, и другое, и третье. Ты отвергъ чудо, когда страшный и премудрый духъ поставилъ Тебя на вершину храма и сказалъ Тебѣ: если хочешь узнать, Сынъ ли Ты Божій, то верзись внизъ, ибо сказано про Того, что ангелы подхватятъ и понесутъ Его и не упадетъ и не расшибется; Ты отвергъ чудо, когда Тебѣ кричали, сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты. Ты поступилъ, конечно, гордо и великолѣпно, какъ Богъ, но люди-то, но слабое, бунтующее племя, это—они-то боги ли? Такъ ли создана природа человѣческая, чтобы отвергнуть чудо, и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ, основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь съ свободнымъ рѣшеніемъ сердца?" Нѣтъ. „Лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ оставаться

1) T. XII, 300.
2) Ibid. 302.

безъ чуда не въ силахъ, то насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству... Мы исправили подвигъ твой и основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ“ [1]).

Тайна, которою они окружили свое дѣло и которой люди должны слѣпо повиноваться взамѣнъ свободнаго рѣшенія сердецъ ихъ, состоитъ въ томъ, что вожди католичества свое дѣло выдали за дѣло Христа. То, что предлагалъ діаволъ, они приписали Христу. „Мы не съ Тобой, а съ нимъ— вотъ наша тайна“ [2]).

Наконецъ, послѣдняя сила — это авторитетъ. Эту силу Христосъ отвергъ въ послѣднемъ искушеніи діавола, когда онъ показалъ Ему всѣ царства земныя. „Зачѣмъ Ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго духа, Ты восполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то-есть: предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный, общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіею, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели — Тимуры и Чингисъ-ханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, но выражали ту же самую великую потребность ко всемірному и всеобщему единенію [3]). Удовлетворяя этой потребности, мы взяли отъ него (діавола) Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, чтобы основать всемірное царство и дать всемірный покой.

На началахъ хлѣба, чуда, тайны и авторитета, такимъ образомъ, католичество думаетъ устроить людей счастливо. Люди, говоритъ Инквизиторъ, рано или поздно сознаютъ, что счастье ихъ не въ свободѣ, а въ подчиненіи. „Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри, и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ другъ друга, другіе—самихъ себя, а третьи, оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: „ а, вы были правы, вы одни овладѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ“ [4])... Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное

1) Т. XII. стр. 303—305.
2) Ibid., стр. 305.
3) Т. XII, 305—306.
) Ibid., 307.

счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться... Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ двигаться, и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣсенкѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволяемъ грѣшить... Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей—все судя по ихъ послушанію—и они будутъ намъ покоряться съ веселіемъ и радостію... И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ“ [1]). Такова католическая теорія счастливаго устроенія людей.

Д—скій не даетъ этой идеѣ подробной критики, подробной оцѣнки, подобной той, какую онъ даетъ соціализму; но основное отношеніе его къ этой идеѣ вполнѣ ясно и опредѣленно.

Основною чертою католичества Д—скій считаетъ и насильственность. Въ католицизмѣ, по взгляду Д—го, подавляется основная движущая сила, при которой только возможно истинное единеніе, сила человѣческой свободы и личности. Вмѣсто нея тутъ является дѣйствующей иная единящая сила—внѣшняя сила власти, внѣшняго авторитета, которая, какъ нѣчто роковое, представляется тяготѣющею какъ надъ отдѣльными людьми, такъ и надъ цѣлымъ механически сплоченнымъ обществомъ ихъ. Эта черта католичества ясна уже изъ самаго изложенія этой идеи Инквизиторомъ. Ее-же Д—скій съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Въ католической идеѣ объединенія людей онъ видитъ стремленіе установить формулу древняго Рима. Мало того, онъ даже связываетъ католическую идею съ идеею древняго Рима, какъ идеею насильственнаго единенія человѣчества, представляя католицизмъ хранителемъ и обновителемъ этого столь родственнаго ему наслѣдія [2]). Но что особенно замѣ-

---

[1]) Т. XII, 307—308.
[2]) Т. XI, 183.

чательно, по этой-же особенности онъ сближаетъ католицизмъ съ соціализмомъ. „Соціализмъ, по его мнѣнію,—порожденіе католичества и католической сущности“ [1]). „Самый теперешній соціализмъ французскій, повидимому, горячій и роковой протестъ противъ идеи католической всѣхъ измученныхъ и задушенныхъ ею людей и націй, желающихъ во что бы-то ни стало жить и продолжать жить уже безъ католичества и безъ боговъ его,—самый этотъ протестъ, начавшійся фактически съ конца прошлаго столѣтія,—есть не что иное, какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе католической идеи, самое полное и окончательное завершеніе ея, роковое ея послѣдствіе, выработавшееся вѣками! Ибо соціализмъ французскій есть не что иное, какъ насильственное единеніе человѣка, идея, еще отъ древняго Рима идущая, и потомъ всецѣло въ католичествѣ сохранившаяся“ [2]). „Франція, по его словамъ, и въ революціонерахъ Конвента, и въ атеистахъ своихъ, и въ соціалистахъ своихъ, и въ теперешнихъ коммунарахъ своихъ,—все еще въ высшей степени есть и продолжаетъ быть націей католическою, вполнѣ и всецѣло, вся зараженная католическимъ духомъ и буквой его, провозглашающая устами самыхъ отъявленныхъ атеистовъ своихъ: Liberté, Egalité, Fraternité—ou la mort, точь въ точь какъ-бы провозгласилъ это самъ папа, если-бы только принужденъ былъ провозгласить и формулировать liberté, egalité, fraternité католическую—его слогомъ, его духомъ, настоящимъ слогомъ и духомъ папы среднихъ вѣковъ“ [3]). Выходя изъ такого взгляда на отношеніе католичества къ соціализму,—Д—скій легко и не безъ основанія могъ допустить, что „если папство когда-нибудь будетъ покинуто и отброшено правительствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться, что оно бросится въ объятія соціализма и соединится съ нимъ во едино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищъ, пѣшъ и босъ, и скажетъ, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже есть въ Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступало имъ про это узнать, а теперь наступило, и что онъ, папа, отдаетъ имъ Христа и вѣритъ въ муравейникъ. Вамъ-де надо единенія противъ врага,—соединитесь подъ моею властью, ибо я одинъ всеміренъ изъ всѣхъ властей и властителей міра, и пойдемъ вмѣстѣ“ [4]).

И дѣйствительно, если мы сравнимъ католицизмъ съ соціализмомъ, то увидимъ много чертъ сходныхъ. Во всѣхъ воззрѣніяхъ католицизма мы не можемъ не видѣть нѣкото-

---

1) T, 6, 584.
2) T. XI, 5—6.
3) T. XI, 5.
4) T. XI, 194.

рыхъ особенностей отрицательной мысли, съ которыми познакомились выше. Мрачный, чудовищный образъ мыслителя, представленнаго въ Инквизиторѣ, самъ собою напрашивается на странныя съ перваго взгляда, но на самомъ дѣлѣ естественныя и много говорящія сближенія. Такъ, идея исправленія подвига Христа, къ которой сводится все философствованіе Инквизитора, весьма близко напоминаетъ идею поправленія природы, принадлежащую Раскольникову, и въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно сказать даже, совпадаетъ съ ней. Осуществленіе какъ той, такъ и другой основывается на принципѣ „самозаконодательства“ водителей человѣчества, на самовольномъ присвоеніи нѣкоторыми избранными людьми права нарушать нравственныя требованія, освященныя, такъ сказать, общимъ сознаніемъ неприкосновенности, права идти противъ завѣдомо святыхъ истинъ для того, чтобы открывать новые пути къ счастію массы человѣчества и вести по нимъ людей, способныхъ только слѣдовать за другими. Взглядъ сближаемыхъ мыслителей на громадное большинство людей, какъ на инертную массу, какъ на матеріалъ, для созиданія цѣлаго, по плану и трудами немногихъ избранныхъ творцовъ общаго счастія, располагаетъ ихъ видѣть въ себѣ не только людей — благодѣтелей, но существъ необыкновенныхъ, своего рода боговъ. Далѣе, по разсужденію Великаго Инквизитора, эти благодѣтели человѣчества, эти двигатели его по пути къ счастію, являются изобрѣтателями той формулы благоустройства человѣческой жизни, при которой только и возможно это счастіе и къ которой стремится „міръ людской“. Формула эта — всеобщее единеніе по дѣйствію внѣшней силы, союзъ, основанный на выгодѣ, на началѣ матеріальныхъ благъ. Это та же формула муравейника, которую Д—скій видитъ въ доктринѣ соціализма. Слѣдовательно, провозглашая идею насильственнаго единенія, какъ идею, разрѣшающую вѣковѣчную задачу человѣчества, католицизмъ, по взгляду Д—скаго, подаетъ руку соціализму; особенно той послѣдней стадіи соціализма, которая изображена Д—скимъ подъ именемъ „шигалевщины“ и съ которой католическая идея сходна до буквальности 1).

Но если такова идея католическая, то со стороны Д—скаго было дѣломъ вполнѣ естественнымъ не подвергать подобной критикѣ эту идею. Та самая критика, какую онъ далъ соціализму, вполнѣ приложима и къ католичеству. Какъ идея устроенія людей на началахъ насилія, католичество никогда не можетъ дать людямъ счастія. Люди никогда не согласятся жить этой идеей, но непремѣнно отвергнуть ее во имя свободы, какъ отвергли и соціализмъ.

---

1) См. выше.

Протестантская идея и является такою идеею, которая вполнѣ подтверждаетъ высказанную нами мысль, что на началахъ католичества люди никогда не смогутъ устроиться. Протестантизмъ есть полное отрицаніе католичества во имя свободы. Его можно поставить въ параллель съ тѣмъ индивидуализмомъ, въ который переходитъ въ концѣ концовъ соціализмъ. Но какъ индивидуализмъ не могъ устроить людей счастливо, такъ не можетъ устроить людей и протестантизмъ. Въ протестантской-германской—идеѣ одно только отрицаніе, чего-либо положительнаго въ ней нѣтъ. Германія, только и дѣлавшая, что протестовавшая, сама своего новаго слова совсѣмъ еще не произнесла, а жила лишь все время однимъ отрицаніемъ и протестомъ противъ врага своего, такъ что, говоритъ Д—скій, весьма и весьма можетъ случиться такое странное обстоятельство, что когда Германія уже одержитъ побѣду окончательно и разрушитъ то, противъ чего девятнадцать вѣковъ протестовала, то вдругъ и ей придется умереть духовно самой вслѣдъ за врагомъ своимъ, ибо не для чего будетъ ей жить, не будетъ противъ чего протестовать... Чуть исчезнетъ съ земли католичество, исчезнетъ за нимъ и протестанство, потому что не будетъ противъ чего протестовать, обратится въ прямой атеизмъ и тѣмъ кончится“ 1) А мы уже видѣли, къ чему ведетъ принципъ свободы безъ вѣры въ Бога.

Вообще, по мысли Д—го, ни католичество, ни протестантство не могутъ устроить счастье людей. Они такъ же, какъ и ихъ порожденія — соціализмъ и индивидуализмъ, водятъ людей между свободой и рабствомъ: отъ рабства къ свободѣ и отъ свободы къ рабству — и тѣмъ подвергаютъ людей въ высшей степени тяжелымъ мученіямъ, не давая имъ успокоиться на чемъ-либо положительномъ,—не давая людямъ тихой пристани.

Главная причина всего этого заключается въ томъ, что какъ католицизмъ, такъ и протестантизмъ думаютъ устроить людей „внѣ Бога, внѣ Христа“ 2). Между тѣмъ какъ счастье людей и возможно только при вѣрѣ во Христа, на началахъ христіанской любви. Эта мысль ясна изъ того отвѣта, который даетъ Христосъ Инквизитору на всю его длинную рѣчь: „Когда Инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ его ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ, какъ Узникъ все время слушалъ его, проникновенно и тихо смотря ему въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старику хотѣлось-бы, чтобы Тотъ сказалъ ему что-нибудь.

---

1) Т. XI, 6—7.

2) Подтверждать это положеніе мы не будемъ. У Достоевскаго—оно проходитъ чрезъ всѣ его сочиненія: т. VII, ч. IV, т. XI, 1—10 и др.

хотя-бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ“ 1). Чего-либо болѣе высокаго и разительнаго не могъ дать Христосъ, такъ какъ сила любви, запечатлѣнная Имъ въ поцѣлуй, есть, съ одной стороны — опроверженіе жестокой теоріи Инквизитора, а съ другой — указаніе того пути, который единственно можетъ устроить людей счастливо. Инквизиторъ въ идеалъ возводитъ насиліе, а Христосъ указываетъ, что идеаломъ должно быть противоположное чувство любви, милосердія, всепрощенія.

Вообще, по мысли Достоевскаго, Западъ—какъ въ соціализмѣ и индивидуализмѣ, такъ и протестантизмѣ и католичествѣ—„потерялъ Христа“ и, потому, не можетъ разрѣшить задачи счастливаго устроенія людей на землѣ. Эта задача можетъ быть разрѣшена только истинными носителями и хранителями христіанства, проникнутыми его духомъ и силою Такихъ носителей и хранителей нужно искать въ православной Церкви.

II

Раскрытыя нами доселѣ воззрѣнія Ѳ. М. Достоевскаго имѣютъ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный характеръ. Но и въ нихъ съ очевидностью уже замѣчаются общія, основныя точки положительной стороны міровоззрѣнія нашего мыслителя. Главнымъ недостаткомъ всѣхъ указанныхъ выше соціальныхъ теорій является ихъ чисто внѣшній, механическій и принудительный характеръ. Всѣ онѣ смотрятъ на человѣка, какъ на „органный штифтикъ“, не признавая его свободы. Отсюда и единеніе людей по этимъ теоріямъ носитъ на себѣ характеръ принудительности. Являясь такими, эти теоріи не въ состояніи устроить и объединить людей. Человѣкъ не выноситъ насилія и, поэтому, отбросивши соціалистическое и католическое братство — „стадо“, — бросается въ другую крайность — къ свободѣ, но къ свободѣ не въ связи съ другими, а въ отдѣльности отъ другихъ, не къ свободному единенію съ другими, а къ свободному отъединенію отъ другихъ, къ свободѣ своего эгоистическаго „я“.

Въ противоположность невозможному братству въ соціалистическомъ или же въ католическомъ духѣ, Д—скій признаетъ желательнымъ и возможнымъ внутреннее единеніе людей, союзъ лицъ, какъ существъ свободныхъ, слѣдо-

1) Т. XII, 312.

вательно, чуждый всякаго насилія и внѣшняго принужденія. „Въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не „я“, должна хлопотать о правѣ своей равновѣсности со всѣмъ остальнымъ, а все-то это остальное должно было само придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльную „я“ и само, безъ его просьбы, должно-бы было признать его равноцѣннымъ себѣ, т. е. всему остальному, что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое „я“, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій“ [1]). „Въ чемъ состояло бы это братство, если бы переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобы каждая отдѣльная личность сама безъ всякаго принужденія — безъ всякой выгоды для себя, сказала-бы обществу: мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите-же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуйста располагайте мной. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать, и чтобы вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только-бы ваше братство процвѣтало и оставалось“... А братство, напротивъ, должно сказать: ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что-жъ дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми-же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобы у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны, будь же вполнѣ спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ“ [2]). „Что-жъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобы быть счастливымъ? Развѣ въ безличности счастье? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ непринужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу другихъ есть, по моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной

---

[1]) „Зимн. замѣтки“. Соч. Ш, ч. 2, стр. 46.
[2]) Ibid. 47.

воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобы и другіе всѣ были точно такими-же самоправными и счастливыми личностями“ [1]).

Вотъ въ какомъ складѣ отношеній Д—скій находитъ ту высшую идеальную форму единенія людей, къ осуществленію которой должно стремиться все человѣчество.

Какъ же сдѣлать подобное свободное братство, основанное на внутреннемъ, духовномъ самопожертвованіи одного человѣка въ пользу другого, въ пользу всѣхъ? задаетъ Достоевскій вопросъ и отвѣчаетъ: „сдѣлать никакъ нельзя, а надо, чтобы оно „само собою сдѣлалось, чтобы оно было въ натурѣ... чтобы было братское любящее начало—надо любить. Надо, чтобы самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе“ [2]). „Будутъ братья, будетъ и братство“ [3]). Разсматривая съ этой точки зрѣнія человѣка, именно со стороны его способности къ такому единенію, Достоевскій во внутренней природѣ его прежде всего находитъ силы, способности и стремленія, могущія служить основаніемъ для такого единенія.

Помимо той стороны природы человѣка, чисто внѣшней, матеріальной, плотской, характеризующейся эгоизмомъ и гордостью, которую признаютъ единственно истинной и вполнѣ нормальною соціалисты и католицизмъ, Достоевскій видитъ въ человѣкѣ другую сторону,—духовную, внутреннюю, характеризующуся любовью. Любовь, по Достоевскому, прирождена человѣку:„всѣ на свѣтѣ понимаютъ,—говоритъ Левинъ, выражая мысль Достоевскаго,—или могутъ понять, что надо „любить ближняго, какъ самого себя“. Въ этомъ знаніи въ сущности заключается весь законъ человѣческій (т. е. взаимныя отношенія между людьми), какъ и объявлено Христомъ. Между тѣмъ это знаніе „прирождено“, стало быть послано даромъ“ [4]). Признавая эту другую сторону природы человѣческой, Достоевскій рисуетъ своихъ героевъ именно, какъ двойниковъ. „Двойственность, пишетъ Достоевскій, незадолго предъ смертію въ одномъ откровенномъ письмѣ къ извѣстной, но, кажется, очень, близкой ему женщинѣ, двойственность, черта, свойственная человѣческой

---

[1]) Ibid. 46.
[2]) Ibid. 47.
[3]) T, 12, стр. 376.
[4]) T. II-й, стр. 252.

природѣ вообще, но далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ поэтому вы мнѣ родная, потому что „раздвоеніе“ (подчеркнуто Достоевскимъ) въ васъ точь въ точь, какъ и во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это большое наслажденіе, но въ то же время и большая мука“ [1]). Двойственность, раздвоеніе онъ подмѣчалъ не только въ себѣ, но и во всѣхъ своихъ герояхъ. Всѣ его герои—двойники. „Двойникъ“ въ этомъ случаѣ можетъ служить эпиграфомъ ко всѣмъ его героямъ. Дѣйствительно, Достоевскій и въ ворѣ, и въ разбойникѣ, и въ развратникѣ подмѣчалъ человѣческія черты. Попавъ въ острогъ, онъ вынесъ сначала самое безотрадное впечатлѣніе отъ обитателей Мертваго дома. Онъ, по словамъ Миллера, готовъ былъ повторить стихи Пушкина:

„Опасность, кровь, развратъ, обманъ
„Суть узы страшнаго семейства;
„Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
„Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
„Кто рѣжетъ хладною рукой,
„Вдовицу съ бѣдной сиротой;
„Кому смѣшно дѣтей стенанье,
„Кто не прощаетъ, не щадитъ,
„Кого убійство веселитъ,
„Какъ юношу любви свиданье“ [2]).

Но, приглядѣвшись ближе къ людямъ, которые его окружали, онъ долженъ былъ измѣнить о нихъ свое мнѣніе. Помимо лицъ, которые попали въ острогъ случайно, и, слѣдовательно, остались чистыми, онъ въ самыхъ закоренѣлыхъ убійцахъ нашелъ черты человѣчности. Онъ замѣчаетъ въ нихъ жажду полезной работы, работы съ цѣлью, съ смысломъ. Они усердно справляли праздники, чѣмъ какъ бы хотѣли сказать, что „вѣдь и мы тоже люди, тоже христіане (Достоевскій особенно подробно останавливается на описаніи праздниковъ Рождества Христова и Пасхи). Но что болѣе всего цѣнитъ Достоевскій въ арестантахъ, такъ это сознаніе своей грѣховности. Онъ говоритъ, что, когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: „но яко разбойника мя пріими“, почти всѣ повалились на землю, буквально принявъ эти слова на свой счетъ, какъ преступники. Вообще, въ острогѣ бывало иногда такъ, что знаешь человѣка, говоритъ Достоевскій, нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его неволь-

[1]) Мережковскій: „Л. Толстой и Достоевскій“. т. 2, 164.
[2]) Миллеръ. „Русскіе писатели послѣ Гоголя“, стр 136—137.

нымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали“ [1]). „Люди вездѣ люди“, говоритъ Достоевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ, и въ каторгѣ между разбойниками я отличалъ, наконецъ, людей. Повѣришь-ли, есть характеры глубокіе, сильные, прекрасные, и какъ весело было подъ грубой корой отыскивать золото! И не одинъ, не два, а нѣсколько. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны“ [2]). Но въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго—эта двойственность только констатируется, какъ фактъ, какъ пассивное состояніе. Не то мы видимъ въ послѣдующихъ, начиная съ „Преступленія и наказанія“, произведеніяхъ. Здѣсь уже эти состоянія, взаимно исключающія другъ друга, находятся въ борьбѣ, результатомъ которой является или полное паденіе человѣка, или-же возрожденіе. Раскольниковъ, по характеристикѣ Разумихина, „угрюмъ, мраченъ, надменъ и гордъ,—великодушенъ и добръ; иногда холоденъ и безчувственъ до безчеловѣчья, право точно въ немъ „два противоположные характера поочередно смѣняются“ [3]). Онъ убійца, преданъ суду, но наканунѣ убійства онъ видитъ сонъ, воспроизводящій одинъ фактъ изъ его дѣтства и изобличающій въ немъ натуру совершенно другую [4]). Во время суда Разумихинъ откопалъ откуда-то свѣдѣнія и представилъ доказательства, что преступникъ Раскольниковъ, въ бытность свою въ университетѣ, изъ послѣднихъ средствъ своихъ помогалъ одному своему бѣдному и чахоточному университетскому товарищу и почти содержалъ его въ продолженіе полу-года. Когда же тотъ умеръ, ходилъ за оставшимся въ живыхъ старымъ и разслабленнымъ отцомъ товарища... помѣстилъ, наконецъ, этого старика въ больницу и, когда тотъ тоже умеръ, похоронилъ его. Сама бывшая хозяйка его, мать умершей невѣсты Раскольникова, вдова Зарницына тоже разсказываетъ, что, когда онѣ еще жили въ другомъ домѣ, у Пяти Угловъ, Раскольниковъ во время пожара, ночью, вытащилъ изъ одной квартиры, уже загорѣвшейся двухъ маленькихъ дѣтей и былъ при этомъ обожженъ“ [5]). „Извѣстно-ли вамъ, разсказываетъ мать Раскольникова, какъ онъ полтора года назадъ меня изумилъ, потрясъ и чуть совсѣмъ не уморилъ, когда вздумалъ было жениться на этой, какъ ее, на дочери Зарницыной, хозяйки его... Вы ду-

---

[1]) Миллеръ. „Русск. писатели послѣ Гоголя“, стр. 140.
[2]) Ibid. 140.
[3]) Т. 5, 211.
[4]) Ibid, 55—61.
[5]) Т. 5, стр. 532.

маете, его-бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болѣзнь, моя смерть, можетъ быть, съ тоски,—наша нищета. А неужели онъ, неужели-жъ онъ насъ не любилъ"? [1]). „Больная такая дѣвочка была, вдругъ задумываясь и потупившись, вспоминаетъ самъ Раскольниковъ—совсѣмъ хворая, нищимъ любила подавать и о монастырѣ все мечтала, и разъ залилась слезами, когда мнѣ объ этомъ стала говорить... Право не знаю, за что я къ ней тогда привязался, кажется за то, что всегда больная. Будь она еще хромая, аль горбатая, я-бы, кажется, еще больше ее полюбилъ (онъ задумчиво улыбнулся). Такъ, какой-то бредъ весенній былъ [2]). „Правъ, правъ пророкъ, когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хор-р-рошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся дрожащая тварь! кричитъ онъ почти въ безумномъ бѣшенствѣ, „скрежеща зубами". „О, ни за что, ни за что не прощу я старушенкѣ... Кажется бы, другой разъ убилъ, если-бы очнулась"! [3]). И тотчасъ же, почти безъ перехода, точно не онъ, а кто-то въ немъ заговорилъ совсѣмъ другой, другимъ голосомъ: „Лизавета! Соня! Бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими... Милыя! Зачѣмъ онѣ не плачутъ? Зачѣмъ онѣ не стонутъ? Онѣ все отдаютъ... глядятъ кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня"! [4]). „Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ, „и раба Родіона" больше ничего" [5]). Въ самыя изступленныя минуты—вдругъ откуда-то изъ невѣдомыхъ ему самому глубинъ его сердца подымается какъ-бы тихое вѣяніе: тогда все въ немъ размягчается—льются слезы.

Выразитель взглядовъ Достоевскаго—Идіотъ точно такъ же отыскиваетъ въ другихъ людяхъ хорошія стороны ихъ характера: онъ вѣритъ въ людей. „Развѣ вы такая", говоритъ онъ Настасьѣ Филипповнѣ въ то время, когда она характеризуетъ себя съ самой дурной стороны [6]). „Рогожинъ, не вѣрю", говоритъ онъ ему, когда тотъ думалъ его убить [7]). Всякое сомнѣніе въ людяхъ онъ считаетъ величайшимъ преступленіемъ, и когда это сомнѣніе закрадывается въ его душу, онъ страшно мучится. Онъ не можетъ простить себѣ дурной мысли о человѣкѣ, напр., о Рогожинѣ, котораго онъ основательно считалъ способнымъ убить Настасью Филипповну. „О, какъ мучила князя чудовищность, „унизительность" этого убѣжденія, „этого низкаго предчувствія, и какъ

---

[1]) Ibid. 213.
[2]) Ibid. 151.
[3]) Стр. 231.
[4]) Стр. 171.
[5]) Стр. 180.
[6]) Т. 6, 126.
[7]) Ibid. 251.

обвинялъ онъ себя самого... О, я безчестенъ, повторялъ онъ съ негодованіемъ и съ краской въ лицѣ, какими-же глазами буду я смотрѣть теперь всю жизнь на этого человѣка! О, что за день! Боже, какой кошмаръ... Да, я человѣкъ безъ сердца и трусъ!“ [1]). И эта вѣра въ людей у Идіота не есть безосновательная. Предъ нимъ, предъ его чистой душой всякій человѣкъ дѣлается лучше и чище. Кора, которая скрывала отъ глазъ людскихъ „золото“, таящееся въ глубинѣ души человѣка, какъ-бы на время соскальзываетъ. Свѣтлыя черты характера Идіотъ находитъ и въ Лебедевѣ, и въ Рогожинѣ, и въ Келлерѣ. „Развѣ не способенъ къ свѣту Рогожинъ? Онъ говоритъ, что любитъ ее (Настасью Филипповну) но такъ, что въ немъ нѣту состраданія, нѣтъ никакой жалости“... Но онъ на себя „клевещетъ“... у него огромное сердце, которое можетъ и страдать и сострадать... Состраданіе есть главнѣйшій и, можетъ быть, единственный законъ бытія всего человѣчества [2]).

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе многихъ другихъ героевъ, мы скажемъ, что и въ нихъ Достоевскій, помимо внѣшней, эгоистической, характеризующейся гордостью, стороны, находитъ добрыя черты, и въ нихъ онъ констатируетъ фактъ двойственности и борьбу на почвѣ этого раздвоенія. Такъ, Ставрогинъ, съ одной стороны, ужасный бреттёръ и развратникъ; съ другой-же стороны—любящій и способный къ состраданію человѣкъ. Состраданіе заставляетъ его относиться къ Маріи Лебедкиной съ такой нѣжностью, которая, повидимому, ему совершенно не свойственна (эти отношенія въ высшей степени похожи на отношенія Раскольникова къ дочери Зарницыной). Двойственны также Подростокъ и Версиловъ. „Жажда благообразія, говоритъ Подростокъ, была въ высшей мѣрѣ, и ужъ, конечно, такъ; но какимъ образомъ она могла сочетаться съ другими ужъ Богъ знаетъ какими жаждами (здѣсь разумѣется сладострастіе)—это для меня тайна“ [3]). „Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и то же время“, говоритъ Версиловъ. „Знаете мнѣ кажется, что я весь точно раздваиваюсь... Точно подлѣ васъ стоитъ вашъ двойникъ, вы сами умны и разумны, а тотъ непремѣнно хочетъ сдѣлать подлѣ васъ какую-нибудь безсмыслицу“... Димитрій Карамазовъ вмѣстѣ съ идеаломъ содомскимъ не отрицаетъ и идеала Мадонны. Иванъ Карамазовъ такъ-же раздваивается. Чортъ—воплощеніе худшей стороны его природы: „ты воплощеніе меня самого, говоритъ онъ въ бреду чорту, только одной, впрочемъ, моей стороны...

---

[1]) Ibid. 249.
[2]) T. VI, стр. 245; о Лебедевѣ—стр. 444, о Келлерѣ—303.
[3]) T. VIII, 390.

моихъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ“ [1]).

Въ противоположность соціализму и католицизму, которые все свое вниманіе обращаютъ на эгоистическую, чисто матеріальную, плотскую сторону природы человѣка—и за этой стороной не видятъ никакой другой, Достоевскій главное вниманіе обращаетъ—на другую духовную сторону природы человѣка, характеризующуюся любовью и состраданіемъ. Ей онъ придаетъ особенный смыслъ и значеніе. По его проницательному взгляду, эта сторона природы человѣка, эти хорошія, добрыя черты ея могутъ служить незыблемымъ основаніемъ того вѣчно совершенствующагося внутренняго царства правды въ человѣкѣ, на которомъ только и можетъ создаться, въ свою очередь, царство правды въ смыслѣ объективномъ—свободное братство на началахъ самопожертвованія.

Придавая такое значеніе любви, коренящейся въ природѣ человѣка, Достоевскій, опять таки въ противоположность соціалистамъ и католикамъ, возлагавшимъ всю надежду на усовершенствованіе учрежденій, призываетъ людей къ усовершенствованію себя самихъ въ духѣ любви, къ отысканію кроющейся въ душѣ человѣка искры Божіей, призываетъ найти „себя въ себѣ“. Этотъ призывъ слышится уже въ той иронiи, которую Достоевскій направляетъ по адресу соціалистовъ. „Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому, что „среда заѣла“—и ничего больше. Любимая фраза! Отсюда прямо, если общество устроить нормально, то разомъ и всѣ препятствія исчезнуть, такъ какъ не для чего будетъ протестовать и всѣ въ одинъ мигъ станутъ праведными. „Натура“ не берется въ расчетъ, натура изгоняется, натуры не полагается. У нихъ не человѣчество, развившись историческимъ живымъ путемъ до конца, само собою обратится, наконецъ, въ нормальное общество, а, напротивъ, соціальная система, выйдя изъ какой-нибудь математической головы, тотчасъ-же и устроить все человѣчество, въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого пути, безъ всякаго историческаго и живого процесса... И выходитъ въ результатѣ, что все на одну кладку кирпичиковъ, да на расположеніе коридоровъ и комнатъ въ фаланстеры свели. Фаланстера-то готова, да натура-то у васъ для фаланстеры еще не готова,

---

[1]) Т. XII, 754—755. Мы дѣлаемъ самую краткую характеристику героевъ Достоевскаго со стороны ихъ двойственности. Болѣе подробную можно найти у Д. С. Мережковскаго въ его капитальномъ трудѣ: „Л. Толстой и Достоевскій“—т. 2, гдѣ цѣлая глава спеціально носящая заглавіе: „Раздвоеніе у Достоевскаго“ посвящена этимъ характеристикамъ. Правда, у него своя цѣль, своя идея. Но мы съ успѣхомъ можемъ воспользоваться его трудомъ и для своей цѣли.

жизни хочетъ, жизненнаго процесса еще не завершила“ [1]). „Чего думать, чего голову ломать, иронизируетъ въ другомъ мѣстѣ Достоевскій, еще заболитъ: взять готовое у чужихъ и тотчасъ начнется музыка, согласный концертъ—

„Мы вѣрно поладимъ,
„Коль рядомъ сядемъ.

Ну, а что, коль вы въ музыканты-то еще не годитесь“ [2])? Уже отсюда ясенъ отвѣтъ Достоевскаго на вопросъ „что дѣлать“. Но особенно ясное выраженіе призывъ къ самоусовершенствованію нашелъ себѣ въ „Пушкинской рѣчи“ Достоевскаго. Разбирая Пушкинскій типъ „Алеко“ (въ „Цыганахъ“), Достоевскій говоритъ, что онъ „жаждетъ спасенія преимущественно отъ явленій внѣшнихъ. Правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью“. Алеко бѣжитъ къ цыганамъ, думая тамъ найти исходъ тоски своей. „Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ“. И что-же оказывается: при первомъ-же столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
„Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
„Мы не терзаемъ, не казнимъ“.

По поводу этого типа Достоевскій говоритъ, что здѣсь уже подсказывается „русское“ рѣшеніе „проклятаго“ (соціальнаго) вопроса: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ... Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой и узришь правду... Побѣдишь себя, усмиришь себя и станешь „свободенъ“, какъ никогда не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя... Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ и требуешь

1) Т. V, 252—253.
2) Т. XI, 506.

жизни даромъ, даже не предполагая, что за нее надобно заплатить“ [1]).

Условіемъ такого самоусовершенствованія, какъ это видно изъ даннаго призыва, такъ и изъ образовъ Раскольникова и Димитрія Карамазова съ ихъ тяжкимъ паденіемъ и подвигами самоисправленія, является самоосужденіе, „смиренное“ сознаніе, что они на ложномъ пути, самоотреченіе. Это начало Достоевскій ставитъ общимъ принципомъ нравственнаго возвышенія человѣка. Живое осуществленіе этого принципа влечетъ за собою высшія проявленія человѣческой души. Тѣ черты любви, которыя кроются въ душѣ каждаго человѣка въ потенціальномъ состояніи, благодаря дѣйствію указаннаго принципа, по мнѣнію Достоевскаго, перейдутъ въ кинетическое и въ своемъ высшемъ развитіи выразятся въ жертвахъ самоотверженія. Въ этихъ началахъ самоусовершенствованія, въ этой самоотверженной любви Достоевскій и видитъ основаніе для свободнаго братскаго единенія людей.

Самоосужденіе, какъ фактъ внутренней жизни человѣка, не даетъ, по взгляду Достоевскаго, переносить ему свою виновность на другихъ, на среду, на ненормальность устройства общества съ отрицаніемъ отвѣтственности за преступленія, не заставляетъ даже проникаться виновностью другихъ, какъ своею, видѣть въ ней свое участіе. Вопреки взгляду соціалистовъ, по которому „преступникъ безотвѣтенъ“ и „преступленія не существуетъ, такъ какъ „общество устроено ненормально“, Достоевскій вину въ нестроеніяхъ жизни возлагаетъ на самого человѣка. „Никакой муравейникъ, никакое торжество „четвертаго сословія“, никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а, слѣдовательно, виновности и преступности... Зло таится въ человѣкѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лекаря соціалисты, что ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, если душа человѣческая останется та же, что ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой“ [2]). Подтвержденіе такого взгляда Достоевскій находитъ въ томъ, что самоосужденіе, сознаніе своей преступности свойственно человѣку, находящемуся даже на самой низкой степени нравственнаго паденія (эту мысль Достоевскій съ особенною настойчивостью утверждаетъ), что никто изъ преступниковъ не дерзаетъ считать свои преступленія не преступленіями [3]). Но этого мало. Достоевскій идетъ далѣе. Слагая вину на человѣка, онъ понимаетъ эту виновность въ самомъ широкомъ смыслѣ.

---

[1]) Т. XI, 255—259.
[2]) Т. XI, 248.
[3]) Т. IX, 183—184.

Ставя себя въ живую связь съ окружающей средой, человѣкъ (правда уже высоконравственный) сознаетъ, что онъ самъ неминуемо оказываетъ то или другое, но постоянное и неуловимое часто воздѣйствіе на эту среду. По взгляду Достоевскаго, это вліяніе такъ неуловимо, что его часто совсѣмъ нельзя замѣтить, а на самомъ дѣлѣ оно есть. „Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный, со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливой душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а можетъ быть, ты ужъ тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потому, что не уберегся предъ дитятей... Все какъ море океанъ, все течетъ и соприкасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается“ [1]). Оказывая такое воздѣйствіе на среду, на окружающихъ людей, человѣкъ, по взгляду Достоевскаго, долженъ сознавать себя отвѣтственнымъ и за среду и за дѣянія людей, составляющихъ эту среду. Здѣсь-то и находитъ мѣсто афоризмъ старца Зосимы: „всѣ во всемъ и предъ всѣми виноваты“. Дѣйствительно, виновность и отвѣтственность у Достоевскаго простираются до такихъ предѣловъ, дальше которыхъ уже нельзя идти. Человѣкъ является виновнымъ не только за дѣянія людей, онъ является отвѣтственнымъ даже предъ природой. Яркій образъ такой виновности предъ всѣми и за все Достоевскій далъ намъ въ лицѣ брата Зосимы Маркелла и въ типѣ Димитрія Карамазова. Признавая себя виновнымъ „во всемъ и предъ всѣми“, Маркеллъ проситъ даже прощенія у птичекъ: „птички Божіи, птички радостныя, простите и вы меня, потому что и предъ вами я согрѣшилъ. Да, говоритъ, была такая Божія слава кругомъ меня, птички, деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все обезчестилъ, и красы и славы не примѣтилъ вовсе“ [2]). Димитрій Карамазовъ видитъ сонъ: „вотъ онъ будто-бы гдѣ-то въ степи, тамъ гдѣ служилъ давно, еще прежде и везетъ его въ слякоть на телѣгѣ, на парѣ, мужикъ... И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы черныя, пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ одни обгорѣлыя бревна. А при въѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ одна съ краю, такая костлявая высокаго роста, кажется, ей лѣтъ сорокъ, а можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно быть, у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, пла-

---

[1]) Т. XII, 380.
[2]) Т. XII, 344.

четъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, отъ холоду совсѣмъ какія-то сизыя. Что они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ, лихо пролетая мимо нихъ, Митя. Дитё, отвѣчаетъ ему ямщикъ, дитё плачетъ... Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый, Митя. Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ? А иззябло дитё, промерзла одежда, вотъ, и не грѣетъ. Да почему это такъ? Почему? все не отстаетъ глупый Митя. А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, на погорѣлое мѣсто просятъ. Нѣтъ, нѣтъ, все будто еще не понимаетъ Митя,—ты скажи: почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ дите?" Во снѣ онъ такъ и не рѣшилъ этого недоразумѣнія, и только проснувшись, онъ приходитъ къ сознанію, что во всемъ этомъ,—въ томъ что плачетъ дитё—онъ самъ виноватъ. „Господа,—говоритъ онъ, готовясь отправиться въ тюрьму,—всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть! Каждый день моей жизни, я, бія себя въ грудь, обѣщалъ исправиться и каждый день творилъ все тѣ же пакости" [1]). Здѣсь уже прямо вселенская виновность.

Такимъ образомъ самоосужденіе, будучи началомъ самосовершенствованія, приводитъ людей къ сознанію взаимной виновности—и къ нравственному всепрощенію. Сознавши себя виновными во всемъ и предъ всѣми, люди все и всѣмъ простятъ и „согласятся" принять прощеніе отъ другихъ, тогда установится рай на землѣ [2]), установится указанное выше свободное братство. Сознаніе своей вмновности предъ всѣми,—съ одной стороны, всепрощеніе—съ другой, послужатъ побужденіемъ къ взаимнымъ уступкамъ, жертвамъ, къ самоотверженной любви. А вѣдь въ такой-то любви, по мнѣнію Достоевскаго, и заключается спасеніе: спасеніе, въ рѣшимости дѣлать все ради дѣятельной любви". Если хотите, раздайте имѣніе, работайте на всѣхъ, собирайте, какъ Власъ.. „И если не хотите собирать, какъ Власъ, на храмъ Божій, то заботьтесь о просвѣщеніи души бѣдняка, свѣтите ему, учите его. Если-бы и всѣ роздали, какъ вы, свое имѣніе „бѣднымъ", то раздѣленныя на всѣхъ, всѣ богатства богатыхъ міра сего были-бы лишь каплей въ морѣ. А потому надобно заботиться больше всего о свѣтѣ, о наукѣ и о усиленіи любви. Тогда богатство будетъ расти въ самомъ дѣлѣ, и богатство настоящее, потому что оно не въ золотыхъ плать-

[1]) Т. XII, 602—604.
[2]) Т. 6, 367.

яхъ заключается, а въ радости общаго соединенія и въ твердой надеждѣ каждаго на всеобщую помощь въ несчастьи ему и дѣтямъ его. И не говорите, что вы лишь слабая единица, и что если вы одинъ раздадите имѣніе и пойдете служить, то ничего этимъ не сдѣлаете и не поправите. Напротивъ, если даже только нѣсколько будетъ такихъ, какъ вы, такъ и тогда двинется дѣло. Да, съ сущности, и не надо даже раздавать „непремѣнно“ имѣнія, ибо всякая „непремѣнность“ тутъ, въ дѣлѣ любви, похожа на мундиръ, на рубрику, на букву... Надо дѣлать только то, что велитъ сердце: велитъ отдать имѣніе—отдайте, велитъ идти работать на всѣхъ—идите... Тогда и наступитъ истинная свобода, равенство и братство“. „Въ нынѣшнемъ образѣ міра полагаютъ свободу въ разнузданности, тогда какъ настоящая свобода—лишь въ одолѣніи себя и воли своей... Чуть-чуть не весь нынѣшній міръ полагаетъ свободу въ денежномъ обезпеченіи... а между тѣмъ это, въ сущности, не свобода, а опять таки рабство, рабство отъ денегъ... Затѣмъ, что такое въ нынѣшнемъ образованномъ мірѣ равенство? Ревнивое наблюденіе другъ за другомъ, чванство и зависть: „онъ уменъ, онъ Шекспиръ, онъ тщеславится своимъ талантомъ—унизить его, истребить его“. Между тѣмъ, настоящее равенство говоритъ: какое мнѣ дѣло, что ты талантливѣе меня, умнѣе меня, красивѣе меня? Напротивъ, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я ничтожнѣе тебя, но, какъ человѣка, я уважаю себя, и ты знаешь это, и самъ уважаешь меня, а твоимъ уваженіемъ я счастливъ“.

Если такъ будутъ говорить всѣ люди, то ужъ, конечно, они станутъ и братьями, и не изъ одной только экономической пользы, а отъ полноты любви“ [1]).

Скажутъ, что это фантазія, что это „русское рѣшеніе вопроса“ есть Царство Небесное и возможно лишь въ Царствѣ Небесномъ... Но въ этой фантазіи несравненно менѣе фантастическаго и несравненно болѣе вѣроятнаго, чѣмъ въ европейскомъ рѣшеніи. Такихъ людей, т. е. Власовъ мы уже видѣли и видимъ у насъ во всѣхъ сословіяхъ, и даже довольно часто; тамошняго-же „будущаго человѣка“ мы еще нигдѣ не видѣли и самъ онъ обѣщалъ придти, перейдя лишь рѣки крови“ [2]). Такихъ Власовъ, такихъ „будущихъ“ людей въ „русскомъ“ смыслѣ—и рисуетъ намъ Достоевскій въ типахъ: Идіота, Алеши Карамазова, старца Зосимы, его брата Маркелла. Всѣ они вполнѣ отвѣчаютъ указаннымъ выше требованіямъ для образованія внутренняго, духовнаго и свободнаго братства. Всѣ они сознаютъ себя во всемъ и предъ всѣми виноватыми; всѣ они все и всѣмъ прощаютъ и согла-

---

[1]) T. XI, 68—71.
[2]) Ibid. 71—72.

шаются принять прощеніе и отъ другихъ; всѣ они въ высшей степени, наконецъ, „человѣколюбцы“, готовые всѣмъ пожертвовать для другихъ. Жажда жертвъ у нихъ сильная, но не болѣзненная, какъ можетъ показаться съ перваго раза, не „надрывъ“, а вполнѣ естественно вытекаетъ изъ ихъ природы—изъ ихъ души.

„*Невозможная отъ человѣкъ, возможна суть отъ Бога*“. Соціалисты и вообще люди ихъ направленія вполнѣ правы съ *своей* точки зрѣнія, если они обвиняютъ Достоевскаго въ утопичности его взглядовъ, если они считаютъ невозможнымъ, чтобы люди достигли такого совершенства, при которомъ осуществилось-бы свободное братство, основанное на взаимномъ самопожертвованіи. „Милый князь, говоритъ Идіоту одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа—князь Щ., по поводу высказанной имъ мысли о всепрощеніи, рай на землѣ не легко достается; а вы все-таки нѣсколько на рай разсчитываете; рай вещь трудная, князь, гораздо труднѣе, чѣмъ кажется вашему прекрасному сердцу“ [1]). Дѣйствительно, человѣкъ при помощи своихъ собственныхъ естественныхъ силъ (а соціалисты и имѣютъ въ виду такого естественнаго человѣка) не въ состояніи быть такимъ, какъ Идіотъ, Алеша, Зосима,—не въ силахъ, слѣдовательно, и составить братства. Но Достоевскій и не думаетъ устраивать человѣка на началахъ однихъ его естественныхъ силъ. Онъ нашелъ твердую почву для своихъ взглядовъ, для своихъ, если хотите, утопій; нашелъ ее въ вѣрѣ, въ христіанствѣ. Достиженіе цѣлей личнаго самоусовершенствованія въ духѣ любви, цѣлей „поправленія природы“ людей въ смыслѣ прямо противоположномъ идеѣ „поправленія природы“ у Раскольникова и осуществленіе на началахъ этого самоусовершенствованія свободнаго братства возможны, по взгляду Достоевскаго, только въ христіанствѣ—при живой вѣрѣ въ Бога и Христа, въ частности, въ православной Церкви, единственно сохранившей въ цѣлости и неповрежденности Христа и Его образъ.

Достоевскій ясно показываетъ намъ это положительное значеніе христіанства, когда описанную нами выше борьбу, происходящую на почвѣ двойственности природы человѣка, разсматриваетъ гораздо глубже, чѣмъ нравственность. Онъ ставитъ вопросъ объ условіяхъ раздвоенія: гдѣ причина двухъ противоположныхъ, поочередно смѣняющихся характеровъ двухъ противоположныхъ „я“ Раскольникова? Гдѣ причина раздвоенія Версилова, Ивана Карамазова, Димитрія и т. д. Почему они въ одно время являются добрыми, любящими, сострадающими людьми, въ другое же время—эгоистами, гордыми, провозглашающими антропофагію? Чтобы

[1]) Т. VI, 367.

понять эту борьбу, весь ея ужасъ, нужно понять весь ужасъ ихъ религіозной борьбы. Достоевскій ясно указываетъ намъ, что всѣ эти герои ходятъ между двумя безднами: между бездной вѣры и бездной невѣрія и единовремено созерцаютъ обѣ бездны. „Вы въ Бога вѣруете? любопытствуетъ Порфирій у Раскольникова.—Вѣрую. И въ воскресеніе Лазаря вѣруете? Вѣрую.—Буквально вѣруете?—Буквально 1), отвѣчаетъ Раскольниковъ. Но едвали не въ тотъ-же день онъ говоритъ Свидригайлову: я не вѣрую въ будущую жизнь, что однако не мѣшаетъ собесѣднику тотчасъ напугать его чуть не до истерики, чуть не до слезъ кошмарами и привидѣніями, бредомъ о вѣчности—„закоптѣлой банѣ съ пауками по угламъ“. Ставрогинъ, если вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ вѣруетъ. Если-же не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ не вѣруетъ“. Въ то время, говоритъ Шатовъ Ставрогину, когда вы насаждали въ моемъ сердцѣ Бога и родину (идею русскаго народа богоносца), въ то-же самое время, даже, можетъ быть, въ тѣ-же самые дни вы отравили сердце этого несчастнаго, этого маньяка Кириллова ядомъ. Вы утверждали въ немъ ложь и клевету и довели разумъ его до изступленія“. Въ одно и то же время, такимъ образомъ, онъ проповѣдуетъ и вѣру и невѣріе, и Христа и Антихриста. Ту-же религіозную двойственность мы наблюдаемъ и въ Версиловѣ. Онъ проповѣдуетъ Бога, носитъ вериги; съ другой-же стороны—проповѣдуетъ невѣріе и мечтаетъ устроиться безъ Бога. Но особенно ярко это религіозное раздвоеніе въ Иванѣ Карамазовѣ. Раздваиваясь такъ между вѣрой и невѣріемъ, герои Достоевскаго раздваиваются и нравственно: въ моменты вѣры они добрые, любящіе, сострадающіе люди; въ моменты-же невѣрія они эгоисты, сладострастники, проповѣдуютъ антропофагію. Отсюда ясно, что любовь возможна только при вѣрѣ въ Бога и Христа, въ христіанствѣ.

Но если любовь возможна только въ христіанствѣ, то и описанное выше внутреннее, духовное и свободное братство, основанное на взаимномъ самопожертвованіи, возможно только въ немъ. Дѣйствительно, въ противоположность католицизму, православіе, въ нѣдрахъ котораго хранится истинное христіанство, провозглашаетъ именно такое внутреннее, духовное единеніе человѣчества во Христѣ. „Послѣ того какъ пала идея всемірной римской монархіи, она замѣнилась новымъ идеаломъ всемірнаго единенія во Христѣ. Этотъ новый идеалъ раздвоился на восточный, то есть идеалъ совершенно духовнаго единенія людей, и на западный, европейскій, римско-католическій, папскій, совершенно обратный восточному. Въ восточномъ (православномъ) идеалѣ сначала

1) Т. V, 321.

духовное единеніе человѣчества во Христѣ и, несомнѣнно, вытекающее изъ него, правильное государственное и соціальное единеніе, тогда какъ по римскому толкованію наоборотъ“ [1]). Это внутреннее, духовное единеніе людей по православной идеѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и само собою—свободное. Свобода—отличительная и существенная черта христіанства, а потому великій Инквизиторъ былъ правъ, когда говорилъ Христу: „свобода ихъ вѣры Тебѣ дороже всего была еще тогда, полторы тысячи лѣтъ назадъ. Не ты-ли такъ часто тогда говорилъ: „хочу сдѣлать васъ свободными [2]). Ради свободы—свободной любви Христосъ отвергъ всѣ искушенія діавола. Онъ отвергъ хлѣбы, „ибо какая-же свобода, если послушаніе куплено хлѣбами“ [3]). Ради свободы онъ отвергъ чудо, ибо жаждалъ свободной вѣры, а не вынужденной чудомъ. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ“ [4]). Ради той-же свободы Христосъ отвергъ тайну и (внѣшній) авторитетъ. Вообще, говоритъ Инквизиторъ, вмѣсто того, чтобы овладѣть свободой людской, Онъ умножилъ ее. Онъ возжаждалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Нимъ, прельщенный и плѣненный Имъ. Вмѣсто твердаго, древняго закона, свободнымъ сердцемъ долженъ былъ рѣшать человѣкъ впредь самъ, что добро и что зло“ [5]). Если таково христіанство, то и христіанское единеніе людей должно быть свободнымъ. И дѣйствительно, Достоевскій ясно отмѣчаетъ эту черту христіанскаго единенія въ противоположность соціализму. Въ христіанствѣ не „ты долженъ“, а „я долженъ“. По поводу Левина, который мучается рѣшеніемъ соціальнаго вопроса, Достоевскій говоритъ, что онъ смѣшиваетъ христіанское рѣшеніе съ „историческимъ правомъ“, на которомъ основывается соціалистическое рѣшеніе вопроса. Различіе между ними образно выражаетъ такъ: „Стоитъ Левинъ, стоитъ задумавшись послѣ ночного разговора своего на охотѣ со Стивой и мучительно, какъ честная душа, желаетъ разрѣшить смутившій, и уже прежде, стало быть, смущавшій его вопросъ: „Да, думаетъ онъ, полурѣшая, да, если по настоящему, то за что мы ѣдимъ, пьемъ, охотимся, ничего не дѣлаемъ, а бѣдный вѣчно въ трудѣ! Да, Стива правъ, „я долженъ“ раздѣлить мое имѣніе бѣднымъ и пойти работать на нихъ. Стоитъ подлѣ Левина „бѣдный“ и говоритъ: да, „ты дѣйствительно долженъ и обязанъ“ отдать свое имѣніе намъ, бѣднымъ, и пойти работать на насъ—

---

1) T. XI, 183—184.
2) XII, 297—298.
3) T. XII. 300.
4) Ibid., 306.
5) Ibid., 302—303.

Левинъ выйдетъ совершенно правъ, а „бѣдный“ совершенно не правъ. Нравственное рѣшеніе нельзя смѣшивать съ историческимъ 1). Ту же самую мысль и то же самое различіе между соціализмомъ и христіанствомъ отмѣчаетъ Достоевскій въ письмѣ къ нѣкоему Ковнеру: „христіанинъ, т. е. полный, высшій, идеальный, говоритъ: я долженъ раздѣлить съ меньшимъ братомъ мое имущество и служить имъ всѣмъ. А коммунаръ говоритъ: да, ты долженъ раздѣлить со мною, меньшимъ и нищимъ твое имущество и долженъ мнѣ служить. Христіанинъ будетъ правъ, а коммунаръ будетъ не правъ 2).

Какимъ образомъ христіанство можетъ образовать такое свободное братство, въ чемъ собственно положительное его значеніе при болѣе точномъ опредѣленіи?

Прежде всего христіанство, по взгляду Достоевскаго, имѣетъ, если можно такъ выразиться, значеніе чисто гносеологическое. Въ противоположность соціалистамъ и католикамъ-раціоналистамъ, пытающимся найти истину при помощи разума, Достоевскій—мистикъ. Истина, потому, дается только въ вѣрѣ и изъ вѣры. Основною идеею Достоевскаго можно считать слѣдующую: умъ, какъ-бы онъ ни былъ логиченъ, еще не все; есть въ человѣческой душѣ нѣчто иное, высшее, съ чѣмъ умъ долженъ считаться, и приближеніе къ истинѣ нуждается въ помощи этого послѣдняго элемента, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ въ холодной логикѣ. Этой идеѣ своей какого-нибудь теоретическаго обоснованія, правда, не далъ Достоевскій, но онъ выразилъ ее въ живыхъ образахъ, настолько убѣдительныхъ, что съ ними нельзя не согласиться. Уже въ своемъ первомъ произведеніи „Бѣдные люди“ Достоевскій хотѣлъ показать, что извѣстная степень развитія и „современной“ образованности, какъ у Быкова и у „Литератора“, еще не ручается за большое развитіе драгоцѣнныхъ человѣческихъ качествъ, и, наоборотъ, бѣдность и неразвитость ума не лишаютъ человѣка ихъ. Но особенно указанная выше идея Достоевскаго ярко выразилась въ „Преступленіи и Наказаніи“ и слѣдующихъ за нимъ романахъ. Раскольниковъ—студентъ, человѣкъ образованный, въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ исканій истины находитъ ее у простой дѣвушки Сони, при ея далеко не блестящемъ умѣ и почти полномъ отсутствіи образованія. Въ „Идіотѣ“ князь Мышкинъ представляетъ изъ себя въ сущности то же, что Соня, но, конечно, въ иныхъ условіяхъ пола и жизненныхъ обстоятельствъ. Онъ больной человѣкъ—идіотъ. Но этотъ „идіотъ“ умнѣе многихъ окружающихъ и провидитъ впередъ многое

---

1) Т. XI, 65.

2) „Біографія, замѣтки и письма“—Письмо къ Ковнеру—стр. 320—321.

тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ. Подростокъ, въ концѣ концовъ, находитъ „благообразіе“ у простого крестьянина Макара Ивановича. Левинъ, разсуждаетъ Д—ій,—мучается вѣковѣчными вопросами о Богѣ. о вѣчной жизни, о добрѣ и злѣ и находитъ разрѣшеніе ихъ въ словахъ простого мужика. Алеша Карамазовъ, этотъ недоучка—гимназистъ, представляется обладателемъ истины, въ то время какъ братъ его Иванъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, находится на распутьи. Вообще, обладателями истины и миссіонерами ея у Д—скаго являются не люди науки, а люди, не получившіе научнаго образованія: дѣти, люди изъ народа, женщины [1]). Что-же это за драгоцѣнное качество, которое дѣлаетъ человѣка обладателемъ истины? Если мы обратимся къ характеристикѣ лицъ, обладающихъ истиной, то увидимъ, что основною чертою ихъ является вѣра и происходящая изъ вѣры любовь. Имъ-то, очевидно, и приписываетъ такое значеніе Достоевскій въ дѣлѣ отысканія истины.

Однако было-бы несправедливо, ссылаясь на вышеприведенные факты, обвинять Д—скаго въ проповѣди невѣжества, считать его противникомъ образованія науки. Несправедливость этого обвиненія открывается уже изъ того, что всѣ его учители — обладатели истины, часто изъ народа, всегда любители науки и не унижаютъ послѣдней. „Съ измлада науку почиталъ, и хоть несмысленъ, говоритъ Макаръ Ивановичъ, но на то не ропщу, не мнѣ, такъ другому досталось“ [2]). Онъ даже знаетъ телескопъ. Самъ Д—скій вотъ что говоритъ въ „Дневникѣ Писателя“ объ образованіи и о необходимости распространить его въ народѣ. „Образованность и теперь уже занимаетъ у насъ первую ступень въ обществѣ. Все уступаетъ ей; всѣ сословныя преимущества таютъ въ ней... Въ усиленномъ, въ скорѣйшемъ развитіи образованія—вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила, единственный сознательный путь впередъ и, что важнѣе всего, путь мирный, путь согласія, путь къ настоящей силѣ.. Только образованіемъ можемъ мы завалить и глубокій ровъ, отдѣляющій насъ теперь отъ нашей родной почвы. Грамотность и усиленное распространеніе ея—первый шагъ всякаго образованія“. Подростку-идеалисту вотъ что пишетъ онъ рукою его воспитателя: „Мысль о поступленіи вашемъ въ Университетъ въ высшей степени для васъ благотворна. Наука и жизнь несомнѣнно раскроютъ въ три-четыре года еще шире горизонты мыслей и стремленій вашихъ, а если и послѣ Университета пожелаете снова обра-

---

[1]) Полн. собр. соч. еп. Антонія, т. 3, гл. „Миссіонеры возрожденія“. „Пастырское изученіе людей по произв. Ѳ. М. Достоевскаго“.

[2]) Т. VIII, 365.

титься къ вашей идеѣ, то ничто не помѣшаетъ тому“ [1]). Д—скій, такимъ образомъ, не противникъ образованія, науки. Но онъ противникъ крайняго теоретическаго направленія ума. Онъ образованіе считаетъ необходимымъ, но образованіе истинное, а не современное ему, проникнутое мотивомъ самолюбія, которое не только не сближаетъ, но разъединяетъ, внутренно отчуждаетъ людей и народы. Его идея: знаніе должно черпать свое содержаніе изъ вѣры. „Толкуютъ и читаютъ весь свой вѣкъ, насытившись сладости книжной, говоритъ Д—скій отъ лица Макара Ивановича, а сами все въ недоумѣніи пребываютъ и ничего разрѣшить не могутъ. Иной весь раскидался, самого себя пересталъ замѣчать... Иной всѣ науки прошелъ, а все тоска. И мыслю такъ, что чѣмъ больше ума пребываетъ, тѣмъ больше скуки. Да и то взять: учатъ съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, а чему-же они научили доброму... Всѣ погибли, только каждый хвалитъ свою погибель, а обратиться къ Единой Истинѣ не помыслитъ, а жить безъ Бога — одна лишь мука“ [2]). Смотря такъ на науку, онъ цѣлью науки считаетъ слѣдующее: „ты младъ и востеръ, и таковъ указъ тебѣ вышелъ, ты и учись... Все познай, чтобы когда повстрѣчаешь безбожника, али озорника, чтобы ты могъ предъ нимъ отвѣтить, а онъ, чтобы тебя неистовыми словесами не забросалъ и мысли твои незрѣлыя не смутилъ“ [3]). Но особенно данная идея ясно выражается у Д-скаго, когда онъ разсуждаетъ о „просвѣщеніи“ русскаго народа. „Вы произнесли, говоритъ онъ въ полемикѣ съ Градовскимъ, важное слово: „просвѣщеніе“. Позвольте-же спросить, что вы подъ нимъ разумѣете: науки запада, полезныя знанія, ремесла или духовное просвѣщеніе? Первое, т. е. науки и ремесла дѣйствительно не должны миновать насъ... Но вѣдь подъ „просвѣщеніемъ“ я разумѣю (думаю, что и никто не можетъ разумѣть иначе) то, что буквально уже выражается въ самомъ словѣ „просвѣщеніе“, т. е. свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій ему дорогу жизни. Если такъ, то позвольте вамъ замѣтить, что такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіемъ (а не отсутствіемъ) источниковъ русскихъ... Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его“ [4]).

Примѣнимъ данное гносеологическое воззрѣніе Д—скаго къ интересующему насъ вопросу. Однимъ изъ главныхъ по-

---

[1]) Т. VIII, 578.
[2]) Т. VIII, 384.
[3]) Т. VIII, 365—366.
[4]) Т. XI, 473.

нятій, которое Достоевскій, какъ мы видѣли, кладетъ въ основу своей теоріи внутренняго, духовнаго и свободнаго единенія людей, является понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ любящемъ, сострадающемъ, способномъ къ самопожертвованію, основнымъ закономъ жизни котораго является „состраданіе“ [1]) и „любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ“ [2]). На этомъ понятіи онъ строитъ всю свою теорію. Но такое знаніе о человѣкѣ или, по крайней мѣрѣ, признаніе его такимъ возможно только при вѣрѣ и изъ вѣры, при свѣтѣ христіанскаго знанія. На основаніи разума соціалисты, равно какъ католики, могли придти только къ понятію о человѣкѣ, какъ матеріальномъ фактѣ, эгоистѣ, во всемъ руководствующемся собственной выгодой, основнымъ закономъ жизни котораго является „борьба за существованіе“. Къ инымъ результатамъ безъ Бога, внѣ христіанства они и не могли придти. Любовь открывается только въ вѣрѣ, а не въ разумѣ. Къ этой мысли, къ этому выводу въ концѣ концовъ послѣ долгихъ блужданій и приходитъ Левинъ. По поводу словъ простого мужика: „жить для души, Бога помнить“, въ которыхъ „всѣ вѣковѣчныя загадки разрѣшены“, Левинъ начинаетъ, какъ выражается Достоевскій, рядъ разсужденій „*весьма вѣрныхъ и мѣтко выраженныхъ*“. Мысль Левина та: къ чему искать умомъ того, что уже „дано“ самою жизнію, съ чѣмъ родится каждый человѣкъ и чему (поневолѣ даже) долженъ слѣдовать и слѣдуетъ каждый человѣкъ? Съ совѣстью, съ понятіемъ о добрѣ и злѣ каждый человѣкъ рождается, стало быть, рождается прямо и съ цѣлью жизни: жить для добра и не любить зла... Я-же, говоритъ Левинъ, хотѣлъ все это познать математикой, наукой, разумомъ, или ждалъ чуда, между тѣмъ это дано мнѣ даромъ, рождено со мной... Всѣ на свѣтѣ понимаютъ, или могутъ понять, что надо любить ближняго какъ самого себя“. Въ этомъ знаніи, въ сущности, и заключается весь законъ человѣческій, какъ и объявлено намъ самимъ Христомъ. Между тѣмъ это знаніе прирожденно, стало быть, послано даромъ, ибо разумъ ни за что не могъ-бы дать такое знаніе, — почему? да потому что „любить ближняго“, если судить по разуму, выйдетъ неразумно. Откуда взялъ я это? (спрашиваетъ Левинъ). Разумомъ что-ли дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А лю-

---

[1]) Т. VI, 246.
[2]) Т. XI, 252.

бить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно". Откуда-же это знаніе? Изъ вѣры, изъ „понятія о Богѣ и Творцѣ. Руководствуясь однимъ разумомъ и отвергая Бога, люди, по мысли Левина, уподобляются дѣтямъ, которыя, шаля, жарятъ малину въ чашкахъ на свѣчахъ и льютъ себѣ молоко фонтаномъ въ ротъ и не „вѣрятъ" матери своей, что они испортятъ посуду и разольютъ молоко, т. е. что они разрушаютъ то самое, чѣмъ они живутъ. Ну-ка, пустите однихъ дѣтей, чтобы они сами пріобрѣли, сдѣлали посуду, подоили молоко и т. д.? Они бы съ голоду померли. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго. Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!.. Однимъ словомъ, сомнѣнія кончились—и Левинъ „увѣровалъ" [1]).

Болѣе подробно то знаніе, которое даетъ христіанство о человѣкѣ, раскрываетъ Д—скій въ своемъ поэтическомъ „снѣ смѣшного человѣка". Люди, какъ бы такъ говоритъ здѣсь Достоевскій, были сотворены добрыми, чистыми, невинными. Любовь была основнымъ закономъ ихъ жизни. Руководствуясь любовью, люди жили въ тѣсномъ и сплоченномъ братствѣ. Они были счастливы и веселы. Однимъ словомъ былъ рай на землѣ. „Все было точно такъ-же, какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло какимъ-то праздникомъ и великимъ, святымъ и достигнутымъ, наконецъ, торжествомъ. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши своего цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣжденъ въ томъ... выговаривали какія-то слова любви... Птички стадами перелетали въ воздухѣ... садились мнѣ на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И, наконецъ, я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они пришли ко мнѣ сами, они окружили меня, цѣловали меня. Дѣти—солнца, дѣти своего солнца,—о, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый, отблескъ красоты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей сверкали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сіяли разумомъ и какимъ-то восполнившимся уже до спокойствія сознаніемъ, но лица эти были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звучала дѣтская радость. О, я тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на ихъ лица, понялъ все, все! Это была земля не оскверненная грѣхопаденіемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ

[1]) Т. XI, 252—253.

же раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и наши согрѣшившіе прародители съ тою только разницею, что вся земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ же раемъ. Эти люди, радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня, они увели меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня... Ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь изливается на меня и теперь оттуда... О, я тотчасъ же понялъ, даже тогда, что во многомъ не пойму ихъ вовсе... Они не имѣли науки... Знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ... Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки. Они были рѣзвы и веселы, какъ дѣти. Они блуждали по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ... Когда они глядѣли на меня своимъ милымъ, проникнутымъ любовью взоромъ, тогда я чувствовалъ, что при нихъ и мое сердце становилось столь-же невиннымъ и правдивымъ... Отъ ощущенія полноты жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ".

Но въ такомъ невинномъ состояніи люди не устояли. Они согрѣшили. „Кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ это могло совершиться—не знаю, но помню ясно. Сонъ пролетѣлъ черезъ тысячелѣтія, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣлаго. Знаю только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государства, такъ и я заразилъ собой всю эту счастливую, безгрѣшную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, можетъ быть, началось невинно, съ шутки, съ кокетства, съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ сердца и понравился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладострастіе породило ревность, ревность—жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь; они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но ужъ другъ противъ друга... Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго счастья и называли его мечтой". Далѣе Д—скій показываетъ попытки людей устроиться на началахъ разума и науки, тѣ самыя попытки, о которыхъ мы говорили выше, и показываетъ къ чему эти попытки привели. Въ краткихъ словахъ онъ изображаетъ то, что было предметомъ и цѣлью цѣлыхъ романовъ.

Выводъ, который дѣлаетъ изъ всего изложеннаго—изъ своего сна смѣшной человѣкъ,—та истина, которую открылъ онъ, заключается въ томъ, что любовь и добро—есть основ-

ная и первичная сторона природы человѣка; зло-же и эгоизмъ есть нѣчто привносное, результатъ грѣхопаденія. А если такова природа человѣка, то онъ можетъ счастливо устроиться на землѣ на началахъ любви. „Я видѣлъ истину, я видѣлъ и знаю, что люди могутъ быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности жить на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, что бы зло было нормальнымъ состояніемъ людей. А вѣдь они всѣ только надъ этой вѣрой-то моей и смѣются“ [1]). Истинное знаніе о человѣкѣ, при которомъ Д—скій считаетъ возможнымъ любовь и братское единеніе людей, дается, по нему, только въ христіанствѣ.

Но одного знанія для любви и братскаго единенія людей—недостаточно. Сократовскій принципъ о тожествѣ знанія и добродѣтели есть скорѣе принципъ соціалистовъ, но никакъ не Достоевскаго. Д—скій, напротивъ, одной изъ главныхъ задачъ своихъ считаетъ борьбу съ такимъ крайнимъ раціонализмомъ: „Сознаніе жизни—выше жизни, знаніе законовъ счастія—выше счастія—вотъ съ чѣмъ бороться надо“ [2]), говоритъ смѣшной человѣкъ. Любовь, по взгляду Достоевскаго, не есть результатъ знанія только, но, какъ нѣчто прирожденное, потенціальное въ человѣкѣ, для своего проявленія и развитія требуетъ усиленнаго участія свободной „воли“ человѣка. Она есть плодъ труда, которому можно и нужно учиться.

Христіанство и здѣсь опять является необходимымъ условіемъ, чтобы любовь проявилась, развилась и обратилась въ волевой актъ.

Условіемъ личнаго самоусовершенствованія въ духѣ любви и братскаго единенія, какъ мы выше видѣли, Д—скій прежде всего считаетъ самоосужденіе, сознаніе своей виновности не только за себя, но и за другихъ: „всѣ за всѣхъ и предъ всѣми виноваты“. Но такое самоосужденіе возможно только въ христіанствѣ. Внѣ христіанства вопросъ о виновности неразрѣшимъ. Это ясно Достоевскій показываетъ намъ отъ лица Ивана Карамазова. Иванъ Карамазовъ, стоя на почвѣ „Эвклидовскаго ума“, не находитъ виновныхъ. Онъ прекрасно вскрываетъ причинную обусловленность и психологическую необходимость изображаемаго имъ міра страданій,—вообще разсматриваетъ жизнь всецѣло подъ угломъ необходимости. Но, съ другой стороны, его нравственное сознаніе не перестаетъ подступать къ нему съ неотвязнымъ вопросомъ объ отвѣтственности, совѣсть его болитъ и требуетъ суда, возмездія и кары. „О, по моему, по жалкому, земному, Эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все

[1]) Т. XI, 132—141.
[2]) Ibid. стр. 141.

одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается, но, вѣдь, это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю-же это, вѣдь жить по ней я не могу-же согласиться! Что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другого выходитъ, и что я это знаю—мнѣ надо возмездія, иначе вѣдь я истреблю себя“ 1). Въ этихъ словахъ Ивана мы видимъ два взаимно-исключающіе другъ друга момента. Оба они присущи его сознанію; оба они могуче работаютъ, заставляя Ивана склоняться то въ ту, то въ другую сторону... Иванъ Карамазовъ не нашелъ выхода изъ этого противорѣчія. Сознаніе личной отвѣтственности, ключемъ бьющее изъ вышеприведенныхъ словъ, безсильно упирается въ глухую стѣну Эвклидовскаго ума, объявляя его дичью. Съ точки зрѣнія „Эвклидовскаго ума“ виновныхъ нѣтъ. Но человѣкъ, съ точки зрѣнія своего нравственнаго сознанія, требуетъ отвѣтственности, возмездія и кары. Такимъ образомъ, получается кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Посмотримъ, гдѣ нашелъ его Достоевскій.

Выходъ изъ этого противорѣчія Д—скій нашелъ въ христіанствѣ: съ христіанской точки зрѣнія „воистину всякій предъ всѣми и за все виноватъ“, и если, какъ мы видѣли, Маркеллъ и Димитрій Карамазовъ являются носителями и выразителями этой идеи, то это потому, что они воспитались въ христіанской атмосферѣ.

Сущность любви заключается во всепрощеніи и связанномъ съ нимъ самоотреченіи, ибо стану ли я отрекаться отъ себя ради того, кого ненавижу? Но всепрощеніе возможно только въ христіанствѣ. Не вѣря во Христа, люди не смѣютъ прощать другъ другу. „Не хочу я, наконецъ, говоритъ Иванъ Карамазовъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить не смѣетъ простить мучителя, хотя-бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему... Есть ли во всемъ мірѣ существо, которое могло-бы и имѣло право простить?“ 2). Даже Алеша Карамазовъ—этотъ „человѣколюбецъ“ — не можетъ понять всепрощенія, пока руководствуется однимъ своимъ разумомъ. Когда Иванъ Карамазовъ, разсказавъ ему душу раздирующій фактъ о ребенкѣ, затравленномъ собаками по приказанію одного генерала, спросилъ: „Ну что-же его? Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алешка?—Разстрѣлять, тихо проговорилъ Алеша... Спохватившись, онъ спѣшитъ оговориться: „Я

1) Т. XII, 289.
2) Т. XII, 291.

сказалъ нелѣпость, но"... [1]). Это „но" роковое. Не прощая другихъ, люди безъ Христа „не соглашаются и принять прощеніе" [2]) отъ другихъ. Ихъ бѣситъ, если ихъ кто-либо прощаетъ (подобное патологическое явленіе Ѳеодоръ Михайловичъ анализировалъ не разъ). „Какъ онъ смѣлъ меня простить, какое онъ имѣлъ право, я не желаю его прощенія"—это служитъ источникомъ самыхъ мучительныхъ тревогъ. Послѣ того человѣкъ старается обыкновенно какъ можно напакостить простившему, и чѣмъ безграничнѣе прощеніе, тѣмъ шире простирается раздраженіе [3]). Всепрощеніе возможно только въ христіанствѣ, во имя Христа. „Братъ, проговорилъ вдругъ съ засверкавшими глазами Алеша, ты сказалъ сейчасъ: есть-ли во всемъ мірѣ Существо, Которое могло-бы и имѣло право простить? Но существо это есть и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся „и за все", потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всѣхъ и за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ-то и созиждется зданіе и это Ему восклинутъ: „Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои" [4]). Такимъ образомъ, всепрощеніе возможно при вѣрѣ во Христа, какъ Искупителя, взявшаго на Себя грѣхи міра и пострадавшаго даже до смерти за всѣхъ насъ.

Такимъ образомъ, только въ христіанствѣ возможно истинное знаніе о человѣкѣ, только при немъ возможно самоосужденіе, всепрощеніе, самоотверженная любовь, а отсюда свободное равенство и братство. Только воспринявши въ свою суть Христа и его ученіе люди могутъ устроиться счастливо на землѣ. И счастье это будетъ не матеріальнымъ, а духовнымъ. Какъ такое, оно вполнѣ будетъ отвѣчать природѣ человѣка, какъ существа любящаго болѣе достиженіе цѣли (процессъ), чѣмъ самую цѣль: духовное самоусовершенствованіе—безконечно.

III.

Нерѣдко можно слышать такое мнѣніе о Достоевскомъ, что онъ, какъ учитель личной нравственности, совершенно отвертывается отъ общественныхъ идеаловъ, что онъ занятъ психическимъ строемъ людей, а не соціальнымъ. Проблема личнаго усовершенствованія людей будто-бы затмила предъ нимъ проблему соціальную. Но это не такъ. Такое несправедливое обвиненіе, ставшее общимъ мѣстомъ у его лите-

[1]) Ibid. 288.
[2]) T. VI, 367.
[3]) T. VI, 321.
[4]) T. XII, 291—292.

ратурныхъ антагонистовъ—есть плодъ недоразумѣнія. У насъ установилось такое убѣжденіе, что разъ кто говоритъ о соціальныхъ идеалахъ, то онъ непремѣнно долженъ говорить о внѣшнихъ преобразованіяхъ, объ усовершенствованіи общественныхъ учрежденій, долженъ требовать ломки существующаго порядка. Конечно, въ такомъ смыслѣ Достоевскій нигдѣ не говоритъ. Но онъ говоритъ о будущемъ соціальномъ идеалѣ въ другомъ совершенно смыслѣ.

Соціалисты вѣрятъ въ среду, въ могущество внѣшнихъ формъ или внѣшней организаціи жизни, усовершенствованіе которой, по ихъ мнѣнію, само собою приведетъ и къ цѣлямъ нравственнымъ, къ нравственному усовершенствованію людей... „Если общество устроить нормально, то всѣ, въ одинъ мигъ станутъ праведными“ [1]). Въ противоположность имъ Д—скій настаиваетъ на исключительномъ значеніи личности, личнаго усовершествованія. Общество, состоящее изъ отдѣльныхъ личностей, можетъ быть, по убѣжденію Д—скаго, улучшено „единственно“ только улучшеніемъ лицъ. Въ насъ самихъ, въ нашемъ самоусовершенствованіи—спасеніе общества. Ни общественныя неустройства, ни грубость среды, а наши собственные нравственные недостатки—вотъ главная язва общественной жизни. Жизнь наша плоха, потому что мы сами плохи. „Сдѣлавшись сами лучшими, мы и среду исправимъ, и сдѣлаемъ ее лучшею. Вѣдь только этимъ однимъ и можно ее исправить“ [2]).

Здѣсь-то и открывается соціальное значеніе христіанства, соціальное значеніе личнаго усовершенствованія въ духѣ христіанской любви. Достиженіе чисто нравственныхъ цѣлей—христіанской свободы, равенства и братства, достиженіе чисто внутренняго, духовнаго и свободнаго единенія людей приведетъ само собою, по мнѣнію Д—скаго, къ усовершенствованію общественной жизни, къ внѣшнему единенію. Въ противоположность католичеству онъ именно и отмѣчаетъ въ восточномъ, православномъ идеалѣ—„сначала духовное единеніе человѣчества во Христѣ, а потомъ уже, *въ силу* этого духовнаго соединенія всѣхъ во Христѣ, и *несомнѣнно вытекающее* изъ него правильное *„государственное и соціальное“* единеніе [3]). „Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится“ [4]), говоритъ Д—скій. „Ищите-же прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ [5]), говоритъ Спаситель. Подъ словомъ „сія“ нужно разумѣть блага земныя. Ясно и подробно такое общественное значеніе христіанства Д—скій разъясняетъ въ полемикѣ съ проф.

---

[1]) Т. V, 252.
[2]) Т. IX, 180.
[3]) Т. XI. 184.
[4]) Т. III, ч. 2, 47.
[5]) Мѳ. VI, 33.

Градовскимъ. Градовскій совершенно отрицалъ соціальное значеніе личнаго усовершенствованія въ духѣ христіанской любви. „Личное усовершенствованіе въ духѣ христіанской любви есть, конечно, говоритъ онъ, первая предпосылка для всякой дѣятельности большой или малой"! Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы люди, „лично совершенные" въ христіанскомъ смыслѣ, непремѣнно образовали совершенное общество"... Предложимъ, что, начиная съ 1800 года, рядъ проповѣдниковъ христіанской любви и смиренія принялся-бы улучшать нравственность Коробочекъ и Собакевичей. Можно-ли предположить, чтобы они достигли отмѣны крѣпостного права, чтобы не нужно было „властнаго" слова для устраненія этого явленія? Напротивъ, Коробочка стала-бы доказывать, что она истинная христіанка и настоящая мать своихъ крѣпостныхъ и пребыла-бы въ этомъ убѣжденіи, не смотря на всѣ доводы проповѣдника. Отсюда Градовскій дѣлаетъ выводъ, что совершенство общественной жизни зависитъ единственно отъ совершенства общественныхъ учрежденій, воспитывающихъ въ человѣкѣ если не христіанскія, то гражданскія доблести [1]).

Въ отвѣтъ на поставленное Градовскимъ возраженіе противъ соціальнаго значенія христіанства, Достоевскій говоритъ такъ: „Курьезно-же вы понимаете христіанство! Представить только, что Коробочка и Собакевичъ стали настоящими христіанами, уже совершенными—можно-ли де убѣдить ихъ тогда отказаться отъ крѣпостного права? Вотъ коварный вопросъ, который вы задаете... На это прямо отвѣчу: если-бы только Коробочка стала и могла быть „настоящей", совершенной христіанкой, то крѣпостного права въ ея помѣстьи ужъ не существовало-бы вовсе, такъ что и хлопотать бы не о чемъ было, несмотря на то, что всѣ крѣпостные акты и купчія оставались-бы у ней попрежнему въ сундукѣ... Надо-же понимать хоть сколько нибудь христіанство! И какое дѣло тогда Коробочкѣ, совершенной уже христіанкѣ, крѣпостные или некрѣпостные ея крестьяне? Она ихъ „мать", настоящая уже мать, и „мать" тотчасъ-же упразднила-бы прежнюю „барыню". Прежній рабъ и прежняя барыня изчезли-бы, какъ туманъ отъ солнца, и явились-бы совсѣмъ новые люди, совсѣмъ въ новыхъ отношеніяхъ, прежде неслыханныхъ. Въ настоящемъ христіанствѣ есть и будутъ господа и слуги, но раба не возможно помыслить" [2]).

Отъ этого частнаго примѣра Достоевскій переходитъ къ болѣе общимъ разъясненіямъ. Религіозно-нравственную идею онъ полагаетъ въ основу стремленій людей къ лучшему устроенію жизни — въ основу идеаловъ общественныхъ.

---

[1]) Т. XI, 487—488.
[2]) Ibib, 488,—430.

„Общественныхъ, гражданскихъ идеаловъ, какъ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, а существующихъ сами по себѣ... такихъ идеаловъ, говоритъ Д—скій, нѣтъ вовсе. не существовало никогда, да и не можетъ существовать! Что такое общественный идеалъ? Конечно, суть его въ стремленіи людей отыскать себѣ формулу общественнаго устройства, по возможности безошибочную и всѣхъ удовлетворяющую. Но формулы этой люди не знаютъ, люди ищутъ ее всѣ шесть тысячъ лѣтъ своего историческаго существованія и не могутъ найти... Откуда-же, коли такъ, взяться идеалу гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите исторически — и тотчасъ увидите, изъ чего онъ берется. Увидите, что онъ есть единственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ съ поконъ вѣковъ и пребудетъ во вѣки вѣковъ. При началѣ всякаго народа, всякой національности, идея нравственная всегда предшествовала зарожденію національности, ибо она-же и создавала ее. Исходила-же эта нравственная идея всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденія, что человѣкъ вѣченъ. что онъ не простое земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти бѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религію, въ исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ и создавалась граждански новая національность“. Такъ было у евреевъ, такъ было у мусульманъ. „Чтобы сохранить полученную духовную драгоцѣнность, тотчасъ-же и влекутся другъ къ другу люди, и тогда только начинаютъ отыскивать люди: какъ-бы имъ выдвинуть на весь міръ въ самой полной славѣ ту нравственную драгоцѣнность, которую они получили. И замѣтьте, какъ только послѣ временъ и вѣковъ начиналъ расшатываться и ослабѣвать въ данной національности ея идеалъ духовный, такъ тотчасъ-же начинала падать и національность, а вмѣстѣ падалъ и весь ея гражданскій уставъ и померкали всѣ тѣ гражданскіе идеалы, которые успѣвали въ ней сложиться. Въ какомъ характерѣ слагалась въ народѣ религія, въ такомъ характерѣ зарождались и формулировались и гражданскія формы этого народа“. Отсюда Достоевскій дѣлаетъ выводъ, что „основаніемъ всему въ жизни народа является совершенствованіе въ духѣ религіозномъ, что такъ называемые „гражданскіе идеалы“, съ ихъ выраженіемъ въ тѣхъ или другихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, являются слѣдствіемъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, слѣдствіемъ совершенствованія единицъ, которое „не только есть начало, но и продолженіе всего и исходъ“ [1]).

[1]) Т. XI, 491—493.

Прилагая данное положеніе о значеніи религіозно-нравственныхъ идеаловъ для созданія идеаловъ общественныхъ къ христіанству, мы естественно должны ожидать, слѣдуя мысли Достоевскаго, что и оно должно принести свой общественный идеалъ, основанный на личномъ самоусовершенствованіи въ духѣ христіанской любви. Какой-же идеалъ общественный принесло христіанство? какова та общественая формула, при помощи которой христіане могли бы сохранить духовную драгоцѣнность, принесенную Христомъ и выдвинуть ее на весь міръ въ самой полной ея славѣ? „Какіе-же могутъ быть у насъ свои общественные и гражданскіе идеалы помимо Европы", спрашиваетъ Достоевскій и отвѣчаетъ: „Общественные идеалы — лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ и даже — о, ужасъ! — либеральнѣе вашихъ!.. Вспомните, что такое и чѣмъ такимъ стремилась быть древняя христіанская Церковь. Началась она сейчасъ-же послѣ Христа, всего съ нѣсколькихъ человѣкъ, и тотчасъ-же, чуть не въ первые дни послѣ Христа *устремилась отыскивать свою „гражданскую* формулу", всю основанную на нравственной надеждѣ утоленія духа по началамъ личнаго самосовершенствованія. Начались христіанскія общины—Церкви, затѣмъ быстро начала созидаться новая неслыханная дотолѣ національность—всебратская, всечеловѣческая, въ формѣ общей вселенскойЦеркви" [1]). Такимъ образомъ—вотъ тотъ соціальный идеалъ который принесло христіанство—это Церковь.

Что такое Церковь, какъ общественный идеалъ? „Достоевскій, говоритъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, не имѣлъ никакихъ богословскихъ притязаній, и потому и мы не имѣемъ права искать у него какихъ-либо логическихъ опредѣленій Церкви по существу. Но, проповѣдуя Церковь, какъ общественный идеалъ, онъ выражаетъ вполнѣ ясное и опредѣленное требованіе, столь-же ясное и опредѣленное (хотя прямо противоположное), какъ и то требованіе, которое заявляется европейскимъ соціализмомъ". Европейскіе соціалисты требуютъ насильственнаго низведенія всѣхъ къ одному чисто матеріальному уровню сытыхъ и самодовольныхъ рабочихъ, требуютъ низведенія государства и общества на степень простой экономической ассоціаціи. „Русскій соціализмъ", о которомъ говорилъ Д—скій, напротивъ, возвышаетъ всѣхъ до нравственнаго уровня Церкви, какъ духовнаго братства, хотя и съ сохраненіемъ внѣшняго неравенства соціальныхъ положеній, требуетъ одухотворенія всего государственнаго и общественнаго строя чрезъ воплощеніе въ немъ истины и жизни Христовой" [2]).

[1]) Т. XI, 497.

[2]) В. С. Соловьевъ—т. 3, 18018—1. Въ виду важности того мѣста, изъ сочиненій Д—го, на основаніи котораго В. Соловьевъ составилъ такое

Достоевскій не нарисовалъ намъ чего-либо въ родѣ „Утопіи“ Томаса Мора, или „Солнечнаго Государства“ Кампанеллы, или „Икаріи“ Кабе, или даже „Что дѣлать“ Чернышевскаго. Смерть слишкомъ рано унесла его. Вслѣдствіе этого, ученіе о Церкви у него осталось не раскрытымъ. Церковь, какъ положительный общественный идеалъ, должна была явиться центральною идеею новаго романа или новаго ряда романовъ, изъ которыхъ только написанъ первый— „Братья Карамазовы“.

Но и на основаніи этого романа мы можемъ проникнуть въ тѣ идеалы будущаго, которые рисовались пророческому взору Д—скаго, и понять основной характеръ этихъ идеаловъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе одна глава „Братьевъ Карамазовыхъ“, носящая у Достоевскаго заглавіе: „Буди, буди!“.

Здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніи Церкви къ государству. Одно духовное лицо написало книгу о „церковно-общественномъ судѣ“, въ которой утверждаетъ полное отдѣленіе Церкви отъ государства. Церковь, какъ союзъ людей для религіозныхъ цѣлей и, наконецъ, какъ царство не отъ міра сего, не должна имѣть никакого касательства до государства, не можетъ и не должна распоряжаться гражданскими и политическими правами своихъ членовъ, ей не должна принадлежать уголовная и судно-гражданская власть. Не касаясь государства и дѣлъ государственныхъ, она должна занимать опредѣленное мѣсто въ государствѣ. Книга эта, какъ дѣло представляется въ романѣ, вызвала критическую статью со стороны Ивана Карамазова. Въ своей статьѣ Иванъ Карамазовъ проводитъ взглядъ совершенно противоположный взгляду духовнаго лица. „Церковь, говоритъ онъ, должна сама заключать въ себѣ государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголокъ, и что если это почему-либо теперь невозможно, то, въ сущности вещей, несомнѣнно должно быть

понятіе о Церкви, какъ общественномъ идеалѣ Д—го, мы приведемъ его сполна: „Вся глубокая ошибка ихъ (интеллигентныхъ людей) въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ Церкви. Я не про зданія церковныя теперь говорю и не про причины, а про нашъ русскій „соціализмъ“ теперь говорю (и это обратно-противоположное Церкви слово беру именно для разъясненія моей мысли, какъ ни показалось бы это страннымъ)— цѣль и исходъ котораго всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на землѣ, поколику земля можетъ вмѣстить ее. Я говорю про неустанную жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присущую, великаго, всеобщаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во имя Христово. И если нѣтъ еще этого единенія, если не созиждилась еще Церковь вполнѣ, уже не въ молитвѣ одной, а на дѣлѣ, то все-таки инстинктъ этой Церкви и неустанная жажда ея... въ сердцѣ много-милліоннаго народа нашего несомнѣнно присутствуютъ. Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ „всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово“ (т. XI, 522).

поставлено прямою и главнѣйшею цѣлью всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества. Такое положеніе Церковь и занимала въ первые вѣка христіанства,—тогда христіанство на землѣ являлось лишь Церковью и было лишь Церковь. Но затѣмъ, „когда римское языческое государство возжелало стать христіанскимъ, то непремѣнно случилось такъ, что, ставъ христіанскимъ, оно лишь включило въ себя Церковь, но само продолжало оставаться государствомъ языческимъ". Конечно, такое положеніе Церкви не соотвѣтствовало ея назначенію. „Въ Римѣ, какъ государствѣ, слишкомъ много оставалось отъ цивилизаціи и мудрости языческой... Христова же Церковь, вступивъ въ государство, безъ сомнѣнія, не могла уступить ничего изъ своихъ основъ, отъ того камня, на которомъ стояла она и могла лишь преслѣдовать не иначе, какъ свои цѣли, разъ твердо поставленныя и указанныя ей самимъ Господомъ, между прочимъ: обратить весь міръ, а стало быть, и все древнее языческое государство въ Церковь. Такимъ образомъ, (т. е. въ цѣляхъ будущаго) не Церковь должна искать себѣ опредѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ всякій общественный союзъ, а напротивъ, всякое земное государство должно обратиться въ Церковь вполнѣ и стать ничѣмъ инымъ, какъ лишь Церковью.

Эта мысль Ивана Карамазова о претвореніи государства въ Церковь есть мысль вмѣстѣ и самаго Д—скаго. Ее раздѣляютъ въ романѣ такіе выразители его воззрѣній, какъ о. Паисій и Зосима. „Церковь есть воистину царство, и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ должна явиться, какъ царство на всей землѣ несомнѣнно", говоритъ о. Паисій. „По русскому пониманію, говоритъ старецъ Зосима, надо, чтобы не Церковь перерождалась въ государство, какъ изъ низшаго въ высшій типъ, а напротивъ, государство должно кончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь Церковью и ничѣмъ инымъ лишь болѣе. Сіе и буди, буди!"

Какой-же смыслъ имѣетъ это обращеніе государства въ Церковь, и какія послѣдствія отсюда произошли-бы? Д—скій въ отвѣтъ на этотъ вопросъ беретъ одинъ частный фактъ государственной жизни, фактъ суда, и на немъ показываетъ тотъ характеръ, который приняло-бы государство, обратившись въ Церковь. „Если-бы теперь былъ одинъ лишь церковно-общественный судъ, то и теперь, во-первыхъ, Церковь не посылала-бы на каторгу или смертную казнь, и, во-вторыхъ, взглядъ на преступленіе измѣнился бы. Вотъ общій выводъ, который дѣлаетъ Достоевскій. Частнѣе. „Если-бы все стало Церковью, то Церковь отлучала-бы отъ себя преступнаго и непослушнаго, а не рубила-бы тогда головъ. И это наказаніе было-бы гораздо дѣйственнѣе наказаній ссылкой и смертной казнью. Всѣ эти ссылки въ работы, а прежде съ битьемъ, говоритъ старецъ Зосима, никого не исправ-

ляютъ, а главное, почти никакого преступника и не устрашаютъ, и число преступленій не только не уменьшается, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе наростаетъ. И выходитъ, что общество, такимъ образомъ, совсѣмъ не охранено, ибо хоть и отсѣкается вредный членъ механически, и ссылается далеко, съ глазъ долой, но на его мѣсто тотчасъ появляется другой преступникъ". Отлученіе-же отъ Церкви есть единственно дѣйствительная, единственно устраняющая и умиротворяющая кара, заключающаяся въ сознаніи собственной совѣсти. „Я васъ спрашиваю, куда-бы пошелъ отлученный? Вѣдь тогда онъ, долженъ былъ-бы не только отъ людей, какъ теперь, но и отъ Христа уйти. Вѣдь онъ своимъ преступленіемъ возсталъ-бы не только на людей, но и на Церковь Христову. Это и теперь, конечно, такъ въ строгомъ смыслѣ, но все таки не объявлено, и совѣсть нынѣшняго преступника весьма и весьма часто вступаетъ съ собою въ сдѣлки: укралъ, дескать, но не на Церковь иду, Христу не врагъ".

Но этого мало, отлученіе отъ Церкви, будучи само по себѣ дѣйственно,—было-бы еще дѣйственнѣе потому, (и это важнѣе всего), что Церковь на отлученіе и преступленіе смотрѣла-бы иначе, чѣмъ теперь смотритъ государство. Взглядъ на преступленіе и наказаніе за него измѣнился-бы тогда противъ теперешняго, почти языческаго, и изъ механическаго отсѣченія зараженнаго члена, какъ дѣлается нынѣ для охраненія общества, преобразился-бы и уже вполнѣ и не ложно, въ идею о возрожденіи вновь человѣка, о воскресеніи его и о спасеніи его"... Церковь, какъ любящая мать, всѣми мѣрами старалась-бы возвратить преступника на путь добра. Она старалась-бы проникнуть въ самую душу преступника, выяснить себѣ его преступленіе, мотивы — и нашлабы средство воротить его изъ отлученія. Вообще, заботилась-бы такъ, какъ только любящій можетъ заботиться о любимомъ человѣкѣ. „Если-бы дѣйствительно наступилъ судъ Церкви... если-бы все общество обратилось лишь въ Церковь, то не только судъ Церкви повліялъ-бы на исправленіе преступника такъ, какъ никогда не вліяетъ нынѣ, но, можетъ быть, и вправду самыя преступленія уменьшились-бы въ невѣроятную долю. Да и Церковь, сомнѣнія нѣтъ, понимала-бы будущаго преступника, и будущее преступленіе во многихъ случаяхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ, и съумѣла-бы возвратить отлученнаго, предупредить замышляющаго и возродить падшаго". Какія мѣры употребляла-бы Церковь по отношенію къ преступнику — здѣсь не указывается, и это вполнѣ естественно. Любовь не терпитъ формализма, который составляетъ отличительную черту государства и государственнаго суда, любовь не терпитъ шаблона. Она въ каждый данный моментъ найдетъ средство и самое лучшее, самое подходящее къ данному состоянію преступника.

Конкретно представилъ намъ Д—скій эти два суда: судъ государственный и судъ Церкви — въ образѣ суда старца Зосимы надъ семействомъ Карамазовыхъ, въ частности, надъ Димитріемъ Карамазовымъ, и въ образѣ суда государственнаго надъ тѣмъ-же Димитріемъ. Что-же мы видимъ? Въ первомъ случаѣ любовь, отеческое желаніе всячески остановить преступленіе, „предупредить замышляющаго“ (вспомнимъ поклонъ Зосимы Димитрію). Никакой формальности, никакого превозношенія надъ преступникомъ, полное пониманіе его души. Старецъ Зосима не залѣзаетъ въ душу преступника, — она сама раскрывается передъ нимъ. — Совершенно иное мы видимъ въ государственномъ судѣ. Здѣсь все — формальность, никакой связи съ преступникомъ, никакой вѣры въ него, никакого пониманія. Представители гражданской юстиціи всякаго рода подходами, шаблонными пріемами, ловятъ преступника, залѣзаютъ своими грубыми пальцами въ душу преступника, затрогиваютъ самыя ея нѣжныя струны, единственно имѣя одну цѣль — добиться сознанія, что онъ совершилъ преступленіе. И что-же? Вмѣсто того, чтобы раскрыть свою душу, преступникъ рѣшается молчать и не отвѣчать на ихъ вопросы.

Теперь для насъ вполнѣ понятно, почему государство должно обратиться въ Церковь и какой смыслъ этого обращенія. „Вѣдь главное зло жизни заключается въ разъединенности, разобщенности между людьми; поэтому, чтобы улучшить общественную жизнь, нужно прекратить эту разобщенность. Но отчего происходитъ эта разобщенность? Несомнѣнно, что государство, поскольку удерживаетъ языческій характеръ, производитъ это зло. Государство-государственность понимается здѣсь не какъ институтъ; государство здѣсь Д—скимъ понимается, какъ принципъ жизни языческой—противоположный жизни Церкви—христіанству. Что именно такъ понимается государство у Д—скаго, это можно видѣть изъ того, что онъ государство—римскую имперію—называетъ „человѣкобогомъ“, который, явился именно идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древняго языческаго міра. Когда римское государство, говоритъ Д—скій, было подкопано Церковью, то произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій Христа. Явился компромиссъ: имперія приняла христіанство, а Церковь римское право и государство“ [1]). И хотя государство и приняло христіанство,—но въ существѣ своемъ оставалось языческимъ. И, какъ такое, оно то и производитъ разобщенность между людьми. Вѣдь, для государства важнѣе всего внѣшній по-

[1]) Т. XI, стр. 497.

рядокъ, основанный на раздѣленіи народа по сословіямъ, по имущественному состоянію, по чинамъ, по занятіямъ и т. д.; вездѣ и всюду требуется раздѣленіе, и чѣмъ болѣе усиливается государственное начало, тѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе, ибо различныя отправленія государственной дѣятельности все болѣе и болѣе спеціализируются. Кромѣ стремленія къ раздѣльности, другой характерный признакъ государственнаго начала, понимаемаго въ духѣ языческомъ, есть преобладаніе наружной формальной стороны надъ внутреннею сущностью; государство стремится установить для всего, для всякаго жизненнаго проявленія, строго опредѣленную внѣшнюю форму, но, какъ извѣстно, внѣшній формализмъ не столько способствуетъ обнаруженію и дѣйствію жизненныхъ силъ, сколько стѣсняетъ ихъ. Даже тамъ, гдѣ приходится дѣло имѣть съ проявленіями внутренней духовной жизни и дѣятельности, и тамъ государство стремится установить строго опредѣленную форму. Церковь-же, хотя и приняла римское право и государство, но характеръ и духъ ея остался тотъ-же самый, совершенно противоположный характеру и духу государства. Въ противоположность государству, для Церкви важнѣе всего внутреннее единеніе и общеніе душъ, а не внѣшній порядокъ. Поэтому она требуетъ отъ всѣхъ взаимной братской любви и старается воспитать своихъ членовъ въ духѣ этой любви: она напоминаетъ всѣмъ своимъ чадамъ, что, несмотря на внѣшнее между ними раздѣленіе по состоянію, по сословіямъ, чинамъ, и т. д., всѣ они братья, а потому должны болѣе всего дорожить взаимнымъ духовнымъ общеніемъ. Этотъ-то противоположный характеръ Церкви и государства и показываетъ намъ Достоевскій въ дѣлѣ суда чрезъ сравненіе суда государственнаго и церковнаго. Теперь для насъ вполнѣ понятно, что значитъ требованіе, чтобы Церковь обнимала собою государство. Это требованіе не имѣетъ и тѣни ультрамонтантства, какъ предполагаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа (Міусовъ). Тутъ нѣчто совершенно обратное. Не Церковь обращается въ государство. То Римъ и его мечта. То третье діаволово искушеніе! А, напротивъ, государство обращается въ Церковь, восходитъ до церкви и становится Церковью на всей землѣ“ [1]). Такой взглядъ былъ-бы ультрамонтантствомъ въ томъ случаѣ, если-бы обращеніе государства въ Церковь было чисто механическимъ, какъ, напр., понимаетъ его Міусовъ, по словамъ котораго Церковь будетъ приговаривать розги и каторгу, а пожалуй, такъ и смертную казнь. Нѣтъ, обращеніе государства въ Церковь Д—скій понимаетъ въ томъ смыслѣ, что государство воспримѣтъ въ себя духъ Церкви, отбросивши духъ

[1]) Т. XII, 80.

языческій. Такое обращеніе государства въ Церковь, по мнѣнію Д—скаго, ничѣмъ не унизитъ его, не отниметъ ни чести, ни славы его, какъ великаго государства, ни славы властителей его, а лишь поставитъ его съ ложной языческой и ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу, единственно ведущую къ вѣчнымъ цѣлямъ. Вмѣсто формализма во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми—будетъ любовь; всѣ образуютъ одну единодушную семью, гдѣ все будетъ дѣлаться по душѣ, т. е. по совѣсти, по правдѣ, какъ Богъ велитъ, гдѣ душа каждаго будетъ отверста предъ всѣми и, такимъ образомъ, крѣпчайшій союзъ взаимной любви свяжетъ всѣхъ въ одно цѣлое [1]).

Достоевскій ввелъ начало любви только въ одну сферу государственной жизни—въ сферу суда. Но если мы введемъ то же самое начало во всѣ сферы жизни государственной и общественной, то и получимъ тотъ идеалъ, который рисовался предъ пророческимъ взоромъ Д—скаго. Этотъ идеалъ есть не что иное, какъ Царство Христово. „Будетъ правда на землѣ и будутъ всѣ святы, говоритъ Алеша Карамазовъ, и будутъ любить другъ друга и не будетъ богатыхъ и бѣдныхъ, возвышающихся и униженныхъ; и наступитъ Царство Христово“ [2]).

Такимъ образомъ, соціальное значеніе Христіанства, по ученію Д—скаго, заключается въ томъ, что оно, усовершенствуя отдѣльныхъ людей въ духѣ любви, образуетъ изъ нихъ братство—Церковь, которая обнимая и проникая собою всю государственную и общественную жизнь, устроятъ Царство Божіе на землѣ.

Конечнымъ пунктомъ философствованія Достоевскаго, завершающимъ все его общественное міросозерцаніе, является его мистическій патріотизмъ или мессіанизмъ.

По убѣжденію Достоевскаго, Россіи предназначено въ недалекомъ будущемъ занять міровое положеніе въ исторіи. Европа идетъ къ паденію, а Россія къ политическому могуществу. Когда государства европейскія, расшатанныя соціалъ-демократіей падутъ, „останется только одинъ колоссъ на континентѣ Европы—Россія“. И тогда центръ тяжести всемірной исторіи перемѣстится въ Россію: „будущность Европы принадлежитъ Россіи“ [3]). Въ чемъ-же заключается міровое предназначеніе наше, при болѣе точномъ его опредѣленіи? „Назначеніе и роль эта не похожи на таковыя-же у другихъ народовъ, ибо тамъ каждая народная личность живетъ единственно для себя и въ себя, а мы начнемъ теперь, когда пришло время, именно съ того, что станемъ

---

[1]) См. книгу проф. П. И. Линицкаго „Изящная литер. и философія“.
[2]) Т. XII, 80.
[3]) Т. X, 153.

всѣмъ слугами, для всеобщаго примиренія. И это вовсе не позорно, напротивъ, въ этомъ величіе наше, потому что все это ведетъ къ окончательному единенію человѣчества. Кто хочетъ быть выше всѣхъ въ царствіи Божіемъ—стань всѣмъ слугой. Вотъ какъ я понимаю русское предназначеніе въ его идеалѣ“ [1]). Другими словами, Россіи предназначено послужить орудіемъ осуществленія царства Божія на землѣ или „всенародной и вселенской Церкви“, по терминологіи Достоевскаго. Неустанная жажда, „инстинктъ такой церкви“ или всенароднаго братскаго единенія во Христѣ безсознательно живутъ въ сердцѣ многомилліоннаго народа русскаго. Это своего рода соціализмъ, но „русскій соціализмъ“. Здѣсь верховный идеалъ народа, главная идея его, „въ чаяніи имъ грядущей, зиждущейся въ немъ судьбами Божіими, его Церкви вселенской“ [2]). Россіи предназначено „изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону“ [3]).

Выполнить эту свою міровую миссію Россія и русскій народъ вполнѣ способны и въ силахъ, по мнѣнію Достоевскаго.

Мы уже выше сказали, что обновленіе человѣчества, объединеніе людей въ плотный, крѣпкій и свободный союзъ возможно только силою Христовой истины и Божеской правды—силою христіанства и, въ частности, православія, которое одно сохранило Христа въ неискаженномъ видѣ. Россія и русскій народъ вполнѣ удовлетворяютъ этому условію. Въ то время какъ Европа утратила чистое христіанство и знаетъ его лишь въ искаженныхъ формахъ римскаго католицизма, переходящаго въ „идолопоклонство“, и протестантизма, „исполинскими шагами переходящаго въ атеизмъ и въ зыбкое измѣнчивое нравоученіе“ [4]). Россія является единственною „носительницею православія, хранительницею Христовой истины, истинной истины, хранительницею Христоваго образа“ [5]). Русскій народъ—живое воплощеніе христіанства-православія. Онъ народъ „богоносецъ“, который носитъ Христа въ своемъ сердцѣ, „принялъ въ свою суть Христа и его ученіе. Христосъ—„идеалъ русскаго народа“. На возраженіе, какимъ образомъ эта необразованная, черная, недавно крѣпостная масса знаетъ Христа, Достоевскій отвѣчалъ, что если русскій народъ и не знаетъ христіанства умомъ, то знаетъ его сердцемъ. „Сердечное знаніе

---

[1]) Т. X, 225—226; IX, 24.
[2]) Т. XI, 522, ср. 183—184, 469.
[3]) Т. XI, 470.
[4]) Т. XI, 474.
[5]) Т. X, 217.

Христа и истинное представленіе о немъ существуетъ вполнѣ“ [1]. Оно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и слилоєь съ сердцами людей“. Русскій народъ воспринялъ христіанство посредствомъ Церкви, ея гимновъ, какъ, напр., гимна: „Господи силъ, съ нами буди“, въ которомъ „вся правда Христова“, и молитвы, въ родѣ: „Господи Владыко живота моего“, въ которой „вся суть христіанства“ [2].

Какъ народъ „богоносецъ“, носитель образа Христова, русскій народъ обладаетъ такими качествами, такою духовною настроенностью, по которой онъ становится способнымъ къ служенію идеѣ всечеловѣческаго братства. Всѣ лучшія качества русскаго народа, все, что есть въ русской національности высокаго, идеальнаго, завѣтнаго, священнаго, что составляетъ его несокрушимую мощь—все это Достоевскій выводитъ изъ православія, православной идеи. Въ сущности, въ народѣ нашемъ, кромѣ этой „идеи“, и нѣтъ никакой и все изъ нея исходитъ; по крайней мѣрѣ, народъ нашъ такъ хочетъ, всѣмъ сердцемъ своимъ и глубокимъ убѣжденіемъ своимъ. Онъ именно хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, изъ этой лишь одной идеи и исходило [3].

Одною изъ счастливыхъ чертъ русскаго народа, вытекающей изъ христіанства, является „самоосужденіе“ (условіе личнаго усовершенствованія, какъ мы выше видѣли, и братскаго соединенія), сознаніе своей грѣховности и „личной отвѣтственности предъ всѣми“ („всѣ за всѣхъ виноваты“). Ни одинъ русскій, запятнавшій свою совѣсть преступленіемъ, грѣхомъ, не сознаетъ себя нравственно чистымъ, не оправдываетъ своихъ поступковъ. Достоевскій прямо утверждаетъ, что ни одинъ преступникъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ встрѣчался въ каторгѣ, не сознавалъ себя правымъ. „Я былъ въ каторгѣ и видалъ преступниковъ, „рѣшеныхъ“ преступниковъ“. „Ни одинъ изъ нихъ не переставалъ себя считать преступникомъ... никто изъ нихъ не считалъ себя правымъ въ душѣ“ [4]. Ту-же самую мысль онъ подтверждаетъ, рисуя намъ типъ русскаго безобразника, который послѣ преступленія ясно сознаетъ свою вину и идетъ къ старцу свѣтодателю. Этою чертою русскій народъ (простой народъ), по мнѣнію Достоевскаго, отличается отъ западнаго человѣка и интеллигенціи—выученицы Запада. „Хоть и развратенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ во грѣхѣ смрадномъ, но все-же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ и что поступаетъ онъ худо, грѣшно. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду,

---

[1]) Т. X, 224, 440, 441; XI, 495, 497.
[2]) Т. XI, 473—474.
[3]) Т. XI, 331.
[4]) Т. IX, 183—184.

Бога признаетъ, умилительно плачетъ. Не то у высшихъ. Тѣ во слѣдъ наукѣ хотятъ устроиться справедливо, однимъ умомъ своимъ, но ужъ безъ Христа... и ужъ провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ ужъ грѣха“ [1]). Сознавая себя виновнымъ за свои грѣхи, русскій человѣкъ, по мнѣнію Достоевскаго, сознаетъ себя отвѣтственнымъ и за грѣхи другихъ. Онъ называетъ преступниковъ „несчастными“, говоря этимъ названіемъ какъ бы такъ: „вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы на вашемъ мѣстѣ,— можетъ, и хуже бы сдѣлали. Будь мы получше,—можетъ быть, и вы не сидѣли-бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе“ [2]). Такое всепрощеніе не есть правда среды, а чистая правда христіанская. Примиряясь съ преступникомъ, русскій народъ, по тонкому доводу Достоевскаго, не мирится съ преступленіемъ, какъ зломъ, осуждаетъ его, принимая долю вины на себя, не оправдываетъ преступленія вліяніемъ среды, напротивъ, то или другое состояніе среды ставитъ въ зависимость отъ личнаго самоусовершенствованія.

Сознавая себя виновнымъ не только за себя и за свои преступленія и грѣхи, но и за грѣхи другихъ, русскій человѣкъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, способенъ къ самоисправленію, къ самоотверженной любви для ближнихъ. Въ величавомъ образѣ Власа Достоевскій показываетъ намъ, съ какою стремительностью, съ какою силою покаянія и жаждою страданія русскій человѣкъ можетъ отдаться самоисправленію. Почувствовавши свою вину, осудивши свою прежнюю грѣховную жизнь, онъ бросаетъ все и идетъ работать для Бога: „сила вся души великая въ дѣло Божіе ушла“.

„Роздалъ Власъ свое имѣніе,
„Самъ остался босъ и голъ
„И сбирать на построеніе
„Храма Божьяго пошелъ“ [3]).

Это-же стремленіе къ самоисправленію, при сознаніи своей вины въ чужихъ бѣдствіяхъ и грѣхахъ, Достоевскій видитъ въ способности русскаго человѣка сострадать, проникаться бѣдственною участью другихъ, принимать неподдѣльное участіе въ страданіяхъ ихъ. Эта способность выражается въ неутолимой жаждѣ жертвъ, доходящей до крайняго самопожертвованія, до желанія положить душу свою за другихъ. Ее Достоевскій видитъ и въ нѣжномъ, материнскомъ какомъ-то чувствѣ, съ которымъ мужикъ

---

[1]) Т. XII, 375.
[2]) Т. IX, 183.
[3]) Т. IX, гл. 5—„Власъ“.

Марей ласкаетъ, ободряетъ мальца—барченка, испугавшагося волка; ее онъ видитъ и въ предложеніи няни пожертвовать несчастному, обѣднѣвшему барину скопленнымъ въ продолженіе сорока лѣтъ на старость достояніемъ; ту-же жажду жертвъ,—самопожертвованіе онъ видитъ въ подвигѣ мужиковъ, (описанномъ въ „Семейной хроникѣ“ Аксакова), которые „перевели въ Казань, чрезъ широкую Волгу“, по тонкому льду, весною, когда уже никто не рѣшался ступить на ледъ, (взломавшійся и прошедшій всего только нѣсколько часовъ спустя по переходѣ), одну мать къ больному ребенку. Но особенно эта черта самопожертвованія, по мнѣнію Достоевскаго, проявилась во время восточной войны. Въ то время, какъ всѣ государства Европы отказались отъ всякой помощи страждущимъ славянамъ, боясь, чтобы отъ этого не пострадали интересы ихъ цивилизаціи, русскій народъ проклялъ всѣ эти матеріальные интересы („будь они прокляты эти интересы цивилизаціи и даже самая цивилизація, если для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу“) и какъ одинъ человѣкъ всталъ напомощь страждущимъ братьямъ.

И это самопожертвованіе русскаго народа не случайное, не безумное—его Достоевскій тѣсно связываетъ съ христіанскою идеею. Всѣ эти жертвы русскій народъ дѣлаетъ ради Христа. Ѳома Даниловъ, пострадавшій у кипчаковъ за вѣру за Христа,—„эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей народной Россіи, подлинный образъ ея“. „Ради Христа“ русскій человѣкъ подаетъ милостыню. „Изъ за слезъ матери и для Христа“ мужики перевели мать чрезъ Волгу. За „единовѣрныхъ“ же братьевъ русскій народъ пошелъ на войну съ турками. Вообще, Христосъ—идеалъ совершенства, къ котораго русскій человѣкъ стремится приблизиться и безъ котораго не мыслима истинная жертва.

Воспитанный подъ вліяніемъ благотворной православной идеи, русскій народъ, по взгляду Д—скаго, обладаетъ тѣми условіями, при которыхъ возможно описанное нами выше братство—Церковь, какъ основывающееся на самоотрицаніи на взаимныхъ жертвахъ, вызываемыхъ одною любовью къ ближнимъ. „И возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: „камень, который огвергли зиждущіе, сталъ главою угла“. „Свѣтъ возсіяетъ снизу“. Правда, теперь „настоящей общественной формулы въ смыслѣ духа любви и христіанскаго самосовершенствованія еще въ немъ (т. е. русскомъ народѣ) не выработалось“ [1]); общество христіанское пока еще само не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ; но такъ какъ они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все-же

[1]) Т. XI, 498.

незыблемо, въ ожиданіи своего полнаго преобразованія изъ общества, какъ союза почти языческаго, во единую вселенскую и владычествующую Церковь. Сіе и буди, буди [1]). Особенное въ этомъ отношеніи значеніе Достоевскій придаетъ русскому монашеству. „Отъ народа спасеніе Руси... Русскій же монастырь искони былъ съ народомъ... Въ просвѣщенномъ мірѣ слово, „инокъ“ произносится въ наши дни съ насмѣшкой, или-же какъ слово бранное, синонимъ тунеядца, живущаго чужимъ трудомъ. Но отъ иноковъ русскихъ, пребывающихъ въ уединенной молитвѣ, „выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли Русской! Ибо воистину приготовлены въ тишинѣ „на день и часъ, и мѣсяцъ и годъ“. Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неискаженно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ и, когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра. Сія мысль великая. Отъ востока звѣзда сія возсіяетъ“ [2]). Не трудно понять, почему монашество получаетъ столь исключительное значеніе въ общественномъ міросозерцаніи Д—скаго. Какъ видѣли, общество, по Д—скому, можетъ улучшаться улучшеніемъ его отдѣльныхъ членовъ, монашество-же всецѣло посвящается нравственному совершенствованію личности, необходимому для служенія обществу, а главное монашество, не подвергаясь вліянію внѣшнихъ воздѣйствій, въ цѣлости и непомраченности хранитъ Образъ Христовъ.

Но, признавая русскій народъ способнымъ образовать изъ себя братство, Достоевскій не ограничивался этимъ узко національнымъ идеаломъ. Одна изъ главныхъ чертъ христіанства—это его универсальный, вселенскій характеръ. Поэтому завѣтною мечтою Д—скаго было то, чтобы русское единеніе послужило основаніемъ всечеловѣческаго единенія—всенародной, вселенской Церкви, „неустанная жажда которой, иной разъ даже почти безсознательная, въ сердцѣ многомилліоннаго народа нашего несомнѣнно присутствуетъ“ [3]). Разсматривая съ этой стороны русскій народъ, онъ находитъ его вполнѣ способнымъ выполнить эту высокую миссію—всечеловѣческаго единенія людей. Основаніемъ для этого служитъ, по мнѣнію Д—скаго, кардинальная черта русскаго народа—„всечеловѣчность“, способность къ „всемірному синтезу“. Въ то время какъ идея общечеловѣчности весьма слабо проникла въ западно-европейское общество и все болѣе и болѣе тускнѣетъ въ немъ, въ русскомъ народѣ „по преимуществу способность высоко-синтетическая, способность всепримиримости, способность всечеловѣчности“. Это—

---

[1]) Т. XII, 79.
[2]) Т. XII, 79.
[3]) Т. XI, 522.

способность наша „всеслуженія человѣчеству, даже въ ущербъ собственнымъ интересамъ“, это—способность „въ каждой изъ европейскихъ личностей открывать и находить заключающуюся въ ней истину, несмотря даже на многое, съ чѣмъ нельзя согласиться“. Русскій „со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому внѣ различія національности, крови и почвы... У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ, тотчасъ-же соглашаетъ, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ... Поэтому „стать настоящимъ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите“ [1]). Наглядным доказательствомъ, подтверждающимъ эту черту въ русскомъ народѣ, по мнѣнію Достоевскаго, служитъ его способность усваивать чужой языкъ до тонкости, до пониманія духа его, какъ своего родного. Но особенно яркое выраженіе эта черта нашла себѣ въ лицѣ Петра Великаго виновника сближенія русскаго народа съ европейскими націями, какимъ-то чутьемъ угадавшаго необходимость нашего примиренія съ европейскими цивилизаціями—для удовлетворенія нашей потребности—всечеловѣческаго служенія [2]). Еще болѣе яркое выраженіе эта черта носила въ геніи Пушкина. Въ его геніи выразилась наиболѣе національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго... Ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности? [3]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Критическія замѣчанія относительно ученія Достоевскаго о соціальномъ значеніи христіанства.

Наши кричитескія замѣчанія будутъ сосредоточены около слѣдующаго вопроса: *насколько состоятельно это общественное міросозерцаніе Ѳ. М. Достоевскаго съ христіанской точки зрѣнія?*

Въ общественномъ міросозерцаніи Д—скаго ясно намѣчаются три пункта, которые подлежатъ оцѣнкѣ съ христіанской точки зрѣнія: во 1-хъ, ученіе о Царствѣ Божіемъ здѣсь, на

---

[1]) Т. X, 225, 221. IX, 21, 22, 23; XI, 469.
[2]) Т. IX, 24; X, 224—226; XI, 468.
[3]) Т. XI, 468; IX, 42; XI, 455, 470.

землѣ; во 2-хъ, ученіе о личномъ усовершенствованіи въ духѣ христіанской любви, какъ условіи общественнаго совершенствованія, какъ условіи наступленія Царства Божія; и въ 3-хъ, мистическій патріотизмъ, или ученіе о мессіанизмѣ русскаго народа. Прежде всего остановимся на первомъ пунктѣ.

Ученіе Достоевскаго о будущей гармоніи, о наступленіи Царства Божія здѣсь--на землѣ, встрѣтило себѣ противника еще при жизни Д—скаго—въ лицѣ К. Н. Леонтьева. Этотъ своеобразный мыслитель упрекалъ Д—скаго за его ученіе о Царствѣ Божіемъ на землѣ въ эвдемонистической концепціи христіанства, въ слишкомъ „розовомъ“ пониманіи его. „Наши лучшіе умы, вмѣсто того, чтобы смиряться предъ строгимъ и церковнымъ православіемъ, говоритъ онъ, „предпочитаютъ смиряться предъ ученіями антинаціональнаго „эвдемонизма“. Всѣ эти надежды на земную любовь и на міръ земной можно найти и въ пѣсняхъ Беранже и еще больше у Жоржъ Сандъ... и у многихъ другихъ. Слишкомъ розовый оттѣнокъ, вносимый въ христіанство Достоевскимъ, есть новшество по отношенію къ Церкви“ [1]).

Царство Божіе на землѣ, говоритъ Леонтьевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. В. Розанову -- по поводу романа Д—скаго „Братья Карамазовы“, психологически реально невозможно и теологически непозволительно, ибо давно осуждено Церковью, какъ своего рода ересь (хиліазмъ, т. е. тысячелѣтнее царство Христово на землѣ, подъ конецъ свѣта. Смотри Богословіе Макарія, т. 5, стр. 225, изд. 1853 [2]). „Настоящее православіе, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, даже права не имѣетъ (по ученію и предсказанію евангельскому и апостольскому) ждать „всепримиренія“, „всепрощенія“, „вселюбви“ и вообще моральной гармоніи (здѣсь).

Основанія для такого утвержденія покоятся на весьма своеобразномъ взглядѣ Леонтьева на христіанство.

Христіанство, по мнѣнію Леонтьева, не признаетъ никакихъ „гармоній“ здѣсь на землѣ. Оно нигдѣ и никогда не говорило и не говоритъ о нихъ. „Горести, обиды, буря страстей, преступленія, ревность, зависть, угнетенія, доброта, прощеніе, отдыхъ сердца, порывы и подвиги самоотверженія, простота и веселость сердца! Вотъ жизнь, вотъ единственно возможная „на этой землѣ и подъ этимъ небомъ“ гармонія. Гармоническій законъ вознагражденія — и больше ничего. Поэтическое, живое согласованіе свѣтлыхъ цвѣтовъ съ темными—и больше ничего. Въ высшей степени

---

[1]) „Историко-крит. комментарій къ соч. Ѳ. М. Дост.“, Зелинскаго, стр. 101.

[2]) Русск. Вѣстникъ 1903 г. кн. 4. „Изъ переписки К. Н. Леонтьева“, В. В. Розанова, стр. 651—652.

цѣльная полу-трагическая, полу-ясная опера, въ которой грозные и печальные звуки чередуются съ нѣжными и трогательными — и больше ничего. Мы не знаемъ, что будетъ на той новой землѣ и на томъ новомъ небѣ, которыя обѣщаны намъ Спасителемъ и ученикамп его, по „уничтоженіи“ этой земли со всѣми человѣческими дѣлами ея; но на землѣ, теперь намъ извѣстной, и подъ небомъ, теперь намъ знакомымъ, не можетъ быть ничего больше... Такъ говорятъ Апостолы, такъ пророчитъ Евангеліе. „Будутъ разбойники, будутъ Іуды, будутъ Іроды и равнодушные Пилаты!“ и „подъ конецъ“ не только не настанетъ всемірнаго братства, но именно тогда-то оскудѣетъ любовь, когда будетъ проповѣдано Евангеліе во всѣхъ концахъ земли“... А пока? Пока „блаженны міротворцы“, ибо неизбѣжны распри... „Блаженны алчущіе и жаждущіе правды“, ибо правды здѣсь не будетъ. Иначе зачѣмъ-же алкать и жаждать? Сытый не алчетъ. Упоенный не жаждетъ. „Блаженны милостивые, ибо всегда будетъ кого выбирать“ [1]).

Христіанство, по мнѣнію Леонтьева, отвращаетъ нашъ взоръ отъ этой земли и обращаетъ его на будущую жизнь, на загробное блаженство. Оно учитъ, „что на землѣ все невѣрно и все неважно, все недолговѣчно, а дѣйствительность и вѣковѣчность настанутъ послѣ гибели земли и всего живущаго на ней. Вотъ та осязательно-мистическая точка опоры, на которой вращался и вращается до сихъ поръ рычагъ христіанской проповѣди. Не полное и повсемѣстное торжество любви и всеобщей правды на этой землѣ обѣщаютъ намъ Христосъ и его Апостолы, а, напротивъ того, нѣчто вродѣ кажущейся неудачи Евангельской проповѣди на земномъ шарѣ: „Ибо когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба... и не избѣгнутъ (1-е посл. къ Ѳессал. гл. 5, 3). И еще: Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: „берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ“. „Ибо многіе пріидутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ,—и многихъ прельстятъ“. „Такъ-же услышите о войнахъ и военныхъ слухахъ. Смотрите не ужасайтесь: ибо надлежитъ всему тому быть, но это еще не конецъ“. „Ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ“. „Все-же это начало болѣзней (Еванг. отъ Матѳ. гл. XXIV, 4, 5, 6, 7, 8)“. „И по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь“ [2]).

Если же, братство, по возможности, и гуманность рекомендуются Св. Писаніемъ Новаго Завѣта, то Леонтьевъ съ

---

[1]) Ист. крит. коммент. Зелинскаго, стр. 99 100.

[2]) К. Леонтьевъ „Востокъ, Россія и славянство“. т. II, М. 1886 г., стр. 285.

своей точки зрѣнія на христіанство, какъ „трансцендентальный эгоизмъ“, объясняетъ это, что оно рекомендуется „для загробнаго спасенія личной души“; но въ Священномъ Писаніи нигдѣ не сказано, что люди дойдутъ посредствомъ этой гуманности до мира и благоденствія. Христосъ намъ этого не обѣщалъ... Это неправда [1]). Таково возраженіе Леонтьева.

Такой взглядъ Леонтьева, въ нашей богословской литературѣ не является чѣмъ-либо совершенно исключительнымъ: и до Леонтьева, и послѣ него неоднократно находимъ выраженіе того взгляда на христіанство, что оно не обѣщаетъ благъ земныхъ своимъ послѣдователямъ и не ведетъ насъ къ земному раю или золотому вѣку на землѣ. Евангеліе, напротивъ, говоритъ намъ о тлѣнности и суетѣ всего земного и требуетъ презрѣнія къ міру и бѣгства изъ него. „Аскетическое начало, отличительная особенность христіанства, религіи Креста и страданій“. „Противорѣчіе между міромъ и Церковью проистекаетъ изъ сущности этихъ явленій и отмѣчено Христомъ, какъ непзмѣнный законъ жизни, что бѣгство отъ міра всегда считалось надежнѣйшимъ путемъ въ Царствіе Божіе [2]). Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, эти богословы, подобно Леонтьеву, ссылаются на Библію, съ ученіемъ которой будто бы несовмѣстимо ученіе о Царствѣ Божіемъ на землѣ: Евангеліе говоритъ намъ объ умноженіи зла на землѣ, объ оскудѣніи вѣры и любви, о пришествіи антихриста; оно-же говоритъ намъ объ уничтоженіи земли, которая, слѣдовательно, не можетъ быть пригоднымъ мѣстомъ для Царства Божія.

Насколько состоятельно это воззрѣніе?

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ его, мы должны устранить одно важное недоразумѣніе со стороны представителей изложеннаго нами взгляда. Нерѣдко они представляютъ дѣло такъ, что разъ говорится о соціальномъ значеніи христіанства, разъ говорится о наступленіи Царства Божія на землѣ, то этимъ самымъ уже вносится въ христіанство чисто утилитарный, эвдемонистическій элементъ, такой, какъ у хиліастовъ и эвдемонистовъ. Христіанство, будто-бы, въ такомъ случаѣ уже вступаетъ въ компромиссы, приспособляется къ чисто земнымъ матеріальнымъ потребностямъ человѣка, спускается съ неба на землю, „омірщается“ [3]). Конечно, въ такомъ смыслѣ, въ смыслѣ хиліастовъ, будущее земное счастье недопустимо съ христіанской точки зрѣнія.

---

[1]) Зелинскій „Истор. кр. коммент.“, стр. 102.

[2]) „Вѣра и Церковь“ 1902 г., кн. 2, стр. 297.

[3]) Поводъ къ такого рода боязни за чистоту христіанства, конечно, есть и очень серьезный. Его дали Розановъ, Мережковскій и К°.

Но въ такомъ-ли смыслѣ говоритъ о Царствѣ Божіемъ на землѣ Достоевскій. Нѣтъ. Когда онъ говоритъ о наступленіи Царства Божія на землѣ, то на первомъ планѣ у него ставится не блаженство само по себѣ, а прежде всего и главнымъ образомъ правда Царства Божія, водвореніе правды на землѣ въ земныхъ отношеніяхъ нашихъ, съ чѣмъ вмѣстѣ приходятъ миръ и счастье. Что именно такъ Д—скій понимаетъ Царство Божіе на землѣ—это достаточно ясно изъ всего изложеннаго. Понимаемое въ такомъ смыслѣ, Царство Божіе на землѣ христіанствомъ не отрицается. И прежде всего, христіанство на землю не смотритъ, какъ на зло. Господь пришелъ не отвергнуть міръ, а спасти его. Онъ не отрицаетъ міра, какъ твореніе Божіе, среду откровенія славы Божіей и Царства Божія; міръ отрицается лишь въ его противоположности Богу и Царству Его, въ той мѣрѣ, въ какой онъ является ареною грѣха и власти діавола въ отчужденіи и обособленіи отъ Бога... Отрицается не твореніе и не блага земныя, а злоупотребленіе или неправильное отношеніе къ земнымъ благамъ, и всему указывается свое мѣсто. Духовное выше матеріальнаго, небесное—земного, и потому въ христіанствѣ матеріальныя блага ставятся въ подчиненное отношеніе къ духовнымъ. Они признаются поскольку служатъ для Бога, для „славы Божіей“. „Тѣло-же не блуженію, но Господеви, и Господь тѣлу“ [1]). „Тѣлеса ваша удове Христовы суть“. „Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія“ [2]). На матеріальныя блага мы должны смотрѣть, такимъ образомъ, какъ на нѣчто второстепенное: „душа больше пищи и тѣло одежды“ [3]). Прежде и главнымъ образомъ наша забота должна быть направлена на удовлетвореніе потребностей духовныхъ. Но этимъ не „отрицаются безусловно блага земныя“. Пища, одежда и жилище необходимы для нашей жизни [3]), и Отецъ небесный знаетъ, что мы имѣемъ нужду въ этомъ [4]). Но тутъ дѣлается Евангеліемъ важное ограниченіе. Ничему изъ этого не должны мы отдавать всего своего сердца. Ничто изъ всего этого не должно быть нашимъ кумиромъ, ибо Господу должны мы поклониться и Ему единому служить [5]). Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу: вся ми лѣтъ суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего [6]).

Съ этой точки зрѣнія Царство Божіе на землѣ не пред-

---

[1]) 1 Коринѳ. VI, 13—20.
[2]) Лк. XII, 23, ср. Іо. V, 27; Лк. IV, 4.
[3]) Мѳ. V, 11. 32; Лк. XII, 39.
[4]) Лк. XII, 30.
[5]) Мѳ. IV, 4; Лк. IV. 8.
[6]) 1 Коринѳ. VI, 12.

ставляется противорѣчащимъ существу христіанства: „Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ [1]), т. е. пища, одежда и вообще блага земныя.

Что же касается ссылокъ представителей разсматриваемаго взгляда на Божественное Откровеніе, рисующее будто бы мрачными красками послѣднія времена и судьбы человѣчества, то эти ссылки встрѣчаютъ ограниченіе въ указаніи другихъ богослововъ на то, что, помимо указанныхъ мѣстъ, въ Св. Писаніи есть такія мѣста, которыя рисуютъ будущія судьбы человѣчества и міра съ другой стороны—болѣе свѣтлой. Они говорятъ намъ о распространеніи Евангелія во всемъ мірѣ, о вступленіи Израиля въ лоно Христовой Церкви, о прекращеніи временъ язычниковъ, о стойкости избранныхъ въ вѣрѣ при самыхъ сильныхъ искушеніяхъ. Они-же говорятъ намъ о будущемъ тысячелѣтнемъ Христовомъ Царствѣ, имѣющемъ несомнѣнное значеніе нѣкоего намека, хотя и глубоко-таинственнаго, на какое-то торжество добра надъ зломъ въ концѣ человѣческой исторіи. Наконецъ,—разсуждаютъ защитники ученія о наступленіи царства Божія на землѣ,—самый фактъ умноженія беззаконій и оскудѣнія любви въ людяхъ не долженъ смущать насъ и нашу вѣру въ прогрессивный ходъ исторіи. Во-первыхъ, избранные все-же останутся и число ихъ можетъ быть великимъ. Это ясно видно изъ притчъ Господа, гдѣ „овцы“ противополагаются „козламъ“, правая сторона“ „лѣвой“, какъ двѣ равносильныя части. Во-вторыхъ, фактъ умноженія беззаконій ничего не говоритъ о регрессивномъ ходѣ исторіи. Усиленіе зла въ концѣ временъ не противорѣчитъ прогрессивному ходу исторіи—болѣе того требуется имъ. Обнаруженіе нынѣ скрытаго въ человѣчествѣ зла до размѣровъ самой рѣзкой и явной противоположности добру необходимо въ царствѣ Божіемъ. Безъ этого невозможно было-бы достиженіе провиденціальной цѣли отдѣленія добра и зла, пшеницы и плевелъ—нынѣ смѣшанныхъ и растущихъ вмѣстѣ. Но настанетъ время, когда на черномъ фонѣ зла мірового дано будетъ во всемъ блескѣ засіять міру чистотой истинѣ Евангелія безъ всякихъ поддѣлокъ ея [2])!

Наконецъ, уничтоженіе или разрушеніе земли, на которое обычно ссылаются, какъ на одно изъ сильныхъ возраженій противъ Царства Божія на землѣ,—противно ученію Св. Писанія о концѣ міра. Конецъ міра здѣсь изображается

---

[1]) Мѳ. VI, 33.

[2]) Пр. Свѣтловъ, „Идея Царства Божія“. Богослов. Вѣстн. 1903 г., т. 3, 128—131. Замѣтимъ, впрочемъ, что Д—ій не совсѣмъ такъ представлялъ наступленіе Царства Божія на землѣ: у него нѣтъ рѣчи о „черномъ фонѣ“.

не разрушеніемъ, а обновленіемъ или преобразованіемъ его [1]). Земля въ концѣ концовъ сдѣлается мѣстомъ рая [2]).

Конечно, приведенными ссылками и соображеніями вопросъ о наступленіи Царства Божія на землѣ далеко еще не рѣшается со всею опредѣленностью, но мы не беремъ на себя окончательнаго рѣшенія вопроса: мы хотѣли только показать, что то рѣшеніе, какое поставленный вопросъ находитъ у Достоевскаго, не стоитъ у противорѣчія съ прямыми указаніями Слова Божія и съ духомъ христіанства Этого достаточно для того, чтобы оправдать Д—го отъ обвиненія въ коренномъ искаженіи христіанства. Достоевскій страстно вѣрилъ въ лучшее будущее. Этой вѣрою онъ жилъ, съ нею и сошелъ въ могилу. Онъ былъ, если такъ можно о немъ выразиться. утопистомъ, но не тѣмъ утопистомъ, который летаетъ на крыльяхъ фантазіи, не имѣя никакой реальной почвы для своихъ утопій. Достоевскій нашелъ твердую почву для своего стремленія къ лучшему будущему въ религіи, въ вѣрѣ въ Бога, Христа и Церковь.

Показавши допустимость съ христіанской точки зрѣнія взгляда Достоевскаго на наступленіе Царства Божія на землѣ, мы теперь посмотримъ, достаточенъ-ли тотъ путь воздѣйствія христіанства на общество, путь созданія Царства Божія, Церкви вселенской на землѣ, который указывается Достоевскимъ?

Достоевскій всю надежду въ дѣлѣ общественнаго улучшенія возлагаетъ на улучшеніе отдѣльныхъ лицъ. По его убѣжденію общество, состоящее изъ отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть улучшено *единственно* только улучшеніемъ лицъ. „Сдѣлавшись сами лучше, мы и среду исправимъ, вѣдь *только этимъ однимъ* и можно ее исправить". „Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся (*само собою*) приложатся вамъ" [3]).

Конечно, невозможно отрицать значенія личности, личной морали. Эта идея теперь все болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе людей. „Если міру суждено быть обновленнымъ, справедливо говоритъ Кавелинъ, то это можетъ совершиться извнутри насъ. Безъ участія нравственныхъ психическихъ элементовъ и дѣятельности немыслимо никакое обновленіе. Съ какимъ-то ребяческимъ самодовольствомъ любуемся мы накопленными богатствами знанія и опытности, наивно воображая, будто они способны и безъ нашихъ усилій, сами собою, пересоздать міръ и насъ самихъ. Вѣру во всемогущество формъ смѣнила въ наше время вѣра во всемогу-

---

[1]) См. ст. „Что будетъ съ землею"? Эсхатолог. опытъ. Правосл. Обозрѣніе 1889, окт.

[2]) Ис. LX. 19—21; LXV, 17—25; Мѳ. V, 5; Апок. XXI.

[3]) Мѳ. VI. 33.

щество идей... Безъ правильнаго духовнаго и нравственнаго развитія людей не можетъ быть и правильной политической, государственной и общественной жизни"... Все это вѣрно, но вѣрной идеѣ Достоевскимъ дается неправильная формулировка.

Дѣйствительность ясно показываетъ намъ, что, помимо личности, большое значеніе въ жизни имѣетъ среда, окружающая обстановка, внѣшняя организація жизни, которой человѣкъ очень и очень часто подчиняется. Среда изъ слабаго человѣка дѣлаетъ все, что ей угодно, и только могучіе люди могутъ побѣдоносно бороться съ ней. Но если таковы факты жизни, то христіанство не можетъ не знать этого. Правда, какого-либо подробнаго ученія о средѣ въ Евангеліи мы не найдемъ, но изъ отрывочныхъ выраженій можно видѣть, что и христіанство признаетъ значеніе среды. Это признаніе ясно открывается изъ шестого и седьмого прошенія молитвы Господней: „и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго". „Подъ искушеніемъ, говоритъ катихизисъ, должно разумѣть такое стеченіе обстоятельствъ (или условій), въ которомъ есть близкая опасность потерять вѣру (въ Бога, во Христа, въ правду, въ человѣка) или впасть въ тяжкій грѣхъ". Что-же касается седьмого прошенія, то, по катихизису, здѣсь мы „просимъ избавленія отъ всякаго зла, которое можетъ насъ постигнуть въ мірѣ". Надо-ли, скажемъ словами одного изъ современныхъ богослововъ,—иллюстрировать примѣрами то, что носитъ названіе опаснаго „стеченія обстоятельствъ" или „всякаго зла". когда такъ полна ими близкая намъ, окружающая насъ, дѣйствительность" [1])?

Признавая значеніе среды, мы само собою должны признать необходимымъ и борьбу съ нею и желать помимо внутренняго, личнаго усовершенствованія людей, улучшенія и внѣшней организаціи жизни—внѣшнихъ учрежденій. Конечно, Градовскій былъ неправъ, когда *всю* надежду возлагалъ на улучшеніе внѣшнихъ учрежденій, и Достоевскому не трудно разбить его, показать всю ложность его мысли. Но не совсѣмъ правъ былъ и Достоевскій. Обратимся для поясненія своей мысли къ тому примѣру, который фигурируетъ въ полемикѣ Д—го съ Градовскимъ. Конечно, если бы Коробочка и ея крѣпостные прониклись вполнѣ и всецѣло христіанскимъ духомъ, то крѣпостныя отношенія между Коробочкой и ея крестьянами сами собою прекратились бы. Но, во-первыхъ, развѣ вмѣстѣ съ установленіемъ братскихъ отношеній между людьми теряетъ всякое значеніе внѣшняя организація? развѣ братскія отношенія не требуютъ организаціи? А во-вторыхъ, и это—главное, скоро-ли *вся* Коро-

[1]) Пр. Свѣтловъ, „Идея Ц. Б." Богосл. Вѣст. 1903 г., т. I. 492—493.

бочки проникнутся христіанскимъ духомъ? Этого никогда не будетъ—не только съ точки зрѣнія Леонтьева, но и съ точки зрѣнія прот. Свѣтлова, допускающаго наступленіе Царства Божія на землѣ. А по Достоевскому, если Коробочки съ Собакевичами и проникнутся христіанскимъ духомъ, то это будетъ въ концѣ всемірной исторіи. Какъ же быть до тѣхъ поръ? До тѣхъ поръ необходима такая организація человѣческихъ отношеній, которая бы ограждала права человѣческой личности отъ всякаго рода посягательствъ на нихъ со стороны другихъ людей, не только отжившихъ свой вѣкъ Коробочекъ и Собаковичей, но еще здравствующихъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Такая организація дается государствомъ. Ограждая права человѣческой личности, государство тѣмъ самымъ *воспитываетъ* въ гражданахъ чувство уваженія къ человѣческой личности. Въ этомъ состоитъ *положительное* значеніе государства съ его учрежденіями. Едва-ли Д—ій отрицалъ воспитательное значеніе государственныхъ учрежденій, но во всякомъ случаѣ онъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ предметѣ.

Неплюевъ, поэтому, былъ отчасти правъ, когда обвинялъ Д—скаго въ неполнотѣ концепціи христіанства, его нравственной сущности. По его взгляду, христіанство у Д—скаго, хотя и остается религіею любви, но уже не той полной и совершенной любви, которая органически соединяетъ въ себѣ всепрощеніе и справедливое негодованіе на зло, миролюбіе и благожелательность—съ дѣятельнымъ противленіемъ злу или борьбою со зломъ. Вниманіе Д—скаго сосредоточено не столько на активной, сколько на пассивной сторонѣ любви; поэтому христіанство подъ перомъ Д—скаго отчасти принимаетъ видъ „неразумнаго, благодушнаго безразличія къ добрымъ и злымъ, побратайства съ первымъ встрѣчнымъ на большой дорогѣ, благодушной глупости, при которой необходимо не только прощать личныя обиды, но и уживаться со всякимъ зломъ, не только прощать кающагося грѣшника, но и не противиться злодѣямъ нераскаяннымъ, считать зло за несчастіе, злыхъ за несчастныхъ и благодушно уживаться во что-бы то ни стало со всякими людьми. Сочиненія Д—скаго „принесли долю вреда, вводя въ заблужденіе тѣхъ, кто принимаетъ его героевъ за истинныя воплощенія христіанскаго идеала и потому считаетъ, что изъ христіанства не вытекаетъ другой высшій разумный идеалъ активнаго героя. Въ своихъ излюбленныхъ геройхъ, каковы князь Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, Д—скій представляетъ намъ лишь жалкія пародіи на христіанъ... Они „умѣютъ только все переносить по-христіански, а когда коснется до активнаго отношенія къ жизни, не понимаютъ даже и того, что дѣлу Бога разумнаго и служить необхо-

димо разумно“ 1). Конечно, этотъ упрекъ, дѣлаемый Неплюевымъ со своей тоже крайней точки зрѣнія, сильно преувеличенъ, тѣмъ не менѣе доля правды въ немъ есть.

Этотъ пробѣлъ въ общественномъ міросозерцаніи Д—скаго, однако, можно вполнѣ извинить. Въ пылу полемики съ соціалистами, защищавшими одну крайность, онъ, естественно, могъ вдаться въ другую. Мы можемъ только удивляться, какъ еще Достоевскій не усвоилъ взгляда Гоголя, который совсѣмъ отрицаетъ всякое значеніе за улучшеніемъ внѣшняго строя жизни. Сфера дѣятельности Церкви, по Гоголю, только во внутреннемъ, духовномъ мірѣ человѣка. Достоевскій же перенесъ ее и во внѣшнюю общественную среду, неизбѣжно видоизмѣняющуюся въ зависимости отъ воспитательнаго вліянія Церкви. Помимо этого, мы должны сказать, что въ сознаніи Достоевскаго, когда онъ отрѣшается отъ полемики съ соціалистами, выступаетъ мысль о большомъ значеніи внѣшняго строя жизни. Тогда онъ признаетъ нужнымъ и государственныя учрежденія и соціально-политическія реформы. По крайней мѣрѣ, когда онъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ, уничтоженномъ властнымъ монаршимъ словомъ, то онъ всецѣло признаетъ благодѣтельность этой реформы. Равнымъ образомъ онъ признаетъ высокую нравственную цѣнность за восточной войной, но вѣдь война организуется и ведется государствомъ...

Наконецъ, остается послѣдній вопросъ о мессіанизмѣ или мистическомъ патріотизмѣ, занимающемъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ общественномъ міросозерцаніи Д—скаго. Мессіанизмъ или мистическій патріотизмъ, понимаемый въ смыслѣ іудейскомъ, какъ ученіе о привиллегированномъ положеніи одного какого-либо народа въ Царствѣ Божіемъ въ силу его какихъ-то племенныхъ, національныхъ особенностей,—есть, конечно, ученіе ложное съ христіанской точки зрѣнія. Христіанство, какъ и проповѣдуемое имъ Царство Божіе, всемірно, всеобъемлюще, универсально. Въ немъ не можетъ быть какихъ-либо различій между эллиномъ или іудеемъ, рабомъ и свободнымъ—всѣ равны въ Царствѣ Божіемъ, всѣ имѣютъ равноправное значеніе какъ члены одной великой семьи, связанной любовью другъ къ другу. Мессіанизмъ не вяжется съ универсализмомъ христіанства. Мы не должны забывать притчъ евангельскихъ, которыми Господь смирялъ національную гордость и религіозный націонализмъ своихъ соотечественниковъ (притча о равной наградѣ, о блудномъ сынѣ и др.).

Но, обращаясь къ мессіанизму, проповѣдуемому Достоевскимъ, мы должны сказать, что онъ не таковъ, чтобы его

---

1) Н. Н. Неплюевъ „Что есть истина“, стр. 150, 149, 148.

признать несостоятельнымъ съ христіанской точки зрѣнія. Достоевскій, какъ мы уже выше видѣли, не проповѣдуетъ узко-національнаго идеала. Завѣтною мечтою его было всемірное и всечеловѣческое единеніе людей во Христѣ. Истинная Церковь, которую проповѣдовалъ Достоевскій, есть всечеловѣческая, прежде всего въ томъ смыслѣ, что въ ней должно въ конецъ исчезнуть раздѣленіе человѣчества на соперничествующіе и враждебные между собою племена и народы. Всѣ они, не теряя своего національнаго характера, а лишь освобождаясь отъ своего національнаго эгоизма, могутъ и должны соединиться въ одномъ общемъ дѣлѣ всемірнаго возрожденія. Поэтому Достоевскій, говоря о Россіи, не могъ имѣть въ виду національнаго обособленія. Напротивъ, все значеніе русскаго народа онъ полагалъ въ служеніи истинному христіанству, въ немъ-же нѣтъ ни эллина, ни іудея. Правда, онъ считалъ Россію избраннымъ народомъ Божіимъ, но избраннымъ не для соперничества съ другими народами и не для господства и первенства надъ ними, а для свободнаго служенія всѣмъ народамъ и для осуществленія, въ братскомъ союзѣ съ ними, истиннаго всечеловѣчества или Церкви вселенской“ [1]). Д—скій сознавалъ и отмѣчалъ недостатки русскаго народа: развратъ, пьянство и т. п. Если-же онъ вѣрилъ въ Россію и предсказывалъ русскому народу, великое будущее, то не въ силу какихъ-либо національныхъ особенностей русскаго народа—чисто природныхъ племенныхъ, а въ силу христіанства, содержимаго русскимъ народомъ, и явившихся подъ вліяніемъ его особенностей. Онъ требуетъ смириться предъ народомъ, возсоединиться съ нимъ, но во имя чего? „Во имя-ли того только, что онъ народъ?.. Вѣроятно, есть люди, которые именно такъ это и понимаютъ. Но такое слишкомъ ужъ простое пониманіе было совершенно чуждо Д—скому. Требуя отъ уединившейся личности возвращенія къ народу, онъ прежде всего имѣлъ въ виду возвращеніе къ той истинной вѣрѣ, которая еще хранится въ народѣ. Въ томъ общественномъ идеалѣ братства или всеобщей солидарности, которому вѣрилъ Д—скій, главнымъ было его религіозно-нравственное, а не національное значеніе. Уже въ »Бѣсахъ“ есть рѣзкая насмѣшка надъ тѣми людьми, которые поклоняются народу только за то, что онъ народъ, и цѣнятъ православіе лишь какъ аттрибутъ русской народности“. Если мы хотимъ однимъ словомъ обозначить тотъ общественный идеалъ, къ которому пришелъ Достоевскій, то это слово будетъ не народъ, а Церковь... Вселенская правда воплощается въ Церкви. Окончательный идеалъ и цѣль не въ народности, которая сама по себѣ есть только служебная

---

[1]) Вл. С. Соловьевъ. „Три рѣчи въ память Ѳ. М. Д.“ Соч., т. III, 185.

сила, а въ Церкви, которая есть высшій предметъ служенія, требующій нравственнаго подвига не только отъ личности, но и отъ цѣлаго народа“ [1]). Въ такомъ смыслѣ мессіанизмъ, намъ кажется, нельзя считать противнымъ ученію христіанства.

Въ заключеніе мы должны сказать, что общественное міросозерцаніе Ѳ. М. Достоевскаго является цѣлостною и стройною системою, въ которой христіанство имѣетъ значеніе твердаго и прочнаго фундамента, на которомъ рано или поздно должно создаться всечеловѣческое счастье, сначала духовное, а затѣмъ и матеріальное.

---

[1]) В. С. Соловьевъ, т. 3. 180—182.

Въ чемъ былъ неправъ Достоевскій.

(Волжскій о Достоевскомъ).

Въ чѣмъ неправъ Достоевскій? Въ томъ, что онъ впалъ въ идолопоклонство. Бунтуя противъ безрелигіознаго, „безбожнаго соціализма“, онъ ушелъ въ другую опасность—отвергъ силу человѣка черезъ формы, черезъ земную борьбу, черезъ „обновленіе земныхъ формъ“ найти и религіозную правду—*припомнить* и возстановить истинные законы жизни.

Достоевскій идолопоклонникъ.

Изъ отчаянія онъ обожилъ русскую наличность, даже русскіе грѣхи. Онъ рѣшилъ, что нельзя остаться со Христомъ и въ тоже время принять хоть элементы новой правды, какую несли новые люди. И не умѣя отыскать средняго пути—объединенія двухъ правдъ—отвергъ вторую—во имя ошибочнаго обожествленія мнимой русской правды Доздѣ мы.

„Страстныя картины лика міра сего, погрязающаго во злѣ и грѣхѣ, постоянно искушали душу впечатлительнаго художника. Горячо исповѣдуя своего Христа, искренно желая лучше остаться „съ нимъ, чѣмъ съ истиной“, Достоевскій все же не могъ освободиться отъ власти факта; могучая дѣйствительность, „темная наглая и безсмысленно — вѣчная сила, которой все подчинено“, этотъ „дьяволовъ водевиль“ дѣйствовали на него неотразимо.

„Смерть и время царятъ на землѣ“.

Достоевскій, какъ первоклассный художникъ, съ болѣзненно-геніальной впечатлительностью схватывающій „всѣ впечатлѣнія бытія“, сильно чувствовалъ ихъ владычество. Они мучили и истязали его, искажали и умаляли въ глазахъ его величіе человѣческой личности, уничтожали ея божественную неприкосновенность и нравственную цѣнность.

Въ своемъ стремленіи реально воплотить своего Бога въ существующемъ мірѣ, въ своемъ неизмѣнномъ желаніи ви-

дѣть своего Христа облеченнымъ Божескимъ всемогуществомъ, сошедшимъ со креста и спасающимъ себя и насъ, Достоевскій, самъ того не вѣдая, не устоялъ противъ соблазна обожествить реальный міръ существующей дѣйствительности, поклонился его могучей силѣ, какъ своему Богу, не замѣчая, что передъ нимъ только идолъ...

Здѣсь страстная религіозность Достоевскаго замѣняется почвенностью. Ища вѣры въ Бога, онъ приходитъ къ вѣрѣ въ почву родную, въ Россію, въ православіе... Искусившись безсиліемъ Христа и мучаясь сомнѣніями о Богѣ, онъ увѣровалъ въ русскую дѣйствительность, въ существующій порядокъ вещей, искренно, но идолопоклоннически исповѣдуя, что здѣсь почилъ истинный Богъ.

Горячую, глубоко искреннюю преданность Христу и не менѣе искреннюю, но маловѣрную мучительную тревогу о Богѣ, онъ утолилъ „Русскимъ Христомъ“ и „Русскимъ Богомъ“, искренно полагая, что нашелъ именно то, что искалъ.

Въ „Идіотѣ“ устами самаго идіота устанавливается непрерывная связь между принадлежностью къ почвѣ и вѣрою въ Бога:—„кто почвы подъ собой не имѣетъ, тотъ и Бога не имѣетъ.—Это не мое выраженіе. Это выраженіе одного купца изъ старообрядцевъ, съ которымъ я встрѣтился, когда ѣздилъ. Онъ, правда, не такъ выразился, онъ сказалъ: „кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался“. Вѣдь подумать только, что у насъ образованнѣйшіе люди въ хлыстовщину пускались... Да и чѣмъ, впрочемъ, въ такомъ случаѣ, хлыстовщина хуже, чѣмъ нигилизмъ, іезуитизмъ, атеизмъ? Даже, можетъ, и поглубже еще! Но вотъ, до чего доходила тоска!.. Откройте жаждующимъ и воспаленнымъ Колумбовымъ спутникамъ берегъ „Новаго Свѣта“, откройте русскому человѣку русскій „Свѣтъ“, дайте отыскать ему сокровище, скрытое отъ него въ землѣ! Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите, какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, вырастетъ передъ изумленнымъ міромъ“.

Въ свѣтской бесѣдѣ Ев. Пав. Радомскій, играя мыслью и немного подсмѣиваясь надъ идіотомъ, говоритъ, что „русскій либерализмъ не есть нападеніе на *существующій порядокъ вещей*, а есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на *русскій порядокъ*, а *на самую Россію*“. Князь Мышкинъ охотно принимаетъ эту идею, онъ находитъ здѣсь откликъ на свои интимныя мысли объ уравненіи между признаніемъ родной земли и вѣрой въ Бога, между почвой и Богомъ.

Въ „Бѣсахъ“ уравненіе это еще дальше и смѣлѣе развивается также отъ лица любимаго героя автора. Шатовъ въ

изступленной бесѣдѣ съ Николаемъ Ставрогинымъ, излагаетъ Ставрогину сказанныя имъ когда-то, по опредѣленію Шатова, „огромныя слова“.

„Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ, во всякій періодъ его событія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него, какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобы у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ...“ Когда Ставрогинъ замѣчаетъ ему, что Богъ низводится имъ здѣсь до простого аттрибута народности, Шатовъ возражаетъ: „напротивъ,—народъ возношу до Бога. Да и было-ли когда-нибудь иначе? Народъ—это тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія; пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ“... „но истина одна, а стало быть, только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ „богоносецъ“—это русскій народъ“.

Не чувствуя въ себѣ силъ унять свои сомнѣнія непосредственной, безискусственной вѣрой, Достоевскій пытается добыть ее косвеннымъ путемъ. Зарывая съ этой цѣлью свою неутолимую жажду увѣровать въ Бога въ неопредѣленную рыхлую „почву“, состоящую изъ не оформленныхъ понятій, онъ думаетъ взростить такимъ путемъ настоящую живую вѣру. Онъ перепробовалъ всевозможныя соединенія, чтобы получить необходимый для него элементъ. Но оказывается, искомый элементъ этотъ—простой, никакимъ искусственнымъ соединеніемъ не воспроизводимый, а если и возможно его получить лабораторнымъ путемъ, то Достоевскій, во всякомъ случаѣ, не отыскалъ необходимой формулы соединенія. Его опыты въ этомъ отношеніи больше всего напоминаютъ собой неугомонное стремленіе древнихъ алхимиковъ и современныхъ ученыхъ химиковъ найти способъ искусственнаго приготовленія золота... И чего только не перепробовалъ Достоевскій для отыскиванія своего золота...

Въ „Идіотѣ“ представленіе „русскихъ порядковъ“ онъ передѣлываетъ въ „самую Россію“, изъ Россіи „родной земли“ и „почвы“; приготовляетъ „русскій свѣтъ“, „русскаго Бога и Христа“, „русскою мыслью“ добываетъ „воскресеніе человѣчества“. Въ „Бѣсахъ“ соединяя и просто механически смѣ-

шивая понятія націи и народа, изъ идеи народности вытягиваетъ идею Бога. „Богъ есть синтетическая личность всего народа". „Народъ—это тѣло Божіе", „единственный народъ „богоносецъ"—это русскій". Черезъ вѣру въ народъ русскій, тоже въ смыслѣ очень рыхломъ и расплывчатомъ Достоевскій добываетъ вѣру „въ Россію", въ „ея православіе", въ „тѣло Христово", въ то, что „новое пришестіе совершится въ Россіи". Здѣсь еще нѣтъ вѣры въ Бога, но овладѣть ею теперь кажется уже очень легко. Принявшій все это Шатовъ говоритъ, что онъ *будетъ* вѣровать въ Бога. Путемъ длиннаго ряда этихъ превращеній понятій все съ новымъ наростаніемъ, Достоевскій надѣялся получить то, чего такъ страстно искалъ,—блаженства истинной вѣры. Но какъ приложеніе какихъ бы то ни было большихъ конечныхъ величинъ никогда не дастъ понятіе безконечности, такъ и прибавленіе къ вѣрѣ въ „родную землю" еще новыхъ вѣръ въ народъ, въ православіе, въ тѣло Христово не можетъ создать настоящей вѣры... Достоевскій пытается здѣсь, какъ это ни кажется страннымъ со стороны такого глубокаго ума, обойти свои сомнѣнія путемъ софистическихъ ухищреній, подмѣны понятій, даже просто игры словами. Допустивъ Бога въ условномъ и переносномъ смыслѣ, (какъ синтетическую личность всего народа, какъ почву родную), Достоевскій думаетъ, что ему легче будетъ тогда увѣровать въ Него въ настоящемъ смыслѣ. Сначала только гипнотизируется сознаніе неяснымъ словами „народъ-богоносецъ", „тѣло Божіе" и „тѣло Христово", „русскій Богъ и рускій Христосъ" а потомъ уже осваивается съ Богомъ въ собственномъ смыслѣ. Легче, когда не сразу, рѣшимости больше и меньше самоубѣжденій, и насилій надъ собой... Только страстной жаждой вѣры и можно объяснить, что Достоевскій, при всей геніальной проницательности своей, не замѣчаетъ наивности и шероховатости постояннаго преобразованія формулъ своей „почвенности", созидающей Бога. Онъ составлялъ свои уравненія изъ упомянутыхъ формулъ, твердо надѣясь отыскать ихъ рѣшеніемъ вѣру въ Бога. Но величины, вводимыя въ уравненіе оказывались слишкомъ неопредѣленными, искомое въ отношеніи оказывалось вовсе неопредѣлимымъ. Уравненія: Россія—православіе—тѣло Христово, народъ—тѣло Божіе, родная земля—русскій Богъ и русскій Христосъ и т. д., выражаясь примѣнительно къ грубой и мало остроумной аналогіи Ставрогина, только Ноздревская претензія поймать зайца за хвостъ или похлебка изъ зайца безъ зайца.

Подобно Ивану Карамазову, который „жизнь полюбилъ больше, чѣмъ смыслъ ея", Достоевскій хотѣлъ реальнаго воплощенія Бога, больше, чѣмъ самого Бога; тѣла Христа, прежде чѣмъ самого Христа; православія, прежде чѣмъ вѣры въ Бога. Конечно, такое исповѣдываніе Бога легко

переходитъ въ идолопоклонничество, на мѣсто истиннаго Бога становится идолъ...

Изъ современной ему Россіи, съ господствующимъ въ ней порядкомъ вещей, Достоевскій сотворилъ себѣ кумиръ (въ видѣ божественной почвы). Высочайшій идеалистъ, религіозный человѣкъ, страстно ищущій святынь, поклонился русской дѣйствительности, какъ кумиру и идолу. И дѣлаетъ это онъ „изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу“, какъ характеризуетъ онъ самъ, устами „идіота“, страстную жажду вѣры у атеистовъ.

Въ преклоненіи передъ богомъ почвы Достоевскій подчиняетъ человѣка уже не „муравейнику“ только, за что онъ обвиняетъ соціалистовъ, не „всеобщей сытости“, не „соціалистическому іерусалиму“, не „хрустальному дворцу“, а развѣ вотъ „курятнику“, въ которомъ, какъ смѣялся герой „записокъ изъ подполья“, можно только что отъ дождя укрыться. Окружающая его русская дѣйствительность обожествленной имъ „почвы“, несомнѣнно, еще менѣе способна отвѣтить на нравственные запросы о не отмщенныхъ дѣтскихъ страданіяхъ, не утоленныхъ индивидуальныхъ обидахъ, чѣмъ инкриминируемый имъ атеизмъ, эвдемонизмъ, соціализмъ, мечтающій о земномъ царствѣ человѣкобога и даже менѣе, чѣмъ „католицизмъ“ (Волжскій).

Съ кѣмъ былъ бы теперь Достоевскій.

Вторая неправда Достоевскаго. „Θ. М. о самодержавіи".

Мережковскій: „Пророкъ русской революціи" *).

Достоевскій умеръ 28 января 1881 года.

28 января 1906 года исполнилось 25 лѣтъ со дня его смерти.

Вѣщимъ предзнаменованіемъ кажется то, что онъ умеръ наканунѣ 1 марта, перваго громового удара той грозы, которая надвигалась на насъ четверть вѣка, и что первыя поминки по немъ справляются среди разразившейся, наконецъ, бури.

Онъ вѣдь и самъ носилъ въ себѣ начало этой бури, начало безконечнаго движенія, несмотря на то, что хотѣлъ быть или казаться оплотомъ безконечной неподвижности; онъ былъ революціей, которая притворилась реакціей.

„Будущая самостоятельная русская идея у насъ еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и въ страшныхъ мукахъ готовится родить ее", писалъ онъ въ своемъ предсмертномъ дневникѣ.

Самъ Достоевскій—первый вопль этихъ мукъ рожденія.

„Вся Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездною", писалъ онъ еще раньше, въ 1878 г. Отъ этой бездны онъ и отворачивался, и пятился и цѣплялся судорожно за скользкіе края обрыва, за мнимыя твердыни прошлаго—православіе, самодержавіе, народность.

Но если бы онъ увидѣлъ то, что мы сейчасъ видимъ, гдѣ и съ

---

*) Нижеслѣдующія строки взяты (и не буквально) у Мережковскаго, но въ его статьѣ глубокой, сложной и своеобразной — они ни въ какой степени не составляютъ „сути". Желающій познакомиться со взглядомъ Д. С. обратится къ его книгѣ.

кѣмъ былъ бы онъ? На чью сторону сталъ бы Достоевскій: на сторону тѣхъ, кто ищетъ разрушенія многихъ его куморовъ или противъ нихъ?

Достоевскій „обожилъ“ самодержавіе. Вотъ его не грѣхъ, больше,—его паденіе. И однако нетрудно отвѣтить, „съ кѣмъ и противъ кого?

„Народъ нашъ—дѣти царевы; а царь имъ отецъ. Тутъ идея глубокая и оригинальнѣйшая, тутъ организмъ народа, сліяннаго съ своимъ Царемъ воедино. Царь для народа не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь побѣдителя, а всенародная, всеединяющая сила, которую самъ народъ восхотѣлъ, которую выростилъ въ сердцахъ своихъ, за которую претерпѣлъ, потому что отъ нея только одной ждалъ исхода своего изъ Египта. Для народа Царь есть воплощеніе его самого, всей его идеи, надеждъ, вѣрованій. Отношеніе русскаго народа къ Царю своему есть самый особливый пунктъ, отличающій народъ нашъ отъ всѣхъ другихъ народовъ Европы и всего міра; это не временное только дѣло у насъ, не преходящее, но вѣковое, всегдашнее и никогда оно не измѣнится. Идея же эта заключаетъ въ себѣ такую великую у насъ силу, что, конечно, повліяетъ на всю дальнѣйшую исторію нашу, а такъ какъ она, идея эта, совсѣмъ особливая и какъ ни у кого, то и исторія наша не можетъ быть похожа на исторію другихъ европейскихъ народовъ. Если хотите, у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей насъ, какъ эта органическая живая связь народа съ Царемъ своимъ, и изъ нея у насъ все и исходитъ“.

Самодержавіе—такая же абсолютная, вѣчная, божественная истина, какъ православіе. Это есть то „новое слово“, которое русскій народъ „богоносецъ“ призванъ сказать міру.

Это былъ бредъ страшной вѣры, точнѣе „желанія вѣрить“.

„У насъ гражданская свобода,—увѣряетъ Достоевскаго,—можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ, и именно на этомъ же адамантовомъ основаніи (на самодержавіи) она и созиждется. Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не бывало видано, ибо не измѣнятъ дѣти отцу своему“.

Это была настоящая, религіозная вѣра, но она-то, именно эта искренность вѣры и исканія—и заставила бы Достоевскаго *теперь* отказаться отъ своего „догмата“.

Онъ и при жизни былъ близокъ къ тому, чтобы отказаться. — „Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо

онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду".

Слово о сѣрыхъ зипунахъ — намекъ на земскій соборъ. Говорятъ, Достоевскій боялся, что цензура запретитъ эти слова. „Не пропустятъ — и все пропало",—восклицалъ онъ, будто бы, въ смертельной тревогѣ.

Пропустили, но это ничего не спасло и спасти не могло.

И кажется, самому Достоевскому стало чувствоваться что-то неладное въ этихъ мысляхъ о довѣріи царя къ народу, что-то похожее не столько на „адамантовое основаніе", сколько на ту бездну, надъ которою Мѣдный Всадникъ Россію „вздернулъ на дыбы".

„Я слуга Царю. Еще больше буду слуга ему, когда онъ дѣйствительно повѣритъ, что народъ ему дѣти. Что-то очень ужъ долго не вѣритъ", писалъ онъ въ своей записной книжкѣ за нѣсколько дней до смерти.

Послѣднія слова очень ярки и страшны. Представьте себѣ теперь Достоевскаго — 9 января 1905 г.

9 января 1905 года, въ лицѣ сотенъ тысячъ русскихъ рабочихъ, которые шли по петербургскимъ улицамъ на площадь Зимняго Дворца, съ дѣтьми и женами, съ образами и хоругвями, весь русскій народъ шелъ къ царю своему. „Такому ли народу отказать въ довѣріи?" Казалось бы, стоило только отвѣтить вѣрой на вѣру—и совершилось бы чудо любви; чудо соединенія царя съ народомъ. Казалось бы такъ, по Достоевскому. Но увы, мы знаемъ, что произошло, и чѣмъ отвѣтила власть народу...

Что же могъ бы сказать теперь Достоевскій? Только одно: Господи, прости—я поклонился не Истинѣ,—но потому, что слишкомъ страстно желалъ Истины.

Библіотека

Редакторъ-издатель *Арх. Михаилъ*.